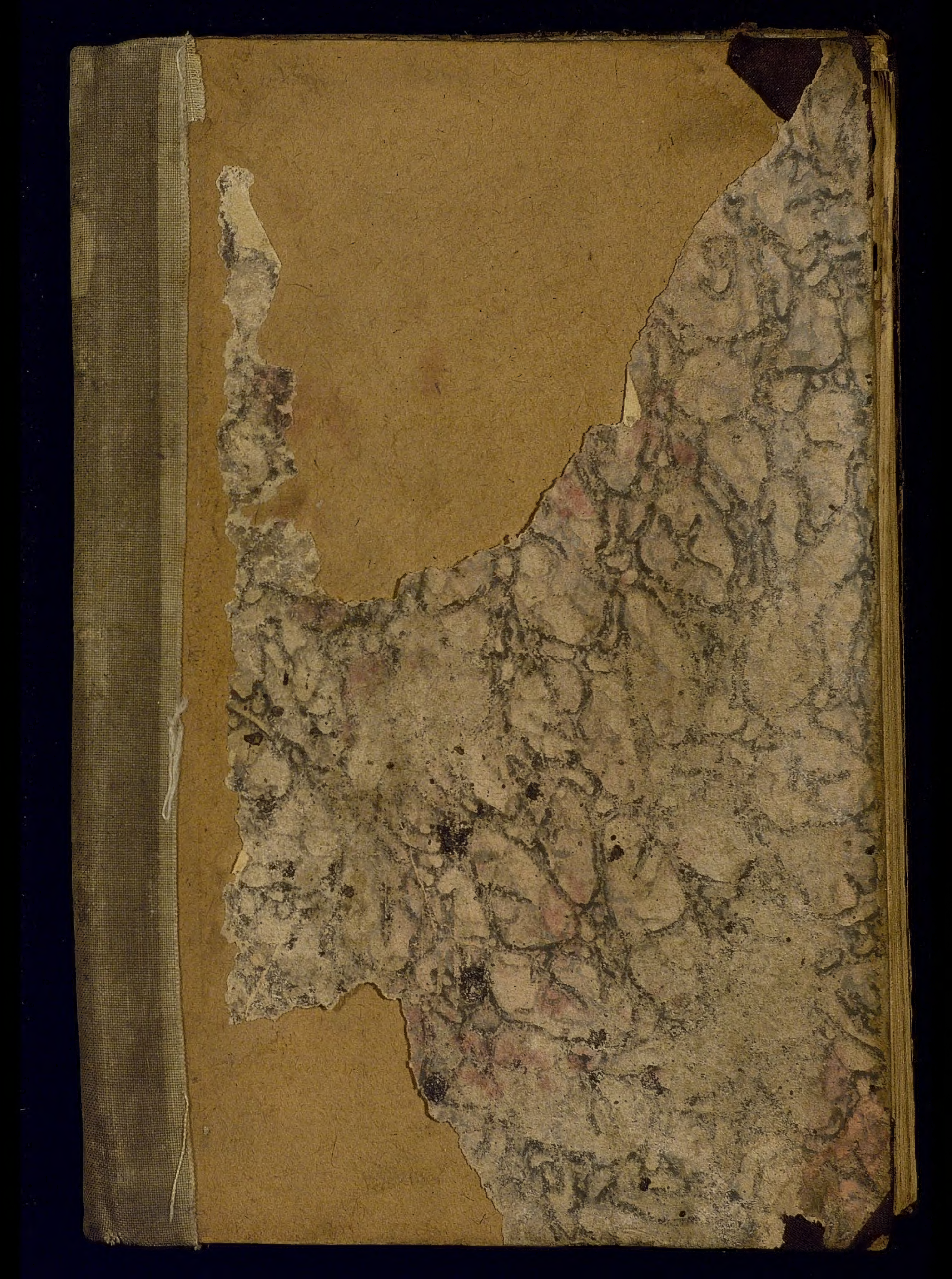
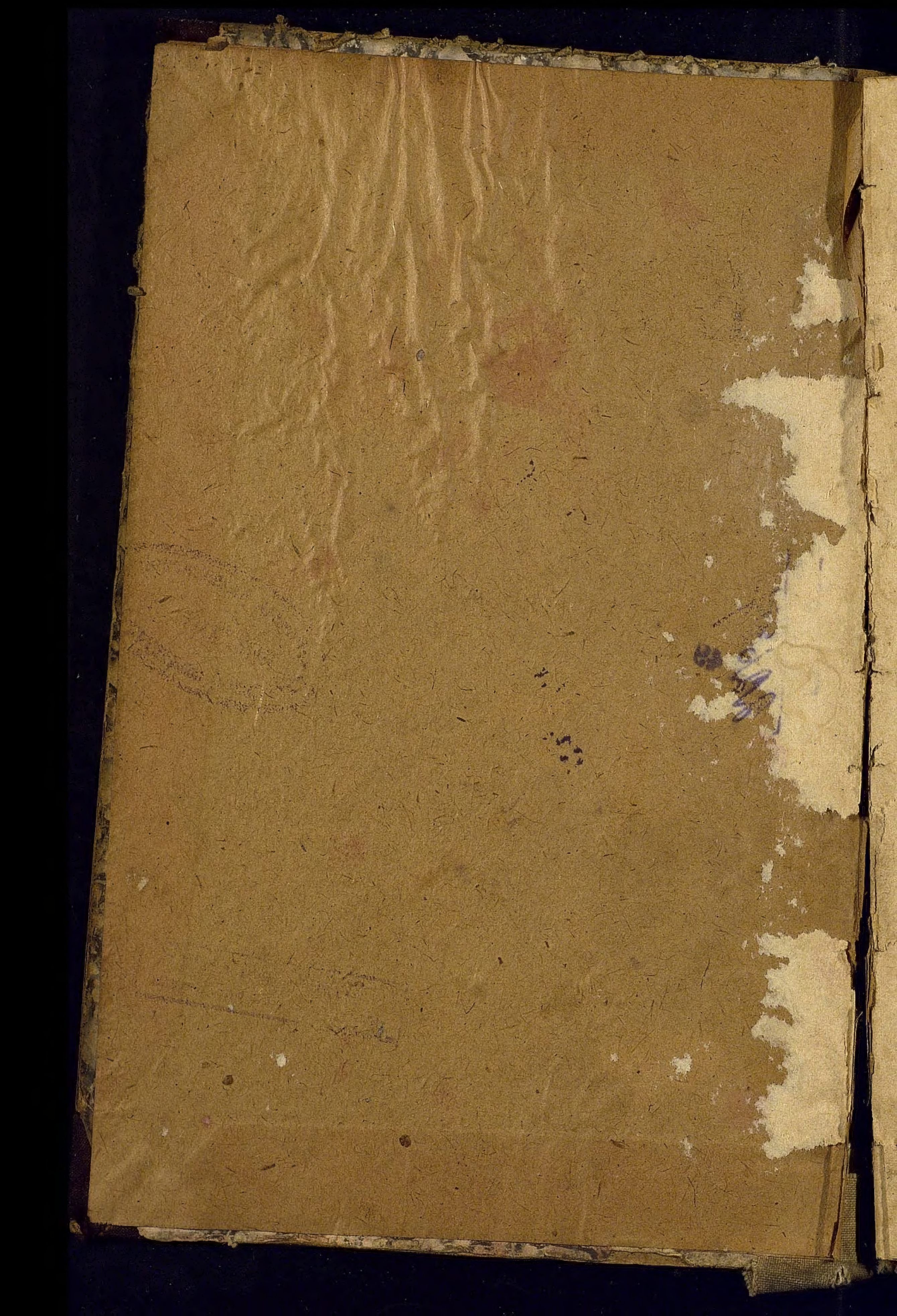




ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,

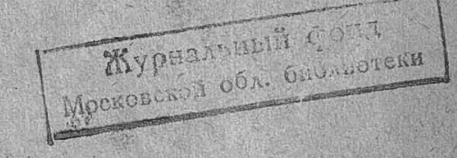
основанный М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

ПЯТЬДЕСЯТЪ ПЕРВЫЙ ГОДЪ.



ФЕВРАЛЬ.

Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.



ПЕТРОГРАДЪ.

1916.

Типографія т-ва „Общественная Польза", Б. Подъяческая, № 39.



СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ВТОРАЯ.—ФЕВРАЛЬ.

СТРАН.

I. ВЕЛИКІЙ МИТРА.—(Изъ капрійскихъ разсказовъ).—**Николая Олигера** . 5
II. ИЗЪ В. ГЮГО.—Стихотвореніе.—**С. Андреевскаго** 34
III. НА ВЫСТАВКѢ.—**Е. Шмурло** 37
IV. У ДРЕВНИХЪ БЕРЕГОВЪ МОРЕЙ.—Стихотвореніе.—**Г. Вяткина** . . . 53
V. РАТНИКЪ ОПОЛЧЕНІЯ.—**М. Кисина** 55
VI. СОМНѢНІЕ.—Стихотвореніе.—**А. Өедорова** 74
VII. ПО СИБИРИ.—**Вл. Войтинскаго** 75
VIII. ВЪ СТЕПЯХЪ ТУРКЕСТАНА.—Стихотвореніе.—**Изгнанника** 114
IX. СЭРЪ ЭДУАРДЪ ГРЕЙ. — **Р. Бланка** 116
X. АВТОБІОГРАФІЯ. (За 65 лѣтъ). — **Марка Кропивницкаго** 141
XI. ПРОЕКТЪ НОВАГО УНИВЕРСИТЕТСКАГО УСТАВА.—**И. А. Линниченко**.—
Съ примѣчаніемъ **Максима Ковалевскаго** 175
XII. НА ВЕРШИНѢ. Романъ Темпля Серстона.—(Продолженіе).—Пер. съ англ.
М. Славинской 200
XIII. ХРОНИКА.—ПѢШКОМЪ ОТЪ НИША ДО АДРІАТИЧЕСКАГО МОРЯ.—**Е. Д. Мягкова** 265
XIV. НАРОДНЫЙ ТЕАТРЪ.—**Д. Тальникова** 291
XV. СБЛИЖЕНІЕ СЪ ЗАПАДОМЪ.—**Л. Слонимскаго** 318
XVI. „ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО“ И КРЕСТЬЯНСКІЙ БАНКЪ. — **А. Посникова** . . 325
XVII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Банкетъ въ Нишѣ и политическія рѣчи участниковъ.—Положеніе дѣлъ на Балканахъ.—Неудавшаяся капитуляція Черногоріи.—Внутренній кризисъ въ Турціи.—Смерть наслѣдника и паденіе Эрзерума.—Набѣги цеппелиновъ и споры о блокадѣ.—Франсисъ Шармъ †. 334
XVIII. НА ТЕМЫ ДНЯ.—Послѣднія перемѣны въ составѣ министерства.—Свѣтъ, бросаемый прошедшимъ на настоящее.—Прогрессивный блокъ и Государственный Совѣтъ.—Движеніе въ церковной сферѣ.—Постановленія симбирскаго дворянства. — П. А. Ровинскій и Е. В. Павловъ †. — **К. Арсеньева** 347
XIX. ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ. — Разбойничья угроза по адресу всероссійскаго земскаго союза.—Рапортъ сенатора Крашенинникова о майскихъ безпорядкахъ въ Москвѣ. — Бездѣйствіе власти или завѣдомое попустительство? — Городскіе выборы въ Петроградѣ. — Графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ, П. А. Потѣхинъ и Е. Г. Шольцъ †. — **В. Кузьмина-Караваева** . . . .

СТРАН.

XX. ПЕРЕПИСЬ ПЕТРОГРАДА.—**Р. Стрѣльцова** 374

XXI. ШАЛЯПИНЪ.—(Къ 25-тилѣтію его артистической дѣятельности).—**Виктора Вальтера** 380

XXII. ЦѢНОЮ ЛЖИ.—(По поводу двухъ пьесъ: К. Брамсенъ „Счастье" и Винниченко „Ложь").—**Ѳ. Батюшкова** 392

XXIII. МЕЛОЧИ О П. Я. ЧААДАЕВѢ.—**С. П. Жихарева.**—Сообщилъ **Ч. Вѣтринскій** 396

XXIV. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Письма графа Л. Н. Толстого къ женѣ. 1862—1910. Изданіе второе, исправленное и дополненное.—„Бесѣды". Сборникъ Общества исторіи литературы въ Москвѣ.—**Ч. В—скаго.**— Проф. Е. Кагаровъ. Прошлое и настоящее египтологіи. — **Б. П. Иванова.** — Е. В. Тарле. Экономическая жизнь королевства Италіи въ царствованіе Наполеона I.—**Н. Карѣева.** — Проф. У. Макъ-Дауголлъ. Основныя проблемы соціальной психологіи.—**Питирима Сорокина.**— Вопросы финансовой реформы въ Россіи. Подъ редакціей проф. В. Я. Желѣзнова. И. А. Поплавскій. Желѣзнодорожный тарифъ и условія пересмотра желѣзнодорожныхъ тарифовъ въ Россіи въ 1914—15 гг.— Труды комиссіи по изученію современной дороговизны. Выпускъ II и III. Я. М. Букшпанъ. Міровая дороговизна. — **В. В.** — Гр. В. А. Дмитріевъ-Мамоновъ и З. Евзлинъ, подъ ред. проф. М. И. Боголѣпова. Деньги.—**Н. Кондратьева.**—Шарль Жидъ. Основы политической экономіи. Переводъ съ французскаго Виктора Сережникова. Подъ ред. прив.-доц. В. Ѳ. Тотоміанца.—**Н. Кондратьева.**—А. А. Поповъ. Популярныя таблицы по исторіи философіи, составленныя по В. Виндельбанду, кн. С. Н. Трубецкому и др. источникамъ. — **П. Юшкевича.**— Воронцовъ. А. Евдокимовъ и А. Петровъ. На пути къ высшей крестьянской школѣ.—**В. В.**—Общеобразовательныя поѣздки въ средней школѣ. — Изданіе мастерской учебныхъ пособій Бендерскаго земства. А. Грекуловъ.—**Н. Сума** 402

XXV БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ 426

XXVI. НОВЫЯ КНИГИ И БРОШЮРЫ 428

XXVII. ОБЪЯВЛЕНІЯ 430

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Рукописи, присылаемыя въ редакцію для просмотра, должны быть переписаны на пишущей машинѣ и на одной сторонѣ листа; на отвѣтъ редакціи и на возвратъ рукописи заказной бандеролью должны быть приложены марки.

Пріемъ редакторовъ: А. С. Посникова — по субботамъ отъ $4^1/_2$ до $5^1/_2$ ч. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго — по средамъ отъ 2 до 3 ч. (кромѣ праздниковъ).

Съ К. К. Арсеньевымъ—сношенія письменно по адресу: Царское Село, Церковная улица, д. Сутугиной.

Пріемъ секретаря—по средамъ отъ 11 до 1 ч., а также въ часы пріемовъ редакторовъ (кромѣ праздниковъ).



ВЕЛИКІЙ МИТРА.

(Изъ капрійскихъ разсказовъ).

— Посмотрите!—сказалъ высокій, длинноногій, рыжій человѣкъ, становясь въ живописную позу у праваго борта.—Посмотрите на этотъ превосходнѣйшій закатъ солнца... Предлагаемое вамъ зрѣлище отмѣчено звѣздочкой во всѣхъ лучшихъ путеводителяхъ!

Восемнадцать мужчинъ и двадцать три женщины, составлявшіе караванъ туристовъ, предводительствуемый рыжимъ человѣкомъ, поспѣшно поднялись со своихъ мѣстъ и столпились вокругъ гида. Гидъ вытянулъ надъ моремъ свой указательный палецъ, длинный и тонкій, какъ школьная указка. Рыжій человѣкъ цѣлился пальцемъ то туда, то сюда, и отчетливо выкрикивалъ на довольно скверномъ нѣмецкомъ языкѣ:

— Прямо передъ собою вы видите прославленный цѣлебными сѣрными источниками островъ Искію съ вулканомъ монте-Эпомео, весьма грознымъ, но нынѣ не дѣйствующимъ! Обратясь слегка вправо, вы замѣчаете низменную Прочиду и маленькую Понцу, на которую нѣкоторые изъ прославленныхъ цезарей отправляли нѣкоторыхъ своихъ родственниковъ. Что же касается до такъ называемой Низиды, то я имѣлъ уже честь отрекомендовать вамъ этотъ островъ еще во время вашего благополучнаго пребыванія въ Неаполѣ. Поэтому въ настоящее время мы обратимся влѣво и сосредоточимъ наше вниманіе на предметѣ, который служитъ сегодня цѣлью нашей экспедиціи!

Восемнадцать мужчинъ и двадцать три женщины повернулись влѣво.

— Предлагаемый вашему вниманію островъ Капри наиболѣе прославился своимъ голубымъ гротомъ, который вы будете имѣть удовольствіе посѣтить завтра, въ одиннадцать часовъ утра, согласно расписанію экспедиціи. Завтра же, во время путеше-

ствія на гору Тиберія,—желающіе могутъ за скромную доплату ѣхать на ослахъ, хотя дорога весьма удобна,—я почтительно надѣюсь ознакомить васъ съ нѣкоторыми данными изъ бурной исторіи острова. Что же касается до его внѣшняго вида, то его сіятельство лордъ Байронъ сравнилъ Капри съ саркофагомъ, волшебно поднявшимся со дна моря. Нѣкоторые другіе поэты сравнивали его съ застывшей волной. Обращаясь къ временамъ глубокой древности, мы видимъ, что еще предпріимчивые финикіяне...

Семнадцать мужчинъ разинули рты, а восемнадцатый вздохнулъ и отошелъ подальше. Должно быть, его недостаточно интересовали финикіяне. Гидъ неодобрительно покосился въ его сторону и, когда восемнадцатый безповоротно удалился на другой конецъ парохода, пожалъ плечами съ нѣкоторымъ презрѣніемъ. Впрочемъ, нельзя было и требовать слишкомъ многаго отъ этого восемнадцатаго: среди просвѣщенныхъ германцевъ и австрійцевъ онъ былъ единственнымъ варваромъ—русскимъ—и присталъ къ каравану совершенно случайно.

Гидъ откашлялся и съ новымъ рвеніемъ принялся тревожить давно истлѣвшія кости предпріимчивыхъ финикіянъ. А русскій, скучая, смотрѣлъ на пламенѣвшее въ закатѣ монте-Эпомео, на широкіе паруса рыбачьихъ барокъ, отъ которыхъ тянулись по неподвижной водѣ длинныя отраженія—тѣни, на розовые клочья дыма, медленно таявшіе позади парохода. Въ удобствахъ путешествія съ караваномъ онъ разочаровался съ перваго же дня поѣздки, а гнетущая власть рыжаго гида становилась временами почти невыносимой. Но выдѣлиться изъ каравана и продолжать поѣздку самостоятельно — слишкомъ хлопотно. Кромѣ того, предусмотрительная контора «Кука и сыновей» получила всѣ деньги впередъ и едва-ли согласится вернуть ихъ обратно, а русскій отнюдь не былъ «бояриномъ», который можетъ безнаказанно выбросить лишнюю горсточку золота. Въ отельныхъ книгахъ онъ скромно отмѣчалъ въ подобающей графѣ: «литераторъ». И, говоря по правдѣ, его имя еще не гремѣло.

Къ русскому подошелъ комиссіонеръ. Не слѣдуетъ оставлять иностранцевъ въ одиночествѣ, отдавая ихъ во власть собственныхъ мыслей. Это дурно отзывается на доходахъ страны. Комиссіонеръ, какъ и гидъ, говорилъ по-нѣмецки. Со временъ любвеобильнаго заводчика Круппа съ тремя четвертями иностранцевъ приходится говорить по-нѣмецки.

Для перваго знакомства комиссіонеръ предложилъ съ полдюжины отельныхъ карточекъ.

Нѣтъ, русскому не нужны эти карточки. Объ отелѣ позаботятся Кукъ и сыновья.

— Можетъ быть, самое лучшее кафэ?

— Нѣтъ, Кукъ и сыновья знаютъ всѣ кафэ не хуже комиссіонера.

— Тогда—превосходная, единственная въ мірѣ тарантелла! Господинъ иностранецъ слышалъ что-нибудь про танцовщицу Каролину?

— Разумѣется. Тарантелла уже назначена на завтра, въ четыре пополудни.

Комиссіонеръ задумался. На его подвижномъ загорѣломъ лицѣ промелькнула даже смутная тѣнь отчаянія. Потомъ онъ поднялъ свой коротенькій палецъ съ грязнымъ обломаннымъ ногтемъ.

— Вотъ эта обрывистая гора, крайняя слѣва, называется монте-Тиберіо. Отсюда вы можете уже видѣть на самой вершинѣ позолоченную статую...

Съ другого конца парохода донесся въ эту минуту пронзительный голосъ рыжаго гида:

— Позолоченная статуя на вершинѣ изображаетъ Мадонну и сооружена благочестивыми моряками острова на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда императоръ Тиберій...

Русскій укоризненно посмотрѣлъ на комиссіонера, и тотъ скромно опустилъ глаза. Да, фирма Кукъ и сыновья слишкомъ чисто работаетъ для того, чтобы послѣ нея еще можно было бы чѣмъ-нибудь поживиться. Впрочемъ, русскій былъ молодъ и крѣпокъ здоровьемъ,—и это обстоятельство открыло, наконецъ, комиссіонеру еще не занятое поприще.

— Хорошенькія женщины и съ какимъ темпераментомъ... Господинъ, навѣрное, предпочитаетъ брюнетокъ? Ну, такъ здѣсь почти всѣ—брюнетки, и все-таки господину не обойтись безъ посторонней помощи... Семейные нравы здѣсь очень строги. И, кромѣ того, вы понимаете, каморра, кровавая месть... Или просто сбросятъ съ какой-нибудь скалы! А при моемъ содѣйствіи все обойдется очень дешево и вполнѣ безопасно. Я только дамъ вамъ нѣсколько необходимыхъ совѣтовъ.

Въ глубинѣ души русскій именно мечталъ немножко о каморрѣ, о тайныхъ ударахъ отравленнымъ кинжаломъ и о крутыхъ утесахъ. Поэтому къ новому предложенію комиссіонера онъ отнесся болѣе, чѣмъ холодно. Нѣтъ ужъ, если ему суждено внести какое-нибудь яркое разнообразіе въ свою жизнь на этомъ островѣ любви...

— Мнѣ ничего не нужно!—сказалъ русскій, выговаривая слова еще хуже самого комиссіонера. — Оставьте меня въ покоѣ...

— Если современемъ господинъ передумаетъ, то, конечно, онъ обратится только ко мнѣ... Я имѣю рекомендательныя письма...

— Я не передумаю!

И, чтобы отвязаться отъ комиссіонера, русскій изъ двухъ золъ выбралъ меньшее: онъ вернулся къ рыжему гиду.

Пароходъ подошелъ уже къ берегу острова такъ близко, что можно было разсмотрѣть каждое разбитое стекло въ окнахъ грязноватыхъ домиковъ на пристани. Туристы прятали въ сумки кодаки и бинокли, надѣвали плотнѣе дорожныя шапочки и застегивали пиджаки. Дамы, болѣе подверженныя заботамъ о матеріальныхъ благахъ, искали свой багажъ.

— Черезъ полчаса я буду имѣть честь предложить вамъ обѣдъ въ отелѣ!—объяснилъ гидъ, заглядывая въ огромную записную книгу, которой принадлежала рѣшающая роль въ судьбахъ экспедиціи.—Затѣмъ, въ одиннадцать часовъ вечера, желающіе могутъ совершить прогулку при лунномъ свѣтѣ въ гротъ Митромaніи, — сухопутный и легко доступный даже для пожилыхъ. Страдающимъ подагрой и ревматизмомъ совѣтую остаться въ отелѣ. Но ставлю на видъ, что прогулка будетъ очень интересна съ точекъ зрѣнія исторической, культурной, эстетической и художественной. Въ настоящее же время я почтительно прошу принять отъ меня вотъ эти билетики съ обозначенными на нихъ номерами отельныхъ комнатъ. Госпожа Цецилія Шмитъ получаетъ номеръ третій... Господинъ Карлъ Химмельблюмъ получаетъ номеръ четвертый, госпожи Марія и Анна Шульце получаютъ номеръ пятый, съ двумя кроватями... Комнаты снабжены всѣми необходимыми удобствами, а также свѣжимъ постельнымъ бѣльемъ, въ чемъ наша фирма даетъ свою гарантію...

Туристы и туристки подходили по очереди и покорно получали билетики. Русскій оказался самымъ послѣднимъ по счету, — сорокъ первымъ,—и на его комнату пришлось цѣлыхъ три кровати, такъ что онъ долженъ былъ раздѣлять свой сонъ съ булочникомъ изъ Франкфурта и отставнымъ медицинскимъ совѣтникомъ изъ Кенигсберга.

Русскій посмотрѣлъ на сказочно причудливыя горы, казавшіяся прозрачными въ вечернемъ полусвѣтѣ, на разбросанные бѣлые домики, спрятанные въ зелени маслинъ,—и подумалъ, что на такомъ уютномъ островкѣ можно, пожалуй, обойтись и со-

всѣмъ безъ комнаты. Булочникъ, навѣрное, храпитъ,—нельзя не храпѣть съ такой воловьей шеей и малиновымъ носомъ,—а медицинскій совѣтникъ кашляетъ и боится сквозняковъ.

Съ парохода на пристань караванъ перевезли въ трехъ большихъ лодкахъ.

— Стоимость этого перевоза уже оплачена компаніей,— добросовѣстно предупредилъ гидъ, когда старшина перевозчиковъ зазвенѣлъ мѣдью въ деревянномъ ящичкѣ.—Перевозъ оплаченъ полностью, но желающіе могутъ дать по одному сольдо на макароны...

Русскій опустилъ въ ящикъ никкелевую монетку въ двадцать чентезимовъ. Это было некультурно и противорѣчило правиламъ компаніи Кукъ и сыновья,—и гидъ явно обидѣлся.

На пристани ревѣли ослы, лягались мулы, щелкали бичами извозчики, изступленно вопили комиссіонеры и ругались женщины-носильщицы. Было очень тѣсно и безтолково, и слишкомъ сильно пахло чеснокомъ, потомъ и прокислымъ виномъ. Одна изъ сестеръ Шульце наступила русскому на мозоль, а медицинскій совѣтникъ, отмахиваясь отъ носильщицъ, угодилъ ему въ бокъ острымъ концомъ альпійской палки. Но гидъ увѣренно ринулся впередъ,—такой длинный, рыжій и величественный. Люди, ослы и лошади разступались передъ нимъ, какъ волны передъ тараномъ броненосца,—и весь караванъ благополучно добрался до широко открытыхъ дверей фюникюлера.

Гидъ, дирижируя посадкой въ подъемный вагонъ, ни на мгновеніе не забывалъ о своихъ священныхъ обязанностяхъ и звучно выкрикивалъ:

— Городъ расположенъ вверху, на живописномъ плоскогорьѣ... Господинъ Химмельблюмъ, вы потеряете вашъ бинокль: затяните потуже ремень... Высота подъема—сто тридцать восемь метровъ! Большое удобство для путешественниковъ, сокращающее время и уменьшающее расходы... Госпожа Кнакфусъ, не высовывайтесь такъ далеко за рѣшетку! Компанія отвѣчаетъ только за тѣ несчастные случаи, которые произошли по винѣ ея собственныхъ агентовъ... Вообще за послѣднее время островъ принялъ вполнѣ культурный видъ, чему не мало способствовали ваши уважаемые соотечественники. Въ большомъ кафэ, наиболѣе посѣщаемомъ иностранцами, всегда имѣется настоящее мюнхенское пиво... Госпожа Цецилія Шмитъ, вы недовольны вашимъ мѣстомъ? Прошу извиненія, мы сейчасъ уже подпимемся...

Скалы, дома, виноградники поползли внизъ. Завизжалъ стальной канатъ на плохо смазанныхъ блокахъ. Дамы вскрики-

вали нѣсколько громче, чѣмъ позволяютъ приличія. Медицинскій совѣтникъ поблѣднѣлъ и крѣпко сжалъ въ рукахъ альпійскую палку.

— Великолѣпно! — сказалъ мужественный булочникъ изъ Франкфурта.—Удивительно хорошо!

— Ничего нѣтъ хорошаго! — возразила его сосѣдка, женщина желтая и очень худощавая, похожая на учительницу рукодѣлія.—Слишкомъ трясетъ.

— Но посмотрите же въ Бедекерѣ... Тамъ прямо сказано: «по мѣрѣ подъема развертывается восхитительная панорама»... Что?

— Это если вы поднимаетесь по шоссе, на извозчикѣ! Здѣсь ничего не видно, кромѣ виноградниковъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Господинъ гидъ, почему же вы не предупредили, что это совсѣмъ не та панорама, о которой написано?

— Я очень огорченъ, но этотъ подъемъ обойдется моимъ уважаемымъ кліентамъ дешевле на полтора франка съ персоны. Долгъ компаніи... Вы имѣли что-то сказать, господинъ... господинъ...

Гидъ никакъ не могъ запомнить варварскаго славянскаго прозвища. Русскій открылъ ротъ, чтобы отвѣтить, но въ это время вагонъ встряхнулся въ послѣдній разъ и остановился у верхней платформы. Гидъ ринулся впередъ, уважаемые кліенты—слѣдомъ.

Русскій остановился въ раздумьѣ посреди маленькой площади. Путешествіе съ караваномъ становилось все скучнѣе и русскій готовъ уже былъ предать самымъ злостнымъ проклятіямъ ту минуту своей жизни, которая соединила его съ фирмой Кукъ и сыновья. Онъ ничего не имѣлъ лично ни противъ булочника, ни противъ медицинскаго совѣтника, ни противъ сестеръ Шульце, ни даже противъ самого рыжаго гида. Но всѣ въ совокупности они представляли собою нѣчто единое—и это единое... Отъ него гасло солнце и линяли яркія краски. Русскій искалъ темъ и вдохновеній. Его не могли вдохновить сестры Шульце,—а между тѣмъ, онѣ заслонили отъ него весь остальной міръ, полный сладкихъ тайнъ и радостныхъ встрѣчъ.

Кошелекъ русскаго совсѣмъ не оттягивалъ кармана: онъ былъ тощъ, какъ плохо выпеченный блинъ. Да, пусть гдѣ-то тамъ свѣтитъ солнце и благоухаютъ цвѣты... Все равно! Цѣпи надѣты и придется терпѣливо нести ихъ до самаго конца.

— Почтительно прошу не слишкомъ отставать!—кричалъ

гидъ съ другого конца площади.—Мы имѣемъ до обѣда только четверть часа! Всѣ ли сохранили свои билетики?

Отель—небольшой, старинный, со столѣтними пальмами въ запущенномъ саду. Караванъ наполнилъ его биткомъ, и пара жирныхъ кошекъ, мирно дремавшая въ вестибюлѣ, опрометью бросилась на улицу, перепуганная хоромъ изъ сорока голосовъ, охрипшихъ отъ утомленія и голода. Управляющій носился, какъ вихрь, изъ верхняго этажа въ нижній, изъ вестибюля въ кухню, щелкалъ по стриженымъ затылкамъ лѣнивыхъ «пикколо» и змѣей шипѣлъ на лакеевъ. Госпожа Кнакфусъ требовала, чтобъ ей перемѣнили комнату, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказавшуюся ванной, и угрожала истерикой. Гидъ впопыхахъ чуть не помѣстилъ обиженную даму къ какому-то лейтенанту запаса. Тѣмъ не менѣе, черезъ четверть часа все уладилось, и въ столовой запахло супомъ.

Аппетитъ у русскаго былъ хорошій,—и часъ, мирно проведенный за обѣденнымъ столомъ, нѣсколько примирилъ его съ невзгодами жизни. Какіе-то досужіе художники сплошь расписали всѣ стѣны столовой пестрою смѣсью классическихъ, мѣстныхъ и явно нѣмецкихъ сюжетовъ. На фонѣ лазурнаго острова улыбался бородатый рождественскій дѣдъ, нагруженный игрушками и пачками бреславльскихъ пряниковъ. На противоположной стѣнѣ нескромно обнажалась пухленькая, какъ сдобная булочка, сирена. Въ глубинѣ, изъ-за уютной хижинки, обвитой виноградомъ, величественно поднимался юноша въ каскѣ и при всѣхъ аттрибутахъ античнаго воина.

За скромнымъ дессертомъ изъ незрѣлаго апельсина и горсточки виноградныхъ ягодъ, русскій разсматривалъ эту забавную живопись, набросанную бѣгло, но умѣло. Краски уже сильно потемнѣли, кое-гдѣ осыпались, и большое пятно сѣрой штукатурки сидѣло, какъ пластырь, на груди воина. Глядя на наивные подарки бородатаго дѣда, русскій думалъ, что въ старыя времена, когда возникла эта живопись, здѣсь, должно быть, жилось веселѣе, теплѣе и уютнѣе. И каждый туристъ пріѣзжалъ сюда, жилъ, сколько хотѣлось, а потомъ уѣзжалъ по собственной волѣ. Время шло неторопливо, и у путешествующихъ живописцевъ оставалось достаточно свободныхъ часовъ, чтобъ оставить на память своимъ послѣдователямъ полнотѣлую сирену или рождественскаго дѣда.

О, добрые, тихіе, незлобные старые дни... Русскій былъ сытъ, а полный желудокъ располагаетъ къ сентиментальности. Онъ глубоко вздохнулъ и даже посмотрѣлъ примиренными гла-

зами на госпожу Кнакфусъ, когда слишкомъ знакомый голосъ разнесся по всей столовой, какъ удары мѣднаго гонга:

— Почтительно рекомендую тѣмъ дамамъ и господамъ, которые чувствуютъ нѣкоторую усталость, посвятить часъ или полтора полному отдыху. Открытыя письма съ мѣстными видами можно пріобрѣсти у портье. Салонъ для письменныхъ занятій находится рядомъ со столовой, первая дверь направо. Передъ отправленіемъ въ нашу вечернюю экспедицію совѣтую тоже посѣтить кафэ. Вы боитесь, что облака закроютъ луну, господинъ медицинскій совѣтникъ? Смѣю васъ увѣрить, что за всю мою дѣятельность не было ни разу такого прискорбнаго случая. Здѣшнія облака только улучшаютъ художественный эффектъ.

Рождественскій дѣдъ поблѣднѣлъ и чуть не разсыпалъ всѣ свои бреславльскіе пряники, а госпожа Кнакфусъ опять сдѣлалась похожей, какъ двѣ капли воды, на вяленую селедку. Отдыхать? Какъ можно отдыхать въ ожиданіи лунной ночи? А что касается этого рекомендуемаго кафэ, то рыжій гидъ, навѣрное, получаетъ тамъ порядочный процентъ. Русскій твердо рѣшилъ не отдыхать и не ходить въ кафэ. Со шляпой въ рукѣ и нераскуренной папиросой въ зубахъ, онъ вышелъ изъ отеля, повернулъ налѣво, потому что направо улица вела на уже знакомую площадь, и зашагалъ по большимъ каменнымъ плитамъ мостовой.

Уже совсѣмъ стемнѣло. Темнота лежала всюду,—синевато-черная, южная, плотная и неподатливая, какъ ткань. Надъ головами прохожихъ покачивались электрическія лампочки, прицѣпленныя къ проводамъ, протянутымъ поперекъ улицы. Отъ этихъ лампочекъ падали на мостовую неширокіе круги красноватаго свѣта, но за предѣлами рѣзко очерченныхъ круговъ бархатная темнота держалась плотно и упрямо.

Кое-гдѣ были еще освѣщены маленькіе, словно игрушечные магазины съ кружевами и вышивками, кораллами и черепаховыми издѣліями,—все вещи, ненужныя обыкновенному смертному, но чрезвычайно привлекательныя для путешествующихъ караванами. Въ парикмахерской молодые люди въ бѣлыхъ халатахъ и красныхъ галстукахъ играли дуэтомъ,—на мандолинѣ и гитарѣ, третій подпѣвалъ вполголоса какую-то неаполитанскую пѣсенку. Русскій прислушался. Выходило недурно. И такъ кстати пахнуло откуда-то густымъ, слегка терпкимъ запахомъ цвѣтовъ и апельсиновъ.

Вотъ она, наконецъ, Италія безъ рыжаго гида и медицинскаго совѣтника. Правда, здѣсь, на этомъ кусочкѣ земли, все приноровлено только для туриста, все поетъ хвалу его жадному

взгляду и полнымъ карманамъ. Но даже сквозь искусственно созданную оболочку стихійно пробивается народная душа: извѣчное, неодолимое чувство настоящей красоты и радости жизни.

Русскій остановился въ свѣтломъ кругу, чтобъ еще нѣсколько мгновеній послушать музыку. Но изъ бархатной, благовонной темноты вдругъ пришелъ скрипучій голосъ, удивительно похожій на голосъ гида:

— Кораллы, хорошіе кораллы! Кораллы, дешевые кораллы! Купите кораллы, синьоръ...

Изъ другого угла вкрадчиво зашептали чьи-то уста, наполненныя ядомъ стяжанія:

— Открытыя письма, альбомы, иллюстрированный путеводитель, сувениры Капри! Дешево и хорошо для подарковъ, синьоръ...

И одинъ изъ молодыхъ людей въ красномъ галстухѣ, не переставая звенѣть на мандолинѣ, сказалъ совершенно отчетливо однимъ только своимъ выразительнымъ взглядомъ, направленнымъ прямо на иностранца:

— Не желаете ли побриться, синьоръ?

Русскій нахлобучилъ шляпу и поспѣшно сошелъ съ освѣщеннаго пятна мостовой. Онъ не былъ ни раздосадованъ, ни разочарованъ. Онъ просто былъ немножко обиженъ. И если бы онъ владѣлъ достаточно бѣгло роднымъ языкомъ всѣхъ этихъ господъ, онъ, пожалуй, сказалъ бы имъ что-нибудь въ родѣ вотъ этого:

— Господа, я пришелъ къ вамъ съ чистымъ сердцемъ и открытой душой, чтобы поучиться у васъ радости и красотѣ,— двумъ хорошимъ вещамъ, которыя не продаются ни на вѣсъ, ни поштучно! Но вы сначала навязали мнѣ на шею рыжаго гида а теперь хотите окончательно задушить открытыми письмами и коралловымъ ожерельемъ. А вы, господинъ въ красномъ галстухѣ, вы—хорошій музыкантъ, но, навѣрное, прескверный парикмахеръ. Брейте медицинскаго совѣтника, если вамъ такъ угодно, а меня оставьте въ покоѣ. Я—варваръ, я—скиѳъ, вы понимаете? У меня большая душа и маленькій кошелекъ!

Но русскій не сказалъ ничего подобнаго, а молча пошелъ впередъ,—и это было, пожалуй, самое лучшее изъ всего, что только онъ могъ сдѣлать. Съ главной улицы онъ свернулъ въ первый попавшійся переулокъ, узкій, какъ врата рая, и темный, какъ преисподняя. Здѣсь ему пришлось спотыкаться о камни, а временами пробираться ощупью, придерживаясь распростертыми руками за обѣ противоположныя стѣны,—но зато здѣсь было

совсѣмъ пустынно и впереди не угрожала ни одна освѣщенная витрина.

Только послѣ пятаго или шестого поворота за слѣдующимъ угломъ—вдругъ мелькнулъ слабый розовый огонекъ, непохожій на назойливое сверканіе электричества. Русскій подошелъ ближе и въ нишѣ каменнаго забора увидѣлъ гипсовую Мадонну съ тщательно раскрашеннымъ, нарумяненнымъ лицомъ, въ настоящихъ бѣлокурыхъ локонахъ и въ шелковомъ вышитомъ платьѣ. Передъ Мадонной горѣла лампада. И русскій почтительно приподнялъ только-что нахлобученную шляпу передъ этимъ милымъ осколкомъ наивной старины.

Потомъ русскій долго еще бродилъ по прихотливо запутаннымъ переулкамъ, поднимался по какимъ-то лѣстницамъ, спускался по засыпаннымъ щебнемъ крутизнамъ, стараясь обходить подальше изрѣдка мелькавшія электрическія лампочки. Иногда передъ нимъ выростали какія-то зданія, похожія на скалы, и скалы, похожія на зданія, а колючій кустарникъ, какъ живой, ревниво хваталъ его за платье,—и все это было загадочно, таинственно и необыкновенно хорошо.

Мало-по-малу русскій потерялъ всякое представленіе о томъ, гдѣ онъ теперь находится. Иногда ему чудилось, что гдѣ-то совсѣмъ близко внизу, почти у самыхъ ногъ, слышится тихій плескъ дремлющаго вечерняго моря. Но черезъ нѣсколько минутъ онъ невольно останавливался передъ отвѣснымъ обрывомъ, въ бездонной глубинѣ котораго не было ничего, кромѣ все той же бархатной, непреодолимой темноты. И такъ хорошо было вѣрить, что открытки и парикмахеры не совсѣмъ еще загубили сказочную тайну лазурнаго острова. Сказки еще живы. И гдѣ-нибудь тутъ, близко, въ потаенныхъ гротахъ и въ глубинѣ неприступныхъ обрывовъ, притаились обезсиленные боги и герои.

А у кого же, если не у этихъ боговъ, хранится секретъ древней радостной красоты?

Русскій перевалилъ черезъ холмъ и началъ спускаться въ долину. Здѣсь уже не было ни хижинъ, ни виллъ, тропинка расширилась, и по сторонамъ ея тянулись одни только полуразрушенные, сложенные безъ всякаго цемента, каменные заборы. Оливковыя деревья казались въ темнотѣ пепельно-сѣрыми, и этотъ пепельный оттѣнокъ все свѣтлѣлъ, а верхушки деревьевъ сдѣлались совсѣмъ серебряными. Русскій оглянулся и увидѣлъ огромный сверкающій кругъ выходившей изъ-за горъ луны.

Полосы все того же серебрянаго свѣта побѣжали по долинѣ,

разбивались на камняхъ, текли по тропинкамъ, съ утесовъ стремглавъ бросились въ море и чешуйчатыми змѣйками заскользили по гребнямъ волнъ. Что-то зашуршало въ густыхъ заросляхъ дрока по краямъ тропинки; должно быть, робкіе ночные звѣрки спасались отъ стрѣлъ Діаны-охотницы. Вѣдь давно уже вывелись олени и вепри,—и даже на нихъ, ничтожныхъ, можетъ обратить свой усталый взоръ богиня.

Тропинка выбѣжала на мощеную дорожку. Русскій пошелъ по ней безъ всякаго раздумья, потому что каждая пядь острова была теперь для него одинаково прекрасна.

Нѣтъ, что-то слишкомъ разбушевались звѣрки. И гдѣ-то съ грохотомъ посыпался щебень, что-то тяжеловѣсное глухо и дробно стучало по дорожнымъ плитамъ. Русскій остановился, чтобы прислушаться—но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ разобраться во всемъ этомъ шумѣ и топотѣ, на него уже свалилась откуда-то сверху лавина изъ человѣческихъ тѣлъ, подкованныхъ гвоздями башмаковъ, клѣтчатыхъ пледовъ, мохнатыхъ ульстеровъ и короткихъ драповыхъ юбокъ. Лавина подхватила русскаго и понесла его съ собой. Двѣ сестры Шульце подталкивали его сзади, медицинскій совѣтникъ угрожалъ альпенштокомъ и добросовѣстный булочникъ изъ Франкфурта совалъ ему въ носъ свой бедекеръ. А во главѣ всего этого мчался слишкомъ знакомый, высокій, длинноногій человѣкъ и выкрикивалъ слишкомъ знакомымъ отчетливымъ голосомъ:

— Черезъ двѣ съ половиною минуты—или немного меньше—мы дойдемъ до пункта, гдѣ дорога развѣтвляется туда и сюда! Имѣется маленькое кафэ, но, къ сожалѣнію, ночью оно закрыто. Туда—мы попадемъ къ Арко Натурале,—игра природы, не наблюдаемая нигдѣ въ другомъ мѣстѣ. Сюда—къ гроту Митроманіи, о которомъ уже упомянуто. Почтительно прошу держаться вмѣстѣ! Для близорукихъ тропинка будетъ нѣсколько опасна!

Разумѣется, русскій могъ бы сопротивляться. Онъ могъ бы кричать, протестовать и, въ крайнемъ случаѣ, исчерпавъ всѣ убѣжденія, пустить въ ходъ даже грубую силу. Но онъ былъ слишкомъ ошеломленъ и, кромѣ того, его мягкая натура не такъ уже легко вступала на путь протеста. Онъ смирился и молча отдался натиску двухъ сестеръ Шульце. И такъ же молча добрался до Арко Натурале,—огромной каменной арки, сквозь стрѣльчатый пролетъ которой далеко внизу змѣилось лунными бликами море. Гидъ разсказалъ обстоятельно, что въ незапамятныя времена островъ былъ погруженъ въ море гораздо глубже, чѣмъ теперь, и какъ разъ вотъ у этой самой арки проходила

черта тогдашняго прибоя. А потомъ произошла катастрофа («колоссальная катастрофа, съ вашего позволенія!») и Арка поднялась вмѣстѣ со всѣмъ островомъ на высоту нѣсколькихъ сотъ метровъ.

Медицинскій совѣтникъ замѣтилъ съ нѣкоторымъ недовѣріемъ:

— Это еще нуждается въ провѣркѣ! Я не люблю слишкомъ смѣлыхъ теорій...

Но всѣ остальные приняли сторону гида. Вѣдь совершенно то же самое было написано и въ путеводителѣ.

— Удивительная картина, не правда ли?—спросила русскаго госпожа Кнакфусъ. Тропинка въ этомъ мѣстѣ была очень узка, а госпожа Кнакфусъ страдала головокруженіемъ.

— Я не знаю!—простодушно отвѣтилъ русскій. — Мнѣ кажется, что въ этой картинѣ есть что-то лишнее.

Потомъ вернулись обратно къ развѣтвленію дороги и начали спускаться въ адъ. Такъ опредѣлилъ, по крайней мѣрѣ, булочникъ изъ Франкфурта, и его горячо поддержали два прусскихъ учителя и лейтенантъ запаса. Грубо сложенная лѣстница лѣпилась кое-какъ по крутому склону, а рѣзкія лунныя тѣни покрывали ее несуществующими провалами.

— Итальянскія дороги вообще содержатся не въ надлежащемъ порядкѣ!—утѣшалъ гидъ.—Очень прошу извиненія, но эта лѣстница считается легко проходимой.

Караванъ растянулся въ длинную линію, и сосредоточенное молчаніе только изрѣдка нарушалось краткими и нѣсколько злобными возгласами:

— Уберите ваши ноги!

— Послушайте, что вы дѣлаете съ моей головой? Развѣ вы не видите, что это моя голова?

— Простите, но здѣсь такъ круто...

— Если у васъ насморкъ, то вы могли остаться въ отелѣ, милостивая государыня... Развѣ вы не понимаете, что, вынимая платокъ каждыя двѣ минуты, вы задерживаете шествіе?

Русскій старался быть самымъ тихимъ и самымъ незамѣтнымъ. Въ шумной толпѣ изъ четырехъ десятковъ человѣкъ было бы совсѣмъ не трудно затеряться, если бы коммерціи совѣтникъ Штубе и младшая изъ сестеръ Шульце,—Анна,— не атаковали его одновременно съ двухъ сторонъ. Сестра Шульце справлялась, нѣтъ ли у русскаго карманнаго фонаря. Коммерціи совѣтникъ предлагалъ ему присоединить свою подпись къ петиціи, направленной противъ злоупотребленій фирмы Кукъ и сыновья.

— У меня нѣтъ карманнаго фонаря. Я никогда не подписываю никакихъ петицій.

Ему казалось, что онъ далъ вполнѣ исчерпывающій отвѣтъ, но младшая Шульце, за неимѣніемъ фонаря, попросила вести ее подъ руку, а коммерціи совѣтникъ возбудилъ принципіальный вопросъ о пользѣ петицій. Въ качествѣ подкрѣпленія онъ привлекъ франкфуртскаго булочника и госпожу Цецилію Шмитъ.

— Очень хорошо!—сказалъ русскій.—Я подпишу все, что вамъ будетъ угодно, когда мы вернемся въ отель... Осторожнѣе, здѣсь слишкомъ высокая ступенька!

Діана-охотница шла гдѣ-то тамъ, высоко, по синему звѣздному пастбищу, купала свои золотыя стрѣлы въ прохладномъ соленомъ морѣ. Гдѣ-то чутко дремали старыя морщинистыя скалы, гдѣ-то робко раскрывали свои вѣнчики пахучіе ночные цвѣты. Но все это было—гдѣ-то тамъ... А вблизи русскій видѣлъ только мохнатые ульстеры и короткія суконныя юбки, и острые альпенштоки угрожали ему, вмѣсто божественныхъ стрѣлъ. Голова у него кружилась и во рту было горько, какъ послѣ кружки сквернаго пива.

Гидъ рявкнулъ надъ самымъ ухомъ:

— Сто восемьдесятъ ступеней! Мы находимся у цѣли нашего путешествія.

И затѣмъ онъ юркнулъ въ какой-то тѣсный проходъ между причудливо нагроможденными скалами, приглашая уважаемую публику слѣдовать по его пятамъ. Тропинка была завалена крупнымъ булыжникомъ. Кто-то упалъ,—и, судя по тяжелому грохоту, это былъ булочникъ. Цецилія Шмитъ сказала голосомъ, прерывающимся отъ тоски и отчаянія:

— Боже мой, если бы все это видѣла моя покойная мама!

Булочника подняли, поставили на ноги и удостовѣрились, что онъ не получилъ никакихъ крупныхъ поврежденій.

Гротъ былъ довольно великъ и глубоко уходилъ въ толщу скалы, но луна поднималась надъ моремъ, какъ разъ противъ его широкаго входа, и потому въ гротѣ было свѣтло, какъ днемъ. Кое-гдѣ со сводовъ падали прозрачныя водяныя капли и, падая, сверкали, какъ алмазы. Вдоль правой стѣны грота громоздилась древняя, полуразрушенная каменная кладка, а въ самой глубинѣ—скала, явно обдѣланная человѣческими руками, закруглялась подковой, на подобіе маленькаго амфитеатра. Надъ амфитеатромъ была темная ниша. Вотъ и все. Послѣ пережитыхъ волненій это показалось членамъ каравана слишкомъ незначительнымъ,—и

чуткое ухо гида уловило смутный ропотъ, грозившій перейти въ шумный вопль возмущенія.

Нельзя было терять времени. Гидъ поспѣшно протиснулся впередъ, вскочилъ на ступень амфитеатра, неподалеку отъ ниши. На темномъ фонѣ вся его длинная фигура засверкала въ лунномъ сіяніи, и это было почти величественно. Гидъ поднялъ руку, какъ ораторъ, требующій слова,—и собравшаяся у его ногъ толпа нѣсколько притихла.

— Ставлю на видъ, что въ настоящій моментъ мы находимся въ гротѣ Митры, надъ которымъ царитъ мрачная и, даже скажу я, кровавая тайна! Какъ, разумѣется, извѣстно глубокоуважаемымъ слушателямъ, Митра—божество персидское, но культъ его широко распространился среди римлянъ во времена первыхъ императоровъ. Въ этомъ гротѣ найденъ превосходный античный барельефъ, изображающій такъ называемое жертвоприношеніе Митры. На барельефѣ Митра, богъ солнца изображенъ закалывающимъ жертвеннаго быка, при содѣйствіи собаки, змѣи и скорпіона. По одну сторону барельефа находится жизнь съ поднятымъ факеломъ, по другую—смерть съ таковымъ же факеломъ, но опущеннымъ. Въ верхнихъ углахъ изображены солнце и луна. Вы можете видѣть этотъ барельефъ въ знаменитомъ Неаполитанскомъ музеѣ, гдѣ онъ сейчасъ находится. На основаніи барельефа, а также многихъ другихъ признаковъ, мы можемъ заключить, что этотъ гротъ, когда-то великолѣпно отдѣланный разноцвѣтнымъ мраморомъ и драгоцѣнностями, представлялъ собою подземный храмъ Митры. Впрочемъ, нѣкоторые изслѣдователи утверждаютъ, что это просто придворный домашній театръ, гдѣ ставились при императорѣ Тиберіи пьесы и балеты непристойнаго содержанія, но послѣднее утвержденіе сильно нуждается въ провѣркѣ. Намъ извѣстно также, что великій императоръ самъ былъ поклонникомъ Митры, хотя этотъ культъ и считался тогда оффиціально запрещеннымъ.

Гидъ передохнулъ и, чтобы выглядѣть болѣе эффектно, передвинулся повыше. Булочникъ еще не забылъ только-что полученныхъ синяковъ, а Цецилія Шмитъ упорно вспоминала о своей покойной матери, но въ общемъ настроеніе слушателей уже значительно поднялось. Медицинскій совѣтникъ подошелъ къ стѣнѣ грота и любовно похлопалъ ладонью слегка влажную скалу. Отставной поручикъ пробормоталъ удивленно:

— Чортъ возьми! Самъ великій императоръ...

— Отдѣлка изъ цвѣтного мрамора и драгоцѣнностей!—поддержалъ коммерціи совѣтникъ.—Это великолѣпно!

Побѣда была уже одержана, и, не желая растрачивать понапрасну свои драгоцѣнныя силы, необходимыя для Кука и сыновей, гидъ взялъ однимъ тономъ ниже.

— Итакъ, здѣсь совершались богослуженія и приносились жертвы въ честь Митры! Каменная чаша, вырубленная въ скалѣ, вотъ здѣсь, служила, по всей вѣроятности, для собиранія жертвенной крови... Вы можете освѣтить фонаремъ, тогда будетъ виднѣе... Въ этой чашѣ, глубокоуважаемые, находилась нѣкогда и кровь человѣческая, и эти стѣны слышали предсмертные вопли человѣческихъ жертвъ. Я почтительно извиняюсь за мрачность этого сюжета и, съ вашего позволенія, перехожу къ детальному описанію грота.

Гидъ спрыгнулъ съ каменной ступени, и всѣ двинулись за нимъ, скромно сдерживая дыханіе и переговариваясь шопотомъ. Да, теперь они были удовлетворены. Это—не просто дыра въ скалѣ, гдѣ ноги то утопаютъ въ мелкой пыли, то шлепаютъ по глинистой грязи, и гдѣ такъ неуютно, холодно и затхло. Это—историческое мѣсто, которое когда-то почтилъ своимъ присутствіемъ самъ римскій императоръ. И, кромѣ того,—вѣдь здѣсь, когда-то, пахло кровью!

Терпѣливо и внимательно слушали, когда гидъ объяснялъ, гдѣ именно находился барельефъ, и гдѣ стоялъ жертвенникъ, гдѣ жили жрецы и прислужники храма и даже гдѣ хранились храмовыя сокровища. Отъ всего этого ровно ничего не осталось, не считая полуразрушенной каменной стѣны, и фантазіи гида былъ предоставленъ широкій просторъ. Но даже самые отъявленные скептики, въ родѣ отставного медицинскаго совѣтника или мюнхенской дамы, имѣвшей званіе доктора философіи, не рѣшались обнажать всей глубины невѣрія, а ограничивались только краткими дѣловыми замѣчаніями.

— Вы совершенно отвергаете гипотезу относительно театра... А между тѣмъ вотъ эти скамьи, вырубленныя полукругомъ, больше подходятъ именно для театра, а не для храма!

И гидъ объяснялъ:

— Совершенно правильно! Но существуетъ теорія, объединяющая обѣ эти гипотезы. Въ храмѣ устраивались священныя мистеріи въ честь Митры.

А гида поддержалъ даже кто-то изъ скептиковъ:

— Ну, разумѣется! Куда же вы дѣнете иначе барельефъ и жертвенникъ?

Русскій, удрученный своей несчастной судьбой, первое время съ обычнымъ невниманіемъ выслушивалъ рѣчи предводи-

теля каравана. Но затѣмъ сквозь грубую шелуху крикливыхъ словъ передъ нимъ выплыло что-то знакомое, загадочное и таинственное. А вѣдь русскій находился еще въ возрастѣ, когда позволительно быть немножко романтикомъ. Все таинственное привлекало его какою-то неизъяснимой прелестью. Онъ даже постарался призвать на помощь остатки своихъ классическихъ познаній, чтобъ слегка пополнить скудныя свѣдѣнія гида.

Да, конечно,—все это имѣетъ значительную долю вѣроятности. Нельзя было найти болѣе подходящаго мѣста для культа мрачнаго и въ то же время радостнаго, для культа жестокаго и въ то же время посвященнаго любви. Русскій присѣлъ на неровную глыбу, должно быть, оторвавшуюся отъ высокаго свода грота, смотрѣлъ на игру морскихъ волнъ, золотившихся въ траурной черной рамѣ входа—и крѣпко задумался.

Холодная капля воды, просочившаяся сквозь камни изъ какого-то невѣдомаго источника, упала ему за воротникъ. Онъ встрепенулся и растерянно осмотрѣлся по сторонамъ. Гротъ былъ пустъ.

Караванъ осмотрѣлъ все, что̀ полагалось, выслушалъ подобающія объясненія и ушелъ спать. И, навѣрное, добросовѣстный предводитель сообщалъ объ отправленіи домой достаточно громко. Не его вина, если русскій нырнулъ слишкомъ глубоко въ пучину древности.

Въ гротѣ теперь было тихо,—такъ ласково тихо. Только падали временами водяныя капли, издавая звукъ, похожій на звукъ осторожнаго поцѣлуя, да издалека снизу, съ побережья, приходилъ шопотъ прибоя. И стрѣлы богини-охотницы еще посвѣтлѣли, залили всю видимую часть моря своимъ золотомъ, яркими блестками вспыхивали на мраморныхъ осколкахъ и на кончикахъ сталактитовъ въ глубинѣ грота.

Въ первый разъ за сегодняшній день русскій вздохнулъ облегченно, полной грудью. Слѣпая судьба столкнула его съ караваномъ въ ту минуту, когда онъ меньше всего желалъ этой встрѣчи,—но та же судьба теперь наградила его, наконецъ, долгожданнымъ одиночествомъ.

Онъ усѣлся поудобнѣе, полузакрылъ глаза такъ, что всѣ предметы рисовались неясно, сквозь опущенныя рѣсницы. И вотъ, неприглядныя скалистыя стѣны опять начали одѣваться всѣмъ великолѣпіемъ разноцвѣтныхъ мраморовъ, какое умѣли создавать только древніе римляне. Влюбленные въ этотъ мраморъ, они неустанно искали его и на островахъ Греціи, и въ знойныхъ африканскихъ колоніяхъ, и въ далекой Индіи, и въ раз-

валинахъ давно погибшихъ городовъ. Находили сорта необыкновенной, сказочной красоты—и такіе, которыхъ теперь ужъ нѣтъ нигдѣ на землѣ и которыми можно любоваться только въ музеяхъ. Изъ этого драгоцѣннаго матеріала они выкладывали нѣжную мозаику, и русскій уже видѣлъ, какъ лунный лучъ, проникая сквозь украшенный бѣломраморнымъ портикомъ входъ, скользитъ по этой мозаикѣ. Надъ ступенями амфитеатра, поднимался самъ Великій Митра, со своими тремя неизмѣнными спутниками: змѣей, скорпіономъ и собакой. Скорбно тушила свой факелъ смерть и радостно зажигала его вѣчно-воскресающая жизнь. Чуть тлѣли угли на жертвенникѣ и послѣднія струйки куреній медленно поднимались къ своду.

Потомъ заскользили неслышно бѣлыя тѣни,—тѣни юношей и дѣвъ, едва прикрытыхъ прозрачными тканями, какъ будто сотканными изъ паутины. Кружились въ безмолвномъ хороводѣ, и все шире развѣвались ткани, все быстрѣе становились движенія. Жаркимъ дуновеніемъ страсти обдавало русскаго, когда мелькали мимо него танцующія пары. А на почетномъ мѣстѣ амфитеатра, у самаго жертвенника, въ креслѣ, рѣзанномъ изъ слоновой кости и обдѣланномъ золотомъ, сидѣлъ кто-то, съ головой закутанный въ широкій плащъ, какъ женщина. Изъ-подъ складокъ иногда выглядывало лицо, слегка обрюзгшее, но сухое съ выпуклымъ лбомъ, тонкимъ носомъ и округленнымъ выдающимся подбородкомъ. Подобострастный голосъ шепнулъ на ухо русскому:

— Ты видишь? Это самъ Августъ, сынъ Августа, божественный!

Глаза русскаго сомкнулись совсѣмъ,—и туманная мечта перешла въ сонъ, въ небытіе сумрачное и пустое, какъ густыя тѣни, загнанныя луною въ трещины скалъ.

Но сонъ его былъ чутокъ. Когда по тропинкѣ со скользкимъ шорохомъ посыпались мелкіе камни, онъ сейчасъ же очнулся, провелъ рукой по лицу, весь еще во власти своихъ сказочныхъ грезъ. И безъ всякаго испуга, а только съ несказаннымъ удивленіемъ и сладкой радостью увидѣлъ, что одна изъ бѣлыхъ тѣней воплотилась и идетъ прямо къ тому скалистому обломку, который далъ ему ненадежный пріютъ.

Еще живы древніе боги—и есть чудеса на чудномъ островѣ!

Когда тѣнь приблизилась, русскій разсмотрѣлъ, что она одѣта не въ паутинный покровъ, а въ простое бѣлое платье, и бѣлымъ газовымъ шарфомъ были закутаны ея темные волосы. Это нѣсколько разочаровало, но только на мгновеніе, потому что

воплощенное лицо тѣни было очень красиво, а въ глазахъ отражался лучистый золотой блескъ.

Русскій поднялся съ камня—и тѣнь метнулась въ сторону, спросила испуганно:

— Кто здѣсь?

Тѣнь говорила на его родномъ языкѣ, но въ первый моментъ русскій не обратилъ на это никакого вниманія. Пожалуй, онъ подумалъ даже, что тѣнь говоритъ на священномъ языкѣ боговъ, понятномъ всякому избранному смертному, безъ различія народностей.

— Это—я!—отвѣтилъ онъ довольно неопредѣленно и тогда только почувствовалъ внезапную робость.—Это я...

— А кто вы такой?

— Простите, но я... я просто скромный туристъ.

— Ахъ, такъ вы изъ каравана? А я думала, что тамъ одни только нѣмцы... Они такъ ужасно шумѣли и такъ громко восхищались. Но что вы здѣсь дѣлаете? Вѣдь всѣ давно уже ушли!

Недоумѣніе, на короткое время подавленное робостью, опять вернулось,—но теперь оно приняло уже совсѣмъ другой оттѣнокъ. Чтобы понять, въ чемъ дѣло, нужно было изъ царства грезъ спуститься на землю. Русскій продѣлалъ нѣкоторое душевное усиліе—и спустился.

Хорошо. Это—женщина, обыкновенная земная женщина. И кромѣ того—его землячка. Она говоритъ на языкѣ, который, можетъ быть, очень пріятно услышать на чужбинѣ, но, тѣмъ не менѣе, это совсѣмъ не языкъ боговъ.

Чудо не поддается человѣческому пониманію. Это—нѣчто сверхъестественное и по существу своему недоступное намъ, смертнымъ. Если бы и въ самомъ дѣлѣ воплотилась мечта, это было бы непонятно, чудесно, но—просто. При данныхъ обстоятельствахъ появленіе обыкновенной живой женщины было значительно сложнѣе. Что она можетъ дѣлать здѣсь, въ древнемъ храмѣ Великаго Митры, глубокой ночью, когда даже луна уже вотъ-вотъ отвернется отъ входа въ пустынный гротъ?

— Да, всѣ уже ушли! — согласился русскій, присматриваясь къ женщинѣ такъ, словно на ея лицѣ могъ находиться ключъ къ разгадкѣ. —Вы совершенно правы, всѣ давно уже ушли, а я, какъ видите, остался. Мнѣ очень пріятно... гммм... да... очень пріятно встрѣтить здѣсь свою соотечественницу...

— Ну, ихъ-то здѣсь сколько угодно! Русскіе за послѣдніе годы начали ужасно много ѣздить. А что вы здѣсь дѣлаете?

Въ послѣднемъ вопросѣ русскому почудилась странная тре-

вога и нѣкоторая подозрительность. Женщина даже посмотрѣла пристально на его руки, словно искала какое-нибудь орудіе преступленія. Слѣдовало, конечно, разсѣять ея тревогу, а для этого лучше всего было выяснить свою личность.

Русскій объяснилъ, кто онъ такой и даже гдѣ родился, и скромно упомянулъ о своей профессіи. Женщина вздохнула облегченно.

— Вотъ что... А я-было подумала... Впрочемъ, это—пустяки! Теперь вы пойдете домой, надѣюсь?

— О, да... И если бы вы разрѣшили... Теперь уже очень поздно и въ ущельѣ, навѣрное, совсѣмъ темно... Если бы вы разрѣшили мнѣ проводить васъ—для меня это не представило бы никакого затрудненія... Городъ такъ невеликъ... Намъ, навѣрное, будетъ по пути!

— Вы думаете? Очень возможно, что намъ будетъ по пути, но я обязательно должна остаться здѣсь еще съ полчаса или немного больше. Такъ что, если вамъ пора домой, то вы идите, пожалуйста. И даже лучше, если вы уйдете...

— Если я уйду? Но вы не находите, что здѣсь слишкомъ... слишкомъ уединенно?

— Разбойники давно уже не водятся на этомъ островѣ, будьте спокойны.

— Въ такомъ случаѣ, я не смѣю болѣе... Покойной ночи, сударыня!

Если человѣку такъ рѣшительно указываютъ на дверь, то самое лучшее сдѣлать видъ, что это вполнѣ соотвѣтствуетъ его собственнымъ намѣреніямъ. Русскій поклонился и направился къ выходу. Грезы окончательно поблекли, и Великій Митра потерялъ свои чары, но тропинка была узка, загромождена камнями, и волей-неволей приходилось подвигаться впередъ очень медленно. И едва успѣлъ русскій скрыться за поворотомъ, какъ уже услышалъ слабый женскій окликъ изъ глубины грота.

— Послушайте...

Онъ вернулся немедленно и быстро, какъ боевой конь на призывъ мѣдной трубы.

— Чѣмъ могу служить?

— Видите ли, конечно, я не боюсь и здѣсь нѣтъ никакихъ разбойниковъ... Но все-таки... Луна такъ странно свѣтитъ сегодня... И я не увѣрена, скоро ли онъ вернется. Онъ всегда увлекается!

Русскій скромно ждалъ, чѣмъ закончится это запутанное предисловіе.

— Если вамъ не очень хочется спать, то, можетъ быть, вы побудете здѣсь немного? Я знаю, что вы—благовоспитанный человѣкъ и поймете мое положеніе,—одинокой женщины, которая должна ожидать...

Тутъ, несомнѣнно, была какая-то недомолвка,—очень непріятная. Само по себѣ предложеніе было превосходно, но недомолвка все портила. Русскій отвѣтилъ довольно кисло:

— Съ удовольствіемъ! Я вообще не собирался ложиться спать сегодня ночью. А когда «онъ» вернется, я, разумѣется, почтительно уступлю свое мѣсто...

— Онъ—это мой мужъ!—съ легкимъ упрекомъ возразила женщина.—Вы что-то такое вообразили, кажется?

Русскій вздохнулъ облегченно.

— Ага... Это только вашъ мужъ? Простите, пожалуйста... Увѣряю васъ, что я не подумалъ ничего дурного... Но согласитесь, все-таки, что для свиданія съ собственнымъ мужемъ рѣдко приходится выбирать такія уединенныя мѣста.

— Вы ничего не понимаете и, кажется, совсѣмъ не такъ уже хорошо воспитаны... Кажется, лучше будетъ, если вы, въ концѣ концовъ, уйдете домой... Мужъ мой—археологъ, ученый археологъ! И онъ спеціально занимается изученіемъ римскихъ древностей. У него есть даже большая диссертація на латинскомъ языкѣ,—о ста восьмидесяти сортахъ античныхъ мраморовъ.

Русскій невольно скользнулъ взглядомъ по стѣнамъ грота, которыя еще такъ недавно, въ его мечтѣ, были покрыты нѣжной каменной мозаикой. Нѣтъ, все-таки есть что-то особенное въ воздухѣ этого острова!

— Ученый археологъ? Прекрасно! И вы, конечно, помогаете ему въ его изслѣдованіяхъ?

— Помогаю? Разумѣется, помогаю. Напримѣръ, я переписываю. У него отвратительный почеркъ, и я переписываю его работы,—тѣ, которыя онъ сочиняетъ не по-латыни.

Русскій опять вздохнулъ,—на этотъ разъ съ нѣкоторой грустью. Ему самому приходилось отдавать свои рукописи въ кабинетъ для переписки. И онъ съ уваженіемъ посмотрѣлъ на тонкіе, блѣдные пальцы молодой женщины,—пальцы, которымъ приходилось выполнять такую отвѣтственную работу.

Женщина присѣла на тотъ же обломокъ, который недавно облюбовалъ русскій. Обломокъ былъ невеликъ и, хотя для русскаго осталось, все-таки, небольшое мѣстечко,—сидѣть пришлось очень тѣсно. Русскій невольно касался своимъ плечомъ плеча сосѣдки, слышалъ тонкій запахъ ея духовъ и угадывалъ біеніе

ея сердца. Разговаривая, онъ видѣлъ чудесный профиль, похожій на профиль перламутровой камеи. Все это нѣсколько кружило ему голову и заставило вспомнить о чарахъ Митры.

— Здѣсь когда-то былъ храмъ!—сказалъ русскій.—И жизнь зажигала здѣсь свой факелъ...

Женщина взглянула на него искоса.

— Я знаю! Кое-чему я, все-таки, научилась отъ мужа. Но, пожалуйста, не выражайтесь такъ высокопарно... Если даже когда-нибудь тутъ и былъ храмъ—такъ вѣдь отъ него ровно ничего не осталось. Мужъ искалъ очень старательно—и ничего не нашелъ.

— Искалъ античные мраморы?

— Ну, да... Онъ собираетъ коллекцію. Въ Петроградѣ у него двѣ комнаты завалены этой коллекціей. Каждый камень—съ номеромъ и записанъ въ каталогъ. Это тоже должна дѣлать я сама: наклеивать номерованные билетики...

Въ голосѣ сосѣдки русскій не почувствовалъ особаго увлеченія. И это обстоятельство дало ему возможность заговорить смѣлѣе.

— Я очень завидую вашему мужу... Вотъ, я только-что сидѣлъ здѣсь и думалъ о прошломъ,—и оно такъ живо и такъ рельефно воскресло передъ моими глазами.

— Такъ вѣдь вы—поэтъ! А мужъ совсѣмъ не хочетъ ничего воскрешать. Онъ только собираетъ и классифицируетъ. Вы не можете себѣ представить, какая это сложная канитель. У него есть уже сорокъ два сорта какого-то камня, который называется «биджіо», и теперь онъ усердно разыскиваетъ сорокъ третій. А потомъ еще эти разные «россо антико», и «верде антико», и «неро антико», и «паломбино», и «чиполлино», и «африкано», и «фьоре ди персико», и «павонацетто», и Богъ знаетъ, сколько еще... Ужасъ! Я не могу даже устроить себѣ порядочнаго будуара изъ-за всѣхъ этихъ камней!

— Однако же... Вы и сами—очень ученая! Такая куча названій...

— Если бы еще вопросъ шелъ только о названіяхъ... Ихъ совсѣмъ не такъ трудно вызубрить.

И женщина задумалась, грустно склонивъ свой перламутровый профиль. Русскій затаилъ дыханіе, но ему показалось, что его собственное сердце бьется слишкомъ громко. Да, онѣ возвращались, чары Великаго Митры, и, повидимому, ихъ дурманная волна начинала дѣйствовать и на сосѣдку. Она крѣпче прижалась къ плечу молодого поэта, и въ уголкахъ ея глазъ

заблестѣло что-то, похожее на алмазныя капли, падавшія со свода.

— Я сидѣлъ здѣсь и думалъ,—вполголоса началъ разсказывать русскій,—и вдругъ началъ грезить наяву! Все сдѣлалось вновь такимъ, какимъ было тысячи лѣтъ назадъ,—и воскресли давно истлѣвшіе люди во всемъ расцвѣтѣ юности и красоты. И самъ Митра былъ здѣсь,—потому что именно въ его честь цезарь устраивалъ праздникъ. А когда вы пришли, мнѣ показалось, что видѣніе продолжается...

— Значитъ, я помѣшала? Простите... Я и сама съ большимъ удовольствіемъ сидѣла бы дома, а не здѣсь... Можетъ быть, объ этомъ совсѣмъ не слѣдовало бы говорить, но все-равно... Вы, навѣрное, не будете болтать и, кромѣ того, мы никогда больше не увидимся...

— Никогда?

— Ахъ, Боже мой... Ну, зачѣмъ намъ видѣться, скажите пожалуйста? Вотъ сейчасъ мы сидимъ вмѣстѣ—и довольно. А потомъ придетъ мужъ, и вы отправитесь домой. Мужъ тамъ внизу, подъ гротомъ занимается раскопками.

— Ночью?

— Разумѣется, ночью! Это запрещено, потому что всѣ античные остатки — государственная собственность, — и приходится работать потихоньку. Онъ не отдаетъ своихъ находокъ въ музеи. Вѣдь я вамъ говорила, что у него своя собственная коллекція... Каждый вечеръ онъ беретъ фонарь, кирку, сифонъ содовой воды, меня—и уходитъ.

— И васъ не утомляютъ эти ночныя прогулки?—участливо справился русскій.

— Нѣтъ, я все-равно привыкла очень поздно ложиться. Но онъ немножко старше меня, мой мужъ, вы понимаете? И у него довольно тяжелый характеръ... Онъ не любитъ оставлять меня одну и, кромѣ того, требуетъ, чтобы я точно такъ же интересовалась камнями, какъ и онъ самъ.

— Верде антико, африкано...

— Вотъ именно! Ну и сегодня я, наконецъ, разсердилась. Мнѣ захотѣлось пить, а онъ не далъ мнѣ ни одного глоточка воды изъ сифона. Вода, видите ли, нужна ему для того, чтобы поливать камни: на мокромъ яснѣе выступаетъ рисунокъ. Тогда я сказала, что онъ—черствый старикъ, что я ухожу и буду ждать его въ гротѣ. Честное слово, я не знала, что вы здѣсь! Я видѣла, какъ уходилъ караванъ... Но зачѣмъ, все-таки, я говорю вамъ все это?

— Говорите, говорите!..—настаивалъ русскій.—Развѣ вы не чувствуете, что здѣсь мы оба—во власти Митры? И я увѣренъ, что мои призраки еще вернутся. Вы ихъ увидите.

— Нѣтъ, нѣтъ, это было бы слишкомъ страшно! Если вы хотите меня напугать—я лучше вернусь къ мужу.

— И объясните ему причину,—почему именно вы вернулись?

— Я никогда и ничего ему не объясняю! Онъ долженъ самъ догадываться.

Она помолчала немного. Она еще не понимала, какъ опасно молчаніе въ гротѣ Великаго Митры.

Падающія капли звучали, какъ осторожные поцѣлуи. Ласково шепталъ прибой. Молодой поэтъ положилъ свою руку на руку сосѣдки и почувствовалъ, что ея блѣдные пальцы очень холодны. Тогда онъ нагнулся и прижался къ нимъ губами,—чтобы согрѣть.

— Оставьте!—безъ всякаго негодованія сказала женщина и медленно высвободила свою руку. Потомъ прибавила еще, послѣ длинной паузы:—Мой мужъ очень ревнивъ. Онъ никогда не оставляетъ меня одну. Вы уже слышали?

Къ щекамъ русскаго прилила горячая кровь. Конечно, онъ долженъ быть очень ревнивъ, этотъ скверный старикъ, завладѣвшій перламутровымъ профилемъ. Но тѣмъ лучше!

«Помоги, Великій Митра, помоги своему поклоннику!»

Сосѣдка взглянула на него удивленно.

— Что такое вы шепчете?

— Я молюсь! Я молюсь, чтобы древнее божество не оставило меня своимъ покровительствомъ.

— Вы боитесь? Въ такомъ случаѣ, вамъ лучше уйти сейчасъ же... Иначе вы можете встрѣтиться. Хотя я лично хотѣла бы, чтобы онъ засталъ васъ здѣсь... Это послужило бы ему маленькимъ урокомъ. Навѣрное, онъ растеряетъ сегодня всѣ свои камни.

— Урокомъ? И вы можете думать сейчасъ о какихъ-то урокахъ?

Въ его голосѣ зазвучало столько горечи и обиды, что сосѣдка посмотрѣла на него почти со страхомъ и даже сдѣлала попытку отодвинуться. Но каменное сидѣнье было такъ тѣсно... Пришлось остаться на прежнемъ.

Молодой поэтъ завладѣлъ обѣими руками женщины и, по мѣрѣ того, какъ говорилъ, сжималъ ихъ все крѣпче.

— Слушайте... Стряхните сейчасъ съ себя все это пыль-

ное, мелкое, земное... Вы можете, но вы не хотите это сдѣлать... Вы должны захотѣть! Слушайте, что я скажу вамъ: вѣдь это же чудо! Чудо—самый этотъ островъ, на который почему-то занесла меня судьба... Чудо—этотъ гротъ, въ которомъ живутъ до сихъ поръ древніе призраки... И самое большое чудо,—что ждалъ именно васъ,—и вы пришли! Да, я ждалъ васъ! Ждалъ, какъ заключенный ждетъ свободы, какъ умирающій отъ жажды—глотка воды... Едва я ступилъ на эту землю, какъ уже почувствовалъ, что должно совершиться что-то значительное... И знаете ли вы, что въ этотъ гротъ я попалъ противъ своей воли? Что меня привела сюда сама судьба? Ко мнѣ пришли здѣсь призраки ночи, и съ ними—вы. Нѣтъ, мы не должны разставаться! Жизнь слишкомъ скупа на чудеса, чтобы мы могли такъ пренебрегать ими... Слушайте, я не знаю еще даже вашего имени, но неужели вы не чувствуете, что мы уже связаны неразрывно? Только не бойтесь стряхнуть съ себя земное, будничное—и вы поймете...

Онъ говорилъ съ большой убѣдительностью, и очень крѣпко сжималъ руки женщины, а луна уже уходила, и медленно приближалась торжественная синяя темнота. Должно быть, все это было очень ново и очень необычно для женщины. Она слушала сначала съ недоумѣніемъ и любопытствомъ, а потомъ въ уголкахъ ея глазъ опять засверкали алмазныя капли и губы задрожали.

— Не нужно такъ!—сказала она тихо и ласково.—Право же, не нужно, дорогой мой...

Но онъ понялъ, что затаенныя мысли женщины говорятъ совсѣмъ другое. И чѣмъ больше онъ волновался, тѣмъ менѣе связной становилась его рѣчь,—но женщина прислушивалась только къ звуку его голоса и не старалась вникать въ смыслъ. Голосъ ласкалъ ее и внушалъ ей еще неизвѣданныя желанія,—и ее очаровывало колдовство Великаго Митры, бога мрачнаго и радостнаго, жестокаго и любящаго.

Вдругъ она вздрогнула, отстранилась, съ усиліемъ освободила свои руки, которыя были теперь горячи, какъ кровь.

— Здѣсь кто-то есть... Вы не слышите?

Русскій гнѣвно повернулся къ входу, напряженно всматривался. Старался уловить шорохъ шаговъ или тяжелое старческое дыханіе. Но тамъ все было спокойно,—и женщина указала ему въ противоположную сторону:

— Нѣтъ, нѣтъ... Тамъ, въ глубинѣ... Мнѣ почудилось такъ ясно...

Да, тамъ, въ синей темнотѣ, могъ таиться кто-нибудь,—

невѣдомый и нездѣшній. И молодой поэтъ шагнулъ-было въ глубину, чтобы встрѣтиться съ нимъ лицомъ къ лицу, но женщина сейчасъ меньше всего хотѣла остаться наединѣ, даже на одно короткое мгновеніе. Побуждаемая страхомъ, а отчасти, можетъ быть, и чарами Митры, она обвилась руками вокругъ шеи своего собесѣдника, прижалась къ нему всѣмъ тѣломъ.

— Я боюсь... Не уходите, ради Бога...

Разумѣется, сейчасъ онъ не ушелъ бы,—даже если бы всѣ демоны преисподней гнали его вонъ изъ грота. Онъ бережно принялъ женщину въ свои объятія, усадилъ ее на камень, а затѣмъ опустился на колѣни у ея ногъ и покрывалъ радостными и почтительными поцѣлуями каждый ея пальчикъ. Онъ не помышлялъ ни о чемъ большемъ. Она—богиня, которая снизошла къ нему, чтобы раздѣлить съ нимъ его скромную земную жизнь.

— Вѣдь вы поняли, да? Поняли, что нельзя бороться съ судьбой? Какое счастье, что я, наконецъ, нашелъ васъ...

Она не возражала. Конечно, ей могло быть только пріятно, что она принесла молодому поэту такое невыразимое счастье. И ее такъ тронула его скромная нѣжность, что она сама, первая, поцѣловала его въ лобъ, а потомъ—въ губы. Правда, она сейчасъ же опомнилась.

— Но что же мы дѣлаемъ?

— Мы любимъ. Такъ захотѣлъ Великій Митра.

— Оставьте... Я сама не понимаю, что мы такое надѣлали... Я была немножко разстроена... И потомъ—эта странная обстановка... Но, все-таки, мы не должны были этого дѣлать!

Но русскій продолжалъ цѣловать ея руки, несмотря на ея легкое сопротивленіе, и въ душѣ у него воскресла та древняя радость существованія, о которой давно уже забыли люди дымныхъ городовъ. Все было такъ просто и такъ хорошо. Онъ даже не успѣлъ удивиться, когда женщина вдругъ порывисто встала. Онъ только спросилъ кратко:

— Куда же вы?

Женщина чутко прислушивалась, вытянувъ шею и нахмуривъ брови.

— Отойдите подальше... Онъ возвращается!

— Онъ возвращается?

Долго не могъ сообразить, о комъ именно идетъ рѣчь. Наконецъ, вспомнилъ ученаго археолога, камни, номерные ярлычки на камняхъ. И снисходительно улыбнулся.

— Пусть возвращается! Онъ сейчасъ же уйдетъ. Ему нечего здѣсь дѣлать больше.

— Что такое? Но вѣдь это же мой мужъ!

— Вы ошиблись, потому-что тогда еще не успѣли отрѣшиться отъ земной пыли. Оставьте его наслаждаться бездушными камнями!

— Вы просто съ ума сошли, дорогой... Или еще хуже... Можетъ быть, вы просто надѣялись воспользоваться моей слабостью... Отойдите же, говорятъ вамъ! Вы хотите, чтобы онъ раскроилъ вамъ голову своей киркой?

Нѣтъ, молодой поэтъ не боялся никакой кирки. Слова женщины и тонъ ея голоса, испуганный и жалкій, ударили его больнѣе стали. Но онъ не могъ такъ быстро отрѣшиться отъ уже воплощенной мечты.

— Я не сошелъ съ ума... Я только повѣрилъ въ чудо,— и хочу вѣрить.

Женщина прошептала почти яростно:

— Молчите!

Она могла бы сказать это и погромче, потому-что снизу, съ тропинки, ведущей къ гроту отъ побережья, какъ-будто поднимался тяжеловѣсный слонъ. Съ грохотомъ сыпался щебень, трещалъ кустарникъ. И, какъ испорченный кузнечный мѣхъ, сипѣло прерывистое дыханіе.

Показалось мутное желтое пятно зажженнаго фонаря. И потомъ—что-то похожее на черепаху, обучившуюся ходить на заднихъ ногахъ. Это «что-то» было совсѣмъ не такъ уже велико: не выше средняго человѣческаго роста. Оно было одѣто въ грязный парусиновый пиджакъ и въ коричневыя полосатыя брюки, а на лицѣ замѣтнѣе всего были большія золотыя очки и рыжіе, съ сильной просѣдью, усы. За очками прятались маленькіе свиные глазки. А то, что можно было принять за щитъ черепахи, оказалось огромной, плоской каменной плитой, навьюченной на спину.

Археологъ не обратилъ никакого вниманія ни на жену, ни на ея собесѣдника. Прежде всего онъ осторожно опустилъ на землю свою ношу, положилъ рядомъ съ нею кирку, молотокъ и почти пустой сифонъ, и тогда уже бухнулся самъ на первый попавшійся камень. Вытеръ платкомъ мокрое лицо, прочистилъ стекла очковъ. Кое-какъ отдышался и сказалъ самодовольно:

— Удачная находка, Глаша! Было чертовски тяжело нести, но зато какой экземпляръ...

Женщина передвинулась такъ, что свѣтъ фонаря упалъ на скрывшагося въ тѣни русскаго.

— Позволь тебѣ представить: нашъ соотечественникъ...

Археологъ сдвинулъ на лобъ только-что надѣтыя очки.

— Что? Какой соотечественникъ? Откуда?

— Мы встрѣтились случайно и разговорились... Оказывается, онъ тоже большой любитель археологіи.

— Для науки не существуетъ любителей, а есть только спеціалисты. А кромѣ того, и такъ уже весь островъ совершенно разграбленъ... Ты, пожалуй, разсказала этому любителю всѣ мои пункты? Откуда вы взялись, молодой человѣкъ?

Молодой человѣкъ ничего не отвѣтилъ,—ему казалось, что онъ навсегда утратилъ даръ слова,—и женщина поспѣшила выступить на его защиту.

— Онъ совсѣмъ не занимается раскопками. Его интересуетъ, главнымъ образомъ, исторія...

— Ага, исторія... Незачѣмъ смѣшивать двѣ совершенно различныя дисциплины! Исторія... И откуда только берутся эти историки, хотѣлъ бы я знать?

И онъ отвернулся отъ молодого поэта.

— Ты должна сейчасъ же посмотрѣть, Глаша... Совершенно особый видъ «паломбино». И никогда еще мнѣ не приходилось видѣть такого большого куска этой породы... Переставь поближе фонарь! Вотъ такъ...

Онъ направилъ ослабѣвшую струйку воды изъ сифона на плоскую поверхность каменной плиты. Вода заполнила трещинки и поры камня,—и на нѣсколько мгновеній замѣнила давно исчезнувшую полировку. Тусклый камень ожилъ. По бѣлому, какъ снѣгъ, фону побѣжали чуть замѣтныя, словно нарисованныя тончайшей кисточкой, цвѣтныя пятнышки и жилки.

— Каково?

— Поздравляю съ удачей!—сказала женщина и, чтобы лучше разсмотрѣть, оперлась рукой о плечо мужа. Перламутровый профиль совсѣмъ приблизился къ рыжимъ, съ просѣдью, усамъ. И молодой поэтъ закрылъ глаза съ ужасомъ и негодованіемъ.

Сказка кончилась,—и не такъ счастливо, какъ обычно кончаются сказки. Гротъ сдѣлался по-прежнему затхлой темной дырой, изъ которой хотѣлось поскорѣе выбраться. Русскій, не прощаясь, направился къ выходу, но шорохъ его шаговъ привлекъ вниманіе археолога.

Старый ученый оторвалъ взглядъ отъ драгоцѣнной плиты, и усы его недовольно встопорщились.

— Позвольте, молодой человѣкъ! Что вы такое тутъ дѣлали, въ самомъ дѣлѣ?

И опять вступилась женщина, объяснила вкрадчиво:

— Мы разговаривали, вспоминали кое-что изъ древней исторіи... И онъ былъ настолько любезенъ, что согласился дождаться твоего прихода... Мнѣ было бы немножко жутко одной.

— Это пустяки! Я былъ бы больше увѣренъ въ твоей безопасности, если бы ты оставалась здѣсь совсѣмъ одна! Но разъ уже такъ случилось...

Археологъ направилъ свѣтъ фонаря на крѣпкую фигуру поэта...

— Вы очень торопитесь?

И молодой поэтъ впервые нарушилъ свой невольный обѣтъ молчанія.

Слегка теряясь подъ пристальнымъ взглядомъ маленькихъ свиныхъ глазокъ, онъ отвѣтилъ, насколько могъ сухо и коротко:

— Да, я спѣшу!

— Очень жаль... Но разъ вы пожертвовали своимъ временемъ ради моей жены, то, можетъ быть, вы не откажетесь также отдать еще полчаса для пользы науки? Наука—выше всего, молодой человѣкъ!

Концы рыжихъ усовъ шевелились какъ-то нелѣпо: сначала подпрыгивалъ правый усъ, а потомъ—лѣвый. И это подпрыгиванье, вмѣстѣ съ маленькими глазками, гипнотизировало поэта. Онъ стоялъ, опустивъ голову, погасшій и безвольный—и очень мало думалъ о какой бы то ни было наукѣ.

— Конечно, онъ не откажется!—сказала женщина.—Но что такое ты хочешь ему предложить?

— Пустяки, совершенные пустяки. Видишь ли, я совершенно не представляю себѣ, какъ я смогу донести эту плиту до нашей виллы. Я уже истощенъ, какъ рабочая лошадь... А у молодого человѣка мускулы, вѣроятно, покрѣпче моихъ! Для него это будетъ только легкимъ гимнастическимъ упражненіемъ.

Рыжіе усы шевелились, а женщина посмотрѣла на молодого поэта съ молчаливой, но настойчивой мольбой. И на мгновеніе у нея сдѣлалось совсѣмъ такое лицо, какое было, когда еще жила сказка.

— Хорошо!—сказалъ печальный человѣкъ со сгорѣвшимъ сердцемъ.—Я согласенъ.

И онъ, согнувшись въ три погибели, покорно подставилъ свою спину, на которую археологъ, кряхтя и пыхтя, взвалилъ мраморную глыбу.

— Шагайте осторожнѣе, чтобы не потерять равновѣсія... Если вы упадете—мое паломбино можетъ разбиться!

Плита скользила, ее приходилось придерживать снизу обѣими руками, и острый твердый край больно врѣзывался въ ладони. Археологъ шелъ впереди, освѣщая дорогу, а за своей спиной молодой поэтъ слышалъ легкіе и мелкіе шаги женщины.

Когда они поднимались на сто восьмидесятую ступень, передъ глазами у поэта ходили зеленые круги, а ноги дрожали мелкой болѣзненной дрожью. Онъ съ удовольствіемъ швырнулъ бы плиту внизъ по крутой лѣстницѣ, если бы послѣднимъ поднимался археологъ,—но вѣдь внизу была женщина. И, хотя поэтъ теперь ненавидѣлъ ее со всей страстью своего испепеленнаго сердца, онъ не хотѣлъ быть ея убійцей.

За лѣстницей дорога вилась вдоль ущелья и идти стало легче. Попадались по пути спрятанныя за кактусами лачужки. Археологъ потушилъ свой фонарь и сказалъ шопотомъ:

— Старайтесь не шумѣть... Смотрите хорошенько себѣ подъ ноги и не разговаривайте! Эти негодяи перепортили все, что имѣли, а теперь ставятъ разныя нелѣпыя препятствія ученымъ изслѣдованіямъ... Пожалуй, дѣло не дойдетъ до суда, если даже васъ и поймаютъ съ мраморомъ,—но, во всякомъ случаѣ, васъ вышлютъ изъ предѣловъ страны, какъ порочнаго иностранца... Такіе случаи уже бывали!

Человѣкъ, раненый въ самое сердце, не обращаетъ вниманія на булавочные уколы. Наставленіе археолога было слишкомъ похоже на простое издѣвательство, но поэтъ пропустилъ его мимо ушей. Все равно! Ничего не можетъ быть хуже того, что уже случилось.

Археологъ жилъ за городомъ, въ одинокой виллѣ съ мрачными сѣрыми стѣнами и высокимъ каменнымъ заборомъ, утыканнымъ стеклянными осколками. У калитки хозяинъ помогъ поэту освободиться отъ тяжелой ноши, вѣжливо раскланялся.

— Благодарю васъ отъ лица науки! Я даже ничего не имѣлъ бы противъ болѣе близкаго знакомства съ вами, молодой человѣкъ, но я надѣюсь, что вы скоро уѣзжаете?

— Да, завтра.

— Отлично. Честь имѣю кланяться!

Желѣзная калитка захлопнулась, но поэтъ все еще не трогался съ мѣста, отупѣвшій и разбитый. И вдругъ за черными желѣзными прутьями мелькнулъ перламутровый профиль, и, словно водяныя капли подъ сводами грота, чуть слышно прошелестѣли слова:

— Прощайте! И да хранитъ васъ... Великій Митра!

Николай Олигеръ.

ИЗЪ В. ГЮГО.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВОПРОСЪ.

О горечь бѣдности! О ужасы паденья!
Я видѣлъ дѣвочку. Средь шума и движенья,
Она брела по улицѣ. Пять лѣтъ
Ей было отъ роду. Для бѣдной крошки нѣтъ
Ни лакомствъ, ни забавъ, ни даже поцѣлуя!
Прохожіе идутъ, несчастную минуя.
Безумьемъ горести глаза ея горятъ.
«Мой Богъ, виновналь-я?» тѣ взоры говорятъ.
Богъ?.. Нѣтъ! Она о Немъ навѣрное не знаетъ.
Мыслитель хочетъ знать, ребенокъ—лишь страдаетъ.
Въ лохмотьяхъ и тряпьѣ, прекрасна и блѣдна,
Соблазну грязному она обречена.
На губкахъ у нея слагается уныло
Усмѣшка горькая. Бѣдняжкѣ все постыло.
Безпомощность, нужда, и голодъ, и страданье
Всѣмъ бременемъ легли на хрупкое созданье!

* * *

Изъ двери кабака несется дикій смѣхъ,
Тамъ мать ея кутитъ, не думая о тѣхъ,
Кто жалкій, на дворѣ, безъ пищи и безъ крова,
Въ ненастье весь дрожитъ отъ холода ночного.

Не знаетъ, веселясь, развратная о томъ,
Что тамъ же, на дворѣ, подъ вѣтромъ и дождемъ,
Малютка нищая по улицѣ плетется,
Что дочерью ея малютка та зовется.
Какъ та бродячая, она не замѣчала
Дѣтей заброшенныхъ. Когда-то испытала
Она то самое. Случалось, въ кабакѣ,
А то—на улицѣ, безстыжая, въ вѣнкѣ
Изъ гибельныхъ цвѣтковъ на лбу своемъ позорномъ,
Она съ ласкательствомъ и шепотомъ задорнымъ
Прохожихъ стерегла...
И обѣ—дочь и мать
Чуть-чуть не голыя. Одна идетъ прельщать,
Другая—выносить невзгоду и ненастье.
Случалось, что онѣ—два призрака ненастья—
Встрѣчались, межъ собой, читая въ дикомъ взорѣ:
Мать—горе прошлое, дочь—будущее горе.

* *
*

Задумайтесь на мигъ: дѣйствительно ли мать
Ей та развратница?—Не знаю, какъ сказать...
Пожалуй, да, пожалуй, нѣтъ. О томъ болтали,
Шутя иль наугадъ, въ тавернѣ и кварталѣ,
У горя много тайнъ и, можетъ быть, ребенокъ
Блуждалъ безъ матери, забытый отъ пеленокъ...
И вотъ она одна, подъ куполомъ небесъ.
Соборы и дворцы встаютъ, какъ темный лѣсъ
Предъ ней. Туманныя видѣнія столицы—
Онѣ ей не нужны. Какъ душный сводъ темницы,
Ей небо давитъ грудь, и чужды для нея
Людскіе голоса и мрачная земля.

Когда ей хлѣбъ даютъ, она рукой небрежной
Его беретъ, хоть иногда какъ-бы укоръ мятежный
Въ ней блещетъ молніей!.. И черное дитя
Страшнѣе въ этотъ мигъ, чѣмъ все, что́ видѣлъ я.

* * *

Такъ, молча, въ городѣ обширномъ и богатомъ,
Блуждаетъ въ тишинѣ едва замѣтный атомъ,
Таящій на душѣ такое море зла!
И думалъ я, слѣдя за ней изъ-за угла,
Когда она прошла, болтаясь по панели:
Вотъ Месть растущая, Медуза въ колыбели!

С. Андреевскій.



НА ВЫСТАВКѢ.

I.

Она проснулась, приподнялась на кровати, съ усиліемъ раскрыла глаза—яркое солнце слѣпило ее своими лучами: вчера, ложась спать, она совершенно забыла опустить штору и завѣсить окно—увидала лежавшія на столѣ розы и вдругъ, сразу припомнила все, что ей пришлось пережить за эти три дня. Все, все, до мельчайшихъ подробностей, съ первой минуты встрѣчи до послѣдняго горячаго рукопожатія.

Вотъ она у себя, на выставкѣ, въ кіоскѣ отъ бюро Бруунъ, что устраиваетъ поѣздки по Норвегіи и вообще обслуживаетъ интересы туристовъ. Въ нынѣшній сезонъ она приходитъ сюда почти каждый день, въ послѣобѣденные часы, послѣ утреннихъ занятій въ самомъ бюро. Это дополнительная работа, мало интересная, но необходимая: она увеличиваетъ ея заработокъ. Окончится выставка, прекратятся и дополнительныя получки,—тѣмъ болѣе не слѣдуетъ пренебрегать ими. Въ Христіаніи теперь столько пріѣзжаго люда; многіе ѣдутъ отсюда на фьорды, въ горы, и бюро Бруунъ къ услугамъ путешественниковъ: надо быть готовой давать разъясненія, заинтересовать программами и маршрутами поѣздокъ, предлагать иллюстрированныя описанія. Въ самомъ бюро на ней лежитъ болѣе серьезная и отвѣтственная работа—ну еще бы, 100 кронъ въ мѣсяцъ задаромъ нигдѣ не даютъ—здѣсь же, на выставкѣ, собственно говоря, не работаешь, а только торчишь и разговариваешь. Вотъ и сейчасъ двѣ какихъ-то иностранки на ломаномъ англійскомъ языкѣ (по-нашему, по-норвежски, онѣ, разумѣется, ни звука) просятъ указаній относительно поѣздки въ Телемаркенъ, и ей приходится давать соотвѣтственную справку.

Но, разговаривая съ этими дамами, черезъ ихъ головы, она

увидѣла на другомъ концѣ залы высокаго господина, который—она не могла хорошенько объяснить себѣ, почему—обратилъ на себя ея вниманіе. Высокій, стройный, уже немолодой и, конечно, старше ея, онъ медленно проходилъ отъ одной витрины къ другой и разсматривалъ выставленные предметы. Черные глаза и черные волосы съ сильною просѣдью выдавали въ немъ иностранца, несомнѣнно, южанина. Что-то свободное и открытое виднѣлось въ его лицѣ и манерахъ. Въ жизни, а за эти дни, въ выставочной сутолокѣ, особенно, такая масса вульгарныхъ лицъ прошла мимо нея,—на этомъ же лежалъ отпечатокъ духовнаго благородства и того благожеланія къ людямъ, чтó невольно вызываетъ, въ отвѣтъ, чувство благодарности и взаимнаго расположенія.

— Это не англичанинъ и не французъ,—тутъ же рѣшила она въ своемъ умѣ:—онъ и не нѣмецъ. Скорѣе всего итальянецъ.

Но при этой мысли она готова была высмѣять самое себя: ей повсюду чудилась неотразимо-волшебная Италія. Это ея болѣзнь, пассія. Она такъ грезитъ объ этой странѣ искусства, о ея памятникахъ и картинахъ! Вѣдь она рисуетъ, и ей такъ хотѣлось бы усовершенствоваться! Но какое же усовершенствованіе здѣсь, въ Христіаніи?.. Она чувствуетъ, что въ искусствѣ она нашла бы свое призваніе. И ужъ, конечно, не въ конторѣ Бруунъ съ ея глупыми билетными книжками, справками и однообразными отвѣтами на однообразные вопросы! Два года она была учительницей рисованія въ школѣ, но чтó можетъ быть пріятнаго въ преподаваніи? Досадно и скучно говорить о томъ, чтó самой давно извѣстно, въ то время какъ въ душѣ, для самой тебя, растутъ новые вопросы и не находятъ отвѣта. Она такъ много читала, думала объ Италіи. Туда ѣздятъ учиться, въ тамошнихъ галлереяхъ и музеяхъ собраны настоящія сокровища. Если бъ хоть однимъ глазкомъ повидать все это! Только бы почувствовать на себѣ дыханіе этого иного міра, должно быть, столь непохожаго на здѣшній! О, какъ была бы она счастлива!..

А высокій господинъ, продолжая обходъ, подходитъ къ ея кіоску. Теперь она одна, свободна; иностранки ушли. Вотъ онъ совсѣмъ близко; разглядываетъ ея брошюры, потомъ оборачивается къ ней, и взгляды ихъ встрѣчаются. Онъ смотритъ пытливо, но ласково; чуть-чуть замѣтная добрая улыбка скользитъ по его губамъ.

— Не интересуетъ ли васъ это описаніе?—съ нѣкоторымъ смущеніемъ говоритъ она ему по-англійски, пододвигая одну изъ маленькихъ книжечекъ.

Онъ благодаритъ, добавляя, на томъ же языкѣ:

— Къ сожалѣнію, я не говорю по-англійски, или совсѣмъ, совсѣмъ мало.

И тутъ же переходитъ на нѣмецкій.

Нѣмецкимъ языкомъ она владѣетъ не такъ свободно, но будетъ охотно говорить: это ей практика; онъ предлагаетъ на выборъ французскій, итальянскій, но тамъ она уже совсѣмъ безпомощна. Онъ извиняется, что не можетъ бесѣдовать съ нею по-норвежски, на ея родномъ языкѣ, и, точно угадывая вопросъ, который она не рѣшается сдѣлать, говоритъ:

— Я пріѣхалъ сюда изъ страны, гдѣ не знаютъ совсѣмъ вашего языка: я пріѣхалъ изъ залитой солнцемъ Италіи.

Какъ красиво это сказано: «залитой солнцемъ»!

— Но въ солнцѣ,—продолжаетъ онъ,—кажется, и здѣсь не ощущается недостатка? Оно цѣлыми днями ярко грѣетъ вашъ городъ, вашъ чудный фьордъ, ваши зеленые холмы. Оно забралось даже сюда, на самую выставку,—добавляетъ онъ съ улыбкой и при этомъ пристально смотритъ на ея волосы.

Они у нея точно изъ настоящаго льна, съ огненными прядями. Развѣ въ самомъ дѣлѣ они напоминаютъ ему наше солнце? Свои волосы она носитъ пышно взбитыми и имѣетъ право гордиться ими. Она знаетъ, къ крупнымъ чертамъ ея лица ей идетъ такая прическа.

Живетъ въ Италіи! Значитъ, предчувствіе не совсѣмъ обмануло ее! Она не можетъ удержаться отъ желанія подѣлиться своей любимой мечтою—когда-нибудь побывать тамъ; она говоритъ о своихъ рисункахъ, спрашиваетъ совѣта, и то, что онъ говоритъ ей въ отвѣтъ, кажется такимъ умнымъ, справедливымъ, серьезнымъ. Его глаза привѣтливо улыбаются, прямо ласкаютъ— они внушаютъ ей довѣріе.

Ей ужасно хотѣлось бы показать ему свои этюды, услыхать его мнѣніе; прямо сказать объ этомъ она не рѣшается, да и онъ точно предупреждаетъ ее замѣчаніемъ, что въ техникѣ красокъ и линій онъ не судья; но, конечно, это только скромность съ его стороны, что лишній разъ говоритъ въ его пользу. Она еще мало встрѣчала людей, которые такъ просто и сердечно подходили бы къ ней. Право, послѣ десяти минутъ разговора ей кажется, что они уже давно знакомы другъ съ другомъ.

Онъ продолжаетъ стоять, машинально перебирая брошюры; повидимому, ему не хочется уходить отъ нея, да и сама она съ удовольствіемъ видитъ его подлѣ себя. Въ цѣляхъ задержать его, она вытаскиваетъ съ полочекъ одну книжечку за другой.

— Нѣтъ, только не эту,—смѣется онъ:—это по-норвежски, я ничего не пойму. Развѣ что съ вашей помощью?

Послѣднія слова онъ произноситъ съ особою интонаціейю при чемъ настойчиво и пытливо заглядываетъ ей въ глаза, точн, хочетъ найти въ нихъ отвѣтъ.

— Вы думаете, я могла бы помочь вамъ?—спрашиваетъ она и сама улыбается этой мысли: въ самомъ дѣлѣ, отчего же и нѣтъ?

По его словамъ, въ три-четыре дня, которые онъ еще пробудетъ въ Христіаніи, онъ могъ бы многое усвоить. Если она подаритъ ему свои свободные вечера, сегодняшній, завтра и послѣ завтра, и согласится дать ему нѣсколько уроковъ, онъ будетъ ея благодарнымъ ученикомъ. Они проведутъ время вмѣстѣ,— тамъ, гдѣ ей будетъ угодно. Можно поѣхать за городъ, въ Хольменколленъ, на Бигде, проѣхаться на пароходѣ по шхерамъ; быть можетъ, она покажетъ ему свои рисунки. Онъ весь въ ея распоряженіи.

Онъ вынулъ свою карточку и подалъ ей. Ей понравилась такая деликатность съ его стороны.

— Вы швейцарецъ? — спрашиваетъ она, взглянувъ на надпись.

— Да, я родомъ изъ Лугано, это почти совсѣмъ въ Италіи; къ тому же съ 20 лѣтъ я постоянно живу въ Генуѣ и, какъ видите, работаю тамъ на заводахъ.

— У меня нѣтъ съ собой карточки, — улыбается она,— чтобъ дать вамъ свою.

— Напишите ваше имя здѣсь, на память,—многозначительно подчеркиваетъ онъ, раскрывая свою записную книжку.

Быстрымъ и крупнымъ почеркомъ написала она на бѣлой страницѣ два слова: Хильда Дааль, и ей отчетливо вспоминается, какъ крѣпко при этомъ держала она карандашъ и сколько рѣшимости было въ движеніи ея руки въ эту минуту.

Идти или не идти? Для нея это было вопросомъ минуты, мгновенія. Кому иному она, разумѣется, отвѣтила бы отказомъ, но этотъ... этотъ былъ, дѣйствительно, *иной*, не похожій на остальныхъ. Они условились встрѣтиться сегодня же, послѣ восьми часовъ, на площадкѣ у памятника, передъ королевскимъ дворцомъ.

Такъ началось ихъ знакомство, о которомъ сейчасъ, въ своей постели, она вспоминаетъ съ сладкимъ трепетомъ сердца.

II.

Но она хорошо помнитъ, что въ ту пору никакого еще «сладкаго трепета» не было. Ну, еще бы! Ей просто было пріятно сознавать, что ею заинтересовались, обратили на нее вниманіе, и она шла на свиданіе исключительно въ цѣляхъ продолжить то удовольствіе, какое она испытывала въ бесѣдѣ съ этимъ милымъ, хотя и совершенно неизвѣстнымъ ей, человѣкомъ. Сейчасъ, конечно, ей вполнѣ ясно, что это было *свиданіе*; но тогда, въ четвергъ, она думала лишь о новой *встрѣчѣ*, о совмѣстномъ *вечерѣ*,—и только.

Она остается у себя въ кіоскѣ, бесѣдуетъ съ новыми посѣтителями, хотя, правда, чаще обычнаго, глядитъ на часы, и когда стрѣлка подходитъ къ восьми, она съ нескрываемымъ удовольствіемъ прибираетъ свои книги и бумаги. Она готова. Поверхъ лѣтней блузки на ней темносиняя жакетка; копна льняныхъ волосъ прикрыта шляпой съ широкими полями. Фасонъ старомодный, но она еще держится его: нынѣшнія маленькія шляпки съ торчащими бантами или перьями не такъ идутъ къ ней; на этой и вуаль лучше сидитъ: острымъ угломъ, отъ края полей, спускается онъ книзу, скрывая тѣ складки и морщинки, что̀ безжалостное зеркало уже давно указало ей на подбородкѣ, подъ глазами, надъ верхней губой. Ничего не подѣлаешь! Молодость прошла! Вѣдь ужъ много, много разъ зима смѣнялась весною, а весна лѣтомъ съ той поры, когда ей было 17—18 лѣтъ, когда она еще прыгала, веселая, жизнерадостная, беззаботная!..

Она идетъ; вотъ и дворецъ, площадка съ памятникомъ. Онъ уже тамъ. Ей пріятно сознавать, что ее ждутъ.

— Вы давно здѣсь?

— Съ полчаса.

Не хотѣлъ опоздать, думаетъ она:—значитъ, дѣйствительно, хочетъ ее видѣть?

Въ Хольменколленъ ѣхать сейчасъ уже поздно; послѣдній пароходъ въ шхеры давно ушелъ; они отправятся на Гансъаугенъ. Какъ смѣшно! Они хотятъ взять автомобиль; автомобиль стоитъ на углу, но шофферъ куда-то исчезъ, и они не могутъ найти его. У самого Гансъ-аугена онъ говоритъ: «Какой сегодня ясный, тихій вечеръ! Какъ, должно быть, ясно и тихо на душѣ у того, кто умѣетъ чувствовать и жить, согласно съ окружающей его природой!» Онъ такъ именно и сказалъ. Она отлично помнитъ

его слова. Боже мой, да она, кажется, помнитъ все, рѣшительно все, что говорилъ онъ въ тотъ незабвенный вечеръ!..

Въ саду много народа; музыка. Она показываетъ ему прудъ, водитъ по аллеямъ, взбирается съ нимъ на башню, откуда красивый видъ на городъ. Они гуляютъ, потомъ выбираютъ столикъ и садятся ужинать. Весь вечеръ прошелъ въ оживленной бесѣдѣ, и, удивительно, откуда только взялись темы для разговора? Всегда какъ-то находилось, чѣмъ подѣлиться, что сказать и спросить. Они говорили о выставкѣ, о норвежской зимѣ, объ Италіи, о положеніи въ Норвегіи, объ Ибсенѣ, объ ея рисункахъ, о жизни вообще. Въ этой бесѣдѣ не было ничего преднамѣреннаго, планомѣрнаго, однако съ каждою новою фразою, мыслью разговоръ пріобрѣталъ для нея все болѣе серьезное и болѣе важное значеніе. Онъ говорилъ также о себѣ, о своихъ постройкахъ, инженерныхъ проектахъ, о своемъ одиночествѣ, о потребности имѣть подлѣ себя близкаго человѣка, друга, который бы раздѣлилъ его мысли и думы...

О, какъ хорошо понимаетъ она его! Развѣ сама она не одинока? Развѣ и ей не нуженъ другъ, который захотѣлъ бы понять ее? Не временная, минутная привязанность,—съ такими предложеніями къ ней уже подходили—но именно настоящій, вѣрный, хорошій другъ, на чью руку она могла бы опереться и пройти съ нимъ всю жизнь?

Да, она совсѣмъ одинока. Здѣсь—дядя-журналистъ, замужняя сестра—оба они чужды ей. Отецъ съ матерью тамъ, въ Бергенѣ—по уши ушли въ торговыя операціи съ рыбой. Всѣ смѣются надъ ея рисованіемъ; это «пустяки» и «бездѣлье» для нихъ. Ворчливая фру Норманъ, у которой она снимаетъ комнату; два—три молчаливыхъ господина, что бываютъ въ домѣ ея зятя, да сотоварищи по конторѣ Бруунъ — вотъ вѣдь и весь кругъ ея знакомства! Съ ними по-настоящему даже и говорить нельзя. А этотъ куда чутче, отзывчивѣй. Сколько симпатіи и вниманія проявилъ онъ къ ея рисованью, готовности помочь ей! Какъ интересно разсказывалъ онъ о Флоренціи, о папахъ, портретахъ Тиціана, о Джьотто!.. О послѣднемъ раньше она даже и не слыхала ничего. Онъ знаетъ куда больше ея! Годъ, проведенный въ Англіи, да двѣ поѣздки, каждый разъ ненадолго, въ Копенгагенъ, вотъ вѣдь и весь запасъ ея жизненныхъ наблюденій; а этотъ видѣлъ чуть не весь свѣтъ!..

Она сказала ему, что рисуетъ преимущественно головы, портреты, а онъ въ отвѣтъ: «чтобъ быть хорошимъ портретистомъ, надо хорошо знать человѣческую душу, умѣть наблюдать

жизнь, правильно разбираться въ соціальныхъ отношеніяхъ людей» Ей это не совсѣмъ ясно, но потомъ онъ, конечно, разъяснитъ все. Она чувствуетъ, что съ каждой минутой онъ становится ей все ближе и ближе; и вотъ теперь, когда они ушли изъ сада и онъ провожаетъ ее домой по пустыннымъ улицамъ города, ей такъ пріятно сознавать, что онъ тутъ, подлѣ, чуть не плечо о плечо съ ней.

Онъ опять говоритъ о своемъ одиночествѣ, о потребности имѣть друга, подругу.

— И вамъ такъ-таки никогда не удавалось найти ее?— спрашиваетъ она.

А онъ ей въ отвѣтъ:

— Мнѣ думается, какъ-будто бы теперь я нашелъ ее.

Въ эту минуту они стоятъ посреди улицы, одинъ противъ другого, онъ беретъ ея лѣвую руку (почему, думается ей, лѣвую?) и долго, глядя куда-то въ сторону, держитъ ее въ своихъ рукахъ. Но потомъ онъ нервно освобождаетъ ихъ и говоритъ:

— Я боюсь, что слишкомъ люблю свои книги и чертежи и подлѣ нихъ не найдется мѣста никому иному.

Зачѣмъ онъ говоритъ это? Ей больно слышать такія слова. Вѣдь если бъ такой подругой была она, мелькаетъ у нея въ головѣ, при чемъ она чувствуетъ, какъ кровь приливаетъ и краситъ ея щеки,—для нея его внутренній міръ, конечно, былъ бы святыней, она должна была бы примѣниться къ его вкусамъ, привычкамъ; но взаимность, разумѣется, прежде всего; *ея* вкусы, привычки имѣютъ также право на уваженіе. Да ей и непонятно, какъ книга можетъ вытѣснить человѣка. Онъ, несомнѣнно, преувеличиваетъ, самъ, вѣроятно, не подозрѣвая этого.

У подъѣзда дома они прощаются. Онъ снова беретъ ея руку и олго, долго цѣлуетъ ее. Перчатка мѣшаетъ ему, онъ отворачиваетъ кружево у рукава и цѣлуетъ выше ладони. Она смотритъ на его склоненную голову въ мягкой сѣрой шляпѣ, и ее охватываетъ неудержимое желаніе обнять эту голову и прижать къ себѣ. Сумасшедшая, какъ это можно! Она почти вырываетъ руку—не оттого чтобы поцѣлуй казался черезчуръ продолжительнымъ, но потому, что она боится въ эту минуту самоё себя.

Они прощаются; она одна въ своей комнатѣ, съ своими мыслями. Никогда, никогда не забудетъ она этого вечера!

Но не странно ли—она только сейчасъ это замѣтила!—

они проговорили весь вечеръ, но объ «урокѣ» норвежскаго языка совсѣмъ и забыли. Какъ это вышло? Собственно, для чего же тогда сходились они сегодня?...

III.

Они условились встрѣтиться на другой день, въ пятницу, тамъ же, на выставкѣ, у ея кіоска. Она будетъ его ждать съ трехъ часовъ. Но подарить вечера, увы, не можетъ никакъ. У Бруунъ экстренная работа, и въ конторѣ ей придется просидѣть до десяти часовъ. Зато въ субботу, о, въ субботу она отвоюетъ себѣ цѣлую половину дня, и они проведутъ все время вмѣстѣ.

Утро тянется невыносимо долго. Въ три часа она на выставкѣ, но его нѣтъ; бьетъ четыре, пять, онъ все не идетъ. Что это значитъ? Забылъ? Раздумалъ? Скользнуло и безслѣдно ушло? Однѣ только фразы и фразы? Хватило человѣка на нѣсколько минутъ вниманія, а затѣмъ все забыто, какъ забывается любая случайная встрѣча?

И горькое чувство охватываетъ ее на мгновеніе. Но вотъ, наконецъ, она его видитъ въ толпѣ; онъ подходитъ, свѣтлый и радостный, съ улыбкой и лаской во взорѣ. Въ рукахъ у него большой букетъ цвѣтовъ, пунцовая гвоздика, нѣжно-лиловая вѣтка пахучей глициніи. Вчера за ужиномъ онъ подмѣтилъ ея слабость къ цвѣтамъ. Вдобавокъ онъ принесъ билеты на завтрашній концертъ—это совсѣмъ сюрпризъ для нея. Нѣтъ, нѣтъ, она незаслуженно обидѣла его подозрѣніемъ: его вниманіе продолжительнѣе «нѣсколькихъ минутъ»!...

Но почему она чувствуетъ себя какъ-то неловко? Не то смущеніе, не то тревога. Вчерашній вечеръ, несомнѣнно, ихъ сблизилъ, но что-то еще стоитъ между ними недоговоренное, недосказанное. Договорить такъ хотѣлось бы, а не знаешь, какъ подойти. Ищешь словъ и не находишь. Да и что скажешь по душѣ въ такой обстановкѣ, какъ эта? Оба они сейчасъ «на людяхъ», на виду всѣхъ; къ кіоску постоянно подходятъ, прерываютъ ихъ бесѣду, мѣшаютъ разговаривать. Повидимому, такое же чувство неловкости испытываетъ и онъ.

Но то, что онъ предлагаетъ, совершенно немыслимо. Уѣхать на день, на два, провести сплошь все время гдѣ-нибудь вмѣстѣ въ маленькомъ городѣ, въ отелѣ, на берегу фьорда или озера, вмѣстѣ гулять, вдали отъ всѣхъ, на свободѣ, безъ помѣхъ. Конечно, онъ правъ: такимъ путемъ они узнали бы лучше другъ

друга; но какъ она оставитъ свою контору хотя бы на одинъ только день? А потомъ—и это главное—какъ она поѣдетъ одна, дѣвушка, съ почти незнакомымъ ей мужчиною? Что скажутъ ея родные, знакомые, тотъ же Бруунъ?.. Онъ очень ошибается, полагая, что дѣвушка въ Норвегіи совершенно независима и можетъ поступать, какъ ей угодно. Нѣтъ, мы связаны здѣсь общественнымъ мнѣніемъ не менѣе, чѣмъ женщины въ вашихъ странахъ! А потомъ это былъ бы шагъ, который она и сама не позволитъ себѣ. Онъ настаиваетъ, проситъ, убѣждаетъ.

— Но,—возражаетъ она:—мы все равно не успѣемъ никуда съѣздить: послѣ завтра, въ воскресеніе, вы уѣзжаете въ Бергенъ.

— Я уѣхалъ бы позже.

— Но въ Бергенѣ вы должны сѣсть на пароходъ, у васъ уже и билетъ взятъ?

— Я отказался бы отъ поѣздки на пароходѣ,—отвѣчаетъ онъ, опуская глаза.

Бѣдный! Ей очень жалко его... да и себя тоже; но нѣтъ, она останется непоколебимой въ своемъ рѣшеніи: чего нельзя, того нельзя. Надо быть благоразумной и мириться съ невозможнымъ. Зато завтра—она даетъ слово—съ 5 часовъ и хоть до самой поздней ночи онъ можетъ располагать ея временемъ, какъ хочетъ.

IV.

И вотъ наступаетъ это завтра, суббота. Она прибрала свою комнату, надѣла бѣлое легкое платье, поставила вазу съ его вчерашними цвѣтами на круглый столъ, окинула взглядомъ свои картины, развѣшенныя по стѣнамъ, и ждетъ. Ровно въ 5 часовъ звонокъ, въ передней слышенъ его голосъ. Онъ принарядился, черный костюмъ идетъ къ нему; въ рукахъ у него опять цвѣты—это блѣдныя, нѣжныя розы; она ихъ приколетъ къ корсажу и такъ пойдетъ на концертъ.

Вотъ онъ стоитъ передъ нею, а сама она думаетъ: «наконецъ-то ты пришелъ, и я опять тебя вижу!» *Наконецъ*! Что это значитъ? Да развѣ въ самомъ дѣлѣ она такъ нетерпѣливо ждала его, и онъ сталъ настолько необходимъ ей, что, не приди, и у нея стало бы пусто и холодно на душѣ? Она приглашаетъ его садиться и чувствуетъ, что мысли ея путаются, все точно вихремъ пошло.

Онъ осмотрѣлъ ея картины и обрадовалъ своимъ приговоромъ. Голова старика, ея любимое произведеніе, понравилась и ему больше всего. Эта голова досталась ей легче другихъ; она какъ-то сразу схватила ее и писала съ еще незнакомымъ ей доселѣ подъемомъ и увлеченіемъ. Онъ нашелъ у нея положительный талантъ, совѣтовалъ продолжать, ѣхать въ Италію и закончилъ приглашеніемъ въ Геную, обѣщая ей тамъ свое содѣйствіе и поддержку.

Милый! Какъ ни улыбалась ей перспектива пребыванія въ Италіи, но всего болѣе оцѣнила она самое приглашеніе: неужели? молніей пронеслось въ ея головѣ, и, вся зардѣвшись, безмолвнымъ пожатіемъ руки она высказала ему то, что не смогла и не сумѣла бы выразить словомъ.

А потомъ этотъ концертъ, куда они отправились затѣмъ отъ нея! Необъятный залъ, переполненный публикой; больше сотни пѣвческихъ обществъ, съѣхавшихся со всѣхъ концовъ Норвегіи на юбилейныя празднества; грандіозный хоръ въ тысячу голосовъ и народныя пѣсни, гдѣ съ захватывающей силою и любовью воспѣвалась милая, дорогая родина—какъ это все гармонировало сейчасъ съ ея собственнымъ настроеніемъ! Душа ея рвалась; ей необходимъ былъ просторъ, именно такой, какъ этотъ концертный залъ. Въ ея душѣ въ эту минуту росло что-то большое, торжественно-величавое, такое, что всю ее захватило и несло куда-то далеко-далеко, и она чувствовала: въ иной обстановкѣ, болѣе скромной и тихой, ей было бы душно и нечѣмъ дышать.

Удивительное дѣло! Она прямо не узнаетъ себя: сколько разъ слышала она эти пѣсни, этотъ «Закатъ солнца», «Лѣсной покой», «Вечерніе звуки» и «Родину-мать»,—слышала малымъ ребенкомъ, въ школѣ, взрослою, но почему же никогда, буквально еще никогда не казались онѣ такими прекрасными и чарующими, столь полными глубокаго смысла? Точно новый міръ раскрывался передъ нею съ каждою новой мелодіей и озарялъ ее лучезарнымъ блескомъ; точно нахлынули откуда-то новыя, бодрыя силы; точно сама она выростала и становилась сильной...

Онъ проситъ объяснить ему содержаніе «Вечернихъ звуковъ», перевести непонятный ему текстъ. Приходится говорить вполголоса, тѣмъ полушепотомъ, въ которомъ такъ много таинственнаго и чарующаго и который такъ сближаетъ говорящихъ. Оба они склоняются надъ печатной программой, читаютъ, и она чувствуетъ, какъ задѣваетъ своими волосами его голову. Какъ

смѣшно выговариваетъ онъ слова! Какъ забавно коверкаетъ ихъ и какъ легко, съ двухъ-трехъ словъ схватываетъ смыслъ всей фразы! Подумаешь, вотъ когда пришлось дать ему «урокъ» норвежскаго языка!

V.

Чудный концертъ! Они выходятъ изъ зала на просторъ небеснаго свода, увлекаемые шумнымъ потокомъ людскимъ. Чтобъ не затеряться, она беретъ его подъ руку и съ горделивою радостью идетъ впередъ. Они будутъ сейчасъ ужинать, и что-то говоритъ ей: въ этотъ вечеръ совершится нѣчто важное и большое въ ея жизни. Но громадный залъ выставочнаго ресторана уже весь переполненъ; не осталось буквально ни одного свободнаго мѣста. Первымъ движеніемъ было чувство досады: въ ея душѣ все пѣло, все искрилось и радостно трепетало—лучшей обстановки для ея настроенія, казалось, нельзя было и придумать, какъ блескъ этой ярко освѣщенной залы, эти бѣлоснѣжныя скатерти, вазы съ цвѣтами, веселый говоръ и звонъ стакановъ. Но сожалѣніе длилось одно лишь мгновеніе. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ она могла бы тутъ, на-людяхъ, такъ свободно говорить, особенно такъ свободно смотрѣть на него? Сейчасъ она уже не стыдилась признаться себѣ, что *хочетъ* глядѣть, видѣть его лицо, и что банальный, пустой разговоръ не удовлетворилъ бы ее.

Она вспоминаетъ, въ самомъ городѣ есть другой ресторанъ, «Театральное кафэ». Какъ-то въ прошломъ году ея зять и сестра раскутились и пригласили ее и еще двухъ знакомыхъ туда на обѣдъ. Тамъ ей очень понравилось. Цѣны, правда, довольно высоки, но потому самому и публики меньше, чувствуешь себя болѣе на свободѣ. Уютные уголки скрываютъ тебя отъ любопытнаго взора, прислуга неслышно скользитъ по ковру и не торчитъ назойливо на глазахъ.

Автомобиль выноситъ ихъ съ выставки и быстро мчитъ изъ улицы въ улицу. Онъ помогаетъ ей накинуть мантилью, ихъ руки сходятся, она чувствуетъ горячее рукопожатіе и отвѣчаетъ такимъ же, если не еще болѣе горячимъ и длительнымъ. Всю дорогу они не проронили ни звука, но это рукопожатіе сказало ей больше, чѣмъ цѣлая длинная рѣчь.

Потомъ этотъ ужинъ. Удивительно, право! Все случившееся ранѣе она помнитъ совершенно отчетливо, точно видитъ глазами,

а вотъ объ ужинѣ, о самомъ важномъ изо всего, что случилось съ ней за эти три дня, въ ея воспоминаніяхъ осталась какая-то неясность и спутанность. Возстановить послѣдовательность фактовъ она не въ силахъ, хотя это было пережито всего лишь вчера, вѣрнѣе сказать, нѣсколько часовъ тому назадъ!

Онъ собирается сѣсть насупротивъ, но она сама указываетъ ему мѣсто на диванѣ, подлѣ себя. Такъ пріятно ощущать его близость! Ну, а что же дальше? Ѣли нѣжно-красныхъ креветокъ, горячія почки, пили бѣлое вкусное вино. Фу, что за глупости приходятъ на умъ! Абажуръ лампы легъ полутѣнью на его лицо и одна только борода оставалась на полномъ свѣту... Нѣтъ, не то! Онъ выразилъ желаніе имѣть точный и полный переводъ «Вечернихъ звуковъ»... Нѣтъ, опять не то! Это было потомъ и сказано такъ, между прочимъ. Онъ говорилъ о болѣе важномъ: онъ возобновилъ вчерашнюю просьбу и даже съ большей настойчивостью и горячностью, чѣмъ раньше. Онъ снова началъ убѣждать ее поѣхать съ нимъ куда-нибудь на два дня и провести это время вмѣстѣ.

Боже мой! Да вѣдь она уже объяснила ему невозможность такой поѣздки! Какъ упрямы и эгоистичны эти мужчины! Ей очень больно отказывать ему, но она останется непоколебимою. Существуетъ предварительный шагъ, безъ котораго люди останутся навсегда отдѣлены другъ отъ друга извѣстной преградой, безсильные уничтожить ее.

— Вы, значитъ, хотите, чтобъ я завтра уѣхалъ! Чтобъ мы разстались съ вами навсегда?

Въ этихъ словахъ ей слышится угроза.

— Но вѣдь вы можете вернуться послѣ Нордкапа опять въ Христіанію?—робко возражаетъ она.

— Да, могу, но зачѣмъ? Чтобъ снова видѣть васъ вотъ такъ, урывками, по нѣсколько минутъ въ день?

Въ его голосѣ, на этотъ разъ, звучитъ жесткая, сухая нота, и она не можетъ хорошенько разобраться, обидно ли ей въ эту минуту, или больно отъ его словъ.

— Я хочу, чтобъ вы поѣхали,—продолжаетъ онъ, но на этотъ разъ его голосъ звучитъ опять, какъ всегда, нѣжно и ласково: рука ищетъ ея руку, какъ бы желая придать больше силы и убѣдительности самой просьбѣ.

«Хочу!» Да вѣдь сама она, можетъ быть, хочетъ не меньше его! Что жъ это такое? Или онъ, точно ребенокъ, не понимаетъ условій жизни, или совсѣмъ не жалѣетъ ее? Теперь онъ съ новымъ проектомъ: сдѣлать совмѣстную поѣздку по Ита-

ліи. Да вѣдь это то же самое! А главное, потомъ, что же потомъ, когда путешествіе кончится? Гдѣ она окажется тогда и что̀ съ нею будетъ? Мысли ея путаются. О, какъ ей больно! Надо рѣшиться...

— Я могла бы поѣхать туда къ вамъ лишь подъ однимъ условіемъ,—рѣшается она вымолвить.

— Подъ какимъ?—живо переспрашиваетъ онъ.

Нѣтъ, какъ объяснить ему: подъ какимъ! Ни за что! Женщина такихъ словъ произносить не должна. Неужели самъ онъ не догадывается? Не можетъ понять или не хочетъ? Онъ допытывается, но ей досадно, что онъ проявилъ въ этомъ мало настойчивости и легко перевелъ разговоръ на другое. Ну, будь, что̀ будетъ. Она машинально выпиваетъ остатки вина въ стаканѣ, точно ищетъ въ нихъ силы и рѣшимости.

— Я могла бы поѣхать только въ томъ случаѣ, если бъ вы дали мнѣ свое имя.

Въ первую минуту онъ, повидимому, не понимаетъ ея, потомъ на его губахъ скользитъ горькая усмѣшка. О, какъ долго молчитъ онъ и какъ сильно бьется ея сердце!

— Это невозможно,—говоритъ онъ, наконецъ.

— Почему?

— Потому что я женатъ.

Точно что ударило ее; все поплыло и помутилось въ глазахъ. Возможно ли? Это лживая отговорка; онъ сознательно обманываетъ ее: все время говорилъ о своемъ «одиночествѣ», а теперь вдругъ «женатъ»! Какіе низкіе всѣ эти мужчины! Минутное удовольствіе, временная связь, — а потомъ вышвырнуть тебя, какъ безполезную вещь. Полная негодованія, она уже готова излить въ пламенныхъ словахъ свои оскорбленныя чувства, но, при видѣ его грустно опущенной головы, ее беретъ раздумье. А что, если онъ взаправду женатъ? Въ самомъ дѣлѣ, развѣ нельзя быть женатымъ и въ то же время одинокимъ—одинокимъ душою, мыслями, всѣмъ существомъ своимъ...

Онъ точно угадываетъ ея думы и говоритъ, заглядывая ей въ глаза:

— Да, я женатъ, и все же я совершенно одинокъ съ моими книгами и чертежами, и близкаго женщины-друга нѣтъ у меня.

Тонъ, какимъ онъ произноситъ эти слова, окончательно разсѣиваетъ ея сомнѣнія. Но есть же выходъ! Пусть идетъ къ римскому папѣ, пусть проситъ освободить его отъ прежнихъ обязательствъ.

—Прежде всего,—возражаетъ онъ,—папа согласія не дастъ, а главное, развѣ сами мы знаемъ настолько другъ друга, свои характеры, привычки и вкусы, хорошія качества и недостатки, чтобъ связать себя навѣки? А что, если потомъ окажется, что мы слишкомъ поторопились сойтись?

Она не нашлась что-либо возразить, хотя чувствовала, что такой отвѣтъ все равно для нея не рѣшеніе. Передъ нею трудная дилемма: или вмѣстѣ съ нимъ, но безъ имени, или потерять его, можетъ быть, навсегда: завтра вѣдь онъ ѣдетъ! Безъ имени — противъ этого возстаетъ все ея воспитаніе, всѣ жизненные навыки и та густая краска, что̀ залила ея лицо при одномъ такомъ предположеніи; но съ другой стороны потерять его именно теперь, послѣ всего, что̀ она пережила за эти три дня; не видѣть его милаго лица, не слышать его ласковаго голоса и вновь замкнуться въ себя, уйти въ ту сѣрую, монотонную жизнь, какою она жила до сей поры—она еще не знаетъ, какое изъ этихъ двухъ рѣшеній будетъ для нея труднѣе и непосильнѣй. Онъ зоветъ ее на широкій, вольный просторъ, и, если она не пойдетъ за нимъ, впереди у нея однѣ только тусклыя, печальныя сумерки.

Какъ утопающій, она хватается за соломинку.

— По крайней мѣрѣ, дайте мнѣ ваше имя хоть на годъ, хотя бы даже только на полгода, чтобъ соблюсти, какъ говорится, приличія; а потомъ кто же не расходится? Никто не осудитъ насъ за это.

Ему не трудно разбить ее; да она и сама, безъ его возраженій, чувствуетъ всю шаткость своихъ доводовъ.

Онъ велитъ подать другую бутылку, наливаетъ ей и себѣ по бокалу и предлагаетъ выпить за дружбу, за искреннюю, самоотверженную дружбу, которая скраситъ ихъ жизнь и принесетъ счастье, какое каждый изъ нихъ ищетъ себѣ. Онъ поднимаетъ свой стаканъ, слегка охватываетъ ее за талію, привлекаетъ къ себѣ,—она не сопротивляется, и оба пьютъ, медленно и торжественно, не спуская глазъ одинъ съ другого.

Его формула не совсѣмъ ей ясна, но ей некогда разбираться въ ней; давешній разговоръ слишкомъ взволновалъ ее, и такъ пріятно забыться, ни о чемъ думать. Да и зачѣмъ думать, когда онъ тутъ, подлѣ, почти склонился къ ея плечу и говоритъ ей что-то хорошее и ласковое? Къ чему думать о томъ, что̀ было или что̀ еще будетъ? Дайте ей жить однимъ настоящимъ. Ее пьянитъ не одно вино, что̀ пѣнится и искрится въ стаканахъ, но также и его близость. Они опять говорятъ обо всемъ, пере-

скакиваютъ съ предмета на предметъ, и смыслъ ихъ бесѣды не въ словахъ, не въ содержаніи, а въ интонаціи голоса, въ улыбкѣ, въ выраженіи глазъ. Зала пустѣетъ, а имъ не хочется уходить; прислуга начинаетъ гасить электричество, и только тогда они поднимаются съ мѣста.

VI.

И вотъ они въ автомобилѣ, мчатся при блѣдномъ разсвѣтѣ сѣвернаго утра куда-то за городъ: она ухватилась за эту поѣздку, какъ за предлогъ еще нѣсколько отдалить минуту разлуки. Утренняя прохлада бьетъ ей въ лицо, но она не замѣчаетъ ея. Закрывъ глаза, она отдается своимъ мыслямъ и уносится въ далекое пространство, гдѣ все неясно и туманно.

— Итакъ,—слышитъ она надъ своимъ ухомъ:—на чемъ же вы рѣшили: оставаться мнѣ здѣсь или уѣзжать завтра?

— Конечно,—оставайтесь, отвѣчаетъ она, и слабая надежда вновь зарождается въ ея душѣ: — завтра послѣ-обѣда я свободна на цѣлый вечеръ.

— Ахъ, вы опять свое, заканчиваетъ онъ съ усмѣшкой.

Что-то порывается между ними; теперь имъ нечего больше сказать другъ другу. Печально бѣжитъ минута за минутой, а впереди ничего, кромѣ разочарованія и разлуки. Прощай мечты, прощай надежды! Она ухватила его руку, она ждала: вотъ-вотъ онъ разувѣритъ ее; но его рукопожатіе такое слабое, неохотное. Ей хочется плакать, однако она дѣлаетъ надъ собой усиліе и сдерживаетъ себя.

— Хильда,—слышитъ она близко, совсѣмъ близко, отъ себя.

Онъ впервые называетъ ее такъ, по имени.

Она не рѣшается открыть глазъ и лишь по движенію понимаетъ, что онъ хочетъ поцѣловать ее. Она ждала этой минуты, желала ея и еще болѣе боялась. Она слабо отстраняетъ его рукой, онъ настаиваетъ. Къ чему, однако, лукавить? Теперь, если она и борется, то не столько съ нимъ, сколько съ самой собою.

— Ну, вотъ здѣсь, но только здѣсь,—скорѣе жестомъ, чѣмъ словами отвѣчаетъ она, показывая на щеку, и сладко вздрагиваетъ, ощутивъ прикосновеніе теплыхъ губъ. Вдругъ онъ наклоняется къ ней еще ближе, властно поворачиваетъ ея голову, впивается губами въ ея губы и долго, не отрываясь, цѣлуетъ ее. Не отдавая себѣ отчета, безсильно опустивъ руки, она за-

мираетъ въ отвѣтномъ поцѣлуѣ. Этотъ поцѣлуй былъ единственной сильною лаской, какой обмѣнялись они за все время ихъ знакомства, но онъ точно преобразилъ ее всю, озаривъ новымъ невѣдомымъ счастьемъ. Пусть это счастье длилось всего одно мгновеніе, но въ будущемъ оно скраситъ ей цѣлые годы.

Когда она очнулась, было совсѣмъ свѣтло; автомобиль стоялъ у подъѣзда ея дома и шофферъ открывалъ дверцы экипажа. Затѣмъ прощальныя слова, прощальное крѣпкое рукопожатіе—и все исчезло, всему настaлъ конецъ.

VII.

И вотъ сейчасъ, проснувшись, въ постели, она мысленно переживаетъ эти три памятныхъ дня: первую встрѣчу, прогулку въ Гансъ-аугенъ, его визитъ, концертъ, вчерашній ужинъ. Какая пустота сейчасъ безъ него! Опять одна! Неужели она навсегда его потеряла? Вернется ли онъ? Увидитъ ли когда-нибудь она его снова? Она пытается разобраться въ его поступкахъ, словахъ. Что это за человѣкъ? Чего онъ хотѣлъ отъ нея? Какъ понять его? Столько ласки, вниманія, столько горячаго одушевленія,—и рядомъ съ этимъ—развѣ не эгоизмъ все то, чего онъ добивался, на чемъ упорно настаивалъ? Зато его ласка! Какъ долго ждала она ее, сколько лѣтъ душевнаго одиночества прошло, прежде чѣмъ ей улыбнулось это счастье,—неужели только затѣмъ, чтобъ сильнѣй ощутить его утрату?..

Она приподнялась на кровати, солнце обливало ее горячими лучами—вчера, ложась спать, она совершенно забыла опустить штору и завѣсить окно—блѣдныя розы, увядшія и больше не нужныя, лежали на кругломъ столѣ, а въ воображеніи вставалъ милый, симпатичный образъ, слышался привѣтливый голосъ, тянулись къ ней теплыя, влажныя губы. Но чѣмъ ярче рисовался ей его обликъ, чѣмъ болѣе сладкой истомою дразнилъ ее его поцѣлуй, тѣмъ неотступнѣе и мучительнѣй поднимался горькій вопросъ: вернется ли онъ? Увидитъ ли когда-нибудь она его вновь?

Да, вернется ли онъ?..

Е. Шмурло.

У ДРЕВНИХЪ БЕРЕГОВЪ МОРЕЙ.

У древнихъ береговъ морей,
Повитыхъ сумракомъ и снами,
Обломки мертвыхъ кораблей
Колышетъ вѣтеръ межъ волнами,
Хоронитъ въ пѣнѣ у камней.

И безконечно далеки
Отъ міра слезъ и сожалѣнья,
Шуршатъ прибрежные пески
И вѣютъ холодомъ тоски
И равнодушіемъ забвенья.

И навсегда обречены
Внимать своимъ же отголоскамъ,
Гремятъ на морѣ валуны,
И нѣтъ конца несчетнымъ всплескамъ
Неумолкающей волны...

У древнихъ береговъ морей—
Въ послѣдній часъ—душа не прячетъ
Любви и горести своей
И, умирая, плачетъ, плачетъ,
Все неутѣшнѣй, все больнѣй.

О, милой жизни краткій сонъ
И пробужденіе въ пустынѣ,
Гдѣ жуткій звѣздный небосклонъ—
Какъ пепелъ меркнущихъ временъ,
Устало тлѣющихъ донынѣ.

Гдѣ нѣтъ надеждъ и нѣтъ путей,
Гдѣ тяжко дышетъ хаосъ темный,
И трупы мертвыхъ кораблей
Колышетъ вѣтеръ неуемный
У древнихъ береговъ морей.

Г. Вяткинъ.

РАТНИКЪ ОПОЛЧЕНІЯ.

I.

Мѣсяцъ всего прошелъ, какъ пріѣхалъ въ столицу и поступилъ въ монтеры на заводъ Никифоръ, а побывалъ онъ за это время на кухнѣ у Карпа Ивановича, шуряка своего, четыре уже раза. Какъ воскресеніе, такъ и приходитъ. Въ гостяхъ сидитъ, а повадка у него такая, будто у себя дома онъ: шведская куртка кожаная—на распашку, сѣрую жокейку съ головы не снимаетъ, руки въ карманахъ, въ зубахъ трубка дымитъ. А вынетъ изо рта трубку—веселые мотивы насвистываетъ. Все шутки шутитъ; другіе засмѣются, а самъ даже не улыбнется; глаза внимательные, точно ищутъ они въ каждомъ человѣкѣ, какое кого слово взять можетъ. И беретъ: къ мальчишкѣ, что помои выноситъ, подойдетъ, по затылку легонько шлепнетъ, и скажетъ:

— Эхъ ты, мужчина!.. А лоханку вотъ и не подымешь.

Говорить мальчишка не смѣетъ, отшучиваться тѣмъ болѣе: Карпъ Ивановичъ, хозяинъ, тутъ. Весело стрѣльнетъ въ лицо Никифора глазенками, зубы оскалитъ и, хоть пыжится и кровью лицо у него наливается, а лоханку несетъ молодцомъ, будто въ ней и вѣсу совсѣмъ нѣтъ. Никифоръ лоханку за ушко подхватитъ, до дверей донести поможетъ.

—Молодца!..

И выходитъ такъ, будто мальчишка лоханку одинъ донесъ. Вернется назадъ, на Никифора косится и на лицѣ праздникъ.

Къ дѣвченкѣ подойдетъ Никифоръ, что картошку чиститъ, а ей ужъ и безъ словъ весело; надъ котломъ нагибается, исподлобья на Никифора смотритъ. Тотъ ноги широко разставитъ, трубку свою пососетъ, посмотритъ.

— Ну, и здорова же ты, братецъ мой, картошку чистить, бѣда.... Ухъ, и жениха же я тебѣ найду!..

И подъ мышкой пощекочетъ.

Дѣвченка отъ похвалы вспыхнетъ, по полу заерзаетъ, косичкой замотаетъ—смѣхъ ее разбираетъ. И еще быстрѣй картошку чиститъ.

Отойдетъ Никифоръ, глазами его провожаетъ.

Барышни изъ зала то и дѣло вбѣгаютъ въ кухню: одной рукой пустую посуду на скамью ставятъ, другой—Карпу Ивановичу деньги отдаютъ и за новой порціей тянутся. И для нихъ, для каждой, Никифоръ слово находитъ.

— Прическа у васъ сегодня, Маша, умопомрачительная, ей-Богу. Весь ресторанъ въ васъ влюбится.

Хоть и спѣшитъ Маша очень, но здѣсь останавливается, лицо дѣлаетъ, будто ей все равно, но гордо дернетъ вверхъ головой и весело скажетъ:

—Ну, и комплиментщикъ же вы, Никифоръ Алексѣевичъ, такъ просто страсть. Только я мужчинамъ не довѣряю.

А у самой глаза веселые и видно, что очень ему вѣритъ. Убѣжитъ эта, прибѣжитъ другая. Никифоръ и къ ней:

— Ишь, старается!.. Что, карася жирнаго поймала?

Барышня дѣловито передернетъ плечами и весело бросить:

— Подрядчикъ Суконниковъ съ компаніей. На третьемъ взводѣ... Съ двадцати пяти сдачи—вотъ получить!

И поднесетъ подъ самый носъ Никифору Алексѣевичу шишъ. Тотъ улыбается.

— Старайся, шельма, старайся...

По-пріятельски тронетъ его барышня за рукавъ и умчится съ полнымъ подносомъ.

И съ Карпомъ Ивановичемъ Никифоръ шутитъ. Но не такъ, какъ съ тѣми. Близко къ нему не подойдетъ, въ глаза хоть и смотритъ, но не надолго, на секунду, двѣ; трубкой покрѣпче затянется, дыму погуще изо рта пуститъ.

— Ну, какъ вчера торговалось, Карпъ Ивановичъ? Хорошо, поди?

Очень любилъ Карпъ Иванычъ о торговлѣ своей поговорить, да не говорится ему чего-то съ зятемъ. Не долюбливаетъ онъ его и за посвистыванія, и за свободную повадку, и за жокейку и за внимательное поглядываніе по сторонамъ. Бросить слово—два изъ вѣжливости и на зятя старается не смотрѣть. Пока не приходилъ Никифоръ, и онъ самъ, и всѣ остальные и даже кухня,—все было другимъ: самъ онъ, Карпъ Иванычъ, былъ хозяиномъ, солиднымъ и строгимъ, взгляда котораго слушались и даже боялись всѣ остальные. Полный, дородный и бѣ-

лый, въ бѣломъ колпакѣ и такой же курткѣ, онъ свободно двигался между плитой и столомъ, слѣдилъ за кострюлями, сковородами, помѣшивалъ ложкой въ котлахъ и своими маленькими, острыми глазами быстро и внимательно слѣдилъ за работой другихъ: и на подручнаго, у плиты помогающаго, и на мальчишку для грязныхъ работъ, и на дѣвченку, чистящую картошку, и на жену, моющую посуду.

И всѣ работали быстро, точно машины, боялись хоть на минуту отъ дѣла оторваться, потому что хозяйскій глазъ стоялъ надъ ними каждую секунду. И больше всѣхъ старалась и боялась жена. Повернувшись лицомъ къ скамейкѣ съ посудой, съ головой, обмотанной платкомъ, высокая и ширококостная, она ловко и быстро подхватывала двумя пальцами за края тарелки, совала ихъ въ лохань съ водой, терла мочалкой. Потомъ подставляла подъ водопроводный кранъ и быстро укладывала ихъ стопками. Наскоро оботретъ тряпкой потъ съ лица, переступитъ съ ноги на ногу, — и опять пошли мелькать въ рукахъ тарелки да миски. Какъ машинныя части, правильно и быстро, ходятъ на широкой спинѣ широкія лопатки; голова нагнута, и вся она до послѣдней, кажется, мысли въ работѣ. Уронитъ нечаянно тарелку или ножъ—пугливо, по-собачьи, оглянется на Карпа Иваныча, быстро подыметъ упавшее. Но Карпъ Иванычъ не пропуститъ: такимъ же голосомъ, какъ и на мальчишку, и на дѣвченку прикрикнетъ на жену и, хоть у той ужъ опять все по-прежнему, все въ порядкѣ, но Карпъ Иванычъ прикрикнетъ еще разъ, посверлитъ ея спину своими все видящими глазами, досадливо подожметъ губы. И даже плита какъ будто слушается Карпа Иваныча; шипитъ, трещитъ, паромъ всю кухню заволокла—подставляй, молъ, Карпъ Иванычъ! Все сготовлю.

Появился Никифоръ, и все пошло шиворотъ-на-выворотъ: смѣхи, улыбки, веселые взгляды, барышни съ порціями по дорогѣ задерживаются, лясы точатъ, и всѣ перестаютъ хозяина чувствовать—будто его здѣсь нѣтъ, а главное лицо онъ, Никифоръ.

Тотъ на лавкѣ посиживаетъ, трубку свою посасываетъ, ногой покачиваетъ и все ему одно—что мальчишка грязный, что хозяинъ: со всѣми одинаково разговариваетъ. И не любитъ его за это Карпъ Иванычъ самымъ нутромъ своимъ, сердцемъ не любитъ. А показать свою нелюбовь чего-то стѣсняется, будто связаннымъ чувствуетъ себя передъ его спокойствіемъ, усмѣшкой и передъ внимательными глазами Карпъ Иванычъ. Ругнуться ему хочется, оборвать его на полусловѣ, приказать противную

жокейку передъ иконой снять. Да чего-то не рѣшается, будто чувствуетъ, что тотъ даже не разсердится, сумѣетъ отвѣтить такое, что, пожалуй, другимъ и смѣшно станетъ.

Со всѣми шутитъ Никифоръ, съ сестрой только почти не разговариваетъ. Придетъ на кухню, съ сестрой молча поздоровается, руку ея на минутку задержитъ. Поглядитъ на груду посуды, на ея потное, усталое лицо и сейчасъ же отъ нея отойдетъ. Похаживаетъ по кухнѣ, на всѣхъ и на все поглядываетъ, а сестры будто и нѣтъ,—даже и въ сторону ту не поглядитъ. Только когда прикрикнетъ на нее Карпъ Иванычъ, онъ вскинетъ глаза на сестру, потомъ на шурина, крѣпче затянется трубкой. И чувствуетъ Карпъ Иванычъ и по глазамъ его видитъ, что всю ихнюю жизнь онъ до тонкости понимаетъ. Пока не прійдетъ Никифоръ—все обыкновенно и все въ порядкѣ: и что жену свою онъ не любитъ, потому что любить-то ее не за что, и что та работаетъ съ утра до вечера:—даромъ вѣдь ѣсть хлѣбъ человѣку не полагается. И что боится она не только его окрика, но даже и взгляда. А пришелъ Никифоръ, сидитъ, помалкиваетъ, поглядитъ на нихъ обоихъ, и все это выходитъ какъ-то иначе: и будто бы не должна жена столько работать на мужа, и кричать на нее не за что, потому что старательная она очень... А третьему все-таки соваться межъ нихъ нечего. Не его это дѣло. И хочется сказать это Никифору прямо въ глаза, но вдругъ вспомнитъ, что тотъ и не суется: ни одного такого слова не скажетъ, чтобы зацѣпиться можно было. Уйдетъ Никифоръ, Карпъ Иванычъ на женѣ свою злость вымещаетъ, сердито на нее поглядываетъ и ждетъ, какъ бы къ чему придраться, злымъ словомъ обидѣть. Тарелкой та громко стукнетъ,—онъ ужъ тутъ.

— Смотри, посуду побьешь... дубина...

Ребенокъ въ каморкѣ рядомъ закричалъ, Акулина ужъ сама туда спѣшитъ, а онъ не упуститъ.

— Ты потарапливайся, корова! Ишь, ноги еле переставляетъ.

Вечеромъ, за ужиномъ ни слова, точно ее и за столомъ нѣтъ. Пойдетъ жена ребенка укладывать, а онъ ей въ догонку:

— Тоже... братовъ завела... шляются тутъ...

А жена точно въ ротъ воды набрала. Работаетъ, молчитъ; прикрикнетъ мужъ—глаза опуститъ, бровью не поведетъ, лицо не дрогнетъ,—какъ деревянная. Отвѣтишь—и того хуже: на всю кухню скверными словами обругаетъ. Только сраму наберешься.

II.

Такъ намозолилъ глаза Карпу Иванычу за это время Никифоръ, что не могъ онъ о немъ забыть ни на минуту. Нѣсколько дней ужъ прошло послѣ послѣдняго воскресенія, а тотъ какъ живой стоитъ со своей усмѣшкой, въ своей курткѣ, жокейкѣ и съ трубкой въ зубахъ. Такъ душа на него и горитъ. На Акулину посмотритъ, еще больше злость беретъ.

А въ слѣдующее воскресеніе, какъ только тотъ показался въ дверяхъ, сейчасъ же почувствовалъ, что сегодня не выдержитъ—на смерть съ нимъ разругается. Началъ съ того, что на «здравствуйте» не отвѣтилъ. Никифоръ на него поглядѣлъ очень спокойно, повернулся спиной и, какъ будто ничего не произошло, щелчкомъ угостилъ мальчишку въ затылокъ. Отъ этого взгляда и этого спокойствія забурлило внутри у Карпа Иваныча—шваркнулъ разливную ложку на столъ и довольно громко произнесъ:

— И чего по чужимъ кухнямъ шляются...

Тихо сразу стало. Мальчишка и дѣвченка къ работѣ головы нагнули, подручный въ топку заглянулъ, хоть туда и подкладывать было рано. Никифоръ же будто и не слышитъ: на лавку сѣлъ, трубку раскуривать сталъ. Только Акулина среди работы остановилась и, выпуская изъ рукъ тарелку, оглянулась на мужа. Какъ на грѣхъ и тарелку положила не какъ слѣдуетъ—соскользнула, за ней еще три-четыре и съ грохотомъ и звономъ ударились онѣ о цементный полъ и разсыпались въ куски. Акулина застыла надъ осколками, а Карпа Иваныча сразу прорвало: схватилъ каталку для тѣста и медленно, какъ на звѣря, поджавъ губы, пошелъ на жену. Уже поднялась каталка, уже Акулина втянула голову въ плечи, но Никифоръ прыжкомъ поднялся со скамейки и загородилъ ему дорогу. Посмотрѣлъ на него Карпъ Иванычъ—не тотъ человѣкъ: усмѣшки нѣтъ, лицо сразу сѣрымъ стало, челюсти сжались, глаза холодомъ въ лицо ему пахнули, и увидѣлъ онъ совсѣмъ близко у своего носа тяжелый, жилистый, съ широкими, крѣпкими ногтями и въ черныхъ трещинахъ кулакъ. Опустилъ Карпъ Иванычъ каталку, сдѣлалъ шагъ назадъ, а Никифоръ опять ужъ прежній: рука въ карманѣ, трубка въ зубахъ, спокойствіе на лицѣ.

— Такъ-съ нельзя, Карпъ Иванычъ! Бить сестру не позволю. А вотъ поговорить мнѣ съ вами надо...

Было это сказано очень миролюбиво. Даже руку протянулъ

чтобы на плечо ему положить. Карпъ Иванычъ въ недовѣрчивомъ удивленіи скосилъ глаза и даже отступилъ шагъ назадъ,—ему это показалось подвохомъ. Но нѣтъ: Никифоръ прямо и откровенно глядитъ ему въ глаза, лицо у него не насмѣшливое, какъ всегда, а серьезное, почти дѣловое. Тяжелаго кулака передъ глазами не было, и Карпъ Иванычъ сразу расхрабрился. И хоть было любопытно, о чемъ это тотъ такъ спокойно хочетъ съ нимъ говорить, но не могъ онъ удержаться, чтобъ не пофорсить—повернулся къ зятю спиной и отошелъ къ плитѣ, взялся за разливную ложку, помѣшалъ въ котлѣ, помолчалъ и потомъ ужъ презрительно бросилъ:

— Намъ съ вами толковать не о чемъ-съ.

Никифоръ не обидѣлся, не разсердился, подошелъ къ шурину. Брови, глаза и ротъ стали у него строгіе и настойчивые, а голосъ тише обыкновеннаго.

— Пойдемъ, пойдемъ...

И пригласилъ его рукой въ каморку.

Карпъ Иванычъ помолчалъ—поломался еще минутку, неохотно положилъ ложку, неохотно шагнулъ и по дорогѣ все-таки пробурчалъ:

— И какіе это такіе разговоры могутъ быть...

Въ каморкѣ, чтобы сѣсть, имъ обоимъ пришлось протискаться бокомъ: широкая кровать съ перинами и подушками, два окованныхъ блестящей жестью сундука, широкій комодъ, нагруженный добромъ такъ, что почти не закрывались ящики, да столъ по серединѣ—все это оставляло совсѣмъ узенькое свободное пространство. Карпъ Иванычъ сѣлъ, точно въ гостяхъ: занялъ всего полъ-стула, руки на колѣняхъ сложилъ, спину выпрямилъ, а лицо сдѣлалъ скучающее и глаза полузакрылъ: вотъ, вотъ встанетъ да уйдетъ. Никифоръ же наоборотъ: усѣлся основательно, локти на столъ поставилъ, трубкой затянулся, и видно по всему—къ серьезному разговору приготовился. Прежде чѣмъ начать, оглядѣлъ онъ Карпа Иваныча, какъ-будто хотѣлъ заново, опять увидѣть его всего со всѣми помыслами. Побарабанилъ пальцами по столу, еще разъ затянулся трубкой, выпятилъ нижнюю губу, чтобы пустить къ потолку струю дыма.

— Такъ-то, Карпъ Иванычъ!.. Не подходящая для васъ жена—сестра моя: проста больно.

Хоть и предчувствовалъ Карпъ Иванычъ, что объ этомъ разговоръ будетъ, но отъ такихъ словъ сразу опѣшилъ, отъ неожиданности даже на весь стулъ сѣлъ.

Ожидалъ онъ, что Никифоръ сестру защищать, а его ругать станетъ, а тутъ—на тебѣ...

Посмотрѣлъ онъ исподлобья на зятя, не хитритъ ли? Нѣтъ: смотритъ на него въ упоръ и совершенно покойно, лицо попрежнему серьезное. И вдругъ нутромъ какъ-то понялъ Карпъ Иванычъ, что Никифору ничего и разсказывать не нужно, самъ все понимаетъ. И не осуждаетъ онъ его, нѣтъ...

И такъ вдругъ захотѣлось все разсказать этому врагу, понятливому и покойному, и такъ умилительно стало на душѣ у Карпа Иваныча, что даже лицо у него сдѣлалось по-ребячьи жалкимъ. Дородный, бѣлый и полный, всегда самостоятельный и гордый своимъ заработкомъ, неограниченный властелинъ тамъ, въ кухнѣ, онъ теперь сидѣлъ слабый передъ низкимъ и плотнымъ Никифоромъ, готовый излиться передъ нимъ до глубины души.

И чувствовалъ онъ къ зятю почти то же самое, что̀ чувствовалъ въ молодости къ хозяину, когда тотъ, бывало, похвалитъ, или дастъ на чай.

Дернулся на стулѣ, заглянулъ зятю въ глаза.

— Никифоръ Алексѣичъ! Выпить бы намъ теперь по рюмашечкѣ.

У Никифора подъ усами мелькнула улыбка. Онъ качнулъ въ знакъ согласія головой, и, когда Карпъ Иванычъ вскочилъ и подошелъ къ поставцу на стѣнѣ, онъ съ любопытствомъ посмотрѣлъ тому въ спину.

А Карпъ Иванычъ точно переродился. Усердно, какъ подаютъ хорошему гостю въ ресторанѣ, постлалъ салфетку, протеръ фартукомъ и посмотрѣлъ на свѣтъ рюмки, сбѣгалъ въ кухню, досталъ закуски повкуснѣй и вѣжливо налилъ водки. Лицо его было солидное и къ компаньону уважительное, а послѣ первой рюмки стало даже добрымъ.

— То-есть, Никифоръ Алексѣичъ!.. Умный вы очень человѣкъ, вотъ что̀ я вамъ скажу, и все это сразу понимаете. Вотъ простой вы человѣкъ, изъ нашего же брата, и платье на васъ немудреное, въ приличномъ мѣстѣ даже какъ-будто канфузное, а посмотрѣть на васъ,—какъ-будто вы изъ образованныхъ. И врать вамъ не хочу, потому что все равно не повѣрите. Жена-то моя, сестра ваша... какъ бы это вамъ сказать... Ежели бъ не братъ вы ей были... Мы—давайте по другой выпьемъ.

— Легче говорить будетъ?

— Сами понимаете, Никифоръ Алексѣичъ, неловко оно какъ-то выходитъ. Сестра жъ...

Выпили по другой.—Карпъ Иванычъ чмокнулъ послѣ водки и, ставя рюмку на столъ, задумчиво посмотрѣлъ на рукавъ своей куртки.

— Сами вы разговоръ начали, Никифоръ Алексѣичъ, такъ мнѣ говорить ужъ и не зазорно. Правду истинную вамъ сказать—дакъ сестра ваша—женщина на рѣдкость.—Онъ вытянулъ надъ столомъ руку и другой сталъ загибать на ней пальцы.—Работящая—разъ; честная—два; дитя любитъ—три. Опять же—и тихая очень. Другому бы мужу—кладъ. И вижу это я все и очень даже хорошо это понимаю, а вотъ почувствовать—не могу. Чтобы это мнѣ, значитъ, въ душу вошло. Пока бѣднымъ я былъ, по чужимъ кухнямъ служилъ, такъ и любилъ я ее за ея работу и тихость.

А теперь вотъ—онъ развелъ надъ столомъ руками—какъ-будто другой Акулина стала, не та совсѣмъ, да и конецъ... Давайте-ка мы еще по рюмочкѣ, Никифоръ Алексѣичъ! Дорогой вы человѣкъ, Никифоръ Алексѣичъ!

— Вы пейте, а я больше не могу, Карпъ Иванычъ!

— Ну, и принуждать васъ не стану. А мнѣ—нужно. Вы какъ думаете? Легко это мнѣ? Пока недостатки были, Акулина, какъ лошадь, на меня работала; можно сказать, почти-что на ноги меня поставила, такъ и женой была хорошей. А теперь, какъ кухню въ аренду взялъ, да деньжонки завелись, такъ на нее, прости ты меня, Господи, и смотрѣть не хочется. Подлецомъ, значитъ, я выхожу—одно мнѣ названіе.

Онъ задумчиво налилъ и медленно опрокинулъ въ ротъ рюмку. Никифоръ сидѣлъ тихо, не шевелясь, по-прежнему опершись руками о столъ, серьезно, и ясно разглядывалъ Карпа Иваныча, какъ опытный механикъ разглядываетъ любопытную и и понятную для себя машину. А Карпъ Иванычъ выпилъ еще двѣ рюмки, опять задумался и вдругъ сталъ сердито краснѣть. Какъ лошадь передъ хомутомъ, дернулъ вверхъ головой, посмотрѣлъ въ упоръ совсѣмъ ужъ сердитыми, слегка посоловѣвшими глазами, на Никифора.

— Пожалуйста, сколько угодно можете на меня смотрѣть! Позвольте васъ спросить, мнѣ развѣ такая жена нужна? Ежели всѣ меня уважаютъ и своего капиталу въ банкѣ у меня $3^1/_2$ тыщи? Мнѣ вотъ богатые купцы руку подаютъ, всѣ: «Карпъ Иванычъ» да «Карпъ Иванычъ», а тутъ тебѣ такая жена. Да на нее, кто ни придетъ, даже и не посмотритъ. Судомойка—судомойка и есть. И не женщина она, а все равно, что корова. Я такихъ судомоекъ на рынкѣ могу достать за шесть

рублей въ мѣсяцъ, сколько угодно. Я, можетъ, черезъ годъ такую коммерцію заломлю, что чертямъ тошно станетъ! Такъ позвольте мнѣ васъ спросить — онъ хлопнулъ рукой по столу — кто у меня тогда, за моей кассой хозяйкой сидѣть будетъ, а?— Это—Акулина-то? Хо-хо!.. Тамъ—дама нужна, чтобъ рожа да кожа, чтобъ хорошаго гостя она къ себѣ притягивала! Глазомъ повела, чтобъ сразу мужчина растаялъ.

Никифоръ надъ столомъ качнулъ ногой.

— Вотъ какъ барышня Елена, напримѣръ, что въ верхней залѣ подаетъ?

Глаза у Карпа Иваныча стали наглыми. Онъ восторженно свистнулъ и взмахнулъ рукой.

— Елена!.. Ты понимаешь, о чемъ говоришь-то? Она, какъ плечомъ двинетъ, такъ тебѣ — цѣлковый на чай. Глазъ, какъ у чорта, и никогда ни на копейку не обсчитается. — Онъ глубоко и пьяно вздохнулъ.—Не про насъ это, стариковъ... А эту рябую-то посади... отъ нея съ души воротитъ... да она съ десятки и сдачи не сосчитаетъ! Хоть ты ей и братцомъ приходишься, а правду я сказать долженъ: корова твоя сестра и больше ничего! Ты, можетъ, на меня въ обидѣ, что я съ ней и разговаривать не желаю. А ну-ка, голова, о чемъ я говорить-то съ ней буду? Ты съ ней по человѣчеству поговори, а она на тебя глазами хлопаетъ, да только и скажетъ: «Да ужъ такъ, Карпъ Ивановичъ... да что-жъ, Карпъ Ивановичъ... Вы—хозяинъ, вамъ и знать»... Это жена называется? Жена настоящая свое слово имѣть должна. Мужу совѣтомъ бы помогла и дуракомъ когда обругаетъ... и то ничего. Чтобъ польза отъ нея была человѣку настоящая... а то—посуду помыла. Эка—невидаль! Да она даже мнѣ тыкнуть не смѣетъ, все: «вы», да «вы», все: «Карпъ Иванычъ», да «Карпъ Иванычъ». Эхъ-ма! Въ головѣ-то, видно... кромѣ посуды да жратвы и нѣтъ ничего, никакой такой фантазіи!

Еще выпилъ, и вдругъ лицо у него стало слезливымъ, и руками взялся онъ за голову. — И за што ты, Господи, меня наказуешь? Никифоръ Алексѣичъ! вѣдь я передъ вами, какъ передъ отцомъ роднымъ говорю. Вѣдь за столъ съ ней сѣсть, покушать и то нѣтъ моихъ силъ: пасть до ушей раскроетъ, ложку облизываетъ, крошки со стола подбираетъ, точно голодомъ я ее морю. Два года замужемъ, жретъ, какъ не въ себѣ, а все жадная. Ботинки я ей за четыре съ полтиною купилъ, паршивыя, на базарѣ... Такъ она ихъ, дурища, въ сундукъ спрятала, а по праздникамъ въ старыхъ ходитъ. Сакъ ей мод-

ный купишь, чтобъ на людей похожа была, а онъ на ней, будто его не на женщину, а на солдата надѣли. Ну, какъ это я перенести могу, ежели моя душа даму требуетъ?

Полубезсмысленно уставился на Никифора, и лицо у него было совсѣмъ горько-пьяное,—вотъ, вотъ слезы потекутъ. Никифоръ тихонько свистнулъ.

— М-да... а здѣсь еще всякія барышни изъ залы цѣлый день вертятся.

— Вы, Никифоръ Алексѣичъ, на счетъ барышень — не того... Вы на нихъ не смотрите, что онѣ—легкія. У другой на приданое такія деньжата припасены, съ начаевъ-то съ этихъ, что ты ей ниже купца и не показывай. Такую барышню, ежели въ дѣло къ себѣ взять—золото!.. Она тебѣ не на шесть рублей въ мѣсяцъ наработаетъ... Хо-хо!

Карпъ Иванычъ взялъ въ руки графинчикъ, чтобъ налить себѣ еще, но помѣшалъ вошедшій въ каморку старшій дворникъ. Пришелъ, сказалъ: «здрасьте» и помолчалъ. Онъ никогда сразу не говорилъ о дѣлѣ, по которому приходилъ, и никогда ничему не удивлялся. Не удивлялся ли онъ на самомъ дѣлѣ, или это былъ просто пріемъ, чтобы внушить къ себѣ уваженіе, — этого у него нельзя было разобрать. Но видъ у него всегда былъ хладнокровный до чрезвычайности, ходилъ всегда медленно и покойно, руки держалъ въ карманахъ пальто, козырекъ картуза носилъ надъ самыми глазами, такъ что никогда нельзя было догадаться, о чемъ онъ думаетъ. Борода у него была аккуратно расчесана и голенища сапогъ—ярко вычищены. Голову носилъ высоко не то потому, что глаза козырькомъ были закрыты, или, быть можетъ, полагалъ, что старшему дворнику такъ идетъ. Говорилъ скромнымъ и ровнымъ басомъ. Вошелъ, поздоровался, помолчалъ, поглядѣлъ на Карпа Иваныча изъ-подъ козырька и, не вынимая рукъ изъ кармановъ, внушительно сказалъ:

— Вы, Карпъ Иванычъ, какъ по воинской повинности? Вѣрно, ратникъ перваго разряда? Мужчина хоть куда, безъ недостатковъ... Ежели такъ, то въ участокъ пожалуйте.

Карпъ Иванычъ, такъ и не наливъ, медленно поставилъ графинчикъ на столъ и съ раскрытымъ ртомъ посмотрѣлъ на дворника. Тотъ продолжалъ по-прежнему покойно:

— Мобилизація объявлена. Высочайшій приказъ.

Никифоръ посмотрѣлъ на Карпа Иваныча, на дворника, поднялся со стула. Проходя по кухнѣ мимо сестры, остановился, задумчиво посмотрѣлъ ей въ спину и вышелъ въ дверь.

III.

Сразу протрезвѣлъ Карпъ Иванычъ; будто и не пилъ ничего. Мобилизація—значитъ, война, значитъ, не зря люди болтали, а онъ вотъ все не вѣрилъ. Передъ глазами какъ вихорь завертѣлся. Закрутилъ этотъ вихорь сначала передъ нимъ графинчикъ съ рюмками на столѣ, потомъ деньги, приносимыя барышнями, потомъ кухню, всю чайную, съ бѣлыми столиками и обѣдающими.

Повертѣлось все это передъ глазами, какъ сумасшедшее, и куда-то унеслось, а потомъ стало пусто и черно. А еще нѣкоторое время спустя, Карпъ Иванычъ появился самъ передъ собой въ солдатской шинели, съ ружьемъ на плечѣ. Было это такъ неожиданно, что даже нечего было и сказать.

Дворникъ все стоялъ передъ нимъ, глядѣлъ на него очень покойно, а потомъ ушелъ такъ же солидно, какъ и пришелъ. А Карпъ Иванычъ, только сталъ опять соображать, побѣжалъ къ хозяину. Тотъ, какъ узналъ, сейчасъ же его утѣшилъ:

— Ты, Карпъ Иванычъ, не безпокойся. Человѣка поставь, жалованіе отъ себя положи. Богъ дастъ, вернешься, кухня, какъ была за тобой, такъ и будетъ. Доволенъ я тобой. Воюй съ нѣмцемъ, отечество защищай, а отъ меня тебѣ обиды не будетъ.

Чуть не прослезился Карпъ Иванычъ.

Въ хлопотахъ и безпокойствѣ прошло нѣсколько дней, пришла и война.

Сѣлъ Карпъ Иванычъ на скамью, голову нагнулъ передъ необходимостью, а лицо было обыкновенное, слегка только удивленное. Къ вечеру онъ съ новымъ положеніемъ немного, все-таки, освоился. И сдѣлалось это какъ-то само собой, за работой, которую—война-не-война—а оставить нельзя было ни на минуту. Правда, много въ этомъ помогли и другіе. Къ уваженію, которымъ его окружали барышни, прибавилось еще и сочувствіе, и блюда онѣ спрашивали съ такимъ видомъ, словно Карпъ Иванычъ былъ не совсѣмъ здоровъ и съ нимъ надо было говорить мягче обыкновеннаго. Весь день видѣлъ онъ сочувственные взгляды, слышалъ одобренія, что, молъ, Богъ дастъ, вернется домой цѣлымъ и здоровымъ, что солдатъ онъ будетъ хорошій, бравый. Барышня Елена оглядѣла его дородную, высокую фигуру глазами женщины, понимающей и цѣнящей мужскую красоту, и игриво прибавила:

— Вы, вѣрно, въ гвардіи служили, Карпъ Иванычъ? Къ вамъ форма прелесть, какъ пойдетъ.

Такъ продолжалось до обѣда. А потомъ, когда народу въ залѣ набралось много, и разговорами стало заниматься некогда, любезности отъ барышень прекратились.

Послѣ обѣда же какъ-то само собой это вышло—и вообще лишнее не говорилось. Будто и не тотъ Карпъ Иванычъ стоялъ, что до обѣда. Прибѣгали барышни, брали порціи, и какія-то другія онѣ стали. Возьметъ свое, убѣжитъ, слова не скажетъ, будто и не Карпъ Иванычъ отпускалъ. Видно было только стараніе угодить тамъ, въ залѣ. Посмотритъ на него мимоходомъ, и чувствуетъ онъ, и видитъ, что нисколько ужъ имъ не дорожатъ, что у всякаго своего дѣла полонъ ротъ. Будто его уже здѣсь и нѣтъ совсѣмъ, будто взяли ужъ его въ солдаты. Даже Елена стала солиднѣй, уходила изъ кухни быстро и дѣловито. Мясникъ, зеленщикъ, яичникъ деньги получатъ, а любезность сказать позабудутъ, развѣ только, уходя, у порога кто запнется: неловко, видно, дѣлается: пару словъ по-прежнему броситъ, точно изъ-за недосуга раньше позабылъ. Холодно стало на душѣ у Карпа Иваныча и пусто. Совсѣмъ ужъ настоящимъ солдатомъ себя почувствовалъ. Его ужъ и не видятъ, прежде чѣмъ ушелъ. Мало ли солдатъ у царя... Ну, и еще одинъ такой же. Сжался онъ самъ передъ собой, меньше сталъ въ собственныхъ глазахъ, грустно и сиротливо ему сдѣлалось. И кастрюли на полкѣ, и кубъ, и плита со всѣмъ, что на ней стояло, будто отодвинулись отъ него, словно все это чувствовало, что скоро будетъ надъ ними другой хозяинъ.

А жена, какъ молчала все время, такъ и теперь свое дѣло молча продолжала. За нѣсколько дней между объявленіемъ мобилизаціи и потомъ войны Карпъ Иванычъ нѣсколько разъ собирался ей сказать слова два, но какъ-то не выходило у него это. Ругаться только, правда, пересталъ. Слышала Акулина, какъ говорили о войнѣ, видѣла, что Карпъ Иванычъ присмирѣлъ очень. Оставляла по временамъ работу, поворачивалась къ нему лицомъ. Постоитъ такъ, но видитъ, что мужу не до нея, опять берется за посуду. А Карпу Иванычу какъ разъ теперь хотѣлось, чтобы она ему что-нибудь сказала. Оставилъ даже плиту, сидитъ, ждетъ. А та молчитъ, какъ зарѣзанная. Совсѣмъ грустно ему стало, а потомъ зло взяло. Вотъ вѣдь колода деревянная... Такія дѣла, а она—хоть бы что... Собрался ужъ ругнуть да поглядѣлъ на жену, и странной она ему какой-то показалась, хоть стояла къ нему спиной и лица было не видать. Работа

какая-то другая была. Руки двигались правильно, но медленнѣй обыкновеннаго: медленнѣй сгибались, медленнѣй разгибались. То, бывало, тарелку отодвинувшуюся надо достать—быстро нагнется, подцѣпитъ двумя пальцами и пошла дальше отмахивать. Теперь была она, будто связали ее. За тарелкой—ногу тяжело отставитъ, пока въ руку возьметъ, тарелка раза два изъ пальцевъ выскользнетъ. Потомъ опять ногу тяжело, какъ деревянную, переставляетъ. А спина широкая и костистая, всегда прямая и, какъ изъ камня, крѣпкая, теперь какъ-то ослабѣла, опустилась, даже согнулась, будто привязали ей на шею грузъ. Еще утромъ за такую работу онъ разнесъ бы ее такъ, что чертямъ тошно стало бы; а теперь посмотрѣлъ, посмотрѣлъ изъ-за плиты, и вдругъ по этой спинѣ и работѣ только теперь настоящимъ образомъ почувствовалъ, что значитъ бросить хорошую кухню и пойти на войну. Сразу жалко себя стало, и совсѣмъ ослабѣвшимъ онъ себя почувствовалъ. Стало жалко себя, а потомъ и Акулину. Совсѣмъ не та баба. Будто побилъ кто ее жестоко. Еще сильнѣй захотѣлось, чтобы что-нибудь сказала, посмотрѣла бы на него. А она—молчитъ... Только руки, какъ деревянныя, еле движутся, да спина еще больше, кажется, согнулась. Такъ она и работу кончила, и за столъ ужинать сѣла. Посмотрѣлъ Карпъ Иванычъ на жену — не тотъ человѣкъ. Жадности прежней нѣтъ, ѣстъ меньше и, видно, о ѣдѣ совсѣмъ не думаетъ. Глаза опущены, лицо серьезное, брови нахмурены. За день, должно быть, съ собой справилась, и теперь на лицѣ ни тревоги, не безпокойства. Лицо это готово было все принять и все, что потребуется, преодолѣть. И такъ, какъ раньше, при взглядѣ на ея спину, Карпу Иванычу стало себя жалко, такъ теперь по ея лицу онъ почувствовалъ всю серьезность своего положенія, которому надо посмотрѣть прямо въ глаза и къ которому надо серьезно подготовиться. Забылось какъ-то, что она—деревенская дура, захотѣлось поговорить, посовѣтоваться. А какъ приступить, не зналъ. Какъ-то не выходитъ, не говорится. А кромѣ того еще хочется, чтобы кто-нибудь пожалѣлъ. Жалѣетъ, положимъ, Акулина. Видно, что жалѣетъ. А молчитъ, вотъ... А хочется, чтобы вслухъ, словомъ пожалѣла. Пошелъ въ каморку, взялъ сына, сѣлъ къ столу, мальченку на колѣни посадилъ, далъ ему ложку поиграть. Бывало, если Акулина и попроситъ, на руки ни на минутку ребенка не возьметъ, чтобъ штаны не запачкалъ; чуть закричалъ—сердится, рукой машетъ и скорѣй въ люльку нести приказываетъ. А теперь обнялъ и по головѣ гладитъ. Самъ щи ѣстъ, сынъ въ тарелкѣ ложкой плескается, щи по столу

разбрызгиваетъ, а у Карпа Иваныча и строгости никакой. На мальчика поглядываетъ, по головѣ гладитъ да усмѣхается. Акулина смотритъ, и сама другая стала. Хмурость съ лица прошла, на нихъ на обоихъ поглядываетъ и будто неловко ей чего-то. Носъ сыну двумя пальцами вычистила, выговоръ ему сдѣлала:

— Ты что жъ это, сукинъ сынъ, щи разливаешь? Вонъ папкѣ рукавъ выпачкалъ.

Что говоритъ она, сынъ не понимаетъ, но понимаетъ, что съ нимъ шутятъ. Глазенками на мать уставился, беззубый ротъ широко раскрываетъ, ложку ей показываетъ; другую руку—отцу въ бороду запустилъ. Оба улыбаются, на него смотрятъ, онъ—на нихъ, и стали они втроемъ одинъ на другого глядѣть. Акулина ложку у него отнимаетъ, чтобъ не безобразничалъ, а Карпъ Иванычъ назадъ отдаетъ:

— Ничего, пусть...

— Весь столъ выпачкалъ.

— Ничего, чего тамъ...

Карпъ Иванычъ все сына по головѣ гладитъ, Акулина рубашенку поправляетъ, животъ ему закрываетъ. И не та совсѣмъ Акулина. Свободнѣй она какъ-то стала. Настоящая мать и хозяйка за столомъ сидитъ. Сыну улыбается, а глаза заботой покрыты, большой заботой, человѣческой. И то самое лицо, а не такое, какъ раньше. Смотритъ на нее мужъ и забылъ, что чуть-ли не сегодня еще судомойкой ее шестирублевой называлъ. Видно, что словъ отъ него ждетъ, важныхъ словъ, большихъ, и чувствуетъ Карпъ Иванычъ—все она готова исполнить, что ни прикажетъ. А словъ не было. У самого ихъ еще не было. Не совсѣмъ еще привыкъ онъ къ своему новому положенію. Минутами казалось даже, что ничего и не произошло. Было слишкомъ странно представить себѣ, что вотъ пятнадцать лѣтъ работалъ онъ за второго повара, теперь снялъ кухню, деньги сыпались въ карманъ, съ каждымъ днемъ приближалась самостоятельность. Ужъ сталъ почти забывать, что въ жизни можетъ случиться вообще всякое... И вдругъ пришелъ старшій дворникъ, помолчалъ, сказалъ два слова, ушелъ, и отъ этого все перевернулось вверхъ дномъ. Какъ колдунъ какой, со своей большой бородой и козырькомъ надъ глазами. Какъ сонъ... Все исчезло... Будто не было ни раскаленныхъ, жгущихъ лицо, плитъ, ни каторжнаго труда, постояннаго, безпрерывнаго, и въ будни, и въ праздникъ. Скорѣе сномъ былъ дворникъ. Не доѣвъ щей, задумался. Сыну надоѣло сидѣть на колѣняхъ, сталъ вертѣться, хныкать, тянуться къ матери. Карпъ Иванычъ встряхнулся, отдалъ мальчика Акулинѣ,

всталъ, потянулся, оглядѣлъ кухню съ догоравшей плитой и докипающимъ кубомъ, груды сложенныхъ тарелокъ и вяло сказалъ:

— Ну, ложиться пора.

IV.

Не спалось ему. Хоть дѣло было совершенно ясно—не было больше кухни, а была солдатская шинель и походъ, но сидѣло это пока, какъ тяжелый камень, только въ головѣ. Душа еще этого принять не хотѣла и металась отъ кухни къ шинели и отъ похода къ будущей собственной чайной. Всегда серьезный и положительный, онъ и теперь испытывалъ потребность не чувствовать себя между двухъ стульевъ, проникнуться положеніемъ, чтобы ясно и отчетливо сдѣлать все то, что долженъ сдѣлать человѣкъ при такихъ обстоятельствахъ. Лежалъ навзничь, съ закрытыми глазами, сосредоточенный и тихій, какъ лежитъ человѣкъ подъ большой тяжестью, на него навалившей и отъ которой можно освободиться постепенно, не торопясь, когда для этого придетъ время. Тогда можно будетъ подняться и сдѣлать, что слѣдуетъ. Не спала и Акулина. Обычно во снѣ она дышала ровно и глубоко, похрапывала и присвистывала носомъ, безмятежно разбросавъ руки и ноги, раскрывъ ротъ и запрокинувъ голову. Теперь лежитъ на боку, къ нему спиной и не слышно ее совсѣмъ. Прошелъ часъ, другой, третій... Ему о снѣ и не думается, Акулина лежитъ по-прежнему. Слышитъ — зашевелилась жена. Повернула къ нему голову. Видно, думаетъ, что спитъ. Тихонько сѣла на кровати, спустила къ полу босыя ноги, тихонько встала, чтобъ кровать не скрипнула, подошла къ углу. Чего это она? Ага... Повернулась къ иконѣ. Свѣту ночного изъ окна чуть-чуть, видать ее смутно. Подняла голову къ иконѣ, крестится. Перекрестилась, руку опустила, стоитъ. Костистая, широкая, съ сильной шеей и крѣпкими ногами. Стоитъ долго, на икону смотритъ. Молитву, видно, шепчетъ. Только тихо очень—не слышно. Потомъ опускается на колѣни, кладетъ земной поклонъ. Встаетъ. Опять крестится, опять стоитъ неподвижно, съ поднятымъ лицомъ. Понимаетъ Карпъ Иванычъ, что за него она молится. Странно это ему, необычайно. Никто еще о немъ никогда не молился. И кажется ему теперь жена не глупой коровой, а защитницей передъ Богомъ. Лежитъ, смотритъ и со сладкимъ удовольствіемъ принимаетъ защиту отъ этой большой, крѣпкой женщины и радъ, что она—его жена. Хочется, чтобъ простояла

она такъ долго. Теперь, когда онъ глядѣлъ на нее изъ-подъ полуопущенныхъ вѣкъ, сразу стало совсѣмъ ясно, что надо идти на войну. И просто оно тоже стало, обыкновенно. «Идти, такъ идти. Не одинъ. Тысячи пойдутъ. Не отдавать же врагу отечество». Съ этимъ ничего не подѣлаешь. Жена вотъ молится за него Богу, а Богъ можетъ вернуть его цѣлымъ и невредимымъ. Кончила. Въ густомъ сумракѣ видно, какъ перекрестилась въ послѣдній разъ, бѣлая рубашка двинулась изъ угла къ кровати. Постояла надъ нимъ, посмотрѣла, не спитъ ли, и тихо опустилась около кровати на колѣни. Перегнулась ближе къ его ногамъ, положила на край кровати руки, на руки—голову, услышалъ Карпъ Иванычъ, что всхлипываетъ, и увидѣлъ, что движутся ея широкія плечи. Захолонуло въ груди, замерло сердце. Плотно закрылъ глаза, сжался, чтобъ не двинуть ни рукой, ни ногой, чтобъ не догадалась она, что не спитъ онъ. Поплакала Акулина, легла. Карпъ Иванычъ почувствовалъ себя точно у хорошей, крѣпкой стѣны, защищающей его отъ всякихъ напастей. Захотѣлось обнять ее, но постѣснялся. И все-таки не выдержалъ—положилъ ей на шею руку, но представился, что со сна это: плотно закрылъ глаза и даже всхрапнулъ... Забылся онъ только подъ утро, а когда проснулся, было уже не рано. Акулина въ кухнѣ ужъ тарелки моетъ, стукъ оттуда доносится. Захотѣлось ей что-нибудь сказать.

— Акулина!

Она заглянула въ каморку съ тарелкой въ одной рукѣ, съ мочалкой—въ другой.

— Поспите, Карпъ Иванычъ! Я здѣсь присмотрю.

Ему стало весело отъ этого предложенія. Наскоро одѣлся, вышелъ въ кухню. Поглядѣлъ на плиту, а тамъ уже все, что нужно, сдѣлано: топится, мясо у мясника принято, зелень—въ водѣ, яйца на мѣстѣ, тѣсто для пирожковъ замѣшано. У Акулины лицо озабоченное, хозяйственное. Оказалось, что и дѣлать-то ему нечего, пока плита не разгорѣлась. Присѣлъ къ столу. А у Акулины и чай для него готовъ. Налила, поднесла. Пріятно это ему было очень, что все въ порядкѣ и что чай поднесенъ. Выпилъ, подошелъ къ плитѣ. Акулина смотритъ въ уголъ и говоритъ:

— Посиди, отдохни, чего тамъ... Пока посуды грязной нѣту, я сама...

Ужъ на «ты» она къ нему. А ему и впрямь работа въ голову не лѣзетъ. Безпокойство за кухню тяжелымъ камнемъ въ головѣ поворачивается, на мозги давитъ. На чужого человѣка

оставлять приходится. Другой тебѣ такъ похозяйничаетъ, что все прахомъ пойдетъ. Ему что? Все равно жалованіе идетъ. Однако черезъ часъ-другой безпокойство стало проходить: Акулина здорово за дѣло берется. Во всѣхъ углахъ глазъ держитъ. Топку поправила, зелень раскрошила, за мальчикомъ смотритъ, чтобъ хорошенько картошку обмывалъ, за дѣвченкой—чтобъ посуду чисто перетирала. За кипяткомъ съ большимъ чайникомъ пришли, копейку дали, она еще копейку потребовала. Не давали, хотѣли такъ уйти. Такъ она дорогу загородила, да на скупившуюся бабу прикрикнула:

— Ты что? цѣны не знаешь? Давай двѣ копейки, а то и не ходи совсѣмъ—много васъ такихъ найдется!

Да право же, не та совсѣмъ Акулина.

Понимаетъ, что заботы на нее перейти должны, и сразу на себя ихъ приняла, не разсуждая. Стоитъ въ другомъ концѣ кухни, а видитъ, что мальчишка картошку толсто чиститъ—хозяйству убытокъ. Подошла, за ухо его дернула.

— Думаешь, не вижу? Смотри у меня!

Глядѣлъ на нее Карпъ Иванычъ, глядѣлъ, и все яснѣй ему становилось, что и здѣсь за него Акулина заступится, какъ ночью заступалась передъ Богомъ, что не пропадетъ ни одна его копейка. А Акулина чувствуетъ—мужъ ее глазами одобряетъ, и совсѣмъ расходилась баба. За деньгами мясникъ пришелъ, за кости покричала. Тотъ ей, наравнѣ съ Карпомъ Иванычемъ, шапку снялъ на прощаніе и даже пошутилъ:

— Вотъ что значитъ война-то... Бабы начальствомъ подѣлались.

Барышнямъ стала выговаривать, чтобъ скорѣй шли. Тѣ—ничего, слушаются. Даже Елену поучила:

— Гляди-ка, палецъ у тебя въ соусѣ.

Неаккуратно это.

Елена и прической мотнула, и плечомъ повела, а палецъ все-таки изъ соуса вынула и объ фартукъ обтерла. Ушла, Акулина ей строго вслѣдъ посмотрѣла. Хозяйка-хозяйкой. Такъ весь день и распоряжалась.

А Карпъ Иванычъ помалкиваетъ да усмѣхается. Доволенъ очень.

Кончилась работа, въ каморку пошли.

Укачала Акулина ребенка, заснулъ. Сидитъ Карпъ Иванычъ, на нее поглядываетъ. Деньги на столъ высыпалъ и Акулину зоветъ:

— Помоги деньги сосчитать, Акулина!

Акулина словно и дѣло для нея привычное: къ столу подсѣла, на пальцы поплевала и за бумажки взялась—разсматриваетъ и въ одну пачку складываетъ. Сосчитала хоть и не скоро, а вѣрно. Лицо внимательное, даже строгое. Видитъ Карпъ Иванычъ, что къ деньгамъ очень она уважительна, и опять ему прiятно. Серебро и мѣдь, какъ слѣдуетъ, рублями складывать стала. Раза два обсчиталась, но Карпъ Иванычъ поправилъ.

Сразу сообразила, въ чемъ дѣло, и больше ошибокъ не дѣлала. Завернули въ бумажки. Карпъ Иванычъ открылъ сундукъ, деньги туда положилъ и ей ключъ отдалъ.

— Завтра нужно кой-куда сходить. Такъ ты смотри... А то здѣсь публика разная шляется.

Акулина спрятала ключъ за пазуху.

— Цѣлы будутъ.

Видитъ Карпъ Иванычъ по ея лицу, что, хоть самъ чортъ приди, Акулина денегъ не отдастъ. Прошелся по комнатѣ, поправилъ лампадку у образа, для чего-то будильникъ на столѣ переставилъ, занавѣску на окнѣ поправилъ.

— Акулина!

Чувствуетъ по голосу Акулина,—что-то серьезное и важное собирается сказать ей мужъ.

Весь день распоряжалась, а теперь, какъ мужъ къ ней обратился, смирная стала, напередъ готовая всякое приказанiе исполнить.

— Что, Карпъ Иванычъ?

Повернулась къ нему, прямо въ глаза смотритъ. Хорошо смотритъ. И на дуру не похожа совсѣмъ. Карпъ Иванычъ волосы на головѣ пригладилъ, спину выровнялъ, прямо сѣлъ. Говоритъ тихо, вполголоса:

— Ты мнѣ, Акулина—жена, Богомъ данная. Довѣряю тебѣ все хозяйство мое, всѣ деньги мои и сына моего. Честь свою держи, хозяйство береги, за сыномъ смотри.

Акулина молчала. Глядѣла мимо него, и столько было въ ея лицѣ твердости и увѣренности въ себѣ, что Карпу Иванычу сразу на душѣ легко стало.

— Перекрестись.

Подошла къ иконѣ, три раза осѣнила себя медленнымъ и широкимъ крестомъ. Повернулась къ мужу, отвѣсила ему низкiй поклонъ, посмотрѣла прямо въ глаза.

— Вы, Карпъ Иванычъ, можете приказывать, а я все сполню... Какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами... Чистая была, чистая останусь. Богъ только штобы далъ вернуться вамъ благополучно.

Черезъ два дня и пошелъ. Больше они объ этомъ не говорили. Акулина провожала его вмѣстѣ съ толпой ратниковъ до сборнаго пункта. Пришелъ проводить и Никифоръ. Поздоровался съ Карпомъ Иванычемъ молча, крѣпко пожалъ руку.

— Скоро и меня возьмутъ, Карпъ Иванычъ! Надо воевать. Уйдетъ нѣмецъ изъ Россіи,—жизнь пойдетъ хорошая, своя, русская жизнь. Кто хочетъ жить, долженъ умѣть умирать. А мы—русскіе умирать умѣемъ и жить будемъ хорошо. Дай вамъ Богъ...

Поцѣловались. Никифоръ назадъ отступилъ, чтобъ женѣ съ мужемъ въ послѣдній разъ поговорить не мѣшать.

Такъ все время сзади и шелъ.

Акулина шагала съ мужемъ плечо къ плечу и молчала. Карпъ Иванычъ, не глядя, чувствовалъ ее каждую секунду и думалъ, что вотъ для офицера своего, фельдфебеля и вообще для всѣхъ—онъ будетъ солдатъ, какъ тысячи другихъ солдатъ, и никто его даже и замѣчать не будетъ. А вотъ есть у него Акулина, и для нея онъ хозяинъ, мужъ, Карпъ Иванычъ. Тамъ у него кухня, за которой она будетъ смотрѣть, и Акулина теперь единственный человѣкъ въ мірѣ, для котораго онъ—не рядовой такого-то полка, а человѣкъ, о которомъ она будетъ думать, ждать и за него молиться. И чувствовалъ себя Карпъ Иванычъ отъ этого по-прежнему хорошимъ поваромъ, съ деньгами, имуществомъ и надеждами. А молитвы Акулины сохранятъ его отъ врага,—вѣрилось въ это. Для всего свѣта онъ ничего, а вотъ, значитъ, не ничего. Какой былъ, такимъ и остался.

Когда показался заборъ, за которымъ онъ сейчасъ скроется, они, точно условились, отошли къ сторонкѣ. Въ первый разъ, за два съ лишнимъ года совмѣстной жизни, свободно и глубоко заглянули другъ другу въ глаза. Онъ снялъ шапку, какъ передъ молитвой, она обтерла пальцами губы. Ни слова не говоря, обнялись, поцѣловались три раза крестъ-на-крестъ и сразу розняли руки. Еще разъ другъ на друга поглядѣли. У Акулины вдругъ сама дернулась губа, нависла на правомъ глазу крупная, свѣтлая слеза. Потомъ выдавилась другая слеза—на лѣвомъ, но это Карпъ Иванычъ уже не видалъ. Толпа отхлынула отъ воротъ, потомъ—назадъ, къ воротамъ. Успѣлъ онъ только замѣтить мелькнувшую въ воздухѣ Никифорову жокейку. Его оттиснули, затерли и втиснули во дворъ. Прижали къ забору, но онъ даже не замѣчалъ, что прижатъ. Ему казалось, что стоитъ надъ нимъ Акулина, большая, крѣпкая, вѣрная, съ молитвой и слезой. Легко ему было.

М. Кисинъ.

СОМНѢНІЕ.

Закатъ былъ тусклъ. И въ тучахъ задыхалась
Душа Зари, и ночь пришла, какъ тать.
Все обняла осенняя усталость,
На все легла предсмертная печать.
Всю ночь шумѣло море и металось.
Грозила буря двери оторвать,
И сердце больно схватывала жалость.
Зачѣмъ! Къ кому? Иль жаль себя опять!
Иль силъ въ груди для новыхъ жертвъ не стало.
Иль гибнетъ вѣра въ то, чему принесъ
Я высшій даръ, какъ завѣщалъ Христосъ?
Сомнѣніе, твое земное жало
Изъ сердца я навѣки вырву прочь!
О, скорби одиночества! О, ночь!

А. Ѳедоровъ.

ПО СИБИРИ.

Абыгы-Джіэ.

I.

Рѣка сузилась, теченіе стало быстрое. У праваго берега просвѣчиваютъ сквозь струю воды песчаныя отмели. И, обходя ихъ, временами мы подходимъ такъ близко къ лѣвому берегу, что мягкія вѣтви растущей подлѣ воды ивы задѣваютъ за бортъ парохода.

Видъ однообразный. За золотистыми пятнами мелей у праваго берега—прямая линія яркой, сочной травы. А ближайшій лѣвый берегъ—онъ приходится направо отъ насъ, такъ какъ мы подымаемся противъ теченія Маи—ближайшій возвышенный берегъ похожъ на гигантскую живую изгородь, дотого густо покрытъ онъ кустами.

Вдоль воды бѣжитъ узкая полоса гальки,—такая прямая, будто ее нарочно насыпали здѣсь. Мѣстами,—особенно тамъ, гдѣ нависли надъ водой ивы,—эта сѣрая полоса напоминаетъ городской бульваръ. А за ней почти отвѣсно подымается склонъ горы.

Это—«старый берегъ», въ давнія времена размытый и прорѣзанный Маей. Густая растительность сгладила разрушительную работу воды. Не видно обнаженныхъ пластовъ, уступовъ и каменныхъ глыбъ. Все скрыто бархатистымъ зеленымъ ковромъ.

Пассажиры высыпали наверхъ, столпились около штурвальной будки. Ждутъ чего-то, вопросительно поглядывая то на берегъ, то на старика-лоцмана.

— Вотъ онъ, «Чортовъ Домъ»,—произноситъ, наконецъ, лоцманъ, указывая рукой на кусты.

Я вглядываюсь, но не вижу ничего, кромѣ зелени.

— Гдѣ? Гдѣ?—волнуется капитанъ.

Онъ тоже не видитъ того, что замѣтилъ старикъ.

— А вонъ, за тѣмъ деревомъ...

— Вижу, вижу теперь.

Раздается команда:

— Отдай якорь!

На носу загремѣла цѣпь. Съ нижней палубы шумно спускаются сходни. Пассажиры и матросы гурьбой повалили на берегъ. А я все еще не могу разглядѣть, гдѣ тутъ «Абыгы-Джіэ».

Пещера «Чортовъ Домъ» — по-мѣстному «Абыгы-Джіэ»—расположена на лѣвомъ берегу Маи, въ 150 верстахъ отъ Нелькана. Состоитъ она изъ множества камеръ, соединенныхъ между собой арками и длинными извилистыми корридорами. Въ 80-хъ годахъ этой пещерой заинтересовалось епархіальное начальство, ревностно заботившееся объ обращеніи въ православіе окрестныхъ якутовъ и тунгусовъ.

Нетрудно понять, почему въ данномъ случаѣ духовенство занялось явленіемъ, относящимся, строго говоря, къ вѣдѣнію горнаго департамента. Названіе пещеры наводитъ на мысль о связи ея съ «Черной вѣрой». Въ шаманствѣ въ то время видѣли «вѣру въ чорта», а отсюда былъ одинъ шагъ до подозрѣнія, не является ли таинственная пещера на Маѣ храмомъ и мѣстомъ поклоненія язычниковъ...

Епархіальному миссіонеру поручено было посѣтить пещеру. Съ этой цѣлью командированъ былъ о. Василій Мальцевъ, извѣстный просвѣтитель тунгусовъ. Мальцевъ отнесся къ порученію весьма добросовѣстно: съ опасностью для жизни онъ проникъ въ отдаленные тайники пещеры, зарисовалъ планъ ея и представилъ начальству отчетъ обо всемъ видѣнномъ. Въ «Чортовомъ Домѣ» не оказалось ничего, напоминающаго о близости чорта. И начальство, убѣдившись, что пещера не имѣетъ отношенія къ дѣламъ вѣры, забыло о ней.

Но въ Якутскѣ осталась память объ этой пещерѣ, какъ о мѣстной диковинкѣ. И почтовый пароходъ, дважды въ годъ подымающійся по Маѣ, неизмѣнно останавливается здѣсь, чтобы дать возможность пассажирамъ спуститься на берегъ.

Только подойдя вплотную, замѣтилъ я входъ въ пещеру.

Высоко надъ водой открывается въ зеленой стѣнѣ провалъ въ видѣ широко разинутой пасти. Отверстіе имѣетъ при основаніи сажени три, а кверху суживается и сходитъ на-нѣтъ, подобно готической аркѣ. Со стороны рѣки отверстіе скрыто

огромной глыбой, обрушившейся съ верхней части свода. Эта глыба должна была бы завалить входъ въ пещеру, но при паденіи она соскользнула немного внизъ къ водѣ и за нею остался узкій проходъ.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ упала эта глыба. И за это время та сторона ея, которая обращена къ рѣкѣ, покрылась пышной растительностью. Пробились вверхъ посреди кустовъ даже цѣлыя лиственницы и ели. И теперь только привычный глазъ можетъ отличить эту зеленую массу отъ зелени берегового склона.

Непривѣтливо встрѣчаетъ пещера гостей. Вглубь горы уходитъ, спускаясь постепенно внизъ, широкая галлерея. Изъ нея навстрѣчу намъ несетъ холодомъ. Стѣны ея обледенѣли и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ входа покрыты сосульками, тускло отражающими огоньки фонарей, свѣчей и самодѣльныхъ факеловъ.

При входѣ въ пещеру замѣтилъ я на камняхъ пестрые лоскутки матеріи и пучки конскаго волоса. Это—жертвоприношенія, обычно оставляемыя инородцами въ священныхъ мѣстахъ («Обо») для умилостивленія духовъ. Такія жертвоприношенія попадаются въ Якутской области довольно часто—надъ рѣками, около мостовъ и обрывовъ, на вершинахъ холмовъ, на развѣтвленіяхъ тропинокъ, на перекресткахъ дорогъ,—то-есть въ мѣстахъ менѣе таинственныхъ и мрачныхъ, чѣмъ «Абыгы-Джіэ».

Вслѣдъ за матросами и пассажирами вхожу въ переднюю камеру пещеры. При свѣтѣ принесенныхъ огней можно разглядѣть обширный, высокій залъ. Вверху подобіе купола. Полъ, съ каждымъ шагомъ вглубь пещеры, опускается внизъ. Въ глубинѣ—подернувшаяся ледяной пленкой вода. Попробовали прочность льда—ломается; идти по нему нечего и думать, хотя интересно было бы заглянуть въ черныя дыры, зіяющія, какъ жерла пушекъ, въ задней стѣнѣ пещеры.

Направо отъ входа—высокая арка. За нею—вторая палата. Входимъ туда.

Слабые, косые лучи, проникающіе откуда-то сверху, разбиваютъ мракъ подземелья, и при нихъ все принимаетъ особенно фантастическій видъ.

Вторая камера ниже и уже, чѣмъ первая. Она вытянута въ длину. Полъ ея, заваленный валунами и обледенѣлыми комьями глины, еще круче, чѣмъ въ первой палатѣ, уходитъ внизъ. Тамъ, въ глубинѣ, вода, а въ стѣнахъ чернѣютъ провалы и щели...

Справа высится груда земли, глины и грубо обтесан-

ныхъ каменныхъ плитъ. Изъ-за гребня этой груды пробивается свѣтъ.

Подымаюсь вмѣстѣ съ двумя матросами по уступамъ образовавшейся здѣсь баррикады. Камни не доходятъ до свода. За ними третья пещера. Но спускаться туда приходится медленно, осторожно,—съ рискомъ свернуть себѣ шею при первомъ неловкомъ движеніи: спускъ крутой, а ноги и руки скользятъ по обледенѣлой поверхности.

Теперь свѣтъ падаетъ прямо сверху. Въ сводѣ надъ нами треугольное отверстіе. Виденъ клочекъ синяго неба. У краевъ его рѣзко вырисовываются тѣни травъ и древесныхъ вѣтокъ,—будто линіи, проведенныя острымъ перомъ. А, можетъ быть, это не вѣтки, а корни,—снизу видны лишь четкія тѣни на залитомъ солнечными лучами синемъ фонѣ.

Въ полусвѣтѣ, царящемъ въ третьей пещерѣ, видно, что полъ ея неровными ступенями опускается въ обратномъ направленіи по сравненію съ поломъ первой палаты,—не отъ рѣки вглубь горы, но напротивъ, къ рѣкѣ. Говорятъ, отсюда есть скрытый ходъ подъ Маю.

Въ дальнихъ углахъ неумолчно шумитъ вода: отчетливо, звонко выбиваютъ дробь падающія съ вышины капли, глухо журчитъ ручеекъ. А кругомъ во всѣхъ стѣнахъ—бездонныя черныя дыры,—щели или тайные ходы въ дальнія палаты пещеры.

Очертанія и расположеніе осмотрѣнныхъ отдѣленій пещеры показались мнѣ мало похожи на планъ, зарисованный о. Мальцевымъ, и на позднѣйшій менѣе подробный планъ Стефановича. Впрочемъ, это не удивило меня: своды пещеры образованы неустойчивыми, рыхлыми породами, и здѣсь ежегодно происходятъ обвалы, послѣ которыхъ видъ пещеры существенно мѣняется.

Все сильнѣе давалъ себя чувствовать холодъ. Ноги зябли, зубы начинали стучать...

Донесся призывный свистокъ парохода съ рѣки. Пассажиры и матросы заторопились. И по тому, какъ поспѣшно пробираются къ выходу посѣтители «Чортова Дома», видно, что каждый радъ поскорѣе выйти изъ этого подземелья на свѣтъ яснаго дня.

Признаюсь, и на меня пещера произвела жуткое впечатлѣніе. Только послѣ посѣщенія ея оцѣнилъ я мѣткость названія, даннаго ей тунгусами: дѣйствительно, чортовъ домъ!

Если бы я былъ художникомъ, и если бы можно было

красками передать безформенный мракъ, и холодъ, и пронизывающую сырость, и то настроеніе, которое создается этимъ нависшимъ надъ головой, готовымъ обрушиться сводомъ, и этимъ поломъ, убѣгающимъ куда-то вглубь, все дальше и дальше подъ землю, и этимъ глухимъ шумомъ воды,—если бы можно было изобразить все это на холстѣ, такимъ изобразилъ бы я ходъ въ преисподнюю.

II.

Ѣхавшіе на пароходѣ якуты и купцы вмѣстѣ съ остальными пассажирами спускались въ пещеру. Тамъ они громко разговаривали между собой, смѣялись и вообще ничѣмъ не проявляли суевѣрно-благоговѣйнаго отношенія къ мѣсту.

Чѣмъ же является для нихъ «Абыгы-Джіэ»? Смотрятъ ли они на майскую пещеру, какъ на любопытную диковинку, или съ этой пещерой у нихъ связаны опредѣленныя преданія и повѣрія? Вѣрятъ ли они въ злого духа («Абыгы»), живущаго въ пещерѣ? Или для нихъ «Чортовъ Домъ» лишь пустое слово, а жертвоприношенія они оставляютъ при входѣ въ пещеру безъ вѣры, «такъ себѣ», по привычкѣ?

Меня занимали эти вопросы, и я попытался рѣшить ихъ, разспрашивая о пещерѣ ѣхавшихъ на пароходѣ инородцевъ. Но большинство отвѣчало уклончиво, неопредѣленно. Особенно неохотно отвѣчали якуты.

Но вотъ собралась на носу подлѣ якоря кучка тунгусовъ. Среди нихъ бросается въ глаза помощникъ лоцмана Кириллъ,—молодой, съ интеллигентнымъ лицомъ, блестящими зубами и вѣчно улыбающимся ртомъ. Онъ говоритъ по-русски, знаетъ нѣкоторыя буквы и относится съ большимъ уваженіемъ къ книгамъ и къ образованнымъ людямъ. Отъ него я узналъ въ пути много интереснаго. Среди своихъ Кириллъ пользуется почетомъ. Его стройная фигура съ тонкими, но ловкими и крѣпкими, будто изъ стали выкованными, руками, всегда въ центрѣ шумнаго кружка инородцевъ.

Я подхожу къ столпившейся на носу кучкѣ людей и безъ обиняковъ приступаю къ интересующему меня вопросу:

— Не знаете ли вы, Кириллъ, почему эту пещеру прозвали «Абыгы-Джіэ»?

— Не знаю,—трясетъ головою Кириллъ.—Давно назвали.

— Спросите вотъ ихъ—указываю я на тунгусовъ,—можетъ быть, кто-нибудь знаетъ, откуда пошло это названіе.

Кириллъ переводитъ мой вопросъ. Кругомъ смѣются, что-то острятъ на мой счетъ. Наконецъ, пожилой тунгусъ въ помятой широкополой шляпѣ произноситъ на ломаномъ русскомъ языкѣ:

— Я знаю. Тамъ, въ горѣ, чортъ живетъ.

— Чортъ?—переспрашиваю я.

— Чортъ! Самъ видѣлъ.

— Ну? Вы сами его видѣли?

— Я не видѣлъ. Ты видѣлъ.

И старикъ смѣется. Хохочутъ и его земляки.

— Я ничего, кромѣ глины и камней, тамъ не видѣлъ!—отшучиваюсь я.

— И я не видѣлъ, никто не видѣлъ,—подтверждаетъ старикъ.

— Откуда же пошло названіе?—спрашиваю я снова:—Нѣтъ ли сказокъ или пѣсенъ объ этой пещерѣ? Объясните имъ, Кириллъ!

Кириллъ говоритъ что-то по-тунгусски. Въ кружкѣ оживленно спорятъ, перебивая одинъ другого. Говорятъ всѣ разомъ. Наконецъ, Кириллъ обращается ко мнѣ:

— Пѣсенъ нѣтъ, сказокъ нѣтъ. А они говорятъ, давно-давно тутъ слѣдъ видѣли. По берегу слѣдъ ходилъ, къ самой пещерѣ... На медвѣдя не похоже, на копыто похоже. Только не сохатый, а больше. Въ три раза больше. Неизвѣстный звѣрь. Кто ходилъ, какой звѣрь, никто не видѣлъ, никто не знаетъ... А слѣдъ всѣ видѣли. Долго думали: «кто ходилъ?» Потомъ рѣшили: «Чортъ ходилъ!» Такъ пещеру назвали.

Разсказъ похожъ на правду. Вѣдь какихъ-какихъ только звѣрей не встрѣтишь въ Якутскѣ! Вѣдь попадаются на Алданѣ и Маѣ даже тигры, проникающіе сюда съ юга, съ береговъ Амура! На сыромъ пескѣ или на глинѣ по близости отъ пещеры легко могъ оказаться слѣдъ какого-нибудь неизвѣстнаго мѣстнымъ охотникамъ звѣря...

Кириллъ передаетъ мнѣ и другой, не менѣе характерный разсказъ:

— Видѣлъ въ пещерѣ,—какъ труба въ крышѣ,—наверхъ идетъ? Это давно тутъ. Лѣтомъ бываетъ, ледъ таетъ, паръ вверхъ идетъ. И зимой паръ идетъ. Издалека смотрѣть—какъ дымъ надъ костромъ. Раньше пугались люди. Думали: «Откуда дымъ? Кто въ горѣ огонь сдѣлалъ?» Опять рѣшили: «Чортъ огонь сдѣлалъ! У костра сидитъ, обѣдъ варитъ».

Молодой тунгусъ, передавая старое повѣрье своихъ земляковъ, тутъ же объяснялъ происхожденіе его.

Подошелъ къ намъ матросъ изъ ленскихъ чалдоновъ. Мужичокъ лѣтъ сорока, съ русой бороденкой и смѣющимися глазами, онъ только-что вылѣзъ изъ общей матросской каюты на палубу. Прислушавшись къ разговору, добродушно, но крѣпко выругался въ сторону и обратился ко мнѣ:

— Чего вы, господинъ, ихъ слушаете? Развѣ они настоящее скажутъ? Они свою вѣру крѣпко скрываютъ. Шаманы они всѣ, даромъ что крещеные. Для нихъ чортъ ихній—первый Богъ, Агабуй этотъ самый. А въ пещеру идтить они боятся, право слово!

Кириллъ обидѣлся, но возразилъ сдержанно и спокойно:

— Зачѣмъ бояться? Въ пещеру мы ходимъ. Лѣтомъ звѣря убьемъ,—сюда кладемъ. Чтобъ въ холоду мясо лежало. Всегда ходимъ.

— Это вѣрно онъ говоритъ,—согласился чалдонъ:—У нихъ здѣсь въ родѣ какъ погребъ или ледникъ установленъ. А Агабуй-то, чортъ ихній, выходитъ за буфетчика. А только тунгусъ въ пещеру одинъ-на-одинъ не пойдетъ! За деньги—и то не пойдетъ! Потому—боятся.

— Я одинъ пойду!—съ достоинствомъ возразилъ Кириллъ.

— Ты-то, пожалуй, пойдешь... Да ты развѣ тунгусъ? Одна слава, что тунгусъ, а давно ужъ русскій. А настоящій тунгусъ одинъ-на-одинъ не пойдетъ. Что? Неправду я сказалъ? Спроси ихъ!

Кириллъ съ явной досадой перевелъ слова чалдона своимъ землякамъ. Тѣ зашумѣли, заспорили между собой. Но ясно было, что часть соглашается съ матросомъ.

— И втроемъ они не пойдутъ,—торжествовалъ мужичокъ,—и впятеромъ не пойдутъ, и семь человѣкъ не пойдутъ... Чудно́, право.

— Да сколько же имъ нужно, чтобъ идти въ пещеру?—удивился я.

— А все равно, сколько,—лишь бы по-двое идти. Хоть два человѣка, хоть четыре, хоть десять,—все одно. А девять нельзя, семь нельзя,—чортъ ихній не любитъ. Чего смотришь, Кириллъ? Неправда что-ль?

Кириллъ пояснилъ:

— Глупость это. Раньше это думали. А теперь, кто совсѣмъ глупый, такъ вѣритъ... А умный кто, такъ не вѣритъ.

— Чему не вѣритъ?

— Чтобъ по-двое въ пещеру ходить. Глупость!

— А почему раньше этому вѣрили?

Перекинувшись нѣсколькими фразами съ земляками, Кириллъ отвѣтилъ:

— Думали: когда одинъ идешь, рядомъ чортъ встанетъ и съ собой въ гору потащитъ. А когда двое, тутъ чортъ ничего не можетъ. Когда много по-двое идутъ,—хорошо. А кто лишній, чортъ съ собой утащитъ. Раньше это думали. А теперь—кто хорошо идетъ, ничего не будетъ. А кто не смотритъ, голову сломитъ.

Пароходъ подошелъ къ берегу для погрузки дровъ. Началась бѣготня на палубѣ. Разговоръ оборвался, и мнѣ не удалось установить, насколько распространено среди тунгусовъ суевѣріе, о которомъ говорилъ матросъ изъ мѣстныхъ чалдоновъ.

Но происхожденіе повѣрія понятно. Въ пещеру съ обледенѣлымъ поломъ, грозящимъ обвалами сводомъ и зіяющими со всѣхъ сторонъ щелями, дѣйствительно, небезопасно углубляться одному, безъ товарища-спутника. Возможно, что въ дальнихъ камерахъ пещеры тлѣютъ кости не одного смѣлаго охотника. Народная молва приписала гибель тѣхъ, кто не вернулся изъ мрачной пещеры, дѣйствію нечистой силы, живущей въ горѣ. Не отказавшись отъ посѣщенія пещеры, служившей имъ ледникомъ, инородцы стали изъ осторожности ходить туда не въ одиночку, а по-двое. Этотъ способъ оказался безопаснымъ. Создался и окрѣпъ миѳъ, съ отголосками котораго я и встрѣтился на Маѣ.

Но напрасно посмѣивался чалдонъ надъ суевѣріемъ тунгусовъ. Въ тотъ же день пришлось мнѣ говорить о пещерѣ съ мѣстнымъ купцомъ Антипинымъ.

— Почему вы не были съ нами въ пещерѣ?—спросилъ я его.

— А чего я тамъ не видалъ?—сухо отвѣтилъ онъ.

— Все-таки интересно. Да вы вѣдь мѣстный... Вѣроятно, и въ пещеру спускались не разъ?

— Не спускался и спускаться не намѣренъ!

— Почему? Кажется, всѣ туда заглядываютъ, кто бываетъ на Маѣ...

— И пусть себѣ заглядываютъ! А я не желаю. Ну ее совсѣмъ, съ нечистью связываться...

— Неужто чорта тунгусскаго боитесь?—улыбнулся я.

Антипинъ, замѣтивъ мою улыбку, нахмурился:

— Чорта тунгусскаго я не боюсь, а только такъ я воспитанъ. Хоть ученые люди и опровергаютъ, а я религію соблюдаю. Я человѣкъ очень религіозный.

И отъ дальнѣйшихъ разговоровъ о «Чортовомъ Домѣ» онъ уклонился.

Культуртрегеръ, насаждающій капитализмъ среди «дикарей», оказался наслѣдникомъ суевѣрій, отъ которыхъ «дикари» ужъ наполовину отказались!

Въ Якутскѣ, впрочемъ, это не диво,—настолько тѣсно сплелись здѣсь двѣ культуры—мѣстная и россійская. Здѣсь не рѣдкость—старый шаманъ, ежегодно бывающій на исповѣди и на причастіи. А мѣстные россіяне не отстаютъ отъ шамана въ широкой вѣротерпимости: не только купецъ, но и чиновникъ, и даже священникъ, не получивъ желаемаго облегченія послѣ молебна о здравіи, иной разъ отправляется къ шаману и заставляетъ его заклинать духовъ болѣзни по обрядамъ «черной вѣры».

Кто же станетъ здѣсь удивляться Антипину, считающему вѣру въ мѣстнаго «Абыгы» принадлежностью своего христіанскаго міровоззрѣнія?

Горная смола.

«Горная смола» пользуется широкой извѣстностью на Алданѣ и Маѣ. Не только якуты и тунгусы, но и русскіе считаютъ ее здѣсь лучшимъ цѣлебнымъ средствомъ отъ всѣхъ болѣзней.

Кусочки мелко накрошенной «горной смолы» принимаютъ внутрь, съ водкой или чаемъ, при лихорадкѣ и упорномъ кашлѣ. «Горной смолой» растираютъ руки и ноги, пораженныя ревматизмомъ. Иногда примѣняютъ это средство и при перевязкѣ ранъ. Конкурренція нашей медицины «горной смолѣ» не страшна: отъ Якутска до Охотскаго моря, на протяженіи многихъ сотенъ тысячъ квадратныхъ верстъ, имѣется лишь два врачебныхъ пункта,—врачъ въ Ангѣ да фельдшеръ въ Нельканѣ. Поневолѣ населеніе борется съ болѣзнями своими средствами... При нуждѣ прибѣгаютъ къ шаманскимъ камланіямъ. Пользуются, вѣроятно, и травами и листьями кустовъ и деревьевъ. Но о цѣлебныхъ свойствахъ растеній мнѣ ничего не пришлось слышать отъ мѣстныхъ людей. А о «горной смолѣ» говорили и купцы, и крестьяне, и инородцы, и бывавшіе въ этихъ краяхъ чиновники.

— Отъ какихъ болѣзней употребляютъ «горную смолу»?—спрашивалъ я Антипина.

— Да какія здѣсь болѣзни бываютъ, отъ всѣхъ смолой пользуются.

— И помогаетъ? Выздоравливаютъ?

— Кто выздоровѣетъ, кто помретъ. Вѣроятно, что помогаетъ. Иначе и пить ее не стали бъ. А то пьютъ!

Кириллъ горячо отстаивалъ цѣлебныя свойства «горной смолы».

— Хорошо помогаетъ. Отъ всѣхъ болѣзней помогаетъ. Кто умирать долженъ, послѣ смолы живой будетъ. Хорошая смола.

Но къ «горной смолѣ» обращаются лишь при серьезныхъ болѣзняхъ. «Смолы» этой мало, добывать приходится, за крошечнымъ кусочкомъ ѣхать за многія сотни верстъ.

Что же это за «смола»?

Мнѣ объяснили, что это особый камень,—только мягкій, такъ что его можно рѣзать ножомъ. Цвѣтъ у этого камня темно-бурый, почти-что черный. «Смолой» его прозвали за особый запахъ.

Встрѣчается этотъ камень только въ одномъ мѣстѣ—на правомъ берегу Маи, въ 300 верстахъ отъ Алдана. Иногда кусочки «смолы» находятся здѣсь внизу, у воды. Но чаще ихъ добываютъ иначе.

Тунгусы-охотники разыскиваютъ на скалахъ темныя точки, въ которыхъ выступаетъ наружу «смола», и сбиваютъ куски ея пулей.

Старикъ-лоцманъ далъ мнѣ обстоятельное объясненіе цѣлебныхъ свойствъ этого камня:

— Его недаромъ смолой зовутъ. Смола онъ есть. Каменная смола—такая его порода. Какъ у дерева, такъ равно и у камня своя смола есть. Только не видать ея. И въ скалѣ смола есть. Если скалу рубить будешь, всегда смолу встрѣтишь. Да гдѣ ее разрубишь—скалу-то? Камень не дерево, топоромъ его не возьмешь. А гдѣ въ скалѣ щель, тамъ солнце смолу наружу выгоняетъ. Ну, и пользуйся ею. А отъ болѣзни она хорошо помогаетъ, потому что въ ней большая сила,—вся крѣпость каменная въ ней.

Случайно мнѣ удалось ближе ознакомиться съ «горной смолой», о которой ранѣе приходилось читать въ посвященныхъ Якутской области книжкахъ.

У владѣльца парохода, подъ вліяніемъ разговоровъ о «горной смолѣ», явилась мысль, не представляетъ ли она собою новый, не извѣстный ученымъ минералъ съ радіоактивными свой-

ствами. И, желая провѣрить свою гипотезу, онъ приказалъ капитану остановить пароходъ у тѣхъ скалъ, на которыхъ тунгусы, по ихъ словамъ, добывали чудодѣйственную «смолу».

Съ большой неохотой капитанъ выполнилъ это приказаніе. Останавливаться пришлось на серединѣ рѣки, такъ какъ причалить къ берегу мѣшали камни. Даже на лодкахъ нелегко было приставать въ этомъ мѣстѣ.

Нависли надъ водой скалы мутно-желтаго цвѣта. Саженъ на 80 поднимаются онѣ и, кажется, вотъ-вотъ всей своей тяжестью обрушатся въ рѣку. Ни травки, ни кустика, ни мха. Отъ воды до вершины ничего, кромѣ голаго камня. Только вверху чернѣетъ земля. Но за выступомъ скалъ нельзя угадать, разстилается ли тамъ лугъ, или шумитъ тайга, или громоздятся новыя скалы.

Хороша, ослѣпительно хороша должна быть Мая оттуда, съ обрыва. Но жутко, должно быть, подойти къ краю его. По всему видно, что обвалы оттуда срываются часто. Объ этомъ говоритъ и чернѣющая вверху земля, и камни, усѣявшіе рѣку, и образовавшаяся у подножія скалъ насыпь, къ который мы причалили. Эта насыпь состоитъ изъ обвалившихся осколковъ скалъ. Тутъ и мелкіе, какъ щебень, обломки и огромныя, тяжелыя плиты. А рядомъ висятъ готовыя рухнуть, испещренныя трещинами глыбы.

На этихъ скалахъ лежитъ печать дряхлости. Это—не мудрая ветхость обросшихъ сѣдымъ мхомъ финскихъ гранитовъ, увѣнчанныхъ косматыми соснами. Это—не дряхлость горъ - великановъ, говорящая намъ о вѣчности и о смѣняющихся, подобно волнамъ морскимъ, поколѣніяхъ. Это—дряхлость разрушенія,—дряхлость сваленнаго вѣтромъ и медленно истлѣвающаго въ лѣсу, когда-то могучаго дуба.

Скалы и теперь еще имѣютъ грозный видъ. Но при взглядѣ на нихъ является мысль, что онѣ, какъ и все на землѣ, медленно превращаются въ прахъ подъ ударами времени.

По крайней мѣрѣ, именно такое впечатлѣніе произвело на меня это мѣсто. Сюда-то пріѣзжаютъ инородцы за «горной смолой».

Изъ любопытства добрая половина классныхъ и палубныхъ пассажировъ и пароходной команды съѣхала на берегъ вмѣстѣ съ владѣльцемъ парохода.

Пробираемся по насыпи подножія скалъ и смотримъ вверхъ, не проступаютъ ли гдѣ капли «смолы». Спереди идутъ два тунгуса. Они вызвались показать мѣсто добычи «горной смолы».

У каждаго изъ нихъ по двустволкѣ въ рукахъ. Оба улыбаются отъ гордаго сознанія своего положенія во главѣ экспедиціи. Время отъ времени они перебрасываются между собой короткими фразами.

Вотъ они остановились. Смотрятъ вверхъ. Одинъ что-то указываетъ. Другой сердито возражаетъ, машетъ рукой. Мы слушаемъ ихъ споръ, не понимая ни слова. Затѣмъ наши оба предводителя поворачиваются и направляются обратно, въ ту сторону, откуда мы пришли. Въ недоумѣніи слѣдуемъ за ними.

— Видно, мѣсто потеряли,—соображаетъ матросъ, шагающій рядомъ со мною съ ломомъ на плечѣ.

— Ничего не потеряли, — возражаетъ другой: — Дурака валяютъ. Откуда тутъ, на камнѣ, смола возьмется?

Вернулись къ лодкамъ. Опять спорятъ оба тунгуса. На этотъ разъ—съ раздраженіемъ, съ крикомъ, съ выразительными жестами. Наконецъ, младшій изъ двухъ—парень съ бронзовымъ лицомъ и обмотанный вокругъ шляпы тюлевой сѣткой—кричитъ намъ по-русски:

— Онъ не знаетъ! Я знаю! Идемъ!

Онъ ведетъ насъ опять къ тому мѣсту, гдѣ мы только-что были.

Солнце стоитъ высоко. Камни раскалились подъ жгучими лучами. Больно смотрѣть пристально на желтыя скалы. Неясно сливаются подъ черезчуръ прямыми лучами всѣ неровности, углубленія, щели.

— Здѣсь!—увѣренно указываетъ тунгусъ.

Вглядываемся. Вверху, чуть-чуть пониже слоя земли, можно различить узкую, будто проведенную кисточкой, вертикальную черту. Теперь, послѣ того, какъ проводникъ указалъ намъ ее, мы видимъ ее достаточно ясно. Но какое зрѣніе нужно имѣть, чтобъ разыскать ее среди тысячъ тѣней, покрывшихъ, какъ сѣткой, эти ветхія скалы!

Подошелъ второй проводникъ. Смотритъ вверхъ и киваетъ головой.

— Здѣсь!

Ищемъ слѣды «горной смолы» на камняхъ. Но тунгусы-охотники горятъ нетерпѣніемъ показать свое искусство въ стрѣльбѣ.

— Уходи дальше!

Отступили шаговъ на десять въ сторону. Наши проводники сговариваются, кому первому стрѣлять. Затѣмъ закладываютъ патроны.

Первымъ стрѣляетъ младшій. Приложившись, онъ наводитъ ружье. Но цѣлиться приходится почти прямо вверхъ. Мѣшаетъ и солнце. Тунгусъ сбрасываетъ шляпу, отводитъ волосы со лба, опускается на колѣно.

Все это—съ особенной торжественностью, при общемъ молчаніи.

Выстрѣлъ... Пуля царапнула по скалѣ. Вверху показалось облачко пыли. Сыплются внизъ мелкіе осколки камня. Сыплются не сразу, а спустя нѣкоторый промежутокъ времени,—будто задержались въ раздумьѣ, а ужъ потомъ рѣшили упасть...

Но, увы! среди упавшихъ осколковъ нѣтъ ничего похожаго на «горную смолу».

Молодой тунгусъ стрѣляетъ вторично, но съ такимъ же результатомъ. Выступаетъ впередъ его товарищъ, но и тому не везетъ. Напрасно разрядилъ онъ оба ствола. Въ первый разъ онъ взялъ слишкомъ низко, а вторая пуля улетѣла куда-то въ сторону. Пытаются достать пулей смолу и матросы, но куда тамъ!

Капитанъ парохода въ нетерпѣніи машетъ намъ съ мостика рукой и даетъ тревожные свистки. Ему жаль терять полдня изъ-за «смолы», которую онъ, какъ человѣкъ, никогда не болѣвшій и не прибѣгавшій къ лѣкарствамъ, считаетъ ничего не стоющей дрянью.

Но тунгусы объясняютъ, что снизу стрѣлять неудобно, лучше попытаться съ лодки, съ рѣки. И мы направляемся къ лодкамъ, чтобъ сдѣлать новую попытку добыть таинственный камень.

Счастье внезапно улыбнулось намъ. Шагахъ въ пятидесяти отъ того мѣста, гдѣ такъ неудачно стрѣляли по скалѣ наши охотники, оказался другой, болѣе обильный выходъ «смолы», и притомъ сравнительно невысоко надъ землею. Странно, что мы раньше не замѣтили его, хотя проходили здѣсь три раза!

На этотъ разъ и стрѣлять не пришлось. Когда всѣ отошли въ сторону, чтобъ очистить мѣсто стрѣлкамъ, на каменной плитѣ подъ скалой, прямо противъ чернѣвшаго вверху пятна, показывавшаго мѣсто выхода «горной смолы», оказался бугорокъ буро-коричневаго цвѣта.

— Стой! Не стрѣляй!

Хозяинъ парохода первый подбѣжалъ къ бугорку. Наклонился къ плитѣ и тунгусъ-охотникъ.

— Смола! смола!

Осмотрѣли каменную плиту. Она усѣяна круглыми пят-

нами, какъ отъ капавшихъ сверху чернилъ. Посерединѣ эти пятна особенно часты; а въ одномъ мѣстѣ образовался изъ падавшихъ съ высоты капель темный комочекъ, величиною съ грецкій орѣхъ.

Сперва думали сколоть его ломомъ. Но оказалось, что бурая масса легко поддается подъ ногтемъ. Срѣзали ее перочиннымъ ножомъ.

Торжествуя удачу, вернулись на пароходъ. Здѣсь собралась въ каютъ-компаніи вся «интеллигенція». Занялись изслѣдованьемъ добытой «горной смолы». Осматривали, ощупывали, обнюхивали ее, пробовали даже на зубъ. Но никакъ не могли рѣшить, что это такое. А относительно радіоактивныхъ свойствъ найденнаго минерала и подавно не могли сказать ничего опредѣленнаго.

Почтовый чиновникъ съ азартомъ утверждалъ, что это отвердѣвшая нефть, и что точно такую нефть онъ самъ много разъ находилъ на Кавказѣ. Одинъ изъ пассажировъ высказалъ догадку, что это разновидность каменнаго угля.

Капитанъ парохода, досадуя на потерянное изъ-за «горной смолы» время, сперва и смотрѣть не хотѣлъ на нашу находку. Но затѣмъ заинтересовался и взялъ ее въ руки.

— Вотъ я посмотрю. Я эти дѣла понимаю.

Понюхавъ комочекъ, онъ похвалилъ:

— Отлично пахнетъ!

Онъ началъ мять комочекъ между пальцевъ, нажимая все сильнѣе и сильнѣе. И чѣмъ больше тискалъ онъ его, тѣмъ мягче и податливѣе становился нашъ «камень». Онъ началъ прилипать даже къ пальцамъ капитана!

Понюхавъ концы потемнѣвшихъ пальцевъ, снова понюхавъ комочекъ, капитанъ отдалъ его хозяину:

— Отлично пахнетъ! Это древесная смола. Не стоило останавливаться: я вамъ такой смолы изъ любого лиственичнаго полѣна выгоню.

Присмотрѣлся я внимательнѣе къ находкѣ. Дѣйствительно, какъ-будто обыкновенная смола. Особенно замѣтно это теперь, когда комочекъ утратилъ круглую форму. Но хозяину парохода не хотѣлось разстаться съ мыслью о радіоактивномъ минералѣ.

— Спичкой его попробуемъ! Если простая смола—таять будетъ отъ огня.

Попробовали, и убѣдились, что въ нашихъ рукахъ кусочекъ древесной смолы, ничѣмъ не отличающейся отъ смолы въ любомъ изъ деревьевъ безконечной тайги.

Но какъ попала эта смола въ дикія скалы? Это представлялось загадкой.

Вѣроятно, надъ этими скалами растутъ деревья, которыхъ мы не видѣли ни снизу, ни съ палубы парохода, такъ какъ ихъ скрывалъ отъ насъ каменный карнизъ надъ обрывомъ. Но слой земли надъ скалой слишкомъ тонокъ, чтобъ въ немъ могли удержаться древесные корни. И вотъ, корни проникаютъ вглубь скалы, въ прорѣзавшія ее щели. А щелей въ этихъ ветхихъ скалахъ такъ много, что верхняя часть ихъ оказывается состоящей какъ бы изъ отдѣльныхъ глыбъ, лежащихъ, какъ въ каменной кладкѣ, одна подлѣ другой. Лѣтомъ, раскаляясь подъ лучами солнца, эти глыбы расширяются, и тогда щели между ними суживаются, какъ смыкаются въ лѣтнюю жару промежутки между рельсами на стыкахъ. И такимъ образомъ, камни какъ прессомъ, выжимаютъ смолу изъ корней, которымъ дали пріютъ въ своихъ расщелинахъ. А возможно, что этотъ гигантскій прессъ приводится въ движеніе не солнцемъ, а вѣтромъ. Во всякомъ случаѣ, смола постепенно скопляется въ щеляхъ, спускается по нимъ внизъ, пока не выступитъ наружу и не подвергнется вновь дѣйствію солнечныхъ лучей.

Это—сложное и рѣдкое явленіе. Но если бы оно не было рѣдкимъ, если бы оно наблюдалось повсюду, то и «горная смола» не пріобрѣла бы своей громкой славы на Алданѣ и Маѣ. Вся слава и цѣлебная сила ея основывается именно на необычности, кажущейся чудесности ея появленія надъ рѣкой.

И одно несомнѣнно: благодаря создавшемуся вокругъ нея ореолу чудесности, эта невинная древесная смола въ теченіе десятковъ лѣтъ исцѣляла болѣзни въ далекомъ заброшенномъ краѣ, и многимъ людямъ спасала она здоровье и силы—не хуже, чѣмъ любое изъ средствъ медицинской науки.

Въ глуши.

Иннокентій Егорычъ Куроптевъ—самый богатый и самый вліятельный человѣкъ на Маѣ. Онъ состоитъ здѣсь довѣреннымъ крупнѣйшихъ фирмъ, вывозящихъ по рѣкѣ чай, доставляемый изъ Китая въ аянскій портъ. Въ рукахъ Куроптева большая половина чайнаго сплава,—каждое лѣто онъ сдаетъ своимъ довѣрителямъ отъ пяти до шести тысячъ мѣстъ, а то и больше.

Но сдать грузъ въ Нельканѣ на пароходъ или баржу, или спустить чай на плоскодонныхъ паузкахъ до Лены—дѣло не хитрое. Трудно переправить товаръ изъ Аяна на Маю. Приходится вести обозъ по глухой тайгѣ, черезъ топкія болота, черезъ крутыя и дикія Джугджурскія горы. За это дѣло можетъ взяться лишь мѣстный человѣкъ, и притомъ человѣкъ бывалый и энергичный.

Куроптевъ выросъ на Маѣ. По-якутски онъ говоритъ, какъ природный якутъ, по-тунгуски,—какъ природный тунгусъ. Въ округѣ нѣтъ такого стойбища инородцевъ, нѣтъ такой уединенной урасы, гдѣ бы не знали его. Осенью къ нему первому приходятъ тунгусы-оленеводы, предлагая своихъ оленей для возки чая. Къ нему первому тащутъ свою добычу тунгусы-охотники. Въ его амбарахъ забираютъ они охотнѣй всего муку и масло, порохъ и свинецъ для пуль, одежду и пестрый тикъ или ситецъ для лѣтнихъ палатокъ. Немудрено, что для якутскихъ фирмъ Иннокентій Егорычъ оказывается незамѣнимымъ представителемъ. Впрочемъ, Куроптевъ не одинъ орудуетъ среди инородцевъ на Маѣ. Въ Нельканѣ живутъ еще и другіе промышленники, занимающіеся помаленьку одинаковыми съ нимъ операціями—, перевозящіе чай черезъ Джугджуръ, спускающіе паузки на Лену, скупающіе шкуры и кожи у туземцевъ. Но Иннокентій Егорычъ знаетъ, что всѣхъ рублей не заберешь себѣ одному, и сохраняетъ съ своими сосѣдями добрыя отношенія.

— На всѣхъ хватитъ. Пусть пользуются!—посмѣивается онъ, но зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобъ болѣе прибыльныя дѣла не миновали его рукъ.

Только съ Абдарахмановымъ у него война не на жизнь, а на смерть,—но виной въ томъ самъ Абдарахмановъ, не пожелавшій оказывать Иннокентію Егорычу почетъ и уваженіе.

Въ Нельканѣ Куроптевъ состоитъ безсмѣнно церковнымъ старостой и попечителемъ школы. Въ его рукахъ здѣсь все, такъ какъ даже сосѣдямъ-промышленникамъ приходится зимою не разъ обращаться къ нему то за тѣмъ, то за другимъ одолженіемъ. Въ полной зависимости отъ него находится даже урядникъ; пожелаетъ Куроптевъ,—и урядникъ посреди зимы останется безъ табаку и безъ керосина, такъ какъ въ «казенномъ складѣ», находящемся въ завѣдываніи у мѣстнаго представителя власти, нѣтъ ничего, кромѣ соли и пороха.

Правда, одно время урядникъ пытался идти противъ Иннокентія Егорыча,—писалъ на него протоколы за продажу водки инородцамъ, отправлялъ донесенія въ Якутскъ, а разъ даже

конфисковалъ у куроптевскаго приказчика спиртъ. И мнѣ лично пришлось быть свидѣтелемъ отдѣльныхъ эпизодовъ этой борьбы. Но позже, въ городѣ, я узналъ, что изъ этой недолгой борьбы Куроптевъ вышелъ побѣдителемъ.

Какъ всѣ сибиряки, Иннокентій Егорычъ большой хлѣбосолъ. У него останавливаются всегда экспедиціи и чиновники, посѣщающіе эти глухія мѣста. Угощаетъ онъ у себя неизмѣнно команду подымающихся по Маѣ пароходовъ. Пригласилъ онъ къ себѣ и меня.

Комнаты у Куроптева убраны по-городскому:—тюлевыя гардины на окнахъ, шерстяныя портьеры, по стѣнамъ олеографіи въ золоченыхъ багетныхъ рамкахъ, мягкая мебель, гнутая качалка. Посреди залы спускается съ потолка фигурная лампа, увѣшанная нитями бисера и бумажными розами. По угламъ—окрашенныя въ зеленый цвѣтъ тумбочки съ горшками цвѣтовъ. На самомъ видномъ мѣстѣ, на овальномъ столѣ подъ лампой, красуется граммофонъ съ огромнымъ пестро раскрашеннымъ рупоромъ. Рядомъ съ нимъ высится порядочная стопка пластинокъ.

Сразу видно, что этотъ граммофонъ — гордость хозяевъ. И дѣйствительно, Иннокентій Егорычъ первый привезъ на Маю «музыку». Послѣ него завели себѣ граммофоны и другіе нельканцы—священникъ, фельдшеръ и мелкіе промышленники. Появилась «музыка» и у подрядчика Прохорова, и даже у хитраго и самолюбиваго тунгуса Сороковикова. Но у всѣхъ нихъ машины дешевенькія, неважныя, да и пластинокъ у нихъ мало; а Куроптевъ каждый разъ, какъ бываетъ въ городѣ, заходитъ въ аптекарскій магазинъ—торгующій между прочимъ нотами и граммофонными пластинками—и отбираетъ себѣ наиболѣе интересныя новинки.

Когда я пришелъ къ Иннокентію Егорычу, онъ горячо спорилъ о чемъ-то у крылечка съ двумя инородцами. Проводивъ меня въ залъ, онъ познакомилъ меня со своей женой—высокой и плотной женщиной съ типичнымъ сибирскимъ скуластымъ лицомъ.

— Ты, Маша, гостя займи чѣмъ-нибудь, или хоть музыку имъ заведи, пока я тунгусовъ отпущу.

— Присаживайтесь, пожалуйста,—протянула хозяйка, когда мужъ исчезъ за дверью.

Подошла къ граммофону, попробовала заводъ, повернула раза два ручку и заложила первую попавшуюся подъ руку пластинку. Затѣмъ присѣла на стулъ у двери и, не обращая

вниманія на несущіеся изъ рупора звуки, начала занимать меня разговоромъ.

Говорила она медленно, протяжно, слегка нараспѣвъ, останавливаясь послѣ каждой фразы. Чувствовалось, что разговоръ съ гостемъ для нея дѣло непривычное и нелегкое.

— Кеша сказывалъ, вы изъ писателей будете,—тянула она:—Къ намъ надолго ли пожаловали?

— Не знаю, посмотрю...

— Кеша сказывалъ еще, въ первый разъ вы въ нашихъ мѣстахъ. Золота, значитъ, ищете?

Этотъ вопросъ не удивилъ меня. Когда появляется новый человѣкъ въ глухихъ мѣстахъ Сибири, куда не водворяютъ ссыльныхъ, у мѣстныхъ людей прежде всего является мысль, что онъ пріѣхалъ къ нимъ съ тайной цѣлью искать золото. Много разъ принимали за золотоискателя и меня. Да и самъ Иннокентій Егорычъ, какъ мнѣ казалось, плохо вѣрилъ въ мое писательство.

Я отвѣтилъ:

— Нѣтъ, золота я не ищу. Пріѣхалъ я сюда просто изъ любопытства,—дорожныхъ впечатлѣній набраться.

— Значитъ, дорогу будете проводить? Тутъ инженеры по этому дѣлу ужъ два раза пріѣзжали. Тѣмъ лѣтомъ экспедиція была и позапрошлымъ лѣтомъ какіе-то проѣзжали,—изъ вашихъ, вѣрно. Планы снимали, воду мѣрили, камни собирали. А все не слышно, однако, когда дорога будетъ. Въ неизвѣстности мы... Можетъ, вы разскажете, какъ вы по дорожному дѣлу...

— Да нѣтъ! Вы меня не такъ поняли. Я никакого отношенія къ постройкѣ дороги не имѣю, а сюда пріѣхалъ просто, чтобъ посмотрѣть на незнакомыя мѣста.

— А чаво тутъ смотрѣть?—удивилась моя собесѣдница:—Тайга,—такъ она и есть тайга. Чаво тутъ увидишь? А Кеша сказывалъ, у васъ и ружья-то съ собой нѣтъ,—значитъ, не промышляете...

— Любопытно мнѣ, изъ любопытства ѣзжу.

— Чаво въ тайгѣ любопытнаго? Вотъ въ городѣ,—такъ тамъ любопытно. Этой зимой будетъ четыре года, какъ Кеша меня съ собой въ городъ возилъ... Вотъ тамъ любопытно!

И, слегка волнуясь отъ нахлынувшихъ воспоминаній, Куроптева принялась разсказывать:

— Я тамъ, однако, и въ кинематографъ сходила. Ей-Богу! Сперва боялась, не хотѣла идти, да Кеша все уговаривалъ: «Идемъ, да идемъ!» И сестра уговаривала. Сестра моя ужъ

четырнадцать лѣтъ, какъ въ городѣ живетъ,—какъ только замужъ вышла, такъ въ городъ и переѣхала. Она-то повсюду бывала. Даже когда театръ тамъ представляли,—и то пошла! Такъ меня она ужъ уговаривала, уговаривала, что ничего, молъ, въ кинематографѣ не страшно, на стѣнѣ только картины показываютъ. Ну, и пошла я. Вотъ гдѣ любопытно! И какъ это до всего люди дошли!

Лицо ея оживилось, зажегся румянецъ на щекахъ, вся будто помолодѣла.

— Что же вы видѣли въ кинематографѣ?—спросилъ я.

Мнѣ хотѣлось узнать, какое впечатлѣніе произвели чудеса экрана на человѣка, прожившаго весь свой вѣкъ чуть не на краю свѣта, въ угрюмой тайгѣ.

— Что видѣла? Да чего тамъ не было! Тамъ и женщину какую-то убили, и въ воду съ лодки прыгали для купанья заграничнаго, и гимнастику дѣлали. А всего лучше было,—машину показывали! Настоящую машину!

— Машину?—удивился я.

— Ну, да, желѣзную дорогу. Рельсы видать было, и вокзалъ, и паровозъ, и вагоны. Какъ люди заходятъ, по лѣсенкѣ подымаются, а потомъ изъ окошекъ выглядываютъ, платками машутъ... Носильщикъ съ вещами,—сперва ихъ на себѣ тащилъ, потомъ на телѣжку поклалъ и повезъ... Вотъ такъ любопытно! Вы, вотъ, смѣетесь... Вѣрно, сами на машинѣ ѣздили?

— Приходилось...

— Что жъ, шибко она везетъ?

— Зависитъ отъ того, какой поѣздъ. У насъ поѣзда ходятъ не очень быстро,—верстъ сорокъ въ часъ.

— Сорокъ верстъ! И не страшно?

— Нѣтъ, ничуть!...

— Да оно и по картинѣ видать было, что не боятся люди. Привыкли, вѣрно,—изъ окошекъ глядятъ, да смѣются. А я бъ не могла такъ,—въ жизнь не привыкла бъ.

Помолчавъ, продолжала разсказъ о своихъ городскихъ впечатлѣніяхъ:

— Хотѣла я еще разъ пойти кинематографъ смотрѣть, да не пошла, однако. Боязно съ непривычки: народу много. А главное, не знаешь, что за люди кругомъ. Можетъ, онъ и добрый человѣкъ и въ мысляхъ у него ничего подобнаго нѣтъ, а ты дрожишь, какъ бы въ карманъ къ тебѣ не залѣзъ... А то, можетъ, сзади по головѣ хватитъ,—кто его знаетъ? Не привыкла я къ такому народу. Здѣсь круглый годъ, кромѣ своихъ да

тунгусовъ, не видишь ни души. А которые съ парохода пріѣдутъ, про тѣхъ знаешь, что хорошіе люди... Тихо у насъ, слава Богу. А въ Якутскѣ суетня эта самая, бѣготня, несутся кругомъ, сломя голову. Больна я тамъ сдѣлалась отъ этихъ волненій. Мнѣ и докторъ говорилъ,—вамъ нервы не позволяютъ въ городѣ жить. Это—Кеша къ доктору меня повелъ для лѣченія... Любопытно въ городѣ, а жить тамъ не могла бъ я ни за что. Тамъ на улицѣ пропадешь, затолкаютъ, съ ногъ собьютъ, а то и лошадьми покалѣчатъ...

Я улыбался, слушая этотъ разсказъ. Когда я бродилъ не такъ давно по пыльнымъ и соннымъ улицамъ Якутска, мнѣ и въ голову не приходило, что на другого человѣка эти улицы могутъ произвести такое впечатлѣніе.

Вошелъ въ залъ Иннокентій Егорычъ.

— Насику покончилъ,—упрямый народецъ. Извиняюсь, что ждать заставилъ... А Маша вамъ тутъ о городѣ разсказывала? Кто не пріѣдетъ, всѣмъ одно разсказываетъ. Вотъ глушь-то наша сказывается. Представьте себѣ: боялась на улицы выходить! А вѣдь не маленькая! Черезъ Джугджуръ верхомъ проѣхать съ работникомъ—не боится. Когда прошлымъ лѣтомъ медвѣдь къ намъ въ коровникъ вломился, а оттуда во дворъ вылѣзъ, а меня въ ту пору дома не было,—не перетрусила. А въ городѣ всего труситъ—и лошадей, и собакъ, и людей, и чтобъ съ крыши что на голову не слетѣло,—какъ-есть всего. Одичала, однимъ словомъ.

— Ну, и одичала,—добродушно согласилась хозяйка.—Я только одинъ разъ поѣхала съ тобой, а впредь не поѣду. Одинъ поѣзжай!

— Ладно, и безъ тебя справлюсь. А ты бъ намъ на столъ собрала, однако.

— На столъ мамаша собираетъ. Кажись, и готово все у нея...

Мамаша Иннокентія Егорыча оказалась сѣденькой, сморщенной, но еще подвижной старушкой. Одѣта она была очень прилично—въ черное шерстяное платье, обшитое стеклярусомъ, съ наколкой на волосахъ, съ черной кружевной шалью на плечахъ. Старушка пользовалась, повидимому, значительнымъ вѣсомъ въ домѣ. Какъ я узналъ впослѣдствіи, именно она была основательницей куроптевскаго богатства: въ свое время, когда на Охотскомъ побережьѣ дѣйствовала русско-американская компанія, имя «Куроптихи»,—какъ звали ее въ глаза и за глаза,—гремѣло въ аяно-нельканскомъ районѣ.

За столомъ старушка усадила меня такъ, что я очутился между нею и ея сыномъ. И все время, пока Иннокентій Егорычъ, какъ хозяинъ, угощалъ меня, мамаша его вела со мной «политичный» разговоръ, стараясь внушить мнѣ опредѣленный взглядъ на торговыя дѣла сына.

— Про насъ вамъ много наскажутъ,—говорила она негромкимъ, скрипучимъ голосомъ:—А съ чего все это? Съ зависти! Не съ чего иного, какъ съ зависти. Всему люди завидуютъ: что мы малость побогаче другихъ, и что живемъ почище, и что пьемъ и ѣдимъ хорошо, и что гостя потчевать у насъ, слава Богу, есть чѣмъ.

Старушка съ выраженіемъ гордости на пергаментномъ лицѣ обвела взглядомъ столъ, уставленный блюдами и бутылками.

— Всему завидуютъ,—продолжала она.—А что мы пьемъ да ѣдимъ хорошо, это намъ лучше, а людямъ не укоръ. Вѣдь для чего мы и на свѣтъ родимся? Чтобъ пить, да чтобъ ѣсть. Для того и живемъ! Какъ же намъ не подумать, чтобъ для себя сдѣлать улучшеніе! А что про насъ говорятъ, такъ вы не людямъ, а глазамъ своимъ больше вѣрьте!

Долго говорила старушка на эту тему. Наконецъ, сынъ вѣжливенько прервалъ ее:

— Про насъ только Абдарахмановъ плохо скажетъ. Но вы людей объ *немъ* разспросите,—такъ узнаете, какъ ему вѣрить, какая его слову цѣна. Мы тутъ съ мамашей, если вмѣстѣ считать, больше сорока лѣтъ чаи возимъ, и никогда съ тунгусами у насъ ссоры не бывало,—ни мы ихъ, ни они насъ не обижали. А зачѣмъ онъ, татарская душа, сюда прилѣзъ тунгусовъ моихъ портить? Я ему говорилъ:—«Ищи себѣ людей, гдѣ знаешь. А это мои люди, ихъ не тронь!» Нѣтъ же, все лѣзетъ! Зачѣмъ онъ плату набиваетъ? Зачѣмъ водкой сманиваетъ?

Иннокентій Егорычъ увлекся, было, загорячился. Но, какъ человѣкъ неглупый, онъ быстро замѣтилъ, что его счеты съ Абдарахмановымъ мало интересуютъ меня, и поспѣшилъ перемѣнить разговоръ.

— Вы бы новости намъ поразсказали!—обратился онъ ко мнѣ.—Въ кои вѣки разъ къ намъ ученые люди заѣзжаютъ...

— Какія же новости? Я ничего особеннаго не знаю, что могло бы интересовать васъ. Только то, что въ газетахъ пишутъ...

— Вотъ это самое и разскажите, если вамъ не затруднительно будетъ. Интересно бъ послушать.

Но я не зналъ, съ чего начать разсказъ. Видя, что Инно-

кентій Егорычъ, его жена и мамаша, всѣ трое приготовились меня слушать, я спросилъ ихъ:

— Послѣднія газеты у васъ были отъ какого числа?

Задалъ я этотъ вопросъ, чтобъ не повторять въ своемъ разсказѣ тѣхъ фактовъ, которые были моимъ собесѣдникамъ извѣстны.

Куроптевъ усмѣхнулся:

— Мы газетъ здѣсь отродясь не получали. «Ниву» какъ-то разъ выписалъ я, а на слѣдующій годъ не сталъ выписывать;—некогда намъ журналы читать, заняты цѣлый день по хозяйству. Картинки, впрочемъ, въ «Нивѣ» разсматривали по вечерамъ... А газету намъ какъ же получать? Почта сюда два раза въ годъ ходитъ,—первый разъ въ іюнѣ, а другой разъ въ іюлѣ. А послѣ второй почты жди снова парохода десять мѣсяцевъ,—если зимой самъ въ городъ не съѣздишь. Гдѣ ужъ тутъ газеты выписывать! Отъ всего въ сторонѣ живемъ. Что вы ни разскажете, все для насъ новостью будетъ.

— Что же? Придется вамъ главныя политическія новости разсказать,—сдался я.

— Вотъ, вотъ, политическія, подтвердилъ Иннокентій Егорычъ:—самое для насъ интересное.

— Международное положеніе сейчасъ крайне неопредѣленное, но въ общемъ напряженное и тревожное, началъ я,—разговоръ происходилъ лѣтомъ 1914 года, незадолго до сараевскаго убійства.—Въ двухъ словахъ очертить международное положеніе невозможно. А въ области внутренней политики у насъ можно отмѣтить нѣкоторое оживленіе, свидѣтельствующее о началѣ новаго подъема. Это во всемъ сказывается... Передъ тѣмъ, какъ Государственная Дума разъѣхалась на каникулы...

Тутъ хозяйка перебила меня неожиданнымъ вопросомъ:

— Выпустили ее, значитъ, изъ тюрьмы?

— Кого это? несразу понялъ я.

— Да Думу. Кеша сказывалъ, въ тюрьму ее посадили, Думу Государственную. Споръ у нея будто съ министрами вышелъ, такъ министры ее и засудили.

Иннокентія Егорыча смутило невѣжество, обнаруженное его женой. Нахмурившись, онъ объяснилъ ей:

— Они про другую Думу разсказываютъ. Которую Думу тогда заарестовали, та и теперь сидитъ. Не слыхать было, чтобъ ее освободили. А потомъ другіе выборы были, новую Думу собрали. Такъ она теперь на каникулы и разъѣхалась,—объ этомъ они и говорятъ.

И разъяснивъ, такимъ образомъ, недоразумѣніе, онъ обратился ко мнѣ:

— Такъ Дума, вы говорите, на каникулы разъѣхалась? Скажите, пожалуйста! Я и не зналъ совсѣмъ,—живешь тутъ вдали отъ всего и не знаешь, что на свѣтѣ творится. Слышите, мамаша, что они говорятъ? Государственная-то Дума, оказывается, на каникулы разъѣхалась!

Не знаю, почему такъ заинтересовало Иннокентія Егорыча сообщеніе о началѣ думскихъ каникулъ; но слишкомъ живой интересъ, проявленный имъ по отношенію къ этому извѣстію, убилъ во мнѣ всякую охоту продолжать разговоръ на политическія темы. Но на слѣдующій день мнѣ снова пришлось бесѣдовать съ нельканцами о политикѣ.

Вотъ, какъ случилось это.

Зашелъ я къ Прохорову,—изъ вѣжливости необходимо было зайти къ нему хоть чаю напиться послѣ того, какъ я ужиналъ и провелъ цѣлый вечеръ у его богатаго сосѣда.

Квартира Прохоровыхъ обставлена много бѣднѣе, чѣмъ у Куроптевыхъ, но на тотъ же ладъ, по-городскому. Такія же занавѣски у оконъ—только не тюлевыя, а ситцевыя,—такія же олеографіи въ багетныхъ рамкахъ по стѣнамъ, такъ же, какъ у Куроптевыхъ, граммофонъ съ огромнымъ рупоромъ на самомъ почетномъ мѣстѣ,—на столѣ передъ коричневымъ деревяннымъ диваномъ. Лишь въ одномъ отношеніи убранство комнатъ у Прохоровыхъ отступало отъ городского шаблона: вмѣсто ковровъ, половиковъ и дорожекъ повсюду лежали здѣсь звѣриныя шкуры. Эти шкуры, оленьи рога надъ окнами и ружье съ сумкой и патронташемъ на стѣнѣ говорили о томъ, что хозяинъ свободное отъ торговыхъ дѣлъ время посвящаетъ охотѣ.

Послѣ первыхъ словъ привѣтствія хозяйка Прохорова побѣжала въ погребъ за закусками къ чаю. А Прохоровъ, выполняя, повидимому, правило мѣстнаго хорошаго тона, поспѣшилъ завести граммофонъ и, не слушая музыки и мнѣ не давая слушать, вступилъ со мной въ бесѣду: разспрашивалъ меня, хорошо ли я доѣхалъ, гдѣ останавливался въ Якутскѣ, остался ли я доволенъ мѣстнымъ народомъ, и такъ далѣе.

Былъ онъ чрезвычайно учтивъ, старался не ударить лицомъ въ грязь по части «обхожденія», но не было въ немъ той самоувѣренной простоты, которую я замѣтилъ у Иннокентія Егорыча.

Возможно, что и о политикѣ Прохоровъ заговорилъ для

того, чтобъ окончательно доказать мнѣ, что онъ человѣкъ «съ понятіемъ», а не кулакъ какой-нибудь, не мужикъ.

Вдругъ онъ спросилъ меня:

— А скажите, пожалуйста, война совсѣмъ кончилась? Или еще драться будутъ?

— Вы о второй Балканской войнѣ?—догадался я.—Такъ миръ вѣдь давно заключенъ. Послѣ Бухарестскаго договора тамъ все тихо.

Это сообщеніе огорчило Прохорова. Неодобрительно покачавъ головой, онъ произнесъ:

— Портъ-Артуръ, значитъ, тово—тю-тю на вѣки... И назадъ отбирать его не будутъ?

Я растерялся немного, не сразу сообразилъ, въ чемъ дѣло:

— Портъ-Артуръ? Какой Портъ-Артуръ? Вѣдь не изъ-за Портъ-Артура шла война!

Но оказалось, что на этотъ счетъ у моего собесѣдника имѣется свой взглядъ. Онъ возразилъ мнѣ:

— Войну-то, конечно, англичане устроили для своей причины. Японія, однако, больше о Портъ-Артурѣ хлопотала.

— Такъ вы вотъ о чемъ! Вы о нашей войнѣ съ Японіей?

— Натурально. Какая же еще война?

— Такъ та война давнымъ-давно кончилась. Скоро будетъ девять лѣтъ, какъ заключенъ миръ. Въ Портсмутѣ миръ былъ подписанъ, въ Америкѣ. Неужто вы не слыхали?

Въ это время вернулась съ погреба хозяйка Прохорова. Я обратилъ вниманіе на ея лицо—молодое, очень смуглое, явно не русскаго типа, съ широко разставленными совершенно черными глазами, устремленными куда-то вдаль.

Молодая женщина слышала конецъ нашего разговора.

— Вотъ видишь, — обратилась она къ мужу: — значитъ, Николай не зря говоритъ, что кончилась война. Ты ему не вѣрилъ. Теперь люди то же говорятъ. Этотъ самый городъ— Пармутъ и Николай называлъ. Онъ все знаетъ.

— Кто этотъ Николай? — заинтересовался я человѣкомъ, который все знаетъ.

— Въ работникахъ живетъ у насъ,—объяснилъ Прохоровъ:—кореецъ онъ, православный, однако, и по-нашему говоритъ.

— И только отъ него вы знаете о нашей войнѣ съ Японіей?

— Да. Откуда жъ еще узнаешь? Любитъ онъ разсказывать. Цѣлый вечеръ говорить можетъ. Да только не больно я

ему вѣрю. Можетъ, половину вретъ. А въ работѣ парень ладный, руки у него золотыя. Читать теперь по-нашему учится.

— Это интересно,—замѣтилъ я.

— Если интересуетесь, позвать его можно. Кликни сюда Николая, Татьяна!

Кореецъ оказался человѣкомъ лѣтъ 35. Былъ онъ средняго роста, стройный и ловкій на видъ, съ круглой коротко, остриженной головой, бронзовымъ отъ загара лицомъ и очень живыми, черными, похожими на маслины глазами.

Онъ словоохотливо разсказалъ мнѣ, что на родинѣ былъ рыбакомъ, потомъ плавалъ на джонкѣ матросомъ, затѣмъ поступилъ сторожемъ при какихъ-то складахъ въ Охотскѣ, оттуда попалъ на Маю и возвращаться съ Маи домой не намѣревается.

— Тамъ бѣдно живемъ, а здѣсь лучше, и работа здѣсь легче.

Николай былъ доволенъ и польщенъ тѣмъ, что хозяева позвали его въ залъ, гдѣ сидитъ у нихъ заѣзжій гость. И это вниманіе онъ объяснилъ по-своему: рѣшилъ, что я интересуюсь войной. Сообразно съ этимъ онъ, не дожидаясь вопросовъ съ моей стороны, принялся разсказывать о Портъ-Артурѣ и о Цусимѣ.

Я спросилъ Николая:

— А что у васъ, въ Кореѣ, за эти десять лѣтъ произошло?

— Откуда знать?—отвѣтилъ полувопросомъ кореецъ.

И, улыбаясь, такъ что блеснули его крѣпкіе, бѣлые зубы, онъ кивнулъ головой на Прохорова:

— Хозяинъ знаетъ, что Россія дѣлаетъ? Ничего не знаетъ! И я не знаю, что Корея дѣлаетъ. Оба не знаютъ!

И онъ разсмѣялся. Разсмѣялся за нимъ и Прохоровъ.

Хозяйка, считая этотъ моментъ удобнымъ для прекращенія разговора о политикѣ, съ поклономъ пригласила насъ къ столу:

— Водочки, пожалуйста! И ты, Николай, съ нами...

Прохоровъ подошелъ къ граммофону и заложилъ новую пластинку. Сѣли мы всѣ четверо за столъ.

Закуски были мѣстныя—вяленая рыба, сушеная оленина въ черныхъ кубикахъ, какая-то строганина. Николай, пропустивъ рюмочку, съ воодушевленіемъ толковалъ о Портъ-Артурѣ. Хозяинъ поддерживалъ «городской» разговоръ о новыхъ изобрѣтеніяхъ. Хозяйка молчала, уставившись на меня своими странными, бездонными глазами. Граммофонъ жарилъ невозможно быстрымъ темпомъ какой-то романсъ Плевицкой...

...Вотъ и такія благословенныя мѣста существуютъ у насъ,

въ безпредѣльной нашей Россіи, думалъ я, покидая гостепріимный Нельканъ.

Миссіонеры.

Далеко отъ желѣзной дороги, среди холмовъ и степей, гдѣ рѣдкія казачьи станицы затерялись среди бурятскихъ улусовъ,—стоитъ на берегу шумнаго Афугона небольшая скромная церковка. У восточной стѣны ея жмутся въ кучу почти скрытыя высокой травой могилки. Рядомъ—двухэтажная, обшитая тесомъ гостиница съ балкончикомъ надъ вытянутымъ вдоль фасада крыльцомъ. Немного дальше—длинныя полѣнницы дровъ, навѣсъ и незатѣйливыя хозяйственныя постройки. А за мостикомъ, на другомъ берегу Афугона,—длинныя, неуклюжія строенія, похожія на амбары: здѣсь цѣлебные горячіе источники съ ваннами и комнаты для пріѣзжихъ.

Это—монастырская Пустынь—отдѣленіе и доходное имѣнье одного изъ иркутскихъ монастырей, передовой миссіонерскій постъ для обращенія въ православіе бурятъ и скромный, малоизвѣстный курортъ для больныхъ ревматизмомъ.

Съѣздъ больныхъ здѣсь незначительный,—слишкомъ далеко ѣхать, да и неблагоустроено все въ Пустыни, не приспособлено къ привычкамъ и требованьямъ курортной публики. Наѣзжаетъ сюда все больше «сѣрая», невзыскательная публика изъ окрестныхъ станицъ и улусовъ, — тунгусы съ застуженными ногами, казаки, крестьяне-охотники, промышляющіе звѣря въ сосѣднихъ гольцахъ. Пріѣзжаетъ сюда и духовенство,—заштатные попики въ обтрепанныхъ рясках и матушки, безуспѣшно лѣчившіяся и у врачей, и у «китайскаго доктора», и у деревенскихъ знахарокъ, и рѣшившіяся искать облегченія своимъ немощамъ въ горячихъ ваннахъ монастырской Пустыни.

Большого дохода съ этихъ посѣтителей не получишь; и если въ лѣто очистится съ ваннъ да съ гостиницы рублей пятьсотъ, монахи и этимъ довольны.

Монаховъ здѣсь трое—два іеромонаха для проповѣди слова Божьяго и для служенія въ церкви и одинъ іеродіаконъ. При нихъ послушникъ—онъ же и поваръ.

Живутъ монахи не при церкви, гдѣ слишкомъ много соблазну отъ пріѣзжающихъ, а въ сторонѣ, въ пяти верстахъ отъ горячихъ ключей, на уединенной заимкѣ, вокругъ которой рас-

положены пашни, луга, огородъ и пасѣка. Источниками и гостиницей, въ отсутствіе монаховъ, завѣдуетъ послушникъ Александръ.

Это—немолодой уже человѣкъ смиреннаго вида. Ходитъ онъ въ темной блузѣ съ широкимъ ременнымъ поясомъ и въ широкополой шляпѣ. У него узкія плечи, впалая грудь, длинные, вьющіеся волосы, блѣдное, испитое лицо и очень свѣтлые, будто вылинявшіе глаза. Говоритъ онъ тихимъ и мягкимъ, елейнымъ голосомъ, охотно вставляя въ рѣчь ученыя слова. И въ его неслышной походкѣ и во всѣхъ его движеніяхъ много елейности. Онъ выросъ и всю жизнь свою провелъ при монастыряхъ, долгое время былъ поваромъ у владыки и лишился этого почетнаго положенія только за слабость къ вину...

Пустынь расположена въ живописной лощинѣ между каменистыми, поросшими лѣсомъ холмами. Здѣсь бѣгущій съ дальнихъ гольцовъ Афугонъ прорѣзываетъ узкую гряду холмовъ. Вода, какъ мечомъ, разсѣкла каменную преграду, стоявшую на ея пути, и камни, раздвинувшись, чтобъ пропустить рѣку, нависли надъ русломъ ея, какъ ветхія, готовыя обрушиться стѣны.

Тяжелыя, сѣрыя, кое-гдѣ поросшія мхомъ глыбы надъ бѣлой отъ пѣны рѣкой; стройныя сосны, тянущіяся къ небу изъ извилистыхъ трещинъ въ старыхъ гранитахъ; пышная, зеленая корона надъ скалами,—все напоминаетъ здѣсь Финляндію. Только растительность здѣсь богаче, разнообразнѣе, чѣмъ тамъ: надъ соснами и лиственницами выдѣляются изъ гущи кустарника мохнатые кедры, горятъ среди яркой листвы красныя шишки шиповника, густой малинникъ чередуется со смородиной и крыжовникомъ.

Цѣлый день бродилъ я по лѣсу. Взобрался къ кресту, стоящему высоко на скалѣ надъ рѣкой; подымался и на другія скалы; спускался въ долины. Вернулся въ гостиницу, когда уже сгущались сумерки.

Не заходя въ свой номеръ, прошелъ я на кухню. Александръ и монастырскій работникъ Никита, не зажигая свѣту, пили здѣсь чай, сидя вдвоемъ за огромнымъ столомъ у окна. Никита — дюжій молодецъ съ безбородымъ, простоватымъ лицомъ—пилъ съ блюдца, прикусывая сахаръ своими крѣпкими бѣлыми зубами. Онъ еле отвѣтилъ на мое привѣтствіе. Зато Александръ засуетился.

— Прогуливались для укрѣпленія организма и правильнаго моціона? Сочувствую я этому удовольствію и очень жалѣю, что самъ не могу послѣдовать этой привычкѣ вслѣдствіе хозяйственныхъ заботъ и обязанностей...

Пока онъ говорилъ, я пристроился къ столу рядомъ съ Никитой.

— Это хорошо, что я къ чаю попалъ,—сказалъ я, берясь за свободный стаканъ:—усталъ я и пить хочется.

— Да я вамъ въ номеръ или въ залу самоварчикъ подалъ бы... Нехорошо здѣсь для васъ покажется.

— Не безпокойтесь, я здѣсь напьюсь.

— Какъ вамъ будетъ угодно. Только насчетъ самоварчика,—такъ это для меня не безпокойство, но, совершенно напротивъ, первая обязанность.

— Здѣсь веселѣе, чѣмъ одному сидѣть. Налейте-ка мнѣ!

— Это, конечно, смотря по личному вкусу,—какъ кто уважаетъ. А я вполнѣ того же вашего мнѣнія придерживаюсь, что чай пить съ людьми всегда пріятнѣе.

Александръ зажегъ лампу, и въ комнатѣ сразу стало уютнѣе, веселѣе.

— Кушайте на здоровье съ Богомъ!

Онъ досталъ съ полки бѣлый хлѣбъ, нарѣзалъ его толстыми ломтями и подвинулъ ко мнѣ.

— Съ булочкой кушайте! Свѣженькая, сегодня самъ пекъ. А какъ красота природы и мѣстоположенія вамъ понравились въ нашихъ владѣніяхъ?

Я отвѣтилъ, что все мнѣ здѣсь, въ Пустыни, нравится.

— Къ кресту нашему на возвышенность поднимались уже?—освѣдомился послушникъ.

Со скалы, на которой стоитъ крестъ, еще раннимъ утромъ привлекшій къ себѣ мое вниманіе, открывается чудный видъ на Пустынь и на долину Афугона. Утромъ, любуясь этимъ видомъ, я задумался надъ вопросомъ, зачѣмъ поставленъ крестъ въ этомъ живописномъ, но дикомъ и малодоступномъ для богомольцевъ мѣстѣ.

Этотъ вопросъ задалъ я теперь Александру, но онъ не отвѣтилъ мнѣ сразу. Вдругъ поднялся онъ съ табурета, на которомъ сидѣлъ.

— Что же я къ чаю ничего вамъ не предложилъ?—спохватился онъ:—У насъ огурчики свѣженькіе имѣются, рѣдиска имѣется... Сейчасъ я...

Онъ выбѣжалъ въ сѣни, и слышно было, какъ шаритъ онъ впотьмахъ по полкамъ кладовки. Никита, который будто этого только и дожидался, отставилъ свое блюдце въ сторону, провелъ рукавомъ по губамъ и, повернувшись ко мнѣ, началъ степенно и медленно, роняя слово за словомъ:

— У креста этого свое назначеніе. Его монахи въ память установили. За душу младенца. Случай тутъ былъ. Младенецъ погибъ,—не то утопъ, не то такъ расшибся. Господа сюда пріѣзжаютъ. Разъ тутъ чай пить сѣли, на горѣ этой. И младенецъ съ ними. А они-то, понятно, за младенцемъ и недосмотрѣли. Глядь,—нѣтъ младенца. А онъ, очень просто, съ кручи упалъ. Внизу тѣло нашли. Потому и крестъ установленъ.

Парень говорилъ торжественно, съ нѣкоторой умиленностью во взорѣ,—будто повѣствовалъ о чемъ-то высокознаменательномъ и чудесномъ. Но въ разсказѣ его одно удивило меня:

— Почему крестъ поставили не тамъ, гдѣ нашли тѣло ребенка, а наверху?

Никита, когда я спросилъ его объ этомъ, отвѣтилъ проникновенно:

— Отецъ настоятель плотникамъ такъ приказали.

Александръ, вернувшійся изъ сѣней съ парой огурцовъ и пучкомъ рѣдиски въ рукахъ, возразилъ:

— Исключительно только среди простонародья да среди мужиковъ, которые въ ближайшей окрестности, держится это преданіе относительно нашего креста. Но это еще не фактически вѣрно, и если вы желаете знать, причина у этого креста вовсе другая. Въ прежнее время, когда живъ былъ преосвященный владыка Нилъ, часто пріѣзжали они въ нашу Пустынь, ихъ же мыслію учрежденную. И однажды изволили они здѣсь чай пить на открытомъ воздухѣ со всѣми своими приближенными и съ отцомъ настоятелемъ. Такъ въ память того милостиваго посѣщенія владыки и утвержденъ былъ крестъ на скалѣ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ у нихъ столикъ съ самоварчикомъ и съ чайнымъ приборомъ.

Никита насупился.

— Старики не такъ говорятъ. Старики говорятъ, за младенца усопшаго крестъ установленъ. Младенецъ погибъ въ этомъ мѣстѣ.

Послушникъ махнулъ рукой:

— Не соотвѣтствуетъ этотъ разговоръ истинѣ. Преосвященный тутъ чай пить изволили,—оттого и крестъ.

— А съ чего владыка на гору полѣзетъ?—пробовалъ спорить работникъ, жаль было ему разстаться съ преданіемъ о младенцѣ, съ преданіемъ, въ которое онъ вкладывалъ, повидимому, какое-то особое, умильное и ему одному доступное содержаніе.

— Чего владыка на горѣ не видалъ?—повторилъ онъ вопросъ.—Пилъ бы чай на крылечкѣ!

Послушникъ развелъ руками:

— На то ихъ воля. Насъ преосвященный не спроситъ, гдѣ имъ чай пить. Гдѣ имъ приглянется, туда и прикажутъ самоварчикъ подать.

Я спросилъ у Александра и Никиты, нѣтъ ли по близости другихъ достопримѣчательностей, — пещеръ, памятниковъ, часовенъ.

— Пещерки есть,—отвѣтилъ послушникъ:—да только не сильно глубокія, и вода въ нихъ. Такъ что смотрѣть тамъ, говоря по чистой правдѣ, почти-что нечего.

— Есть преданія объ этихъ пещеркахъ?

— Ничего такого выдающагося за ними неизвѣстно.

Въ голосѣ Александра звучали нотки сожалѣнія, что онъ не можетъ угодить мнѣ и разсказать что-либо заслуживающее вниманія.

Но Никита съ укоризной произнесъ, обращаясь къ елейному послушнику:

— Такъ *вы* понимаете. А старики говорятъ, есть тутъ пещера. «Нилова пещера», такъ и зовутъ ее. Преподобный въ ней спасался. Тамъ и камешекъ его есть,—за изголовье служилъ преподобному.

— Гдѣ такая пещера?—вскинулся послушникъ.

— Въ горахъ. Извѣстно, гдѣ!

— Ты тамъ былъ?

— Я-то? Я не былъ. А люди были.

— Кто тамъ былъ?

— Кто былъ? Люди были.

— Кто? Хоть одного назови!

— Одно слово, были. «Ниловой пещерой» ее и теперь зовутъ. Преподобный Нилъ въ ней спасался.

— Вотъ и совралъ!—съ торжествующей усмѣшкой вскочилъ съ табурета Александръ.—Не могъ преподобный Нилъ въ твоей пещерѣ подвизаться, такъ какъ жилъ онъ въ другой совершенно африканской странѣ и въ томъ самомъ государствѣ умученъ былъ римлянами и язычниками, когда Пустыни нашей еще въ поминѣ не было и даже обитель наша не была еще установлена!

Никита пуще насупился. Выросши въ сосѣдней съ Пустынью станицѣ, парень считалъ себя хранителемъ мѣстныхъ преданій. Рѣчи Александра, ниспровергавшаго эти преданія, до глубины души оскорбляли его,—тѣмъ болѣе, что ниспровержи-

телемъ являлся полумонахъ, лицо почти-что духовное. Но его подавляла самоувѣренность и ученость послушника.

Я спросилъ парня:

— А мощи преподобнаго Нила здѣсь?

— Мощей здѣсь нѣтъ,—угрюмо сознался Никита:—не здѣсь онъ представился. Передъ самой смертью пещеру онъ перемѣнилъ. Видѣніе, что ли, было ему, или такъ не понравилось,—не извѣстно это. Только эту пещеру онъ оставилъ. Въ другую перешелъ,—куда, опять не извѣстно. А тамъ ужъ и померъ. Тамъ и мощи его.

Парень былъ сильно недоволенъ святымъ за то, что тотъ не пожелалъ помереть тамъ же, гдѣ подвизался,—въ горахъ возлѣ Пустыни.

— Когда ты все такъ въ полной мѣрѣ превзошелъ и лучше монаховъ знаешь, такъ объясни, гдѣ пещера, въ которой преподобный Нилъ упокоился! Въ Африкѣ?

На этотъ вопросъ послушника Никита отвѣтилъ угрюмо:

— Можетъ, и въ Африкѣ. Не знаю я. А первая пещера тутъ должна быть, въ горахъ.

— Темному человѣку трудно втолковать его недоумѣніе,—обратился ко мнѣ Александръ:—когда достовѣрно извѣстно, что преподобный Нилъ и не бывалъ здѣсь никогда! А бывалъ здѣсь неоднократно преосвященный владыка Нилъ, а отнюдь не преподобный мученикъ. И самая Пустынь наша преосвященнымъ владыкой учреждена не для проживанія монаховъ въ скиту или затвореніи, а для проповѣди слова Божьяго и миссіонерскаго послушанія среди бурятъ, исповѣдующихъ язычество. Портретъ владыки и теперь виситъ здѣсь, въ залѣ, — его легко отличить можно. Когда жилъ я у преосвященнаго владыки Іоны въ келейникахъ, въ покояхъ его портреты всѣхъ владыкъ за сто лѣтъ висѣли,—даже и преосвященнаго Иренея. Тамъ и преосвященнаго Нила портретъ имѣлся, а у насъ въ залѣ совсѣмъ такой же виситъ. Могу показать вамъ, если интересуетесь.

Послушникъ взялъ со стола лампу и повелъ меня въ залъ. Слѣдомъ за нами пошелъ и Никита. Въ просторной комнатѣ, служившей общей столовой для останавливающихся въ гостиницѣ, висѣлъ на стѣнѣ писанный масляными красками портретъ. Архіерей былъ очень тученъ и видъ у него былъ недобрый. Сурово щурились маленькіе проницательные глаза на широкомъ и плоскомъ лицѣ. На толстыхъ, мясистыхъ губахъ будто застыла брезгливая улыбка. Все остальное художникъ изобразилъ такъ, какъ это полагается на архіерейскихъ портретахъ: панагія и

звѣзда на груди, черный клобукъ на головѣ, четки въ выхоленныхъ бѣлыхъ рукахъ.

— Вотъ они, преосвященный владыка,—почтительно склонился передъ портретомъ Александръ:—ихъ мыслію учреждено здѣсь миссіонерское дѣло.

И, обернувшись къ работнику, послушникъ прибавилъ не безъ ехидства:

— Видѣлъ? Похожъ на преподобнаго? А?

Никита проворчалъ себѣ подъ носъ:

— Самъ ты на монаха больно похожъ... Пьяница, ругатель...

А я, вглядываясь въ портретъ преосвященнаго, подумалъ невольно, что не только на мученика, но и на миссіонера-проповѣдника владыка не очень похожъ. Но своихъ мыслей я не высказалъ вслухъ.

На другой день я принялся разспрашивать пользовавшихся ваннами посѣтителей Пустыни, какъ пройти въ пещеру, о которой разсказывалъ Никита. Оказалось, что про эту пещеру слыхали многіе, но никто самъ въ ней не былъ. И дороги въ пещеру не зналъ никто.

Старый діаконъ съ сѣдыми съ прозеленью волосами и сизо-малиновымъ шишковатымъ носомъ посовѣтовалъ мнѣ:

— Если вы интересуетесь, такъ вы бы вверхъ по рѣкѣ пошли,—тамъ Бѣлая гора будетъ, священное мѣсто для здѣшнихъ бурятъ. Богъ ихній на этой горѣ будто-бъ живетъ. Туда и тропинка ведетъ, вдоль самой рѣки все такъ и тянется.

Я послѣдовалъ этому совѣту и пошелъ къ Бѣлой горѣ.

Рѣка извивалась причудливыми излучинами, будто бросаясь отъ холма къ холму, отъ скалы къ скалѣ. Параллельно ей вилась и тропинка, то спускаясь къ наваленнымъ около самой воды валунамъ, то углубляясь нѣсколько въ лѣсъ.

А вотъ и священная гора. Это бѣлый песчаный холмъ, имѣющій форму круглаго коровая. Снизу его пышнымъ вѣнкомъ обступилъ темный сосновый боръ. А надъ зубчатыми верхушками сосенъ до самой вершины холма бѣлѣетъ песокъ,—не видно ни травы, ни кустовъ, только кое-гдѣ вырисовываются на пескѣ стройные шоколадно-розовые стволы.

Я стоялъ на противоположномъ берегу Афугона—діаконъ по ошибкѣ указалъ мнѣ тропинку, по которой буряты ѣздятъ къ Бѣлой горѣ зимою, когда рѣка бываетъ покрыта льдомъ. Между мной и холмомъ шумѣла и пѣнилась вода. За ней сплошной стѣной стояли сосны, будто охраняя доступъ къ священному мѣсту.

Буряты цѣлыми толпами пріѣзжаютъ сюда для молитвы и жертвоприношеній. У подножія горы сложенъ изъ камней постоянный жертвенникъ, похожій на древніе алтари друидовъ. Преданія, живущія до сихъ поръ въ бурятскихъ улусахъ, окутали мистической тайной не только Бѣлую гору, но и прилегающій къ ней лѣсъ и сосѣднее болото.

Но мѣсто, и само по себѣ, способно создать мистическое настроеніе. Чуется какая-то тайна въ рѣзкой бѣлизнѣ холма, и въ необыкновенной правильности очерчивающей его линіи, и въ четкости обступившихъ его деревьевъ, и въ неподвижности одинокихъ сосенъ, дерзнувшихъ выступить изъ толпы сестеръ и подняться выше, къ бѣлѣющей подъ синимъ куполомъ неба вершинѣ...

Мнѣ казалось, что я понялъ происхожденіе монашеской Пустыни.

Проповѣдники, думалось мнѣ, нарочно поставили свою церковку въ дикомъ и безлюдномъ мѣстѣ, въ непосредственной близости отъ святыни язычниковъ, отъ мѣста ихъ собраній и празднествъ...

Это плохо вязалось съ портретомъ суроваго и тучнаго владыки въ залѣ гостиницы. Но мнѣ хотѣлось сохранить свое представленіе о происхожденіи Пустыни: при немъ все окружающее пріобрѣтало особенную красоту, окрашивалось своеобразнымъ идеализмомъ,—идеализмомъ первыхъ вѣковъ христіанства. Маленькая церковка на берегу Афугона становилась трогательно красивой въ своей простотѣ. И уже не вызывалъ улыбки монастырскій работникъ Никита, хранитель преданій о погибшемъ младенцѣ и о преподобномъ Нилѣ.

Захотѣлось узнать подробнѣе о миссіонерской дѣятельности Пустыни.

Когда я заговорилъ объ этомъ съ Александромъ, онъ горько усмѣхнулся.

— Много ли мы бурятъ крестимъ? — переспросилъ онъ меня.—Да развѣ ихъ окрестишь когда-нибудь? Не знаете вы положительно, какой это отчаянный народъ! Никакого желанія они не проявляютъ и, можно прямо сказать, никакой склонности къ этому не имѣютъ.

— Все-таки пытаетесь проповѣдывать?

— И не пытаемся даже. Какъ къ нимъ приступишься, когда они и въ церковь не ходятъ?

— Ну, можно бы у нихъ на праздникѣ, или когда на ванны съѣзжаются...

— Неудобоисполнимо все это для насъ. На праздникѣ они своимъ дѣломъ заняты, такъ что не захотятъ нашего слова слушать. А что до ваннъ, такъ отецъ настоятель при мнѣ посѣтителямъ разсказывалъ, какъ онъ лѣтъ пять тому назадъ попробовалъ съ муллой ихнимъ разговоръ завести относительно религіи. Тотъ отца настоятеля съ часъ слушалъ, ни слова ему не возразилъ, а когда отецъ настоятель ужъ съ голоса спалъ, мулла и говоритъ: «Сюда я пріѣхалъ ноги лѣчить, а о Богѣ буду въ своемъ дацанѣ говорить». Вотъ они, буряты какіе! Хитрый народъ — не приведи Богъ. Большую нужно съ ними строгость имѣть.

Діаконъ съ малиновымъ носомъ, присутствовавшій при моемъ разговорѣ съ послушникомъ, подтвердилъ:

— Тугой они народъ относительно религіи. А на счетъ остальнаго нельзя пожаловаться.

— Значитъ, паства ваша не прибываетъ?

— Откуда ей прибывать?—удивился діаконъ.—Не только не прибываетъ, а за эти десять лѣтъ, сколько было среди бурятъ православныхъ, и тѣ отъ церкви отпали!

— Отчего это?—удивился я.

— Неизвѣстно отчего, а только отпали.

Но Александръ возразилъ:

— Извѣстно отчего, отецъ діаконъ. Есть этому причина. Отецъ настоятель объяснялъ, да и я самъ видѣть могу своими глазами. И, понизивъ голосъ, обращаясь преимущественно ко мнѣ, послушникъ объяснилъ:

— Все это произошло, если угодно вамъ знать, черезъ политику или, если прямо говорить, черезъ наше правительство. Въ этомъ дѣлѣ вся вина на ихней сторонѣ.

— Чѣмъ же виновато правительство?

— Кругомъ оно виновато, такъ какъ черезъ его распоряженія вся наша работа разрушается. Сами знаете, какіе у насъ законы. Смѣшно, прямо! Въ просвѣщенныхъ государствахъ и то такихъ законовъ не существуетъ, а вдругъ у насъ выдумали— свобода вѣры! Куда хочешь, туда и приписывайся! Хочешь въ магометанство,—такъ въ магометанство; хочешь въ язычество,— такъ въ язычество! Кто ужъ тогда въ православной церкви останется? А буряты народъ хитрый, съ ними безъ строгости нинельзя. Узнали, что можно назадъ, и обрадовались. Отпали всѣ, очень просто!

— Неужто всѣ такъ-таки и отпали?

— Почти-что всѣ.

— Можетъ быть, это сказалось вліяніе ламъ?

— Нѣтъ, ламы ничего противъ насъ не могутъ. Правительство все намъ напортило.

Монахи были въ своихъ сужденіяхъ болѣе сдержанны.

Вѣчно озабоченный отецъ настоятель, сѣденькій и беззубый, но еще не согнутый годами, на мой вопросъ о проповѣди среди бурятъ, отвѣтилъ:

— Не до того намъ. Хоть бы по хозяйству концы съ концами за годъ свести,—и то слава Богу. А нужно еще мосты да дороги весною исправлять,—сноситъ все разливомъ.

Послѣ бесѣдъ съ монахами я принужденъ былъ внести значительныя поправки въ свое представленіе о возникновеніи монастырской Пустыни по близости отъ священной Бѣлой горы.

Несомнѣнно, что Пустынь обязана своимъ существованіемъ цѣлебнымъ горячимъ источникамъ.

Различныхъ минеральныхъ источниковъ и ключей много въ этой мѣстности, и не всѣ они извѣстны нашимъ врачамъ, хотя мѣстное населеніе съ незапамятныхъ временъ пользуется ими отъ болѣзней,—какъ въ другихъ мѣстахъ крестьяне пользуются отъ болѣзней дико растущими травами. И надъ каждымъ источникомъ, почти надъ каждымъ ключикомъ можно наблюдать здѣсь одну и ту же картину: деревянный крестъ, а рядомъ съ нимъ кустъ, дерево или воткнутая въ землю вѣтка съ пестрыми лоскутками матеріи. Эти лоскутки—жертвоприношенія вѣрующихъ духамъ источника. Такія жертвоприношенія встрѣчаются въ Сибири повсемѣстно,—отъ китайской границы до береговъ Ледовитаго океана. Близкое сосѣдство креста и увѣшанной тряпками вѣтви какъ бы символизируетъ здѣсь столкновеніе двухъ религій—христіанства и буддизма,—оспаривающихъ одна у другой господство надъ душами инородцевъ. Впрочемъ, въ примѣненіи къ цѣлебнымъ источникамъ, точнѣе было бы говорить не о столкновеніи двухъ религій, а о мирномъ сожительствѣ ихъ. Каждая церковь своимъ символомъ благословила источникъ, и вѣрующіе той и другой церкви могутъ почерпать изъ него исцѣленіе.

Но не всюду удерживается такое мирное единеніе двухъ церквей.

Въ иныхъ мѣстахъ — тамъ, куда стекается больше всего больныхъ—государственная церковь не довольствуется тѣмъ, что символъ ея осѣняетъ бьющую изъ скалы струю воды. Вокругъ ключа сооружается деревянная оградка. И эта оградка, оттѣсняя въ сторону наивныя бурятскія жертвоприношенія, какъ бы стре-

мится замкнуть подъ знакомъ единой религіи всю источаемую цѣлебной водой благодать.

Иногда надъ источникомъ воздвигается часовня или, даже, деревянная церковь. Дѣлаются шаги къ тому, чтобъ превратить минеральный источникъ въ церковную святыню и привычное для мѣстнаго населенія пользованье ключикомъ обратить въ пользу опредѣленнаго культа.

Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго,—въ свое время такъ создавались многія святыни и на Западѣ. Но тѣмъ и интересна Сибирь, что въ ней *исторія* замѣняется *географіей*; въ ней, переѣзжая съ мѣста на мѣсто, можно наблюдать явленія, относящіяся къ весьма различнымъ культурно-историческимъ эпохамъ и нерѣдко сплетающіяся самымъ неожиданнымъ образомъ.

Примѣръ такого сплетенія представляетъ собой и Пустынь на берегу Афугона.

Учрежденіе миссіонерскаго поста надъ горячими источниками по близости отъ почитаемой бурятами Бѣлой горы основывалось, повидимому, на нехитромъ разсчетѣ. Съ теченіемъ времени цѣлебные ключи должны были превратиться въ православную святыню и облегчить обращеніе въ христіанство окрестнаго населенія. Но предпріятіе прогорѣло, затѣя разбилась о глубокій религіозный индифферентизмъ бурятъ. Инородцы не отказались отъ пользованія горячими ваннами,—но они продолжали пользоваться ими, какъ пользовались встарь, совершенно не заботясь о церковкѣ, построенной на другомъ берегу Афугона. Всѣ они, какъ тотъ «мулла», о которомъ разсказывалъ Александръ, пріѣзжали сюда ноги лѣчить, а о Богѣ бесѣдовать шли къ своимъ ламамъ въ дацанъ или на Бѣлую гору.

И вотъ превратилась мало-по-малу смѣло задуманная миссіонерская Пустынь въ плохенькій курортъ, по странному недоразумѣнію остающійся въ завѣдываніи у монаховъ.

Сами монахи привыкли смотрѣть на доставшіяся въ ихъ владѣніе горячія ванны, какъ на простую доходную статью. И нужно отдать имъ справедливость: этой доходной статьей они пользуются довольно умѣренно, не обирая больныхъ, не прижимая ихъ, довольствуясь самой скромной платой за все и ничѣмъ не оскорбляя религіознаго чувства инородцевъ-язычниковъ.

Іеромонахъ отецъ Евтихій говорилъ мнѣ даже, что монахи рады были бы совсѣмъ отдѣлаться отъ этихъ ваннъ, сдавъ источники и гостиницу какому-нибудь арендатору.

— Спокойнѣе было бъ намъ жить на заимкѣ,—говорилъ онъ:—Да и приличнѣе бы по нашему сану. А то монашеское ли

дѣло дамъ у себя принимать, разговоры съ ними вести, шутки разныя слушать?

Отецъ Евтихій — человѣкъ скромный, застѣнчивый, безъ образованія, но съ большимъ запасомъ природнаго ума и наблюдательности. Говоря съ нимъ, я никакъ не могу представить себѣ, кѣмъ былъ онъ въ міру, — такъ идетъ ему монашеская ряса.

Спросилъ я и его о судьбахъ православной пропаганды среди бурятъ. Онъ сказалъ спокойно и просто:

— Ничего здѣсь не удается создать. Не наши нужны тутъ силы. Сдается мнѣ, не подходитъ наше ученіе къ ихней жизни. Я съ ними, когда прибылъ сюда, въ первое время, пытался говорить,—смѣются они только и руками машутъ. А одинъ старикъ все объяснить мнѣ старался, почему для нихъ ихняя вѣра лучше нашей. Чудно объяснялъ.

И, ломая рѣчь подъ бурятскій выговоръ, отецъ Евтихій продолжалъ:

— «Вашъ Богъ одинъ, нашъ одинъ, оба одинъ. А вѣры двѣ,—ваша одна, наша другая, всего двѣ. У васъ праздникъ, у васъ постъ, у васъ церковь, у васъ свѣчка, у васъ попъ, у васъ много. У насъ—мало, у насъ проще». Въ этомъ-то «проще», выходитъ, вся сила у нихъ. Я тому старику много толковалъ, а онъ все свое въ отвѣтъ: «У насъ проще».

— Развѣ религія бурятъ такъ проста?—замѣтилъ я:—Вѣдь они буддисты, а буддизмъ—одна изъ сложнѣйшихъ религіозныхъ системъ.

— Они на это не смотрятъ. Ихъ ламы давно все приспособили. Зарѣжутъ, напримѣръ, скотину, мясо съѣдятъ, а шкуру распялютъ да выставятъ во дворѣ или полѣ, — вотъ и жертва Богу готова. Пока держится шкура,—думать не о чемъ. А развалилась шкура отъ времени, — значитъ, Богъ принялъ жертву,—другую готовь! И праздники у нихъ всѣ приспособлены. А наше плохо имъ открывается, да и не такъ удобно по ихъ положенію. Вотъ хоть посты наши... Какъ будетъ онъ безъ мясного да безъ молочнаго поститься, когда у него—ни пашни, ни огорода, а только и есть, что скотъ?..

— А вотъ послушникъ вашъ говорилъ, что законъ о свободѣ вѣры сильно помѣшалъ вамъ, что правительство виновато въ вашихъ неудачахъ...

Отецъ Евтихій снисходительно улыбнулся:

— Закона о свободѣ вѣры, конечно, хвалить я не буду,— такой законъ. Только и Александру нашему вѣрить нельзя. Не

дурной онъ человѣкъ, да набалованный, — изъ-за поварского своего мастерства. А главное, больно ужъ онъ человѣкъ каретный.

— Какъ?—переспросилъ я, не разобравъ послѣдняго слова.

— Каретный, говорю, человѣкъ. Знаетъ, кому съ какой стороны карету подавать. Ему бы на легкой жизни, въ келейникахъ, держаться. У насъ онъ долго не проживетъ, уйдетъ скоро.

— Почему?

— Трудно у насъ. Рукъ мало, а дѣла ой-ой какъ много. А зимой и совсѣмъ тяжело. Хуже всего — волки шибко обижаютъ. То овцу задерутъ, то корову—только посматривай. А иной разъ подойдутъ мало-мало не къ окнамъ и воютъ. Съ одного этого воя напугаешься. Большая намъ отъ нихъ обида. Если бъ моя воля, и я бъ въ монастырь воротился.

— Зачѣмъ же вы живете здѣсь?

— Начальство духовное заставляетъ. Некѣмъ замѣнить, а оставить Пустынь безъ братіи тоже нельзя. Ошибку я сдѣлалъ, когда прельстился ѣхать сюда.

— Что же васъ прельстило?

— Званіемъ іеромонашескимъ прельстился. Обѣщано было мнѣ, что коли поѣду я сюда, будто бы для проповѣди, сразу меня и рукоположатъ въ іеромонахи. Почетомъ этимъ прельстился. Значитъ, и выходитъ, что теперь роптать мнѣ не на кого. Да и не ропщу я,—такъ только, къ слову когда придется, выскажешь иной разъ.

— А все-таки тяжело здѣсь жить?

— Зимой жутко, да весной измучаешься въ конецъ на работѣ, а лѣтомъ ничего, благодать. Трудимся по заповѣди Божіей.

— Но вѣдь для того, чтобъ такъ трудиться, нечего было въ эту глушь забираться! Заимку можно было бы хоть въ пяти верстахъ отъ города устроить,—мѣста тамъ сколько угодно.

— Правильно это,—согласился отецъ Евтихій:—Да что же подѣлаешь, когда по штату установлено, чтобъ былъ здѣсь миссіонерскій постъ! А мы-то знаемъ, что ни къ чему это. Когда станутъ буряты землю пахать, задѣлаются мужиками,—сами къ намъ придутъ. А пока за стадами ходятъ,—мы имъ не нужны, да и они намъ на что? Своя вѣра имъ удобнѣе,—«проще», по-ихнему.

И снова заговорилъ онъ о томъ, какъ «обижаютъ» братію весеннія воды, сносящія мосты, размывающія дороги и гати...

Видя, что я интересуюсь дѣлами Пустыни, отецъ Евтихій хотѣлъ показать мнѣ мѣстную «лѣтопись». Но догадался онъ сдѣлать это какъ-разъ наканунѣ дня моего отъѣзда. Тетрадь же «лѣтописи» оказалась подъ замкомъ, а ключъ унесъ съ собой отецъ настоятель, отправившійся осматривать дальніе покосы.

Такъ и не удалось мнѣ познакомиться съ исторіей Пустыни, и я жалѣлъ объ этомъ.

Отецъ Евтихій утѣшалъ меня:

— Собственно, интереснаго въ «лѣтописи» у насъ не много. Все больше хозяйственныя дѣла записаны: приходъ да расходъ, когда что строили, когда гдѣ мосты ставили, что покупать пришлось. Это намъ для порядку, дѣйствительно, требуется; вамъ оно ни къ чему, пожалуй.

Когда я уѣзжалъ изъ Пустыни, отецъ Евтихій—въ этотъ день онъ служилъ въ церкви—вышелъ на крылечко проводить меня и снова вспомнилъ о «лѣтописи».

— Счастливо доѣхать, — напутствовалъ онъ меня. Коли, дастъ Богъ, въ другой разъ къ намъ заглянете, — тогда и тетрадку нашу прочтете!..

Вл. Войтинскій.



ВЪ СТЕПЯХЪ ТУРКЕСТАНА.

I.

Ползетъ сѣдая мгла надъ знойною пустыней;
Пасутся на степи привольныя стада,
И одинокая вечерняя звѣзда
Грустить на небесахъ развѣнчанной святыней.

Ни ручейка воды, ни кустика кругомъ—
Въ отверженномъ краю, молчаніемъ объятомъ...
Какъ дѣва юная подъ свадебнымъ вѣнцомъ,
Стыдится облако, смущенное закатомъ.

Плыветъ царица-ночь, величія полна,
Закатный пиръ угасъ въ пурпуровомъ весельи;
И надъ пустынею задумалась луна,
Грустя, какъ схимница въ своей воздушной кельѣ,
И тихо молится полночная лампада
Надъ мирной кровлею свободнаго номада.

* * *

II.

Слѣпитъ палящій зной усталые глаза,
Пески, кругомъ пески, сожженные лучами,
И не проносится желанная гроза
Надъ молчаливыми, зыбучими песками...

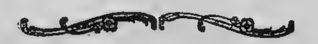
* * *

Холодной бирюзой синѣетъ небосклонъ;
Ни облачка кругомъ... Пустыня и молчанье...
Вдругъ море свѣтлое блеснуло, словно сонъ,
И плещетъ, и поетъ, и льетъ очарованье!..

* * *

Такъ въ сердцѣ у пѣвца не ропщетъ бурный громъ;
Какъ степь, оно молчитъ въ уныніи безстрастномъ,
Но вдохновеніе прольется въ грудь ключомъ,
И вырвется стихомъ пѣвучимъ и прекраснымъ!..

Изгнанникъ.



СЭРЪ ЭДУАРДЪ ГРЕЙ.

Сэръ Эдуардъ Грей, министръ иностранныхъ дѣлъ Британской имперіи, занимаетъ въ дипломатическомъ мірѣ исключительное положеніе,—не только благодаря тому мѣсту, которое отведено его странѣ на міровой аренѣ, но также и по личнымъ своимъ качествамъ. Во время балканскаго кризиса 1912—13 г.г. онъ съ большимъ тактомъ руководилъ переговорами балканскихъ государствъ между собою и съ великими державами, и сумѣлъ при крайне трудныхъ обстоятельствахъ предупредить вмѣшательство послѣднихъ manu militari въ балканскія дѣла, что́ привело бы уже тогда къ общеевропейской войнѣ. Въ критическіе іюльскіе дни 1914 года европейскій миръ былъ бы опять спасенъ усиліями сэра Эдуарда Грея, если бы Вильгельмъ II не вмѣшался внезапно въ дипломатическіе переговоры со своимъ бронированнымъ кулакомъ.

Но самая большая заслуга Грея передъ Европой и всѣмъ культурнымъ міромъ заключается въ томъ, что онъ поднялъ англійскій народъ противъ нарушителей европейскаго мира и повелъ его на рѣшительную борьбу съ опаснѣйшимъ изъ всѣхъ враговъ международнаго мира и соціальнаго прогресса—прусскимъ милитаризмомъ. Значеніе этого факта въ исторіи нынѣшней войны и для всей исторіи Европы—огромнѣйшее; обязаны же мы участіемъ Великобританской имперіи въ этой великой войнѣ въ союзѣ съ Россіей, Франціей, Италіей и Бельгіей въ большой степени личному вліянію сэра Эдуарда Грея.

Все это, однако, только подготовка для будущаго, для предстоящаго послѣ нынѣшней войны новаго строительства международныхъ отношеній, для установленія новаго фундамента, на которомъ будущія поколѣнія воздвигнутъ, какъ мы надѣемся, болѣе совершенный строй международной жизни, чѣмъ

тотъ, который привелъ человѣчество къ нынѣшнему безпощадному взаимоуничтоженію.

Что можно ожидать для этого великаго дѣла отъ нынѣшняго англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ?—Для отвѣта на этотъ вопросъ, который не можетъ не интересовать насъ самымъ живѣйшимъ образомъ, намъ надо поближе познакомиться съ личностью и политическою дѣятельностью сэра Эдуарда Грея.

I.

«A typical Northumbrian», такъ опредѣляетъ личность Грея анонимный авторъ его біографіи, вышедшей въ Лондонѣ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ [1]. Но это опредѣленіе понятно только для англичанъ. Иностранецъ скажетъ: «типичный англичанинъ».—Спокойный, сдержанный, молчаливый, корректный, уравновѣшенный, — таково первое впечатлѣніе отъ личности Эдуарда Грея. Ничего оригинальнаго въ наружности или манерахъ, а также, какъ-будто, и въ мысляхъ. Ростъ средній, черты лица правильныя, особыхъ примѣтъ—никакихъ... А такъ какъ и имя у него «сѣрое» (grey—сѣрый), то нѣкоторые склонны такъ и характеризовать его. Такъ, Жоржъ Трэвеліанъ выразился какъ-то о немъ: «нѣкоторые считаютъ Грея *чернымъ, какъ дьявола*, другіе считаютъ его *бѣлымъ, какъ голубь*, а въ дѣйствительности онъ ни то, ни другое, а именно *Грей* (т.-е. сѣрый)».

Почему же, однако, одни все же считаютъ Грея «*чернымъ*», а другіе «*бѣлымъ*»? — Это столь же характерно для личности Грея, какъ и то, что собственный товарищъ по партіи (Грей также принадлежитъ къ лѣвому крылу либеральной партіи) могъ его назвать просто «*сѣрымъ*». Эдуардъ Грей выдается и среди англичанъ своею уравновѣшенностью; поэтому наиболѣе пылкіе изъ его товарищей часто склонны его считать до крайности умѣреннымъ, «сѣрымъ» человѣкомъ. Недаромъ говорятъ, что больше всего его критиковали собственные товарищи по партіи (его біографъ даже утверждаетъ: «почти исключительно»). Другіе чувствуютъ, что за сѣрой внѣшностью скрывается нѣчто значительное, не зная, однако жъ, въ точности, что́ именно:—«черное» или «бѣлое»...—«Чернымъ предательствомъ», можетъ быть, считали нѣкоторые пылкіе то-

[1] Sir Edward Grey, K. G. London, 1915. Единственная пока біографія.

варищи Грея по партіи, когда онъ, въ 1905 г., только-что занявъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ въ либеральномъ кабинетѣ, вдругъ заявляетъ публично на торжественномъ обѣдѣ въ Сити, что онъ будетъ придерживаться той же политики, что его консервативный предшественникъ, лордъ Лэнсдоунъ. Другіе, наоборотъ, были крайне растроганы рѣдкой скромностью и простотой этого могущественнаго властителя міровой политики Британской имперіи, когда онъ въ затрапезной бесѣдѣ въ обществѣ писателей и журналистовъ неожиданно признался, что самымъ завѣтнымъ его желаніемъ было всегда—стать крупнымъ, но *анонимнымъ*, т.-е. неизвѣстнымъ авторомъ!..

Необычно все это, повидимому, даже въ своеобразной Англіи. Въ сущности Грей, хотя и отнюдь не заурядный человѣкъ, вовсе не представляетъ собой, т. наз., «проблематической натуры», и его характеръ не только не заключаетъ въ себѣ ничего загадочнаго, но скорѣе поражаетъ своею ясностью и простотою. Но именно эти качества, повидимому, не такъ обыкновенны, какъ принято думать...

Относительно политическихъ взглядовъ Грея его біографъ справедливо замѣчаетъ, что, когда онъ ихъ излагаетъ въ своихъ рѣчахъ, они представляются слушателямъ до того ясными, разумными и справедливыми, что кажется почти невозможнымъ не соглашаться съ нимъ. А другой наблюдатель говоритъ, что, когда сэръ Эдуардъ Грей излагаетъ основы своей иностранной политики, то кажется, что это школьный учитель излагаетъ элементарныя начала ариѳметики или географіи напряженно внемлющимъ ему дѣтямъ.

Ясность является для него основнымъ требованіемъ; когда онъ въ своихъ рѣчахъ приступаетъ къ анализу сложнаго вопроса, онъ обыкновенно начинаетъ съ замѣчанія: «очистимъ сначала почву!» — Этого, однако, не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, будто онъ склоненъ къ *простотѣ* въ смыслѣ узости. Въ одной изъ своихъ рѣчей онъ, наоборотъ, категорически высказался противъ стремленія къ такой «простотѣ» въ сложныхъ вопросахъ. — «Когда я имѣю дѣло съ широкими проблемами, сказалъ онъ, я всегда помню, что такіе вопросы не допускаютъ узкихъ, ограниченныхъ отвѣтовъ».

Это замѣчаніе характерно для Грея: очень глубокая мысль выражена такъ «просто» и ясно, что сразу становится очевидной и безспорной.

Говоритъ онъ, впрочемъ, очень мало, будучи врагомъ не только безсодержательныхъ словъ, но и непродуманныхъ мыслей.

Очень склоненъ къ сосредоточенности и созерцательности; потому, вѣроятно, онъ и такой страстный *удильщикъ*. Написалъ даже книгу *о рыбной ловлѣ*, «Fly Fishing»,—единственный до сихъ поръ печатный трудъ его. — Любитъ, однако, также и болѣе подвижный спортъ: «чэмпіонъ» по тэннису!—Такъ что, какъ замѣчаетъ остроумно его біографъ, безсмертіе было бы ему обезпечено и помимо его политической дѣятельности...

Какъ видимъ, типичный англичанинъ. Прошелъ классическую англійскую школу, отдавая должное и духовной, и физической своей индивидуальности. Тѣмъ не менѣе очень рано началъ свою политическую дѣятельность: 23 лѣтъ (въ 1885 г.) уже былъ членомъ парламента, 30 лѣтъ (въ 1892 г.) занялъ отвѣтственное мѣсто товарища министра иностранныхъ дѣлъ. Первые шаги на политическомъ поприщѣ, правда, были ему облегчены вліятельными семейными связями: семья Греевъ всегда играла видную роль въ англійской политикѣ. Но были тутъ и личныя заслуги: первое его выступленіе, 22-хъ лѣтъ, на политической аренѣ въ качествѣ предсѣдателя на большомъ политическомъ митингѣ было также крупнымъ его успѣхомъ: такъ «мудро» руководилъ онъ собраніемъ.

«Юнъ годами, но старъ своею мудростью»,—такъ характеризуетъ Эдуарда Грея его біографъ. Этому юношѣ теперь уже 53 года, но его и въ первой молодости считали мудрецомъ.

II.

Ставъ членомъ палаты общинъ, Грей первые два года ни разу не просилъ себѣ слова; онъ слушалъ и молчалъ. Зато, когда онъ заговорилъ, то сейчасъ заставилъ себя слушать со вниманіемъ. Зрѣлость, «мудрость» его сужденій тотчасъ же обратили на себя вниманіе. То было 8-го февраля, н. ст., 1887 г., когда Грею было едва 25 лѣтъ. Предметомъ сужденія были отвѣтный адресъ на тронную рѣчь и поправка къ нему Парнелля относительно репрессивной политики правительства въ Ирландіи. Парнелль требовалъ, чтобы вмѣсто репрессивныхъ мѣръ правительство постаралось удовлетворить нужды населенія и внушило послѣднему довѣріе къ себѣ.—Грей рѣшительно поддерживалъ это предложеніе. Его мотивы столь же характерны для него, сколь интересны сами по себѣ.

«Репрессіи,—сказалъ онъ,—всегда имѣли только временное значеніе; онѣ, можетъ быть, служили шагомъ впередъ къ

временному подавленію безпорядковъ и преступленій, но всегда означали при этомъ два шага назадъ въ разрѣшеніи великаго вопроса: Какъ намъ надо управлять Ирландіей?»—«И для охраны собственности,—продолжалъ онъ,—репрессивная политика принесла больше вреда, чѣмъ пользы, потому что—здѣсь слѣдуетъ очень оригинальная и глубокая мысль:—«репрессивная политика пріучила собственность искать защиты *извнѣ*, а не *внутри*. Внутреннею защитой для собственности служатъ довольство, взаимная удовлетворенность между классами и общее благосостояніе. Эти факторы дѣйствуютъ *автоматически*, тогда какъ внѣшнія вліянія должны быть каждый разъ вновь пущены въ ходъ» [1]).

Первое выступленіе Эд. Грея было весьма удачное; тѣмъ не менѣе онъ и послѣ того очень рѣдко обращался къ слову. Въ теченіе всего 1887 года онъ говорилъ только 4 раза; столько же въ 1888 и 1889 гг.; въ 1890 году онъ выступалъ только 5 разъ, а въ 1891 г.—6 разъ. Въ 1892 году онъ занялъ постъ товарища министра (Under Secretary) иностранныхъ дѣлъ и, такъ какъ самъ министръ (лордъ Розбери) находился въ палатѣ лордовъ, то Грею, волей-неволей, приходилось часто выступать, чтобъ давать отвѣты на многочисленные запросы членовъ палаты общинъ. Но отвѣты Грея обыкновенно были очень лаконичны, строго дѣловиты. Такъ наз. «*принципіальныхъ*» заявленій Грей не любитъ. Просмотрѣвъ всѣ отчеты о засѣданіяхъ палаты общинъ, я едва извлекъ 2—3 заявленія его, которыя можно бы, хотя все же не безъ натяжки, назвать «*принципіальными*». Это не случайность, а скорѣе своего рода правило,—можно бы, пожалуй, сказать — своего рода *принципъ*. Грей очень скептически относится къ политическимъ теоріямъ, даже ко всякимъ слишкомъ широкимъ политическимъ *планамъ*. Какъ онъ заявилъ въ одной лекціи, въ исторіи Англіи, по его мнѣнію, самыя великія дѣла были совершены не мастерами широкихъ плановъ, а мастерами *случая*, т.-е. людьми, сумѣвшими использовать въ полной мѣрѣ случайныя, счастливыя обстоятельства. «Великія дѣла,—замѣтилъ онъ,—были совершены скорѣе благодаря *проницательности*, чѣмъ благодаря *предусмотрительности*» [2]). Выше всего онъ ставилъ способность рѣшить въ каждый *данный* моментъ, что можно дѣлать при

---

[1]) Цитаты изъ парламентскихъ рѣчей Эд. Грея извлечены мною изъ оффиціальнаго отчета о засѣданіяхъ палаты общинъ. (Hansard).

[2]) Sir Edward Grey. K. G. p. 139.

данныхъ обстоятельствахъ, и стремиться *именно къ тому* и ни къ чему иному.

Это, скажутъ, чистѣйшій «оппортунизмъ». Дѣйствительно, можно сказать, что это оппортунизмъ, возведенный въ принципъ; но не надо смѣшивать оппортунизмъ Грея съ банальными представленіями объ оппортунизмѣ. Политическіе и соціальные взгляды Эд. Грея скорѣе радикальны, чѣмъ умѣренны. Какъ онъ въ 1887 году поддерживалъ Парнелля въ его требованіяхъ широкихъ аграрныхъ и административныхъ реформъ, такъ въ 1913 г. онъ поддерживалъ требованія суффражистокъ о полномъ уравненіи женщинъ въ политическихъ правахъ съ мужчинами. Онъ былъ и, вѣроятно, остался рѣшительнымъ *пацифистомъ*,—конечно, не въ банальномъ смыслѣ этого слова.

Выше всего Грей цѣнитъ—*сосредоточенность*. Несчастіемъ нашего вѣка онъ считаетъ—чрезмѣрное изобиліе впечатлѣній, разсѣивающее наше вниманіе, вносящее въ умы замѣшательство и безпорядокъ. «Уже перевариваніе всѣхъ новостей, доставляемыхъ намъ каждодневно газетами,—замѣтилъ онъ между прочимъ въ упомянутой нами выше лекціи,—достаточно, чтобы разстроить любой мозгъ. Въ старину многимъ приходилось прежде всего преодолѣть затрудненія въ *поискахъ дѣла*, а нынѣ самое большое затрудненіе состоитъ въ томъ, чтобы не увлечься изобиліемъ дѣлъ». Самому Эдуарду Грею, однако же, удалось преодолѣть это затрудненіе въ совершенствѣ. Его въ разсѣянности обвинять невозможно. Въ искусствѣ «самоограниченія», Гете считалъ пробнымъ камнемъ «мастера», Грей оказался величайшимъ мастеромъ. Но этимъ онъ, къ сожалѣнію, очень затруднилъ работу своихъ біографовъ; имъ также приходится ограничивать себя...

Используемъ, однако жъ, то, что есть; остановимся на наиболѣе характерныхъ изъ его выступленій.

Въ 1913 г. англійское общественное мнѣніе было очень взволновано крайне вызывающими дѣйствіями суффражистокъ. Борьба за женское равноправіе принимала временами чисто анархическій характеръ, совершенно противорѣчащій англійскому духу. Многіе изъ принципіальныхъ сторонниковъ равноправія женщинъ поколебались вслѣдствіе этого въ своихъ принципахъ. Эдуардъ Грей не былъ въ ихъ числѣ, хотя ему тогдашніе способы борьбы суффражистокъ менѣе всего могли нравиться. Онъ не только остался вѣренъ своимъ принципамъ, но и рѣшительно о томъ заявилъ, не считаясь съ противоположнымъ мнѣніемъ своихъ товарищей по министерству, въ томъ числѣ

съ мнѣніемъ премьеръ-министра Асквита. Выразилъ онъ это, однако, по своему обыкновенію, въ простой, безпретенціозной формѣ.

— «Я не могу понять,—сказалъ онъ,—на какомъ основаніи—справедливости, логики, благоразумія, или хотя бы удобства,—въ интересахъ ли женщинъ, или въ интересахъ всего общества,—мы можемъ въ наши дни настаивать на томъ, чтобы всѣ женщины были исключены отъ участія въ парламентскихъ выборахъ».

Въ 1906—1908 г.г. въ Англіи много занимались нашими россійскими дѣлами, и Грею часто приходилось отвѣчать, въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ, на запросы членовъ палаты общинъ объ отношеніи англійскаго правительства къ русскимъ событіямъ, въ связи съ состоявшимися въ эти годы обмѣнными визитами. Положеніе было щекотливое, и тутъ сдержанность и корректность Грея сослужили особую службу. Чаще всего онъ, впрочемъ, ограничивался при этомъ краткимъ, но рѣшительнымъ отвѣтомъ, дѣйствовавшимъ, какъ струя холодной воды.

Такъ, напр., въ критическіе іюньскіе дни 1906 года (5—18-го іюня) членъ палаты Тарнъ обратился съ слѣдующимъ вопросомъ:

— Позволяю себѣ спросить статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ, будутъ ли сдѣланы какія-либо представленія русскому правительству относительно обращенія властей съ народомъ въ Россійской имперіи, прежде чѣмъ британскій флотъ будетъ посланъ въ Кронштадтъ съ оффиціальнымъ визитомъ или прежде чѣмъ будутъ сдѣланы какіе-либо другіе шаги для заключенія опредѣленныхъ дружественныхъ соглашеній между Англіей и Россіей?»

На это сэръ Эдуардъ Грей отвѣтилъ кратко:

— «Отвѣтъ на вопросъ почтеннаго члена—отрицательный».

Сказалъ и сѣлъ.

Однако, черезъ двѣ недѣли, 5-го іюня н. ст., ему опять предъявили тотъ же щекотливый вопросъ. Тогда онъ почувствовалъ необходимость дать нѣкоторыя объясненія по существу и сказалъ слѣдующее:

— «Я совершенно увѣренъ, что всякое вмѣшательство иностраннаго государства нисколько не подкрѣпитъ партію реформъ, а скорѣе усилитъ какую-либо крайнюю партію. Вся исторія показываетъ, что именно таковъ былъ результатъ любого иностраннаго вмѣшательства».

Въ 1908 г., когда снова, по тѣмъ же причинамъ, стали

раздаваться протесты противъ сближенія Англіи съ Россіей, Грей ясно формулировалъ свое отношеніе къ Россіи въ слѣдующихъ замѣчаніяхъ:

— «Я вижу въ Россіи великій народъ, котораго силы еще не развились, котораго характеръ еще только созрѣваетъ, еще не достигъ полнаго расцвѣта, но въ которомъ начинаютъ обнаруживаться новыя мысли и новыя чувства. Я убѣжденъ, что у нея будетъ великая будущность, и что она будетъ играть великую роль въ мірѣ. И международный миръ, и благосостояніе, какъ Россіи, такъ и наше собственное, будетъ въ значительной мѣрѣ зависѣть отъ нашихъ взаимныхъ отношеній... И я не думаю, что въ конечномъ итогѣ какая-либо страна въ мірѣ будетъ менѣе либеральна, менѣе прогрессивна или менѣе могущественна, въ полномъ и лучшемъ смыслѣ слова, оттого, что она находится въ добрыхъ отношеніяхъ съ нами»...

Послѣднее замѣчаніе, удивительно вѣрное,—хотя опять-таки совершенно «простое», чисто «грейевское», — было отвѣтомъ тѣмъ англійскимъ друзьямъ русскаго народа, которые почему-то считали лучшимъ способомъ выраженія своихъ симпатій къ нему—протесты противъ сближенія Англіи съ Россіей.

Въ этомъ замѣчаніи Грея даетъ себя знать дипломатъ. Его недаромъ еще въ юности прозвали «великимъ дипломатомъ». Онъ, несомнѣнно, большой дипломатъ, но его дипломатическое искусство особаго рода, совершенно отличное отъ обычнаго, банальнаго типа. Банальными дипломатическими «тонкостями», сводящимися, въ сущности, къ хитростямъ и обманамъ, онъ совершенно пренебрегаетъ. Дипломатія Грея чрезвычайно корректна, болѣе того—можно бы даже сказать — *прямодушна*. Но это, пожалуй, многимъ покажется прямымъ отрицаніемъ «дипломатическаго таланта».

Грей, впрочемъ, не придаетъ дипломатамъ такого значенія, какъ его коллеги по дипломатіи. Онъ вообще до войны, повидимому, готовъ былъ отодвинуть иностранную политику на второй планъ, что̀ для искренняго пацифиста совершенно послѣдовательно.—«Массы, сказалъ онъ въ одной рѣчи, не позволятъ болѣе, чтобы ими играли,—не допустятъ, чтобы все ихъ существованіе было поставлено въ зависимость отъ иностранной политики». «Правда, прибавилъ онъ вслѣдъ за этимъ, широкія рабочія массы, можетъ быть, еще настолько безпомощны, что, какъ бы ни были велики для нихъ бѣдствія, связанныя съ войной, нѣтъ во всей Европѣ ни одной націи, которую нельзя было бы завтра же вовлечь въ войну при честолюбіи или безуміи ея

правительства, хотя нѣтъ также въ Европѣ націи, въ которой подавляющее большинство народа не желало бы мира».

Эти опасенія Грея, высказанныя въ 1910 г., оправдались, къ несчастію, въ полной мѣрѣ въ 1914 г.

III.

Кризисъ 1914 года не былъ полной неожиданностью для Грея; и всѣ его усилія, вся его политика были направлены къ тому, чтобы избѣжать этого страшнаго испытанія. Средства, употребленныя имъ при этомъ, были очень просты: чтобы избѣжать столкновеній, онъ старался устранить всѣ серьезные поводы къ нимъ. Такъ онъ поступилъ съ Франціей, такъ онъ поступилъ съ Россіей; такимъ же образомъ онъ надѣялся уладить отношенія съ Германіей.

Это просто, но въ то же время до такой степени расходится съ традиціонными отношеніями великихъ державъ между собою, что въ сущности означаетъ коренной переворотъ въ международной политикѣ. Вмѣсто кровавыхъ столкновеній—мирныя соглашенія, вмѣсто интригъ и подвоховъ—третейскіе суды,—такіе пріемы были совершенно новы для дипломатіи.

Столь же новы были основные принципы иностранной политики С.-Джемскаго кабинета.—«По моему мнѣнію, заявилъ Эд. Грей въ палатѣ общинъ 27-го ноября 1911 года, для нашей страны мудрая политика требуетъ возможно меньше расширенія («to expaund as little as possible»). Это—публичное отреченіе отъ завоевательной политики, значеніе котораго тѣмъ болѣе велико, что къ нему тотчасъ же присоединился и лидеръ оппозиціи.—«Я заявляю безъ колебаній, сказалъ Бонаръ Лоу въ томъ же засѣданіи палаты, что мы не желаемъ увеличенія территоріи».

При такомъ единодушіи общественнаго мнѣнія, Грей могъ приступить къ выполненію своей программы, не стѣсняясь, весьма опасныхъ въ иностранной политикѣ, нареканій со стороны оппозиціи. Первые шаги въ этомъ направленіи были, впрочемъ, уже сдѣланы его предшественникомъ, лордомъ Лэнсдоуномъ. Въ 1904 г. состоялось соглашеніе Англіи съ Франціей относительно Египта и Марокко, положившее конецъ старому, «традиціонному» соперничеству между двумя великими державами Западной Европы и установившее между ними то «сердечное согласіе», которое крѣпче формальнаго союза соединило ихъ другъ

съ другомъ и открыло новую эру въ европейской политикѣ. Эд. Грею оставалось только развить и упрочить эти отношенія съ Франціей и защитить ихъ отъ всѣхъ покушеній противъ нихъ извнѣ.

Такія покушенія происходили не одинъ разъ, и требовалось много энергіи, выдержки и такта, чтобы ихъ парировать, не задѣвая главной цѣли согласія—международнаго мира. Исходили эти покушенія отъ Германія, которая въ своей международной политикѣ руководствовалась принципами, діаметрально противоположными принципамъ Грея. Изъ этихъ выступленій Германіи больше всего вызвали волненій посѣщеніе германскаго императора Вильгельма II въ Танжерѣ въ 1905 г. и посылка германскаго миноносца «Пантеры» въ Агадиръ въ 1911 г.

Первое событіе разыгралось еще при лордѣ Лэнсдоунѣ [1]); будетъ нелишне напомнить его главныя черты. 31-го марта 1905 г., въ серединѣ переговоровъ французскаго правительства съ марокксхимъ султаномъ относительно программы внутреннихъ реформъ, совершенно необходимыхъ для того, чтобы вывести эту злосчастную страну изъ ея хаотическаго состоянія, Вильгельмъ II, совершая свою обычную пасхальную прогулку по Средиземному морю, внезапно остановился въ Танжерѣ и въ театральной рѣчи заявилъ всему міру, что марокксхій султанъ свободный и независимый властелинъ, что радикальныя реформы—опасны для страны, что иностранныя державы не имѣютъ права вмѣшиваться въ ея внутреннія дѣла и что—надо также считаться *съ интересами Германіи* въ Марокко. Это былъ открытый вызовъ, главнымъ образомъ, противъ Франціи, но отчасти также противъ Англіи. Франція не рѣшилась принять его и отступила. Она пожертвовала своимъ, неугоднымъ германскому императору министромъ иностранныхъ дѣлъ, заключившимъ договоръ съ Англіей (Делькассэ), и приняла требованіе Германіи о созывѣ международной конференціи для урегулированія марокксхихъ дѣлъ. Результаты этой конференціи, состоявшейся въ январѣ 1906 г. въ Алжезирасѣ, были въ общемъ благопріятны для Франціи. Англія (а также, конечно, союзная съ Франціей Россія) энергично поддерживала ея требованія, а Германія не была поддержана въ полной мѣрѣ даже ея союзниками, Италіей и Австріей. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что въ этомъ конфликтѣ Гер-

1) Поучительный обзоръ иностранной политики Грея даетъ Gilber Murray въ книгѣ The Foreign Polycy of Sir Edward Grey 1906 — 1915. Oxford 1915.

манія принудила Францію къ отступленію, и Англія это допустила. Правда, обстоятельства были исключительныя: на активную поддержку Россія тогда нельзя было разсчитывать; ея силы были въ то время поглощены, сначала войной съ Японіей, потомъ внутренней борьбой.

Зато конфликтъ 1911 г. закончился явнымъ отступленіемъ Германіи, благодаря рѣшительному вмѣшательству Англіи. Начался конфликтъ, какъ мы уже сказали, внезапнымъ прибытіемъ 1-го іюля этого года въ марокксую гавань Агадиръ германской миноноски «Пантеры», за которой скоро послѣдовалъ германскій крейсеръ «Берлинъ». Цѣль этой сенсаціонной экспедиціи германскій канцлеръ формулировалъ въ рейхстагѣ слѣд. образомъ: засвидѣтельствовать, что Германія имѣетъ «какъ право, такъ и намѣреніе охранять въ Марокко своихъ подданныхъ столь же самостоятельно, какъ Франція охраняетъ своихъ подданныхъ, пока Франція не пришла съ нами къ соглашенію». Соглашеніе, состоявшееся въ 1906 г. въ Алжезирасѣ, слѣдовательно, не признавалось болѣе Германіей. Она требовала новаго соглашенія.

Но, тогда какъ въ 1905 году она категорически настаивала на *международномъ* соглашеніи, теперь она столь же категорически требовала частнаго соглашенія между нею и Франціей, безъ всякаго вмѣшательства со стороны другихъ великихъ державъ.—«Германія хочетъ искать вмѣстѣ съ Франціей средства къ достиженію окончательнаго соглашенія относительно марокксаго вопроса», сообщилъ сэру Эдуарду Грею 1-го іюля 1911 г., т.-е. въ самый день прибытія «Пантеры» въ Агадиръ, германскій посланникъ въ Лондонѣ.—Эту игру Грей тотчасъ же рѣшилъ разстроить и сразу заговорилъ серьезнымъ тономъ. Уже 3-го іюля онъ пригласилъ къ себѣ германскаго посланника и сказалъ ему, что «желаетъ, чтобы Германія тотчасъ же узнала, что мы считаемъ положеніе серьезнымъ и значительнымъ (serious and important)», а на другой день заявилъ ему, уже отъ имени всего правительства, имѣвшаго спеціальное засѣданіе по этому вопросу, что «мы не сможемъ признать никакого новаго соглашенія, если бы оно состоялось безъ нашего участія».

Германская дипломатія, однако, не обратила должнаго вниманія на эти рѣшительныя заявленія Грея и считала возможнымъ предъявлять Франціи и далѣе свои требованія, совершенно игнорируя Англію. Она даже считала возможнымъ оставить безъ отвѣта эти предостереженія великобританскаго правительства. Грей ждалъ

семнадцать дней. Не дождавшись отвѣта, 21-го іюля онъ снова пригласилъ къ себѣ германскаго посланника и заявилъ ему, что англійскому правительству извѣстно, что Германія предъявляетъ Франціи чрезмѣрныя требованія, которыя могутъ воспрепятствовать соглашенію; поэтому онъ предупреждаетъ, что, если соглашеніе не состоится, Англія сочтетъ себя обязанной вмѣшаться. Германскій посланникъ не могъ и на это предостереженіе дать удовлетворительнаго отвѣта.

Какъ разъ въ этотъ день, вечеромъ, министръ финансовъ, Ллойдъ Джорджъ, выступилъ съ политическою рѣчью въ лондонскомъ Муниципальномъ домѣ. Ллойдъ Джорджъ всегда былъ горячимъ сторонникомъ мира, и въ этой своей рѣчи краснорѣчиво говорилъ о благодѣяніяхъ мирнаго прогресса, но затѣмъ прибавилъ нѣсколько словъ, явно выходящихъ за програму рѣчи и произведшихъ сильнѣйшее впечатлѣніе не только на непосредственную аудиторію, но, можно сказать, на весь политическій міръ. Его слова историческія и они выражаютъ не только его чувства.

«Я долженъ заявить слѣдующее: я считаю существеннымъ ради наивысшихъ интересовъ не только этой страны, но всего міра, чтобы Британія во всякомъ случаѣ сохранила свое мѣсто и свой престижъ среди великихъ державъ... Если бы намъ навязали положеніе, въ которомъ сохраненіе мира было бы возможно лишь сдачей великой и благодѣтельной позиціи, завоеванной Британіей вѣками героизма и подвиговъ, допущеніемъ третированія ея тамъ, гдѣ затрогиваются ея жизненные интересы, какъ будто она ничего не означаетъ въ средѣ націй, тогда я рѣшительно заявляю, что миръ, купленный такой цѣной, былъ бы невыносимымъ униженіемъ для такой великой страны, какъ наша».

Громомъ раскатились эти слова по всей Европѣ. Сильнѣйшая гроза разразилась вслѣдъ за этимъ въ англійской и германской печати, и черезъ нѣсколько дней политическая атмосфера совершенно очистилась. Уже 24-го іюля Грей получилъ отъ германскаго посланника отвѣтъ, котораго онъ до тѣхъ поръ никакъ не могъ добиться; 25-го посолъ явился съ личными объясненіями, а 27-го онъ снова пришелъ съ посланіемъ отъ германскаго канцлера. Канцлеръ далъ полныя объясненія относительно германскихъ претензій и завѣрялъ о своихъ лучшихъ чувствахъ, какъ по отношенію къ Англіи, такъ и по отношенію къ Франціи.

Этотъ случай характеренъ для Грея: онъ безукоризненно

корректенъ и терпѣливъ; онъ можетъ долго сдерживаться, если это требуется; но, когда нуженъ иной образъ дѣйствій, онъ рѣшителенъ, безъ замедленій; когда слова не дѣйствуютъ, онъ безъ колебаній приступаетъ къ дѣйствію...

Добившись удовлетворенія, онъ тотчасъ опять успокаивается и возвращается въ свое нормальное состояніе. Когда германское правительство отказалось отъ своихъ чрезмѣрныхъ претензій и сдѣлало Франціи пріемлемыя предложенія, Грей съ своей стороны содѣйствовалъ соглашенію. Соглашеніе скоро состоялось, и мороккскій вопросъ снова снятъ былъ съ очереди дня.

Германія вышла изъ этого конфликта сконфуженная, а престижъ Англіи, показавшей рѣшимость и готовность поддерживать своихъ друзей въ полной мѣрѣ, значительно поднялся.

IV.

«Сердечное согласіе» между Англіей и Россіей датируетъ съ 1907 г. Оно основано на томъ же весьма простомъ, но самомъ дѣйствительномъ принципѣ, что согласіе съ Франціей: устраненіе соперничества.—«Когда интересы двухъ державъ постоянно затрагиваются и задѣваются между собою, то очень трудно найти среднюю линію между безпрерывными треніями и искренней дружбой», замѣтилъ Грей, излагая передъ парламентомъ основы своей политики. Исходя изъ этого, онъ, для избѣжанія безконечныхъ треній, предложилъ Россіи «искреннюю дружбу».

Яблокомъ раздора между Россіей и Англіей служили расположенныя между границами обѣихъ имперій азіатскія области: Тибетъ, Афганистанъ и Персія. Отъ соперничества съ Россіей на Балканскомъ полуостровѣ Англія уже ранѣе отказалась. Соглашеніемъ 1907 года спорные вопросы разрѣшены слѣдующимъ образомъ.

Тибетъ, обладающій, благодаря своей горной цѣпи, сильнымъ барьеромъ противъ завоевательныхъ стремленій какой-либо стороны и населенный единымъ миролюбивымъ народомъ, сохраняетъ полную независимость.

Афганистанъ, заключающій въ своихъ границахъ разнородныя, несплоченныя между собою народности, остается и далѣе, какъ до сихъ поръ, въ сферѣ вліянія Англіи,

которая, однако, не должна претендовать ни на аннексію, ни на протекторатъ.

Такимъ образомъ, обѣ державы, для предупрежденія столкновеній, какъ бы сами берутъ на себя заботу о сохраненіи и укрѣпленіи отдѣляющихъ ихъ другъ отъ друга *«буферныхъ»* государствъ. Трудно придумать что-нибудь болѣе разумное. Но выполненіе этой задачи—дѣло нелегкое. Главныя затрудненія лежатъ въ Персіи, въ которой внутреннія волненія почти не прекращаются, и революціи и контръ-революціи безпрерывно смѣняютъ другъ друга. Это влечетъ за собою постоянное вмѣшательство Россіи и Англіи въ персидскія дѣла и постоянные переговоры между ними, вызывая, вѣроятно, также немалыя разногласія, вслѣдствіе коренного различія политическихъ началъ россійскаго и англійскаго правительствъ. Противники политики сэра Эдуарда Грея видятъ въ этомъ доказательство ея ошибочности; но они забываютъ при этомъ одно: что было бы съ Персіей безъ англо-русскаго соглашенія? Безпорядковъ въ этомъ разваливающемся государственномъ организмѣ, конечно, было бы не меньше, разногласій между Россіей и Англіей—также, но кончались бы они не мирными, дружественными переговорами, а—совершенно иначе... Цѣлью политики Грея служитъ замѣна опасныхъ, враждебныхъ конфликтовъ мирными, дружественными соглашеніями. Эту цѣль Грей вполнѣ достигъ по отношенію къ Россіи, точно также какъ по отношенію къ Франціи.

Тѣмъ же духомъ проникнута была политика его по отношенію къ Сѣверо - Американскимъ Соед. Штатамъ, къ Италіи и къ другимъ государствамъ — ко всѣмъ, *не исключая Германіи*. Благодаря этой политикѣ мира и справедливости, отъявленные враги Англіи превращались въ преданнѣйшихъ друзей ея. Какъ удавались Эдуарду Грею эти чудесныя превращенія?—Его способъ очень простой, всѣмъ давно извѣстный: онъ удовлетворялъ справедливыя требованія и требовалъ для Англіи только того, что справедливо.

Но почему же, спросятъ, политика Грея потерпѣла полную неудачу по отношенію къ Германіи?—Нѣмцы отвѣчали на этотъ вопросъ очень просто: Грей не хотѣлъ мира съ Германіей; онъ, напротивъ, все время стремился къ войнѣ съ нею, и вся его «якобы примирительная» политика, всѣ его соглашенія съ другими державами были лишь подготовкой къ тому, чтобы тѣмъ вѣрнѣе и легче расправиться съ нею. Причина:

зависть, зависть къ безпримѣрнымъ успѣхамъ Германіи и всего германскаго народа, ея фабрикантамъ, ея коммерсантамъ, и пр., и пр. — Объясненіе, поражающее своею банальностью. Но въ Германіи оно всѣми принято, какъ аксіома. Тамъ, вѣдь, все подобное сейчасъ застываетъ въ догму.

Но нѣмецкія догмы, какъ извѣстно, также служатъ предметомъ экспорта и имѣютъ значительное распространеніе внѣ Германіи. Не мало найдется, можетъ быть, и за предѣлами Германіи людей, которые, и безъ желанія искать оправданія для нея, все же киваютъ и подмигиваютъ и на Англію, у которой-де также «рыльце въ пушку»... Вспоминаются школьныя басни: «коварный Альбіонъ», «народы торгашей» и т. под.—Я не буду останавливаться на этихъ дѣтскихъ объясненіяхъ великихъ событій, и замѣчу лишь, что, если бы зависть, дѣйствительно, играла роль въ англійской политикѣ, то, можетъ быть, нынѣшней войны не было бы, потому что тогда Англія давно остановила бы ростъ военной и экономической мощи Германіи, безъ тѣхъ страшныхъ жертвъ, которыя требуются для этого въ настоящее время. Вмѣсто этого Англія сдѣлала слѣдующее: въ 1870 г. она своимъ благожелательнымъ нейтралитетомъ по отношенію къ Пруссіи позволила ей создать могущественную Германскую имперію. Точно также она не только не препятствовала колоніальнымъ завоеваніямъ Германіи, но какъ будто даже покровительствовала имъ. Такъ, въ самомъ началѣ ея колоніальной политики Гладстонъ заявилъ (въ 1884 году): «Если Германія желаетъ стать колонизирующей державой, то я могу только сказать—Богъ въ помощь!— Она этимъ становится нашимъ союзникомъ и сотоварищемъ въ осуществленіи великихъ замысловъ Провидѣнія для блага человѣчества!» Созданію германскаго флота Англія не только не противодѣйствовала, но уступкой въ 1880 г. острова Гельголанда дала Германіи возможность сдѣлать ея главную морскую базу почти неприступной. И еще совсѣмъ недавно, когда опасность завоевательныхъ стремленій Германіи, казалось, должна была уже быть очевидной для всѣхъ, Эдуардъ Грей невозмутимо добродушно заявилъ въ одной изъ своихъ рѣчей, что если Германія желаетъ еще расширить свои владѣнія «посредствомъ дружественныхъ соглашеній съ другими державами», то Англія ей въ этомъ мѣшать не намѣрена и «компенсацій» за это не потребуетъ [1]).—«Если, прибавилъ онъ, мудрая политика требуетъ, чтобы мы сами не

---

[1]) См. Gilbert Murray. Op. cit., p. 48.

увлекались широкими расширительными планами, то было бы, по моему мнѣнію, морально и дипломатически неправильно играть роль цербера по отношенію къ другимъ».

Какъ можно послѣ этого говорить о *зависти* въ англійской политикѣ по отношенію къ Германіи?

Но вернемся къ сэру Эдуарду Грею. Его, въ дѣйствительности, менѣе, чѣмъ кого-либо, можно обвинять въ низменныхъ чувствахъ и злостныхъ намѣреніяхъ по отношенію къ Германіи. Онъ неустанно стремился, всѣми путями, къ установленію дружественныхъ отношеній съ нею; никакія неудачи его не отпугивали, никакіе афронты его не обезкураживали. Потерпѣвъ неудачу въ этомъ году, онъ дѣлалъ новую попытку въ слѣдующемъ; получивъ отказъ на одно предложеніе, онъ дѣлалъ другое. Онъ твердо вѣрилъ въ возможность дружественнаго соглашенія, упорно отвергая все болѣе распространявшіяся подозрѣнія въ злостныхъ замыслахъ со стороны Германіи. Еще въ концѣ 1911 года (17-го ноября н. ст.) онъ говорилъ въ палатѣ общинъ: «Я не вѣрю въ ея (Германіи) аггрессивные замыслы. Все, что мы и другіе сосѣди желаемъ, это—жить съ нею на равныхъ условіяхъ».

Но для того, чтобы взаимное недовѣріе, опасное само по себѣ, исчезло, необходимо было прекратить, или по крайней мѣрѣ сократить, бѣшеную гонку въ вооруженія. Это и стало главнымъ предметомъ переговоровъ между англійскимъ и германскимъ правительствомъ. Начало англійское правительство съ добраго почина: въ іюлѣ 1906 г. оно заявило, что, дабы подать хорошій примѣръ, и въ надеждѣ, что другія державы ему послѣдуютъ, оно вноситъ слѣдующія сокращенія въ свою морскую программу: 25% броненосцевъ, 60% миноносокъ, 38% подводныхъ лодокъ. Затѣмъ лордъ Хольдэнъ отправился въ Берлинъ, чтобы побудить германское правительство, которое незадолго передъ тѣмъ *расширило* свою морскую программу, послѣдовать примѣру англичанъ. Хольдэнъ получилъ рѣшительный отказъ. Ему было заявлено, что германское правительство не только не можетъ согласиться на какія-либо сокращенія въ своихъ вооруженіяхъ, но если вопросъ о томъ будетъ включенъ въ программу предстоявшей въ 1907 г. второй гаагской конференціи, то Германія *откажется* отъ участія въ послѣдней. Черезъ мѣсяцъ самъ король англійскій Эдуардъ предпринялъ такую же попытку передъ Вильгельмомъ II; но результатъ былъ столь же отрицательный.

Англійское правительство, однако жъ, не сдалось и въ началѣ слѣдующаго года сдѣлало оффиціальное предложеніе всѣмъ великимъ державамъ, обѣщая въ случаѣ согласія дальнѣйшія сокращенія въ своемъ морскомъ бюджетѣ. Германское правительство опять отвѣтило рѣшительнымъ отказомъ и снова увеличило въ томъ году свой флотъ.

Въ 1908 г. король Эдуардъ опять былъ въ Берлинѣ и снова поднялъ вопросъ о вооруженіяхъ. Вильгельмъ II отвѣтилъ, что *Германія не можетъ вступать въ переговоры съ иностранной державой относительно своихъ мирныхъ вооруженій.*

Въ 1909 г. до англійскаго правительства дошли слухи, что Германія подъ строжайшимъ секретомъ усиленно увеличиваетъ свой флотъ сверхъ оффиціально объявленной программы. Это извѣстіе, понятно, очень обезпокоило англійское правительство, и оно, въ свою очередь, начало лихорадочно готовиться къ увеличенію своего флота, что вызвало также волненіе въ Германіи. Между тѣмъ, оказалось, что дошедшіе до англійскаго правительства слухи о секретномъ кораблестроительствѣ со стороны Германіи были невѣрны, и вся тревога, слѣдовательно, напрасна. Тогда сэръ Эдуардъ Грей, во избѣжаніе повторенія подобныхъ случаевъ, могущихъ повлечь за собою весьма печальныя послѣдствія, сдѣлалъ Германіи слѣдующее предложеніе: предоставить морскимъ атташе обѣихъ странъ право посѣщать отъ времени до времени военные доки, чтобы убѣдиться въ соотвѣтствіи дѣйствительныхъ построекъ съ оффиціально-объявленной программой. Обзоръ долженъ былъ быть самый поверхностный, не затрагивая, конечно, обычныхъ военныхъ секретовъ. Германія отвергла и это предложеніе.

Въ томъ же 1909 году въ Германіи произошла смѣна канцлеровъ: мѣсто князя Бюлова занялъ Бетманъ-фонъ-Гольвегъ. Новый канцлеръ взялъ новый тонъ и далъ знать англійскому правительству, что желалъ бы соглашенія съ Англіей, какъ относительно общей политики, такъ и относительно морскихъ вооруженій. Начались переговоры. Но черезъ нѣкоторое время Вильгельмъ II лично заявилъ британскому посланнику въ Берлинѣ, что онъ ни въ коемъ случаѣ не согласится на какія-либо ограниченія относительно морскихъ вооруженій. Оставалась вторая часть предложенія Бетманъ-Гольвега: общее политическое соглашеніе. Но тутъ переговоры обнаружили нѣчто совершенно изумительное. Германія добивалась отъ Англіи ни болѣе ни менѣе, какъ *гарантіи невмѣшательства* въ случаѣ

войны съ другими державами (буквально «въ случаѣ нападенія» на Германію). Съ своей стороны, Германія обѣщала такую же гарантію Англіи. Но, такъ какъ послѣдняя ни къ какой войнѣ не готовилась и никакого нападенія не ожидала, то эта гарантія не представляла для нея никакой цѣнности, тогда какъ Германіи гарантія невмѣшательства со стороны Англіи давала полную carte blanche на европейскомъ континентѣ. При такой гарантіи Германія могла легко осуществить всю программу самыхъ крайнихъ пангерманистовъ: занять Голландію, Бельгію и стать твердой ногой на берегу Ламанша прямо противъ своихъ добрыхъ, англійскихъ кузеновъ.

Трудно понять, какъ могло правительство великой имперіи сдѣлать такое предложеніе другой великой державѣ. Но, какъ вѣрно замѣтилъ какъ-то Бисмаркъ,—«если вамъ кто-нибудь дѣлаетъ предложеніе явно благопріятное для него и гибельное для васъ, то это отнюдь не значитъ, что онъ безумецъ; это только значитъ, что—*вы* были бы безумцемъ, если бы согласились на такое предложеніе»...

Грей, конечно, не согласился, но переговоровъ не прервалъ и послѣ этого. Въ 1910 году онъ дѣлаетъ Германіи новыя предложенія, какъ относительно общаго политическаго соглашенія, такъ и относительно морскихъ вооруженій. Въ 1912 г. англійскій морской министръ объявляетъ съ парламентской трибуны, что Англія готова вовсе пріостановить на цѣлый годъ всѣ работы по увеличенію флота, назначить «флотскія вакаціи», если Германія согласится сдѣлать то же самое у себя. Въ томъ же году лордъ Хольдэнъ снова ѣдетъ въ Берлинъ для дружественныхъ переговоровъ, а германское правительство въ это самое время, не дожидаясь даже отъѣзда Хольдэна, объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе о своемъ рѣшеніи снова увеличить флотъ и армію.

Что побуждало сера Грея снова и снова возобновлять переговоры съ германскимъ правительствомъ, можно бы сказать,—*преслѣдовать* послѣднее своими миролюбивыми предложеніями, хотя ему, казалось бы, давно должно было быть извѣстно истинное настроеніе германскихъ правящихъ сферъ, стремившихся не къ миру, а къ войнѣ, готовившихся не къ полюбовнымъ соглашеніямъ, а къ военнымъ завоеваніямъ?—На этотъ вопросъ мы можемъ отвѣтить только предположеніями. Въ рѣчахъ Грея мы не нашли отвѣта. Но заслуживаетъ вниманія, что, обыкновенно столь сдержанный и лаконичный, онъ въ послѣдніе годы исключительно много говорилъ публично объ

англо-германскихъ отношеніяхъ, излагая ходъ переговоровъ между Англіей и Германіей съ совершенно необычной въ дипломатическомъ мірѣ откровенностью. Не означаетъ ли это, что онъ хотѣлъ, чтобы *народъ* все зналъ,—и не только народъ англійскій, но также, а можетъ быть—въ особенности, народъ *германскій*? Не хотѣлъ ли онъ въ этомъ великомъ спорѣ, отъ котораго зависѣли судьбы Европы, привлечь германскій народъ не только въ свидѣтели, но также—въ *судьи*?

Эти предположенія представляются весьма вѣроятными, если вспомнить взгляды Грея на роль народа въ вопросѣ о войнѣ и мирѣ. Онъ полагаетъ, что народныя массы достаточно выросли, достаточно сильны и достаточно сознательны, чтобы не позволять играть собою и жертвовать ихъ существованіемъ ради честолюбивыхъ, завоевательныхъ замысловъ. На этой вѣрѣ въ народъ Грей, можетъ быть, и основалъ свою политику по отношенію къ Германіи. Настроеніе правящихъ сферъ Германіи онъ, конечно, зналъ; онъ былъ знакомъ и съ писаніями Бернгарди, Бронсарта-фонъ-Шеллендорфа и другихъ вліятельныхъ нѣмецкихъ генераловъ; онъ, конечно, также былъ освѣдомленъ о настроеніяхъ кронпринца. Возлагать свои надежды на Вильгельма II, вѣрить ему Грей также не могъ; но онъ, повидимому, вѣрилъ въ германскій народъ, въ германскую демократію, какъ вѣрили всѣ мы. И горько ошибся такъ-же, какъ всѣ мы...

V.

Германскій народъ вполнѣ предоставилъ свою иностранную политику усмотрѣнію Вильгельма II и его правительства, а они всецѣло были проникнуты завоевательными стремленіями. Идея постояннаго международнаго мира имъ всегда казалась утопіей, наивностью, или еще хуже: «вѣчный миръ—мечта, и даже не прекрасная!» (Мольтке). Стремленій Эдуарда Грея они просто понять не могли и къ его миролюбивымъ предложеніямъ относились то съ крайнимъ недовѣріемъ, подозрѣвая какой-нибудь коварный умыселъ, то съ явной насмѣшкой, усматривая въ нихъ крайнюю наивность. Поэтому они то рѣзко отвергали предложенія Грея, то снова возобновляли переговоры, чтобы воспользоваться его «наивностью». Они тоже, какъ выразился когда-то Трэвеліанъ, считали Грея то «чернымъ, какъ дьяволъ», то «бѣлымъ, какъ голубь». Но мы уже знаемъ, что Грей не былъ ни тѣмъ, ни другимъ, а также не тѣмъ, какимъ

считалъ его въ минуту досады Трэвеліанъ, т.-е. «просто греемъ», *сѣрымъ*. По опредѣленности, выдержанности, настойчивости и рѣшительности своей политики Грей имѣетъ право на одно изъ первыхъ мѣстъ на политическомъ Олимпѣ. Въ этомъ отношеніи онъ выдержалъ всѣ испытанія, въ томъ числѣ и такое грозное испытаніе, какъ кризисъ 1914 года, приведшій къ общеевропейской войнѣ.

Іюльскія иды 1914 г. были, дѣйствительно, чрезвычайно тяжелымъ испытаніемъ для Грея. Его положеніе было сложнѣе положенія всѣхъ другихъ руководителей европейской политики. Для австрійцевъ и германцевъ путь былъ предуказанъ; для русскаго и французскаго министровъ иностранныхъ дѣлъ только одинъ путь былъ открытъ; между тѣмъ какъ Великобританія была совершенно свободна и независима въ выборѣ пути, какъ формально, такъ и принципіально [1]). Путей было нѣсколько, и общественное мнѣніе Англіи очень колебалось въ своемъ выборѣ. Въ собственной партіи Грея и даже въ самомъ правительствѣ были большія разногласія по этому вопросу, приведшія даже къ расколу: три министра вышли въ отставку послѣ присоединенія Англіи къ Россіи и Франціи.

Путь, наиболѣе естественный для дипломатіи старой школы, открывалъ для Англіи самыя широкія и заманчивыя перспективы: войдя въ соглашеніе съ Германіей, она могла бы безъ большихъ жертвъ очень много пріобрѣсти, — могла бы въ сущности, раздѣлить съ Германіей владычество надъ всѣмъ міромъ. Но такая мысль, очевидно, не приходила въ голову Эдуарду Грею. Другой путь, болѣе осторожный, но еще болѣе «дипломатическій» и для «коварнаго Альбіона» въ нѣмецкомъ изображеніи наиболѣе натуральный, состоялъ бы въ томъ, чтобы держаться до поры до времени совершенно въ сторонѣ, собрать всѣ свои военныя силы, довести ихъ до высшаго напряженія, а затѣмъ, выбравъ наиболѣе благопріятный моментъ, предъявить Германіи свой ультиматумъ, въ самую критическую для послѣдней минуту. На этомъ пути Англія могла бы, пожалуй, совершенно захватить гегемонію надъ всѣмъ міромъ. Но объ этомъ Грей, повидимому, столь же мало думалъ. — Затѣмъ онъ могъ совсѣмъ «умыть руки», удовлетворившись обѣщаніемъ Германіи возстановить независимость Бельгіи и не нару-

1) Между Великобританіей, Россіей и Франціей были *добрыя отношенія*, т. наз., „сердечное согласіе", но не было формальнаго *союза*, какъ это оффиціально заявилъ Эдуардъ Грей 3-го августа 1914 г. въ палатѣ общинъ; союзъ былъ заключенъ лишь 5 сентября 1914 г. (н. ст.).

шать цѣлости Франціи. На это именно и разсчитывала Германія, но Грей отвергъ это съ негодованіемъ [1]).

Къ чему же стремился Грей, чего онъ хотѣлъ? — *Мира!*—Ни болѣе, ни менѣе.—«*Скажите канцлеру самымъ серьезнымъ образомъ*, писалъ онъ британскому посланнику въ Берлинѣ въ только-что упомянутой депешѣ отъ 30-го іюля,— *что единственный путь къ сохраненію добрыхъ отношеній между Англіей и Германіей состоитъ въ томъ, чтобы онѣ вмѣстѣ работали для сохраненія мира въ Европѣ*». Перспектива международной войны глубоко взволновала Эд. Грея съ первой минуты кризиса, и онъ напрягъ всю свою энергію, чтобы спасти Европу отъ этой катастрофы. Это ему не удалось. Противники, конечно, обвиняютъ его за то. Посмотримъ, однако, что онъ сдѣлалъ.

Получивъ 24-го іюля н. ст. копію ноты, отправленной Австріей Сербіи, Грей тотчасъ же выражаетъ австрійскому послу свое рѣшительное порицаніе въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Я никогда еще не видалъ, чтобы какое-либо государство адресовало другому независимому государству документы такого ужаснаго характера». Тѣмъ не менѣе, онъ телеграфируетъ британскому представителю въ Бѣлградѣ, что надо внушить сербскому правительству наивозможнѣйшую *уступчивость*. Въ Петербургѣ англійскій посолъ рекомендуетъ также русскому правительству повліять на Сербію въ примирительномъ духѣ и на выраженную нашимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ надежду на поддержку Англіи въ виду явно-воинственныхъ замысловъ Австріи, очевидно, поддерживаемой Германіей—отвѣчаетъ *сомнѣніями*. Грей вполнѣ *одобряетъ* этотъ отвѣтъ посла, но съ своей стороны отвѣчаетъ на предложеніе германскаго посла въ Лондонѣ повліять въ примирительномъ духѣ на Россію, что едва-ли сможетъ что-нибудь сдѣлать въ этомъ отношеніи [2]), и предлагаетъ, чтобы Германія, Франція, Италія и Англія вмѣстѣ дѣйствовали въ интересахъ мира, *какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Вѣнѣ*. Но для этого нужно *время*, и Грей поручаетъ англійскому послу въ Вѣнѣ поддерживать предложеніе Россіи о расширеніи срока для отвѣта на ультиматумъ.

---

[1]) См. телеграмму Грея къ британскому послу въ Берлинѣ, Гошену, отъ 30-го іюля („Collected Diplomatic Documents relating to the autbreak of the Eureрean War").

[2]) Оффиціальный отчетъ выражается слѣд. образомъ: „Если Россія отнесется къ австрійскому ультиматуму такъ, какъ, по моему мнѣнію, отнеслась бы каждая держава, заинтересованная въ Сербіи, то я буду совершенно безсиленъ, въ виду содержанія ультиматума, проявить какое-либо умѣряющее вліяніе".

Тактика Грея тотчасъ же опредѣлилась съ полной ясностью: вліять на каждаго въ отдѣльности въ примирительномъ духѣ и направлять всѣхъ на путь переговоровъ и соглашеній.

На слѣдующій день, 25-го іюля, Грей снова настаиваетъ передъ германскимъ посломъ, чтобы Германія, Франція, Италія и Англія дѣйствовали совмѣстно въ сдерживающемъ духѣ какъ въ Вѣнѣ, такъ и Петербургѣ. Въ то же время англійскій посолъ въ Петербургѣ проситъ Сазонова задержать мобилизацію, чтобы дать Грею время дѣйствовать въ примирительномъ духѣ.

26-го Грей предлагаетъ немедленно собрать на конференцію лондонскихъ посланниковъ незаинтересованныхъ непосредственно въ сербскомъ вопросѣ великихъ державъ, если Австрія и Россія выразятъ готовность воздержаться пока отъ аггрессивныхъ шаговъ (Франція и Италія согласны, Германія отказывается).

27-го Грей усиливаетъ свое давленіе на Австрію, предупреждая ее о «неисчислимыхъ» послѣдствіяхъ ея упорства: «Австрія, сказалъ онъ ея лондонскому послу, воображаетъ, что она можетъ вести войну съ Сербіей, не вовлекая въ нее Россію; если она это можетъ, то пусть; если же нѣтъ, тогда послѣдствія будутъ *неисчислимы*». При этомъ онъ сообщаетъ послу, для «иллюстраціи нашего безпокойства», что Англія держитъ свой флотъ въ мобилизованномъ состояніи (англійскій флотъ какъ-разъ къ этому времени закончилъ свои очередные маневры и долженъ былъ быть демобилизованъ). Онъ настаиваетъ на томъ, чтобы сербскій отвѣтъ на ноту послужилъ основой для дальнѣйшихъ переговоровъ.—На томъ же онъ настаиваетъ при свиданіи съ германскимъ посломъ. — Получивъ въ тотъ же день извѣщеніе, что Сазоновъ предлагаетъ прямые переговоры между Россіей и Австріей, онъ тотчасъ же привѣтствуетъ этотъ новый путь къ соглашенію.

28-го. Получивъ отъ англійскаго посла въ Берлинѣ предложеніе *просить Германію* указать условія для своего участія въ общихъ усиліяхъ для сохраненія мира, Грей тотчасъ же принимаетъ это предложеніе. Однако жъ, германскій канцлеръ заявляетъ, что Германія не можетъ принять участія ни въ какихъ конференціяхъ по австро-сербскому вопросу. Въ тотъ же день Австрія объявляетъ войну Сербіи, а Россія объявляетъ частичную мобилизацію.

29-го. Потерявъ надежду совершенно отвратить войну, Грей обращаетъ свои усилія къ ея локализаціи. Онъ пытается удержать Германію и Францію отъ вмѣшательства въ войну,

предупреждая первую, что дальнѣйшее распространеніе войны можетъ вовлечь въ нее также и *Англію*, и напоминая второй, что Англія никакихъ обязательствъ на себя не принимала и сохраняетъ полную свободу дѣйствія, а посему Франція *не должна* заранѣе учитывать ея поддержку [1]).

30-го. Грей отвергаетъ предложеніе германскаго канцлера о нейтралитетѣ въ случаѣ войны Германіи съ Франціей и дѣлаетъ новую попытку привлечь Германію на сторону мира, обѣщая всяческое содѣйствіе къ охранѣ германскихъ интересовъ.—«Если европейскій миръ будетъ сохраненъ, писалъ онъ англійскому послу въ Берлинѣ, и нынѣшній кризисъ пройдетъ благополучно, то моей задачей будетъ достигнуть такого соглашенія совмѣстно съ Германіей, которое гарантировало бы ей, что никакая аггрессивная или враждебная политика не будетъ преслѣдоваться противъ нея или ея союзниковъ со стороны Франціи, Россіи или насъ самихъ, совмѣстно или отдѣльно» [2]).

31-го. Грей снова взываетъ къ Германіи; проситъ ее сдѣлать «какое-либо разумное предложеніе, показывающее, что Германія и Австрія стремятся сохранить европейскій миръ»; обязывается поддерживать такое предложеніе въ Петербургѣ и Парижѣ самымъ настоятельнымъ образомъ, не останавливаясь передъ угрозой *порвать съ ними*, если Россія и Франція будутъ упорствовать («and go to length of saying that if Russia and France will not accept it, I will have nothing to do with the consequences»); но въ то же время предупреждаетъ и Германію, что если она будетъ упорствовать, то Англія, вѣроятно выступитъ *противъ нея*: «if France is drawn in, we shall be drawn in». Германскій министръ иностранныхъ дѣлъ фонъ-Яговъ отвѣчаетъ, что Германія уже *отправила ультиматумъ Россіи*.

1-го августа. Грей снова обращается къ Германіи и, указывая на согласіе Австріи и Россіи возобновить взаимные переговоры, проситъ ея содѣйствія въ интересахъ мира. Фонъ-Яговъ отвѣчаетъ, что *Германія уже находится въ войнѣ съ Россіей.*

Этотъ отвѣтъ можно бы считать послѣднимъ словомъ трагедіи, пережитой въ эти историческіе дни Греемъ. Что послѣдовало затѣмъ, было въ сущности только «эпилогомъ»

1) См. депеши Эд. Грея къ англійскимъ посламъ въ Берлинѣ Гошену и въ Парижѣ, Берти, отъ 28-го іюля („Collected Diplomatic Documents etc").

2) Депеша къ Гошену отъ 30-го іюля (Ibid.)

этой исторической трагедіи. Попытки Грея спасти Бельгію были явно обречены на неудачу. Германія, очевидно, рѣшилась идти на проломъ, не считаясь ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ. Однако, Грей выдержалъ до послѣдней минуты и порвалъ съ Германіей лишь послѣ того, какъ ея войска вступили въ Бельгію и ея правительство отвергло англійскій ультиматумъ. Грей выпилъ горькую чашу до послѣдней капли.

VI.

Въ чемъ же, тѣмъ не менѣе, упрекаютъ Грея его противники? Одни изъ нихъ упрекаютъ его за—*неудачу*. Этотъ упрекъ поразителенъ: вѣдь совершенно очевидно, кто виновенъ въ этой неудачѣ. Но критики утверждаютъ, что Германія, вѣроятно, уступила бы, если бы она знала съ самаго начала, что въ случаѣ неудачи переговоровъ о мирѣ ей придется воевать не только съ Россіей и Франціей, но также съ Англіей; и они упрекаютъ сэра Эдуарда Грея за то, что онъ заранѣе не предупредилъ объ этомъ Германію. На этотъ упрекъ, однако, очень легко отвѣтить. Въ Англіи для объявленія войны требуется согласіе парламента, а англійскій парламентъ не далъ бы своего согласія на войну ранѣе 3-го августа, т.-е. ранѣе крушенія всѣхъ попытокъ къ сохраненію европейскаго мира и нарушенія Германіей бельгійскаго нейтралитета. Грей это зналъ. Болѣе того; онъ зналъ, что въ средѣ самаго правительства имѣются рѣшительные противники вмѣшательства Англіи въ эту войну (вѣдь три министра вышли изъ-за этого въ отставку послѣ всего происшедшаго!). Грей, слѣдовательно, не имѣлъ возможности, если бы и хотѣлъ, если бы и считалъ это цѣлесообразнымъ, говорить съ Германіей въ воинственномъ тонѣ, раньше, чѣмъ были использованы всѣ другія средства для соглашенія.

Другіе противники Грея, напротивъ, находятъ, что онъ и послѣ 3-го августа не долженъ былъ настаивать на объявленіи войны Германіи. Но эти противники Грея въ то же время и прямые враги Россіи.

Для насъ то, въ чемъ упрекаютъ Грея эти критики, является его величайшей заслугой, какъ передъ Россіей, такъ и передъ всей Европой. Для насъ этой одной заслуги достаточно для того, чтобы признать за сэромъ Эдуардомъ Греемъ право на самое почетное мѣсто въ европейскомъ ареопагѣ. Но для этого

имѣются и другія основанія. Своею безукоризненною корректностью, своею неуклонной прямотой, своимъ уваженіемъ къ правамъ всѣхъ народовъ и своимъ возвышеннымъ представленіемъ о правахъ и обязанностяхъ родного, англійскаго народа Эдуардъ Грей пріобрѣлъ право на полное довѣріе не только друзей и союзниковъ, но, можно сказать, также и враговъ.— Теперь германцы его ненавидятъ самой жгучей ненавистью,— и съ полнымъ основаніемъ: онъ разстроилъ всѣ ихъ замыслы; если бы не онъ, они бы, можетъ быть, теперь уже командовали во всей Европѣ. Но, когда они очнутся отъ удушливыхъ газовъ прусскаго милитаризма и ясными глазами осмотрятся вокругъ, когда они увидятъ, чѣмъ они были и чѣмъ стали, когда они поймутъ, куда ихъ завлекали ихъ собственные вожди и куда ихъ звалъ Грей, тогда, можетъ быть, сами германцы признаютъ, что истиннымъ врагомъ Германіи былъ — отнюдь не Грей и что свою ненависть они должны направить отнюдь не въ эту сторону.

Но какъ бы ни относились къ нему враги, союзники, во всякомъ случаѣ, не могутъ не считать особымъ счастіемъ, что они имѣютъ на своей сторонѣ сэра Эдуарда Грея. И не только ради того, что онъ уже сдѣлалъ для союзниковъ, а также и въ особенности, ради того, что онъ, надо надѣяться, еще сдѣлаетъ. Самая трудная задача—впереди, по окончаніи войны, при выработкѣ условій мира и проведеніи новыхъ условій въ жизнь. Стоитъ вспомнить, хотя бы, балканскую войну 1912 г.: окончилась она полной побѣдой балканскихъ народовъ надъ ихъ вѣковымъ врагомъ, а затѣмъ славная побѣда стала источникомъ глубочайшаго позора и величайшихъ несчастій для этихъ самыхъ народовъ...

Самая трудная задача впереди. Когда воины совершатъ свое дѣло и народы Европы вернутся черезъ потоки крови въ тихую гавань мира, когда на очередь дня встанетъ крайне-сложная проблема новаго государственнаго строительства для возстановленія разбитыхъ страшной бурей «государственныхъ кораблей»,—тогда государственная мудрость руководителя иностранной политикой Британской имперіи будетъ имѣть особенное значеніе для будущихъ судебъ Европы.

Лондонъ.

Р. Бланкъ.

АВТОБІОГРАФІЯ[1]).

(За 65 лѣтъ).

I.

Много разъ собирался я писать свою біографію, но когда обращался къ покойной моей матери, чтобы провѣритъ нѣкоторые факты и расширить воспоминанія о нашей семьѣ, она не только на это не соглашалась, но даже запрещала мнѣ писать что бы то ни было о прошломъ, говоря, что на ея душѣ лежитъ тяжкій, неискупленный грѣхъ и стыдъ, которые слѣдуютъ за нею по пятамъ, угнетаютъ ее и не оставятъ до гроба. Вотъ почему я и пишу воспоминанія о своемъ дѣтствѣ по большей части со словъ знакомыхъ.

Отецъ, конечно, пристрастно относился къ поступкамъ матери, говоря не разъ: «мать знала за кого шла замужъ, я ничего отъ нея не скрывалъ, а пословица говоритъ: «бачили очі що купували, іжте хоч повилазьте». Онъ, человѣкъ труда, труда мозольнаго, былъ не парой моей матери. «Мертвіи бо сраму не імуть», и я долженъ показать обществу то горнило, черезъ которое иногда приходится пройти человѣку, озираясь со страхомъ на пройденный путь и не разъ ужасаясь во снѣ.

---

[1]) Когда еще жива была мать покойнаго Марка Лукича Кропивницкаго, онъ нѣсколько разъ начиналъ писать свою автобіографію. Но приходилось затрогивать отношенія отца и матери, тревожить этимъ старыя раны и какъ бы становиться судьей между ними. Перо выпадало изъ рукъ... У меня сохранились такія начатыя рукописи.

И только послѣ смерти матери, за полгода до своей кончины, Маркъ Лукичъ началъ поспѣшно писать на украинскомъ языкѣ свои воспоминанія, лихорадочно записывая факты, безъ стилистической обработки, какъ бы предчувствуя свой близкій конецъ. Такъ и случилось!.. Автобіографія осталась неоконченной, въ черновыхъ наброскахъ. Авторъ на полусловѣ остановился... Здѣсь она предлагается читателю въ переводѣ на русскій языкъ.

Н. Кропивницкая.

«Жизнь прожить—не поле перейти». Эпоха, въ которую мнѣ пришлось окунуться съ головой,—является суровымъ и безошибочнымъ объясненіемъ всей моей жизни и всей моей дѣятельности.

Я помню себя въ дѣтствѣ съ пятилѣтняго возраста, съ того момента, какъ насъ покинула мать. Жили мы въ слободѣ Катериновкѣ, имѣніи князей Кантакузеныхъ, гдѣ отецъ мой былъ экономомъ. (Въ то время завѣдующій экономіею назывался не управляющимъ, или приказчикомъ, а экономомъ). Это случилось, вѣроятно, въ концѣ мая,—цвѣла бѣлая акація и сирень; я съ старшею сестрою Анной сидѣлъ на подоконникѣ открытаго окна и глубоко вдыхалъ воздухъ, полный аромата, любовался сіяніемъ звѣздъ, мечтая, какъ было бы хорошо, если бы можно приблизиться къ нимъ и хорошенько разсмотрѣть озаряющій ихъ свѣтъ; прислушивался къ гудѣнію майскихъ жуковъ, которые летали вокругъ, касаясь иногда своими крылышками лица, или волосъ, передразнивалъ перепеловъ, или же пробовалъ подражать сверчкамъ. Отъ рѣки едва доносилось кваканіе лягушекъ, а соловья, какъ будто, совсѣмъ не было слышно, потому что отъ нашей квартиры до господскаго сада,—главное мѣстопребываніе соловьевъ,—было не близко. Отецъ находился въ полѣ, около косарей, а мать передъ вечеромъ поѣхала съ княгиней кататься. Княгиня всегда заѣзжала за ней, и онѣ вдвоемъ катались до Катериновкѣ и военному поселенію Новокрасовкѣ, расположенному по другой сторонѣ рѣки. Въ Новокрасовкѣ тогда стояли гусары. Княгиня сама правила лошадьми, запряженными въ кабріолетъ, а сзади сидѣлъ грумъ Илюшка въ галунахъ и цилиндрѣ, что насъ каждый разъ очень забавляло...

Былъ еще у насъ братъ Владиміръ, грудной ребенокъ,—вотъ и вся наша семья. Впрочемъ, прежде чѣмъ говорить дальше, я долженъ разсказать о прошломъ отца и матери, о томъ, какъ они росли, воспитывались, какъ познакомились и поженились.

Отецъ съ семнадцати лѣтъ сталъ жить своимъ трудомъ. Мой дѣдъ служилъ экономомъ у помѣщика, полковника Живанова, тамъ онъ и умеръ, его похоронили въ Семикосовкѣ, въ церковной оградѣ. Умеръ дѣдъ отъ простуды: раннею весною гнался онъ верхомъ за волкомъ, провалился на рѣчкѣ Комышоватой и уже не всталъ съ постели. Отецъ мой учился въ Елисаветградѣ, въ уѣздной школѣ. Во время экзаменовъ (во 2-мъ классѣ) пришло къ нему извѣстіе о смерти отца. Не долго

думая, отправился онъ пѣшкомъ за 27 верстъ. Прійдя въ Живановку, онъ узналъ, что мачеха захватила все имущество, оставшееся послѣ дѣда, и неизвѣстно, куда скрылась, бросивъ падчерицу, младшую сестру отца, между небомъ и землею. Прежде всего отецъ позаботился о сестрѣ, отдавъ ее въ науку къ знакомой швеѣ въ Елисаветградъ. Послѣ того онъ пошелъ въ слободу и сталъ у крестьянъ жать хлѣбъ за снопъ. «Сначала тяжело было, разсказывалъ отецъ, ужъ очень болѣла поясница, а какъ поработалъ недѣли двѣ, привыкъ. Однажды мои хозяева легли, послѣ обѣда, отдыхать, а я принялся жать; потъ заливалъ мнѣ глаза, но мнѣ непремѣнно хотѣлось дожать четвертую полукопну до полудня. Смотрю: межею ѣдетъ полковникъ Живановъ на буланомъ конѣ, на бѣгункахъ. Остановился противъ меня и кричитъ: «а подойди, хлопецъ, сюда!»

Я подошелъ, снялъ картузъ и поклонился.

— «Чей ты будешь и почему безъ отдыха жнешь?» Я отвѣтилъ.—Полковникъ едва узналъ меня, такъ я загорѣлъ и измѣнился. Правда, что онъ меня не часто видалъ. Сталъ разспрашивать и, когда узналъ о поступкѣ моей мачехи, велѣлъ отнести серпъ хозяину, а меня посадилъ съ собою на бѣгунки. Дорогой онъ меня проэкзаменовалъ и сказалъ: «посмотрю, какой у тебя почеркъ».

Въ комнатѣ полковникъ велѣлъ мнѣ сѣсть около стола, положилъ передо мной бумагу, далъ въ руки перо и началъ диктовать. Рука моя вспухла отъ серпа, скакала, и я едва держалъ перо.

— «Что, братъ, послѣ серпа перо не слушается? Впрочемъ, будешь писать! Вотъ только у тебя буквы *ѣ* и *е* не мирятся. Ну, да ничего, переживемъ и съ такою грамотою. Не мало найдется и среди пановъ, которые обходятся совсѣмъ безъ грамоты. А нѣкоторые, собираясь писать письмо, ставятъ вездѣ стражу, чтобы никто имъ не помѣшалъ, и пишутъ дня два или три подъ-рядъ по такой наукѣ: половина колеса—будетъ С, колесо—О, два столба съ перекладиною сверху—П, съ перекладиною по серединѣ —Н и т. д...

Потомъ провѣрилъ, какъ я считаю на счетахъ, спросилъ нѣсколько молитвъ, затѣмъ прибавилъ:—«обѣдать будешь со мною, а жить въ конторѣ; будешь переписывать вѣдомости и что придется подъ руководствомъ писаря». Послѣ этого сѣли мы обѣдать. Полковникъ вспоминалъ о службѣ отца и очень сожалѣлъ о немъ; я, конечно, всплакнулъ при этомъ, вытирая кулаками слезы. Назначилъ мнѣ полковникъ жалованія 25 руб-

лей ассигнаціями въ годъ и велѣлъ собственному портному и сапожнику экипировать меня. Сшили мнѣ поддевку домашняго сукна, нѣсколько сорочекъ, сапоги, картузъ, жилетку и штаны. У пановъ были свои портные, сапожники, сукновалы, ткачи. Передъ Семенской ярмаркой, которая бываетъ въ Елисаветградѣ въ началѣ сентября, позвалъ меня Живановъ и спросилъ: «не хочу ли я поѣхать на ярмарку?»—Почему бы не поѣхать, но съ чѣмъ?—Онъ вынулъ десять серебряныхъ рублей и положилъ передо мной. «Это тебѣ въ счетъ жалованія, посмотрю, что ты на нихъ купишь?» Я поблагодарилъ и спряталъ деньги въ карманъ. Еще до разсвѣта экономическія подводы выѣхали на ярмарку, а съ ними и я. Цѣлую ночь я не спалъ и все думалъ, что бы мнѣ купить на эти десять рублей. Передъ разсвѣтомъ писарь зажегъ свѣчу, подошелъ ко мнѣ и, увидѣвъ, что я лежу съ раскрытыми глазами, спросилъ: «уже проснулся?» Я сказалъ, что совсѣмъ не спалъ, а все думалъ. Писарь, узнавъ, о чемъ я думалъ, отвѣтилъ: «прежде всего купишь мнѣ магарычу», такъ какъ странно, два мѣсяца состоишь моимъ помощникомъ, а до сихъ поръ ни разу меня не угостилъ. А потомъ вдвоемъ подумаемъ, что купить... Однако, получить магарычу писарю отъ меня не удалось, потому что, какъ только пріѣхали на ярмарку, у меня глаза разбѣжались при видѣ лошадей. На Семенскую ярмарку нагоняли массу лошадей, всѣ почти загоны были переполнены татарскими и донскими табунами. Сталъ я разспрашивать о цѣнахъ, такъ куда тебѣ, и приступить нельзя съ моими деньгами, дешевле сорока рублей коня не было. Замѣтилъ я, что какой-то дядько водитъ вороненькаго стригуна—жеребчика, а онъ все ржетъ и бодрится. Спросилъ я о цѣнѣ; дядько запросилъ 13 рублей. Это, вѣроятно, будетъ мой жеребчикъ, подумалъ я и началъ гладить стригуна. А тотъ прищурилъ уши, оскалилъ зубы, какъ будто смѣется. Я посмотрѣлъ ему въ глаза и словно прочиталъ въ нихъ: «купи меня, будемъ товарищами!..» Не долго торговались, перекрестились на восходъ солнца, и стригунъ изъ полы въ полу перешелъ ко мнѣ, а десять рублей въ карманъ дядьки. Привелъ я стригуна къ подводамъ, и землячки начали осматривать: нѣкоторые хвалили, другіе критиковали, но я такъ былъ радъ, что ни на что не обращалъ вниманія, а только думалъ: хотя бъ скорѣй домой ѣхать, чтобы цыгане не украли моего Воронка.

Когда полковникъ узналъ, что я купилъ коня, онъ похвалилъ меня и совѣтовалъ почаще его чистить мѣшкомъ. Однажды полковникъ пришелъ на конюшню и увидавъ, что я въ самомъ

дѣлѣ чищу Воронка мѣшкомъ, началъ хохотать. «Ты не такъ, говоритъ, понялъ мой совѣтъ. Возьми мѣшокъ, пойди на гумно, набери овса и насыпь коню; и если, кормя своего, увидишь, что у моихъ лошадей также нѣтъ корма въ ясляхъ, подкинешь и имъ»...

Только послѣ этого я понялъ, что означаетъ выраженіе: «чаще чистить коня мѣшкомъ». Изъ Воронка вышелъ прекрасный конь... Черезъ годъ отецъ уже былъ экономическимъ писаремъ и получалъ 50 руб. въ годъ, а еще черезъ два года Живановъ поручилъ ему управлять экономіей съ жалованіемъ 250 р. въ годъ на полномъ экономическомъ содержаніи. У Живанова былъ заведенъ такой порядокъ, что, кто бы ни заѣхалъ къ нему, могъ прожить хоть и недѣлю: ему отводили комнату и столовали, также давали кормъ его слугамъ и лошадямъ. Въ Живановкѣ было больше шести тысячъ десятинъ земли, много рогатаго скота, лошадей и шпанки (испанскія овцы); засѣвали не больше 500 десятинъ, остальная земля шла подъ сѣнокосъ и на выпасъ скоту.

Живановъ часто выѣзжалъ за границу на три-четыре мѣсяца, а однажды уѣхалъ на цѣлый годъ. Вернувшись, пробылъ недѣлю въ Живановкѣ и поѣхалъ въ Петербургъ, откуда уже не вернулся. Онъ былъ добрый панъ, крѣпостные его жили не бѣдно. Если у мужика падала лошадь или быкъ, панъ бралъ въ экономію шкуру, а мужику давалъ деньги на покупку другого или давалъ скотъ на долголѣтнюю выплату; на панщину гнали только взрослыхъ; хлопцевъ и дѣвушекъ моложе 15—16 лѣтъ, а также женщинъ въ концѣ беременности, совсѣмъ не гоняли на барщину. Передъ выѣздомъ за границу Живановъ заложилъ фундаментъ дома, въ которомъ должна была быть школа съ разными ремеслами; послѣ его смерти это зданіе превратили въ этапный пунктъ. Нѣсколько разъ отецъ слышалъ отъ Живанова, что онъ хочетъ дать волю своимъ крѣпостнымъ.

Прослужилъ отецъ въ Живановкѣ, кажется, девять лѣтъ и послѣ смерти Живанова передалъ управленіе экономіей управляющему, присланному наслѣдниками изъ Петербурга, и поступилъ на службу къ сенатору Фундуклею, въ село Бембайраки. Отецъ въ это время имѣлъ больше 80-ти штукъ рогатаго скота, одиннадцать лошадей и деньгами больше двухъ тысячъ рублей.

Женился отецъ на 26-мъ году. Въ молодости онъ очень любилъ пѣть, немного бренчалъ на гитарѣ, любилъ бороться и скакать верхомъ на перегонку. Бывши уже экономомъ, поспо-

рилъ отецъ съ товарищемъ, тоже экономомъ: кто первый доскачетъ отъ моста до ярмарки, тотъ беретъ коня съ сѣдломъ и уздечкою. Это было въ Елисаветградѣ, на Георгіевской ярмаркѣ. Пустились скакать, но на перекрестной улицѣ вдругъ явилась партія чумаковъ и перегородила дорогу. Отецъ уже опередилъ товарища на полъ-коня, а тотъ разсердившись ударилъ нагайкой отцовскаго коня, и послѣдній, перескочивъ черезъ чумацкій возъ, ударился въ двери аптеки. Двери были стеклянныя и отецъ ввезъ ихъ на себѣ въ аптеку. Тогда еще не составляли протоколовъ, Елисаветградъ былъ военнымъ городомъ, и подобный поступокъ считался удалью, а не нарушеніемъ тишины и спокойствія. Нашлись пріятели и помирили закладчиковъ, которые заплатили аптекарю 25 рублей за поломанныя двери и поставили ящикъ пива. На другой день гонка возобновилась на столбовой дорогѣ. Отецъ скакалъ тройкою съ кучеромъ, имѣя въ бричкѣ десять пудовъ покупокъ, а товарищъ верхомъ. Условіе было такое, что отецъ отъѣдетъ двѣ версты, махнетъ около верстового столба шапкою, и тогда начинается гонка. Скакать должны были до шести верстъ. Кто опередитъ, беретъ коня. Отецъ опередилъ товарища, но тотъ коня не отдалъ. Схватилъ отецъ коня за поводья, но товарищъ ударилъ его нагайкой по плечамъ. Отецъ стянулъ товарища съ коня, и началась борьба. Вокругъ собралась цѣлая ярмарка. Въ концѣ-концовъ, когда уже у обоихъ пораспухли лица и лилась кровь изъ носа и рта, подъѣхалъ третій товарищъ и еле-еле помирилъ закладчиковъ. Купили они въ «Красномъ» трактирѣ ведро вишневки и запили «мировую». Женившись, отецъ остепенился, хотя чарки съ пріятелями не чуждался.

Мать моя воспитывалась въ совсѣмъ иной семьѣ. Отецъ ея, по бумагамъ коллежскій регистраторъ Дубровинскій, былъ крѣпостной музыкантъ, бѣжавшій изъ Ярославской губерніи. Полюбившая его дочь помѣщика, готовясь сдѣлаться матерью и боясь, чтобы ея милаго не истязали до смерти, упросила коллежскаго регистратора Дубровинскаго, который былъ капельмейстеромъ, и какъ говорится, на ладанъ дышалъ, въ послѣднемъ градусѣ чахотки, дать свой документъ бѣглецу. Бѣглецъ очутился на Украинѣ и тутъ сталъ капельмейстеромъ.

Года черезъ три послѣ бѣгства пришлось ему служить у помѣщика Л. Тотъ замѣтилъ, что Дубровинскій совсѣмъ не знаетъ украинскаго языка. Это навело его на мысль: не бѣглецъ ли онъ крѣпостной. Въ интимной бесѣдѣ Л. сразу накинулся «мокрымъ рядномъ» на Дубровинскаго, тотъ, не сумѣвъ отбре-

хаться, признался. Тогда Л. сказалъ: «Я тебя скрою, но съ условіемъ: если ты женишься на моей любовницѣ, у которой двое дѣтей. Ей я дамъ отпускную и хорошее приданое. Прослужишь ты у меня пять—шесть лѣтъ, слухъ о твоемъ побѣгѣ забудется, и ты тогда будешь настоящимъ Дубровинскимъ. Изъ двухъ дѣтей мальчикъ былъ отъ самого помѣщика Л., а дѣвочка незаконная дочь его дочери и гусара Н., убитаго на войнѣ. Это и была моя мать. Вотъ какимъ образомъ Дубровинскій сталъ отцомъ моей матери. Женившись на чужой любовницѣ, Дубровинскій затосковалъ, а потомъ сталъ выпивать и дошелъ до запоя.

Кромѣ двухъ чужихъ дѣтей, у него было еще своихъ пять сыновей и одна дочь. Всѣхъ дѣтей, очень талантливыхъ, Дубровинскій обучалъ игрѣ на разныхъ инструментахъ; въ концѣ концовъ всѣ они стали алкоголиками и умерли сравнительно молодыми; моя же мать умерла на 84 году, а сынъ отъ помѣщика Л. на 87-мъ. Мать моя играла на скрипкѣ, на флейтѣ, на гитарѣ, на гусляхъ и на фортепіано; кромѣ того обладала замѣчательнымъ голосомъ. Когда Дубровинскій напивался, онъ разгонялъ всю семью: жена пряталась по чердакамъ, конюшнямъ и сараямъ, дѣти разбѣгались по деревнѣ, скрываясь въ мужицкихъ хатахъ. Въ пьяномъ состояніи Дубровинскій иногда кричалъ: «вотъ пойду и сознаюсь, кто я такой!.. Пусть меня судятъ и засудятъ, только бы еще хотя разъ увидать родимую сторонушку»!.. Больше всего Дубровинскій издѣвался надъ пріемнымъ сыномъ и надъ моею матерью; онъ очень часто наказывалъ ихъ розгами; также поступалъ онъ со своими учениками, крѣпостными музыкантами. Въ то время, когда мой отецъ познакомился съ моей матерью, Дубровинскій служилъ капельмейстеромъ у генерала Б-скаго, въ слободѣ Комишеватой, въ пяти верстахъ отъ Живановки. Однажды отецъ, ѣдучи верхомъ отъ своего пріятеля черезъ Комишеватую, услышалъ страшный крикъ. Когда онъ подъѣхалъ къ дому капельмейстера Дубровинскаго, до него ясно донеслись женскій голосъ и вопли: «ратуйте, кто въ Бога вѣруетъ»!.. Быстро соскочивъ съ коня и привязавъ его къ забору, вбѣжалъ онъ во дворъ Дубровинскаго, и тутъ его глазамъ представилась такая картина: молодая дѣвушка безъ сорочки была привязана возжами къ лѣстницѣ, вся ея спина была въ кровяныхъ полосахъ, Дубровинскій стоялъ надъ ней съ палкой и кричалъ:

— «Говори, стерва, гдѣ мать спряталась»?..

Отецъ вырвалъ изъ рукъ Дубровинскаго палку, оттолкнулъ его, а дѣвушку быстро развязалъ. Эта дѣвушка была моя мать.

— Кто ты такой, что заступаешься? Нѣшто я не воленъ учить дитё?.. Пошелъ прочь!..

— Не прогоняй, а лучше образумься и подумай, что ты дѣлаешь?

— Пошелъ прочь, говорю же!.. И Дубровинскій замахнулся на отца кулакомъ, но тотъ схватилъ его за руки и, продержавъ такъ нѣсколько времени, ввелъ въ комнату и посадилъ на диванъ. Дубровинскій, помолчавъ, сказалъ:

— «Ну что жъ, садись, будешь гостемъ».

Въ концѣ концовъ отецъ уговорилъ его лечь спать; черезъ нѣсколько минутъ Дубровинскій храпѣлъ на диванѣ.

Съ этого времени отецъ началъ посѣщать его семью. Въ трезвомъ состояніи Дубровинскій былъ смирный человѣкъ, любилъ хвастаться успѣхами своихъ дѣтей и заставлялъ ихъ играть порознь и вмѣстѣ, иногда и самъ принималъ участіе, какъ скрипачъ. Бывало, велитъ дѣтямъ играть какую-нибудь русскую пѣсню, напримѣръ: «Во лузяхъ», или «Ахъ вы сѣни, мои сѣни»,—а самъ станетъ впереди, смѣется и качается во всѣ стороны, пока всѣ не начнутъ хохотать. Въ концѣ иногда бывало проговорится:

— Это у насъ тамъ, откедова я, такъ играютъ пѣсни!..

Отецъ мой вскорѣ влюбился въ мою мать и женился на ней.

II.

Я родился въ с. Бешбайракахъ, 25 апрѣля 1840 года. Покойная мать мое рожденіе украсила большою фантазіею; напримѣръ, она разсказывала, будто бы цѣлый день надъ дворомъ, гдѣ мы жили, летали два орла и все «клекотали», потомъ, усѣвшись на высокомъ тополѣ, смотрѣли на нее; она же сидѣла въ это время на крыльцѣ и удивлялась смѣлости орловъ. Потомъ вдругъ ее колыхнуло въ сторону, она позвала прислугу, которая еле довела ее до кровати. Здѣсь ее начала трясти лихорадка; она велѣла затопить печку и сбѣгать на гумно за моимъ отцомъ. Экономическое гумно было далеко отъ двора, чуть ли не за версту; тамъ отецъ присматривалъ за крѣпостными, молотившими хлѣбъ. Тогда молотили хлѣбъ цѣпами, зерно просѣивали лопатами и перечищали рѣшетами. Конныя молотилки (машины), такъ называемыя «Бѣлоцерковки», появились только въ сороковыхъ годахъ.

Мать сѣла на лежанку, чтобы погрѣться, и задремала. Ей приснилось, будто у нея въ животѣ что-то кричитъ; она испугалась, вскочила, хотѣла выбѣжать изъ хаты и упала черезъ порогъ; въ этотъ моментъ появился отецъ. Онъ взялъ ее на руки, донесъ до кровати, хотѣлъ положить, но она, обвивъ его шею руками и озираясь по сторонамъ, шептала: «не хочу, не хочу, боюсь!..» Отецъ, когда шелъ домой, догадался, въ чемъ дѣло, и тотчасъ же послалъ за бабкою-повитухою; но пока бабку привезли, мать родила меня у него на колѣняхъ, и бабкѣ пришлось только ухаживать за роженицей.

Въ Бешбайракахъ отецъ прослужилъ года четыре, потомъ его пригласилъ за большое жалованье и на болѣе выгодныхъ условіяхъ князь О. М. Кантакузенъ, въ слободу Катериновку.

Княгиня, его жена, изъ рода Катакази, однолѣтка съ моею матерью, имѣла двухъ сыновей: Михаила и Николая. Брюнетка, небольшого роста, живая, любопытная, способная на разныя выдумки, она очень любила лошадей. Сама ѣздила по ярмаркамъ, подбирала ихъ подъ масть, больше восьмерки, и сама же любила выѣзжать молодыхъ лошадей.

Барышники, цыгане и евреи, приводили ей лошадей всякой породы и масти: иногда столько ихъ наѣзжало на дворъ, что казалось, будто цѣлая ярмарка собралась.

Нерѣдко награждали они княгиню калѣками и подкрашенными лошадьми. И княгиня этого не прощала: когда являлся снова къ ней во дворъ тотъ, который разъ уже ее обманулъ, она, не долго думая, приказывала пороть его розгами. Не разъ откупалась она за такія дѣла большими деньгами отъ становыхъ и исправниковъ...

Сѣкла она и крѣпостныхъ, чаще всего кучеровъ и форрейторовъ, которые держали возжи, сидя на козлахъ или верхомъ, не такъ, какъ ей нравилось. Это наказаніе всегда дѣлалось очень торжественно: собиралась вся дворня, передъ панскими хоромами, провинившемуся спускали штаны и затѣмъ садилось по одному человѣку на его голову и ноги, а двое полосовали спину наказуемаго намоченными въ соленой водѣ розгами. Сама же княгиня сидѣла на балконѣ, пила кофе и смотрѣла на все въ лорнетъ. Когда уже лилась у провинившагося кровь, она кричала: «довольно, слѣдующаго!..» Выпоротые должны были стоять и смотрѣть, какъ порютъ ихъ товарищей. Кучеровъ и форрейторовъ было очень много, такъ какъ лошадей въ конюшнѣ стояло до сотни, и пытка продолжалась иногда часъ или больше.

Перепадало поварамъ, лакеямъ, прачкамъ, горничнымъ и всей вообще челяди.

Княгиня полюбила мою мать, заставляла ее играть на фортепіано, или флейтѣ, а когда пріѣзжали къ князьямъ гости, безъ матери не обходились: она пѣла, играла и танцовала. Отецъ постоянно отказывался отъ приглашеній, указывая на то, что онъ утомленъ, или занятъ экономическими дѣлами. Это дѣйствительно такъ и было: земли у князя было тысячъ шесть или больше десятинъ, были большія стада скота, табуны лошадей, стада овецъ. Кромѣ того, подъ отцовскимъ наблюденіемъ находилась также экономія, Дворянское, гдѣ хотя и хозяйничалъ его помощникъ, но отецъ долженъ былъ навѣдываться туда раза два въ недѣлю, а иногда и чаще.

Итакъ, когда мы сидѣли съ сестрою на подоконникѣ, а маленькаго брата кормила мамка въ другой комнатѣ, около подъѣзда остановилась бричка, въ которую впряжена была четверка гнѣдыхъ лошадей. Голова пристяжного была такъ близко отъ меня, что я отодвинулся; конь обдалъ меня горячимъ паромъ изъ ноздрей, и я, спрыгнувъ съ окна, очутился около матери, которая какъ-то нетерпѣливо отвела меня рукою отъ себя и быстро прошла въ другую комнату. Тамъ она начала говорить что-то мамкѣ. Мы съ сестрой удивленно спрашивали, куда она ѣдетъ; мать сказала, что сейчасъ вернется, и насъ повезетъ кататься, только сначала покатаетъ Володю. Взявъ какой-то узелъ, мамку и Володю, она очень скоро уѣхала. Мы снова сѣли на подоконникъ и съ нетерпѣніемъ ожидали возвращенія матери. И не разъ прислушиваясь говорили: «вотъ, вотъ мама ѣдетъ!..» Наконецъ, дѣйствительно подъѣхала бричка, и въ комнату вошелъ отецъ.

— А вы и до сихъ поръ не спите? сказалъ онъ, давъ мнѣ и сестрѣ по куску хлѣба.—Вотъ вамъ снова прислалъ заяцъ гостинецъ,—прибавилъ онъ.

Мы съ жадностью начали ѣсть эти кусочки, расхваливая ихъ необыкновенный вкусъ. Всегда отецъ, возвратясь съ поля, говорилъ намъ, что или отнялъ, или выпросилъ у зайца по кусочку хлѣба намъ на гостинецъ.

— А мама еще не приходила?

Мы отвѣтили, что мать сейчасъ поѣхала на четверкѣ и взяла сначала Володю покатать, а потомъ пріѣдетъ и за нами. Отецъ быстро пошелъ въ другую комнату и тотчасъ оттуда вернулся, держа въ рукѣ какую-то бумажку.

— Вотъ какъ неожиданно случилось!.. сказалъ онъ, глядя на бумажку.

Онъ скомкалъ ее и хотѣлъ бросить на полъ, но, раздумавъ, спряталъ ее въ карманъ. Потомъ онъ сѣлъ на диванъ, посадилъ насъ около себя, прижалъ къ груди и началъ ласкать. Черезъ минуту какая-то капля упала мнѣ на щеку; я поднялъ голову и увидѣлъ, что его глаза были въ слезахъ. Я толкнулъ легонько сестру, она тоже посмотрѣла отцу въ глаза и спросила:

— Чего вы, папенька, плачете?

— Нѣтъ, я не плачу, отвѣтилъ отецъ, это у меня глаза на мокромъ мѣстѣ...

Такъ, ласкаясь и прижимаясь къ отцу, я не замѣтилъ, какъ заснулъ: утромъ я увидѣлъ себя въ своей кроваткѣ...

Начали навѣщать отца пріятели, подавая разные совѣты, запивая ихъ водкой и вишневкой. Черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ попъ, который тоже передъ вечеромъ выѣхалъ отъ насъ, еле поворачивая языкомъ и напѣвая: «на-а-а-рѣкахъ Ва-ва-ва-вилонскихъ»!..

Началось почти ежедневное пьянство, а въ воскресеніе или въ праздникъ непремѣнно была борьба или драка... И такъ продолжалось до зимы. Князья съ дѣтьми еще осенью поѣхали провести зиму въ Одессу.

Черезъ нѣсколько времени отецъ сошелся съ крестьянкой Евдокіей, которая была у насъ нянькой. Всякій разъ, когда отецъ уѣзжалъ въ поле, или по какому дѣлу, она созывала свою родню и напаивала всѣхъ до безчувствія, а потомъ и сама научилась выпивать.

Не рѣдко отецъ заставалъ ея родню и прогонялъ. Евдокія начинала плакать, говоря, что онъ «завязалъ ей свѣтъ» и хочетъ, чтобы и родня отказалась отъ нея. Отецъ перемѣнялъ гнѣвъ на милость и въ воскресеніе или праздникъ посылалъ за ея родичами, и самъ съ ними пилъ.

Очень скоро отецъ выкупилъ Евдокію у князей изъ крѣпостныхъ, и она мало-по-малу стала забирать власть и надъ нимъ, и надъ нами. Однажды я пожаловался отцу, что она выдрала меня за уши; отецъ крикнулъ на нее, а черезъ минуту сказалъ, что я самъ виноватъ, и что меня слѣдовало бы высѣчь. Я былъ большой трусъ и больше не осмѣлился жаловаться отцу на Евдокію.

Когда отецъ заставалъ ее пьяною, она прикидывалась больной, обкладывала себѣ голову капустными листьями или мокрыми тряпками и ложилась въ постель. Какъ-то пріѣхали къ

отцу гости, старые его знакомые, помѣщикъ съ женою, и очень горевали, что семейная жизнь его такъ несчастна. Они сожалѣли меня съ сестрой, гостья даже плакала, лаская насъ. Евдокія слушала изъ другой комнаты и все время пила водку. Вечеромъ, когда подали самоваръ, зажгли свѣчи, и гостья только-что собралась наливать чай, появилась пьяная Евдокія и, поднесши ей подъ самый насъ кукишъ, прибавила: «это не твое дѣло, а мое, я тутъ хозяйка!.. Отецъ схватилъ ее за шиворотъ, выбросилъ въ другую комнату, заперъ на крючокъ дверь и началъ извиняться передъ гостями. Отецъ далъ слово пріятелю, что разойдется съ Евдокіей; послѣдняя ушла къ своей матери и тамъ заночевала. На другой день она вернулась. И снова начались оргіи. Евдокія появлялась уже среди гостей, какъ хозяйка, и въ компаніи напивалась до безпамятства.

Когда начинался у насъ кутежъ, мы съ сестрой забирались къ кому-нибудь изъ крѣпостныхъ въ хату, залѣзали на печь и тамъ, играя съ крестьянскими дѣтьми, дневали и ночевали.

Только иногда, если на короткое время прекращалась попойка, отецъ вспоминалъ о насъ и приказывалъ привести домой...

Такъ продолжалось почти два года. Мать, бросивъ насъ, переѣхала къ бабушкѣ, У. В. Дубровинской, которая поселилась съ дѣтьми въ Бобринцѣ, гдѣ дѣдъ мой купилъ ей за ея деньги домикъ, и бубушка, отдавъ старшихъ сыновей въ уѣздную школу, начала учить мѣщанскихъ и еврейскихъ дѣтей грамотѣ, шитью и вязанію. Мужъ ея, У. И. Дубровинскій, черезъ полгода умеръ отъ перепоя.

Мать моя сошлась съ гусарскимъ ротмистромъ Ив. П. Рудзевичемъ, который съ своимъ эскадрономъ стоялъ въ селѣ Новокрасномъ; онъ отвезъ ее въ Бобринецъ къ бубушкѣ и по временамъ пріѣзжалъ къ ней.

Однажды отецъ узналъ, что мать пріѣхала въ Новокрасное, и поѣхалъ къ Рудзевичу, захвативъ съ собою пистолеты. Надо прибавить, что отецъ раньше былъ въ дружескихъ съ Рудзевичемъ отношеніяхъ.

Войдя быстро въ комнату, онъ замѣтилъ на диванѣ женскую одежду, сѣлъ и прождалъ больше часа, но никто не являлся. Наконецъ, вошелъ денщикъ и спросилъ отца, что ему нужно?

— Гдѣ моя жена?—спросилъ отецъ.

— Ихъ здѣсь не было!—отвѣтилъ денщикъ.

— Врешь! А это чья одежда? — спросилъ отецъ, указывая на женскую шляпу и бурнусъ.

— Мало-ли чья?..—отвѣтилъ денщикъ, отворачивая глаза.

— Эта одежда моей жены,—сказалъ отецъ,—я самъ её покупалъ и теперь беру съ собою. Скажешь барынѣ, что я одежду взялъ для своей любовницы.

Денщикъ хотѣлъ не дать, но отецъ оттолкнулъ его и вышелъ изъ комнаты.

Во дворѣ ходила пара молодыхъ дрохвъ; отецъ, прицѣлившись изъ пистолета, сразу застрѣлилъ обѣихъ, сказавъ при этомъ денщику:

«Передай своему *ротмистру*, что я еще не разучился стрѣлять».

Однажды мы съ сестрою купались съ слободскими дѣтьми въ рѣкѣ, которая отдѣляла Новокрасное отъ Катериновки. Когда мы уже выкупались, насъ подозвалъ шинкарь Лейзеръ Леймановскій и, показывая на двухъ барынь, стоявшихъ на плотинѣ, сказалъ:

— Вотъ стоитъ съ попадьею ваша маменька

Я, какъ сумасшедшій, закричалъ:—«Мама, мама»!.. и побѣжалъ съ сестрою къ матери, но она отвернулась отъ насъ и быстро ушла.

Пьяницы ѣздили къ отцу, какъ въ шинокъ, и онъ уже не зналъ, какимъ образомъ отдѣлаться отъ нихъ, а тутъ еще случился эпизодъ, едва не закончившійся уголовщиной. Новый новокрасовскій попъ, котораго люди прозвали «чернымъ», потому что онъ былъ очень смуглый, началъ давать у себя пріютъ моей матери, когда она пріѣзжала къ Рудзевичу. Отецъ узналъ объ этомъ, и, когда попъ пріѣхалъ къ нему въ гости, онъ попросилъ его убираться вонъ и никогда больше не появляться у насъ въ домѣ. Слово за слово, и началась ссора: отецъ сталъ выталкивать попа изъ комнаты, тотъ ударилъ его, тогда отецъ схватилъ попа за косу и вырвалъ цѣлый клокъ волосъ. Вмѣшалась пьяная компанія и помирила ихъ. Выпили мировую по рюмочкѣ, по другой, и попу захотѣлось побороться съ отцомъ. Тотъ согласился, но не иначе, какъ на силу. Долго боролись, наконецъ, попъ подставилъ ногу, ударилъ отца головою объ печь и вывихнулъ у него на рукѣ большой палецъ. Отецъ крикнулъ: «довольно»!.. Но попъ сѣлъ ему на грудь и сталъ мстить за вырванные волосы, ударяя по чемъ попало. Тогда отецъ позвалъ своего рабочаго. Явился Николай, схватилъ попа на плечи и вынесъ изъ комнаты. Отецъ велѣлъ вышвырнуть его въ канаву...

На дворѣ шелъ большой дождь, текли цѣлыя рѣки. Николай уже понесъ попа къ канавѣ, но отецъ крикнулъ:

«Пусти его, чортъ съ нимъ»!..

Попъ быстро подбѣжалъ къ отцу и ударилъ его по лицу, «Коли ты такъ, такъ я жъ тебѣ покажу!.. Держи его, Николай»!

Николай схватилъ попа за руки, а отецъ поднялъ ему на голову рясу и, выхвативъ изъ рукъ Николая нагайку, началъ хлестать попа вдоль и поперекъ. Свидѣтели, освободивъ полуживого попа, выпроводили его домой, а на третій день они же извѣстили отца, что попъ ѣдетъ жаловаться на него въ судъ. Осѣдлалъ отецъ коня и поскакалъ напрямикъ къ шляху, которымъ долженъ былъ ѣхать попъ. Когда тотъ появился на дорогѣ, отецъ вынулъ изъ кармана двуствольный пистолетъ и сказалъ:

— «Или тутъ намъ обоимъ смерть, или помиримся»!..

Долго попъ не соглашался, наконецъ рѣшился на мировую. Отецъ пообѣщалъ дать ему сто рублей и корову съ телкомъ. Кстати тутъ встрѣтился становой, онъ написалъ имъ мировую, которую всѣ трое запили въ домѣ отца.

Послѣ этого случая отецъ рѣшилъ переѣхать изъ Катериновки куда-нибудь подальше, что ему легко было устроить, потому что вездѣ о немъ шла слава, какъ о замѣчательномъ агрономѣ. Списался онъ съ меньшимъ братомъ князя М. М., и черезъ мѣсяцъ мы уже очутились въ с. Молдавкѣ, по другую сторону Буга.

Долженъ сказать нѣсколько словъ о работникѣ Николаѣ. Это былъ громаднаго роста и необычайной силы старикъ безъ роду и племени. Явившись къ отцу, только ему одному признался, кто онъ и откуда. Когда пріѣзжали полицейскіе, онъ притворялся нѣмымъ, а въ концѣ концовъ отецъ давалъ имъ нѣсколько рублей, и Николай снова оставался у насъ. Каждый вечеръ онъ разсказывалъ намъ въ кухнѣ на печкѣ много сказокъ. Разсказывалъ о гайдамачинѣ и коліивщинѣ, о заклятыхъ кладахъ, вѣдьмахъ и упыряхъ. И такъ запугивалъ наше дѣтское любопытство и фантазію, что мы, бывало, отъ страха ежились въ углу, съ трепетомъ оглядываясь, какъ только кто скрипнетъ дверьми. Когда мы переѣзжали въ Молдавку, Николай попрощался съ намъ и неизвѣстно куда исчезъ.

Кромѣ Молдавки, у М. Кантакузена была еще слобода Александровка, на р. Чечеклей, гдѣ жилъ мелкій шляхтичъ-полякъ М. К. Рудковскій и обучалъ грамотѣ дѣтей разныхъ чин-

шевиковъ, и волоховъ, а также дѣтей экономовъ и писарей. Въ эту школу отецъ отвезъ мою сестру Анну, я по ней такъ затосковалъ, что даже захворалъ. Тогда отецъ спросилъ, буду ли я учиться, если онъ отвезетъ и меня въ ту школу. Я пообѣщалъ хорошо учиться. Для пробы онъ задалъ мнѣ изъ букваря десять буквъ и назвалъ ихъ раза три, въ четвертый разъ всѣ буквы проговорилъ уже я самъ. На другой день пошелъ я въ винницу и началъ хвалиться винокуру, что уже учусь грамотѣ. Винокуръ похвалилъ меня и далъ «*волочокъ*» съ теплою водкой, говоря: «пей, это медъ». Я выпилъ, а когда вышелъ изъ винницы, замѣтилъ, что у меня въ глазахъ все закружилось колесомъ. Войдя въ комнату, я замололъ какую-то чепуху и сталъ кататься на диванѣ; отецъ, писавшій въ другой комнатѣ, крикнулъ мнѣ, чтобы не шалилъ... Черезъ минуту онъ подбѣжалъ ко мнѣ, взялъ ременной поясъ, который лежалъ на стулѣ, и ударилъ меня по плечамъ. Я крикнулъ отъ боли, упалъ на полъ и началъ кататься.

— «Встань»!.. сказалъ отецъ, однако встать я не могъ.— «Встань»!..—крикнулъ онъ еще разъ и, схвативъ меня за плечо, потрясъ, тогда мнѣ сдѣлалось дурно. Отецъ испугался, взялъ меня на руки, положилъ на диванъ и не зналъ, что дѣлать со мною. Въ этотъ моментъ въ комнату вошла горничная и объяснила, что винокуръ напоилъ меня водкой.

Послѣ этого случая отецъ никогда меня не билъ.

Скоро отвезъ онъ меня въ Александровку, въ школу. Тамъ было учениковъ тридцать: учились мальчики и дѣвочки вмѣстѣ. Домъ состоялъ изъ двухъ половинъ.—На одной половинѣ была школа, а на другой жила семья Рудковскаго: онъ, жена Стася и дочь Юзя. На квартирѣ у него жило человѣкъ восемь; всѣ помѣщались въ школѣ и спали вповалку на полу. Матрацовъ тогда еще не было: солома или сѣно, а сверху рядно,—вотъ и постель. Рудковскій былъ заядлый стрѣлокъ, и такъ какъ тогда трудно было достать порохъ, то онъ приготовлялъ его самъ, также дѣлалъ самъ и дробь—«*рубанку*»; стрѣлялъ онъ изъ кремневаго ружья. Бывало, въ субботу съ вечера спрашиваетъ, кто хочетъ идти на охоту?... И еще до разсвѣта въ воскресеніе, разбудитъ желающихъ; идетъ съ ними на болота и заставляетъ бродить по озерамъ и выгонять утокъ; иногда онъ убивалъ ихъ по два десятка. Не разъ и я ходилъ съ нимъ на охоту.

Служилъ у Рудковскаго наймитъ Махтей, изъ бурлаковъ, за сторожа при школѣ, за чередника, за кучера, за плугатаря: одинъ за всѣхъ и на всѣ руки! Однажды Рудковскій далъ ему мѣшечекъ съ порохомъ, показалъ, какъ его перетирать, пока

онъ не просохнетъ, и запретилъ Махтею въ это время курить трубку. Но Махтей не вытерпѣлъ и закурилъ; искра упала на мѣшечекъ, порохъ зашипѣлъ и вспыхнулъ въ его рукахъ; и только благодаря тому, что онъ онъ былъ еще сырой, Махтей отдѣлался ожогомъ рукъ и лица. При этомъ пропало фунта три пороха, за что Р. очень сердился на Махтея, и даже хотѣлъ совсѣмъ его прогнать. Но Стася посовѣтовала мужу: «везь, сердце, «дисциплину», та отшмагай добре шкуру, та и вже»!... «Дисциплиной» называлась трайчатка-нагайка, которая не разъ крестила плечи школьникамъ-лѣнтяямъ.

Махтей игралъ на сопилкѣ, а Юзя очень любила танцовать. Она и упросила отца не бить и не прогонять его.

Съ того времени мы прозвали Махтея — «недошмаленнимъ».

Каждый вечеръ дѣвочки-ученицы танцовали подъ сопилку «недошмаленнаго». Юзя больше всего любила танцовать мазурку. Рудковскій не признавалъ никакой вѣры, кромѣ католической, и всѣхъ учениковъ старался обратить въ католичество, приказывая учить польскія молитвы. Мы, конечно, не протестовали. Черезъ двѣ недѣли я зналъ отче-нашъ и «десянцьоро Божего пшиказання» и скоро началъ болтать по-польски. Черезъ полгода я уже пролѣзалъ въ ряды первыхъ учениковъ.

Ученики, жившіе въ школѣ, не только учились грамотѣ: они убирали дворъ, гоняли къ водопою скотину, выбирали куколь изъ зерна, ходили полоть бакшу или просо, молотили горохъ и фасоль, поливали капусту и т. п....

Лѣтомъ намъ было удовольствіемъ погнать скотъ на водопой къ колодцу, зимою же это совсѣмъ приходилось не по вкусу. Однажды въ страшный холодъ пришла моя очередь помочь «недошмаленному» напоить скотъ. Погнали мы его къ колодцу, и пока онъ набиралъ въ корыто воды, я почти замерзъ и побѣжалъ въ ближайшую хату погрѣться. Скотъ въ это время разбрелся по селу, а я залѣзъ на печь, гдѣ сидѣло двое дѣтей, и началъ съ ними играть въ «одіянъ, другіянъ, на четыре лубіянъ!»... Вдругъ вбѣгаетъ въ хату Рудковскій и какъ закричитъ, какъ затопочетъ ногами, а я съ печи на «втікача». Вбѣжалъ въ школу, дрожу... Вошелъ Рудковскій, велѣлъ положить меня на скамейку, спустить штаны и началъ наказывать розгами. Я не вынесъ порки, и послѣ другого или третьяго рукоприкладыванія со мною случался нѣкій «грѣхъ»...

— Пфе, гунсватъ! крикнулъ Рудковскій и велѣлъ мнѣ «прендзей» перемѣнить кальсоны...

Объ этой лютой зимѣ не лишнее вспомнить. То было въ

1848 году; гнали тогда солдатъ на венгра, нѣсколько разъ нагоняли ихъ намъ полную школу, съ отмороженными пальцами на рукахъ и на ногахъ, съ замороженными ушами, носами и лицами; и мы цѣлую ночь не спали, выслушивая жалобы и стоны этихъ искалѣченныхъ людей...

Выпалъ такой глубокій снѣгъ, что хаты занесло въ уровень съ трубами; должны были изъ хатъ прорывать мины и амбразуры. Когда улеглась мятель, немного потеплѣло и снѣгъ улегся, мы вылѣзали на хату къ трубѣ и оттуда спускались на салазкахъ. Кормовъ тогда совсѣмъ не хватило, снимали солому съ крышъ; скотъ сталъ падать, волки бродили подъ окнами и часто залѣзали въ загоны и конюшни.

Рудковскій въ эту зиму застрѣлилъ штукъ восемь волковъ. Какъ только появлялись они, Рудковскій съ Махтеемъ брали кресала и кремневое ружье въ руки, выходили изъ хаты и выбивали огонь; волки, увидя искры, убѣгали.

Какъ-то разъ Рудковскій побилъ меня за то, что я лѣтомъ не хотѣлъ ночью сторожить бакшу, убѣжалъ въ курень къ сосѣднему баштаннику и тамъ заночевалъ. Рудковскій навѣдался туда ночью, звалъ, звалъ меня и не дозвался. Я и слышалъ его зовъ, но баштанникъ передъ этимъ разсказалъ мнѣ сказку о вѣдьмѣ, которая ловко поддѣлывала голосъ свой подъ голоса матерей и отцовъ и такимъ способомъ заманивала къ себѣ дѣтей и выпивала изъ нихъ кровь. Баштанникъ уже храпѣлъ, а я почти всю ночь дрожалъ, прячась подъ «рядно», и при малѣйшемъ шорохѣ уже настораживался весь, а когда услышалъ зовъ, то у меня сразу душа замерла, и я скорѣй зажалъ уши и укутался съ головою. Досталось утромъ мнѣ на орѣхи, «дисциплина» оживила мою спину такъ, что она вся распухла. А пани Стася при экзекуціи говорила такъ сладко и ласково:

«—Але цо то, цо то есть?... Якъ можна не слухать пана профессора?...»

Въ это время пріѣхалъ отецъ и когда ночью я съ сестрою легли около него, подъ волчью теплую шубу, онъ, обнявъ меня, нечаянно придавилъ незажившую еще рану, я ойкнулъ. Онъ спросилъ: «что тамъ такое у тебя, можетъ быть чирій?» Я молчалъ. Сестра шепнула ему, что меня Рудковскій такъ высѣкъ. «За что?» спросилъ отецъ. Тутъ сестра все ему разсказала.

Утромъ отецъ, собираясь выѣзжать, сказалъ, что онъ хочетъ и насъ взять домой, погостить недѣли двѣ; велѣлъ собрать намъ всѣ книги, а также бѣлье и одежду, чтобы дома все перечинить... Послѣ завтрака мы выѣхали. Отецъ попросилъ Рудковскаго сѣсть

въ бричку и проѣхать съ нами нѣсколько саженъ, пока онъ разскажетъ ему интересное дѣло, о которомъ неудобно говорить при домашнихъ.

Когда мы миновали слободу, отецъ спросилъ Рудковскаго, отдалъ ли онъ ему своихъ дѣтей грамотѣ учиться, или бакшу сторожить и скотину пасть.

— Ты же писалъ мнѣ, продолжалъ отецъ, что мой сынъ лучше всѣхъ учится. Не за то ли ты его и высѣкъ тройчаткой?

Рудковскій что-то хотѣлъ сказать, но его дрожащія губы едва пролепетали: «пе-пе-проше пана, проше!...»

Отецъ выхватилъ кнутъ изъ рукъ кучера и началъ хлестать «пана профессора» по чемъ попало; потомъ вышвырнулъ его изъ брички, говоря: «зноси на здоровья!...»

Когда мы пріѣхали домой, сынъ Евдокіи, Александръ, уже начиналъ ходить. Отецъ совсѣмъ мало пилъ, и Евдокія какъ-будто остепенилась.

Въ Молдавкѣ въ это время холера страшно косила людей; не успѣвали готовить гробовъ для умершихъ; вымирали цѣлыя семьи; много хатъ стояло ободранныхъ и забитыхъ; у иныхъ собаки повыбивали окна... Тогда еще не было ни земствъ, ни больницъ, ни докторовъ, ни фельдшеровъ,—спасались всѣ какъ умѣли и какъ совѣтовали люди...

Отецъ цѣлыми днями хлопоталъ около больныхъ: приказывалъ оттирать ихъ и прикладывать горячія бутылки къ подошвамъ. Борщъ варить и пить квасъ—было запрещено; кормили всѣхъ овсянымъ кулишомъ; пьяницы рады были, что давали вволю перцовку, и часто бѣгали въ винницу, жалуясь: «ой либонь, вже приступае!...»

Въ полѣ яровыхъ хлѣбовъ совсѣмъ не сѣяли, потому что не было кѣмъ и чѣмъ сѣять; скотъ, который зимой не издохъ отъ голода, бродилъ по степямъ безъ присмотра... Только къ осени холера уменьшилась, и князь перевелъ въ Молдавку крѣпостныхъ изъ другихъ своихъ селъ.

Я прожилъ у отца до слѣдующей весны, когда онъ снова вернулся на службу къ старшему князю въ Катериновку. Отецъ отвезъ сестру въ Елисаветградъ, въ школу; меня взяли въ панскія хоромы учиться вмѣстѣ съ сыновьями князя. Прожилъ я у князей около года и началъ уже учить французскій и нѣмецкій языки; *но «паньска ласка тільки до порога»*... Собрались князья ѣхать въ Италію чуть ли не на цѣлый годъ; скоро выѣхали, а обо мнѣ забыли совсѣмъ!...

Повезъ меня отецъ къ другому пану: къ генералу Б...скому,

который, узнавъ о моихъ выдающихся способностяхъ, пожелалъ дать мнѣ образованіе на свой счетъ, такъ какъ онъ былъ холостъ, бездѣтенъ и уже на закатѣ лѣтъ. Я понравился генералу, и онъ оставилъ меня у себя. Давая мнѣ читать кой-какія книги, онъ мнѣ не разъ говорилъ: «вотъ пройдутъ каникулы, и я повезу тебя въ Елисаветградъ, найду тамъ учителя, который приготовитъ тебя въ корпусъ, и ты выйдешь офицеромъ»...

Какъ снѣгъ на голову, вдругъ пріѣхала къ генералу его сестра, вдова, генеральша Г. Л—вичъ, съ тремя дочерьми; двѣ уже были невѣсты, а третья—подростокъ. Генералъ никогда не переписывался съ сестрою, потому что былъ съ ней въ ссорѣ, и своихъ племянницъ только увидѣлъ въ первый разъ. Они скоро помирились, и генеральша сразу завладѣла всѣмъ хозяйствомъ брата. Черезъ нѣсколько дней, глядя на меня, генеральша спросила у него: «откуда у тебя этотъ мальчикъ?» Генералъ сказалъ, чей я, и посвятилъ въ свои планы относительно моего воспитанія. Генеральша отвѣтила, что большей глупости онъ никогда не могъ бы выдумать. Она велѣла мнѣ переселиться изъ дома во флигель, потому что въ той комнатѣ, гдѣ я жилъ, будетъ помѣщаться ея меньшая дочь. Къ столу меня позвали всего два раза; а потомъ генеральша, замѣтивъ, что я въ грязной и драной одеждѣ, велѣла мнѣ столоваться отдѣльно. Такъ постепенно я перешелъ на кухонные харчи. Цѣлыми днями я билъ баклуши: ходилъ въ поле, смотрѣлъ, какъ косятъ траву и жнутъ хлѣбъ; бродилъ съ слободскими дѣтьми по болотамъ и рвалъ «шпичаки» и «рогизъ»; помогалъ кучерамъ поить и чистить лошадей; часто и подолгу пролеживалъ я въ какой-нибудь изъ конюшенъ на попонахъ и слушалъ мечты кучеровъ о волѣ, разсказы о вѣдьмахъ или «характерникахъ»...

Ожидали затменія солнца, и чего, чего только не выдумывали темные философы. Разсказывали, напримѣръ, что загорится земля и будетъ горѣть очень долго, пока вся не сгоритъ и не обратится въ руины, и что только однѣ церкви останутся не разрушенными. Что явятся какіе-то герои-великаны, отважнѣе гайдамаковъ и запорожцевъ, и произведутъ судъ между панами и крѣпостными, что много пановъ сошлютъ въ Сибирь, а съ ними и тѣхъ, которыхъ они изъ своихъ же крѣпостныхъ сдѣлали атаманами и надсмотрщиками.

— Вѣрно и нашего Варѳоломея пошлютъ въ первыхъ рядахъ?—вставлялъ свое слово какой-нибудь изъ слушателей.

Варѳоломей, атаманъ изъ крѣпостныхъ, сильный, красивый человѣкъ, очень унижался передъ генераломъ и экономомъ и

нещадно билъ людей. За такія качества онъ сразу понравился генеральшѣ. Многіе изъ дворовыхъ шепотомъ передавали, что видѣли, какъ Варѳоломей ночью прокрадывался къ генеральшѣ *въ спальню...* Говорили, что вмѣстѣ съ затменіемъ явится чума, отъ которой умретъ много людей, и что послѣ этого всѣмъ тѣмъ, которые останутся живыми, выйдетъ *воля*.

— Дай-то, Господи!..—прибавляли нѣкоторые изъ слушателей, крестясь и оглядываясь.

— Разсказывалъ какой-то чернецъ, — проговорилъ, часто оглядываясь, курносый форрейторъ Митька, что соберется множество монаховъ изъ всѣхъ монастырей, въ золотыхъ и серебряныхъ шапкахъ и засудятъ всѣхъ пановъ и низвергнутъ въ пекло...

Старый кучеръ Карпо, замѣтившій, что это сообщеніе взволновало немного меня, проговорилъ, усмѣхаясь:

— Да ты не бойся, ты въ пекло не попадешь, потому что ты не изъ пановъ, а изъ «полупанковъ»...

Нѣкоторые говорили, что передъ затменіемъ будетъ громъ гремѣть, молнія блистать, и польетъ такой дождь, какого люди никогда еще не видѣли...

Трудно вспомнить всѣ разсказы, всѣ слухи, одно только можно было наблюдать, что всѣ эти мечты и надежды кончались желаніемъ *воли*.

Въ тотъ моментъ, когда сдѣлалось затменіе, я съ кучерами поилъ лошадей во дворѣ, около колодца: это было въ обѣденное время. Сидѣлъ я на старомъ рыжемъ жеребцѣ, который уже едва шагалъ; но генералъ велѣлъ конюхамъ заботиться о немъ и кормить самымъ лучшимъ кормомъ. Только-что мы, человѣкъ десять, подъѣхали къ корыту, какъ вдругъ сразу потемнѣло; вскочили и закудахтали куры, заревѣла скотина, захрюкали свиньи, лошади начали ржать, галки въ саду подняли страшный крикъ. Я испугался и какъ будто онѣмѣлъ; конюхи, поившіе лошадей, громко читали молитвы; въ панскихъ хоромахъ зажгли восковыя свѣчи и лампадки, а генеральша начала кадить ладаномъ... По другой сторонѣ, въ селѣ Компанѣевкѣ, ударили въ набатъ. Черезъ нѣсколько минутъ темнота разсѣялась, и всѣ, на кого я обращалъ свой взглядъ, радостно усмѣхались.

Разсказывали потомъ, что жнецы въ полѣ попадали со страха, а нѣкоторые кинулись бѣжать; экономъ и атаманъ Варѳоломей спрятались подъ возъ.

III.

Прежде генерала рѣдко посѣщали, развѣ кто изъ сосѣдей заѣзжалъ на часъ-два, а теперь отъ гостей двери не закрывались. Чаще всего пріѣзжали офицеры изъ Елисаветграда: кирасиры, гусары и уланы. Иногда гульба и танцы недѣлями продолжались. Музыканты собственнаго оркестра (больше сорока человѣкъ) жаловались, что у нихъ попухли пальцы и губы; а пѣвчіе, которые пѣли чередуясь съ оркестромъ въ тѣ часы, когда паны обѣдали и ужинали, говорили, что у нихъ болитъ горло, такъ какъ обѣды и ужины тянулись по три, по четыре часа.

Однажды наѣхала такая масса гостей, что всѣ комнаты въ домѣ и во флигеляхъ были переполнены офицерами; нѣкоторыхъ даже помѣстили у эконома (это были именины старшей генеральской племянницы); меня спровадили къ коровницѣ-*криворучкѣ*—Ивгѣ (ее такъ звали потому, что у нея одна рука была кривая). Раньше она была любовницею старшаго брата генерала, который, получивъ чинъ корнета, поселился въ имѣніи, и въ то время, когда младшій дослуживался до генеральскихъ чиновъ, онъ хозяйничалъ, и все, что теперь имѣлъ генералъ, пріобрѣтено было старшимъ братомъ. Разъ во время кутежа (корнетъ любилъ покутить съ компаніей) побился онъ объ закладъ съ пріятелемъ, что попадетъ на пятнадцать шаговъ изъ пистолета въ копѣйку, и дѣйствительно: установили рубомъ сверху бутылки монету, и корнетъ попалъ въ нее. Нѣкоторые закричали «фора» и начали аплодировать, а другіе рѣшили, что это случайно удалось, и въ другой разъ онъ не попадетъ въ цѣль.

— Не попаду?—спросилъ корнетъ. Такъ я вамъ докажу еще не такъ. Эй, Ивга!.. закричалъ онъ. Моментально явилась Ивга, въ украинской одеждѣ, красивая и стройная, какъ тополь; нѣкоторые изъ компаніи начали облизываться, гляля на нее. Ивга стала противъ корнета съ потупленными глазами. Корнетъ вынулъ копѣйку и далъ ей.

— Держи между двумя пальцами копѣйку и подыми руку вотъ такъ, вверхъ.

Корнетъ отмѣрилъ пятнадцать шаговъ и выстрѣлилъ. Но попалъ не въ монету, а въ локоть Ивгѣ. Она вскрикнула и схватилась рукою за локоть; кровь такъ и полилась...

— «Понизилъ»!..—сказалъ корнетъ, покраснѣвъ. Впрочемъ, это пустяки. Пройдетъ! Иди и примочи рану водкой!..

Послѣ этого осталась она на вѣкъ калѣкой. Корнетъ скоро умеръ; генералъ, пріѣхавъ въ имѣніе, сдѣлалъ Ивгу коровницей.

Криворучка была прекраснѣйшимъ человѣкомъ; болѣе сердечнаго существа я, кажется, не встрѣчалъ. Она хорошо знала мою мать и всю семью Дубровинскихъ. Она-то и разсказывала мнѣ про дѣда Дубровинскаго, какъ онъ издѣвался надъ своей женой, надъ моей матерью, и надъ музыкантами—крѣпостными. Этотъ оркестръ генерала былъ обученъ Дубровинскимъ.

Не разъ говорила мнѣ криворучка: «боронь тебе Боже вдатись у діда»! И я клялся ей, что никогда не буду такимъ злымъ.

Криворучка обмывала меня и кормила не молокомъ, а самыми густыми *сливками*. Когда въ первый разъ она взглянула мнѣ въ голову, то даже ужаснулась.

— Да тебя вши скоро затянутъ въ болото, сплетутъ изъ волосъ канатъ и затянутъ!.. И начала вычесывать мою голову гребенкою.

Генеральша запретила мнѣ ходить въ садъ и приказала садовнику, чтобы онъ билъ меня, если поймаетъ тамъ. А генералъ, увидѣвъ меня какъ-то около конюшни, вынулъ изъ кармана яблоко, далъ мнѣ и сказалъ: «пойди въ садъ и нарви сколько хочешь яблокъ»!

Разъ я пошелъ въ садъ и только-что сорвалъ грушу, вдругъ откуда ни возьмись садовникъ, схватилъ меня, перекинулъ черезъ колѣно и началъ хлестать «мантачкою».

Я вцѣпился зубами въ его руку такъ, что онъ даже вскрикнулъ. Когда я его укусилъ до крови, онъ невольно выпустилъ меня, проговоривъ: «подожди-же, я скажу генеральшѣ»!..

Я пожаловался криворучкѣ на садовника; она отвѣтила, что то *панскій підхвістокъ*.

— Да и всѣ они таковы,—добавила Ивга; чтобы выслужиться передъ панами, рады человѣка утопить въ ложкѣ воды. Они и меня со свѣта сжили бы, но боятся, потому что у меня есть бумага, которую генералъ подписалъ, я вольная; онъ до моей смерти долженъ содержать меня на хорошихъ харчахъ.

Она давала мнѣ читать эту бумагу, но я ничего въ ней не понялъ. Когда меня уже не было у генерала, генеральша спровадила со двора криворучку, давъ ей корову и тридцать рублей деньгами. Не разъ криворучка обливала мое лицо слезами, когда я, положивъ голову на ея колѣни, разсказывалъ, какъ хорошо жилося мнѣ и сестрѣ при матери и какъ плохо безъ нея. Вообще я

долженъ сказать, что всѣ крѣпостные, а особенно женщины благоволили ко мнѣ и искренно сочувствовали моему сиротству.

Какъ-то былъ балъ у генерала. Подъ окнами стояло много челяди, я тоже подошелъ и сталъ заглядывать въ открытыя окна. Это было еще днемъ. Генеральша замѣтила меня и погрозила пальцемъ. Черезъ минуту она вышла изъ комнатъ, позвала меня и начала стыдить, что я стою безъ дѣла, что лучше бъ было, если бы я помогалъ слугамъ мыть посуду, ножи, вилки чистить, чѣмъ стоять съ раскрытымъ ртомъ и ловить воронъ...

— Посуду я не буду мыть!—отвѣтилъ я и отошелъ.

Все больше и больше началъ я замѣчать, что мое присутствіе мозолитъ глаза генеральшѣ, и я избѣгалъ встрѣчаться съ нею. Часто криворучка видѣла, что я плачу. Она утѣшала, какъ могла, говоря, что скоро отецъ пріѣдетъ за мною, что вѣдь у него много заботъ кромѣ меня. Она и сама плакала вмѣстѣ со мною. Въ настоящее время каждый ребенокъ 9—10 лѣтъ можетъ быстро выяснить свое положеніе: открытка или письмо съ 10 коп. маркой—и готово; а въ то время не существовало между родителями и дѣтьми никакой переписки у людей того сословія, къ которому мы принадлежали. Я до 13 лѣтъ не зналъ, что такое почта. Уже, когда я учился въ уѣздной школѣ, въ Бобринцѣ, то иногда получалъ одно письмо въ годъ отъ отца, или того меньше. Случалось, при встрѣчѣ спрошу: «почему вы не писали мнѣ?» Отецъ отвѣтитъ: «а на что»?.. Потомъ уже, когда учился я въ Кіевѣ, отецъ писалъ мнѣ раза три въ годъ. Но объ этомъ послѣ.

Скоро одну изъ дочерей генеральши посваталъ кирасиръ Б-ръ, а черезъ двѣ недѣли отпраздновали свадьбу. Послѣ свадьбы молодые выѣхали въ Елисаветградъ и генералъ поручилъ имъ отдать меня въ уѣздное училище.

Немного пріодѣли меня и повезли.

Посадили меня молодые въ коляскѣ напротивъ себя, а лакей Антошка, котораго генералъ отдалъ имъ въ услуженіе, сѣлъ на козлахъ, рядомъ съ кучеромъ. Только-что доѣхали до Елисаветграда, Б-ръ велѣлъ мнѣ выйти изъ коляски, стать сзади, на запяткахъ и держаться руками за кисти. Это мнѣ даже понравилось, потому что на запяткахъ я свободно разсматривалъ улицы, мосты, церкви и строенія.

Тогда въ Елисаветградѣ еще не было мостовыхъ; благодаря песку на улицахъ чуть не по колѣни, мы ѣхали шагомъ, въ коляскѣ шестерикомъ. Встрѣчные, раскрывая рты и качая го-

ловою, говорили удивленно: «даже съ двумя лакеями»!.. А позади насъ ѣхала фура четверикомъ съ двумя горничными, прачкою, поваромъ и поварчукомъ.

Черезъ нѣсколько дней отвелъ меня Б-ръ въ уѣздное училище, гдѣ меня приняли въ 1-й классъ.

Въ школѣ я скоро подружилъ съ Колею С., который былъ въ приходскомъ классѣ, т.-е. въ приготовительномъ. Учениковъ приготовительнаго класса дразнили: «штубаками». Отецъ Коли купецъ, торговалъ чернымъ товаромъ и давно былъ знакомъ съ моимъ отцомъ. Разъ въ воскресеніе позвалъ меня Коля къ себѣ обѣдать, родители его такъ радушно меня принимали, особенно мать, что мнѣ казалось, лучшихъ людей и на свѣтѣ нѣтъ.

Коля очень плохо учился, что меня ужасно огорчало. Когда я ему объяснялъ, тогда онъ скоро выучивалъ урокъ. Раньше онъ готовилъ уроки съ старшимъ приказчикомъ отцовской лавки, который кричалъ на него, дралъ за уши и билъ щелчкомъ по лбу, приговаривая: «такъ насъ учили и намъ велѣно такъ васъ обучать, потому что за битаго двухъ не битыхъ даютъ, да и то не берутъ». Колю часто оставляли безъ обѣда. Мнѣ стало очень жаль его, я пошелъ къ смотрителю (смотрителемъ былъ Г. I. Жуковъ) и говорю:—Позвольте мнѣ перейти въ приходской классъ. Жуковъ сначала удивился, а потомъ спросилъ.—«Зачѣмъ?» Я сказалъ, что тамъ пріятель у меня, который плохо учится, и я хочу ему помочь. Жуковъ засмѣялся и сказалъ: «Какъ хочешь!» Долженъ пояснить, что тогда почти всѣ учителя и смотритель не приневоливали учениковъ говорить по-русски и сами съ хохликами говорили похохлацки.

Я перешелъ въ приходской классъ на другой же день и началъ съ Колей заниматься.

У Б-ра жилось мнѣ скверно: вскорѣ онъ велѣлъ мнѣ обѣдать отдѣльно, иногда заставлялъ чистить ему сапоги, подметать комнаты. Я пожаловался Колину отцу, который предложилъ мнѣ переѣхать къ нимъ на квартиру, когда же мой отецъ пріѣдетъ, будетъ разговоръ о платѣ. Отношенія между мною и С...нымъ сдѣлались еще болѣе сердечными съ того момента, когда сестра Коли, Еля, очень шустрая дѣвочка, перегнулась черезъ срубъ колодца и хотѣла выбрать горебенятъ изъ гнѣзда, и какъ-то потерявъ равновѣсіе, упала черезъ срубъ въ колодецъ, но къ счастью зацѣпилась юбкою за крючокъ. Я, увидавши это, подбѣжалъ къ колодцу, схватилъ Елю за ноги и изо всей силы началъ кричать о помощи. Сбѣжалась дворня и дѣвочку спасли.

Когда я рѣшилъ бѣжать отъ Б-ра, мы съ Колей стали обдумывать планъ, какъ бы такъ устроить, чтобы Б. не узналъ, а то, чего добраго, не пуститъ.

Согласно условію пришелъ ко мнѣ Коля; дома никого не было, кромѣ Антошки, который сказалъ намъ, что господъ кудато позвали на обѣдъ. Мы дали Антошкѣ 3 коп. и послали его купить квасу, а сами собрали наскоро мои «манатки» и книги, завязали въ узелъ и побѣжали не главною улицею, а переулками, черезъ кладки: Коля съ узломъ, а я съ книгами.

Это было осенью, въ первыхъ числахъ октября. По кладкѣ навстрѣчу шелъ намъ офицеръ, кирасиръ; мнѣ казалось, что это Б-ръ. Я моментально бросился въ воду и побрелъ чуть ли не по поясь. Коля перебѣжалъ на другую сторону по кладкѣ, кричалъ, что мы ошиблись: то совсѣмъ не Б-ръ. Едва я выбрался на берегъ.

Прійдя къ С. весь мокрый, я вмѣсто того, чтобы сразу переодѣться въ сухое, началъ сушиться въ кухнѣ, около печи, прося Колю ничего не говорить его родителямъ о нашемъ приключеніи. Ночью я сталъ сильно кашлять, потомъ разболѣлась у меня голова, и сдѣлался страшный жаръ. Послали за какимъто знахаремъ, или за бабкою, не помню... Утромъ мнѣ сдѣлалось хуже. У меня начался бредъ, я сваливался съ постели, звалъ кого-то... но въ это время неожиданно пріѣхалъ отецъ. Не знаю, долго ли онъ пробылъ въ Елисаветградѣ, помню только, что онъ меня, закутаннаго въ волчью шубу, отвезъ въ слободу Печеную, гдѣ жила бабка волошка, которая славилась, какъ знаменитая лѣкарка,—особенно хорошо лѣчила горячку. Тамъ я проболѣлъ мѣсяца два и, уже поправившись, еще прожилъ съ мѣсяцъ. За время моего пребыванія тамъ, я началъ понимать волошскій разговорный языкъ и даже выучилъ нѣсколько молитвъ ихъ и пѣсенъ. Опрятная и привѣтливая была эта семья; здѣсь очень хорошо мнѣ жилось. Въ дѣтскомъ возрастѣ я часто хворалъ, у меня была неизлѣченная золотуха, черезъ недосмотръ я ее часто застуживалъ, а однажды такъ простудилъ глаза, что былъ слѣпымъ больше мѣсяца. Случилось это въ Катериновкѣ раннею весной. Во дворъ цыгане привели медвѣдей. Въ то время литвины и цыгане водили по слободамъ медвѣдей и заставляли ихъ танцовать; медвѣди ревѣли и пугали дѣтей; я не могъ слышать ихъ рева и смотрѣть, какъ поводырь издѣвается надъ этимъ звѣремъ; кромѣ того страшно боялся цыганъ, потому что они тогда очень часто воровали дѣтей. Во дворѣ изъ большихъ никого не было, я оглянулся и, увидѣвъ, что и

сестры нѣтъ со мною, побѣжалъ внизъ за дворъ и спрятался въ канавѣ, чуть не по колѣна въ грязи. Только подъ вечеръ разыскалъ меня дѣдъ Николай.

Раньше, чѣмъ переѣхать въ Молдавку, мы жили зиму надъ Бугомъ въ Дмитровкѣ (село это тоже принадлежало М. М. К-ну); тутъ я хворалъ нѣсколько мѣсяцевъ горячкою и впалъ въ летаргическій сонъ. Испуганный отецъ послалъ рабочаго въ лодкѣ на другой берегъ въ Бѣлогривку, за дьякомъ, чтобы тотъ ѣхалъ читать псалтырь и захватилъ бы съ собой большіе церковные подсвѣчники. Но пока привезли дьяка, я проснулся и началъ разсказывать, что какъ будто я былъ въ прекрасномъ саду, видѣлъ тамъ много дѣтей, которые ѣли серебряныя и золотыя яблочки и угощали ими меня... Дьякъ разсердился, что его напрасно потревожили, но отецъ хорошо угостилъ его горилкою и далъ четвертакъ.

Въ Катериновкѣ былъ этапный пунктъ, въ которомъ дѣлали дневку арестанты. Однажды гнали въ Сибирь какого-то доктора изъ Варшавы; этапный командиръ пришелъ къ намъ обѣдать и посовѣтовалъ отцу повести меня къ доктору.

Отецъ такъ и сдѣлалъ. Когда мы вошли въ этапную хату, я, увидѣвъ людей съ бритыми головами и услышавъ звонъ цѣпей, испугался и началъ плакать. Одинъ изъ арестантовъ, въ цѣпяхъ на рукахъ и на ногахъ, началъ меня осматривать и щупать, приговаривая каждый разъ: «чего боі, кохане дзецко»?.. Это былъ докторъ. Посовѣтовалъ онъ отцу не купать меня и не слушать совѣтовъ бабокъ, а заставлять каждый день бѣгать во дворѣ босымъ; какая бы ни была погода, хоть на одинъ часъ обязательно выпускать меня на дворъ и начать этотъ режимъ лучше всего съ мая мѣсяца. Отецъ поблагодарилъ его и хотѣлъ дать денегъ, но онъ отвелъ руки отца и сказалъ: «если будете такъ добры, пришлите мнѣ чаю, сахару и бѣлаго хлѣба»!.. Потомъ онъ спросилъ, неужели я его боюсь и, прижавъ меня къ своей груди, нѣсколько разъ поцѣловалъ въ голову; я слышалъ, какъ сильно въ его груди билось сердце, и мнѣ его стало очень жаль.

— Вѣроятно у пана остались дѣтки? спросилъ отецъ.

Докторъ, нѣжно отстранивъ меня, махнулъ рукою и отвернулся.

Съ этого времени отецъ каждое утро, когда бывалъ дома, заставлялъ меня бѣгать босымъ отъ крыльца нашего дома до мельницы, которая стояла на горѣ шаговъ за четыреста; я долженъ былъ добѣжать до нея, ударить рукою объ стѣнку, чтобъ

звукъ былъ слышенъ, и бѣжать назадъ, за что отецъ давалъ мнѣ копѣйку.

Однажды принесъ мнѣ отецъ съ поля двухъ слѣпыхъ лисичатъ. Я нашелъ въ селѣ кошку отъ котятъ, купивъ ее, кажется, за двѣ гривны; по совѣту людей вымазалъ лисичатъ сметаною и подпустилъ ихъ подъ кошку; кошка облизала сметану и приняла лисичатъ. Жили у меня лисичата въ комнатѣ. Выросли они, начали ловить во дворѣ птицу... Далъ мнѣ отецъ кремневое ружье, чтобы я изъ него стрѣлялъ сорокъ и воронъ, для корма лисицъ, но попадалъ я не часто, а лисицы съ каждымъ днемъ все больше вредили. Разъ онѣ такъ много передушили цыплятъ, что отецъ пригрозилъ ихъ застрѣлить. Взялъ я раненько своихъ питомцевъ и понесъ въ поле, занесъ такъ далеко, что отъ слободы только виднѣлись кое-гдѣ трубы хатъ и вершины деревьевъ. Сѣлъ я на траву и началъ прощаться, покрывая ихъ поцѣлуями и обливая слезами. Наконецъ, оттолкнувъ ихъ отъ себя, побѣжалъ домой, не оглядываясь. Добѣжавъ до мельницы, остановился, чтобы передохнуть; смотрю—лисицы около меня... За дворомъ было нѣсколько *горловыхъ* ямъ (въ нихъ на зиму ссыпали картофель); въ одну изъ этихъ ямъ опустили лисицъ и кормили ихъ до зимы... Я въ то самое время заболѣлъ корью и когда выздоровѣлъ, мнѣ сказали, что лисицъ кто-то укралъ.

Изъ Печеной повезъ меня отецъ въ Бобринецъ, куда мы пріѣхали передъ вечеромъ и остановились у его пріятеля, чиновника М. Г. Юзицы. Рано утромъ отецъ пошелъ за покупками въ лавки, а я вышелъ изъ дома и сѣлъ на солнышкѣ на завалинкѣ. Вдругъ подошла ко мнѣ какая-то дама и спросила: узналъ ли я ее? Я въ отвѣтъ отрицательно покачалъ головой.

— «На тебѣ гостинцевъ!» проговорила она, давая мнѣ, завернутыя въ бумагу, конфекты. Я очень люблю сладкое и принялъ ихъ съ большою благодарностью.

Дама усмѣхнулась и сказала:—«я—твоя мать».

Я сначала какъ будто не повѣрилъ и посматривалъ исподлобья; но когда она обняла меня и начала цѣловать, я вдругъ зарыдалъ и припалъ къ ней. Черезъ минуту она начала разспрашивать, съ кѣмъ я пріѣхалъ, откуда и на долго ли. Потомъ сказала, чтобы я шелъ съ нею; я не противорѣчилъ, побѣжалъ въ домъ, схватилъ картузъ и пошелъ, забывъ приказаніе отца, никуда безъ него не ходить. На мосту мы встрѣтились съ отцомъ; онъ поздоровался съ матерью и спросилъ, куда она меня ведетъ.

— А развѣ ему нельзя ко мнѣ пойти?—спросила мать.

— Почему нельзя? Пусть идетъ! Хочешь идти къ матери? спросилъ отецъ. Я отвѣтилъ, что хочу. Отецъ показалъ матери головою и пошелъ на свою квартиру. Когда мать привела меня въ свой домъ, я увидѣлъ тамъ массу дѣтей, больше дѣвочекъ; мать объяснила имъ, кто я, и они обступили меня, любопытно заглядывая въ глаза. Нѣкоторые заговорили со мною, но я не зналъ, что имъ отвѣчать: проживши больше трехъ мѣсяцевъ у бабки волошки, я какъ будто забылъ русскую рѣчь.

— А вотъ и твой братъ Володя!—сказала мать, подводя небольшого мальчика. Мы стояли одинъ противъ другого неподвижно.

— Ну поцѣлуйтесь же!.. сказала мать.

Мы прижались одинъ къ другому губами.

— Чего же вы оба молчите? Ну, не будь же такимъ волкомъ, проговорила мать, и посадивши меня на диванѣ около себя, велѣла одной дѣвочкѣ сыграть на фортепіано и спросила меня, давно ли я слышалъ фортепіано; я отвѣтилъ, что давно.

— А кто теперь у васъ играетъ на фортепіяно? спросила мать.

Я отвѣтилъ, что никто. Отецъ послѣ того, какъ мать насъ покинула, продалъ или подарилъ кому-то фортепіано.

Дѣвочка сыграла сначала что-то трудное и непонятное, а потомъ пѣсню «ихавъ казакъ за Дунай»... Я улыбнулся, мать это замѣтила и спросила, знаю ли я эту пѣсню.

— А конечно, знаю! отвѣтилъ я, ее часто папенька поетъ.

Скоро сѣли обѣдать; послѣ обѣда мать заставила своихъ учениковъ танцовать.

— А ты умѣешь танцовать? спросила она меня. Я отвѣтилъ, что не умѣю.

— Такъ мы тебя скоро научимъ. Она подозвала одну дѣвочку и сказала, чтобы выбирали себѣ пары и становились на кадриль.

— Вотъ съ этой дѣвочкой ты будешь танцовать, показывая на одну, проговорила мать и прибавила:

— Это Маня Шебанова.

Но я не хотѣлъ учиться танцамъ и сказалъ, что лучше я пойду къ отцу.

Мать сначала уговаривала меня, а потомъ стала уже сердиться. Маня тянула меня за руку, я упирался.

— Фу, какой мужикъ!—сказала мать. Потомъ крикнула:— Иди танцовать, и толкнула меня за плечо, забывши, что я гость.

— А если не хочешь, то иди къ отцу!

— Я и пойду, отвѣтилъ я, взялъ картузъ и дошелъ уже до порога, но, постоявши минуту, повернулся лицомъ къ матери и проговорилъ:—«ну, я буду»!..

Черезъ нѣсколько минутъ я сталъ смѣлѣе и съ охотою началъ учиться танцамъ.. Мать сама играла на фортепіано, а меня дѣвочки хватали за руки и крутили по комнатѣ; когда же дошло дѣло до мазурки, то я началъ бѣгать и скакать, какъ теленокъ или мышенокъ; мать долго сдерживалась, глядя на эту картину, а потомъ такъ начала хохотать, что перестала играть.

— Вотъ видишь, проговорила она, если каждый день такъ тебя погонять, то ты и научишься!..

Я не замѣтилъ, какъ и солнце зашло. Позвали насъ къ чаю, а потомъ мы стали играть въ фанты, въ краски, въ жмурки... Я у матери остался ночевать...

На другой день зашелъ за мною отецъ и повелъ къ бабушкѣ Д. Тутъ я впервые увидѣлъ бабушку и дядей, братьевъ матери. Старшій, Ѳедоръ, былъ душевно-больной, и когда отецъ сказалъ ему: «Ѳедя, это мой сынъ»! онъ захохоталъ, замахалъ руками и быстро вышелъ изъ комнаты; дядьки Алексѣй и Егоръ служили въ судѣ, а младшій, Николай, только окончилъ уѣздное училище и въ какой-то канцеляріи переписывалъ бумаги за полтора рубля въ мѣсяцъ. Тутъ же жила и тетка Елизавета съ своимъ мужемъ. Дѣда уже не было въ живыхъ.

Отецъ оставилъ меня на квартирѣ у бабушки, а на другой день повелъ къ смотрителю уѣзднаго училища С. Д. Телятникову, который, давъ мнѣ что-то прочитать, спросилъ: сколько будетъ пятью-пять и семью-восемь... Я зналъ хорошо таблицу умноженія и отвѣтилъ быстро. С. Д. сказалъ, что я принятъ въ приходской классъ и велѣлъ принесть метрику. На третій день отецъ уѣхалъ изъ Бобринца.

Бобринецъ—это заштатный городокъ, заскорузлый, заброшенный и дико-патріархальный. Потомъ буду подробно о немъ говорить.

Сначала я немного поскучалъ по отцѣ, а потомъ привыкъ къ дядькамъ. Они очень няньчились со мною, особенно Алексѣй; Николай имѣлъ голубей и подарилъ мнѣ пару вертуновъ. Мы съ нимъ гоняли ихъ каждое утро и послѣ обѣда. Я очень полюбилъ этотъ спортъ. У сосѣднихъ хлопцевъ тоже были голуби, и мы намѣревались переловить ихъ, какъ и они нашихъ, и придумывали для этого всякія хитрости и мошенничества.

Иногда удавалось *осадить* нѣсколько штукъ чужихъ и загнать въ голубятню, тогда брали выкупъ: гривенникъ или злотый за голубя, а то и больше, смотря по голубю: корпусной ли онъ, съ бѣлыми глазами, толстый ли клювъ и короткій, какъ волочитъ крылья, какъ держитъ хвостъ и сколько перьевъ въ хвостѣ. Обращалось вниманіе и на масть.

Разъ сосѣдній дворникъ протоіерея, отца Павла, Силка, поймалъ моего голубя, и я пошелъ его выкупать; но Силка, узнавши, что у Бизки (имя голубя) были голубенята, запросилъ за выкупъ четвертакъ. У меня не было такихъ денегъ. Сколько ни просилъ я взять злотый (15 коп.), но Силка смотрѣть на злотый не хотѣлъ. Я съ горя заплакалъ (я очень плаксивый былъ) и пошелъ домой. Это случилось въ воскресеніе, въ школу не надо было идти. Взобрался на голубятню и когда услышалъ, какъ жалобно голубка гудетъ, зоветъ голубя, а голубята голодные пищатъ, залился горькими слезами и началъ громко приговаривать: «Боже мой, Боже мой!.. Гдѣ мнѣ достать этотъ гривенникъ»? И не замѣтилъ, какъ около меня появился дядько Николай.

— Я бъ тебѣ и одолжилъ, да вотъ только-что былъ на базарѣ и на всѣ деньги купилъ рожковъ и инжиру. На и тебѣ! — сказалъ онъ и, вынувъ изъ кармана, подѣлился со мною. Я началъ ѣсть, глотая слезы.

Черезъ минуту дядько посовѣтовалъ мнѣ идти на улицу и поискать по дорогѣ; можетъ быть, кто потерялъ «злóтый» или «семигривенный», такъ какъ сегодня много людей ѣхало на базаръ.

— А вѣдь вчера Евдокія (наша кухарка) хвалилась, что нашла гривну, хотя и не базарный былъ день,—прибавилъ дядько.

Я выскочилъ изъ голубятни и пошелъ бродить по улицѣ и присматриваться. Долго бродилъ и, наконецъ, около шинка нашелъ «шагъ» (грошъ).

Вернувшись домой, я послѣ обѣда снова взлѣзъ на голубятню и, увидя, что у голубятъ пустые зоба, началъ кормить ихъ изъ рта; набивши имъ зобы, слѣзъ съ голубятни. До вечера еще покормилъ ихъ два раза. Утромъ я рѣшилъ, что одного голубеночка можетъ накормить голубка, а другого я возьму съ собою, захвачу проса въ карманъ и во время перемѣны покормлю его. Собравъ книжки и спрятавъ голубка за пазуху, пошелъ я въ школу.

Конечно, я похвалился кой-кому изъ товарищей, что у меня голубокъ за пазухою, а кой-кому изъ голубятниковъ и показалъ его. Голубятники оглядывали голубка, качали на рукѣ, чтобы

онъ показалъ корпусъ, считали перья въ хвостѣ, присматривались къ клюву, иные хвалили безусловно, другіе находили нѣкоторые недостатки.

Урокъ долго тянулся, голубокъ захотѣлъ ѣсть и началъ пищать. Учитель А. І. Евертъ услыхалъ и спросилъ: «Кто тамъ шалитъ?» Одинъ мальчикъ-наушникъ сейчасъ донесъ, что у меня голубокъ за пазухой. Евертъ позвалъ меня къ столу и велѣлъ вынуть голубка. Я не послушалъ его.

— Выйми!..—закричалъ онъ.

— А вы не отнимите?—спросилъ я.

— Выйми, говорю тебѣ!

Я вынулъ голубка и залился слезами.

— Зачѣмъ ты его принесъ съ собою?—спросилъ онъ, улыбаясь и глядя на голубка, который пищалъ, трепеталъ крылышками и тянулся къ моему рту.

(Долженъ еще обратить вниманіе на то, что мы въ школѣ разговаривали «*мішаниною*», то-есть мѣшали украинскія слова съ русскими и учителямъ это было все равно. Что же касается смотрителя Семена Даниловича, то онъ всегда разговаривалъ съ нами по-украински).

Я разсказалъ Еверту всю скорбную исторію. Видно, что мое чистосердечіе произвело на него хорошее впечатлѣніе.

— Выйди изъ класса, да покорми его—сказалъ онъ и крикнулъ школярамъ:—слѣдующій къ доскѣ!..

Надо сказать, что я учился хорошо, и Евертъ всегда благосклонно относился ко мнѣ.

Вернувшись изъ класса, спросилъ я дѣвочку, которая собирала щепки во дворѣ отца Павла, дома ли Силка? Она сказала, что поѣхалъ къ «*Крючковому*» колодцу за водой.

Я спросилъ, гонялъ ли Силка уже сегодня голубей, она отвѣтила, что не знаетъ.

— Хочешь, я тебѣ дамъ два рожка и два инжира, только отвори голубятню и вспугни голубей: я хочу посмотрѣть, правду ли говоритъ Силка, что у него есть голубка, которая поднимается вверхъ такъ высоко, что и не видно ея, а потомъ катится до самой земли.

— Боюсь,—возразила дѣвочка,—Силка меня побьетъ.

— Развѣ онъ узнаетъ, что это ты отворила?

— А ты же не скажешь ему?

— Ей-ей, нѣтъ!—отвѣтилъ я и даже три раза перекрестился.

— Давай же рожки и инжиръ!

— Рожки на, а инжиръ отдамъ тебѣ послѣ, когда вспугнешь голубей.

— Ну, хорошо!—сказала дѣвочка и быстро побѣжала къ голубятнѣ. Она вспугнула голубей, и тѣ начали подыматься кругами вверхъ. Я быстро отдалъ дѣвочкѣ инжиръ, а самъ побѣжалъ къ своей голубятнѣ и спугнулъ своихъ голубей, потомъ далъ *«пiтрусъку»* и сразу *осадилъ* трехъ силкиныхъ молодыхъ голубей. Въ этотъ моментъ Силка въѣхалъ во дворъ и, увидѣвъ, что я уже загоняю вѣхой голубей въ голубятню, догадался, въ чемъ дѣло и, покинувъ водовозку, началъ бросать комья земли въ мою голубятню; но въ этотъ моментъ на крыльцѣ появился отецъ Павелъ и крикнулъ, зачѣмъ онъ бросилъ лошадь съ бочкою посреди двора: лошадь направилась въ конюшню и зацѣпилась осью за косякъ дверей.

Вечеромъ Силка пришелъ выкупать пойманныхъ голубей; я потребовалъ вернуть Бизку и сорокъ копѣекъ доплаты; окончили торгъ дешевле.

Силка принесъ Бизку и деньги, а я ему отдалъ голубей. Только когда Силка ушелъ со двора, я замѣтилъ, что у Бизки подрѣзано одно крыло. Нечего дѣлать! Взлѣзъ я на голубятню и пустилъ Бизку. Какъ же обрадовалась голубка, увидѣвъ его. Сначала она начала кивать ему головкою, какъ будто привѣтствовала его поклонами, а потомъ нѣжно заворковала; Бизка тоже началъ ворковать, распустивъ крылья, и сѣлъ въ гнѣздо къ голубятамъ.

Когда къ обѣду пришелъ дядько Николай, я разсказалъ ему обо всемъ. Собрали мы съ нимъ на дворѣ голубиныхъ перьевъ и подшили ихъ къ подрѣзанному крылу Бизки; это помогло ему вылетать изъ голубятни внизъ и взлетать обратно. Со временемъ подрѣзаныя перья выпали, а вмѣсто нихъ выросли новыя.

Семья бабушки, какъ я раньше сказалъ, была очень музыкальная; всѣ дядьки, кромѣ старшаго Никиты, пасынка дѣда, котораго и дома не было, играли на разныхъ инструментахъ; не проходило вечера, чтобы въ нашемъ домѣ не звучала музыка и пѣнiе. Вечеромъ къ дядькамъ собирались товарищи, чаще въ воскресенiе, пѣли духовные концерты (всѣ дядьки были въ церковномъ хорѣ) и свѣтскiя пѣсни, только не украинскiя, а тѣ, которымъ научилъ ихъ отецъ: «Въ темномъ лѣсѣ», «Во лузяхъ», «Государь ты мой, Сидоръ Карповичъ» и т. д. Изъ украинскихъ только пѣли: «Ой, ходивъ чумакъ сiмъ лiтъ на Дону»... Потомъ

они переняли много украинскихъ пѣсенъ отъ меня. Иногда играли въ карты въ преферансъ, а иногда читали вслухъ Гоголя или «Энеиду» Котляревскаго. Нѣкоторые чиновники учились у дядьковъ играть на разныхъ инструментахъ. Въ Бобринцѣ тогда была одна церковь, а служило всегда, если не три, то два попа съ двумя дьяконами.

Бабушка, какъ и мать, держала небольшую школу и учила учениковъ молиться Богу, читать по церковно-славянски и порусски, писать и тремъ правиламъ ариѳметики; больше сама она не знала. Учила также танцовать: стрաцокъ, экосесъ, ножничи, жидівочку и кадриль. Уже, будучи въ 1-мъ классѣ, я помогалъ бабушкѣ учить ея учениковъ и дѣленію. Учились тогда, какъ въ уѣздномъ училищѣ, такъ и въ домашнихъ школахъ до обѣда и послѣ обѣда.

Дядьки, услышавъ мой голосъ, рѣшили, что я долженъ быть въ хорѣ. Повели меня на спѣвку; дьяконъ Любинскій сталъ пробовать мой голосъ, но я или отъ страха, или отъ конфузливости ни одной ноты не могъ взять, какъ слѣдуетъ; и онъ рѣшилъ, что у меня нѣтъ никакого слуха. Тогда дядько Алексѣй посовѣтовалъ, чтобы дьяконъ послушалъ, какъ я пою пѣсни. Я запѣлъ: «У полі могила з вітром говорила...»

— Да, у него здоровенный альтъ!—вскрикнулъ Любинскій.

Послѣ того я уже освоился, и дьяконъ *нашелъ* у меня слухъ.

Скоро я сдѣлался и солистомъ.

Проѣзжалъ какъ-то черезъ Бобринецъ архіерей и служилъ здѣсь обѣдню, пѣлъ нашъ хоръ, чередуясь съ архіерейскимъ. Протодіаконъ послѣ обѣдни сказалъ моимъ дядькамъ, что хорошо было бы отдать меня въ архіерейскій хоръ, изъ меня вышелъ бы чудесный *исполатчикъ*. Когда дядьки сказали объ этомъ бабушкѣ, она отъ радости перекрестилась; но сколько ни обдумывали съ матерью и дядьками, все же не рѣшились сдѣлать желаннаго шага безъ согласія моего отца.

Бабушка страшно любила поповъ, не разъ говорила, что очень была бы счастлива, если бы хотя одинъ ея сынъ выучился «на попа».

Въ свободное время всегда она или молилась, выстаивая по полдня на колѣняхъ, и ударяя поклоны. лѣтомъ въ садикѣ, а зимою въ своей комнатѣ, или читала громко святое письмо: «Четьи-минеі», «Апокалипсисъ», «Псалтирь» и т. д.

Почти каждый музыкальный или вокальный вечеръ кончался попойкою. Всѣ чиновники тогда пили, потому что водка доста-

валась даромъ: откупщикъ, купецъ Бродскій, всѣмъ имъ разсылалъ водку передъ Рождествомъ, Новымъ годомъ, Пасхой, Троицей и передъ именинами, — каждый чиновникъ получалъ столько, сколько ему слѣдовало по должности; даже сторожа при судѣ и слуги чиновниковъ бѣгали къ подвалу съ бутылками и получали мзду. И никто не смотрѣлъ на эти поборы, какъ на взяточничество. Дядькѣ Егору, когда онъ послѣ Еверта былъ учителемъ приходскаго класса, мѣщане изъ хуторовъ приносили: куръ, индюковъ, утокъ, гусей, смушки на шапку, живыхъ ягнятъ и поросятъ; онъ совсѣмъ не вымогалъ этого отъ своихъ учениковъ; но такой уже былъ заведенъ порядокъ отъ дѣдовъ-прадѣдовъ...

Молодые чиновники другихъ кружковъ въ свободные отъ службы часы сидѣли за поставцемъ въ трактирахъ, ренсковыхъ погребахъ, постоялыхъ дворахъ и въ шинкахъ; часто вступали они въ драку съ проѣзжими и извозчиками-троечниками, которые перевозили изъ Москвы и другихъ мѣстъ товаръ южнымъ купцамъ; нападали также на хуторянъ-мѣщанъ, пріѣзжавшихъ въ праздникъ въ городъ *погулять;* или же собирались толпой на площади, между присутственными мѣстами и кладбищемъ и здѣсь играли въ чехарду и въ мячъ: въ «гилку», «горю-дуба», «горобуя», въ «мету»; иногда боролись, или бились на кулачки, а когда смеркалось, расходились по пивнымъ, по билліарднымъ... Въ понедѣльникъ нѣкоторые приходили на службу съ подбитыми глазами и съ синяками, а другихъ находили ошалѣлыми во рвахъ и оврагахъ... И такъ проводили они каждое воскресеніе, каждый праздникъ...

Маркъ Кропивницкій.

(Окончаніе слѣдуетъ).



ПРОЕКТЪ НОВАГО УНИВЕРСИТЕТСКАГО УСТАВА.

Недавно выработанный проектъ университетскаго устава слѣдующими словами опредѣляетъ значеніе университета: «Университеты имѣютъ цѣлью содѣйствовать развитію наукъ и сообщать лицамъ[1]) высшее научное образованіе». Принципъ этотъ въ самомъ содержаніи устава, однако, не выдержанъ послѣдовательно. Кромѣ теоретической задачи, на университетъ (§§ 83 и 88) возлагается и задача практической подготовки преподавателей средне-учебныхъ заведеній.

По прежнимъ уставамъ, университетъ, имѣя только цѣли учебныя и учено-образовательныя, выпускалъ—историко-филологовъ, математиковъ, естественниковъ и юристовъ, т.-е. молодыхъ людей, имѣвшихъ теоретическую подготовку по извѣстному циклу наукъ, знакомыхъ съ ихъ основными методами изслѣдованія и, слѣдовательно, способныхъ самостоятельно работать въ научной области. Исключеніе составлялъ факультетъ медицинскій, выпускавшій не только лицъ, знакомыхъ съ теоретическими основами медицинскихъ наукъ, но и врачей-практиковъ.

Въ новомъ уставѣ эта практическая задача выпускать подготовленныхъ техниковъ распространяется на всѣ факультеты,

---

[1]) Здѣсь слово „лица" стоитъ вмѣсто прежняго—молодые люди. То же слово „лица" употреблено и въ § 122 (гл. V объ учащихся): „Въ студенты университета принимаются лица, имѣющія аттестаты мужскихъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія, или свидѣтельства о знаніи курса другихъ общеобразовательныхъ среднихъ учебныхъ заведеній". Неопредѣленное слово „лицо" употреблено здѣсь несомнѣнно для того, чтобы указать на возможность и лицамъ женскаго пола стать студентами университетовъ. При словѣ „лица" нѣтъ ограничительнаго „мужского пола".

кромѣ юридическаго (нѣтъ особыхъ курсовъ для подготовки судебныхъ дѣятелей) [1]).

Такой двойственный характеръ задачъ, предлагаемый теперь университету, мы считаемъ для него опаснымъ. Вся сила и значеніе университета всегда была и будетъ въ его научномъ и обще-образовательномъ характерѣ. Въ университетѣ излагаются основы наукъ и научныхъ методовъ изслѣдованія. Практическое приложеніе научныхъ основъ — дѣло спеціальныхъ высшихъ школъ. Поэтому, напр., профессора университетовъ рѣдко бываютъ хорошими преподавателями средне-учебныхъ заведеній [2]). Для подготовки послѣднихъ должны быть учреждаемы внѣ университетовъ особыя педагогическія учрежденія. Здѣсь теорія— тамъ техника. Соединеніе того и другого въ одномъ учрежденіи невозможно безъ ущерба для каждаго. Или техническая подготовка окажется фиктивной, или теоретическая подготовка пострадаетъ. Пусть университетъ остается университетомъ,—тѣмъ высокимъ учрежденіемъ, гдѣ разрабатывается наука, и гдѣ ея существенные теоретическіе выводы передаются слушателямъ.

Проектъ новаго университетскаго устава отличается отъ нынѣ дѣйствующаго устава (подправленнаго еще значительно циркулярами, разъясненіями, временными правилами и практикой въ духѣ негласныхъ приказовъ и намековъ): 1) возстановленіемъ университетской автономіи и выборнаго начала профессоровъ и преподавателей; 2) отмѣной гонорара; 3) укороченіемъ срока пребыванія студентовъ въ университетѣ; 4) упраздненіемъ государственныхъ экзаменовъ въ той формѣ, въ которой они производятся теперь.

Проектъ этотъ во многомъ возстанавливаетъ уставъ 63 года. Однако, не всѣ §§ новаго проекта отличаются достаточной ясностью; одни требуютъ измѣненій, другіе серьезной переработки, иначе примѣненіе устава натолкнется на очень существенныя затрудненія. Помимо разныхъ другихъ причинъ, въ текстѣ §§ проекта новаго устава замѣчается лишь внѣшнее зна-

---

[1]) Эту послѣднюю практическую задачу преслѣдуетъ (хотя, по завѣренію самихъ судебныхъ дѣятелей, далеко не удовлетворительно) институтъ кандидатовъ на судебныя должности. Эти кандидаты подвергаются особому (въ нѣкоторомъ родѣ государственному) экзамену въ самомъ судѣ. Къ сожалѣнію, экзамены эти часто бываютъ слишкомъ снисходительными. Отвѣты аспирантовъ на такихъ экзаменахъ бываютъ порою чисто анекдотическими (воровство—кража ночью, разбой—кража днемъ). Въ способы производства этихъ экзаменовъ слѣдовало бы внести больше порядка и строгости.

[2]) Исключая, конечно, тѣ случаи, когда они до полученія профессуръ преподавали въ такихъ заведеніяхъ.

комство съ уставомъ 63 г.; это и неудивительно—только лица, жившія подъ режимомъ этого устава, могутъ знать хорошо и его достоинства и его недостатки. Такъ какъ проектъ устава будетъ еще не разъ пересматриваться, дополняться и измѣняться, прежде чѣмъ выльется въ окончательную форму, до поступленія въ наши законодательныя учрежденія, гдѣ онъ, въ свою очередь, будетъ детально разбираться, то мы считаемъ нашимъ долгомъ дать здѣсь рядъ замѣчаній на проектъ, стараясь, по возможности, мотивировать вездѣ наше разногласіе съ отдѣльными §§ проекта.

Мы остановимся особенно подробно главнымъ образомъ на вопросахъ о положеніи профессуры по проекту и системѣ преподаванія въ университетѣ. Нѣкоторыхъ изъ входящихъ сюда вопросовъ мы уже отчасти касались въ сборникѣ статей подъ общимъ заглавіемъ: «Наше учебное дѣло» (глава: «Наши кураторы» и «Назначеніе или выборы»).

Кардинальный пунктъ въ вопросѣ о профессурѣ, конечно, способы обезпеченія университету пополненія профессорской коллегіи наиболѣе знающими и талантливыми профессорами. Такой составъ профессура можетъ получить только: 1) при введеніи выборнаго начала пополненія профессорской коллегіи и 2) при гласности всего дѣла о результатахъ выборовъ. Эта гласность есть вмѣстѣ и самооправданіе коллегіи, мотивировка конечнаго результата ея выборной дѣятельности и объективный матеріалъ для контроля научнаго міра надъ правильностью ученаго суда коллегіи.

Вопросъ о способахъ достиженія профессуры поднимался у насъ не разъ. Уставъ 63-го года зналъ три разряда университетскихъ преподавателей: приватъ-доцентовъ, доцентовъ и профессоровъ, экстраординарныхъ и ординарныхъ. Ученыхъ степеней по этому уставу было 3: кандидата, магистра и доктора.

Степень кандидата пріобрѣталась послѣ успѣшнаго экзамена и представленія кандидатской диссертаціи (менѣе успѣшно окончившіе университетъ получали званіе дѣйствительныхъ студентовъ). Диссертація эта публично не защищалась; о ней давалъ отзывъ профессоръ, по предмету котораго писалась диссертація.

Приватъ-доцентура достигалась (выдержаніемъ магистерскаго экзамена) защитой pro venia legendi и двумя пробными лекціями—одной по выбору аспиранта, другой—по назначенію факультета.

Доцентура достигалась магистерской степенью. Въ факультетѣ доценты были полноправными членами, но въ совѣтѣ не участвовали.

Званіе профессора давала только степень доктора.

При введеніи устава 63-го года была сдѣлана лишь одна уступка—профессора-магистры были оставлены въ своемъ званіи подъ условіемъ представленія диссертаціи на званіе доктора въ теченіе извѣстнаго срока. Во всякомъ случаѣ, они безъ докторской степени званія ординарнаго профессора получить не могли.

Впрочемъ, совѣты университетовъ могли лицамъ, извѣстнымъ своими научными знаніями, но мало писавшимъ, или почему-то медлившимъ съ представленіемъ докторскихъ диссертацій, давать званіе докторовъ [1]).

Въ уставѣ 84-го года находимъ такой же категорическій §, какъ и въ уставѣ 63-го года: «никто не можетъ быть профессоромъ, не имѣя степени доктора». И, однако, вотъ уже болѣе 30 лѣтъ, какъ мы имѣли и имѣемъ многіе десятки, скорѣе даже сотни, профессоровъ не только экстраординарныхъ, но и ординарныхъ, обладавшихъ и обладающихъ одною только ученой степенью (степень кандидата уставомъ 84-го года была упразд-

---

1) Такъ, напр., совѣтъ Московскаго университета преподнесъ званіе доктора honoris causa проф. Г. А. Иванову. Хорошій классикъ и преподаватель, Г. А. напечаталъ очень мало научныхъ трудовъ. Въ почетные доктора его представилъ alter ego М. Н. Каткова, проф. Леонтьевъ. На возраженіе членовъ совѣта—гдѣ же ученые труды Иванова, Л. отвѣтилъ— въ томъ-то и его заслуга, что онъ такъ мало напечаталъ. Онъ слишкомъ скроменъ, чтобы обнародовать свои научныя изслѣдованія. И Г. А. званіе доктора honoris causa получилъ.

Въ почетные доктора университета Св. Владиміра былъ предложенъ извѣстный профессоръ и редакторъ „Кіевлянина" В. Я. Шульгинъ. Извѣстенъ онъ былъ не столько своими научными трудами, сколько ораторскимъ талантомъ и публицистической дѣятельностью (началъ изданіе первой по времени газеты въ Юго-Западномъ краѣ). Однако, въ совѣтѣ предложеніе не прошло. Ш. обидѣлся и „по болѣзни" вышелъ въ отставку. Вскорѣ послѣ того онъ прочелъ въ Кіевѣ рядъ публичныхъ лекцій. Пріятели воспользовались этимъ случаемъ и снова подняли въ совѣтѣ дѣло о поднесеніи ему званія почетнаго доктора—разъ онъ читаетъ лекціи публичныя, значитъ, выздоровѣлъ. Предложеніе исходило отъ проф. акушера Матвѣева. По этому поводу проф. анатоміи Вальтеръ удачно сострилъ. Встрѣчаетъ онъ при выходѣ изъ засѣданія совѣта какого-то знакомаго, который спрашиваетъ: „Какія у васъ были сегодня дѣла въ совѣтѣ?" „Да вотъ,—отвѣчаетъ Вальтеръ,—происходили роды новаго доктора исторіи, а такъ какъ роды были трудные, то пригласили лучшаго въ городѣ акушера". Но Ш. въ университетъ не вернулся, и, говорятъ, даже возвратилъ поднесенный ему докторскій дипломъ.

Одинъ профессоръ, основательный знатокъ своего предмета, но не привыкшій писать, никакъ не могъ сбиться на докторскую диссертацію. Уставъ 63-го года засталъ его экстраординарнымъ профессоромъ. Чтобы получить ординатуру, ему необходима была степень доктора. Долго мучился бѣдный, но, наконецъ, ко всеобщему изумленію, началъ печатаніе докторской диссертаціи. Однако, его хватило только на первую главу. Ждали продолженія, и не могли дождаться. Тѣмъ не менѣе, коллеги приняли къ защитѣ и эту единственную главу такъ и не увидавшей свѣта диссертаціи. Впрочемъ, профессоръ этотъ пользовался репутаціей человѣка очень знающаго.

нена) магистра. Бывали случаи назначенія профессорами даже лицъ, не имѣвшихъ степени магистра [1]).

Изъ затрудненія вышли тѣмъ, что лицъ, неудовлетворявшихъ требованіямъ закона, т.-е. не имѣвшихъ докторской степени, назначали *исправляющими* должность профессоровъ. Эти и. д. имѣли, однако, одни и тѣ же права съ профессорами—были членами факультета и совѣта, получали чины и ордена, а при отставкѣ, или по выслугѣ 25 и 30 лѣтъ, получали пенсію по званію экстраординарныхъ и ординарныхъ профессоровъ, хотя *исправить* должности, получить на нее юридическія права, такъ-таки и не успѣвали.

Естественно, что при такихъ условіяхъ и. д. профессоровъ не было никакого смысла писать докторскія диссертаціи—никакой выгоды отъ этого они не имѣли, а свободное отъ научныхъ занятій время (докторская диссертація требуетъ не одного года серьезной научной работы) могли употреблять на лекціи въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, или какія-нибудь другія занятія, дополнявшія ихъ бюджетъ.

Министерство придумало званіе исправляющихъ должность подъ тѣмъ предлогомъ, что докторовъ весьма мало для занятія каѳедръ, и безъ такихъ и. д. онѣ будутъ пустовать.

Отчего же онѣ не пустовали раньше, когда для достиженія профессуры степень ученаго доктора была conditio sine qua non?

Уставъ 63-го года зналъ званіе доцента, и это званіе было гораздо болѣе надежнымъ разсадникомъ профессоровъ, чѣмъ званіе привагъ-доцента, на которое уставъ 84-го года возлагалъ такія надежды.

Доцентура (для которой требовалась обязательно степень ученая магистра) крѣпко связывала доцента съ университетомъ. Въ факультетѣ онъ былъ членомъ полноправнымъ и входилъ въ колею университетской жизни. Въ шестидесятыхъ годахъ доцентское содержаніе было хотя и не велико, но его хватало на скромную холостую жизнь. Доцентъ былъ на государственной службѣ, утверждался въ своей должности. Университетская жизнь настолько его втягивала въ себя, что онъ уже о другой карьерѣ—кромѣ университетской, и не думалъ, а въ послѣдней онъ могъ двинуться впередъ только путемъ пріобрѣтенія докторской степени.

[1]) Помню даже такой случай—факультетъ избралъ на каѳедру магистра и рѣшилъ пригласить въ помощь ему магистранта. Министерство *магистра* назначило приватъ-доцентомъ съ содержаніемъ, а *магистранта* и. д. экстр. профессора. Знаю факультеты, въ которыхъ половина профессоровъ не имѣютъ степени доктора.

Въ каждомъ факультетѣ по штату полагалось опредѣленное число доцентуръ, экстраординатуръ и ординатуръ. Когда освобождалась экстраординатура и ординатура, товарищеская этика требовала предложенія ея въ первую голову своему доценту. Поэтому случалось, что на освободившуюся каѳедру приглашали въ доценты доктора, такъ какъ экстраординатура придерживалась для доцента, готовившаго свою докторскую диссертацію.

Въ проектѣ новаго устава находимъ сокращеніе ученыхъ степеней съ трехъ на двѣ. Степень магистра предполагается упразднить, но возстанавливается степень кандидата и оставляется степень доктора.

Этотъ проектъ мы считаемъ неудовлетворительнымъ, и на слѣдующихъ основаніяхъ.

Въ проектѣ устава курсъ университетскій (за исключеніемъ факультета медицинскаго, на которомъ оставленъ прежній срокъ пятилѣтній) только трехлѣтній, вмѣсто четырехлѣтняго. Въ концѣ третьяго курса студенты держатъ экзамены на званіе дѣйствительнаго студента; выдержавъ его, они бифуркируются: желающіе готовиться къ научной карьерѣ остаются въ университетѣ еще на одинъ годъ, для слушанія дополнительныхъ курсовъ. По выслушаніи ихъ (повидимому, и по этимъ курсамъ производятся экзамены)[1]) такіе студенты представляютъ въ факультетъ *печатныя* работы, которыя и должны защитить въ закрытомъ засѣданіи факультета [2]). Послѣ успѣшной защиты диссертаціи, такіе студенты получаютъ званіе кандидата, дающее имъ право на соисканіе высшей ученой степени доктора и на занятіе должностей по учебной части въ университетѣ и въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (§ 89).

Званіе кандидата не даетъ аспиранту права не только на занятіе профессуры, но и права чтенія лекцій въ университетѣ въ званіи приватъ-доцента; доцентами и профессорами могутъ быть только лица, имѣющія степень доктора.

Чѣмъ же данный проектъ отличается отъ уставовъ 63 и 84 г.? Отмѣтимъ въ немъ прежде всего: *пониженіе* научнаго ценза степени доктора и какъ бы (фиктивное, какъ увидимъ) *повышеніе* научнаго ценза степени кандидата.

---

[1]) Въ § 83 объ экзаменахъ по окончаніи спеціальныхъ курсовъ ничего не говорится, но § 89 гласитъ: „степень кандидата присуждается факультетомъ на основаніи *испытаній* и защиты въ закрытомъ засѣданіи печатной научной работы".

[2]) Такой порядокъ существуетъ при защитѣ магистерскихъ диссертацій въ духовныхъ академіяхъ. Степень магистерская въ дух. академіяхъ соотвѣтствуетъ старой кандидатской степени университета.

Степень кандидата по уставу 63 г. не была въ дѣйствительности степенью научной. Кандидатомъ становился студентъ, успѣшно (по подсчету отмѣтокъ) выдержавшій общій университетскій (а не отдѣльный по научной спеціальности) экзаменъ и представившій кандидатскую работу, т.-е. обыкновенное студенческое сочиненіе по заданной профессоромъ, или по выбранной по соглашенію съ нимъ, темѣ. Для принятія ея достаточно было отмѣтки профессора—«удовлетворительно».

Для магистерства требовался экзаменъ по *спеціальности* и публичная защита диссертаціи; для докторства не требовалось новаго экзамена, а лишь публичная защита диссертаціи.

По новому уставу степень *доктора* въ дѣйствительности вовсе упраздняется, т. к. условія пріобрѣтенія докторства точь въ точь соотвѣтствуютъ условіямъ прежнимъ (и нынѣшнимъ) *магистерства.* Произошло только переименованіе—*магистры станутъ именоваться докторами, а магистерская степень замѣнится кандидатской.* Интересно что же будетъ теперь съ старыми магистрами? Вѣдь они исполнили всѣ формальности и всѣ научныя требованія, какія предъявляются теперь по прежнему и новому уставамъ лицамъ, желающимъ получить степень доктора. Такимъ образомъ, ихъ *придется переименовать въ доктора*; старые же доктора со вздохомъ могли бы сказать: oleum et operam perdidi. Кто же будетъ знать, что это *настоящее* докторство подъ старой бандеролью?

Степень кандидата по предъявляемымъ къ ней ученымъ требованіямъ нисколько не соотвѣтствуетъ степени старой—магистра. Аспирантъ на кандидатство слушаетъ въ теченіе года спеціальные курсы, но курсы университетскіе. Магистрантъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ готовится *самостоятельно* къ научному испытанію по своему спеціальному предмету и по смежнымъ научнымъ дисциплинамъ. На экзаменѣ онъ долженъ показать, что успѣлъ научно овладѣть своею спеціальностью, изучить научную литературу, источники, и умѣть критически разбираться и въ тѣхъ и въ другихъ. Магистерская диссертація самостоятельный научный трудъ. Кандидатская работа, на которую кандидатъ, за слушаніемъ лекцій и подготовкой къ экзаменамъ, можетъ удѣлять лишь немного времени, серьезными и научными качествами отличаться можетъ очень рѣдко. Она превратится въ скромную thèse, какую защищаютъ студенты въ французскихъ университетахъ (русская студентка, учащаяся медицинѣ въ Парижѣ, представила въ качествѣ такой thèse описаніе акушерской клиники въ Москвѣ, и очень обидѣлась на меня, когда

я усомнился въ научныхъ качествахъ такой работы). Весьма не практичнымъ является требованіе представленія *печатной* работы въ качествѣ кандидатской диссертаціи. Нашъ студентъ бѣденъ; откуда онъ достанетъ средства на печатаніе такой работы? Вѣдь она можетъ быть и обширныхъ размѣровъ, а возлагать на университетъ печатаніе такихъ работъ было бы крайне обременительно для университетскаго бюджета и мало полезно въ научномъ отношеніи. Вѣдь университетъ печатаетъ на свои средства диссертаціи профессоровъ, магистрантовъ (послѣдніе съ одобренія факультета), лучшія изъ премированныхъ студенческихъ работъ и другія студенческія научныя произведенія по рекомендаціи профессоровъ.—Университетъ, такимъ образомъ, отвѣчаетъ за научность печатаемыхъ имъ работъ, одобряя ихъ къ печатанію. Кандидатскія же работы могутъ быть одобрены только post factum, т.-е. послѣ ихъ отпечатанія и защиты. Правда, и напечатанныя на счетъ университетовъ ученыя работы не всегда принимаются къ защитѣ, но случаи непринятія къ защитѣ диссертацій магистерскихъ и докторскихъ не такъ ужъ часты. Наконецъ, нужно считаться и съ числомъ такихъ работъ. Можетъ ли профессоръ обильныхъ числомъ слушателей университетовъ одолѣть колоссальную работу разсмотрѣнія, отзывовъ и возраженій на диспутѣ нѣсколькихъ сотенъ диссертацій въ годъ? Вѣдь это не экзаменъ, на которомъ нѣкоторые профессора ухитряются въ теченіе дня проэкзаменовать сотню и болѣе студентовъ, удѣляя каждому экзаменующемуся 2—3 минуты вниманія. Дѣло, естественно, сведется къ простой формальности.

На Западѣ существуетъ одна только научная степень—доктора. Степень эта соотвѣтствуетъ проектируемой степени кандидатской (не скажу, возстанавливаемой бывшей по уставу 63 года, т. к. проектъ устава хочетъ, какъ мы видѣли, неудачно поднять научное значеніе степени кандидата). Тамъ аспирантъ держитъ университетскій экзаменъ (rigorosum) и защищаетъ небольшую диссертацію — печатную [1]). Степень эта даетъ доктору теоретическое право на занятіе каѳедры. Теоретическое потому, что оцѣнка кандидатовъ на каѳедру производится не на основаніи одной докторской диссертаціи

[1]) Западный студентъ богаче нашего; образованіе высшее стоитъ тамъ дороже нашего. Да и печатаніе крохотной работы обходится тамъ недорого. (Въ Эдинбургѣ плата за лекціи на медицин. ф-тѣ обходится чуть ли не въ тысячу рублей въ годъ—студентъ оплачиваетъ все, и препараты и лекціи, практическія занятія и даже покупаетъ трупы для анатомическихъ работъ). У насъ плата за лекціи сравнительно невысока (по уст. 63 г. 50 р., теперь вмѣстѣ съ гонораромъ профессорамъ, около 100 р. въ годъ, но и этой скромной платы многіе студенты вносить не въ состояніи.

(часто брошюрки въ нѣсколько страницъ), а на основаніи всей совокупности ихъ научныхъ трудовъ.

Условія западной жизни поставили очень высоко научный цензъ профессуры. Тамъ профессоръ дѣйствительно профессоръ, то-есть общепризнанный мастеръ своего дѣла. Насущнѣйшіе интересы университетовъ, какъ моральные, такъ и матеріальные, заставляютъ ихъ съ особымъ вниманіемъ относиться къ вопросу о составѣ профессуры. Университеты не жалѣютъ никакихъ жертвъ для привлеченія талантливыхъ профессоровъ, такъ какъ рядъ выдающихся профессоровъ обезпечиваетъ университету значительное стеченіе студентовъ. Пройти курсъ въ школѣ крупной извѣстности—это ужъ само по себѣ большой козырь для дальнѣйшей карьеры бывшаго студента; на немъ печать хорошей фирмы, и этой печати требуютъ потребители. Поэтому студенты и стараются имѣть на своемъ дипломѣ побольше такихъ клеймъ крупныхъ научныхъ фирмъ, иногда по нѣскольку разъ въ теченіе университетскаго курса мѣняя университетъ въ поискахъ за крупными авторитетами.

Профессура тамъ выборная, а потому профессорскія коллегіи, въ силу хорошихъ университетскихъ традицій, моральныхъ и матеріальныхъ интересовъ университета, при выборѣ новаго члена коллегіи руководствуются исключительно научными качествами кандидатовъ. Въ силу этихъ же моральныхъ и матеріальныхъ интересовъ, профессора стараются стоять на высотѣ предъявляемыхъ къ нимъ требованій. Получивъ профессуру, они не могутъ успокоиться на лаврахъ, а должны продолжать много и плодотворно работать, съ цѣлью поддержать ту ученую репутацію, которая доставила почетное званіе профессора. Научная дѣятельность ихъ находится подъ постояннымъ моральнымъ контролемъ не только ученаго міра, но и чуткаго въ данномъ отношеніи студенчества. На очень частыхъ на Западѣ научныхъ съѣздахъ, профессора не могутъ оставаться простыми слушателями. Отъ нихъ ждутъ выступленій съ важными въ научномъ отношеніи сообщеніями—такіе съѣзды настоящіе concours academiques, съ своими фаворитами и рекордами. Съ отдѣльными профессорами, перезываемыми изъ одного университета въ другой, и теперь, какъ встарь, заключаютъ особыя условія, какъ въ отношеніи вознагражденія, такъ и относительно предлагаемыхъ въ распоряженіе профессора научныхъ пособій.

Поэтому въ среднемъ — (не говорю о профессорахъ нѣкоторыхъ факультетовъ въ нашихъ столичныхъ университетахъ, загребающихъ банковскіе гонорары, при чемъ

они стараются сосредоточить чтенія свои на первыхъ, наиболѣе обильныхъ студентами курсахъ)—профессора западныхъ университетовъ матерьяльно обезпечены лучше нашихъ. Поэтому-то, и по моральнымъ, и по матерьяльнымъ основаніямъ, они не имѣютъ массы постороннихъ занятій, какъ наши, одной тетрадкой обслуживающіе по нѣсколько высшихъ учебныхъ заведеній [1]), занимая помимо того еще рядъ всевозможныхъ платныхъ должностей (до военныхъ корреспондентовъ включительно). О медикахъ не говорю—и на Западѣ профессора-медики усиленно занимаются практикой; но, утверждаютъ, практика имъ необходима, т. к. даетъ постоянно новые научные матерьялы: къ профессору-медику будто-бы обращаются, главнымъ образомъ, въ казусныхъ случаяхъ, такъ что черезъ ихъ именно руки проходятъ наиболѣе интересные и поучительные случаи болѣзней. Если они не всегда ихъ распознаютъ и вылѣчиваютъ, то вина не въ недостаткѣ проницательности и искусствѣ врачей-профессоровъ, а въ самихъ недугахъ, умѣющихъ такъ искусно прятать свои концы, что ихъ не найдетъ никакой медицинскій ШерлокъХольмсъ.

Въ силу всѣхъ этихъ причинъ, научная производительность западнаго профессора всегда значительна и находится въ постоянномъ возбужденіи—онъ не можетъ успокоиться на добытыхъ въ прошломъ лаврахъ, постоянно слѣдитъ за появленіемъ новыхъ данныхъ и теорій въ наукѣ, критически ихъ оцѣниваетъ, и самъ продолжаетъ обогащать науку новыми научными фактами и новыми ихъ разъясненіями.

Уставъ 84 г. страшно понизилъ и безъ того невысокую научную производительность нашей профессуры.

Въ прежнее время на магистерскіе и докторскіе труды у насъ существовала точка зрѣнія совершенно правильная—на первые смотрѣли, какъ на первый серьезный научный трудъ. Изъ него для посвященныхъ были ясны научныя качества будущаго ученаго; его трудолюбіе, научная жилка, способность къ научному критицизму, все это проявлялось, или не проявлялось, въ такомъ первомъ научномъ опытѣ. На основаніи его отъ аспиранта можно было или ждать новыхъ серьезныхъ научныхъ работъ, или махнуть на него рукою, какъ на научнаго дѣятеля.

Другое дѣло трудъ докторскій—къ нему предъявлялись другія, болѣе строгія, требованія. Онъ долженъ былъ быть трудомъ

---

[1]) Есть профессора, числомъ читаемыхъ лекцій побивающіе рекордъ преподавателя гимназіи, имѣющіе въ разныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ болѣе 30 часовъ лекцій—въ недѣлю. Это уже не профессора, а настоящіе граммофоны.

вполнѣ научно зрѣлымъ, серьезнымъ научнымъ плюсомъ, если не шедевромъ, то все же съ печатью мастера своего дѣла. Докторантъ зналъ хорошо о предъявляемыхъ къ его докторской диссертаціи требованіяхъ и тѣмъ болѣе тщательно обрабатывалъ свой трудъ. Научная этика рекомендовала защиту докторской диссертаціи въ чужомъ университетѣ, у признанныхъ научныхъ авторитетовъ—этимъ избѣгали упрека въ кумовствѣ, семейномъ дѣлѣ, товарищеской услугѣ. Магистерская же диссертація часто защищалась въ своемъ университетѣ—магистранты были по большей части воспитанники и профессорскіе стипендіаты своихъ университетовъ. Университетъ на такихъ диспутахъ убѣждался въ удачѣ своего выбора кандидата на профессуру, знакомился ближе съ его научнымъ цензомъ, учеными задатками аспиранта, его лекторскими способностями (рѣчь предъ диспутомъ). Отмѣтимъ еще, что университеты старались обыкновенно о пополненіи каѳедръ собственными воспитанниками—въ удачномъ подборѣ такихъ аспирантовъ научная гордость университета. Приглашеніе извнѣ происходило сравнительно рѣдко, когда не было на-лицо хорошаго мѣстнаго кандидата—послѣдняго зналъ университетъ, онъ самъ со своимъ университетомъ былъ связанъ родственной связью и ближе могъ знать его научныя нужды.

Какъ-никакъ, а все же профессоръ стараго времени оставлялъ по себѣ по крайней мѣрѣ двѣ научныя работы, требовавшія затратъ немалаго времени и труда.

Такъ какъ проектъ новаго устава возвращается опять къ прежней (уставъ 63 г.) выборной системѣ пополненія профессорской коллегіи, то я здѣсь не буду говорить о всемъ томъ вредѣ для научной дѣятельности университета, о всемъ томъ моральномъ развратѣ, который внесла въ университетскую среду система назначенія профессоровъ по уставу 84 г. [1]).

По новому проекту, весь цензъ молодого человѣка, стремящагося къ профессурѣ, сведется къ одной научной работѣ (о научномъ значеніи работы кандидатской, какъ мы видѣли, не можетъ быть и рѣчи).

За границей, при обиліи научныхъ силъ, есть изъ кого выбрать лицо, удовлетворяющее всѣмъ условіямъ дѣльнаго про-

---

[1]) Этого вопроса я касался въ моихъ статьяхъ, собранныхъ въ моей книгѣ: „Наше учебное дѣло".

фессора; у насъ научная карьера не такъ привлекательна и научныхъ силъ вообще немного.

Итакъ, какой же будетъ результатъ новаго порядка пополненія профессуры?

Окончившій кандидатомъ университетъ выдержитъ докторскій (т.-е. теперешній магистерскій) экзаменъ и станетъ докторомъ, (т.-е. по-теперешнему—магистромъ). По проекту онъ имѣетъ всѣ права на профессуру, т. к. и для профессуры требуется та же докторская степень. Онъ можетъ, однако, стать только приватъ-доцентомъ (тотчасъ же по полученіи степени доктора) или доцентомъ — или пробывъ на испытаніи два года въ званіи приватъ-доцента, или тотчасъ же, прочитавъ двѣ пробныхъ лекціи (одну для факультета, другую для студентовъ).

Въ отношеніи правъ своихъ званіе доцента имѣетъ только два ограниченія—доцентъ не членъ совѣта; доцентъ, имѣя рѣшающій голосъ въ дѣлахъ факультета, не участвуетъ только въ выборѣ доцентовъ и профессоровъ (но, повидимому, участвуютъ въ выборѣ приватъ-доцентовъ). Въ уставѣ 63 года было ясно, почему доценты не пользовались всѣми профессорскими правами (профессорскимъ жалованьемъ и правомъ участія въ совѣтѣ). Доцентъ былъ магистромъ, т.-е. не имѣлъ высшей ученой степени, необходимой для достиженія профессуры. Онъ находился въ періодѣ ученаго стажа, былъ старымъ адъюнктомъ [1]) (адъюнкты устава 35 года и были переименованы въ доценты уставомъ 63 года), помощникомъ профессора; на него (въ теоріи) возлагалось чтеніе курсовъ, дополнявшихъ общіе курсы профессоровъ. Исполнивъ всѣ ученыя формальности, получивъ степень доктора, доцентъ могъ претендовать на профессуру [2]).

Объяснительная записка слѣдующимъ образомъ мотивируетъ требованіе высшаго научнаго ценза (докторской степени) отъ всѣхъ безъ исключенія преподавателей университета: «Необходимость повысить научный цензъ приватъ-доцентовъ высказывалась и въ Государственной Думѣ, которая, при разработкѣ по

---

[1]) По уставу 1804 г. адъюнкты суть помощники профессоровъ, подъ руководствомъ коихъ стараются достигнуть большей степени совершенства и во всѣхъ практическихъ трудахъ профессоровъ обязаны имѣть участіе (§ 34). Адъюнктъ имѣетъ право участвовать въ общихъ собраніяхъ и подавать голосъ по учебнымъ предметамъ, но не имѣютъ участія въ выборахъ (§ 35). Въ случаѣ болѣзни профессора, или законнаго отсутствія, совѣтъ назначаетъ одного изъ адъюнктовъ для продолженія лекцій. По уст. 35 г. адъюнкты суть помощники профессоровъ, раздѣляющіе съ ними, по назначенію совѣта, преподаваніе и занимающіе за болѣзнью или отсутствіемъ профессоровъ, временно ихъ каѳедры.

[2]) По уст. 63 г. доценты по выслугѣ двухъ лѣтъ дѣлались полноправными членами факультета (съ правомъ рѣшающаго голоса).

собственной иниціативѣ законопроекта объ улучшеніи матеріальнаго положенія профессоровъ университетовъ, поставила условіе, по которому лица, выдержавшія испытаніе на степень магистра, но не получившія еще ученой степени, могутъ оставаться приватъ-доцентами не болѣе 5 лѣтъ. Однако, такое рѣшеніе нельзя признать удачнымъ: право преподаванія ввѣряется неопытному, научно недостаточно подготовленному лицу и отнимается отъ него въ тотъ моментъ, когда преподавательскій опытъ его увеличивается. Поэтому единственно правильнымъ рѣшеніемъ настоящаго вопроса и слѣдуетъ признать—требованіе высшаго научнаго ценза, какъ необходимаго условія для всякой преподавательской дѣятельности въ университетѣ».

Сопоставляя мысли объяснительной записки съ проектомъ устава, мы находимъ въ нихъ рядъ противорѣчій, а практика сдѣлаетъ эти противорѣчія еще болѣе рѣзкими.

Затрудняя доступъ къ приватъ-доцентурѣ, проектъ облегчаетъ значительно доступъ къ профессурѣ; повышая общенаучный цензъ преподавателей университета, проектъ понижаетъ научный цензъ профессуры.

Университетскіе курсы дѣлятся на общіе и частные: спеціальные, дополнительные. Въ доброе старое время, когда самостоятельная наука только нарождалась у насъ, когда переводили «Кандидовъ», «Милордовъ», а сочиненія ученыя и учебники были извѣстны только въ подлинникахъ, и то какимъ-нибудь десяткамъ спеціалистовъ, легко было прослыть ученымъ, излагая въ пересказѣ чужой учебникъ, благо онъ слушателямъ не могъ быть извѣстенъ. Профессора университета, впрочемъ, и не скрывали часто источника своихъ чтеній—издавая свои курсы «По Геррену», «Гердеру»,—частью переводъ, частью изложеніе чужого иностраннаго труда. Правда, по многимъ обстоятельствамъ (отсутствію хорошихъ библіотекъ, плачевному состоянію лабораторій, клиникъ, кабинетовъ, затруднительности заграничныхъ поѣздокъ, скудости профессорскаго содержанія, отсутствію хорошихъ помощниковъ, техниковъ и т. д.) они, даже при полномъ сознаніи необходимости самостоятельнаго изложенія курса, были не на высотѣ такого предпріятія. Еще хорошо, если они могли вѣрно и толково излагать иностранный учебникъ [1]).

---

[1]) Въ Кіевѣ лѣтъ пятьдесятъ—шестьдесятъ тому назадъ большой популярностью пользовался профессоръ Мерингъ. Хорошій по тому времени практическій врачъ, онъ, не имѣя никакихъ серьезныхъ научныхъ работъ, изъ домашняго врача малорусскаго помѣщика сталъ какимъ-то образомъ профессоромъ университета. Лекторомъ онъ былъ очень плохимъ, тѣмъ болѣе, что въ аккордъ со всѣми русскими нѣмцами плохо владѣлъ рус-

Въ настоящее время мы къ общимъ курсамъ предъявлаемъ бо́льшія требованія. Они по плану, методу, изложенію, должны быть самостоятельными, на высотѣ всѣхъ послѣднихъ выводовъ науки, объединены общимъ научно-философскимъ міровоззрѣніемъ автора. При наличности большого числа пособій, своихъ и переводныхъ, знанія иностранныхъ языковъ у отдѣльныхъ студентовъ, общихъ обзоровъ научныхъ теорій, дѣльный студентъ легко отличитъ въ курсѣ профессора самостоятельныя части отъ простыхъ переложеній, заимствованій, компиляцій. Но самостоятельный научный курсъ вырабатывается годами и большимъ непрерывнымъ трудомъ; только многолѣтняя лекторская практика даетъ возможность стройной архитектоники курса, умѣнію въ извѣстное ограниченное число часовъ вмѣстить весь курсъ, не расплываясь въ деталяхъ.

Конечно, всѣ мы docendo discimus, но едва-ли практично добывать такую опытность за счетъ слушателей. Студентъ долженъ учиться у мастера, вполнѣ овладѣвшаго своимъ, мастер-

---

скимъ языкомъ. Старые студенты еще недавно вспоминали его удивительныя русскія изреченія, въ родѣ слѣдующаго: „но эта теорія слишкомъ висительна и дубитативна", и произносилъ это почтенный профессоръ съ хитрой улыбкой, приводя такой русской фразой слушателей въ полное недоумѣніе. Однажды,—разсказывалъ мнѣ одинъ изъ старыхъ слушателей Мёринга,—мы вдругъ пришли въ изумленіе: Мерингъ сталъ неузнаваемъ. Его лекціи, пустыя и безсодержательныя, излагаемыя непонятнымъ жаргономъ, посѣщаемыя только изъ приличія, или чтобы подобрать образчики его русскаго говора, вдругъ преобразились, стали живыми, содержательными, даже философскими—излагались и критиковались разныя теоріи происхожденія болѣзненныхъ процессовъ, методовъ лѣченія, научныя основы діагностики и т. д. Хотя „русская" рѣчь профессора осталась тою же, но лекціи вызвали живой интересъ у слушателей. Секретъ этой метаморфозы мой пріятель открылъ впослѣдствіи, уже окончивъ университетъ. Въ русскомъ переводѣ вышелъ курсъ частной патологіи и терапіи Нимейера. Началъ молодой врачъ его читать—что-то знакомое, очень знакомое, не только по содержанію, но и по изложенію—ба—да это интересныя и самостоятельныя лекціи послѣдняго періода профессора Ф. Ф. Меринга. Какъ нѣмецъ, профессоръ въ подлинникѣ ознакомился съ курсомъ Нимейера и излагалъ его на своихъ лекціяхъ, не цитируя, конечно, слушателямъ источника своихъ лекцій.

Одинъ изъ профессоровъ русской исторіи (это было уже въ семидесятыхъ годахъ) большой поклонникъ С. М. Соловьева, безсчетное число разъ поминалъ его имя на каждой лекціи: „нашъ знаменитый историкъ С. М. Соловьевъ сказалъ". Въ числѣ слушателей его былъ одинъ, неизмѣнно приносившій на лекціи соотвѣтственный томъ Соловьева, по которому внимательно слѣдилъ за лекціею профессора, и отъ времени до времени, слышнымъ во всей аудиторіи шепотомъ, „про себя" замѣчалъ: „это нужно", „это не нужно" и соотвѣтственно тому то подчеркивалъ отдѣльныя мѣста, то перечеркивалъ рядъ страницъ. Шопотъ студента долеталъ до профессора, краснѣвшаго до корней волосъ, но безсильнаго остановить издѣвательство слушателя...

ствомъ, а не у подмастерья, которому еще предстоитъ стать мастеромъ; но и подмастерье [1]) ученику можетъ быть очень полезенъ, давая ему первоначальныя свѣдѣнія о мастерствѣ, или объ отдѣльныхъ его частяхъ, имъ самимъ спеціально изученныхъ.

Такимъ образомъ, курсы общіе крайне отвѣтственны и могутъ быть поручаемы только опытнымъ преподавателямъ. За границею, гдѣ должность профессора пожизненна, или (какъ въ Австріи) профессоръ до глубокой старости (до вступленія въ восьмой десятокъ) удерживаетъ за собой каѳедру, послѣдней достигаютъ аспиранты только почтеннаго возраста. Такой порядокъ имѣетъ и свои хорошія, и свои дурныя стороны. Какъ бы ни былъ талантливъ и знающъ молодой человѣкъ, посвятившій свою жизнь наукѣ, но ему необходимъ значительный опытъ для руководства научными занятіями студентовъ и для чтенія общаго отвѣтственнаго курса. Составлять каждую лекцію, имѣя на ея приготовленіе день, полтора (при шести-часовой нормѣ курсовъ, а нѣкоторые профессора читаютъ и болѣе шести часовъ въ недѣлю) совершенно немыслимо. Физически-то оно возможно, но такія на спѣхъ приготовленныя лекціи будутъ страдать массою недостатковъ— отсутствіемъ планомѣрности, какъ въ отношеніяхъ каждой отдѣльной лекціи къ цѣлому курсу, такъ и въ каждой отдѣльной лекціи, отдѣльныя детали которой не успѣютъ уложиться въ стройную систему. Хорошіе, обдуманные, стройные общіе курсы вырабатываются только на прочномъ основаніи отдѣльныхъ частныхъ курсовъ [2]).

---

1) Форма „подмастерье“ правильнѣе, чѣмъ подмастерій.

2) Я помню, какого труда мнѣ стоили лекціи моего перваго университетскаго курса, какъ я ими самъ былъ недоволенъ. По обстоятельствамъ мнѣ пришлось, хотя и приватъ-доценту, читать, небольшой, правда (2 часа въ недѣлю), но обязательный общій курсъ по предмету въ значительной части для меня новому. Я, во-первыхъ, дописывалъ мои лекціи чуть не на ходу въ университетъ, а, во-вторыхъ, какъ то невольно первое время, ко вреду систематичности курса, останавливался подробнѣе на отдѣлахъ, мнѣ, по моимъ спеціальнымъ занятіямъ, болѣе близко извѣстныхъ. Въ числѣ лекцій (не стыжусь въ этомъ признаться—это участь каждаго начинающаго университетскаго преподавателя) были и простые конспекты нѣсколькихъ чужихъ работъ, были лекціи и болѣе самостоятельныя, были и чтенія результатовъ моихъ самостоятельныхъ личныхъ изслѣдованій, и болѣе или менѣе приличный курсъ получился только по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, когда, облегченный готовой основой—старыми писанными лекціями, я могъ передѣлывать, дополнять, исправлять мои старыя лекціи. Положеніе мое было еще тѣмъ затруднительнѣе, что мнѣ приходилось читать курсъ, по которому въ литературѣ не было общаго пособія, и студентамъ не по чему было готовиться къ экзамену. Печатать, литографировать или ремингтонить мои лекціи—я, въ виду ихъ незрѣлости, не рѣшался. Вышелъ я изъ затрудненія тѣмъ, что заставилъ самихъ студентовъ составлять лекціи, распредѣливъ между многими отдѣльныя пособія, которымъ они составляли конспекты, и потомъ на свой страхъ отпечатывали на машинѣ.

Обиліе студентовъ на нѣкоторыхъ факультетахъ привело къ тому, что печатаніе профессорскихъ курсовъ стало предпріятіемъ весьма выгоднымъ; и вотъ теперь по нѣкоторымъ отдѣльнымъ предметамъ мы имѣемъ иногда столько печатныхъ курсовъ, сколько у насъ соотвѣтственныхъ факультетовъ [1]). Прочитавъ два-три года общій курсъ, профессоръ печатаетъ его для своихъ слушателей (если ихъ нѣсколько тысячъ, доходъ отъ книги хорошій приварокъ къ солидному гонорару). Такіе курсы, разумѣется, имѣютъ распространеніе исключительно среди студентовъ даннаго университета, обязанныхъ готовиться по этому курсу къ экзаменамъ [2]).

Нѣкоторые профессора на такихъ учебникахъ стыдливо пишутъ: «составленъ по лекціямъ профессора NN.». Этимъ съ профессора слагается отвѣтственность за содержаніе курса. Всѣ мы вѣдь знаемъ, какъ записываютъ наши лекціи студенты-неофиты.

Печатаніе такихъ курсовъ, мало продуманныхъ и неразработанныхъ, полезное для кармана, но иногда вредное для репутаціи профессора (впрочемъ, уставъ 84 г. пріучилъ профессоровъ больше заботиться о первомъ, чѣмъ о второмъ), имѣетъ для студентовъ и другой вредъ особенно на факультетахъ: гдѣ почти совершенно отсутствуютъ практическія занятія, разъ существуетъ печатный курсъ профессора, исключительно по которому нужно готовиться къ экзамену, какой смыслъ посѣщать лекціи профессора, читающаго (хотя бы и наизусть, если у него хорошая память) свой собственный печатный курсъ?

Небольшіе (1—2 часа въ недѣлю) курсы даютъ начинающему ученому лекторскій опытъ, молодые преподаватели избираютъ обыкновенно (и это весьма для нихъ полезно) для своихъ чтеній вопросы, тѣсно связанные съ предметами ихъ спеціальныхъ ученыхъ работъ (диссертацій), необходимость излагать собранныя ими научныя данныя и добытые научные выводы

[1]) Иногда и вдвое больше—если предметъ читается нѣсколькими профессорами.

[2]) Одинъ, теперь уже покойный, профессоръ, экзаменуя студента, слышитъ отвѣтъ, хотя и вполнѣ удовлетворительный, но изложенный иначе, чѣмъ въ его печатномъ курсѣ. „По чему вы готовились“, спрашиваетъ студента профессоръ.—„По курсу NN.“—„А вы должны готовиться по курсу заслуженнаго ординарнаго профессора имя рекъ (свое)“. И студентъ долженъ былъ уйти, чтобы подготовиться по курсу экзаменатора. Профессоръ—авторъ учебника, назначенный предсѣдателемъ одной изъ государственныхъ комиссій, назначилъ самъ себя экзаменаторомъ по своему предмету, дабы заставить студентовъ готовиться по изданному имъ учебнику, и вернулся тѣмъ не менѣе въ родной университетъ экзаменовать своихъ студентовъ, дабы не потерять гонорара за экзамены своего курса.

пріучаетъ ихъ къ ясности мысли и ясности передачи ихъ; въ изложеніи такихъ частныхъ вопросовъ начинающіе ученые могутъ стоять, благодаря спеціальнымъ занятіямъ въ опредѣленной, сравнительно узкой, области (темы курсовъ, конечно, должны быть шире вопроса самихъ диссертацій—частнаго изслѣдованія, одного изъ пунктовъ въ области научнаго вопроса) на достодолжной научной высотѣ.

По проекту устава, одной ученой работы и двухлѣтняго чтенія небольшого частнаго курса достаточно для полученія званія профессора. Но изъ всего вышесказаннаго мы приходимъ къ заключенію, что этихъ данныхъ недостаточно для той отвѣтственной задачи, которая возлагается на профессора, и цѣль устава—поднятіе научнаго ценза преподавательскихъ силъ университета, проектомъ не достигается. Павшій значительно научный цензъ профессуры, благодаря уставу 84 г. съ его дополненіями—не только не повысится, но токмо понизится еще больше.

Уставъ 84 г. возлагалъ большія надежды на приватъ-доцентуру. Ее считали Броунъ-Секаромъ Academicum, способнымъ оживить инертную ткань академической корпораціи. Приватъ-доценты не профессорскіе адъюнкты, младшіе преподаватели, apprentis, аспиранты, помощники профессоровъ, работающіе подъ ихъ ферулою, постепенно зрѣющіе въ профессора; это тѣ же профессора, только свободные, почти независимые, не зараженные рутиною конкурренты штатной профессуры. Приватъ-доцентъ можетъ открыть курсъ, параллельный курсу профессора; онъ можетъ, обладая талантомъ, знаніями и лекторскими способностями, превратить профессора въ казенный манекенъ, чиновника въ мундирѣ, единственною обязанностью котораго будетъ получать жалованіе въ двадцатое число; профессоръ можетъ остаться безъ слушателей, перекочевавшихъ въ аудиторію его талантливаго соперника... можетъ остаться и безъ гонорара, цѣликомъ перекочевавшаго въ карманъ талантливаго конкуррента, professeur libre de l'Ecole d'Etat.

Пародируя старое «cujus regio, ejus religio», уставъ, дабы лишить профессора возможности иными, кромѣ силы знанія, таланта и лекторскихъ дарованій, способами, заманить студента въ свою аудиторію, установилъ и свободный экзаменъ студента—послѣдній отдаетъ отчетъ въ своихъ знаніяхъ тому, у кого онъ слушаетъ предметъ, будь то профессоръ или приватъ-доцентъ, и факультетъ этотъ экзаменъ студенту зачитываетъ. Настоящія «Concours hippiques» таланта и знаній: славы и пекуній достигаетъ «фаворитъ». Профессоръ долженъ вѣчно подтягиваться,

быть на чеку, напрягать всѣ силы, чтобы одолѣть приватъ-доцента и получить Grand Prix—гонораръ.

Но уставъ не былъ безчеловѣченъ: выдвигая приватъ-доцентуру, талантливую, но не обезпеченную молодежь, онъ протягивалъ вмѣстѣ съ тѣмъ руку спасенія «выдыхающемуся» въ непосильномъ бѣгѣ старому профессору. Уставъ ему оставилъ государственный экзаменъ, и профессоръ сумѣлъ использовать этотъ экзаменъ въ борьбѣ съ опаснымъ конкуррентомъ. Онъ успѣлъ разными путями удержать его за собою и этимъ спасъ и свою лекторскую честь... и свой гонораръ. Хотя испытательныя комиссіи, для престижа полной самостоятельности, имѣли программы для всѣхъ предметовъ экзамена (настолько обширныя, что на многіе вопросы ихъ едва-ли удовлетворительно могли бы отвѣтить и сами экзаменаторы), но профессора, естественно, предлагали своимъ студентамъ вопросы изъ своего курса — студенты экзаменовались не столько по предмету вообще, сколько по курсу, прочитанному профессоромъ. Отсюда понятно, что студентамъ необходимо было знать не предметъ вообще, а опредѣленный курсъ; вотъ почему запись на лекціи параллельныхъ курсовъ приватъ-доцентовъ скоро прекратилась, аудиторіи нѣкоторыхъ по-прежнему бывали полны народа, но гонораръ перешелъ цѣликомъ къ профессорамъ (къ стыду нѣкоторыхъ профессоровъ нужно прибавить, что между ними были предлагавшіе студенту вопросъ: «а вы записаны на мои лекціи»?.. и студентъ зналъ значеніе такой фразы) [1]).

Законъ не дѣлалъ никакой градаціи въ средѣ приватъ-доцентовъ, хотя они составляли далеко не однородную массу— среди нихъ были юнцы, вчера сидѣвшіе на студенческой скамьѣ; выдержавъ магистерскій экзаменъ и прочитавъ двѣ пробныя лекціи, молодой человѣкъ, не имѣвшій никакихъ ученыхъ трудовъ и лекторской опытности, пріобрѣталъ право читать какой угодно курсъ въ университетѣ [2]). Но въ числѣ приватъ-доцен-

---

[1]) Приватъ-доцентъ, не читавшій безъ уважительныхъ причинъ годъ, лишался права чтенія. При мнѣ въ Москвѣ былъ случай, когда факультетъ рѣшилъ было лишить приватъ-доцента права чтенія „за отсутствіемъ у него слушателей". Между тѣмъ на лекціяхъ его бывало столько народа, что ему приходилось читать не въ аудиторіи, а въ актовомъ залѣ. И изъ нѣсколькихъ сотъ слушателей ни одинъ не записался на его лекціи, такъ что формально факультетъ былъ правъ — юридическаго доказательства записей у приватъ-доцента не было.

[2]) Бывали случаи прямо невѣроятные — приватъ-доцентъ читалъ общій курсъ, а профессоръ краткій, спеціальный. Это дѣлалось для того, чтобы доставить профессору возможность дѣлать научныя изслѣдованія за границей. И это продолжалось не годъ, не два, а все время службы получавшаго жалованье за 2—3 мѣсяца чтеній.

товъ были и магистры и даже доктора (обыкновенные и почетные) извѣстные въ наукѣ своими трудами, зрѣлые ученые, превосходные лектора.

Факультетъ имѣлъ право поручать приватъ-доценту обязательные курсы, за которые ему, кромѣ гонорара, уплачивалось изъ суммъ министерства опредѣленное (не болѣе, однако, половины жалованья экстраординарнаго профессора) вознагражденіе. Такое порученіе являлось иногда совершенно необходимымъ, въ виду невозможности найти профессора для даннаго предмета. При этомъ бывали нерѣдко случаи такихъ порученій молодымъ людямъ, только-что выдержавшимъ магистерскій экзаменъ (а порою и безъ такого экзамена — такой привилегіей пользовались лица, прошедшія ученическіе курсы въ Лейпцигской и Берлинской семинаріяхъ). За отсутствіемъ профессоровъ, эти приватъ-доценты экзаменовали не только на полукурсовыхъ и курсовыхъ экзаменахъ, но и въ государственныхъ испытательныхъ коммисіяхъ. Этого рода приватъ-доценты, такимъ образомъ, имѣли всѣ профессорскія обязанности, не имѣя никакихъ правъ на профессуру; а между тѣмъ законъ (уставъ) начинаетъ главу объ учащихъ категорическимъ заявленіемъ: «никто не можетъ быть профессоромъ, не имѣя степени доктора одного изъ Россійскихъ университетовъ». Правда, приватъ-доценты не были членами факультета и совѣта, но имъ давалось зато опредѣленное (иногда съ особаго разрѣшенія министерства—разумѣется, семинаристамъ—равное профессорскому) содержаніе, а гонорары ихъ на многолюдныхъ факультетахъ въ нѣсколько разъ превышали казенное содержаніе ординарнаго профессора. И такіе профессора-не-профессора пользовались подобными привилегіями вопреки закону (но согласно циркулярамъ, стоявшимъ выше закона) десятки лѣтъ.

Спрашивается, отчего же каѳедры оставались незамѣщенными? Не было развѣ способныхъ молодыхъ людей, рѣшившихъ посвятить себя ученой карьерѣ?

Были, конечно, но: 1) профессора были не выборные, а назначались министерствомъ, и послѣднему не было никакихъ основаній нарушать интересы семинаристовъ, своихъ людей. Мало того, если на каѳедру (по ходатайству вліятельныхъ лицъ, бабушекъ, тетушекъ) и назначались профессора, семинаристы продолжали оставаться въ прежнемъ привилегированномъ положеніи—преподаваніе дѣлилось между профессоромъ и приватъ-доцентомъ (правда, увы, и гонораръ...). 2) Профессора, изъ гонорарныхъ соображеній читавшіе по 2, 3 и даже 4 пред-

мета разомъ, имѣя руку въ министерствѣ и вліяніе въ факультетѣ (въ которомъ назначенный деканъ стремился играть не прежнюю роль primus'a inter pares, а роль начальства, и могъ любое факультетское постановленіе держать подъ сукномъ, или послать въ министерство со своимъ отрицательнымъ заключеніемъ), могли разными способами на рядъ лѣтъ задержать назначеніе профессора—преподаваніе формально обезпечено, а форма въ эпоху дѣйствія устава 84 г. была главное. (Въ однѣхъ рукахъ сосредоточивалось чтеніе двухъ-трехъ предметовъ, не имѣвшихъ ничего общаго между собою—международнаго права и философіи права, права полицейскаго и каноническаго).

По уставу 63-го г. и 84-го г. (въ послѣднемъ,—правда,—только въ тѣхъ случаяхъ, когда право выбора бывало въ отдѣльныхъ случаяхъ предоставляемо университетамъ) выборы профессоровъ были двустепенные—въ факультетѣ и совѣтѣ.

Порядокъ выборовъ по уставу 63-го г.—рекомендація членовъ факультета, баллотировка въ факультетѣ и повторная баллотировка всѣхъ кандидатовъ въ совѣтѣ. Если никто изъ кандидатовъ избранъ совѣтомъ не будетъ, то факультетомъ объявляется конкурсъ на каѳедру. Министерское назначеніе поступаетъ только тогда, когда вакантная каѳедра не будетъ замѣщена въ теченіе года (§§ 70—72).

По уставу 84-го г. министръ или самъ назначаетъ профессора на вакантную каѳедру, или предоставляетъ университету избрать кандидата на вакантную должность. Въ такомъ случаѣ факультетъ объявляетъ на нее конкурсъ, при чемъ и члены факультета могутъ предлагать кандидатовъ на каѳедру. Срокъ конкурса трехмѣсячный. Кандидаты подвергаются баллотировкѣ въ факультетѣ; кандидатомъ факультета считается получившій наибольшее число голосовъ. Вторичная баллотировка (сначала кандидата факультета, а въ случаѣ его неизбранія, всѣхъ кандидатовъ) происходитъ въ совѣтѣ (§§ 100—102).

По проекту графа И. И. Толстого, кандидаты на каѳедру (проектъ признаетъ по выбору факультета два способа замѣщенія каѳедры—рекомендацію и конкурсъ) баллотируются только въ факультетѣ. Министръ можетъ утвердить одного изъ избранныхъ (большинствомъ голосовъ) кандидатовъ, въ противномъ случаѣ дѣло возвращается въ факультетъ для новаго производства. Министръ можетъ назначить профессора только въ томъ случаѣ, если каѳедра не будетъ замѣщена въ теченіе года (§§ 147—151).

Нынѣшній проектъ, вмѣсто двустепенныхъ, вводитъ выборы одностепенные—только въ факультетѣ (§§ 104—105). Объясни-

тельная записка такимъ образомъ мотивируетъ эту реформу[1]): «Избраніе профессоровъ и доцентовъ въ факультетѣ безъ послѣдующаго избранія ихъ въ совѣтѣ является прямымъ послѣдствіемъ строго проведеннаго академическаго начала; не подлежитъ сомнѣнію, что наиболѣе компетентнымъ изъ всѣхъ университетскихъ коллегій въ сужденіи о научныхъ достоинствахъ аспиранта на каѳедру является факультетское собраніе, а наиболѣе цѣнное достоинство въ профессорѣ представляетъ степень его научной подготовки. Подвергая вторичной баллотировкѣ кандидата, одобреннаго факультетомъ, совѣтъ едва-ли можетъ располагать большими, чѣмъ факультетъ данными и средствами для оцѣнки его академическихъ достоинствъ. Поэтому обычно совѣтъ только санкціонируетъ мнѣніе факультета, и, слѣдовательно, не внося ничего новаго, только осложняетъ и замедляетъ процедуру выбора, въ тѣхъ же случаяхъ, когда эти мнѣнія расходятся, центральная власть, утверждающая выборы, ставится въ крайне трудное положеніе, такъ какъ, соглашаясь съ мнѣніемъ совѣта, она тѣмъ самымъ оказываетъ недовѣріе факультету».

Проектъ считаетъ нововведеніемъ оповѣщеніе представителей каѳедры всѣхъ университетовъ объ открытіи вакансіи на профессуру съ правомъ рекомендовать данному факультету своего кандидата. Но это не нововведеніе. Такое обращеніе, личное отъ профессоровъ однихъ университетовъ къ другимъ, и даже полуоффиціальное—запросъ декана отъ имени факультета—практикуется теперь, практиковался и всегда. При отсутствіи спеціалиста, рекомендацію (по уставу 63-го г.) кандидата поддерживали письменными отзывами извѣстныхъ спеціалистовъ. Разница только въ томъ, что теперь предполагается оповѣщеніе *всѣхъ* представителей каѳедры [2]).

Мѣра эта будетъ полезна только въ томъ случаѣ, если представители каѳедръ будутъ подробнѣе мотивировать отзывы о своихъ кандидатахъ (въ настоящее время часто ограничиваются общими отзывами: «возьмите N. N., это способный молодой человѣкъ»).

Совѣтъ, конечно, инстанція менѣе компетентная, чѣмъ факультетъ въ выборѣ профессора. Однако, такъ какъ совѣтъ объединяетъ профессоровъ всѣхъ факультетовъ, то въ смежныхъ факультетахъ всегда окажутся лица, компетентныя для оцѣнки

---

1) За нее очень стоялъ и покойный А. Н. Шварцъ.

2) Давно уже былъ проектъ, технически неосуществимый, предоставлять выборъ профессоровъ представителямъ каѳедры во всѣхъ университетахъ. Такая коллегія, конечно, могла бы рѣшать вопросъ о кандидатахъ наиболѣе объективно, безъ партійныхъ и мѣстныхъ соображеній, но какъ собрать воедино этихъ представителей каѳедры?

научныхъ достоинствъ кандидатовъ факультета (юристы и историко-филологи, естественники и медики). Ограничить выборы одними только факультетами возможно, поэтому, лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) Выборы должны отличаться наивозможнѣйшею гласностью, т.-е. вся процедура ихъ, главнымъ образомъ, разнообразная оцѣнка кандидатовъ, должна быть извѣстна ученому міру путемъ печатанія всѣхъ отзывовъ о кандидатахъ на каѳедру. 2) Въ этомъ dossier могутъ быть отпечатаны отзывы не только представителей каѳедры во всѣхъ университетахъ, но и отзывы извѣстныхъ спеціалистовъ не-профессоровъ (а, стало быть, такіе не-университетскіе спеціалисты, извѣстные ученые, могутъ также получать запросъ факультета относительно ученыхъ достоинствъ кандидатовъ). 3) Каждый членъ совѣта даннаго университета имѣетъ право прислать въ факультетъ свой мотивированный отзывъ о кандидатахъ на каѳедру. 4) Все это dossier должно быть отпечатано и извѣстно ученому міру до выборовъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы компетентныя лица имѣли время обсудить содержаніе всѣхъ отзывовъ. Это dossier будетъ pièce justificative ученой коллегіи въ глазахъ всего ученаго міра.

Объяснительная записка считаетъ недостаткомъ нашего законодательства въ отношеніи уклада жизни нашихъ университетовъ взглядъ на университетское образованіе съ точки зрѣнія подготовки будущихъ дѣятелей на разныхъ поприщахъ. По мнѣнію записки, «подготовка студентовъ университетовъ къ государственной и общественной дѣятельности должна явиться слѣдствіемъ, а не цѣлью университетскаго образованія, которое должно быть построено на академическихъ началахъ».

Однако, проектъ, раздѣляя университетскіе курсы на общіе и спеціальные, изъ которыхъ вторые даютъ право занятіе мѣста преподавателей въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, впадаетъ въ противорѣчіе съ провозглашаемымъ имъ лозунгомъ— чистой академичности университетскаго образованія. Университетскій дипломъ самъ по себѣ не даетъ служебныхъ правъ и преимуществъ. Но, не прошедшему четвертаго спеціальнаго курса студенту закрыта дорога въ преподаватели высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній; а спеціальные курсы читаются въ университетѣ. Значитъ, при соблюденіи извѣстныхъ условій (четвертаго курса и экзамена) университетскій дипломъ даетъ служебныя преимущества, по крайной мѣрѣ, въ одномъ родѣ дѣятельности. То же самое, конечно, и относительно диплома на

званіе врача—не получившій такого диплома, конечно, не можетъ получить должности, въ которой требуются врачебныя знанія. Сомнѣваюсь, чтобы кандидатомъ на судебныя должности приняли въ судъ математика или филолога. Государственный экзаменъ новымъ уставомъ, повидимому, упраздняется; по крайней мѣрѣ, о немъ въ проектѣ ничего не говорится. При такихъ условіяхъ университетъ по-старому будетъ подготовлять изъ студентовъ будущихъ профессоровъ, учителей, врачей и судей, т.-е. готовить ихъ къ государственной и общественной дѣятельности.

Но разъ для поступленія на службу вообще (кромѣ трехъ указанныхъ случаевъ) дипломъ университетскій не обязателенъ (онъ-то по закону не обязателенъ, но вѣдомства до сихъ поръ вообще старались пополняться лицами, имѣющими хотя формальное доказательство прохожденія высшаго курса наукъ, то-есть старались пополнять кадры чиновниковъ лицами образованными), то этимъ мы значительно понизимъ образовательный цензъ нашего чиновничества.

Да, наконецъ, дипломъ даетъ служебныя права только поступленіемъ на службу. Дипломъ правъ не даетъ, а только облегчаетъ ихъ полученіе. Разница съ существующимъ порядкомъ только одна (правда, морально очень существенная): отъ системы недовѣрія и (часто унизительнаго) контроля мы теперь перейдемъ къ системѣ довѣрія въ компетенцію и добросовѣстность дѣятельности университета. Государственный экзаменъ имѣлъ у насъ всегда иной характеръ, чѣмъ на Западѣ— тамъ это спеціальное испытаніе служебной годности, у насъ чисто университетскій экзаменъ (научный) хотѣли поставить подъ контроль чиновниковъ.

Въ заключеніе повторяемъ опять: вопросъ о служебныхъ преимуществахъ университетскаго диплома можетъ быть рѣшенъ только, какъ вопросъ общій о служебныхъ преимуществахъ учебныхъ дипломовъ вообще, а то выйдетъ по евангельской притчѣ— «имущему придастся, а отъ неимущаго отнимется».

И. А. Линниченко.

ОДНА ИЛИ ДВѢ УЧЕНЫЯ СТЕПЕНИ?

При обсужденіи вопроса о томъ, достаточно ли одной ученой степени для занятія профессуры, или необходимо сохранить требованія двухъ диссертацій—магистерской и докторской—мнѣнія въ совѣщаніи, созванномъ недавно министромъ изъ членовъ палатъ, раздѣлились.

Большинство было не въ пользу двухъ степеней. При существующей системѣ, отъ магистерской диссертаціи требуется одно лишь обязательное знакомство съ предметомъ. Были, разумѣется, исключенія. Въ своей магистерской диссертаціи: «Вѣче и Князь» проф. Сергѣевичъ вносилъ не мало новаго въ пониманіе строя государственной жизни Россіи въ удѣльный періодъ, тогда какъ въ докторской: «Задача и метода государственныхъ наукъ», онъ только знакомилъ съ приложеніемъ «Логики» Милля и извѣстнаго сочиненія Корнваля Льюиса въ болѣе тѣсной области государствовѣдѣнія. Компиляціями науку двигать трудно, а существованіе двухъ степеней невольно заставляетъ факультеты быть менѣе требовательными. Какъ настаивать на томъ, чтобы самостоятельность проявлена была уже въ первой работѣ, которая часто пишется въ губернскомъ городѣ, при недостаткѣ книгъ и частомъ отсутствіи всякаго руководства. Въ Германіи—докторскія диссертаціи обыкновенно выходятъ изъ семинаровъ, руководимыхъ знаменитыми спеціалистами, которые своевременно обращаютъ вниманіе работника на недостаточно обслѣдованныя стороны избраннаго имъ вопроса, снабжаютъ его свѣдѣніями о литературѣ предмета, критикуютъ высказываемые имъ взгляды или подвергаютъ ихъ перекрестному огню участниковъ семинарій. У насъ, сколько мнѣ извѣстно, магистрантъ покупаетъ самъ книги, прочитываетъ ихъ, снабжаетъ на поляхъ помѣтками, тратитъ несмѣтное число часовъ на ознакомленіе съ такъ называемой литературой предмета, т.-е. въ дѣйствительности съ повтореніемъ всякимъ новымъ писателемъ всего ранѣе установленнаго и съ критикой несогласныхъ съ нимъ мнѣній. Немудрено, если на диссертацію уходятъ годы; при выходѣ же ея въ свѣтъ оказывается, что авторъ прибавилъ крупицы къ выясненію давно поставленнаго вопроса и что для этого ему потребовалось 600—700 страницъ. Вопреки поговоркѣ, гласящей: «нельзя объять необъятнаго», онъ стремился обнять вопросъ со временъ царя Ассурбанипала и до нашихъ дней. Удивительно только, что онъ не счелъ нужнымъ пріобщить къ работѣ своихъ домочадцевъ и французскихъ и нѣмецкихъ гувернантокъ: вѣдь, большая часть имъ написаннаго является простымъ пересказомъ чужого. Если, что, къ сожалѣнію, бываетъ рѣдко, магистерская диссертація является плодомъ самостоятельнаго изслѣдованія, то у факультета не хватаетъ смѣлости отказать въ пріемѣ отъ того же автора докторской, хотя бы послѣдняя и заключала въ себѣ нѣсколько вырванныхъ изъ курса лекцій, съ болѣе или менѣе яркимъ вступленіемъ. Не желая быть голословнымъ, напомню слѣдующій случай. Покойный П. П. Цитовичъ защитилъ съ большимъ блескомъ въ моемъ присутствіи прекрасную и весьма самостоятельную магистерскую диссертацію, озаглавленную:

«Исходные моменты въ исторіи развитія русскаго права наслѣдованія». По соображеніямъ, далекимъ отъ интересовъ науки, ему потребовалось стать докторомъ. Онъ вырвалъ изъ своего курса гражданскаго права двѣ—три лекціи о деньгахъ и представилъ ихъ какъ диссертацію. У Харьковскаго факультета, знавшаго его издавна и высоко цѣнившаго, не нашлось человѣка, который бы высказался противъ назначенія ему докторскаго диспута.

Если мы спросимъ себя: для чего собственно нужны диссертаціи,— то едва-ли кто отвѣтитъ словами: для размноженія научной литературы. Онѣ нужны для того, чтобы составить себѣ опредѣленное представленіе о способности лектора не быть простымъ граммофономъ по отношенію къ избранному имъ учебнику, а относиться самостоятельно къ общепризнаннымъ авторитетамъ и опирать свои взгляды на личныхъ опытахъ, наблюденіяхъ или непосредственно на чтеніи источниковъ. А для того, чтобы въ этомъ убѣдиться, едва-ли необходимо имѣть передъ глазами не одну, а двѣ работы. Во Франціи для полученія докторства сперва требовали двѣ книжки: одну толстую—французскую Thèse, другую тонкую—латинскую Thèse. Пришли, однако, къ заключенію, что, отказавшись отъ латинской тезы, слѣдуетъ увеличить требованія самостоятельности отъ французской. Съ этого времени стали появляться диссертаціи, которыя, какъ, напримѣръ, книжища Лефюра о федерализмѣ, вызвали къ жизни цѣлую литературу, вышли въ новой переработкѣ, хотя и не въ полномъ видѣ, на нѣмецкомъ языкѣ, и облегчали работу надъ докторской диссертаціей и русскому ученому.

Ища основаній для противоположнаго мнѣ взгляда о пользѣ двухъ диссертацій, я поистинѣ не нахожу другого, кромѣ того, который шутки-ради приводитъ почтенный авторъ печатаемой нами выше статьи. При отмѣнѣ степени магистра, говоритъ онъ, нельзя будетъ повторять извѣстной поговорки: jurare in verba magistri. Въ этомъ, читатель согласится, надо видѣть лишь полбѣды. Реформы не обходятся безъ жертвъ, а если такой жертвой будетъ освобожденіе разговорнаго языка отъ латинской фразы, то съ этимъ, право, можно помириться.

Максимъ Ковалевскій.



НА ВЕРШИНѢ.

Романъ Темпля Сёрстона.

(Продолженіе) [1].

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Что характерно для молодости? Непослѣдовательность, непостоянство, полная безотвѣтственность. Къ нѣкоторымъ людямъ это приходитъ поздно; къ нѣкоторымъ и вовсе не приходитъ. Ибо молодость—не въ лѣтахъ, а исключительно въ умонастроеніи.

Можно утверждать положительно, что Ричарду Ферлонгу не дано было въ его юности испытать радость безотвѣтственности. Въ той или другой формѣ, онъ всегда чувствовалъ тяжелый гнетъ нравственнаго обязательства: обѣтъ любви, хотя и добровольный, связываетъ.

Теперь Дикки былъ свободенъ. Онъ покинулъ родительскій домъ. Чѣмъ больше онъ приближался къ Лондону, тѣмъ больше росло въ немъ это ощущеніе полной, неограниченной свободы. Гдѣ ему жить? На кого опереться? Въ этой неопредѣленности перспективъ было даже что-то, привлекавшее Дикки, въ первый разъ въ жизни.

Ибо тотчасъ послѣ смерти Констанціи у него было желаніе къ кому-нибудь прислониться. Это чувство и привело его на мельницу въ Эккингтонъ, подъ сѣнь того самаго крова, который

1) См. янв., стр. 235.

такъ безжалостно закрылъ передъ нимъ отецъ всего нѣсколько лѣтъ назадъ. Теперь и неизвѣстность встрѣчи и горечь воспоминаній пугали его меньше, чѣмъ перспектива одиночества въ Лондонѣ, гдѣ его жизнь была неразрывно сплетена съ ушедшей.

Но вотъ, благодаря любви м-съ Флинтъ, снова стало невозможнымъ пребываніе въ родительскомъ домѣ. Снова закрылись передъ нимъ его двери. Онъ—одинъ, онъ свободенъ! Это сознаніе и пробуждало въ немъ предвкушеніе новой жизни.

Сидя въ вагонѣ, по дорогѣ въ Лондонъ, Дикки мечталъ о собственной мастерской, гдѣ онъ будетъ самъ убирать, самъ готовить себѣ ѣду и вообще жить, ни отъ кого не завися, подчиняясь только велѣніямъ и капризамъ своего творчества.

Однако, на дѣлѣ оказалось, что мастерскія стоятъ много дороже, чѣмъ онъ предполагалъ. Только черезъ нѣсколько недѣль м-ру Ниббсу, бѣгавшему съ высунутымъ языкомъ по всему Лондону, удалось, наконецъ, найти маленькую мастерскую на мезонинѣ, въ Райдингъ-стритѣ. Къ мастерской вела отдѣльная лѣстница, и стоила она шестьдесятъ фунтовъ въ годъ.

Въ одинъ прекрасный день они перевезли изъ магазина м-ра Ниббса печатный станокъ Дикки. М-ръ Ниббсъ самъ помогъ установить его и развѣсить по стѣнамъ этюды и полотна. Помощь эта выражалась въ томъ, что онъ носилъ молотокъ и гвозди, такъ какъ мѣсто для каждой картины выбиралъ Дикки самъ.

Въ одномъ углу мастерской повѣсили широкую портьеру на кольцахъ, и позади нея помѣстили кровать и умывальникъ.

Когда все было устроено, и на пустомъ каминѣ—для котораго забыли припасти угля — красовались двѣ свѣчи, укрѣпленныя стаявшимъ съ нихъ стеариномъ, м-ръ Ниббсъ собрался домой. Дикки сидѣлъ на полу, посреди мастерской, прихлебывалъ чай и жевалъ хлѣбъ съ масломъ.

— Вамъ будетъ здѣсь удобно,—проговорилъ м-ръ Ниббсъ уже съ площадки.

— Удобно?—закричалъ ему въ отвѣтъ Дикки.—Да тутъ просто великолѣпно!

Внизу захлопнулась дверь, и Дикки остался одинъ—впервые вполнѣ свободенъ и одинокъ.

II.

Пустымъ и неуютнымъ показалось Дикки его новое жилье, когда онъ проснулся на другое утро. Но все-таки онъ былъ

гордъ тѣмъ, что имѣетъ собственную мастерскую, и это заставило его начать понемножку украшать ее. Онъ задумалъ расписать стѣны и потолокъ, и сталъ осуществлять свой планъ съ тѣмъ полнымъ пренебреженіемъ къ расходамъ, который является единственнымъ утѣшеніемъ человѣка, у котораго ничего нѣтъ.

Дикки потратилъ немало времени — а оно для него, несомнѣнно, было равно деньгамъ — на писаніе фрески вокругъ стѣнъ. Выдержана она была въ тонахъ бѣломъ и оранжевомъ и производила впечатлѣніе чего-то безпокойнаго на людей непривычныхъ.

Разумѣется, не спокойствіемъ дышало настроеніе Дикки. Не знающая устали дѣйственность его натуры не стремилась къ покою. Но все же въ этомъ сочетаніи красокъ не было ничего раздражающаго. Преобладала бѣлизна стѣнъ, а выше, подъ сводами потолка, вилась фреска, которую онъ назвалъ «Странствіемъ солнца».

Любовь Дикки къ открытому простору, къ вольной природѣ пробилась даже сюда, на этотъ мезонинъ въ центрѣ Лондона. Надъ дверью, гдѣ начиналось странствіе солнца, виденъ былъ его кроваво-мутный дискъ, пробивающійся сквозь сѣрую утреннюю мглу надъ полями. Дальше солнце подымалось все выше и выше, и вотъ, наконецъ, надъ возвышеніемъ для модели оно золотымъ шаромъ горѣло въ яркомъ сіяніи дня; затѣмъ опускалось ниже и ниже и надъ кроватью Дикки садилось за деревьями въ пылающемъ багрянцѣ заката. Въ тонахъ драпировки надъ кроватью и въ восточномъ коврѣ на полу повторялся тотъ же теплый оранжевый колоритъ.

Я описалъ бѣгло обстановку Дикки оттого, что, думается, обстановка всегда разсказываетъ правду о человѣкѣ. Создаетъ онъ ее не для глазъ зрителей, которые будутъ судить его, а для себя, для своихъ удобствъ и удовольствія.

Въ этой оранжево-бѣлой мастерской Дикки прожилъ нѣсколько счастливѣйшихъ лѣтъ своей жизни—счастливѣйшихъ въ томъ смыслѣ, что они были годами его свободы и молодости.

Съ помощью гвоздей, винтовъ и досокъ, взятыхъ у сосѣда-ремесленника, Дикки соорудилъ возвышеніе въ видѣ трона для модели; но пришлось ждать еще немало времени, прежде чѣмъ у него оказались деньги для того, чтобы нанять модель. Мохнатый коверъ, которымъ онъ обилъ голыя доски трона, стоилъ пять фунтовъ; это былъ только одинъ изъ многихъ ненужныхъ расходовъ, въ которые Дикки влѣзъ, пользуясь кредитомъ по рекомендаціи м-ра Ниббса.

Дикки, какъ человѣкъ особаго склада, былъ твердо убѣжденъ, что купцы готовы ждать уплаты, сколько угодно. Разъ онъ серьезно намѣренъ платить, то, думалось ему, чего же имъ торопиться?

Но, какъ только эти господа пронюхали, что этотъ м-ръ Ферлонгъ—безденежный художникъ, они не замедлили появиться со своими счетами. И вотъ крупная сумма, полученная Дикки за «Собирателей грибовъ», быстро растаяла, и остались у него на-лицо всего десять фунтовъ.

Однажды утромъ Дикки завтракалъ, возсѣдая на пышномъ тронѣ. Вдругъ, дверь отворилась. Появилась голова какого-то незнакомаго господина.

— Это—м-ръ Ричардъ Ферлонгъ?

— Доброе утро,—сказалъ Дикки.

— У меня къ вамъ маленькій счетикъ,—объяснилъ мужчина.—Я зашелъ узнать, не угодно ли вамъ уплатить по немъ? Это уже нѣсколько недѣль.

Дикки молча взялъ поданный ему конвертъ и молча посмотрѣлъ на сумму—было восемь фунтовъ съ небольшимъ за занавѣси и матеріи: все это онъ пріобрѣлъ для драпированія моделей, которыхъ имѣть не было средствъ.

— Вы это называете маленькимъ счетомъ?—спросилъ Дикки.

— Ну, да... всего только восемь фунтовъ съ мелочью.

— Я понятія не имѣлъ, что потратилъ такъ много,—замѣтилъ Дикки.

— Но, вѣдь, въ свое время вы получили счетъ,—возразилъ господинъ.

— Да, вѣроятно. Но я, кажется, и не посмотрѣлъ на него. Что же вы хотите отъ меня?

— Мнѣ дана инструкція получить отъ васъ чекъ.

— Такъ,—сказалъ Дикки,—но если бъ даже у меня былъ въ банкѣ текущій счетъ, я бы не могъ сейчасъ дать вамъ чекъ... У меня всего есть десять фунтовъ.

Господинъ пожалъ плечами.

— Это не касается ни меня, ни моей фирмы,—заявилъ онъ.

— Совершенно вѣрно. Но это очень даже касается меня,—отвѣтилъ Дикки.—Возьмите какую-нибудь картину въ залогъ, а когда я послѣ уплачу, то вы отдадите мнѣ ее назадъ.

М-ръ Моссонъ оглянулъ стѣны. Въ качествѣ представителя фирмы Глиссонъ и Милльсъ онъ получалъ два фунта въ недѣлю

жалованья и съ трудомъ сводилъ концы съ концами, живя въ далекомъ предмѣстьи. Это бѣлое съ оранжевымъ казалось ему некрасивымъ вздоромъ. То ли дѣло его обои съ большими, пышно-распустившимися розами!

М-ръ Моссопъ остановился передъ «Собирателями грибовъ». Не оттого, что онъ былъ цѣнитель картинъ. Вѣроятно, случилось это оттого, что эта вещь была вставлена въ наиболѣе эффектную раму. Онъ остановился, щуря глаза и гримасами помогая уяснить себѣ смыслъ картины. Наконецъ, онъ обернулся.

— Что это такое?—спросилъ онъ.

— Это гравюра по дереву «Собиратели грибовъ».

— Собиратели... чего?

— Грибовъ.

— Позвольте... я не вижу тутъ грибовъ,—возразилъ м-ръ Моссопъ.

— Ихъ и нѣтъ,—сказалъ Дикки.—Они—въ корзинѣ. Ихъ трудно писать, такъ я рѣшилъ: пусть лучше будутъ въ корзинкѣ.

— Ага! Это ловко придумано,—сказалъ м-ръ Моссопъ.

Въ его дѣлѣ были тоже маленькія хитрости въ такомъ родѣ. Его мнѣніе о Дикки сразу поднялось.

— И сколько эта штука стоитъ?—спросилъ онъ.

— Скоро цѣна ей будетъ пятьдесятъ фунтовъ,—отвѣтилъ Дикки.

И онъ еще низко оцѣнилъ ее, потому что я видѣлъ эстампъ «Собирателей грибовъ», проданный за сто тридцать фунтовъ.

М-ръ Моссопъ былъ освѣдомленъ объ этомъ, но, какъ онъ замѣтилъ, художникъ долженъ сперва умереть для того, чтобы его произведенія получили должную оцѣнку.

— Конечно, это минусъ вашей профессіи—сказалъ онъ—но происходитъ онъ вотъ отчего: публикѣ вашъ товаръ не нуженъ, пока она не узнаетъ, что его невозможно получить. Но это не то... Мнѣ надо знать, сколько эта вещь стоитъ сейчасъ?

— Десять фунтовъ,—отвѣтилъ Дикки.

— Вы можете получить за нее эту сумму?

— Да.

— Хорошо. Тогда я ее возьму, и счетъ нашъ будетъ считаться ликвидированнымъ.

Таковъ былъ методъ м-ра Моссопа: получить предметъ цѣною въ 10 фунтовъ въ уплату за счетъ въ восемь. Основанъ онъ былъ на принципахъ многолѣтняго опыта въ фирмѣ Глисонъ и Миллсъ.

— Дда... идея недурная,—сказалъ Дикки,—но я не совсѣмъ раздѣляю ее. Эту картину вы не получите,—предложи вы мнѣ даже пятьдесятъ фунтовъ.

— Отчего?

— Оттого, что она моя собственность.

М-ръ Моссопъ былъ изумленъ и раздосадованъ: для чего же тогда разговоръ о продажѣ картинъ если онѣ не продаются.

— Никто не говорилъ о продажѣ,—сказалъ Дикки.—Я вамъ сказалъ ясно: возьмите одну въ залогъ. Если же вы будете толковать такой вздоръ, то, конечно, ничего не получите.

— Ладно! Придется съ вами говорить по-другому,—злобно усмѣхнулся м-ръ Моссопъ.—Я бесѣдую съ вами по-дружески и стараюсь устроить дѣло въ вашу пользу. Но, если вы не желаете, то явится джентльменъ иного сорта—съ исполнительнымъ листомъ. Вотъ что!

На это могъ быть только одинъ отвѣтъ. Дикки, повинуясь инстинкту своего самолюбія, выложилъ на столъ восемь фунтовъ чистоганомъ и потребовалъ расписки.

— У меня нѣтъ гербовой марки,—сказалъ м-ръ Моссопъ, на котораго внезапно появившаяся кучка монетъ произвела впечатлѣніе.

— Такъ пойдите и купите,—сказалъ Дикки, переходя изъ положенія подчиняющагося на положеніе приказывающаго.

Теперь у него оставался въ наличности только фунтъ и нѣсколько шиллинговъ. Но свободный и одинокій, Дикки не чувствовалъ ужаса передъ безденежьемъ. Перспектива эта даже возбуждала его, подхлестывала его энергію и подмывала скорѣе приступить къ новой работѣ.

М-ръ Моссопъ ушелъ за маркой. Во время его отсутствія Дикки сталъ перелистывать свой альбомъ набросковъ и этюдовъ карандашемъ и наткнулся на одинъ, сильно заинтересовавшій его. Это была постройка огромнаго новаго корпуса, вся перевитая лѣсами и увѣнчанная мощными столбами—символомъ современнаго прогресса. Дикки погруженъ былъ въ него, когда представитель фирмы Глиссонъ и Милльсъ вернулся.

— Вотъ расписка и вотъ марка на ней,—сказалъ м-ръ Моссопъ.

Дикки не подымалъ головы. По горячимъ слѣдамъ мелькнувшей идеи онъ обдумывалъ новую работу: она будетъ гимномъ красоты труда. Въ тѣ годы ни одна картина, ни одна гравюра не трактовали это знаменіе нашей эпохи. За послѣднія десять лѣтъ появилось ихъ много—можетъ быть, больше, чѣмъ

надо. Но Дикки Ферлонгъ былъ первый, нашедшій красоту линій въ стройныхъ сѣтяхъ бревенчатыхъ надстроекъ и величавую простоту—въ могучихъ рычагахъ и трубахъ. Сѣмя этой художественной жатвы посѣялъ онъ еще въ старой своей картинѣ «Чистильщикъ». Теперь онъ пожиналъ ея плоды.

— Вотъ вамъ расписка,—повторилъ м-ръ Моссонъ.

— Хорошо... Хорошо... Возьмите ваши деньги. Вотъ на столѣ... Берите и идите съ Богомъ... Вѣдь, это все, что вамъ надо?

М-ръ Моссонъ вторично пересчиталъ деньги и спряталъ ихъ въ карманъ. Онъ кинулъ послѣдній взглядъ на безсмысленныя фрески, на Дикки, углубленнаго въ такъ внезапно открытый сюжетъ, и повернулся къ выходу: ему особенно милыми казались теперь пышно расцвѣтшія розы на обояхъ его квартирки въ предмѣстьи.

III.

Въ послѣдовавшее за тѣмъ время голодъ неразъ стучался въ дверь къ Дикки. Но это—лучшій побудитель къ труду, и, дѣйствительно, Дикки работалъ, не покладая рукъ, цѣлые дни. Спустя недѣлю послѣ посѣщенія представителя фирмы Глиссонъ и Миллсъ онъ закончилъ свой эскизъ построекъ на набережной и былъ готовъ для работы на деревянныхъ доскахъ.

Въ этомъ этюдѣ была схвачена красота Лондона и мощь труда. Дикки выбралъ тѣ послѣдніе полчаса передъ наступленіемъ темноты, когда половина людей еще на работѣ, а другая половина готовится къ вечернимъ удовольствіямъ. Видны были смутно фигуры мужчинъ, работающихъ на лѣсахъ при скудномъ свѣтѣ масляныхъ фонарей. Остальная часть постройки исчезала въ черныхъ тѣняхъ окружающихъ домовъ, а впереди вдоль рѣки сумерки развѣсили свою серебристо-сѣрую дымчатую вуаль.

На этомъ фонѣ, съ прорывавшимися въ разныхъ мѣстахъ оранжевыми языками пламени, остроконечныя сваи и контуры постройки рисовались черными, какъ бархатъ, силуэтами.

Это должна была быть гравюра въ краскахъ «Вавилонская башня». Названіе Дикки придумалъ много раньше, чѣмъ онъ коснулся дерева своимъ рѣзцомъ. Для него назвать картину—было не то, что просто налѣпить ей ярлыкъ. Задумавъ заглавіе, онъ выяснялъ самому себѣ внутренній смыслъ картины; фигуры,

работавшія у дрожащихъ огней, казались пигмеями, а безчисленныя сваи представлялись цѣлымъ лѣсомъ мачтъ, вздымавшихъ свои верхушки къ небу, и при взглядѣ на эту окутанную вечернимъ сѣрѣющимъ свѣтомъ картину казалось, что слышишь столпотвореніе звуковъ, какое всегда бываетъ на большихъ постройкахъ.

Работая усердно, Дикки не могъ справляться со своимъ маленькимъ хозяйствомъ, и по рекомендаціи жены домоправителя Дикки нанялъ для уборки и приготовленія завтрака приходящую прислугу за скромную плату въ семь шиллинговъ въ недѣлю.

М-съ Сэмби явилась для переговоровъ и застала Дикки погруженнымъ въ очень затѣйливый моментъ своей рѣзьбы. Она ждала, размышляя, какого сорта можетъ быть этотъ новый господинъ, хотя людей она перевидала на своемъ вѣку довольно и ничему уже не удивлялась.

Дикки, наконецъ, поднялъ голову и увидѣлъ передъ собой немолодую женщину въ длинной черной пелеринѣ и черной шляпѣ, терпѣливо ожидающую его сужденія о ней. Первый разъ въ жизни приходилось ему нанимать прислугу. Положеніе показалось ему комическимъ. Онъ улыбнулся надъ самимъ собой. Она тоже улыбнулась—надъ нимъ.

— Вы—м-съ Сэмби?—спросилъ Дикки.

Она подтвердила это.

— Я не буду васъ такъ называть. Какъ же мнѣ звать васъ?

Проговорилъ онъ это такъ, словно все уже было покончено, и одинъ только этотъ вопросъ оставался открытымъ.

— Мужъ зоветъ меня Фанни,—отвѣтила женщина.

— Онъ имѣетъ, повидимому, основанія для этого?

— Да, сэръ.

— Это ваше имя?—сказалъ Дикки.

Женщина подтвердила. Разговоръ этотъ былъ до того нелѣпъ, что она стала смѣяться, приговаривая: «Ну и умора, ей-Богу».

— Такъ, значитъ, будемъ называть васъ Фанни,—сказалъ Дикки, на что она отвѣтила:

— Хорошо, сэръ.

— Вы хотите сказать еще что-нибудь?—спросилъ онъ.

Да, она хотѣла. Не то, чтобы она была чрезмѣрно практична и слишкомъ блюла свои интересы, но ей все-таки желательно было бы знать, какое дается жалованье.

Дикки, не задумываясь, отвѣтилъ, что жалованье—семь

шиллинговъ въ недѣлю: такъ подсказала ему консьержка, которая въ свою очередь конфиденціально сообщила и м-съ Сэмби, что ее ожидаетъ.

— Но могутъ случиться такія недѣли,—прибавилъ Дикки,—когда я не въ состояніи буду заплатить вамъ.

— Это немного странно,—сказала Фанни.—Какъ же такъ? Ну, а позже вы заплатите?

— Разумѣется! Конечно, да!—воскликнулъ онъ.—Я не хотѣлъ сказать, что вы никогда этихъ денегъ не получите.

Она кивнула головой. Повидимому, въ общемъ итогѣ, условія удовлетворяли ее.

— Если бы мои дѣла были лучше,—сказалъ Дикки,—то я предложилъ бы вамъ десять шиллинговъ въ недѣлю. Ну, а сейчасъ...

— Нѣтъ, зачѣмъ же? Мнѣ не нужно больше семи шиллинговъ. Позвольте мнѣ поговорить съ мужемъ, и завтра я дамъ вамъ отвѣтъ.

Назавтра оказалось, что м-ръ Сэмби согласенъ.

— Ужъ пришлось съ нимъ поканителиться,—сказала Фанни.—Онъ, видите ли, у меня насчетъ денегъ немного прижимистъ!

Отнынѣ Дикки сталъ не совсѣмъ одинокимъ. Съ той минуты, какъ Фанни появлялась утромъ, привѣтствуя его и до послѣдняго момента часовъ около двухъ, когда ея черная шляпа исчезала за дверью, ея видъ все время вызывалъ въ Дикки желаніе вызвать ея смѣхъ. Повелось это какъ-то сразу. Ему забавно было видѣть, какъ ея лицо дрожитъ отъ смѣха, и слышать ея любимую фразу: «Ну и умора, ей-Богу!»

Это подзадоривало его говорить самыя странныя вещи. И тогда она отворачивалась, скрывая свой приступъ веселья—ей казалось, что благовоспитанная прислуга всегда должна стараться его скрывать.

Постепенно это вошло въ привычку, и скоро она отъ Дикки только и ждала чего-нибудь смѣшного. Когда она утромъ приходила будить его, то стоило Дикки поднять голову съ подушки, какъ уже начинали смѣшливо подергиваться углы ея губъ. А когда онъ начиналъ изображать жену домоправителя, съ ея вѣчнымъ кашлемъ, крикливымъ попугаемъ и постоянно лающей собакой (что ее самоё нисколько не безпокоило, такъ какъ она была глуха, какъ пень)—Фанни отъ смѣха должна была прислоняться къ двери, и стояла здѣсь подолгу, слушая его веселыя дурачества.

Это были единственныя минуты радости въ ея не слишкомъ веселомъ существованіи. Вставать въ шесть часовъ утра и тащиться далеко, на самый верхъ Квинсрода—стало для нея черезъ нѣсколько времени лучшей частью дня. Иногда она оставалась въ мастерской даже лишнее время въ надеждѣ, что будетъ еще случай посмѣяться.

Но что же Фанни вносила въ жизнь Дикки? Онъ самъ не сознавалъ этого, но присутствіе женщины,—подобно скрытой пружинѣ, было нужно ему для поддержанія энергіи. Неважно было то, что это—простая, малограмотная женщина; неважно—что ей шестьдесятъ лѣтъ, что она носила шляпу въ видѣ чепца и некрасивые плоскіе сапоги вмѣсто высокихъ тонкихъ каблучковъ.

Все-таки каждую свою работу, что бы онъ ни дѣлалъ, онъ ставилъ на мольбертъ и спрашивалъ у Фанни ея мнѣнія. Оно было всегда одно и то же.

— Ахъ, м-ръ Ферлонгъ! Какъ славно! Настоящій снимокъ съ натуры, правда?

— Вы понимаете его, Фанни?—спрашивалъ онъ.

На этотъ щекотливый вопросъ она отвѣчала, что поняла бы, навѣрное, если бы онъ потрудился объяснить ей.

Какая помощь могла быть отъ такого собесѣдника? Эту странность въ характерѣ Дикки Ферлонга я всегда замѣчалъ, но никогда не могъ понять.

— Что толку,—сказалъ я ему какъ-то,—показывать ваши вещи такой женщинѣ, какъ Фанни? Вѣдь, она не *можетъ* понимать.

Помнится, онъ отвѣтилъ:

— Не всегда нужно пониманіе. Когда вы бросаете мячъ, вамъ не обязательно нужна каменная стѣна. Онъ у васъ и отъ полу отскочитъ.

Изъ этихъ словъ я заключилъ, что ему нужно оттолкнуться отъ чего-нибудь. Во всей исторіи людей творческаго типа я не нахожу такого примѣра отношеній, какія существовали между Дикки и м-съ Сэмби.

— Погодите,—сказалъ я ему однажды,—скоро вы встрѣтитесь съ женщиной, равной вамъ по развитію. Тогда вы узнаете, что такое умственное отталкиваніе.

Сказалъ это я такъ, случайно, и не думалъ о томъ, что мои слова окажутся пророчествомъ; я не подозрѣвалъ о тѣхъ новыхъ вліяніяхъ, которыя скоро вошли въ его жизнь.

IV.

Каково было мнѣніе м-съ Сэмби о Дикки? Это интересно, но трудно установить.

Однажды, я спросилъ у нея, что̀ она думаетъ о немъ. Она отвѣтила:—«Ахъ, онъ душа-человѣкъ!»,—выражая этимъ всю нѣжность, какую ея сердце давно забыло чувствовать. Затѣмъ она прибавила: «Но у него, знаете, странный характеръ». Значитъ, даже и она, перевидавшая на своемъ вѣку немало людей, ощущала особый, незаурядный складъ его личности.

Она видѣла его всегда веселымъ, оживленнымъ и говорила мнѣ, что эти утренніе часы, когда она убираетъ въ мастерской, по ея выраженію, «приставляетъ все на мѣсто, одно къ одному», единственное время, когда и пошутить и посмѣяться приходится. А между тѣмъ, убирать у Дикки было дѣло нелегкое.

Со своими красками и кистями онъ былъ очень аккуратенъ, и палитру соскребывалъ съ такимъ усердіемъ, какъ рѣдко кто изъ художниковъ, но что касается самой мастерской, то въ ней образовался бы хаотическій безпорядокъ, если бы не Фанни.

Она не одобряла бѣлыхъ стѣнъ, но усердно старалась держать ихъ въ чистотѣ и когда приносила маленькій счетъ, за швабры и щетки, то всегда дрожала отъ страха, что Дикки разсердится за лишній расходъ.

— Я вотъ потратила немножко своихъ денегъ, сэръ,—говорила она послѣ двухъ-трехъ дней нерѣшительнаго молчанія, когда ее заставляли говорить маленькія финансовыя затрудненія.

— Сколько?—спрашивалъ Дикки.

Тогда она вытаскивала изъ своей старой черной юбки небольшой скомканный листикъ бумаги, расправляла его и подавала, смущаясь и думая, что, пожалуй, шутокъ сегодня ужъ не дождаться.

— Шиллингъ и девять пенсовъ съ половиной, сэръ.

— О, Боже!—восклицалъ Дикки трагическимъ тономъ.—Вы расточительная женщина, Фанни! Настоящая прожигательница жизни, а?

М-съ Сэмби не знала, что̀ значитъ «прожигательница», но увѣряла его, что очень старается не быть этимъ.

— Этакъ вы скоро захотите, чтобы я вамъ купилъ брилліанты,—говорилъ Дикки.

Послѣ этихъ словъ Фанни уже успокаивалась окончательно.

Значитъ, все это была шутка, и онъ опять дурачился. Она хваталась за спинку ближайшаго стула и разражалась подавленнымъ смѣхомъ.

Несмотря на всѣ усилія Фанни сохранить незапятнанными бѣлыя стѣны мастерской, лондонская копоть все-таки дѣлала потихоньку свое дѣло; онѣ стали грязными.

Время шло, и приливъ энергіи у Дикки тоже изсякъ. Онъ начиналъ ощущать, особенно по вечерамъ, свое одиночество въ тихой мастерской.

Заходила жена домоправителя, приносила вечернюю почту, и Дикки старался даже иногда затѣять разговоръ. Но ея слухъ съ каждымъ днемъ становился хуже и, наконецъ, дошло до того, что надо было писать ей на клочкахъ бумаги—а это ужъ не весело!

По пріѣздѣ въ Лондонъ Дикки завязалъ переписку съ м-съ Флинтъ. Пока онъ былъ занятъ устройствомъ мастерской и новая жизнь имѣла остроту впечатлѣній, онъ писалъ аккуратно каждую недѣлю. Въ этихъ посланіяхъ были и своеобразіе и юморъ, но все же у Дикки не было прирожденнаго влеченія къ корреспонденціи. Пока онъ придерживался регулярныхъ сроковъ, до тѣхъ поръ переписка эта сохранялась; но какъ только одна недѣля прошла безъ письма, привычка эта была нарушена. Однако, м-съ Флинтъ не манкировала. Каждый вторникъ онъ получалъ ея письмо, въ два или три листа, къ подробнымъ разсказомъ обо всемъ, что произошло дома, хотя жизнь тамъ была такъ однообразна и такъ мало можно было о ней разсказать.

— «Должно быть, именно оттого, что много есть о чемъ сказать,—писалъ ей Дикки въ одномъ изъ своихъ писемъ,—мнѣ не пишется. Но все-таки, что бы ни происходило—а каждый день приноситъ что нибудь—я всегда думаю: а какъ бы оно понравилось м-съ Флинтъ? Заинтересовало ли бы оно ее? Для человѣка съ моей лѣнью это уже кое-что. Вамъ, женщинамъ, дано въ удѣлъ подавать намъ примѣръ безкорыстія и отсутствія эгоизма. А я-то! Какимъ неблагодарнымъ животнымъ вы должны считать меня!».

М-съ Флинтъ ничего подобнаго не думала. Она лелѣяла въ тайникѣ своей души любовь къ Дикки и молчала. Когда она получала его письма, то вскрывала ихъ съ такимъ равнодушнымъ спокойствіемъ, что каждый человѣкъ на мѣстѣ м-ра Ферлонга угадалъ бы, какой трепетъ волненія скрывается за нимъ.

— Письмо отъ Дикки?—спрашивалъ онъ. Въ отвѣтъ она кивала головой и клала письмо возлѣ своего прибора нераспечатаннымъ: подождетъ, молъ! Но ждать въ молчанія нельзя было,

и м-съ Флинтъ ловко втягивала старика въ разговоръ, который почти вытѣснялъ изъ его памяти фактъ полученія письма. Если позже, въ теченіе дня, онъ вспоминалъ объ этомъ и спрашивалъ, что пишетъ Дикки, она пересказывала письмо вкратцѣ, но никогда не показывала дорогого для нея листка. Письма эти она складывала въ ящикъ стола въ своей спальнѣ, и изъ нихъ-то впослѣдствіи (она любезно дала мнѣ ихъ для прочтенія) я въ состояніи былъ установить образъ жизни Дикки въ его мастерской на Райдингъ-стритѣ.

М-съ Флинтъ въ этой перепискѣ была благоразумна: она ни разу не пожаловалась на тоску по немъ, которая сѣрой тѣнью бродила за ней по пятамъ. Безошибочнымъ чутьемъ она угадывала, что такіе намеки на ея любовь оборвали бы переписку. Оттого она только разсказывала мелочи жизни на мельницѣ и отвѣчала на извѣстія Дикки объ его новыхъ планахъ, встрѣчахъ и работахъ.

Между тѣмъ Дикки началъ ощущать тяготу одиночества, особенно по вечерамъ. Чтобы избѣжать его, онъ сошелся съ компаніей молодыхъ художниковъ, которые стали собираться у него въ мастерской.

Въ кружкѣ этомъ зародилась мысль объ основаніи клуба на началахъ самой безумной утопіи. Онъ долженъ былъ явиться краеугольнымъ камнемъ новаго теченія въ живописи, которое заставитъ забыть импрессіонистовъ и прерафаэлитовъ. Помѣхой было только отсутствіе средствъ. Кружку нужна была выставка своихъ произведеній, а въ наличности у нихъ имѣлось всего три фунта съ небольшимъ денегъ.

Главнымъ иниціаторомъ этой идеи и ея организаторомъ былъ нѣкій художникъ, по фамиліи Гильдеръ, носившій зиму и лѣто цилиндръ и плащъ для сокрытія отъ взоровъ своего поношеннаго платья. Цилиндръ же оставался у него отъ тѣхъ дней, когда Гильдеръ былъ преподавателемъ въ художественной школѣ— уборъ этотъ импонировалъ учащимся, и съ тѣхъ поръ Гильдеръ не могъ разстаться съ нимъ.

У этого человѣка была особая манера придавать таинственность и значительность своимъ словамъ: онъ дѣлалъ короткіе, неожиданные жесты, касался вдругъ пальцемъ колѣна собесѣдника или сжималъ руку съ такой силой, какой нельзя было и подозрѣвать въ этомъ тщедушномъ по виду человѣкѣ. Но удивительнѣе всего была его способность заставлять другихъ дѣлать за него разныя вещи — всѣ эти таланты, вмѣстѣ взятые, привлекли къ нему вниманіе Дикки, когда они встрѣтились.

На Гильдера Дикки тоже произвелъ не малое впечатлѣніе. Онъ быстро сообразилъ, что этотъ даровитый юноша, сумѣвшій почти безъ подготовки и въ такое короткое время покорить лучшую фирму изъ Бондъ-стрита, можетъ быть чрезвычано полезенъ ему въ его художественныхъ проектахъ.

Гильдеръ нѣсколько разъ приглашалъ Дикки въ свою мастерскую, гдѣ онъ періодически устраивалъ публичные обзоры своихъ картинъ. Это были нелишенные фантазіи пейзажи, но чрезвычайно неравные по достоинству и неправдоподобные.

На этихъ выставкахъ никогда нельзя было встрѣтить много народу, но этикетки съ надписью: «продано», прикрѣпленныя къ рамамъ, внушали увѣренность, что другіе побывали здѣсь до васъ. Гильдеръ, дѣйствительно, упоминалъ ихъ, называлъ по именамъ, съ загадочной улыбкой воскрешая въ своей памяти ихъ хвалебные отзывы объ его работахъ. При извѣстной настойчивости можно было даже заставить его процитировать эти похвалы.

Съ юношеской наивностью Дикки вѣрилъ ему. Онъ не замѣчалъ коммерческаго разсчета въ пріемахъ Гильдера и полагалъ, что организаціей художественнаго клуба тотъ заинтересованъ только изъ любви къ дѣлу.

Они проводили не одинъ вечеръ вмѣстѣ,—то у Дикки въ Райдингъ-стритѣ, то въ мастерской у Гильдера. Какъ бы то ни было, онъ былъ интересный собесѣдникъ. Онъ умѣлъ давать толчокъ новымъ мыслямъ, и Дикки оттого любилъ бесѣдовать съ нимъ. Когда-то, въ дни юности, онъ прожилъ полгода въ Парижѣ и набрался тамъ разныхъ французскихъ словечекъ, которыя любилъ вставлять въ разговоръ. Когда онъ писалъ Дикки письма, то всегда начиналъ «Mon cher», заканчивалъ «à toi» и подписывался именемъ Сирано. Послѣднее, конечно, оттого, что у него былъ очень большой носъ.

Знаній по исторіи искусства у него было гораздо больше, чѣмъ у Дикки. Онъ могъ толковать о художникахъ, о которыхъ Дикки никогда не слыхалъ, и могъ давать стройную критическую оцѣнку ихъ творчества.

Дикки предпочиталъ, чтобы Гильдеръ приходилъ къ нему, такъ какъ у Гильдера была жена, которую онъ не взлюбилъ съ перваго раза. Она сразу же, съ мѣста въ карьеръ, стала называть его по имени, и это покоробило Дикки: онъ похожъ былъ на своего отца въ нѣсколько чопорномъ ощущеніи своего достоинства. Съ этого момента онъ почувствовалъ антипатію къ м-съ Гильдеръ, хотя никакихъ другихъ основаній для этого не имѣлъ.

Дикки всегда поражало, какъ это Гильдеръ, называвшій себя ненавистникомъ женщинъ, могъ вообще жениться; еще удивительнѣе было то, что, рѣшившись на бракъ, онъ выбралъ именно такую женщину.

— Что вамъ собственно не нравится въ женщинахъ?— смѣло спросилъ его Дикки однажды вечеромъ. Они сидѣли въ мастерской у Дикки и ждали, чтобы закипѣла вода для кофе.

Гильдеръ взглянулъ на него молча, но улыбка, которую онъ изобразилъ на своихъ губахъ, была таинственно-многозначительна и какъ-будто скрывала за собою нѣчто. Онъ вынулъ изъ кармана папиросу, зажегъ спичку, закурилъ и сгорѣвшую спичку положилъ обратно въ коробочку, закрывъ ее особенно выразительнымъ движеніемъ. Это была его единственная привычка къ порядку, которую онъ соблюдалъ.

— Скажите... что именно вамъ не нравится?—повторилъ Дикки. Ему надоѣла загадочная улыбка, и выразительныя движенія пальцевъ исчерпали всякій смыслъ.

— Милый юноша, — произнесъ, наконецъ, Гильдеръ,— если бы вамъ пришлось на своемъ вѣку столько толковать о живописи съ женщинами, какъ мнѣ, то вы бы тоже ихъ ненавидѣли. Онѣ похожи на коровъ, которыя поворачиваютъ спины къ дождю.

Онъ находилъ иногда счастливыя слова и сравненія, хотя его чувства были неискренни. Впрочемъ, кромѣ живописи, его второй спеціальностью было писательство. Онъ написалъ нѣсколько лирическихъ стихотвореній, которыя были переложены на музыку, и много другихъ, которыя этого не удостоились. Онъ написалъ одноактныя пьесы, ставившіяся любителями. Онъ былъ полонъ идей.

Гильдеръ не разъ давалъ Дикки мысли для картинъ, но тотъ не пользовался ими. Тѣмъ не менѣе, онъ несомнѣнно являлся стимуломъ для ума Дикки.

Однажды, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ знакомства они пообѣдали вмѣстѣ въ Сого и затѣмъ до поздняго вечера просидѣли, болтая у камина въ мастерской на Райдингъ-стритѣ. Когда Гильдеръ собрался домой, Дикки пошелъ проводить его до автобуса.

Они говорили объ искусствѣ и о женщинахъ. Дикки только для пробы выступилъ въ защиту послѣднихъ. Онъ не принадлежалъ къ тѣмъ мужчинамъ, которые любятъ съ гордостью разсказывать эпизоды изъ своего прошлаго. Съ тѣхъ поръ, какъ Гильдеръ былъ съ нимъ знакомъ, онъ еще ни разу не упомя-

нулъ имени женщины. Тотъ зналъ только, что Дикки былъ женатъ, что жена его умерла—вотъ и все. Никто изъ пріятелей Дикки даже не подозрѣвалъ, что у него есть сынъ, который живетъ тутъ же, въ Лондонѣ.

Когда они приближались къ Оксфордской площади, Гильдеръ вдругъ сжалъ руку Дикки.

— Вотъ что я терпѣть не могу въ женщинахъ!—сказалъ онъ таинственно.

— Что?!—спросилъ Дикки.

— А вотъ посмотрите на эту барышню... вотъ эту, что идетъ намъ навстрѣчу.

— Что же въ ней особеннаго?

— Это *demi-vierge*, мой милый мальчикъ. Посмотрите на нее. Взгляните, какъ залихватски надѣта шляпа. Она вызываетъ на знакомство, а когда вы подойдете, будетъ играть царевну-недотрогу. Охъ, эти кошечки! Опасныя онѣ, милый мой мальчикъ!

Дикки ничего не отвѣчалъ на все это. Гильдеръ привлекъ его вниманіе къ шедшей навстрѣчу дѣвушкѣ, и все вниманіе Дикки цѣликомъ направилось на нее. Она была не изъ уличныхъ женщинъ. Это было сразу видно.

Когда они поровнялись, Дикки посмотрѣлъ ей въ лицо. Она была очень хороша. Въ каждомъ лицѣ его вниманіе привлекали прежде всего глаза, и каріе глаза всегда вызывали въ немъ недовѣріе. У Гильдера были каріе глаза. У этой дѣвушки тоже темные, но, бросивъ быстрый взглядъ, онъ убѣдился, что они сѣрые. Длинныя рѣсницы бросали на нихъ тѣнь, брови были смѣло изогнуты. Лицо ея произвело на него впечатлѣніе безукоризненности овала. Больше ничего онъ не успѣлъ замѣтить. Онъ видѣлъ только одни глаза, только въ нихъ смотрѣлъ и, встрѣтившись съ ихъ взглядомъ, онъ, казалось, прочиталъ въ немъ то самое приглашеніе къ знакомству, о которомъ говорилъ Гильдеръ.

— А что? не говорилъ я вамъ, *cher ami*?—пробормоталъ Гильдеръ, когда она прошла.

Дикки оглянулся. Дѣвушка тоже. Въ самомъ поворотѣ ея головы былъ снова кокетливый вызовъ.

— Я хочу повернуть назадъ и поговорить съ ней,—сказалъ Дикки и потащилъ Гильдера.

— Смотрите! она проведетъ васъ,—предостерегалъ Гильдеръ, стараясь отговорить пріятеля. Было это на Риджентъ-стритѣ, въ половинѣ двѣнадцатаго вечера. Прохожихъ было

очень много, и могли встрѣтиться знакомые. Онъ не былъ свободенъ, какъ Дикки. Да и не манили больше Гильдера уличныя приключенія. Но Дикки былъ глухъ къ его убѣжденіямъ.

— Пойдемте!—говорилъ онъ.—Плюньте на все!

Гильдеръ высвободилъ руку, бормоча что-то о послѣднемъ автобусѣ.

Дикки пожалъ плечами и пошелъ догонять незнакомку.

— Отошьетъ она васъ, смотрите! — сказалъ Гильдеръ смѣясь и пошелъ по направленію къ своему автобусу. Но, отойдя на почтительное разстояніе, онъ скользнулъ подъ глубокій навѣсъ какого-то подъѣзда и сталъ слѣдить за молодой парочкой съ болѣзненнымъ интересомъ женатыхъ людей.

V.

Весьма возможно, что Дикки былъ бы, дѣйствительно, «отшитъ», если бы Гильдеръ сопровождалъ его. Дѣло въ томъ, что, пускаясь одна въ поиски приключеній, женщина вынуждена рѣшать быстро. У нея нѣтъ времени для тонкости сужденія, и ей приходится руководствоваться преимущественно чутьемъ. Въ такихъ встрѣчахъ, какъ эта, она можетъ причислить мужчину къ одной изъ немногихъ категорій: онъ достоинъ довѣрія или нѣтъ, онъ привлекаетъ ее физически или отталкиваетъ. Кинувъ бѣглый взглядъ на его лицо, она должна принять рѣшеніе по этому вопросу и быстро.

Присутствіе Гильдера, съ его цилиндромъ и физіономіей, производившей впечатлѣніе немытой, презрѣніемъ къ женщинамъ, выражавшимся въ особо слащавой любезности, могло затемнить все, что было для нея симпатичнаго въ особѣ Дикки. Какъ онъ и предполагалъ, она не была уличной женщиной... Но была вѣроятность, что она осуществитъ предсказаніе Гильдера и, какъ дилеттантка—demi-vierge, оплететъ ихъ обоихъ.

Она не оглядывалась больше назадъ, но какимъ-то особымъ чутьемъ (точно у нея были глаза на спинѣ) она угадала, что Дикки догоняетъ ее одинъ. Она убавила слегка шагъ. Кто знаетъ, можетъ быть, и сердце забилось у нея сильнѣе, когда она услышала, что онъ близко.

— Мой пріятель, — заговорилъ Дикки, поровнявшись съ ней,—сказалъ, что вы меня отошьете, если я заговорю съ вами. Такъ вотъ, если вы имѣете это желаніе, такъ прямо и скажите!

Она остановилась, посмотрѣла на него и разсмѣялась. Теперь она была увѣрена, что ея довѣріе не будетъ обмануто: человѣкъ, который такимъ образомъ начинаетъ знакомство! Она разсмѣялась, а въ такихъ случаяхъ заставить женщину засмѣяться—это значитъ уничтожить непроходимую преграду.

— Что онъ можетъ знать объ этомъ?—сказала она.

Дикки былъ пріятно пораженъ интеллигентностью ея говора, но некогда было думать объ этомъ. Начало сдѣлано хорошо, но переходъ къ молчаливому размышленію можетъ въ конецъ испортить его.

Понимая это, Дикки отвѣчалъ быстро. Онъ сказалъ, что его пріятель обо всѣхъ женщинахъ того мнѣнія, что онѣ говорятъ одно, а думаютъ другое.

— Но я, вѣдь, ничего не сказала,—замѣтила она.

— Нѣтъ,—согласился Дикки.—Но развѣ ваши глаза не остановились на моихъ?

— Ну, такъ что?

— А то, что въ этихъ случаяхъ этимъ многое сказано.

У нея была задорно-вздернутая верхняя губа. Въ этомъ Дикки увидѣлъ признакъ не только вспыльчиваго характера, но и вообще рѣшительной, твердой натуры. Чутье подсказало ему, что это за типъ женщины, но его натурѣ было свойственно тотчасъ забыть объ этомъ.

— Вы хотите сказать,—спросила она,—что я вызвала васъ подойти и заговорить со мной?

Это было именно то, что она сдѣлала. И она и онъ отлично это знали. Но ей хотѣлось непремѣнно услышать отрицаніе, и онъ, не желая обидѣть ее, сказалъ «нѣтъ».

— Я бы не могла сдѣлать такой вещи,—сказала она,—особенно, съ совершенно чужимъ человѣкомъ.

— Конечно, нѣтъ,—кротко сказалъ Дикки. Онъ начиналъ смутно ощущать, что она уже обошла его, но темные глаза, овальное личико и ротъ со вздернутой верхней губкой были очаровательны, и онъ готовъ былъ безропотно подчиниться ея владычеству.

— Куда вы сейчасъ идете?—спросилъ онъ.

— На Истонскій вокзалъ.

— Зачѣмъ? А куда же оттуда?

— Никуда.

Дикки опѣшилъ и сталъ просить объясненія.

— Очень просто. Переночую тамъ въ залѣ.

Онъ остолбенѣлъ.

— Всю ночь на вокзалѣ?

Дѣвушка разсмѣялась. При свѣтѣ фонаря блеснули ея бѣлые зубы.

— Что же тутъ такого необыкновеннаго?—сказала она.— Мнѣ уже случилось разъ продѣлать это.

— Но развѣ вы не живете гдѣ-нибудь?

— Конечно, живу... Я на службѣ у фирмы Глиссонъ и Милльсъ, знаете? Сегодня я была въ театрѣ, и кончилось поздно. А у насъ тамъ запираютъ въ одиннадцать двери, а въ двадцать минутъ двѣнадцатаго замыкаютъ на всѣ запоры. И разъ уже я не попала домой и провела всю ночь на вокзалѣ.

Дикки почувствовалъ восхищеніе передъ ея отвагой. Какъ трудно складывается жизнь для женщинъ! Какой поводъ, какое искушеніе для дѣвушки пойти по скользкому пути! Но она какъ-то такъ сказала про вокзалъ, что Дикки былъ убѣжденъ въ ея чистотѣ. Всѣ эти мысли быстро промелькнули у него въ головѣ.

— А вамъ не будетъ тамъ очень холодно?—спросилъ онъ.— Такая гнусная погода!

— Ахъ, нѣтъ! Довольно поздно тамъ топится каминъ. Всегда есть, вѣдь, поѣзда: приходятъ и уходятъ. А вы гдѣ живете? Не найдете ли вы возможнымъ проводить меня немножко по пути къ моему великолѣпному отелю?

Она могла смѣяться. Она попросту хохотала. Но Дикки, вспоминая теплый уютъ своей мастерской, въ глубокомъ замѣшательствѣ смотрѣлъ на нее.

— Я живу недалеко, — сказалъ онъ, — въ мастерской за Квинсхолломъ.

— Значитъ, вы художникъ?—спросила она.

Онъ кивнулъ головой.

— Какъ интересно! Покажите мнѣ ваши картины.

— Какъ, теперь?

— Что же такое? Еще уйма времени. Въ моемъ отелѣ никогда не ложатся спать.

Она замѣтила, что онъ замялся.

— Вы женаты?—спросила она.

Онъ покачалъ головой.

Тогда она увѣренно взяла его подъ руку. Она чувствовала, что сумѣетъ справиться съ нимъ; въ эти нѣсколько минутъ она совершенно точно разсчитала, до какой черты можно довѣрять ему.

— Такъ пойдемте,—сказала она. — Мнѣ еще не хочется бай-бай.

И они пошли по направленію къ мастерской. Когда они скрылись въ тѣни Райдингъ-стрита, изъ-подъ навѣса подъѣзда появился Гильдеръ и медленно поплелся домой, къ своей женѣ.

VI.

Приключеніе—какъ вино. И рискъ придаетъ ему не только ароматъ, но и пьянящій хмѣль!

Когда Фанни Корнишъ взбиралась по темной лѣстницѣ слѣдомъ за Дикки въ его мастерскую, она, вѣроятно, сильно ощущала терпкій вкусъ этого вина на своемъ языкѣ. Чѣмъ могло кончиться это приключеніе съ молодымъ человѣкомъ, котораго она видѣла первый разъ въ жизни? Но въ этомъ именно и былъ рискъ, былъ тотъ букетъ, изъ-за котораго стоило пить это вино. На темной лѣстницѣ мужество почти оставило ее, но мнѣніе ея было составлено, она рѣшила идти дальше.

Наконецъ, они вошли въ мастерскую. Дикки зажегъ свѣтъ и открылъ дверцу камина. Дѣвушка оглядѣлась кругомъ: ея увѣренность окрѣпла.

— Ну, что вы скажете? — спросилъ онъ. Свѣчи были зажжены; мастерская выглядѣла такъ, что онъ былъ гордъ ею. —Ну, что?

— Вы здѣсь живете?—спросила она. И это все. Ни одного слова удовольствія или удивленіи при видѣ его мастерской, въ которой сосредоточивалась вся его гордость. Это была его святая святыхъ. Здѣсь онъ работалъ, здѣсь жилъ, и ни одной мастерской онъ не могъ сравнить со своей.

— Да, — отвѣтилъ онъ, — я здѣсь живу. Вонъ тамъ, за портьерой, моя кровать.

Онъ былъ горестно уязвленъ ея равнодушіемъ. Однако, скоро это впечатлѣніе сгладилось: ужъ очень интересна была дѣвушка при новомъ, яркомъ освѣщеніи! Онъ пытливо изучалъ ея лицо: оно представлялось ему въ видѣ наброска пастелью, рисунка углемъ, масломъ. Несомнѣнно, ему чудилось также, какъ эта головка лежала бы на плечѣ мужчины. Онъ былъ одинъ на свѣтѣ; она была одна съ нимъ. Такая мысль не могла не промелькнуть въ его сознаніи. Но она именно только промелькнула, онъ снова былъ полонъ желанія, чтобы ей понравилась его мастерская и его работы.

— А прислуга у васъ есть?—спросила она вдругъ. Это была практическая сторона женской натуры, которой Дикки не зналъ.

Онъ разсказалъ ей о Фанни и выразилъ свое удивленіе тому, что это ее интересуетъ.

— Меня тоже зовутъ Фанни,—сказала она.

— А дальше?—спросилъ онъ. Онъ думалъ, что понимаетъ, отчего она не сразу отвѣтила.

— Фанни Маршалль,—сказала она.

Трудно объяснить, зачѣмъ она сочла необходимымъ солгать. Можетъ быть, оттого, что у нея были родственники—дядя съ теткой въ Брикстонѣ — которые слѣдили за ея поведеніемъ. Предусмотрительная осторожность и понятный разсчетъ, вѣроятно, были причиной этого. Можетъ быть, правда не такъ легко приходила ей на языкъ, какъ Дикки? На ея отвѣтный вопросъ онъ не задумываясь отвѣтилъ: «Ричардъ Ферлонгъ».

Впрочемъ, что и говорить! Такого рода правдивость у мужчинъ не что иное, какъ гордость. А Фанни не имѣла основаній гордиться своей фамиліей. И все-таки девять десятыхъ женщинъ на ея мѣстѣ сказали бы правду. Разъ она уже настолько довѣряла Дикки, что пошла ночью одна къ нему — отчего не сдѣлать еще этотъ шагъ? Но такова была натура Фанни. У нея былъ разсчетливо-математическій складъ ума. Она постоянно складывала свои два да два, и у нея выходило четыре. Съ большинствомъ женщинъ происходитъ такъ, что въ этой простой житейской ариѳметикѣ онѣ постоянно ошибаются и, складывая свои два да два, преподносятъ вамъ пять. Съ Фанни Корнишъ этого не случалось. Если она предлагала вамъ не четыре, то давала три.

Оглядѣвъ все вокругъ, Фанни рѣшительно усѣлась на мягкій диванъ вблизи огня и спросила, какія онъ покажетъ ей картины.

— Сначала выпейте кофе,—сказалъ Дикки.

— Кофе? — переспросила она, взвѣшивая своимъ практическимъ умомъ необычность этого предложенія въ такой поздній часъ; но, рѣшивъ, что сна въ эту ночь все равно ей не ждать, она выразила согласіе. Дикки взялся за дѣло, а Фанни, свернувшись клубочкомъ на диванѣ, наблюдала за его движеніями.

— Вы давно живете уже здѣсь такъ, въ одиночествѣ?—спросила она.

Онъ отвѣтилъ, сколько мѣсяцевъ.

— Ну, а ваши картины... вы имѣете большой успѣхъ?

— Ничего... Начинаю пробираться... Скоро, можетъ быть, выберусь на широкій путь.

Произнесъ онъ это съ спокойнымъ и твердымъ убѣжденіемъ. Фанни не совсѣмъ поняла его, но его тонъ импонировалъ ей.

— Выберетесь... куда?—спросила она.

— Выберусь...т.-е., значитъ, сдѣлаю что-нибудь значительное.

— Ахъ, да! это очень возможно,—сказала она.

— Вы такъ думаете? — съ живостью вырвалось у Дикки. Этотъ вопросъ заставилъ его забыть о кофейникѣ.—Отчего?

— Да такъ... я сужу по тому, какъ вы говорите. Смотрите, ай-ай, чтобы кофе не сбѣжало!

Она во-время напомнила Дикки о дѣйствительности. И вотъ уже двѣ чашки дымящагося кофе у него въ рукахъ.

— Хотите теперь посмотрѣть нѣсколько моихъ картинъ? — спросилъ онъ.

Фанни отхлебнула глотокъ кофе и кивнула головой. Дикки поставилъ свою чашку и бросился къ стѣнѣ, гдѣ стояли почти всѣ его картины. Онъ вынулъ двѣ-три изъ нихъ, повернулъ и посмотрѣлъ, рѣшая, съ какой начать свою маленькую выставку.

Онъ взялъ этюдъ Nuc съ модели—единственной, которую онъ имѣлъ возможность взять для сеансовъ за эти нѣсколько мѣсяцевъ. Какъ изъ всѣхъ этюдовъ Дикки, и изъ этого вышла картина. Когда дѣло доходило до писанія фигуръ, онъ всегда чувствовалъ недостатокъ школы, но у него было мастерство тона и колорита, которое искупало всѣ недочеты техники.

Фанни молча разсматривала эту картину. Своимъ разсчетливымъ умомъ она рѣшила, что показалъ онъ ей именно эту вещь не спроста, а для того, чтобы ввести въ разговоръ особую нотку. Ладно, пускай такъ! Она ничего не имѣла противъ такой темы. Шокировать ее не такъ-то легко!

— Вашъ братъ—художникъ,—сказала она,—всегда оправдываетъ такія вотъ вещи. Необходимо, молъ, изучать...

Она полагала, что высказала ему правду о немъ самомъ, но, увидавъ его взглядъ, полный непритворнаго изумленія, убѣдилась, что этой правды онъ и не подозрѣвалъ. Ей даже смѣшно стало удивленное выраженіе его лица. Повидимому, онъ не ожидалъ встрѣтить такую дѣвушку, какъ она, на Риджентъ-стритъ, въ половинѣ двѣнадцатаго вечера.

А между тѣмъ изумленіе Дикки было вмѣстѣ и разочарованіемъ, и уже во второй разъ въ этотъ вечеръ. Онъ съ интересомъ ждалъ ея отзыва объ его работахъ (вѣдь, она сама просила показать ихъ), и вдругъ приходится услышать такое замѣчаніе.

— Почему вы думаете, что мы оправдываемъ?—спросилъ онъ.—Что надо оправдывать?

— Всѣ мужчины на одинъ ладъ,—былъ ея отвѣтъ.

— На одинъ? На какой же?—настаивалъ онъ.

Фанни красивымъ движеніемъ пожала плечами и протянула руки къ огню. Онъ корчитъ изъ себя безтолковаго. Ну что́ же? Тогда нечего больше говорить.

Но Дикки вовсе не былъ такъ безтолковъ. Ей удалось на мгновенье внушить ему свою точку зрѣнія. Онъ зналъ, каковы всѣ мужчины. Онъ глядѣлъ на ея озаренное пламенемъ лицо, на разсыпавшіеся волосы и думалъ, вѣроятно, то же самое, что всякій мужчина думалъ бы при подобныхъ обстоятельствахъ. Легкое движеніе ея плечъ, тонкій профиль, красиво освѣщенный отблескомъ огня, мягкіе завитки темно-каштановыхъ волосъ вокругъ лба, въ которыхъ вспыхивали золотыя искорки—все это неотразимо влекло его. Онъ думалъ о томъ, насколько лучше было бы ей остаться у него, чѣмъ идти на вокзалъ, унылый и холодный.

Несомнѣнно, ей хотѣлось, чтобы онъ подумалъ это; можетъ быть, она и сама думала о томъ же, потому что, замѣтивъ на себѣ его взглядъ, она откинула назадъ голову, какъ бы въ раздумьѣ, показывая ему красивыя линіи шеи.

Несмотря на весь свой опытъ, Дикки мало зналъ женщинъ. Онъ поймалъ себя на томъ, что въ немъ просыпалось желаніе. Онъ говорилъ себѣ, что все за него, что, здѣсь, въ его мастерской, съ нимъ наединѣ, она въ его рукахъ, и онъ можетъ сдѣлать, что захочетъ.

Но тотчасъ же Дикки съ чисто-пуританскимъ презрѣніемъ къ самому себѣ за эти мысли отставилъ картину въ уголъ. Выбралъ онъ ее безъ намѣренія, но все же чувствовалъ теперь, что она навела его на гадкія мысли.

Онъ сталъ искать другой картины, а Фанни обводила комнату любопытнымъ взглядомъ: она оглядѣла фреску «Странствіе солнца», портьеру, скрывавшую кровать, и невольно содрогнулась при воспоминаніи о неуютно-гулкомъ залѣ Истонскаго вокзала.

Она повернула голову, слѣдя за Дикки, искавшимъ картину. Ея глаза были полны тайныхъ соображеній.

— Ну, вотъ... здѣсь другая,—сказалъ онъ, показывая первый эстампъ «Вавилонской башни», недавно только законченной.—Гильдеръ замолчалъ, когда увидѣлъ ее. Всѣ другіе, заходившіе въ мастерскую, наперерывъ восхищались и завидовали, сообразно темпераменту каждаго.

Фанни оглядѣла картину критически (какъ онъ ожидалъ

отъ нея, она знала), очаровательно склонивъ головку немного на бокъ и вытянувъ вдоль колѣна руку, съ граціозно-свисающей ладонью. Какъ только она замѣтила, что Дикки смотритъ на нее, она заложила ногу за ногу и оправила юбку.

— Прелестная вещь!—сказала она.—Скажите... а тотъ вашъ пріятель, который шелъ съ вами, онъ тоже художникъ?

Дикки прислонилъ картину на свое мѣсто къ стѣнкѣ и вернулся къ своему кофе. И Констанція, и даже м-съ Флинтъ увидѣли бы, съ какимъ смиреніемъ онъ несетъ горечь новаго разочарованія—ихъ сердца раскрылись бы ему навстрѣчу. Но съ Фанни было иначе. Дикки придвинулъ стулъ поближе къ огню и сѣлъ рядомъ съ ней.

— Да, онъ художникъ,—сказалъ Дикки.—Его имя—Гильдеръ.

Нѣкоторое время молчали. Дикки оперся локтями на колѣни и задумчиво глядѣлъ на пламя. Онъ вспомнилъ вдругъ, что она сказала, что служитъ въ магазинѣ Глиссонъ и Милльсъ. Вѣдь, это тотъ самый магазинъ, гдѣ онъ купилъ всѣ занавѣси и драпировки для своей мастерской. Онъ постарался вспомнить фамилію того субъекта, который приходилъ къ нему со счетомъ. Когда вспомнилъ, то поднялъ вдругъ голову и спросилъ ее, знаетъ ли она человѣка по фамиліи Моссонъ.

Фанни была изумлена, заинтересована.

— Вы знаете его? Да, я-то... конечно, знаю.

Онъ одинъ изъ нашихъ продавцовъ. Терпѣть его не могу, проныра такая. Гдѣ вы его встрѣчали?

Дикки объяснилъ. Фанни оживилась и пошла разсказывать о себѣ и о трудностяхъ жизни и службы у Глиссонъ и Милльсъ.

Занятно было то, что она разсказывала: какъ всѣ барышни завидовали, если которая-нибудь изъ нихъ получала приглашеніе отъ знакомаго покататься на автомобилѣ; какъ старшія дамы толковали объ этомъ нѣсколько дней подрядъ, и какъ возникали сплетни въ этомъ маленькомъ замкнутомъ мірке.

— А вамъ приходилось получать такія приглашенія?—спросилъ Дикки. Она, повидимому, ждала этого вопроса, но слегка надула губки, какъ будто показывая, что онъ захотѣлъ слишкомъ много знать, и отвѣтила:

— Какъ же? Двое изъ моихъ знакомыхъ имѣютъ автомобили. А у васъ есть?

Дикки разсмѣялся.

— Нѣтъ, у меня нѣтъ автомобиля, но у меня есть пара сосисокъ на завтра утромъ,—шутливо отвѣтилъ онъ.

Какъ бы то ни было, а жизнь у Глиссонъ и Миллсъ все-таки нравилась Фанни; и она продолжала оживленно разсказывать о ней. Совсѣмъ не такъ ужъ худо! Нѣсколько барышень тамъ есть страшно милыхъ, и иногда онѣ веселятся до упаду.

— Какъ же вы веселитесь?—спросилъ Дикки.

— А, чего захотѣли? Такъ я и скажу вамъ,—отрѣзала она.

Онъ могъ думать, что хотѣлъ, и, по правдѣ сказать, она не стремилась ограничить его воображеніе.

— А что случится съ вами завтра,—спросилъ Дикки,—когда обнаружится, что вы не ночевали дома?

Она нахмурила брови.

— Господь знаетъ! Все зависитъ отъ того, повѣрятъ ли они, что я провела ночь на вокзалѣ.

— Вы, вѣдь, можете подтвердить это, доказать?

Фанни покачала головой.

— Какъ? Развѣ только выставить носильщика въ качествѣ свидѣтеля, чтобы онъ подтвердилъ, что видѣлъ меня тамъ. Но я не стану связываться съ такимъ человѣкомъ. Я знаю, что за фрукты эти носильщики! Мнѣ случилось уже разъ ночевать на вокзалѣ.

— Но тогда вамъ въ магазинѣ повѣрили?

— Да, повидимому.

— Ну, а если теперь не повѣрятъ. Что тогда?

— Ну, что же? Получу отставку. Вотъ и все.

— Вы не боитесь этого?

— Нѣтъ, не боюсь.

— Въ такомъ случаѣ оставайтесь здѣсь. У меня удобнѣе, чѣмъ на этомъ гнусномъ вокзалѣ.

Слова вырвались у него раньше, чѣмъ онъ успѣлъ подумать ихъ; но даже и тутъ онъ не вложилъ въ нихъ того значенія, которое она сразу почуяла. Конечно, навѣяли на него эту мысль яркіе отблески огня на ея лицѣ да сознаніе, что они одни, совсѣмъ одни. Но никогда не было въ душѣ Дикки полноты замысла и разсчета, которую Фанни заподозрѣла сразу.

На ея губахъ заиграла увѣренная улыбка. Она отодвинула слегка свой стулъ, но нисколько не сконфузилась и ни на минуту не потеряла самообладанія.

— Ахъ!—протянула она пренебрежительно,—я понимаю: вы считаете меня *такой* дѣвицей. А я уже начинала думать, что вы не такой, какъ всѣ мужчины, съ которыми встрѣчаешься.

Презрѣніе Фанни Корнишъ окончательно сконфузило Дикки. Хотя онъ зналъ, что оно не заслужено, все же онъ чувствовалъ, что поступилъ неловко и поставилъ себя въ неудобное положеніе. Эта чувствительность, несомнѣнно, дѣлала его такимъ ручнымъ, такимъ податливымъ: Фанни учла это обстоятельство съ перваго взгляда. Но теперь Дикки сталъ протестовать и защищать себя.

— Я не хотѣлъ давать вамъ поводъ къ такому заключенію,—сказалъ онъ. И затѣмъ самъ не зная, была ли это правда или нѣтъ, онъ прибавилъ:—То, что я предложилъ вамъ, я понималъ не такъ, какъ понимали бы тѣ мужчины, которыхъ вы встрѣчаете. Я думалъ только, что отдамъ вамъ свою кровать, а самъ буду спать на диванѣ. Развѣ это не лучше, чѣмъ томиться на вокзалѣ?

Къ чему эта затѣя могла бы привести, Дикки не раздумывалъ. Онъ бралъ жизнь и ея случайности просто. Фанни почувствовала, что онъ сказалъ правду. Но ея знаніе мужчинъ и усвоенная ею тактика «соблюдающей» себя барышни заставляли ее утверждать противное.

— Что же? Это чрезвычайно мило съ вашей стороны,—сказала она съ подчеркнутой froніей въ голосѣ.—Но вы не принимаете во вниманіе, что подумаютъ люди.

— Какіе люди?—спросилъ онъ.

Она сразу не нашла отвѣта, но затѣмъ ухватилась за мысль о женщинѣ, которая приходила убирать, по утрамъ.

— Ахъ! вы вотъ о комъ!—воскликнулъ онъ.—И вы думаете, что старая Фанни что-нибудь скажетъ? Она даже не будетъ знать, кто вы. А затѣмъ она слишкомъ проста, чтобы имѣть такія подозрѣнія. Если я разскажу ей, что вамъ негдѣ было ночевать, и что я отдалъ вамъ свою постель, а самъ спалъ на диванѣ—она повѣритъ мнѣ вполнѣ и не усомнится ни въ одномъ моемъ словѣ.

Фанни сидѣла молча, обдумывая предложеніе.

— Какъ жарко отъ огня. Не правда ли?—сказала она вдругъ.

Дикки предложилъ отодвинуть ея стулъ, но она заявила, что ей такъ удобно.

— Если отодвинуть, то мнѣ будетъ холодно,—пояснила она.—А который часъ?

Дикки посмотрѣлъ на часы. Было безъ четверти часъ.

— Черезъ нѣсколько минутъ надо идти,—сказала Фанни и усѣлась поглубже въ кресло.

Дикки сидѣлъ и глядѣлъ на нее. Онъ думалъ о томъ, что когда-нибудь напишетъ ея портретъ. Во всемъ ея существѣ была какая-то особенная плѣнительная увертливость, и ему хотѣлось передать ее на полотнѣ. Онъ твердо зналъ, что, если бы она осталась у него ночевать и спала въ его кровати, никакая бѣда ей отъ него бы не грозила. Ея увертливость и плѣняла и вмѣстѣ отпугивала его. Ему хотѣлось только, чтобы она спокойно спала здѣсь, у него. Ему хотѣлось поцѣловать ее и сказать: «спокойной ночи!»

Да и что тутъ особеннаго? Въ его одинокой, странной жизни никакихъ внѣшнихъ условностей соблюдать не приходится. Отчего мужчины и женщины не могутъ быть, какъ дѣти? Какая нелѣпая условность заставляетъ ее уходить и мучиться всю ночь на вокзалѣ!

— Какъ здѣсь уютно!—сказала она вдругъ.

— Такъ отчего вы не остаетесь?—возразилъ Дикки.—Повѣрьте, у меня ничего дурного нѣтъ въ мысляхъ.

Его живая фантазія уже изобразила ему ихъ обоихъ въ видѣ маленькихъ дѣтей, которыя спятъ въ одной комнатѣ. Но у Фанни такой фантазіи не было. Однако, воображенія и изобрѣтательности она не была лишена по-своему.

— Вы правду говорите?—спросила она.

Дикки съ жаромъ подтвердилъ снова.

— Вы не думайте, что я боюсь...,—сказала она.—Нѣтъ! я за себя постоять могу. Но есть другое... ахъ, нѣтъ!.. Глупо даже думать объ этомъ. Я не могу, нѣтъ!

Снова наступило молчаніе. Свѣчи оплыли. Оставался только свѣтъ газовой печки. Вѣки Дикки начали смыкаться. Онъ съ усиліемъ поднялъ ихъ и взглянулъ на Фанни. У нея тоже слипались глаза. Голова ея тихонько покачивалась. Она улыбалась. Казалось, вотъ-вотъ она уснетъ крѣпко. Вдругъ, ему показалось, что ея тѣло наклоняется впередъ. Еще моментъ—и она вдругъ безсильной кучкой лежала у его ногъ: она была въ обморокѣ.

Таковъ былъ методъ Фанни Корнишъ.

VII.

Если бъ Дикки былъ искушенъ въ знаніи женскаго сердца, то онъ первымъ дѣломъ пощупалъ бы пульсъ лежащей въ обморокѣ дѣвушки. Это открыло бы ему глаза на многое и измѣнило бы ходъ послѣдующихъ событій. Однако, можно сказать съ увѣренностью, что вышло все-таки къ лучшему.

Нѣсколько минутъ Дикки безпомощно стоялъ, глядя на неподвижную фигуру. Онъ не очень испугался, потому что на ея щекахъ все такъ же ярко рдѣлъ румянецъ, но онъ былъ растерянъ и смущенъ: что теперь дѣлать? Кромѣ того ему было жалко ея. Кто знаетъ? Можетъ быть, это у нея отъ голода. Женщины такъ не умѣютъ устраиваться: онѣ никогда не питаются какъ слѣдуетъ. Цѣлый день она простояла на ногахъ за проклятой стойкой магазина, а ночью принуждена была скитаться, чтобы найти пріютъ на вокзалѣ. И все же, несмотря на все это, она бодро безъ жалобъ разсказывала о своей жизни и даже увѣряла, что кое-что въ службѣ нравится ей.

Дикки нагнулся и прислонилъ ея плечи къ своимъ колѣнямъ. Гдѣ-то онъ слышалъ или читалъ, что въ этой позѣ съ откинутой назадъ головой женщина скорѣе всего приходитъ въ себя—такъ онъ и сдѣлалъ.

— Миссъ Маршалль!—шепталъ онъ.—Миссъ Маршалль!

Но она не откликалась. Ея губы были слегка открыты. Дыханіе спокойно—казалось, она спитъ.

— Ну, теперь она ужъ не можетъ уйти,—произнесъ Дикки вслухъ.—Придется мнѣ ретироваться, если она хочетъ остаться тутъ одна.

Рѣсницы Фанни затрепетали.

— Миссъ Маршалль!—снова шепнулъ онъ.

Но она все не двигалась.

— Боже мой!—пробормоталъ Дикки,—неужели онѣ такъ долго лежатъ безъ чувствъ?

Прошло еще нѣсколько секундъ, а она все еще лежала безъ движенія. Тогда Дикки бережно положилъ ея голову на полъ—какое дитя онъ былъ въ подобныхъ испытаніяхъ!—и побѣжалъ къ умывальнику за водой. Когда онъ вернулся съ графиномъ въ рукѣ, она пошевелилась. Онъ брызнулъ ей въ лицо нѣсколько капель воды, и она открыла глаза.

— Гдѣ я?—спросила она.

— Здѣсь... въ моей мастерской,—сказалъ Дикки, не придумавъ лучшаго отвѣта.

— Въ какой мастерской?—неясно пробормотала она и попыталась приподняться.

— Моей... Мое имя—Дикки Ферлонгъ,—сказалъ онъ, чувствуя себя послѣднимъ дуракомъ.

Въ ея глазахъ засвѣтилось воспоминаніе.

— Что со мной было?—слабымъ голосомъ спросила она.

— Вы упали въ обморокъ.

— Неужели?

— Да.

— Ахъ, Господи! Простите... Мнѣ, право, такъ совѣстно... И что это? Никогда въ жизни со мной этого не было. Воображаю, какой идіоткой вы меня считаете!

— Идіоткой?—повторилъ Дикки ласково.—Нѣтъ. Что вы! Виною, я думаю, жара и угаръ отъ этой чортовой печки.

— Да... вѣроятно,—согласилась она.—Но мнѣ такъ стыдно!

— Да бросьте вы, ради Бога, этотъ стыдъ!—воскликнулъ Дикки.—Вѣдь, это же дѣлается противъ воли.

Она попыталась подняться на ноги, но, повидимому, была еще очень слаба, такъ какъ зашаталась и упала на руки къ быстро подоспѣвшему Дикки. Она бормотала, что это все смѣшно, что ей стыдно, что она не понимаетъ, въ чемъ дѣло, но онъ не обращалъ вниманія на ея слова. Онъ просто поднялъ ее на руки, понесъ на свою кровать и уложилъ.

— Вотъ здѣсь вы и останетесь,—говорилъ онъ при этомъ,—никакого вокзала не будетъ!

— Ахъ, но я должна!—слабо возражала она.—Я не могу оставаться здѣсь. Вы страшно добры, но я, право, не могу.

— Господи! ну и упрямство!—подумалъ Дикки и заявилъ горячо и настойчиво, что не отпуститъ ее.

— Я самъ уйду изъ дому,—сказалъ онъ,—если вы хотите быть однѣ.

— Ой, нѣтъ! я не допущу, чтобъ вы шли мерзнуть на улицѣ,—воскликнула она.—Но какъ же... какъ я раздѣнусь?

— Значитъ, вы остаетесь?

— Да... Я боюсь и думать теперь о вокзалѣ.

— Ну вотъ, и хорошо... Я, значитъ, выйду... выйду на лѣстницу, пока вы уляжетесь.

— Вы очень добры ко мнѣ,—сказала она.

Дикки на это усмѣхнулся и скрылся за дверью.

Какъ только онъ вышелъ, Фанни вскочила съ постели и подошла къ зеркалу. Она поправила прическу и сняла платье. Не ожидала она, что будетъ такъ проводить эту ночь!

Наконецъ, прихорашиваніе было кончено, Фанни выглядѣла кокетливо-изящной, какъ только можетъ желать женщина, чтобы понравиться, и тогда только крикнула Дикки, что онъ можетъ войти.

Онъ вошелъ въ мастерскую, не зная, куда ему дѣвать глаза. И не оттого, что онъ былъ круглый дуракъ съ женщинами, а оттого, что онъ повѣрилъ ей. Все-таки ему пришлось пройти возлѣ

кровати, чтобъ достать одѣяло изъ шкапа за занавѣской. Она заставила его взглянуть на себя.

— Мнѣ будетъ все время стыдно думать, что вы мучитесь на жесткомъ диванѣ,—сказала она.

— Спите спокойно,—отвѣтилъ Дикки,—и не тревожьтесь обо мнѣ. Я закутаюсь въ одѣяло и засну, какъ убитый.

Когда онъ вернулся черезъ минуту, съ одѣяломъ черезъ плечо, она прошептала: «Спокойной ночи!»

— Ну, какъ? Чувствуете себя лучше?—спросилъ онъ.

— О, да! гораздо, гораздо лучше!

— Ну, вотъ... Спокойной ночи!

— Спокойной ночи,—шепнула Фанни, вкладывая въ эти слова легкій оттѣнокъ томной нѣжности. Но Дикки исчезъ за портьерой, и она капризно надула губки, пожала плечами и повернулась на другой бокъ.

Черезъ минуту Дикки потушилъ огонь. Вся комната погрузилась во тьму. Онъ долго лежалъ, не засыпая, на своемъ диванѣ и прислушивался къ мѣрному дыханію своей спящей гостьи.

VIII.

Послѣ плохо проведенной на диванѣ ночи, Дикки проснулся въ половинѣ восьмого и лежалъ, припоминая все происшедшее наканунѣ. Миссъ Корнишъ все еще крѣпко спала. Вдругъ онъ услышалъ тихій скрипъ отворяемой двери и невольно улыбнулся, увидя торчащую верхушку шляпы старой Фанни.

Сперва онъ хотѣлъ позвать ее и объяснить ей положеніе дѣла, но одержалъ верхъ соблазнъ: захотѣлось понаблюдать ея изумленіе со стороны.

Первымъ дѣломъ она сняла накидку и шляпу и повѣсила ихъ на гвоздикъ. Затѣмъ передъ зеркаломъ надѣла большой фартукъ, охорашиваясь, чтобъ выглядѣть аккуратной и заслужить одобреніе Дикки. Вѣдь, это онъ купилъ ей этотъ фартукъ для работы и черную юбку, чтобъ носить вмѣсто той «реформы», въ которой ей было такъ удобно ходить дома.

Когда бантъ у шеи былъ налаженъ, какъ ей нравилось, и Фанни продѣлала передъ зеркаломъ всѣ тѣ безчисленные пріемы, которымъ женщина никогда не разучивается, какъ бы стара она ни была, она направилась за портьеру будить Дикки.

А онъ, лежа на диванѣ, съ трудомъ сдерживалъ смѣхъ

при видѣ того, какъ измѣнилось выраженіе ея лица; добродушное довольство смѣнилось непріятнымъ изумленіемъ. Она застыла на мгновенье въ этой позѣ, точно лишилась способности къ движенію. Но затѣмъ Дикки, все еще давясь хохотомъ, увидѣлъ, что она покачала головой, подняла глаза къ небу и со вздохомъ отошла отъ занавѣски.

Тутъ она увидѣла диванъ и его. Дикки опустилъ вѣки и сдѣлалъ видъ, что спитъ, но продолжалъ исподтишка наблюдать, какъ Фанни собиралась съ духомъ подойти будить его.

Повидимому, для этого потребовалось не мало усилій, но наконецъ она подошла къ дивану и сказала вполголоса:

— М-ръ Ферлонгъ! уже больше половины восьмого!

Дикки зашевелился и что-то промычалъ, изображая, что просыпается. Она еще разъ повторила:

— Уже больше половины восьмого.

Онъ открылъ глаза и посмотрѣлъ на нее. Скажетъ ли она о томъ, что видѣла за занавѣской?

— Здравствуйте, Фанни!—привѣтствовалъ онъ ее.

— Доброе утро, сэръ!—отвѣтила она. Она держалась почтительно и оффиціально, какъ никогда прежде. Но о томъ, что узнала, не упоминала ни словомъ.

— А какая нынче погода, Фанни?—спросилъ Дикки.

— Очень хорошая, ясная, сэръ.

Онъ выжидательно глядѣлъ на нее, но она все молчала.

— А этотъ диванъ, знаете, чертовски неудобенъ,—произнесъ онъ, наводя ее на тему.

— Конечно, какое ужъ тутъ удобство!—спокойно отвѣчала она. Дикки понялъ, что она глубоко уязвлена. Что, какъ всегда бываетъ съ хорошими женщинами, она ставила его на пьедесталъ, и теперь слезами души своей оплакивала его паденіе съ этого пьедестала.

— Фанни!—началъ онъ.

— Что прикажите, сэръ?

— Вы глупая, глупая женщина.

— Весьма возможно, сэръ.

— Да, да, это вѣрно. Отчего вы не говорите,—онъ понизилъ голосъ,—что видѣли даму на моей кровати?

— Оттого, что это меня не касается, сэръ,—отвѣтила Фанни.

Дикки почувствовалъ почему-то удовлетвореніе при мысли, что дѣло обстояло не такъ худо, какъ казалось на видъ.

— Пойдите, разбудите даму,—сказалъ онъ,—и спросите ее, не хочетъ ли она чаю.

Фанни послушно отошла на нѣсколько шаговъ отъ дивана, но въ смущеніи вернулась назадъ.

— А какъ мнѣ звать ее, м-ръ Ферлонгъ?—жалобнымъ тономъ спросила она.—Миссъ или мэмъ?

— Вы, кажется, думаете, Фанни, что я совсѣмъ потерянный человѣкъ,—сказалъ Дикки.

— Нѣтъ, сэръ, отчего же? Молодые люди всегда остаются молодыми людьми. Это не мое дѣло.

— Называйте ее миссъ,—сказалъ Дикки,—и не будьте такой глупой, Фанни. Не надо судить по виду. Чортъ возьми, развѣ я не могу распоряжаться своей кроватью? Постарайтесь представить себѣ, что двое людей могутъ быть въ одной комнатѣ, какъ дѣти—потому что такъ оно и было. Она такая же порядочная, какъ и вы, Фанни! Пойдите, предложите ей чаю.

Къ чести Фанни надо сказать, что она повѣрила словамъ Дикки. Но она была смущена и не знала, что думать о молодой особѣ, которая соглашается занять у молодого человѣка кровать, а его самого выпроваживаетъ на диванъ. Тѣмъ не менѣе, старая Фанни сдѣлала все, чтобъ придать своему голосу почтительный оттѣнокъ. Дикки усмѣхнулся ея старанію.

— Не прикажете ли чаю, миссъ?—спросила она, остановившись на довольно почтительномъ разстояніи отъ кровати и словно боясь приблизиться. Но отвѣта не было, и она снова повторила свой вопросъ, точно тѣмъ же тономъ.

Фанни Корнишъ разомъ присѣла на постели, протирая глаза.

— Что такое?—воскликнула она, не понимая и уставясь на чужую женщину. Но, переведя глаза на занавѣску, она вспомнила и повторила:—Чаю?.. Да... да... пожалуйста, дайте.

М-съ Сэмби удалилась въ маленькую каморку-кладовую готовить чай, а Фанни стала глядѣть сквозь одну изъ щелей въ занавѣскѣ: видна была остальная часть мастерской. Она увидѣла Дикки на диванѣ, съ взлохмаченной головой.

— Вы здѣсь, м-ръ Ферлонгъ?—окликнула она его.

— Да,—отвѣтилъ онъ,—я здѣсь.

— Не очень было вамъ неудобно на диванѣ?

— Нѣтъ, ничего,—отвѣтилъ онъ.—Но вы спали хорошо. Какъ чувствуете себя теперь?

— Какъ я себя чувствую?.. Ахъ, да... превосходно. Который часъ?

— Скоро восемь.

— Къ девяти надо быть на службѣ.

— Что вы скажете тамъ?

— Да что? скажу, что ночевала у знакомыхъ. Пусть вѣрятъ или не вѣрятъ—это ихъ дѣло.

Дикки сбросилъ одѣяло и вскочилъ. Онъ спалъ одѣтый, чувствовалъ разбитость во всемъ тѣлѣ и какую-то досаду на самого себя. Онъ облилъ голову холодной водой въ каморкѣ и заявилъ, что уйдетъ, пока Фанни будетъ одѣваться.

— Даю вамъ четверть часа времени,—сказалъ онъ.—А затѣмъ вернусь, и мы будемъ чай пить.

Фанни принялась за туалетъ, засыпая м-съ Сэмби вопросами. Она хотѣла знать, выставлялъ ли Дикки свои картины въ Академіи, и выражала увѣренность, что онъ составитъ себѣ въ скоромъ времени большое имя. Но чужому человѣку было нелегко втянуть старую Фанни въ бесѣду. По разговору она видѣла, что миссъ Корнишъ была настоящая барышня; тѣмъ болѣе стыдно ей, что поставила себя въ такое неудобное положеніе. М-съ Сэмби отвѣчала вѣжливо, но добиться у нея какихъ-нибудь свѣдѣній было невозможно. Она все время продолжала свою работу, накрывала на столъ къ чаю и ни на минуту не отрывалась отъ дѣла, какъ дѣлала это для болтовни съ Дикки.

— Стану я тоже разсказывать ей всякую всячину!—говорила она, когда Фанни Корнишъ послѣ чаю ушла.—А она-то! такъ и сыпетъ вопросами! И все о васъ, все о васъ. Не знаю, можетъ быть, она вамъ и знакомая—хоть не очень-то знакомая, если только вчера въ первый разъ встрѣтили—но извините меня, м-ръ Ферлонгъ, а такое выспрашиваніе, просто-на-просто, дерзость.

Тутъ Фанни стала подражать голосу молодой дѣвушки, повторяя тѣ вопросы, что она задавала ей, и принимая обычный тонъ, когда передавала ему свои уклончивые отвѣты.

— Батюшки мои!—говорю я ей.—Этакъ мы всѣ бы состарились,—говорю,—если бы все знали и на всѣ,—говорю,—вопросы получали бы отвѣтъ.

— Что же она на это?—спросилъ Дикки.

Фанни поджала губы, склонила голову на бокъ и сдѣлала тонкій голосъ, изображая манеру говорить миссъ Корнишъ.

— «Спросъ не бѣда,—говоритъ.—Даже въ томъ случаѣ, если люди,—говоритъ,—не понимаютъ приличій и не отвѣчаютъ».

Дикки еле удерживался отъ смѣха, а Фанни снова приняла свое обычное выраженіе, чтобы передать ему свой отвѣтъ.

— «А по моему разумѣнію, по-простому,—говорю,—можетъ быть приличіе въ вопросахъ и можетъ быть приличіе и

въ томъ, чтобы не отвѣчать на нихъ... Все это,—говорю,—зависитъ, какъ кто на дѣло смотритъ». Такъ вотъ ей и сказала. Но вы не подумайте, м-ръ Ферлонгъ, что я съ ней грубо говорила. Боже сохрани! Я свое мѣсто не забыла.

— Кажется, вы не считаете ее барышней изъ порядочной семьи?—спросилъ Дикки.

На лицѣ Фанни отразилось все, что она думала о другой Фанни. Но вслухъ она замѣтила только, что, по ея мнѣнію, кровать чужого мужчины—не мѣсто для порядочной барышни.

— Я бы не спала въ чужой постели,—прибавила она,—хоть озолоти меня!

Въ это утро Дикки набросалъ углемъ эскизъ головы миссъ Корнишъ въ профиль,—какъ онъ наблюдалъ ее наканунѣ вечеромъ, при отблескѣ огня.

Когда рисунокъ былъ готовъ, онъ показалъ его Фанни.

— Ахъ, м-ръ Ферлонгъ!—воскликнула она.—И острый же у васъ глазъ!

— Похоже на нее, Фанни?

— Да сразу узнала! Видать, что наглядѣлись на нее. А только стóитъ ли она того?..

М-съ Сэмби остановилась: въ дверь постучали. Она взглянула на Дикки, Дикки на нее. Оба догадались, кто это, хотя по разнымъ основаніямъ. Фанни—оттого, что раскусила миссъ Корнишъ и знала женскую тактику. Дикки—оттого, что понялъ, что произошло въ магазинѣ.

— Войдите!—сказалъ онъ.

Никто не удивился, когда въ дверяхъ появилась Фанни Корнишъ.

— Ну, что же?—спросилъ Дикки.

— Чистая отставка,—отвѣтила она и залилась слезами.

IX.

Что было дѣлать, какъ не повторить все по-вчерашнему? Правда, у Фанни были тетка съ дядей въ Брикстонѣ. Но у нихъ были патріархальные взгляды на жизнь, которые совершенно ей не подходили.

— Не желаю я, чтобы меня водили по воскресеньямъ въ церковь,—сказала она.—Пусть ищутъ! пусть узнаютъ, гдѣ я—жить съ ними не могу.

— Вы скоро выйдете замужъ,—сказалъ Дикки. Хотя онъ

и чувствовалъ, что начинаетъ увлекаться ею, но у него не было никакого желанія самому жениться на ней.

— Замужъ?—воскликнула она.—Я не намѣрена пока выходить замужъ. Мнѣ только двадцать лѣтъ. Хочется сначала повеселиться.

Онъ спросилъ, что она подразумѣваетъ подъ словомъ «веселиться», но она не могла дать удовлетворительнаго объясненія.

— Ну, такъ... бывать всюду,—отвѣтила она.

Дикки предложилъ ей слѣдующую комбинацію. Пусть она остается здѣсь, пока не получитъ новаго мѣста, спитъ, какъ и прошлую ночь, на его кровати, обѣдаетъ вмѣстѣ съ нимъ, чѣмъ Богъ послалъ—а за это пусть позволитъ ему писать съ нея портретъ.

— Вы не даете ничего даромъ, а?—со смѣхомъ сказала она.

Дикки почувствовалъ, какъ горячей волной прихлынула кровь къ его щекамъ. Значитъ, онъ поступилъ некрасиво? Дѣйствительно, для портрета онъ долженъ былъ бы платить натурщицѣ, а ей онъ предлагалъ только кровъ, который все равно обязанъ былъ предложить ей.

Снова она оказывалась хитрѣе его. Она хотѣла, чтобы онъ, а не она считалъ себя обязаннымъ.

М-съ Сэмби, услышавъ это замѣчаніе, пробормотала про себя: «Экая ехида!» Конечно, что́ ей до того, какъ и кому м-ръ Дикки желаетъ уступать свою спальню. Но ей, м-съ Сэмби, не улыбалась мысль угощать чаемъ эту дѣвицу каждое утро. Женщина никогда не старѣетъ для ревности; да и мужчина тоже, по правдѣ сказать.

М-съ Сэмби взяла тряпку и стала стирать пыль съ мольберта съ такой силой, какъ-будто хотѣла отполировать его. «Экая ехида!»—пробормотала она еще разъ.

А Дикки размышлялъ о томъ, въ самомъ ли дѣлѣ онъ такъ некрасиво поступилъ. Что побудило его заключать договоръ съ женщиной?

— Я не хотѣлъ сказать,—проговорилъ онъ,—что вы не можете остаться здѣсь, если не будете позировать. Боже сохрани! Вѣдь, вамъ некуда идти.

— Не думайте, пожалуйста, — перебила она его, — что у меня нѣтъ друзей. Нашлось бы, куда пойти. Вы не единственный человѣкъ, который пріютилъ бы меня.

— Я не думаю, что я единственный,—возразилъ Дикки,— но развѣ они такъ... развѣ они спали бы на кушеткѣ?

Фанни знала хорошо, что ни одинъ изъ тѣхъ мужчинъ, съ которыми она была знакома, не сдѣлалъ бы этого. Даже ея лучшій пріятель—который возилъ ее въ рестораны и подарилъ ей всѣ брошки, медальоны и браслеты, которые она носила—даже онъ однажды предложилъ ей провести нѣсколько дней праздниковъ за городомъ, въ маленькомъ отелѣ. Предложеніе его было достаточно явное. Очевидно, онъ считалъ, что настало время сдѣлать его.

— Я поѣду, — отвѣтила она, — если вы закажете мнѣ отдѣльную комнату, которой я буду распоряжаться сама.

Эти условія, повидимому, не понравились ему. Поѣздка была отложена, и такъ никогда и не состоялась.

А вотъ теперь на вопросъ Дикки Фанни не могла отвѣтить правды. Единственно, что оставалось—обратиться къ тону шутки.

— Слушайте... да я, вѣдь, не жалуюсь,—сказала она.—Бѣднякамъ не приходится выбирать. Вы совершенно правы, когда берете то, что можно. А кромѣ того, мнѣ очень хотѣлось бы имѣть свой портретъ. Онъ будетъ для Академіи? Вотъ было бы славно, если бы онъ попалъ туда! Подумайте, сколько знакомыхъ моихъ и подругъ ходитъ въ Академію, и вдругъ увидѣли бы меня тамъ! Вотъ это интересно! Въ чемъ вы будете рисовать меня? У меня есть шикарное бальное платье—черное—почти новое. Знакомая портниха очень старалась надъ нимъ.

Такъ Фанни уклонилась отъ вопроса, Дикки, внушая своимъ тономъ мысль, что онъ заставилъ ее принять условія, всѣ выгоды которыхъ на его сторонѣ.

Въ тотъ же день она привезла свои вещи и свое нарядное черное платье.

— Пойдите за занавѣску и надѣньте его,—сказалъ Дикки,—а я пока обдумаю планъ.

Она исчезла, а Дикки сталъ прохаживаться по мастерской, обдумывая тона и стиль, въ которомъ онъ будетъ писать этотъ первый серьезный портретъ въ своей жизни. Фанни за портьерой была занята мыслями о томъ, что онъ думаетъ, слыша мягкое шуршаніе спадающаго съ нея платья, звукъ разстегиваемыхъ кнопокъ и крючковъ, легкій вздохъ, когда она зашнуровывала корсетъ и застегивала послѣдній крючокъ на груди. А Дикки не слышалъ ничего.

Когда она, одѣвшись, вышла изъ-за портьеры, то застала его стоящимъ посреди комнаты и дотого ушедшимъ въ свои мысли, что онъ даже не замѣтилъ ея появленія. Это задѣло ее за живое.

Она остановилась, нервно постукивая носкомъ туфли по полу и кусая губы. Наконецъ, Дикки оглянулся.

— Ахъ, ты, Богъ мой!—вырвалось у него невольно, потому что впечатлѣніе было сильное. Стоя въ обыкновенной позѣ, съ опущенными внизъ руками, она была какъ нельзя болѣе живописна. Въ ея простомъ черномъ платьѣ не было замѣтно никакого особеннаго искусства портнихи. Но оно было очень низко вырѣзано. Дикки даже подумалъ не безъ удивленія о добродѣтельныхъ протестахъ Фанни, не зная, какъ согласовать ихъ со всѣмъ этимъ. Но мысль эта мелькнула и ушла. Все уступило мѣсто радостному возбужденію передъ предстоявшей ему новой серьезной задачей, живое воплощеніе которой стояло передъ нимъ.

— Ахъ, ты, Богъ мой!—повторилъ онъ снова,—видъ у васъ головокружительный! Положительно, головокружительный!

Блѣдность ея лица—она не принадлежала къ дамамъ, которыя подкрашиваются, такъ она ему сказала—придавала особый интересъ ея образу. Темные волосы, яркія губы на блѣдномъ лицѣ, большіе бархатные глаза съ длинными рѣсницами—все это были такія детали для портрета, которыя, онъ зналъ, способны привлечь къ нему всеобщее вниманіе.

Фанни смѣнила гнѣвъ на милость. Она стояла, улыбаясь, грѣясь въ лучахъ его нескрываемаго восхищенія. Дикки черезъ всю мастерскую подошелъ къ ней, чтобы расправить складки ея платья, и когда онъ дѣлалъ это, тяжелый ароматъ томно-сладостныхъ духовъ ударилъ ему въ голову. Бѣшеное желаніе схватить ее въ объятія овладѣло имъ.

Но онъ подавилъ его и отошелъ въ сторону, съ упорствомъ стараясь отогнать отъ себя эти мысли. Фанни и не догадывалась, что происходило въ немъ. Онъ достаточно владѣлъ собою для того, чтобы не дать ей такого козыря въ руки.

Когда онъ, черезъ нѣсколько мгновеній, снова подошелъ къ ней, его губы были плотно сжаты. Опять владѣла имъ будущая картина, а не она сама. Если бы онъ не поборолъ въ себѣ того желанія, что бы случилось? Ему казалось, что онъ знаетъ: она бы ушла и никогда не вернулась въ его мастерскую, и картина, которая уже чудилась ему, не могла бы быть написана.

—Есть у васъ какія-нибудь украшенія, чтобы надѣть?—спросилъ Дикки спокойно. Моментъ тотъ прошелъ, и онъ былъ теперь вполнѣ увѣренъ въ себѣ.

Фанни пошла за занавѣску и стала рыться въ своихъ вещахъ. Черезъ минуту она вернулась съ ожерельемъ изъ под-

дѣльнаго зеленаго камня вокругъ шеи и браслетомъ съ такими же камнями на рукѣ. На фонѣ блекло-оранжевой занавѣси зеленые огоньки давали неожиданно-смѣлый красочный эффектъ, который сразу увлекъ Дикки. Онъ увидѣлъ всю картину въ законченномъ видѣ и, что еще важнѣе было для него въ этотъ моментъ зачатія идеи, придумалъ даже названіе для нея.

Его глаза заискрились. Бьющая ключемъ энергія творчества овладѣвала имъ. Фанни еще ни разу не видѣла его такимъ и почувствовала, какъ ея личность стушевывается передъ нимъ.

— Вотъ, вы мнѣ дали названіе для картины!—воскликнулъ онъ съ увлеченіемъ.

— Названіе?

— Ну да... какъ я назову ее, когда она будетъ готова.

— Какъ?

— «Мишура». Ничего больше. Просто—«Мишура».

Въ глазахъ Фанни выразилось разочарованіе. Болѣе того—обида.

— Развѣ вы не назовете ее «Портретъ миссъ Фанни Корнишъ»?—спросила она.—Мнѣ казалось, что въ Академіи всегда такъ называютъ портреты.

Дикки вскинулъ на нее изумленный взглядъ.

— Корнишъ? Почему Корнишъ?

Тутъ только Фанни вспомнила, что сказала ему, будто ея фамилія—Маршалль. Впервые за время ихъ короткаго знакомства она смутилась: ея щеки ярко порозовѣли. Какъ досадно, она сама себя выдала!

— Да... я вамъ сразу назвалась Маршалль,—призналась она.

— Но почему?

— Ахъ... я... у меня были свои основанія.

— Вы не довѣряли мнѣ, да?

Онъ громко расхохотался, и она подумала, что можетъ возненавидѣть его.

— Ну, что-жъ? можетъ быть, вы и были правы,—сказалъ онъ.—Всѣ мужчины на одинъ ладъ, правда? Такъ вы сами сказали вчера вечеромъ, когда я вамъ показалъ этюдъ тѣла?.. Ну, да что? Корнишъ или Маршалль, не все ли равно? «Мишура»—вотъ названіе для портрета. А теперь, пожалуйста, постойте вотъ такъ—больше получаса мнѣ не понадобится. Я сдѣлаю общій эскизъ акварелью.

Фанни стояла не двигаясь цѣлый часъ. Первый разъ въ жизни настоящій художникъ писалъ ея портретъ, и тщеславіе

помогало ей переносить усталость. За весь часъ она заговорила только разъ, и то для того, чтобы спросить его, находитъ ли онъ ее похожей на одну извѣстную Лондонскую артистку?

— Почти всѣ мои знакомые увѣряютъ, что я страшно похожа на нее—добавила она.

— Вы больше похожи на самое себя,—отрѣзалъ онъ, но она была довольна этимъ отвѣтомъ и молчала до окончанія этого часа.

Къ концу сеанса блеклый оранжевый тонъ фона превратился по волѣ Дикки въ желто-сѣрый. Эскизъ вышелъ грубоватый и разочаровалъ Фанни. Ей хотѣлось видѣть черты своего лица и главное его очарованіе—глаза, а вмѣсто этого было какое-то расплывчатое пятно. Но вся схема красокъ была намѣчена. Платье отливало богатыми переливами чернаго шелка на тускло-желтомъ фонѣ, а блестки зеленыхъ камней на шеѣ и на рукѣ вносили странно-неожиданную нотку, чудеснымъ образомъ сливавшуюся однако въ общей гармоніи.

— Въ готовомъ видѣ будетъ, вѣдь, не такъ, правда?—спросила Фанни.

— Насколько возможно будетъ, я постараюсь не зализывать—отвѣчалъ Дикки. Онъ зналъ, что хотя эскизъ сдѣланъ вчернѣ, но вылился свободно и интересно, и зналъ ему цѣну.

Въ законченномъ видѣ портретъ Фанни Корнишъ великолѣпенъ и давно поступилъ во владѣніе одного частнаго лица во Франціи. Но этотъ черновой эскизъ до сихъ поръ является моей собственностью, и я бы съ нимъ не разстался «хоть озолоти меня», по выраженію почтенной м-съ Сэмби.

— А теперь,—сказалъ Дикки, кладя готовый эскизъ на мольбертъ,—надо раздобыть холстъ. И побольше.

Онъ запустилъ руки въ карманы блузы. Тамъ было всего нѣсколько шиллинговъ. Тогда онъ окинулъ взглядомъ стѣны комнаты, размышляя, съ которой изъ картинъ можно бы разстаться. Послѣ нѣсколькихъ непріятныхъ минутъ колебанія онъ взялъ подъ мышку этюдъ голой натурщицы.

— Куда вы?—спросила Фанни.

— Продать вотъ это,—объяснилъ Дикки,—и купить холстъ. Когда вернусь, мы выпьемъ чаю.

Однимъ духомъ онъ очутился на лѣстницѣ, громко хлопнувъ за собою дверью. А Фанни сняла свой нарядный туалетъ и переодѣлась въ домашнее платье. Ей было не по себѣ. Она раздумывала: не слѣдовало ли ей придти на помощь Дикки, чтобы ему не пришлось продавать картины ради покупки холста

для ея портрета? Но у нея всего капиталу было только два фунта.

— Нѣтъ,—рѣшила она послѣ недолгаго раздумья,—чего ради мнѣ это дѣлать? Онъ можетъ зарабатывать деньги, а я—нѣтъ.

Соображеніе было практическое и безспорное. Его безспорность и успокоила ея совѣсть.

X.

Прошло съ недѣлю, и Дикки понялъ съ полной очевидностью, что создавшееся положеніе невыносимо. Не говоря уже объ уздѣ, въ которой онъ долженъ былъ безпрерывно себя держать, чего, вѣроятно, не сдѣлалъ бы ни одинъ мужчина, было еще вотъ что: никто изъ его знакомыхъ и пріятелей, заходившихъ въ мастерскую, не вѣрилъ этой исторіи.

Да и какъ могли они вѣрить въ этой средѣ, гдѣ браки рѣдки, а связи съ женщинами носятъ характеръ непостоянства и мимолетности? Они откровенно говорили, что не вѣрятъ. Даже Гильдеръ, гордившійся своимъ тактомъ, не могъ скрыть вида человѣка, который прекрасно понимаетъ, но молчитъ.

Заходя въ мастерскую—что случалось часто, такъ какъ онъ очень интересовался работами Дикки—онъ всегда справлялся о madame, и если Фанни находилась тутъ, то обращался къ ней такъ же.

Они были въ открытой враждѣ съ первой встрѣчи. Отчасти оттого, что она узнала въ немъ того пріятеля, который предостерегалъ Дикки отъ нея, какъ отъ demi-vierge. Она не понимала этого слова, но чувствовала, что въ немъ скрывается что-то нелестное. Главнымъ же образомъ не любила она его оттого, что по его манерамъ ощущала, что онъ считалъ ее ничѣмъ не лучше всѣхъ тѣхъ дѣвицъ, какихъ онъ зналъ.

Вы думаете, что я живу съ Дикки, правда?—неожиданно спросила она однажды Гильдера, когда осталась съ нимъ наединѣ на нѣсколько минутъ.

Онъ развелъ руками на особый манеръ, который хотѣлъ считать французскимъ, и воскликнулъ: «Madame!» съ многозначительностью, которая могла означать что угодно.

— Лучше ужъ прямо высказать все,—не выдержала она,—чѣмъ называть меня «madame» съ такой хитрецой. Я знаю, что вы хотите этимъ сказать.

Онъ улыбнулся той своей очаровательной улыбкой, которую считалъ способной смягчать гнѣвъ любой женщины.

— Что вамъ мое мнѣніе?—спросилъ онъ.

— Но вы думаете такъ, и я должна вамъ прямо сказать—это неправда!

— А-а,—протянулъ онъ, принимая умный видъ и совершенно нечаянно роняя умное замѣчаніе:

— А жаль! Лучше бы это было правдой.

Фанни вся вспыхнула и заговорила о чувственности мужчинъ въ риторическихъ до смѣшного выраженіяхъ. Гильдеръ сопровождалъ ея слова разнообразными движеніями рукъ.

— Мы—животныя,—замѣтилъ онъ, когда она смолкла, ища словъ.

— Да, да,—подхватила она,—это и есть настоящее слово. Мужчины—животныя!

— Какъ вы, женщины, презирали бы насъ,—промолвилъ онъ,—если бы мы были иными!

Этотъ короткій разговоръ былъ какъ нельзя лучшей подготовкой Фанни для объясненія съ Дикки, если бъ пришлось его вести: она теперь знала, что говорить ему.

Дикки терпѣлъ очень долго. Онъ терпѣлъ все время, пока работалъ надъ портретомъ. Но вотъ пришелъ такой день, когда ея дразнящее платье и томительно-одуряющій запахъ духовъ искушали его чувства сильнѣе, чѣмъ занимала его мысли работа.

Долго боролся онъ съ навожденіемъ. Сначала радость творчества владѣла имъ и отвлекала отъ соблазна. Теперь портретъ былъ почти готовъ. Оставалось только «отдѣлать» его, сдѣлать нѣсколько послѣднихъ мазковъ, и этого онъ не въ состояніи былъ сдѣлать въ ея присутствіи.

И вотъ однажды утромъ онъ бросилъ кисти, подошелъ къ раковинѣ водопровода и отпилъ большой глотокъ воды. Затѣмъ предложилъ Фанни пойти прогуляться въ паркъ.

— Вы не будете больше работать?—спросила она.

— Сегодня? нѣтъ. Мнѣ надо на воздухъ. Подышать хочется.

Фанни была не изъ тѣхъ, которыя понимаютъ чужое настроеніе и сочувствуютъ ему. Но тутъ она должна была подчиниться. Какой смыслъ было бы оставаться одной въ мастерской? Она бросила взглядъ на портретъ—какъ женщина смотритъ въ зеркало—и пошла за занавѣску. Тамъ она переодѣлась, надѣла жакетъ и шляпу и заявила, что готова.

Вернувшись, Фанни увидѣла, что Дикки стоитъ передъ

своимъ холстомъ. Къ ея удивленію, на глазахъ у него блестѣли слезы.

Будь въ ней какое-нибудь чувство, она проявила бы участіе въ этотъ моментъ! Но одно только любопытство руководило ею, когда она подошла близко къ нему и спросила, въ чемъ дѣло.

— Ничего,—отвѣтилъ онъ,—ничего.

— Что-нибудь да есть... У васъ слезы на глазахъ. Что случилось?

— Какое проклятіе,—произнесъ онъ,—что нельзя уйти отъ себя... Э-эхъ, да что! Пойдемъ лучше! Ничего хорошаго не выйдетъ, если я буду сидѣть здѣсь и глазѣть на эту дрянную штуку.

— Какъ? развѣ вы не считаете портретъ удачнымъ?— встревожилась она.

— Да... Онъ—хорошъ. Но я не могу справиться съ собою... Ну, все равно. Пойдемъ.

Она молча, оторопѣвъ, послѣдовала за нимъ.

Дѣло было ранней весной. Мартъ начался очень бурно. Въ первые дни жестокій вѣтеръ сотрясалъ окна мастерской. Но теперь, къ серединѣ мѣсяца его буйство было укрощено, и небо было такой ярко-весенней синевы, какой оно бываетъ, пока не выгоритъ отъ лѣтняго солнца. Ни одной тучи не было въ вышинѣ. По бездонному морю лазури плыли только легкія бѣлыя облака, похожія на парусныя лодки, за которыми Дикки, ребенкомъ такъ любилъ, бывало, слѣдить.

Черезъ Мраморную арку они прошли въ Гайдъ-паркъ. Здѣсь Дикки цѣликомъ подпалъ подъ обаяніе всесильной прелести весны. Онъ перелѣзъ черезъ ограду, гдѣ пробивалась уже молоденькая травка, глубоко втягивалъ въ себя воздухъ и всей душой стремился къ безкрайному простору родныхъ полей.

— Что съ вами?—спрашивала его Фанни.—Вамъ нездоровится?

Въ его душѣ была радость и наслажденіе этимъ свѣтлымъ днемъ, но еще глубже, подъ ней, лежала горечь разочарованія въ самомъ себѣ и своей работѣ и тяжелое сознаніе, что онъ плѣнникъ этихъ суровыхъ лондонскихъ камней—оно не позволяло ему отдаваться легко впечатлѣніямъ минуты. Онъ серьезно отвѣтилъ, что совершенно здоровъ, но отъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій уклонился.

Когда они свернули на вьющуюся спирально аллею, Дикки увидѣлъ, что вязы уже закраснѣлись первымъ ржавымъ пушкомъ.

Издали казалось, что на весь рядъ деревьевъ упала румяная дымка—провозвѣстница готовыхъ раскрыться почекъ. Сколько ощущеній пробудило бы это въ Дикки въ деревнѣ! Тамъ при этомъ первая нѣжная зелень покрываетъ всѣ кусты, и птицы слетаются парочками. И снова мысль его перешла къ проклятому плѣну въ душномъ городѣ и стала искать выхода. Въ это время мимо прошелъ какой-то господинъ и поклонился Фанни. Она отвѣтила ему и обернулась вслѣдъ. Затѣмъ вдругъ остановилась.

— Простите! одну минутку,—обратилась она къ Дикки.— Это одинъ знакомый. Я давно не видала его. Хочу сказать ему два слова.

Она быстро пошла назадъ, и Дикки видѣлъ, что господинъ дожидается ея. Кто бы это могъ быть? Съ минуту его занималъ этотъ вопросъ, но затѣмъ онъ снова ушелъ въ воспоминанія: онъ грезилъ о сѣдыхъ ивахъ у мельницы, о солнечныхъ бликахъ на глади Эвона и обо всѣхъ деревенскихъ краскахъ и звукахъ, такихъ близкихъ, такихъ родныхъ ему. Между тѣмъ Фанни, зарумянившись, что кстати очень ей шло, приблизилась къ своему знакомому.

— Вотъ ужъ кого не ожидала встрѣтить!—сказала она.

Господинъ молча, съ нескрываемымъ восхищеніемъ, глядѣлъ на нее. Онъ былъ не молодъ. Ему было не меньше сорока пяти лѣтъ, и «нескрываемое восхищеніе» не очень красило его. Но Фанни не обращала на это вниманія. Это было восхищеніе, и оно льстило ей.

— Да!—продолжала она,—давно, давно мы не видались... Что же вы? Ничего мнѣ не скажете?

— Я скажу, что вы такъ же красивы, какъ и всегда,—произнесъ онъ.

Такого рода комплименты Фанни очень любила.

— Какимъ образомъ вы гуляете здѣсь утромъ? Развѣ вы не работаете у Глиссонъ и Миллысъ?

Взглядъ господина при этомъ вопросѣ скользнулъ по направленію къ Дикки. Ясно было, что онъ желаетъ знать все. Фанни и разсказала ему все, что можно было, съ маленькими прикрасами и маленькими умолчаніями. Исторія получалась достаточно гладкая. Она сумѣла заставить его повѣрить тому, что она и сейчасъ такое же невинное существо, какимъ онъ зналъ ее раньше. Но и онъ, какъ Дикки, призналъ это положеніе невозможнымъ.

— Все это прекрасно,—сказалъ онъ.—Но такъ продол-

жаться не можетъ. Вѣроятно, *пока* онъ увлеченъ процессомъ работы, но, когда она кончится, вы увидите его въ иномъ свѣтѣ. У этихъ художниковъ, знаете ли, не много чувства чести.

— Можетъ быть, у него и нѣтъ чести, возразила Фанни,— но я знаю, какъ держать его въ рукахъ.

Господинъ нахмурился. Теперь, когда онъ зналъ, что она во власти другого мужчины желаніе съ прежней силой готово было воскреснуть въ немъ.

— Надо намъ съ вами потолковать обо многомъ,—сказалъ онъ.—Что вы дѣлаете сегодня вечеромъ?

— Сегодня? Дикки идетъ въ натурный классъ. Вы хотите взять меня въ театръ?

— Нѣтъ... Я не могу. Моя жена теперь еще ревнивѣе, чѣмъ прежде. Я не рискую появиться съ кѣмъ-нибудь въ театрѣ. Нельзя ли намъ увидѣться гдѣ-нибудь...

— Въ мастерской,—быстро отвѣтила Фанни.—Дикки не будетъ дома нѣсколько часовъ. Приходите въ четверть девятаго.

Она сказала ему адресъ мастерской.

— До десяти онъ не вернется,—прибавила она.

Господинъ снова нахмурился.

— Не люблю я ходить въ квартиру чужого человѣка,— сказалъ онъ.

— Какъ хотите, — отвѣтила она, увѣренная въ результатѣ.—Тогда откажемся отъ свиданія.

И она увѣренно протянула ему руку на прощанье.

Онъ уступилъ, какъ она и ожидала.

— Хорошо, —сказалъ онъ.—Я приду. Но мы будемъ одни? Значитъ, вечеромъ. Четверть девятаго. Храни васъ Богъ!

Къ тому времени, когда Фанни вернулась къ ожидавшему ее Дикки, его мысли уже ушли отъ деревни. Въ немъ кипѣла ревность. Кто этотъ мужчина? Фанни съ полной откровенностью разсказала ему все о немъ—совершенно такъ же, какъ она изложила тому все о Дикки, но съ тѣми же маленькими прикрасами и умолчаніями.

Зовутъ его Кромби... Артуръ Кромби. Онъ женатъ. Она не колеблясь призналась въ этомъ—отчего же? Человѣкъ онъ со средствами. Имѣетъ моторъ, въ которомъ каталъ ее разъ— когда жена куда-то уѣзжала. Жену свою онъ любитъ, но она ужасно ревнивая женщина. Фанни однажды видѣла ее. Да, это было въ первый разъ, когда они встрѣтились съ Кромби въ магазинѣ Глиссонъ и Миллься. Онъ пришелъ съ женой за

покупками. Какъ они познакомились? Она показывала м-съ Кромби товаръ. Ихъ глаза встрѣтились. У него былъ тотъ взглядъ, который говоритъ яснѣе словъ, когда мужчина хочетъ познакомиться.

Въ этотъ день имъ не удалось поговорить. Но на слѣдующій онъ снова явился въ магазинъ. Она услуживала ему. Конечно, надо было очень умѣло держать себя. Онъ пригласилъ ее поѣхать обѣдать. Конечно, онъ былъ чужой человѣкъ и притомъ, какъ ей извѣстно, женатый. Но если бы кто попробовалъ ѣду въ магазинѣ, то зналъ бы, какъ приходится радоваться какому бы то ни было обѣду на сторонѣ!

— Знаете, я съ одной барышней иногда выходила вечеромъ на Риджентъ-стритъ,—добавила она,—и мы пробовали, не удастся ли поймать кого-нибудь, кто угоститъ обѣдомъ.

— И что же? удалось когда-нибудь?

— Господи! Еще бы! Много разъ.

— А они отъ васъ ничего не ждали?

— Можетъ быть и ждали, но ничего не получали.

— Значитъ, своего рода разбой на большой дорогѣ,— замѣтилъ Дикки.

— Ничего подобнаго!—съ досадой воскликнула Фанни,— вѣдь, имъ было весело съ нами!

Послѣ этого она не была расположена разсказывать ему дальше свою маленькую исторію, но онъ убѣдилъ ее продолжать.

Кромби повезъ ее въ тотъ вечеръ обѣдать въ маленькій ресторанъ въ Сого. Обѣдъ былъ неважный, но онъ выбиралъ мѣсто поспокойнѣе. Человѣкъ онъ былъ очень милый. Онъ самъ сказалъ ей, что она дѣлаетъ глупость, соглашаясь ѣхать обѣдать съ совершенно незнакомымъ человѣкомъ. Слишкомъ она красива, сказалъ онъ, для того, чтобы такъ рисковать.

— А онъ считалъ, что это рискъ съ нимъ?—спросилъ Дикки.

— Нѣтъ... Не съ нимъ. Онъ—порядочный. Онъ говорилъ о другихъ мужчинахъ. Со мной онъ былъ очень милъ. Подарилъ мнѣ вотъ это.

Она показала на брошку, которую носила у ворота.

— Хорошая вещь,—сказала она. —Одинъ ювелиръ сказалъ мнѣ, что она стóитъ пятнадцать фунтовъ. И вотъ я всегда утѣшаю себя тѣмъ, что имѣю это, если придется совсѣмъ круто.

— А онъ ничего не требовалъ взамѣнъ?—спросилъ Дикки.

— Нѣтъ. Онъ всегда уговаривалъ меня остаться честной. Одинъ только разъ попросилъ поцѣловать его. Вотъ и все.

— А вы что?

— Я исполнила просьбу. Что же тутъ такого?

— А я думалъ, что онъ любитъ свою жену.

Фанни звонко разсмѣялась его простотѣ.

— Этотъ фактъ не мѣшаетъ любви. Мужчины дѣлаютъ больше, чѣмъ это, и все-таки клянутся, что любятъ своихъ женъ.

— Неужели?—спросилъ Дикки.—А вы сказали ему про меня и гдѣ живете?

Фанни покачала головой. Это было легче, чѣмъ убѣдительно солгать.

Они переходили мостъ черезъ озеро. Дикки вдругъ остановился, какъ вкопанный.

— Что такое?—спросила Фанни.

Онъ молча показалъ рукой на человѣка, стоявшаго на противоположномъ концѣ моста. Передъ нимъ на парапетѣ моста стоялъ черный съ бѣлымъ фоксъ-террьеръ, котораго, противъ воли, человѣкъ хотѣлъ заставить прыгнуть въ воду. Бѣдная собаченка вытягивала лапы, стараясь отдалиться отъ края. Она вся дрожала отъ ужаса. Нѣсколько мальчишекъ—посыльныхъ, появляющихся всюду, гдѣ что-нибудь происходитъ, стояли вокругъ съ ухмыляющимися физіономіями и съ удовольствіемъ ожидали потѣхи.

Съ минуту Дикки стоялъ не двигаясь; затѣмъ вдругъ бросился бѣжать по мосту.

— Что вы хотите дѣлать?—закричала вслѣдъ ему Фанни.

— Помѣшать ему.

— Онъ устроитъ сцену,—воскликнула она.

— Наплевать!—отвѣтилъ онъ, перебѣгая черезъ мостъ.

XI.

Человѣкъ, державшій собаку, поднялъ голову. Всѣ мальчишки оглянулись, когда Дикки подошелъ къ ихъ группѣ. Въ манерѣ его приближенія сквозила явная враждебность. Предвкушая развитіе дѣйствія, мальчишки подталкивали другъ друга локтями. Мужчина встрѣтилъ Дикки дерзкимъ взглядомъ.

— Что вы хотите сдѣлать съ этой собакой?—спросилъ Дикки.

— Да вотъ убѣждаю ее,—съ вызывающимъ спокойствіемъ отвѣтилъ мужчина,—чтобы она прыгнула въ воду.

— Это вы называете убѣжденіемъ? Да вы просто толкаете бѣдное животное. Она боится и не хочетъ—посмотрите.

— Ну что жъ? Мало ли есть на свѣтѣ вещей, которыя очень полезны для насъ, а мы ихъ боимся? И есть на свѣтѣ вещи, которыя насъ вовсе не касаются, а люди все же вмѣшиваются въ нихъ.

— Если я вижу, что мучаютъ животное, то это касается меня,—сказалъ Дикки. Онъ чувствовалъ, какъ въ немъ закипаетъ неудержимая злоба. Никогда съ самаго дѣтства, со дня борьбы съ Вильфридомъ Легаттъ онъ не ощущалъ такого озлобленія, какъ сейчасъ. Внутри у него все дрожало, и онъ съ изумленіемъ замѣтилъ, что даже языкъ плохо слушается его.

— Кто это мучаетъ собаку?—спросилъ мужчина. Онъ не заботился о томъ, чтобы скрыть свое презрѣніе къ неожиданному вмѣшательству, но не терялъ самообладанія.

— Вы мучаете,—проговорилъ запинаясь Дикки,—хотя только дѣлаете видъ, что немножко подталкиваете ее. Вы запугали ее до смерти.

Щеки Дикки побѣлѣли. Вся краска отхлынула отъ нихъ. Стоя въ отдаленіи, Фанни съ замираніемъ сердца ожидала бѣды: она замѣчала въ глазахъ Дикки кровожадный огонь. Съ такими глазами люди идутъ на убійство.

— Я вовсе не дѣлаю видъ, что толкаю собаку,—сказалъ мужчина.

— Нѣтъ? *А что* же вы дѣлаете въ такомъ случаѣ?

— Никакого вида тутъ нѣтъ. Я просто столкну ее въ воду. Хочу научить ее плавать.

— Нѣтъ, вы этого не сдѣлаете!—закричалъ Дикки и бросился спасать собачку. Но было уже поздно: черно-бѣлый клубочекъ полетѣлъ кувыркомъ черезъ перила и исчезъ въ водѣ. Всѣ, затаивъ дыханіе, ждали всплеска и точно по уговору взглянули впередъ: собачка съ отчаянными усиліями плыла къ узкому мысу, который выступаетъ въ озеро пониже моста.

Тогда они подняли головы. На лицѣ владѣльца собаки была торжествующая усмѣшка. Но ее разомъ смелъ размашистый ударъ кулака Дикки. Мужчина пошатнулся и попятился назадъ, къ рѣшеткѣ моста, а Дикки, дрожа всѣмъ тѣломъ, съ тѣмъ же дикимъ огнемъ въ глазахъ, ждалъ, что будетъ дальше.

Мальчишки были въ восторгѣ. Неизвѣстно откуда уже

собиралась толпа, безъ которой ни одинъ актъ общественнаго правосудія не можетъ совершиться. Фанни, когда дѣло дошло до драки, поспѣшила убраться.

— Мнѣ что же? Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до всего этого,— разсуждала она сама съ собою.—Если хочетъ валять дурака, то пусть валяетъ. А мнѣ неинтересно.

Однако, мальчишки были на этотъ счетъ другого мнѣнія; они не думали, что Дикки валяетъ дурака. Этотъ первый ударъ, отпущенный въ полномъ невѣдѣніи, какова сила настоящаго героя уличныхъ сценъ, былъ однако заправскій ударъ. Что бы ни произошло въ конечномъ результатѣ, сейчасъ этотъ ударъ давалъ Дикки верхъ, а толпа всегда на сторонѣ успѣха. Кромѣ того, группѣ мальчишекъ, наблюдавшихъ «происшествіе» съ самаго начала, импонировалъ элементъ рыцарства въ этомъ заступничествѣ за собаку.

— Такъ его, хорошенько!—кричали они.—Дайте ему еще разокъ, господинъ! Чего жалѣть?

Въ то же время они были готовы бѣжать вразсыпную, если бы мужчина разсердился на ихъ слова.

Но ни онъ, ни Дикки не слышали ничего. Сознаніе обоихъ было поглощено другъ другомъ. Нѣсколько неувѣренно, все еще не очнувшись отъ внезапнаго удара, мужчина наступалъ на Дикки съ лѣвымъ кулакомъ, приготовивъ правую руку для защиты отъ новаго удара.

Мгновенно симпатіи толпы перешли къ нему. Да, этотъ человѣкъ знаетъ, что такое боксъ! Онъ цѣлился, какъ испытанный борецъ, знающій, откуда можетъ придти ударъ и какъ его направлять.

Но Дикки это было все равно. Онъ понялъ, что въ самомъ дѣлѣ его противникъ безконечно опытнѣе его. Но онъ не хотѣлъ бокса. Онъ искалъ борьбы. Онъ и теперь чувствовалъ то же желаніе сразить, уничтожить, которое смиряется только убійствомъ.

Онъ видѣлъ эту вытянутую лѣвую руку, добирающуюся до его лица, но, не сдаваясь передъ угрозой, горя злобой, онъ, сжавъ кулакъ, сталъ сыпать рядъ бѣшеныхъ ударовъ, направо и налѣво. Ни одинъ изъ нихъ не попалъ въ цѣль, а вмѣсто того Дикки самъ пошатнулся отъ удара, разбившаго ему губу; весь ротъ наполнился горячей кровью.

Теперь толпа и мальчишки потѣшались надъ нимъ. Забыто уже было его рыцарство, ибо финалъ представлялся очевиднымъ. Однако, онъ наступилъ не такъ скоро, какъ они предполагали.

Разъ за разомъ Дикки устремлялся противъ желѣзной лѣвой

руки противника, которая методически била его по лицу. Черезъ нѣсколько минутъ одинъ его глазъ распухъ и закрылся, а изъ ноздрей, намочивъ рубашку, бѣжала струйка крови. И все-таки безумное желаніе убійства владѣло Дикки. Когда одинъ или два голоса изъ толпы подбодряли его сочувствіемъ, и *ему* удавалось добраться до противника. Но все-таки настоящій эффектъ имѣлъ только его первый ударъ.

Наконецъ, стало ясно, что дѣло идетъ къ концу. Глазъ Дикки покрылся сѣрой пленкой. На его лицѣ кровожадное выраженіе уступило ошеломленному сознанію, что онъ сраженъ.

Еще одинъ ударъ, и Дикки упалъ бы безъ чувствъ. Противникъ уже нацѣливался, но въ этотъ моментъ одинъ изъ мальчишекъ крикнулъ: «Фараоны идутъ! Фараоны!», и толпа разсѣялась. Остался только одинъ какой-то человѣкъ; онъ, не теряя присутствія духа, нанялъ проѣзжавшій таксомоторъ и усадилъ туда Дикки. Между тѣмъ, къ опустѣвшему мѣсту побоища подошелъ полисменъ. Онъ критическимъ окомъ оглядѣлъ пятна крови на мостовой.

— Бились подлецы! что же подѣлаешь? бились!—произнесъ онъ.

XII.

Въ разгарѣ борьбы Дикки забылъ о существованіи Фанни. Вернувшись домой и заставъ ее тамъ, онъ не безъ усилій припомнилъ, что она была свидѣтельницей происшедшаго.

Онъ въ изнеможеніи бросился на диванъ и нѣсколько минутъ пролежалъ почти безъ чувствъ; но скоро поднялъ голову и спросилъ Фанни, гдѣ она была это время.

— Я вернулась домой,—отвѣтила она,—неужели вы думаете, что я могла оставаться и смотрѣть на это отвратительное зрѣлище? У васъ былъ такой видъ, какъ будто вы хотите убить его.

— Я и хотѣлъ,—сказалъ Дикки,—я бы съ радостью убилъ его!

Въ его голосѣ звенѣли слезы. Медленно подступало сознаніе горечи своего пораженія. Являлось даже желаніе, чтобъ случай снова повторился. Тогда бы онъ сдѣлалъ вотъ такъ и избѣжалъ бы удара такимъ-то пріемомъ. Короткая борьба дала ему уже нѣкоторый опытъ, и онъ напрягалъ всю свою сообразительность на измышленіе способовъ борьбы, словно побѣда была бы величайшимъ благомъ.

Но Фанни презрительно надула губы. Она не вѣрила Дикки, хотя видъ у него, дѣйствительно, былъ кровожадный. Убить человѣка за то, что онъ жестоко обращался съ собакой! Слыханное ли это дѣло! Это просто, обычная у художниковъ, утрировка своихъ чувствъ и ощущенiй. Онъ самъ себя взвинтилъ такъ, что сталъ вѣрить этому. Какъ бы то ни было, а онъ бился и, насколько она могла судить по его виду, безъ успѣха.

Въ тайномъ уголкѣ женской души Фанни скрывалось восхищенiе этой борьбой. Ей нравилось, что Дикки обнаружилъ мужество, и теперь, когда дѣло было кончено и ей лично никакихъ непрiятностей не причинило, ей импонировало это проявленiе грубой силы.

Она пыталась оказать ему разнаго рода недѣйствительныя услуги, но только раздражала его. Онъ не терпѣлъ, чтобъ его жалѣли.

— Но, однако, онъ сильно обработалъ васъ,—сказала она,—посмотрите на свой глазъ.

— Да, обработалъ онъ чисто,—кратко подтвердилъ Дикки.— Онъ въ боксѣ собаку съѣлъ, а я—нѣтъ. Разукрасилъ меня недурно—это я знаю. Но все-таки и ему здорово досталось. Въ другой разъ не будетъ мучить собаку. Вѣдь, онъ можетъ напасть на субъекта, который такъ же силенъ въ боксѣ, какъ и онъ А гдѣ же Фанни?

— Она вышла только-что.

— Зачѣмъ?

— За кускомъ сырого мяса, на случай, если понадобится вамъ къ глазамъ.

Дикки улыбнулся, насколько ему позволяли синяки и кровоподтеки. Вотъ практичная женщина, какая ему именно и нужна сейчасъ!

Когда старая Фанни вернулась, то ахнула при видѣ Дикки.

— Ахъ, ты, Господи!—воскликнула она. Не задавая никакихъ вопросовъ, она стала ухаживать за нимъ, какъ опытная сидѣлка. И только вечеромъ, вернувшись домой, къ мужу, она дала волю своему языку. Разговоръ шелъ только объ этомъ. М-ръ Сэмби вспомнилъ всѣ схватки, которыхъ онъ былъ участникомъ и свидѣтелемъ. Онъ даже изобразилъ ихъ съ большимъ одушевленiемъ, и въ половинѣ одиннадцатаго улегся спать съ ощущенiемъ прiятно проведеннаго вечера. Вѣдь, женщины мастерицы разсказывать такiя кровавыя исторiи! Къ концу бесѣды м-ръ Сэмби былъ почти убѣжденъ въ томъ, что онъ тонкiй знатокъ бокса, и могъ бы съ успѣхомъ принимать участiе въ состязанiи. Раздѣваясь на ночь, онъ съ удовольствiемъ разсматривалъ мускулы своихъ рукъ.

Пока м-съ Сэмби окружала Дикки всяческими заботами, Фанни стояла тутъ же и отпускала замѣчанія, которыя, точно булавки, кололи старую Фанни въ самое сердце.

— Вамъ, разумѣется, нельзя будетъ пойти сегодня вечеромъ въ натурный классъ. Правда?—спросила она, когда на глазъ Дикки было наложено сырое мясо и забинтовано.

Эта мысль одна только по-настоящему занимала ея сознаніе, и съ той минуты, какъ онъ вернулся, ей все время хотѣлось спросить его объ этомъ.

— Да какой тутъ классъ, прости Господи! — воскликнула м-съ Сэмби.

— Отчего же? Нѣтъ, я пойду,—сказалъ Дикки.—У меня тамъ начата работа; я долженъ кончить ее.

М-съ Сэмби подняла глаза къ небу, но ничего не сказала. Да и что́ можно было сказать? Въ его тонѣ была такая непреклонная увѣренность, противъ которой безполезно было возражать.

Но молодая Фанни была не совсѣмъ удовлетворена. Она назначила на вечеръ rendez voous, и потому ей необходимо было знать вполнѣ опредѣленно: уйдетъ Дикки или не уйдетъ изъ дому? Для того, чтобы удостовѣриться, она прибѣгла къ испытанному женскому методу: она мягкимъ, но рѣшительнымъ тономъ, стала убѣждать его, что онъ не можетъ въ «такомъ видѣ» идти сегодня.

Если у Дикки и было колебаніе, то этотъ доводъ положилъ ему конецъ. Онъ разсердился и объявилъ, что онъ—не ребенокъ, съ которымъ можно няньчиться. М-съ Сэмби, надѣвавшая свою шляпу въ углу мастерской, по звуку его голоса узнала, что теперь онъ непремѣнно пойдетъ. Она покачала головой и нѣсколько разъ прошептала: «Ай-ай!»—слушая уговоры Фанни.

Спускаясь по лѣстницѣ, она подумала (не считаясь съ тѣмъ, христіанское ли это желаніе или нѣтъ):

— Хотѣла бы я, чтобы эта дѣвчонка попала въ бѣду. Вотъ тогда она бы узнала свое настоящее мѣсто. А то согнала бѣднаго молодого человѣка съ кровати и только мучаетъ его.

Она знала, что хотѣла сказать этими словами. Всякая другая женщина тоже поняла бы ее. Такія вещи говорятся женщинами только между собою, да и то мысли ихъ высказываются не сполна.

Все послѣ-обѣда Дикки пролежалъ на диванѣ. Одинъ глазъ былъ у него закрытъ повязкой, другой—по волѣ. Когда Фанни пришла дать ему чаю, ей показалось, что онъ спитъ.

Она была внимательнѣе къ нему и не такъ эгоистична, какъ всегда. Стихійно-тупой инстинктъ пола готовъ былъ проснуться

въ ней. Кровь на его лицѣ, воспоминаніе о хищномъ взглядѣ, которымъ онъ глядѣлъ на своего противника на мосту, самая мысль о томъ, что онъ очертя голову ринулся въ борьбу—какъ ни непонятенъ казался ей ея мотивъ—все это дѣйствовало на нее возбуждающе. Она чувствовала незначительность своего тѣла—какъ чувствуетъ мужчина, когда совершается рожденіе ребенка. Ощущеніе томнаго безсилія трепетало въ ней.

Ее самое удивляло, что она прислуживаетъ ему, мало заботясь о себѣ. Дикки самъ въ концѣ концовъ замѣтилъ это. Онъ лежалъ, слѣдилъ, какъ она убираетъ чайную посуду, и думалъ о томъ, какъ она очаровательна и чего собственно ей не хватаетъ, чтобы быть настоящей женщиной.

Его утреннее возбужденіе успѣло уже улечься. Онъ поспалъ немного, и теперь мысли его снова вернулись къ ихъ отношеніямъ, которыя невозможно продолжать такъ. Наблюдая ея хлопотливыя движенія по мастерской, онъ начиналъ приходить къ мысли, что, можетъ быть, въ концѣ концовъ, она не такая уже бездушная, какъ ему казалось. И когда, проходя мимо, она положила руку ему на лобъ и сказала: «Бѣдняжка!», онъ подумалъ, что, пожалуй, ошибался въ сужденіи о ней. Она не принадлежитъ къ тѣмъ женщинамъ, которыя терзаютъ мужчинъ своей добродѣтельностью. Она—живой человѣкъ, и скромность ея—искренна. Вотъ теперь онъ униженъ, и она проявляетъ свою симпатію, свое участіе. Онъ просто не понялъ ее—вотъ и все.

Когда она слѣдующій разъ проходила мимо дивана, Дикки протянулъ къ ней руку. Съ тѣмъ же ощущеніемъ томнаго трепета, обрадованная, польщенная, она подала ему свою; но она нѣсколько остыла, когда Дикки поднесъ ее къ своимъ губамъ и поцѣловалъ.

— Вамъ надо быть паинькой,—сказала она.—Постарайтесь еще заснуть, если вы въ самомъ дѣлѣ думаете идти вечеромъ въ классъ.

— Конечно, думаю,—отвѣтилъ онъ. И хотя она оттолкнула его, все же онъ снова подумалъ, что ошибался въ ней: вѣдь, вотъ она заботится о его здоровьѣ.

Между тѣмъ Фанни зорко слѣдила за нимъ по мѣрѣ приближенія вечера, и подготовлялась къ тому, если онъ въ послѣднюю минуту измѣнитъ свое рѣшеніе и останется дома. Тогда она хотѣла пойти и обождать Кромби на улицѣ, чтобы предупредить его появленіе. Она начинала понимать, какое безуміе было приглашать другого мужчину явиться въ мастерскую Дикки.

Когда пришло время, Дикки снялъ свои повязки, собралъ рисовальныя принадлежности и надѣлъ шляпу.

— Я вернусь въ половинѣ одиннадцатаго,—сказалъ онъ и взялъ ее за руки. Противъ воли его тонъ былъ полонъ значенія. Была въ немъ твердая рѣшимость, и Фанни почувствовала ее.

Утренняя схватка пробудила въ немъ животную сторону. Онъ твердо зналъ, что дальше играть собою не позволитъ. Возможно, что Фанни смутно угадывала это. Она взглянула на его распухшій глазъ, на разбитую губу и красные шрамы на щекѣ и почувствовала, что немножко боится его. Но въ страхѣ этомъ было что-то пріятное.

— Если вы дадите мнѣ свой ключъ,—сказала она,—то я вернусь раньше. Консьержка уходитъ къ себѣ въ половинѣ десятаго, а мнѣ, можетъ быть, захочется выйти. Когда вернетесь, позвоните, и я сойду открыть вамъ.

Дикки съ неохотой вынулъ изъ кармана ключъ.

— А вы не пойдете искать господина, который угостилъ бы васъ ужиномъ?—спросилъ онъ полушутя, но съ недобрымъ огонькомъ въ подпухшемъ глазу.

Она виновато покачала головой, но этого оттѣнка Дикки не замѣтилъ. Не глядя на нее больше, онъ торопливо сбѣжалъ по лѣстницѣ.

XIII.

Фанни дала Кромби подробныя инструкціи: онъ долженъ былъ позвонить у подъѣзда, спросить мастерскую м-ра Ферлонга, подняться по лѣстницѣ на самый верхъ и постучать въ дверь.

Оставалось еще минутъ пятнадцать до того момента, какъ могъ раздаться его стукъ. Женщинамъ не надо объяснять, какъ Фанни употребила этотъ короткій промежутокъ времени. Ибо, хотя Фанни не чувствовала къ Кромби ничего, и ея сердце билось такъ же спокойно, какъ и во снѣ, все же приготовленія къ побѣдѣ она дѣлала.

И вотъ, когда Кромби постучалъ въ дверь и получилъ отъ Фанни разрѣшеніе войти, онъ засталъ ее сидящей у камина съ книжкой въ рукахъ. Тонкій запахъ ея духовъ говорилъ ему объ изящной жизни, яркость губъ на блѣдномъ лицѣ притягивала взоръ.

Первыя минуты, дѣйствительно, Кромби не могъ оторвать

отъ нея глазъ. Но затѣмъ онъ заинтересовался тѣмъ, что она разсказывала ему о Дикки, и сталъ осматриваться.

— Гдѣ же ваша комната?—спросилъ онъ, окинувъ глазами мастерскую.

Она показала за занавѣску.

— Тамъ, за портьерой?

— Да. Но это не комната, а только кровать.

— Такъ гдѣ же онъ спитъ?

— На этомъ диванѣ, гдѣ вы сидите.

М-ръ Кромби безпокойно ерзалъ на мѣстѣ. Онъ не могъ преодолѣть неловкаго чувства при мысли, что явился на свиданіе съ Фанни въ квартиру незнакомаго мужчины. А, когда она разсказала ему объ утренней схваткѣ Дикки, его неловкость еще усилилась.

— Эти люди съ художественнымъ темпераментомъ,—сказалъ онъ,—совсѣмъ не умѣютъ держать себя въ рукахъ.

Вслѣдъ за тѣмъ Кромби освѣдомился о томъ, не вернется ли Дикки раньше положеннаго времени. Ему было явно не по себѣ. Но, когда Фанни стала увѣрять его, что для Дикки работа—выше всего на свѣтѣ, и ничто не заставитъ его уйти съ занятій, Кромби вздохнулъ съ облегченіемъ и сталъ снимать перчатки.

— А онъ стоющій художникъ?—спросилъ онъ.

Вмѣсто отвѣта Фанни пошла и повернула лицомъ къ гостю мольбертъ съ готовымъ портретомъ. Тщеславіе толкнуло ее на это, хотя она и знала, что не въ правѣ этого дѣлать.

Кромби былъ пораженъ. Мало того, что передъ нимъ стояла, какъ живая, Фанни, во всей своей красивой пустотѣ; мало того, что не скрыто было ничего изъ той мелочности натуры и недостатка человѣчности, которая была ей свойственна и, очевидно, угадана художникомъ; это было больше, чѣмъ портретъ,—это была картина! На горчично-сѣромъ фонѣ фигура въ черномъ съ изумрудными пятнами ожерелья и браслета производила чрезвычайно эффектное впечатлѣніе.

— Это онъ писалъ?—спросилъ Кромби. Онъ былъ сбитъ съ толку и оттого задалъ этотъ нелѣпый вопросъ.

Фанни кивнула головой.

— Такъ, вѣдь, онъ почти геній!—воскликнулъ онъ.

Фанни новыми глазами взглянула на картину. Мнѣніе посторонняго зрителя было для нея несравненно болѣе убѣдительно, чѣмъ всѣ особенности личности Дикки.

— Вы серьезно считаете, что это такъ хорошо?

Кромби не былъ знатокомъ и цѣнителемъ искусства. Онъ

былъ просто средній человѣкъ съ среднимъ художественнымъ масштабомъ, любящій украшать свою квартиру картинами, если онѣ не слишкомъ дороги. Онъ каждый годъ ходилъ на выставку въ Академію—отчасти для того, чтобы имѣть возможность участвовать въ разговорахъ о ней. Попавъ туда, онъ проявлялъ, однако, нѣкоторую самостоятельность вкуса: онъ не восхвалялъ обязательно Сарджента, потому что это Сарджентъ — и не отрицалъ его для того, чтобы быть оригинальнымъ.

Теперь ему въ первый разъ въ жизни пришлось попасть въ мастерскую художника; и здѣсь не было безчисленнаго множества картинъ, отвлекающихъ вниманіе. Но хотя портретъ и не былъ вполнѣ законченъ, и освѣщеніе было скудное—все же Кромби почувствовалъ, что передъ нимъ нѣчто, изъ ряду вонъ выходящее.

— Кто знаетъ? Можетъ быть, я и ошибаюсь,—сказалъ онъ точно правильнѣе всего было бы объявить вещь никуда не годной,—но мнѣ представляется, что это—великолѣпная, выдающаяся вещь. Если это не окажется мыльнымъ пузыремъ, то этотъ вашъ художникъ далеко пойдетъ.

Фанни внимательно прислушивалась. Своимъ маленькимъ умишкомъ она старалась понять реальное значеніе выраженія «далеко пойдетъ» и неудержимо переходила къ разсчетамъ, какія личныя выгоды это могло бы ей принести.

— Сколько времени вы уже здѣсь у него?—спросилъ Кромби.

— Немножко больше недѣли.

— И каждую ночь спите тамъ на кровати, а онъ на этой софѣ?

— Да.

— И онъ ни разу не... объяснялся въ любви къ вамъ?

— О, да! въ первый же вечеръ. Но я немедленно прекратила это.

М-ръ Кромби нахмурился и глубоко запустилъ руки въ карманы. Онъ хорошо зналъ жизнь: иными словами, онъ зналъ, какъ поступилъ бы самъ, если бъ жизнь давала ему такіе случаи, которые всегда выпадали на долю другихъ, а его миновали. Онъ глядѣлъ изъ-подъ сдвинутыхъ бровей на красивую головку Фанни, и въ его умѣ не было никакихъ сомнѣній въ томъ, какъ это дѣло кончится. Острое жало зависти больно вонзилось въ его сердце; какой-то другой человѣкъ возьметъ то, что онъ не рѣшился сохранить для себя. Мысль эта была невыносимо-мучительна.

— Мнѣ хотѣлось бы потолковать съ вами на эту тему,— сказалъ онъ. — Вы знаете, что я вамъ совѣтовалъ все время. Вы слишкомъ хороши и интересны для того, чтобы быть погубленной такимъ образомъ!

— Меня никто не погубилъ,—сказала она сухо.

— Нѣтъ... Но неизвѣстно еще, какіе онъ будетъ предлагать вамъ соблазны?

— Соблазны? — разсмѣялась она, закинувъ назадъ голову.—Онъ бѣденъ, какъ церковная мышь.

Взглядъ Кромби невольно остановился на портретѣ. Смыслъ этого взгляда былъ тотъ, что человѣкъ, который можетъ создать такой шедевръ, не долго останется бѣднымъ. Онъ подумалъ это, но не произнесъ вслухъ. Лучше было оставить Фанни возможно дольше въ невѣдѣніи этой стороны дѣла.

— Я хочу предложить вамъ кое-что,—сказалъ онъ, подходя къ ней и кладя ей руку на плечо.—Если я гарантирую вамъ пять фунтовъ въ недѣлю, вы обѣщаете мнѣ переѣхать отсюда и всегда оставаться честной?

Къ концу фразы въ его голосѣ слышались слезы. Его предложеніе казалось ему такимъ великодушнымъ и благороднымъ, что растрогало его. Выходило даже такъ, что благородство затушевывало истинный мотивъ, руководившій имъ; но все же онъ выразилъ его достаточно ясно, когда прибавилъ:

— Я бы не могъ перенести другой мысли о васъ.

Фанни съ изумленіемъ глядѣла на него. Ничего подобнаго она никогда еще въ жизни не слыхала! Протянувъ руку, она благодарно коснулась его руки, лежавшей на ея плечѣ.

— Это невозможно,—сказала она,—сколько же времени вы въ состояніи это дѣлать?

Онъ не опредѣлялъ срока, но увѣрялъ, что знаетъ, какъ тяжело приходится дѣвушкамъ въ ея положеніи, даже если онѣ имѣютъ службу. Пять фунтовъ обезпечили бы ей уютную квартирку. Она не терпѣла бы нужды. Могла бы даже на эти деньги одѣваться. Почему онъ дѣлаетъ ей это великодушное предложеніе?

— Потому, милое дитя, — отвѣтилъ онъ, — что я знаю, сколько дѣвушекъ погибло только изъ-за того, что не было средствъ, которыя позволили бы держаться прямого пути. Здѣсь, въ мастерской у этого человѣка — каковъ бы онъ ни былъ—ваша жизнь, ваша честь виситъ на волоскѣ. Я хочу оградить васъ отъ этого. А когда вы устроитесь удобно въ своей собственной квартиркѣ, я буду иногда приходить въ гости, и вы угостите меня чаемъ, да?

— Пять фунтовъ въ недѣлю! — сказала она. — Право, о такомъ великодушіи я никогда не слыхала. Вы—единственный человѣкъ среди всѣхъ, кого я встрѣчала, который ничего не требуетъ взамѣнъ.

Кромби взялъ ея обѣ руки въ свои. У него уже было ощущеніе, что онѣ—его собственность, и пока этого ему было довольно.

— Такъ вы не останетесь здѣсь... Уѣдете еще сегодня вечеромъ, правда?

— Развѣ это не будетъ страшно грубо по отношенію къ Дикки?—сказала она—Все-таки онъ, вѣдь, выручилъ меня изъ бѣды. Безъ него я, не знаю, куда бы дѣвалась?

Кромби испытующе глядѣлъ на нее.

— Можете смотрѣть сколько угодно,—замѣтила она,—я говорю только то, что думаю...

Тутъ она запнулась и замолчала. Оба застыли въ позѣ напряженнаго ожиданія: тяжелая дверь подъѣзда гулко хлопнула, и они услышали шаги по лѣстницѣ.

— Который часъ?—шепнула Фанни.

Кромби дрожащими пальцами полѣзъ за часами.

— Половина десятаго.

— Такъ это не можетъ быть онъ. Его занятія кончаются въ половинѣ одиннадцатаго. Если кто-нибудь придетъ и будетъ стучать въ дверь, я не открою.

Они прислушивались, насторожась: шаги приближались все ближе и ближе.

— Стойте тихо, — прошептала она. — Они не увидятъ сквозь дверь свѣтъ.

— Но развѣ они не могутъ войти?—спросилъ онъ.

— Если услышатъ, что тихо, то не войдутъ. Ахъ!

Шаги раздались у самой двери. Но стука не было. Дверь просто отворилась, и показалась фигура Дикки.

XIV.

Смущеніе было общее. Дикки моментально узналъ въ Кромби того господина, съ которымъ Фанни встрѣтилась утромъ въ паркѣ, и его смущеніе перешло въ ревнивую досаду. Подозрѣнія зашевелились въ немъ, но у Фанни мигомъ готово было сочиненіе, чтобы усыпить ихъ.

— Дикки, вы, надѣюсь, извините,—нервно начала она,—

я встрѣтила, помните, м-ра Кромби сегодня утромъ въ паркѣ. Вечеромъ мы опять встрѣтились, и я подумала, что вы ничего не будете имѣть противъ, если онъ зайдетъ на нѣсколько минутъ. Больше было рѣшительно некуда пойти.

Во время этого предисловія Кромби неувѣренно переминался съ ноги на ногу. Онъ сложилъ губы въ любезно-свѣтскую улыбку, но въ то же время все поглядывалъ на подбитый черный глазъ Дикки.

Если этотъ человѣкъ готовъ былъ такъ биться ради собаки, то отъ него можно ждать всего, думалъ Кромби, когда дѣло идетъ о женщинѣ, въ которую онъ, повидимому, влюбленъ. Тѣмъ не менѣе Кромби усилилъ заискивающую любезность своей улыбки и, снова переступивъ на другую ногу, выразилъ надежду, что Дикки проститъ ему неожиданность визита.

— У васъ прелестная мастерская,—прибавилъ онъ.

— Благодарю васъ,—отрѣзалъ Дикки. Онъ замѣтилъ, что комплиментъ сказанъ съ цѣлью смягчить его.

— Отчего вы такъ скоро вернулись? — спросила Фанни. Она чувствовала, что надо говорить что-нибудь и во что бы то ни стало.

— Вы меня не ждали?

— Я какъ-разъ говорила м-ру Кромби, что вамъ вовсе не слѣдовало выходить.

— Да, миссъ Корнишъ только-что разсказывала мнѣ о вашей маленькой... э-э... непріятности сегодня въ паркѣ...

Чувствовалъ онъ, такъ же, какъ и Фанни, что разговоръ надо поддерживать, и неумѣло добавилъ:

— Вѣроятно, неудобное это было для васъ происшествіе.

Дикки упорно смотрѣлъ на него. Кромби, будучи застѣнчивымъ человѣкомъ во всѣхъ случаяхъ жизни, направился къ дивану дѣланно-небрежной походкой и взялъ свою шляпу. Сердце у него неистово колотилось, и онъ не былъ увѣренъ въ томъ, удастся ли ему уйти цѣлымъ.

Дикки молча наблюдалъ, какъ Кромби прощался съ Фанни. Было очевидно, какихъ усилій ему стоитъ дѣлать видъ, что онъ не торопится уйти. Онъ все время чувствовалъ на себѣ взглядъ Дикки, и ему хотѣлось броситься къ двери и бѣжать безъ оглядки.

— Сцена была бы такъ вульгарна, — шепталъ онъ про себя. Но на самомъ дѣлѣ боялся просто за свою шкуру.

— Честь имѣю кланяться, м-ръ Ферлонгъ,—сказалъ онъ, открывая вожделѣнный путь къ двери.—Очень радъ, что встрѣтился съ вами.

— Благодарю васъ,—снова повторилъ Дикки. М-ръ Кромби уже дошелъ почти до дверей, какъ вдругъ властный голосъ Дикки загремѣлъ:

— Постойте!

Эффектъ былъ потрясающій. Кромби, блѣдный, дрожащій, застылъ на мѣстѣ. Какъ искусно онъ ни скрывалъ своего стремленія поскорѣе убраться восвояси, все же Дикки угадалъ, что каждый нервъ въ немъ трепещетъ отъ страха.

— Въ чемъ дѣло?—спросила Фанни.

— Да... что такое?—пробормоталъ Кромби, стуча зубами.

— Ничего. Спокойной ночи!—отвѣтилъ Дикки и залился неудержимымъ смѣхомъ. Кромби постоялъ въ нерѣшительности, но, видя, что служить дальше предметомъ насмѣшки—не резонъ, онъ тихонько открылъ дверь и выскользнулъ на лѣстницу.

— Слава Богу! — повторялъ онъ про себя, спускаясь внизъ.—Выкарабкался сухимъ изъ воды.

Когда дверь подъѣзда захлопнулась за нимъ, онъ вынулъ носовой платокъ, вытеръ со лба потъ и пошелъ домой.

Пока не послышался стукъ нижней двери, Дикки сидѣлъ, откинувшись на подушки дивана, и продолжалъ хохотать; онъ держался за бока, когда вспоминалъ, какое лицо было у Кромби при его окрикѣ.

— Не понимаю, надъ чѣмъ вы смѣетесь,—воскликнула Фанни. Ей было досадно, потому что смѣшное положеніе, въ которомъ очутился ея знакомый, дѣлало и ее смѣшной. А она была крайне самолюбива, и вотъ, вся вспыхнувъ, она стояла посреди мастерской, гнѣвно постукивая ногой по полу.

— Вы не понимаете?—сказалъ Дикки. Но, увидѣвъ выраженіе ея лица, онъ разомъ пересталъ смѣяться.—Кто такой этотъ Кромби?—спросилъ онъ.

— Онъ мой хорошій знакомый.

— Это я вижу. Но что онъ тутъ дѣлалъ? Для чего ему нужно было видѣть васъ съ глазу на глазъ?

— Мы хотѣли побесѣдовать. Отчего ему не повидать меня съ глазу на глазъ?

Дикки поднялся и направился къ Фанни. Этотъ день начался у него съ сознанія, что ихъ совмѣстная жизнь въ мастерской такъ продолжаться не можетъ. Позже—послѣ борьбы—она проявила нѣкоторую заботливость и вниманіе къ нему, и онъ первый разъ увидѣлъ въ ней признаки души. Съ обостреннымъ, почти женскимъ инстинктомъ Дикки почувствовалъ въ ней страстный

трепетъ безволія и, уходя вечеромъ на занятія, онъ зналъ, что эта ночь внесетъ новое въ ихъ отношенія.

Было ли это рѣшеніе продиктовано только чувственностью или нѣтъ—онъ не разбиралъ. Одно онъ зналъ: что теперь не можетъ быть и рѣчи о томъ, что онъ пользуется ея невѣдѣніемъ. Никакая женщина въ данныхъ обстоятельствахъ не можетъ ожидать, что дѣло будетъ тянуться до безконечности въ томъ же видѣ. Вѣроятно, она попросту считаетъ его дуракомъ. Весь этотъ вечеръ въ классѣ, стараясь закончить свою работу, онъ думалъ о томъ, что не хочетъ больше быть дуракомъ.

Въ одинокой жизни Дикки въ мастерской было какое-то пустое мѣсто. Это мѣсто, хоть и плохо, Фанни заполнила. Она будоражила его внутренній міръ, и онъ не останавливался на анализѣ того, насколько высокъ характеръ этого воздѣйствія.

Одного онъ никогда не упускалъ изъ вида—своей работы. А такъ, какъ обстояло дѣло, онъ не могъ окончить портрета. Онъ не былъ влюбленъ въ Фанни; но ея красота вскружила ему голову и мѣшала ясно видѣть, что въ ней любить—нечего. Она оказывала на него вліяніе, но вліяніе это было худшее изъ тѣхъ, которыя женщина можетъ имѣть на мужчину. Оно жгло, но въ его огнѣ не было той искры, отъ которой разгорается вдохновеніе. Онъ зналъ, что ея власть захватила только низшую сторону его существа, извивался подъ нею, но все-таки продолжалъ играть съ огнемъ. И только въ этотъ вечеръ онъ твердо рѣшилъ такъ или иначе покончить эту игру.

Мнѣ могутъ замѣтить, что эпизодъ съ Фанни Корнишъ легко могъ бы быть опущенъ изъ описанія жизни Ричарда Ферлонга. На это я скажу, что моей цѣлью было изобразить не героя, а человѣка со всѣми гранями, какія можно отмѣтить въ жизни каждаго. Фанни Корнишъ была только эпизодомъ и, вдобавокъ, не то, чтобы счастливымъ. Но она—звено въ той цѣпи, которую я хочу возстановить. Необходимо знать всѣ маленькіе факты его жизни для того, чтобы понять послѣднюю большую трагедію, къ которой они его приближали.

Повидимому, Фанни сознавала, что въ эту ночь произойдетъ поворотъ въ ея судьбѣ. Весь день Дикки велъ себя какъ-то странно; сначала борьба, а затѣмъ эта встрѣча Кромби съ ней наединѣ,—все говорило ей, что развязка назрѣваетъ.

Она стояла посреди мастерской и смотрѣла, какъ Дикки поднялся съ дивана и пошелъ къ ней.

— Довольно съ насъ этого,—сказалъ онъ.

— То-есть какъ: «довольно»?

— Вамъ не приходило въ голову, что ваше жительство здѣсь, ночевки на моей кровати и мое валянье на этомъ проклятомъ диванѣ, не можетъ долго продолжаться?

— Я не разсчитывала, чтобы оно продолжалось долго,— сказала она.

— Вы не разсчитывали? Я—тоже нѣтъ. Я такой же живой человѣкъ, какъ и всѣ. Ни одна душа не вѣритъ въ эту идиллію. Всѣ увѣрены, что между нами—интимныя отношенія.

— Я знаю это,—отвѣтила она.—Я мирюсь съ этимъ.

— Ну такъ вотъ, дальше не придется мириться съ этимъ.

— Отчего?

— Оттого, что это станетъ правдой,—отвѣтилъ онъ.

Фанни нервно разсмѣялась. Она начинала бояться его. Замѣтно было, что ея смѣхъ не произвелъ на него ровно никакого впечатлѣнія. Тогда она перемѣнила фронтъ: постаралась настроить себя на гнѣвно-презрительный тонъ. Если можно было честнымъ путемъ зарабатывать пять фунтовъ въ недѣлю, которые Кромби предложилъ ей,—а иначе, надо сказать къ ея чести, она бы не приняла предложенія,—то надо бороться за нихъ. Гнѣвъ и презрѣніе—единственное оружіе, съ которымъ можно выступить противъ страстнаго упорства, которое свѣтилось въ глазахъ Дикки.

Но даже и тутъ она взвѣшивала въ умѣ всѣ *за* и *противъ*. Сейчасъ онъ не имѣлъ намѣренія жениться на ней. Но, если бъ она хитро повела дѣло, то кто знаетъ? Можетъ быть, это случилось бы позже? Кромби говорилъ, что Дикки—большой талантъ, что даже ея портретъ—первоклассная вещь. Можетъ быть, выбрать его выгоднѣе? Но моментъ былъ слишкомъ кратокъ для рѣшенія. Она принуждена была ждать болѣе удобнаго момента для выбора, а пока пустила въ ходъ свое оружіе: презрѣніе.

— Ахъ, вотъ какъ!—воскликнула она.—Значитъ, вы все время ждали отъ меня этого?

— Я ничего не ждалъ,—возразилъ Дикки,—было бы напрасно ждать чего-либо отъ женщины. Но *вы* могли ждать этого отъ меня. На мужчинъ можно скорѣе положиться въ этомъ дѣлѣ. Вы можете разсчитывать на степень ихъ джентльменства; вы можете почти съ точностью разсчитать, что они могутъ выдержать, а чего—нѣтъ. Таково положеніе. Я ничего вамъ не навязывалъ. Послѣ той первой ночи, когда вы упали въ обморокъ, вы были вольны принять создавшееся положеніе или отказаться

отъ него. Не можетъ быть, чтобы вы не знали, чѣмъ рискуете, когда остались?

— Такъ, значитъ, это ваше такъ называемое гостепріимство было предложено мнѣ за плату?—сказала она.

— Нѣтъ, не *предложено* за плату, и это даже не такъ называемое гостепріимство. Это просто жизнь. А въ жизни все имѣетъ цѣну, *предлагается* ли оно къ уплатѣ или нѣтъ.

— Ага! значитъ, вы намѣрены сдѣлать меня своей любовницей и, повидимому, все равно—желаю я этого или нѣтъ.

— Нѣтъ, я не намѣренъ, а желалъ бы. И мнѣ не все равно, согласны ли вы на это. Я не такой ужъ негодяй. Дѣло зависитъ отъ васъ.

— И все это вы предлагаете мнѣ, повидимому, безъ всякой тѣни любви?

— Если бъ я былъ влюбленъ, то просилъ бы васъ быть моей женой.

— Но вы не влюблены?

— Нѣтъ.

Прямота отвѣта смутила ее. Столько было въ немъ честной искренности, что въ душѣ Фанни даже зародилась надежда.

— А, можетъ быть, современемъ вы бы полюбили меня?—спросила она, придавъ голосу вкрадчивую теплоту.

— Этого я не могу сказать,—отвѣтилъ Дикки.—Я такъ же не властенъ надъ этимъ, какъ и любой посторонній человѣкъ.

Вотъ тутъ-то Фанни взвѣсила окончательно на вѣсахъ разсчета оба предложенія, и чашка Кромби перетянула. Потерпѣвъ неудачу въ своихъ усиліяхъ—вырвать у Дикки какое-нибудь обѣщаніе, она снова прибѣгла къ защитѣ стараго оружія—презрѣнія.

— Вы точь въ точь такой же, какъ всѣ мужчины, какіе мнѣ встрѣчались!—воскликнула она.—За обѣды и билеты въ театръ, которые вы намъ даете, за деньги, истраченныя на насъ, вы ждете, что мы отдадимъ вамъ свои души и станемъ вашими игрушками! Вы хотите, чтобы мы продавали себя, чтобы мы шли на жизнь, полную страданій, физическихъ и нравственныхъ, и въ концѣ-концовъ стали бы отверженными общества. Неужели вы могли бы такъ продешевить себя?

Она задыхалась отъ своей страстной рѣчи и была убѣждена, что великолѣпно защитила женщинъ. Въ отвѣтъ на ея краснорѣчіе Дикки повернулся и скрылся за портьерой. Фанни была довольна; она полагала, что пристыдила его, и онъ спрятался.

Но онъ черезъ секунду вернулся.

— Вы вполнѣ правы,—произнесъ онъ спокойно.—Я уступилъ вамъ свою кровать, и мы десять дней спали въ одной комнатѣ. Я вдыхалъ ароматъ вашихъ опьяняющихъ духовъ; я слышалъ, какъ вы одѣвались и раздѣвались—и теперь, какъ всѣ мужчины, попросилъ награды за то, что это мнѣ стоило. Вы должны считать меня только человѣкомъ съ плотью и кровью, не лучше другихъ.

Онъ протянулъ ей полъ-соверена. Эта была послѣдняя монета, какая у него оставалась.

— Это вамъ пригодится,—сказалъ онъ.

— Для чего?

— Да, хотя бы для того, чтобы взять сегодня номеръ въ гостиницѣ. А вещи свои вы можете забрать завтра.

— А почему,—проговорила она, запинаясь,—нельзя мнѣ остаться здѣсь еще до завтрашняго утра, и тогда уже переѣхать?

— Мнѣ кажется, что я достаточно объяснилъ это,—сказалъ Дикки.

Фанни чувствовала, что ея достоинство рушится; въ послѣднемъ усиліи спасти его отъ полнаго крушенія, она надѣла шляпу и вышла.

Дикки положилъ деньги на столъ, раздѣлся и легъ въ кровать. Въ головѣ у него былъ хаосъ. Онъ лежалъ и смотрѣлъ на прыгающія по потолку пятна свѣта отъ камина.

А Фанни, сойдя внизъ по лѣстницѣ, остановилась въ нерѣшительности: куда идти? На Истонскій вокзалъ, о которомъ она съ такой легкостью говорила въ первый вечеръ? Но туда она никогда въ дѣйствительности не намѣревалась идти. Она солгала, что была уже тамъ.

Теперь это былъ единственный исходъ, если не... если... Она повернула назадъ и стала медленно подыматься наверхъ. Съ какой стати онъ вытолкалъ ее на улицу? Будетъ только правильно, если она возьметъ у него эти полъ-соверена. Что же ей—на улицѣ спать, что ли? И вотъ она уже снова у дверей мастерской. Не отдавъ себѣ отчета въ томъ, что дѣлаетъ, она постучала.

— Войдите!—раздался голосъ Дикки.

Было темно.

— Вы въ постели?—спросила Фанни.

— Да. Чего вы хотите?

— Я не знаю, куда мнѣ идт

— Деньги на столѣ,—отвѣти

Она ощупью добралась до стола, хватая рукой воздухъ. Когда ощупала монету, пальцы ея радостно ухватились за нее.

— Спокойной ночи! — сказала она и пошла опять къ двери.

— Спокойной ночи!—отвѣтилъ Дикки и сталъ считать ея шаги по ступенькамъ. Наконецъ, они замерли, и хлопнула дверь подъѣзда.

XV.

На другое утро Дикки проснулся съ непріятнымъ ощущеніемъ, что что-то случилось. М-съ Сэмби стояла возлѣ его кровати съ чашкой чаю.

— Неужто вы избавились отъ нея?—спросила она, какъ только онъ открылъ глаза.

Онъ кивнулъ головой.

— Батюшки!—воскликнула она. — Ну слава Богу! Какъ вы это устроили, м-ръ Ферлонгъ?

Дикки сѣлъ и взялъ свой чай.

— Я попросилъ ее уйти.

— Взбѣсилась, поди!—сказала Фанни, сіяя.—И злая же бывала иногда эта дѣвушка—какъ кошка ангорская!

Дикки отхлебывалъ маленькими глотками чай, и уязвленный въ своей совѣсти, говорилъ длинно, путанно, обвинялъ себя и весь мужской родъ.

Для Фанни все это была китайская грамота. Но все-таки нить его мыслей она уловила. И въ самомъ дѣлѣ, немного требовалось догадливости, чтобы понять, что произошло наканунѣ. Въ той схемѣ, какую рисовала себѣ Фанни, не было жалости къ женскому полу. Наоборотъ, всѣ ея симпатіи были на сторонѣ Дикки. Она не вѣрила, что онъ могъ быть неправъ!

— Гнусные мы людишки, Фанни,—сказалъ Дикки въ заключеніе.

— Да почему, сэръ? Вы вели себя съ ней какъ ужъ нельзя лучше. А она заслужила того, что добилась. Помилуйте! придти и отобрать у человѣка кровать. Слава Богу, что она ушла. Вы могли хоть выспаться какъ слѣдуетъ эту ночь послѣ вчерашней трепки!

— Нѣтъ, Фанни. Я не велъ себя какъ слѣдуетъ.

— Чѣмъ же, сэръ?

— Я не влюбился въ нее.

— Ну и слава тебѣ, Господи!—вздохнула она.—Если бъ вы на ней женились, охъ! Горько пришлось бы каяться.

— Что жъ, она честная! Немного есть такихъ честныхъ дѣвушекъ, какъ она.

— Честная!—повторила Фанни презрительно. Эта тема смущала ее, но интересовала безконечно.—Это честно спать въ одной комнатѣ съ молодымъ человѣкомъ, носить платье съ вырѣзомъ до пояса и душиться и принаряживаться и вертѣть хвостомъ? Я видала даже и совсѣмъ свихнувшихся дѣвушекъ, которыя были честнѣе этого!

Дикки улыбнулся энергіи ея критики, но она нисколько не облегчила его совѣсти. Вина его была въ томъ, что онъ не влюбился въ Фанни. Онъ сидѣлъ, обнявъ колѣни, и раздумывалъ: ужъ не умерла ли въ немъ способность любить, оставивъ ему только чувственное желаніе? И онъ ощутилъ страстное стремленіе снова узнать это глубокое чувство. Это была не измѣна памяти Констанціи, а скорѣе наоборотъ—хвала ей.

Все-таки эта Фанни, которая вошла въ его жизнь и ушла такъ внезапно, какъ падающая звѣзда въ сентябрьскую темную ночь, хоть кое-чему научила его. Онъ узналъ, что одно чувственное желаніе безъ любви оставляетъ горькій привкусъ и точно пепелъ разсыпается на языкѣ.

Неужели все въ немъ умерло, и онъ никогда не полюбитъ? А если не полюбитъ, то сможетъ ли онъ работать такъ, какъ работалъ для Констанціи?

Дикки отдернулъ занавѣску и закричалъ:

— Фанни! Поверните-ка портретъ сюда лицомъ.

Она повернула мольбертъ. Какая работа! Но, Господи! Насколько лучше она могла бы быть, если бъ онъ любилъ эту женщину въ черномъ платьѣ, съ зеленымъ ожерельемъ.

— Фанни!—вырвалось вдругъ у Дикки,—если бъ моя жена была жива, я не лежалъ бы въ постели и не раздумывалъ бы: хорошо ли сдѣлана моя работа или худо?

— Нѣтъ, сэръ?

— Нѣтъ. Я былъ бы на ногахъ и работалъ бы.

— Вѣрно, сэръ, — сказала Фанни, — можно подать вамъ воды для бритья?

Пер. съ англ. М. Славинской.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПѢШКОМЪ ОТЪ НИША ДО АДРІАТИЧЕСКАГО МОРЯ.

I.

Теперь въ Римѣ, гдѣ я пишу эти строки, среди культурныхъ удобствъ «вѣчнаго города» и его историческихъ памятниковъ, все мое почти двухмѣсячное путешествіе пѣшкомъ отъ Ниша черезъ Черногорію и Албанію къ Адріатическому морю кажется какимъ-то тяжелымъ кошмарнымъ сномъ. Часто, просыпаясь ночью, въ своей комнатѣ, я начинаю сомнѣваться, точно ли я лежу на мягкой постели, въ теплѣ, съ возможностью каждый моментъ повернуть кнопку и зажечь электричество. Ужъ не сонъ ли, именно, это, въ свою очередь? Нѣтъ, не сонъ, какъ не сонъ и то, что геройской Сербіи, какъ самостоятельнаго государства, уже нѣтъ, что ея армія, налетѣвшимъ почти одновременно со всѣхъ сторонъ австро-болгарскимъ ураганомъ, выкинута въ дикія, безплодныя албанскія горы, правительство находится не то въ Греціи, не то въ Италіи, а мирное населеніе разбѣжалось въ чуждыя страны, унося въ груди своей уязвленное національное самолюбіе и трагедію, небывалую въ исторической жизни сербскаго народа.

Въ самомъ началѣ общеевропейской войны, въ 1914 году, тоже въ ноябрѣ мѣсяцѣ, Сербія переживала трагическіе дни. Австрійцы заняли Бѣлградъ и значительную часть Западной Сербіи. Тогда тоже было отчаянье, бѣженцы, неслыханная по размѣрамъ эпидемія сыпного тифа. Но все это скоро кончилось. На высотахъ Рудника и Космая австрійцы были разбиты наголову и лишь поспѣшнымъ бѣгствомъ спаслись отъ Седана, потерявъ много убитыми и плѣнными. И тогда былъ моментъ, когда маловѣрные усомнились, считая Сербію погибшей, слышались кругомъ обвиненія правительства и Россіи, допустившихъ страну до катастрофы. Съ разныхъ сторонъ

выползли австрофильскія тенденціи. Но все это происходило въ меньшемъ масштабѣ. Счастливо, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, измѣнившаяся ситуація задушила въ корнѣ начинавшееся недовольство.

Теперь гроза разразилась въ громаднѣйшемъ масштабѣ, и указанныя, зарождавшіяся прошлый годъ среди политиковъ и народа тенденціи вылились въ болѣе рѣзко опредѣленную, вполнѣ законченную форму. Глубокое несчастье подавило политическую мысль народа, лишь недавно мечтавшаго объ осуществленіи идеала «Великой Сербіи» и вдругъ, послѣ трехлѣтней геройской борьбы, вынужденнаго покинуть свою территорію.

Несчастье, свалившееся на сербскій народъ, безпримѣрное, даже въ его необыкновенно тяжеломъ историческомъ прошломъ. Даже Коссовская битва въ 1389 г., съ ея послѣдствіями, блѣднѣетъ передъ тѣмъ, что̀ произошло теперь. Тамъ осталась хоть тѣнь независимости, остался князь Джура Бранковичъ, владѣвшій территоріей, считавшейся независимой, и даже вступавшій съ всесильными султанами въ договорныя отношенія, а одно время въ союзѣ съ венграми разбившій грознаго покорителя Константинополя Магомета II-го. Наконецъ, Коссовская катастрофа подготовлялась исподволь начавшимъ укрѣпляться феодальнымъ строемъ Сербіи, когда крупное дворянство и монастыри, позахвативъ земли у крестьянъ, стремились создать крѣпостныя отношенія съ одной стороны, а съ другой—враждовали между собою. Теперь же Сербія свалилась въ пропасть, находясь на высотѣ своего политическаго могущества, расширившись почти до предѣловъ царства Стефана Душана и, наконецъ, находясь наканунѣ возможности политическаго объединенія всего сербскаго племени.

Проанализировать психологію народа и оцѣнить явленія въ такой критическій моментъ народной жизни совершенно невозможно въ предѣлахъ журнальной статьи. Такіе моменты даютъ матеріалъ для цѣлой литературы. Я ограничусь лишь тѣмъ, что познакомлю читателя съ впечатлѣніями и картинами, которыя мнѣ пришлось испытать и видѣть собственными глазами въ теченіе $1^1/_2$ мѣсяцевъ на пространствѣ 500 верстъ по многострадальному пути отступленія сербскихъ войскъ и народа передъ наступавшимъ непріятелемъ, такъ же, какъ и съ тѣмъ, что̀ мнѣ пришлось слышать отъ очевидцевъ, пережившихъ до извѣстной степени всѣ ужасы этой драмы.

Когда Болгарія объявила войну Сербіи, Бѣлградъ былъ уже занятъ австрійскими войсками. Я въ то время находился въ Нишѣ. Этого шага со стороны Болгаріи ожидали многіе; объ этомъ открыто говорили въ нишскихъ кофейняхъ, и уже въ продолженіе двухъ недѣль, съ самаго начала болгарской мобилизаціи, шла усиленная перевозка сербскихъ войскъ съ сѣвернаго фронта на восточный. Нельзя не отмѣтить того

обстоятельства, что даже послѣ внезапнаго перехода австрійскихъ войскъ черезъ Дунай и Саву 22-го сентября, сербы черезчуръ преуменьшали силы непріятеля. Главную опасность они видѣли въ Болгаріи и открыто обвиняли Россію, что, подчиняясь ея вліянію, они не ударили на болгаръ раньше, до объявленія войны, въ самомъ началѣ ихъ мобилизаціи. Нѣмцы въ тылу ихъ не особенно безпокоили, и они разсчитывали въ 3—4 дня быть въ Софіи.

Но, когда палъ Бѣлградъ и непріятель, появившись въ значительномъ количествѣ въ другихъ мѣстахъ, повелъ наступленіе широкимъ фронтомъ, для большинства стало ясно, что борьба на два фронта немыслима и что вся надежда на быструю и энергическую помощь со стороны союзниковъ. Вѣрили, что французы съ англичанами пойдутъ съ юга, а Россія черезъ Румынію сухимъ путемъ, а моремъ черезъ Варну и Бургасъ нападутъ на Болгарію. Циркулировали слухи, что союзники, главнымъ образомъ, Россія оффиціально сообщили сербскому правительству, что нужно во что бы то ни стало продержаться еще дней десять, и тогда жданная помощь придетъ непремѣнно.

Извѣстіе о высадкѣ французскихъ и англійскихъ войскъ въ Салоникахъ произвело ободряющее и радостное впечатлѣніе. Въ Нишѣ ожидали пріѣзда первой партіи офицеровъ и, вообще, командного состава, возвѣщеннаго мѣстной администраціей и прессой. Это было еще до объявленія войны Болгаріей. Нишъ разукрасился флагами. Народъ торопился по улицамъ въ часы, точно опредѣленные въ газетахъ, когда должны были прибыть первые три поѣзда съ желанными гостями. Но проходитъ день, другой, третій, французовъ нѣтъ. Флаги, отъ непрерывныхъ осеннихъ дождей, намокли и опустились, какъ тряпки. 23-го сентября прилетѣлъ съ болгарской стороны аэропланъ, типа таубэ, сбросилъ нѣсколько бомбъ, изъ которыхъ двѣ разорвались, не причинивъ никому вреда, близъ казенной монополіи, въ 20—30 саж. отъ моей квартиры; зато остальныя 4—5 бомбъ въ другихъ частяхъ города убили двухъ дѣвочекъ, мальчика и двухъ австрійскихъ плѣнныхъ. Все это наводило на невеселыя мысли, французы почему-то такъ и не пріѣхали, а когда болгары, открывъ военныя дѣйствія, оборвали сообщеніе съ Салониками, о чемъ оффиціально не сообщалось, то флаги эти снимались постепенно и не спѣша, повидимому, съ раздумьемъ и неохотой, такъ что нѣкоторые изъ нихъ были сняты лишь за нѣсколько дней до очищенія Ниша, провисѣвъ, такимъ образомъ, чуть не мѣсяцъ. Очевидно, съ большимъ трудомъ сербская мысль примирялась съ тѣмъ, что ихъ союзники не смогли во-время придти на помощь.

Разочарованіе было, правда, медленное, но зато — всеобщее.

Вмѣстѣ съ тѣмъ росла и крѣпла глубокая традиціонная вѣра въ Россію, которая, по психологіи сербской народной массы, вопреки разсужденіямъ кучки профессіональныхъ политиковъ, въ критическій моментъ непремѣнно придетъ на помощь несчастному единокровному народу.

Между тѣмъ нѣмцы наступали и прервали телеграфное сообщеніе съ Россіей. Болгары черезъ пять дней послѣ объявленія войны пресѣкли около Враньи желѣзнодорожное сообщеніе съ Салониками, 9-го взяли Скопле. Паника въ Нишѣ съ каждымъ днемъ усиливалась. Уже съ 1-го октября, со дня оффиціальнаго объявленія Болгаріей войны, правительственныя учрежденія и иностранныя миссіи стали вывозить документы и цѣнности. Начали эвакуироваться госпитали, постепенно прекращались одна за другой газеты, перестали появляться даже оффиціальные бюллетени; всѣ обрѣтались въ какомъ-то невѣдѣніи и тьмѣ, никто не зналъ, что дѣлается, лишь приходили отъ раненыхъ и бѣженцевъ вѣсти о жестокихъ бояхъ, происходившихъ вблизи Ниша на Свирликѣ, Червской рѣкѣ и у Княжевца. Говорили о громадныхъ потеряхъ болгаръ, но въ то же время раненые офицеры не скрывали, что болгары развиваютъ необыкновенно сильный артиллерійскій огонь, подобнаго которому они и не видѣли. А между тѣмъ, эти офицеры участвовали въ трехъ кампаніяхъ. Нишъ продолжалъ эвакуироваться, а функціонировавшія больницы наполнялись ранеными. Продукты дорожали, хлѣбъ можно было доставать съ трудомъ; бумажныя деньги торговцами не принимались; обращалось только серебро, золото же поднялось до 60 динаровъ за наполеонъ (20 фр.). Населеніе, платя бѣшеныя деньги, направлялось по желѣзной дорогѣ на Кральево, а грунтовой, долиной рѣки Топлицы на Прокупле и Куршумліе. Наконецъ, полиція перестала выдавать разрѣшенія на Кральево, мотивируя это страшнымъ наплывомъ туда бѣженцевъ. Это было, конечно, правда. Но главная причина была все-таки въ томъ, что австрійцы повели сильное наступленіе съ западнаго фронта черезъ Уфицу и Чачикъ, чего совершенно никто не ожидалъ. Наступленіе было настолько неожиданно, что русскія больницы отряда княгини Трубецкой, расположенныя въ Кральевѣ и Тростеникѣ, при эвакуаціи должны были бросить всѣ пожертвованные Москвой и русскими городами матеріалы, каковые и достались въ руки непріятелю.

Между тѣмъ, какъ постепенно эвакуировался Новобазарскій санджакъ, Ужицкій и Чачковскій округа, у многихъ жила еще надежда, что Нишъ смогутъ отстоять и лишь, когда непріятель дошелъ до Громады, двухверстнаго тоннеля по ново-строющейся дорогѣ изъ Ниша въ Княжевацѣ, одинъ сербъ-патріотъ съ горечью сознался мнѣ

въ откровенной бесѣдѣ, что Нишъ придется отдать, но судьба Сербiи разрѣшится, какъ и 500 лѣтъ назадъ, на Коссовомъ полѣ.

20-го октября черезъ Нишъ потянулись войска. Съ суровыми, пасмурными лицами, весьма пестро обмундированные и даже совсѣмъ безъ мундировъ, а въ обычномъ крестьянскомъ платьѣ, дефилировали безконечной лентой, протянувшись по всему Нишу, отступавшiя войска. Толпы народа съ тротуаровъ молчаливо созерцали эту живую ленту. Въ образцовомъ порядкѣ войска двигались по дорогѣ на Прокуплье, какъ оказалось, впослѣдствiи, предоставлявшей сербскимъ войскамъ единственный выходъ изъ мѣшка, съ каждымъ днемъ тѣснѣе замыкавшагося надвигавшимися нѣмецкими и болгарскими войсками. Штабъ дивизiи тоже готовился къ отъѣзду. Очевидно, судьба Ниша, этого сердца Сербiи, ея Москвы, была рѣшена. Раненые приходили на перевязку въ нишскiя больницы пѣшкомъ, прямо съ поля сраженiя, и ихъ разсказы носили безнадежный характеръ. Тогда побѣжали изъ города не одни жители, но и раненые, нѣкоторые даже очень тяжелые. На костыляхъ, опираясь одинъ на другого, они тайкомъ покидали больницы и разбредались въ разныя стороны. Оставались лишь раненые, жившiе въ занятыхъ болгарами мѣстностяхъ, изъ Княжевца, Зойчара и проч., или потому, что имъ, въ сущности, бѣжать было некуда, а быть можетъ, и потому, что лучше знали болгаръ и не ждали отъ нихъ жестокостей. Между жителями циркулировали разные слухи. Говорили, что, взявъ Вранью, болгары никого не тронули, стрѣляли лишь по больницѣ, откуда, предварительно, обстрѣливали ихъ самихъ. Но все-таки ужасъ былъ великъ. Я самъ видѣлъ нѣсколькихъ человѣкъ, прибѣжавшихъ изъ Враньи за 90 килом. въ Нишъ. Они нигдѣ не останавливались, шли безъ отдыха, при чемъ одинъ больной капитанъ, пытавшiйся сѣсть въ автомобиль, на которомъ удиралъ майоръ, не сдѣлалъ этого лишь подъ угрозою револьверныхъ выстрѣловъ со стороны послѣдняго.

21 октября, проходя по опустѣвшему нишскому парку, я встрѣтилъ даму съ узелками, шедшую съ двумя дѣвицами-подростками. Изъ разговоровъ выяснилось, что она ведетъ ихъ на ночь въ американскую миссiю, куда сбираются и другiя взрослыя дѣти, ибо въ эту ночь ожидается вступленiе болгаръ. Мать съ заплаканнымъ лицомъ, дѣвочки съ широко-раскрытыми глазами, недоумѣвающе наблюдавшiя происходившее, пустой паркъ, въ которомъ каркали свободно-почувствовавшiя себя вороны и галки, безлюдныя улицы съ запертыми магазинами и заколоченными дверями у домовъ, скрипъ обозовъ, проходящихъ по расположенному невдалекѣ желѣзному мосту черезъ Ношаву—все это производило жуткое впечатлѣнiе. Зашелъ въ штабъ дивизiи. Тамъ мнѣ сказали, что рѣшено отступать; завтра до 12 ч.

дня изъ Ниша будетъ эвакуировано все, что̀ успѣется. Предполагалось, что изъ города къ болгарамъ выйдетъ депутація гражданъ во главѣ съ митрополитомъ Досиѳеемъ, встрѣтитъ ихъ хлѣбомъ-солью и передастъ городъ на милость побѣдителей.

— Вотъ вы, русскіе, въ благородство все играете,—сказали мнѣ въ штабѣ,—а что̀ получилось? Мы давно были убѣждены, что болгары ни къ какимъ соглашеніямъ съ нами придти не могутъ, что ихъ разговоры,—одна проволочка и Пашичъ въ категорической формѣ заявилъ это князю Трубецкому. А вы все не вѣрили. Нужно было еще до мобилизаціи ударить на болгаръ, и мы бы были теперь въ Софіи, а не они въ Нишѣ.

Говорилось это съ глубокой горечью и не безъ озлобленія, и всѣ возраженія, что нельзя было идти впередъ, не имѣя тылъ обезпеченнымъ, не производили должнаго впечатлѣнія.

II.

На другой день, утромъ 23-го, я зашелъ въ такъ-назыв. 2-ю резервную больницу, помѣщавшуюся близъ станціи въ громадномъ зданіи бывшихъ инженерныхъ казармъ. Тамъ было перевернуто все вверхъ дномъ, царила паника и замѣшательство. Медицинскій персоналъ сновалъ по корридорамъ, наскоро запаковывая вещи и снося ихъ въ опредѣленное мѣсто.

Тяжело-раненые больные,—а ихъ было не мало—покидаемые на произволъ судьбы, лежа на своихъ койкахъ, тоскливо смотрѣли на приготовленія къ бѣгству! Главный врачъ Жироичъ, петроградскій хирургъ, родомъ сербъ, совершенно потерялъ голову, раздавалъ противорѣчивыя приказанія, часто говоря совсѣмъ не то, о чемъ думалъ. Въ результатѣ не оказалось ни подводъ, ни лошадей. Крупный багажъ приходилось бросать, мелкій же складывался на кое-какъ добытыя двѣ-три телѣги. Медицинскому персоналу, не исключая докторовъ-женщинъ и сестеръ милосердія, приходилось идти пѣшкомъ.

Путь лежалъ на Прокулье, городъ въ 30 в. на западъ отъ Ниша на р. Топлицѣ, лѣвомъ притокѣ р. Южн. Моравы. Госпиталь предполагалъ развернуться гдѣ-нибудь за этимъ городомъ, быть можетъ въ Куршумлье и, въ крайнемъ случаѣ, въ Приштинѣ. Никто не думалъ, что это было началомъ многотруднаго пути до береговъ Адріатическаго моря, а затѣмъ черезъ море въ Италію. Иначе, я увѣренъ, многіе бы остались въ Нишѣ. Больница русскаго Краснаго Креста (11-я резервная), съ докторами Спасскимъ и Рязановымъ во главѣ, такъ и осталась въ Нишѣ, въ полномъ составѣ, и до сихъ поръ еще

нѣтъ никакихъ свѣдѣній о ея судьбѣ. Незадолго до эвакуаціи часть докторовъ этого отряда ѣздила въ Крушевацъ и Кральево, чтобъ получить инструкціи отъ сербской верховной команды и кн. Трубецкаго. Но, увидѣвъ, что тамъ дѣлается,—эту общую растерянность, переполненность, невозможность достать хлѣба и перевязочныхъ средствъ,—съ трудомъ вернувшись въ Нишъ, убѣдила остальныхъ оставаться на мѣстѣ и не подвергаться всѣмъ ужасамъ эвакуаціи. Дорогой намъ не разъ приходили они на память, и, говоря откровенно, многіе искренно пожалѣли, что не послѣдовали ихъ примѣру.

Едва мы отошли отъ Ниша, какъ послышалась отдаленная канонада. Поясъ артиллерійскаго огня охватывалъ вершины высотъ Свирлика, кое-гдѣ пылали сербскія деревни, очевидно зажженныя снарядами. Толпа, двигавшаяся вмѣстѣ съ нами по дорогѣ, была очень разнообразна: женщины, раненые, дѣти. Нѣкоторые «счастливцы», добывшіе лошадей, все-таки шли пѣшкомъ, ибо по непролазной, закрутѣвшей грязи низменной долины Ю. Моравы и Топлицы лошади едва вывозили пустые экипажи. Нагруженныя фуры, запряженныя волами, останавливались каждыя 50—100 саж., чтобы очищать колеса и дать воламъ передохнуть.

Вскорѣ послышались со стороны Ниша взрывы. Очевидно, взрывали магазины съ невывезенной аммуниціей и продовольствіемъ. Какъ оказалось потомъ, много кой-чего изъ Ниша вывезти не успѣли. Особенно осталось много муки и санитарныхъ матеріаловъ. При подъемѣ изъ долины Моравы у села Мрамора встрѣтились завязшія въ грязи орудія. Говорили, что на высотахъ Мрамора наскоро устанавливались батареи, чтобъ задержать возможное наступленіе болгаръ изъ Ниша на Прокуліе.

Уже совершенно стемнѣло, когда мы, всѣ въ грязи, смертельно уставшіе, добрались до Прокуплья. И, растянувшись на полу въ повалку вмѣстѣ съ другими бѣженцами въ одной изъ залъ мѣстной окружной больницы, въ такой тѣснотѣ, что невозможно было пройти, не отдавивъ кому-либо ногъ или не наступивъ, вообще, на живое тѣло, мы почувствовали себя счастливѣйшими изъ смертныхъ. Множество народа устроилось, дѣйствительно, куда хуже. Пробираясь по улицамъ къ больницѣ, мы въ темнотѣ натыкались на спящихъ прямо на каменныхъ, сырыхъ тротуарахъ. И, въ довершеніе всего, въ Прокупле абсолютно невозможно было достать хлѣба. Всѣ запасы муки ушли на снабженіе хлѣбомъ отступавшей арміи. Отступленіе продолжалось всю ночь. Находившійся уже здѣсь штабъ ген. Стефановича утромъ покидалъ Прокупле, продвигаясь далѣе на западъ.

На другой день къ вечеру (23 октября) по улицамъ проѣхалъ отрядъ конныхъ полицейскихъ, сообщившихъ, что Нишъ въ 11 час.

дня занятъ болгарами. Была небольшая схватка у монастыря Св. Пантелея, во время которой отступавшія черезъ городъ сербскія комиты разбили нѣсколько магазиновъ. Вступившіе въ городъ болгары водворили порядокъ, оформивъ особыми актами произведенныя до нихъ разрушенія и заставивъ подписать эти акты вмѣстѣ съ представителями городского управленія и владыку Досиѳея. Между прочимъ, сообщили, что мосты черезъ Нишаву при отступленіи взорваны.

Вмѣстѣ съ тѣмъ были получены свѣдѣнія о занятіи австрійцами Крушевца и Каольево, прибыли бѣженцы изъ Лѣсковца, куда изъ Враньи напирали болгары. Въ Прокупле непрерывно подходили войска и масса раненыхъ. Въ больницѣ недоставало перевязочныхъ средствъ, не было ни іода, ни ваты. Прибывавшіе раненые оставались безо всякой помощи и вмѣстѣ съ толпой бѣженцевъ брели еще 35 верстъ до Куршумліе, гдѣ дѣло обстояло еще хуже.

При такихъ условіяхъ самая мысль о какомъ-либо сопротивленіи казалась нелѣпостью; всѣ шли далѣе и далѣе, къ историческому Коссовому полю, съ полной вѣрой въ то, что на этомъ мѣстѣ произойдетъ генеральный бой съ нѣмцами и болгарами, который окончательно рѣшитъ судьбу Сербіи.

Какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, народная логика искала виноватаго въ происшедшей катастрофѣ.

На пути изъ Прокупле въ Куршумлье, извивающемся вдоль р. Топлицы по склонамъ хребта Ястребовацъ, за которымъ уже хозяйничали нѣмцы, мы зашли въ кофейню отдохнуть, выпить кофе и чего нибудь съѣсть. Тамъ ничего не оказалось, кромѣ кофе, да и то безъ сахара. Пришлось удовольствоваться и этимъ. Сосѣдями нашими по столу оказались два мѣстныхъ «чичи», какъ называютъ въ Сербіи пожилыхъ людей. Они жаловались на печальное положеніе и во всемъ винили правительство. Народъ, по ихъ словамъ, не хотѣлъ и не хочетъ войны; онъ идетъ и борется лишь потому, что ведетъ правительство; и вотъ къ чему оно привело! Больше всѣхъ, конечно, доставалось г. Пашичу, что до извѣстной степени объясняется и пропагандой оппозиціонныхъ партій. Въ Куршумлье было чисто вавилонское столпотвореніе; вмѣстѣ съ войсками сюда переправили австрійскихъ и болгарскихъ плѣнныхъ, занимавшихся по пути слѣдованія ремонтомъ дороги. Недостатокъ въ продовольствіи здѣсь сказывался еще сильнѣе, чѣмъ въ Прокупле. Тотъ незначительный запасъ, который мною былъ захваченъ изъ Ниша, привлекалъ всеобщее вниманіе. Стоило только вынуть изъ кармана кусокъ хлѣба, какъ къ нему тянулись не единицы, а десятки рукъ, предлагая сербскія десятифранковки, которыя торговцами принимались крайне неохотно. Требовали серебро. Плѣнные буквально голодали; ихъ были тысячи, и всѣхъ ихъ

гнали безо всякаго почти продовольствія и обозовъ по направленію къ безплодной Албаніи. Не хватало хлѣба войскамъ; гдѣ же тутъ было заботиться о плѣнныхъ. Отступленіе производилось, повидимому, спѣшно; сербы торопились скорѣе выйти изъ долины р. Топлицы, гдѣ ихъ въ каждый моментъ могли запереть; то и дѣло появлялись непріятельскіе аэропланы, а за Ястребцомъ слышались отдаленные глухіе пушечные выстрѣлы, приближающіеся съ каждымъ днемъ. Всѣ госпитали, включая и тотъ, съ которымъ я вышелъ изъ Ниша и который остановился въ с. Туларе, не доходя Куршумлье, спѣшно расформировались и медицинскому персоналу предоставлялось спасаться, какъ и гдѣ угодно. Въ Куршумлье я встрѣтилъ сходящаго съ автомобиля вышеупомянутаго петроградскаго хирурга-серба Джираича. Онъ былъ крайне озабоченъ, и намъ удалось обмѣняться лишь нѣсколькими фразами. Какъ оказалось, это была наша послѣдняя встрѣча. Жизнерадостный, цвѣтущій здоровьемъ докторъ скоро погибъ отъ албанской пули въ долинѣ Дрина при переходѣ отъ Призрена до Скутари, верстъ 40 не доходя Скутари.

Отъ Куршумлья до Препольца, прежняго пограничнаго пункта между Сербіей и Турціей, дорога шла долиной р. Бани, вдоль горныхъ склоновъ, покрытыхъ великолѣпнымъ лѣсомъ, и была настолько же красива, какъ и трудна. Обозы, запряженные волами и направлявшіеся на Приштину, по цѣлымъ часамъ взбирались на крутые подъемы, останавливаясь чуть не каждыя 5 минутъ.

Попадались и встрѣчные обозы порожнякъ, преимущественно албанскіе. На телѣгахъ флегматично возсѣдали рослые красивые албанцы и, казалось, не безъ затаеннаго злорадства наблюдали картину отступленія. Это были реквизированныя подводы, направляющіяся за матеріаломъ, увозимымъ отъ наступавшаго по пятамъ непріятеля.

Съ каждымъ нашимъ шагомъ впередъ картины отступленія становились все мрачнѣе и безнадежнѣе. Чувствовалась уже нервность и нѣкоторая безпорядочность. Отставать было опасно, ибо лишенія и трудности передвиженія росли съ каждымъ часомъ; вмѣсто хлѣба, по баснословной цѣнѣ продавались какія-то землистаго цвѣта лепешки изъ муки, смолотой изъ куколя. Нужно было спѣшить во что бы то ни стало, чтобы не умереть отъ холода и голода.

Отъ Падуева мы по прекрасной дорогѣ спустились на Коссово поле. До Приштины было еще далеко, и мы рѣшили переночевать въ одной кофейнѣ, но насъ привели въ какой-то хлѣвъ, въ которомъ изъ-подъ навоза сочилась вода; тамъ уже спало нѣсколько человѣкъ; увидѣвъ наше недоумѣніе, хозяинъ попробовалъ утѣшить насъ тѣмъ, что здѣсь прошлую ночь ночевала какая-то компанія инженеровъ. Но мы предпочли отъ такого ночлега отказаться и рѣшили располо-

житься подъ открытымъ небомъ на историческомъ Коссовомъ полѣ. На землѣ, однако, было такъ сыро, что мы очень скоро вскочили отъ прохватившей насъ сырости. Сербы-солдаты и бѣженцы, шедшіе большими группами, устраивались лучше. Они разводили большіе костры, по очереди поддерживали ихъ, а остальные ложились вокругъ костра. Мы шли вдвоемъ, я и одинъ русскій санитаръ, и вмѣсто того, чтобы дрожать отъ холода и сырости, предпочли идти далѣе. Такимъ образомъ, до Приштины мы, почти непрерывно, сдѣлали 58 верстъ.

Невдалекѣ отъ Приштины по р. Лобу расположилась Моравская дивизія. Горѣли безчисленные костры, слышались заунывныя сербскія пѣсни. Здѣсь, очевидно, предполагалось грудью встрѣтить непріятеля. Помимо болгаръ, напиравшихъ съ Прокуплье, и австро-нѣмцевъ съ сѣвера, на югъ отъ Приштины у Кочаника въ проходѣ Шаръ-Планины шли отчаянные бои съ болгарами. Непріятель постепенно охватывалъ огненнымъ кольцомъ Коссово поле, оставляя единственный выходъ на западъ черезъ Призренъ въ Черногорію и Албанію.

III.

Приштина грязный азіатскій городишко, съ кривыми, узкими улицами, переполненными народомъ. Населенія въ немъ насчитывается до 15.000 ч., преимущественно турокъ и албанцевъ. Прибыли сюда мы рано утромъ, но лишь къ вечеру, при содѣйствіи предсѣдателя городской общины, удалось найти для ночлега пустую комнату, абсолютно безъ всякой мебели. Всѣ больницы были заполнены ранеными съ Кочанинскаго перевала. Между ранеными попадались и взятые въ плѣнъ болгары. Поѣздъ приходилъ за поѣздомъ, и раненые прибавлялись сотнями, а мѣста не было.

Здѣсь мы узнали, что русскій посланникъ кн. Трубецкой находится въ Митровицѣ, куда ежедневно отходилъ изъ Приштины поѣздъ. Желая выяснить подробнѣе положеніе, я поѣхалъ въ Митровицу; но и тамъ, въ сущности, никто ничего не зналъ. Когда я въ посольствѣ спросилъ совѣта, куда мнѣ удобнѣе направиться черезъ Черногорію и Албанію—къ Адріатическому морю, или черезъ Албанію и Грецію въ Салоники, мнѣ ничего опредѣленнаго посовѣтовать не могли, ссылаясь на крайнюю невыясненность положенія.

Мой визитъ въ посольство имѣлъ лишь одинъ реальный результатъ. Благодаря любезности г. Мамулова, я получилъ цѣлый хлѣбъ домашняго производства, чѣмъ доставилъ несказанное удовольствіе двумъ моимъ компаніонамъ по путешествію, приготовившимся пить

чай впустую. Изъ Митровицы начиналось уже бѣгство жителей; направлялись, главнымъ образомъ, на Призренъ, чтобы отсюда, долиной Дрина, на югъ по Албаніи выйти къ Дебру, Стругѣ и Биполь. Говорилось много о необыкновенныхъ трудностяхъ этого пути, о невозможности пройти даже съ вьючными лошадьми, объ опасности нападенія албанцевъ, но другого исхода не было. Путь былъ единственный, и рисковать приходилось поневолѣ. Насъ собралась довольно большая группа: докторъ, директоръ одного изъ митровицкихъ банковъ, плѣнные австрійскіе подданные изъ Галиціи, попавшіе изъ Россіи въ Сербію. Поѣздомъ мы доѣхали до Ляплянъ, первой станціи къ югу отъ Приштины; южнѣе, до Феризовичей поѣзда уже наканунѣ перестали ходить. Очевидно, болгары напирали очень сильно. Отъ Липлянъ надо было пройти до Призрена верстъ 60. Въ Липлянахъ переночевали, ежась отъ холода, въ какой-то грязной конюшнѣ и рано утромъ двинулись на Призренъ. При всѣхъ лишеніяхъ и трудностяхъ намъ все-таки, можно сказать, везло, хотя и пришлось всю дорогу идти пѣшкомъ. Совсѣмъ другая картина получилась по этой дорогѣ черезъ 4—5 дней, когда болгары неожиданно прорвались черезъ Качаникскій перевалъ, а нѣмцы взяли Куршумлье и появились у Препольца. Сербы, полагавшіе дольше задержать болгаръ у Качаника и расправиться на Коссовомъ полѣ въ отдѣльности, сначала съ нѣмцами, а потомъ съ болгарами, жестоко ошиблись въ разсчетахъ. Они оказались окруженными чуть не съ трехъ сторонъ. Началось массовое отступленіе сербскихъ войскъ, бросившихъ въ Приштинѣ провіантъ, госпитали, до 5.000 раненыхъ. Вмѣстѣ съ войсками эвакуировались и тысячи плѣнныхъ. Вся дорога была покрыта палыми лошадьми, брошенными фурами; голодными и холодными проходили войска. А вотъ картина, не поддающаяся описанію, которую наблюдали врачи и сестры русскаго отряда Славянскаго Общества, задержавшагося въ Новомъ Базарѣ и шедшаго уже послѣ отхода войскъ. Валилъ мокрый снѣгъ. Промокшіе до нитки, люди буквально замерзали. Плѣнные брели, какъ тѣни, умирающіе отъ голода. На глазахъ всего отряда одинъ плѣнный обдиралъ голову палой лошади и съ остервенѣніемъ грызъ сырое мясо. Всѣ стремились къ Призрену, какъ къ какой-то обѣтованной землѣ. А между тѣмъ съ Призрена-то и начинались испытанія и лишенія, передъ которыми блѣднѣло все то, что приходилось испытать ранѣе. Къ голоду и холоду прибавилась еще опасность погибнуть отъ албанской пули.

Нужно замѣтить, что мѣстность отъ Приштины до Призрена, такъ назыв. Метохія, одинъ изъ благословеннѣйшихъ уголковъ Балканскаго полуострова. Равнина, лессовая почва, чудное орошеніе изъ потоковъ, спускающихся съ окружающихъ горъ въ эту равнину, ни

дать, ни взять наше Семирѣчье. Между тѣмъ, при наплывѣ десятка тысячъ бѣженцевъ оскудѣніе оказалось во всемъ. Хлѣба не доставало. Въ ресторанахъ приходилось добывать мѣсто съ боя, помѣщенія тоже. Въ Призренѣ вся публика стекалась съ надеждой, что, быть можетъ, положеніе улучшится и дальше идти не придется. Здѣсь сошлись люди съ разныхъ угловъ Сербіи—изъ Неготина, Крушевца, Бѣлграда, Вальева, Скопле и др. мѣстъ. Событія разочаровали всѣхъ; приходилось идти далѣе. Но куда? Дорога, ведущая черезъ Лумъ-Куле и оттуда на Дебръ, внезапно оборвалась по случаю возмущенія албанцевъ.

Отрядъ Краснаго Креста союза городовъ и г. Москвы, къ которому примкнулъ и я, вышедшій изъ Призрена 4-го ноября, былъ остановленъ въ 5 килом. отъ Лумъ-Куле автомобилемъ, спеціально командированнымъ кн. Трубецкимъ, и вернулся назадъ въ Призренъ. Тогда, не теряя времени, на слѣдующій день мы вышли на Дьяковицу, чтобы оттуда черезъ Дечанскій монастырь пройти на Печь. По этому же пути направлялись и всѣ дипломатическія миссіи. И этотъ путь былъ далеко не безопасенъ, ибо вся мѣстность отъ Призрена до Печи населена албанцами, которые всюду проявляли признаки неспокойства. Одинъ русскій докторъ-добровольцъ, вернувшійся съ сербскихъ позицій на Кочаникѣ, разсказывалъ мнѣ въ Призренѣ, что на всей Шаръ-Планинѣ албанцы открыто перешли на сторону болгаръ; изъ Шаръ-Планинскихъ ущелій, изъ засадъ они разстрѣливали сербскіе отряды и санитарныя части. И дѣйствительно, какъ оказалось черезъ 5 дней по пути нашего слѣдованія, албанцы, подобравъ разбросанную сербскими войсками аммуницію, прежде всего занялись грабежомъ застрявшихъ въ грязи обозовъ, а затѣмъ напали на Дечанскій монастырь, съ которымъ у нихъ были старинные счеты на почвѣ аграрныхъ отношеній.

Но, когда мы шли къ Дьяковицѣ, албанцы еще сдерживались. Съ пасмурными, неривѣтливыми лицами смотрѣли они на насъ, когда мы проходили по ихъ деревнямъ, состоящимъ изъ домовъ-крѣпостей, изъ которыхъ на улицу выглядывали лишь бойницы для ружейныхъ дулъ. Дома были построены капитально, двухъ, даже трехъ-этажные. Жили албанцы, очевидно, не бѣдно и смотрѣли на пришельцевъ, какъ на враговъ, отъ которыхъ добра ждать нечего. Всю дорогу до Печи, по сторонамъ виднѣлись ихъ прочныя усадьбы, окруженныя фруктовыми садами и полями. Ясно было, что албанцы не нуждались ни въ какихъ культуртрегерахъ и не прочь были каждому изъ нихъ, независимо отъ его національности, всадить пулю. Мы, конечно, далеки были отъ культуртрегерства и имѣли въ виду лишь скорѣе добраться до моря, поэтому ужасно было бы глупо погибнуть отъ шальной албан-

ской пули. Дорога была необыкновенно трудная: грязь липкая, вязкая, въ полномъ смыслѣ слова невылазная; кромѣ того, путь пересѣкался многочисленными рѣчками безъ всякихъ мостовъ, если не считать таковыми перекинутыя мѣстами бревна и доски, по которымъ едва можно было пройти одному человѣку. Правда, по сторонамъ по недавнему распоряженію сербскаго и черногорскаго правительствъ спѣшно наводились мосты. Но они, по всей вѣроятности, были готовы лишь къ приходу австрійцевъ.

Приходилось все время идти пѣшкомъ, даже лицамъ, обзаведшимся лошадьми. Шелъ пѣшкомъ и кн. Трубецкой возлѣ своей коляски, запряженной парой прекрасныхъ лошадей. Рядомъ съ нимъ шагалъ г. Мамуловъ, ведя въ поводу свою верховую лошадь. Чей-то экипажъ, въ которомъ сидѣла дама съ дѣтьми, тянули на веревкахъ пара воловъ, запряженныхъ впереди лошадей. Подъ Дечанскимъ монастыремъ я обогналъ шедшаго пѣшкомъ бывшаго сербскаго министра внутреннихъ дѣлъ Стояна Протича.

Въ Дьяковицѣ намъ въ первый разъ пришлось познакомиться съ черногорскимъ гостепріимствомъ. Пока мы были въ Сербіи, къ намъ относились сочувственно, но по другую сторону каменнаго моста, живописно перекинутаго черезъ скалистые берега Бѣлаго Дрина, отношеніе было совсѣмъ другое. Храброе племя, которое получало и получаетъ все, включая хлѣбъ и экипировку изъ Россіи, всецѣло проникнуто принципомъ, что Россія богата и что съ русскихъ нужно брать при всякомъ подходящемъ случаѣ. Это искусство доведено у черногорцевъ до виртуозности.

Въ Дьяковицѣ, наприм., нашихъ вьючныхъ лошадей не пустили ночевать на постоялый дворъ, и онѣ были отведены въ городскія конюшни. Одна лошадь впотьмахъ была забыта, и безъ корма, подъ дождемъ простояла всю ночь. Утромъ даже не сразу разобрались, чья это лошадь. Однако же, хозяйка-черногорка взяла за ночлегъ лошади 4 перпера (франка), нахально ссылаясь на то, что она ей даже сѣна давала. При этомъ не хотѣла взять сербскими деньгами, ибо Сербія страна разгромленная, а Черногорія свободна отъ непріятеля. Увы! Какъ оказалось въ это время, австрійцы уже подходили къ Рожаю, грозя сорвать сообщеніе между Печью и Андреевцемъ, о чемъ мы узнали на другой же день въ Дечанскомъ монастырѣ.

IV.

Тихая обитель среди горъ и сосноваго лѣса—одна изъ старѣйшихъ и знаменитѣйшихъ святынь Балканскаго полуострова, Дечанскій

монастырь былъ построенъ сербскимъ королемъ Стефаномъ Дечанскимъ. Здѣсь, въ старинной архитектуры церкви, представляющей большой интересъ для любителя древностей и пощаженной даже во времена турецкаго владычества, покоятся его мощи. Кругомъ громадныя монастырскія зданія, въ которыхъ можно размѣстить сотни людей. Монахи всѣ русскіе съ игуменомъ отцомъ Варсонофіемъ, во главѣ. Здѣсь мы получили кровати, тюфяки и одѣяла въ большой общей залѣ, служившей также и столовой. Къ числу предметовъ роскоши принадлежала и желѣзная печка, въ которой весело трещали дрова.

Мы пріѣхали въ монастырь, сравнительно, рано, успѣли обсушиться, подкрѣпиться горячей пищей и, вообще, устроиться по-человѣчески. Вслѣдъ за нами вскорѣ появились русская и иностранныя дипломатическія миссіи, которымъ были отведены отдѣльныя комнаты. Къ вечеру монастырскій дворъ наполнился лошадьми, подводами и представлялъ изъ себя своего рода ярмарку. Подошли англійская, французская санитарныя миссіи, русскіе доктора и сестры милосердія съ разныхъ концовъ Сербіи, всего человѣкъ 400, и кромѣ того масса другихъ бѣженцевъ. Многія женщины были въ мужскихъ костюмахъ, высокихъ сапогахъ, всѣ забрызганныя грязью и измученныя. Въ громадной залѣ монахи настлали соломы и сѣна, накормивъ публику, чѣмъ Богъ послалъ. Всѣ обширныя монастырскія зданія были наполнены.

На другой день, который нашъ отрядъ рѣшилъ провести въ Дечанахъ, чтобъ запастись всѣмъ необходимымъ въ дорогу, мы совершили экскурсію вверхъ по р. Быстрицѣ къ такъ называемой башнѣ Стефана Дечанскаго, въ которой, по преданію, жилъ этотъ король. Она расположена на высокой горѣ, куда ведетъ узенькая, крутая тропинка. Башня выстроена этажей въ пять, изъ камней, приложенныхъ къ утесамъ. Постройка грубая, лишенная всякихъ претензій на архитектуру. Внутренность,—потолки, полы, балки, очевидно, выгорѣли, ибо цѣлыя столѣтія эта знаменитая башня служила албанцамъ для пригона скота. Въ общемъ ни съ архитектурной, ни съ какой-либо другой стороны башня интереса не представляетъ. Насъ заинтриговало лишь то обстоятельство, какая нужда была всесильному сербскому королю забираться на такую высоту, куда нелегко взобраться. Виды по ущелью были очень красивы, но пускаться далеко было опасно. Нерѣдки случаи, когда албанцы по этому пути подстрѣливали неосторожно слишкомъ далеко забравшихся путниковъ.

Въ Дечанахъ опять возникъ вопросъ, идти ли къ Андреевцу черезъ Печь или черезъ Плавъ, въ силу того, что находившіеся уже у Рожая австрійцы каждый часъ могли перерѣзать путь между Печью и Андреевцемъ. Идя по этому послѣднему пути, если онъ даже пока

свободенъ, можно было встрѣтиться съ случайнымъ австрійскимъ разъѣздомъ и попасться въ плѣнъ. Идти же вдоль Быстрицы къ Плавскому озеру и оттуда на Андреевецъ, была опасность попасть подъ албанскую пулю. Отецъ Варсонофій находилъ, что благоразумнѣе идти на Печь. Туда и рѣшили, въ концѣ концовъ, направиться. Въ Печь мы пришли довольно рано, ибо она отстояла отъ монастыря въ какихъ-нибудь 12—15 верстахъ. Насъ помѣстили тамъ вмѣстѣ съ французскими и англійскими миссіями въ общей казармѣ. Были тамъ и кровати, но многимъ пришлось устроиться на полу. Было хоть тѣсновато, но все-таки сносно; ко многимъ неудобствамъ мы уже успѣли дорогой привыкнуть и не считали ихъ неудобствами.

Самый городъ Печь или Ипекъ производитъ впечатлѣніе живого, торговаго города; онъ расположенъ на горной рѣчкѣ Печь-Быстрицѣ, называемой такъ въ отличіе отъ Быстрицы Дечанской и Призренской; при чемъ мѣстоположеніе довольно живописное; вдали по Быстрицѣ красиво выдѣлялись на голубомъ горизонтѣ снѣговыя горы, переходъ черезъ которыя остался для всѣхъ насъ навсегда памятнымъ. Пока еще Печь оставалась въ сторонѣ отъ передвиженія войскъ, поэтому здѣсь можно было достать все, не безъ удобствъ пообѣдать въ ресторанѣ и полакомиться очень вкусными мѣстными яблоками.

Отъ Печи путь лежалъ къ Андреевцу черезъ старую черногорскую границу. Отъ Андреевца, какъ говорили черногорцы, до Подгорицы—автомобильное сообщеніе. Одновременно съ этимъ, сообщали, что перейти Чакаръ и Трешникъ, два хребта высотою болѣе 2.000 метровъ, будетъ затруднительно, вслѣдствіе громадныхъ снѣжныхъ заносовъ. Ни тому, ни другому мы не особенно довѣряли. Черногорцы, какъ истыя дѣти природы, часто лгутъ, сами не зная для чего. Поэтому было бы благоразумнѣе ихъ совсѣмъ не распрашивать. Виднѣвшіяся вдалекѣ, покрытыя снѣгомъ вершины не производили впечатлѣнія, чтобъ эти снѣга были очень глубоки.

Десятаго ноября мы вышли изъ Печи и начали совершать постепенный подъемъ ущельемъ р. Быстрицы. Самыхъ причудливыхъ формъ скалы, мѣстами голыя, мѣстами же поросшія большими деревьями отъ самой вершины до низу, пѣнящаяся рѣчка съ водопадами и водоворотами, бьющаяся о наваленные въ живописномъ безпорядкѣ камни, все это было грандіозно и красиво, и современемъ, съ улучшеніемъ путей сообщенія, привлечетъ къ себѣ массу туристовъ. И чѣмъ далѣе вглубь ущелья, тѣмъ живописнѣе оно становилось, но вмѣстѣ съ красотами пути увеличивались и его трудности. Вся компанія шла, конечно, пѣшкомъ и, нужно отдать справедливость, въ выносливости женщины не уступали мужчинамъ. Не такъ благополучно обстояло дѣло съ вьючными лошадьми, которыхъ было до восьми штукъ. Про-

бираясь по тропамъ, усѣяннымъ камнями, особенно въ мѣстахъ, гдѣ текла сверху вода, а таковыхъ было не мало, лошади скользили, теряли равновѣсіе, падали; приходилось то поправлять вьюки, то развьючивать, то опять навьючивать. Все это страшно задерживало движеніе. Въ одной изъ «кафанъ» мы, вдвоемъ, ушедшіе впередъ отъ компаніи, оставшейся съ лошадьми, ждали ее, по крайней мѣрѣ, часа четыре. Какой публики здѣсь не прошло предъ нами за это время!

Въ полутемномъ помѣщеніи кофейни, во второмъ этажѣ домика, внизу котораго была конюшня—затрудняюсь сказать, гдѣ было чище въ конюшнѣ или кафанѣ—мы застали доктора Сафатерова съ женой и сестрами милосердія. Онъ шелъ съ отрядомъ впередъ, имѣя назначеніе регулировать движеніе прочихъ русскихъ миссій и, при помощи сербскаго уполномоченнаго Чедо Михайловича, обставлять это движеніе возможными удобствами. Но, увы! На практикѣ выполнить это оказалось невозможнымъ. При черногорскихъ условіяхъ и обстановкѣ, внезапно нахлынувшая бѣженческая волна не поддавалась никакой регулировкѣ и катилась съ стихійной стремительностью впередъ, обгоняя всякія распоряженія начальства. Ушелъ Сафатеровъ. Явились два актера изъ театра въ Скопле—одинъ русскій, другой сербъ, почти безъ багажа, въ потрепанныхъ пальто, съ небритыми физіономіями.

— Откуда и куда?—спросилъ я, удивленный неожиданной встрѣчей.—Изъ Керчи въ Вологду,—отвѣтилъ русскій съ театральнымъ жестомъ. Въ сравненіи съ ними, ихъ собратъ, пробиравшійся изъ Керчи въ Вологду, былъ дѣйствительно счастливымъ человѣкомъ. У этой парочки не было ни продуктовъ, ни вещей, ни добрыхъ пріятелей, которые могутъ еще встрѣчаться въ матушкѣ-Россіи. Затѣмъ появился Чолокъ-Античъ, сербскій посланникъ въ Софіи, пріѣхавшій оттуда въ Нишъ на другой день послѣ объявленія войны. Человѣкъ уже пожилой, съ больной ногой, волочившейся по землѣ, опираясь одной рукой на костыль, а другой на какого-то субъекта въ военной формѣ, онъ, тяжело дыша, опустился на скамейку. Бѣдный посланникъ не избѣжалъ участи всѣхъ грядущихъ по этой дорогѣ, т.-е. почти все время шелъ пѣшкомъ. И пошелъ дальше, почти до самой Подгорицы, гдѣ, наконецъ, ему удалось попасть въ автомобиль. Послѣдній разъ я его встрѣтилъ между Андреевцемъ и такъ называемой кафаной Царевичъ. Нужно было лѣсной тропкой перескочить небольшой ручей, дно котораго было завалено безпорядочной грудою камней. Несчастный тщетно пытался прыгнуть, упершись костылемъ въ камень, а корпусомъ навалившись на спутника. Я поспѣшилъ къ нимъ на помощь. Чолокъ-Античъ сконфузился и, сдѣлавъ отчаянное усиліе, преодолѣлъ препятствіе. И не онъ одинъ былъ истиннымъ мученикомъ пути. Пока мы сидѣли въ кафанѣ, передъ нами проходили матери съ дѣтьми маль-

мала меньше, полуголодныя, плохо одѣтыя; впереди же все яснѣе и зловѣщѣе обрисовывались на горизонтѣ снѣговыя очертанія гигантскихъ горъ.

Становилось замѣтно холоднѣе, и къ вечеру по пути попадались уже клочки снѣга. Когда ночью нашъ отрядъ достигъ горной деревушки Кучиште, сдѣлалось очень холодно, а главное, ночевать было негдѣ. Подходившая публика разводила костры и грѣлась около огня; но костровъ было ограниченное количество, публики же много. Мы разыскали сѣнной сарай, запертый на замокъ. Владѣлецъ его жилъ гдѣ-то на горѣ. На просьбы нашей депутаціи разрѣшить переночевать на сѣновалѣ, онъ отвѣтилъ уклончиво, такъ что депутація вернулась ни съ чѣмъ. Между тѣмъ, морозъ все крѣпчалъ, а ноги въ мокрыхъ, отъ перехода безчисленныхъ горныхъ ручьевъ, сапогахъ мерзли. Порѣшили общимъ совѣтомъ пойти на преступленіе и взломать замокъ. Такъ и сдѣлали. Вошли въ сарай, устроились съ чаемъ и расположились спать. Посланный отъ черногорца-хозяина, увидѣвъ сію картину, повидимому, примирился съ фактомъ и попросилъ только быть по осторожнѣе съ огнемъ. Это мы ему обѣщали и довольно сносно проспали до утра. Но утро приготовило намъ сюрпризъ и, вдобавокъ, не совсѣмъ пріятный. Необыкновенно красивая дорога лѣсистымъ ущельемъ поднималась на хребетъ Чакаръ, отдѣлявшій прежнюю черногорскую границу отъ турецкой и принадлежавшій къ группѣ такъ называемыхъ Албанскихъ Альпъ. За ночь узкая тропа, извивающаяся по крутымъ горнымъ склонамъ, покрылась гололедкой. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, не только лошадямъ, но и людямъ, держаться безъ посторонней помощи почти не было никакой возможности. Встрѣтившіеся подъ откосами трупы упавшихъ и разбившихся лошадей, съ разбросанными по пути паденія вещами, не предвѣщали ничего добраго. Это была самая трудная часть всего пути. Вьючныя лошади, сопровождаемыя идущей гуськомъ публикой, растянулись на нѣсколько верстъ и падали ежеминутно. Одна упавшая лошадь или осликъ задерживали весь караванъ. Лошадей поддерживали съ боковъ и за хвостъ, а упавшихъ осликовъ просто поднимали съ земли со всѣмъ грузомъ и ставили на ноги въ болѣе удобномъ мѣстѣ. Шли русскіе, французы, англичане, сербы, черногорцы и албанцы. Женщины—въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, изящныхъ ботинкахъ съ французскими каблуками, въ мѣховыхъ боа и новомодныхъ шляпахъ, и въ большихъ мужскихъ сапогахъ, шапкахъ и курткахъ. Хуже всего обстояло дѣло съ французскими каблуками. Несчастныя француженки просто не могли идти по скользкимъ тропинкамъ. И вотъ наблюдалась такая картина. Появились необычныя парочки. Рослые широкоплечіе албанцы, обнявшись съ француженками, которыя не шли, а висѣли у нихъ на

шеяхъ, спускались по крутымъ склонамъ Албанскихъ Альпъ, никогда, конечно, съ самаго сотворенія міра не видѣвшихъ ничего подобнаго. Мужественныя, загорѣлыя лица кавалеровъ, ихъ грязныя, закорузлыя руки оригинально гармонировали съ выхоленными, изящными ручками дамъ, набѣленныхъ и нарумяненныхъ, несмотря на всѣ неудобства и трудности пути. Странное сочетаніе парижскихъ бульваровъ съ дикими ущельями Албанскихъ Альпъ!..

Вдругъ раздался ружейный выстрѣлъ, многоголосымъ эхомъ разнесшійся по безчисленнымъ закоулкамъ каменныхъ горъ. Всѣ невольно остановились, гдѣ то взвизгнула женщина, кто-то истерически захохоталъ. Оказалось, одна изъ нашихъ лошадей, въ хвостѣ каравана свалилась внизъ и, ударяясь по пути о камни и деревья, переломала себѣ ноги. Пришлось изъ винтовки прекратить ея мученія.

Вслѣдствіе постоянныхъ задержекъ отъ падавшихъ лошадей, движеніе шло крайне медленно $1/2$—2 версты въ часъ. Наконецъ, гололедка кончилась, начался снѣгъ, вскорѣ достигавшій глубины выше колѣна. На наше счастье день былъ ясный, солнечный и тихій; какъ разъ, садилось солнышко, когда мы достигли вершины Чакара. Былъ еще цѣлъ пограничный столбъ, отдѣлявшій когда-то Черногорію отъ Турціи. Картина открывалась чудная. Передъ нами внизу лежали, какъ бы разсыпанные чьей-то гигантской, небрежной рукой горные узлы и кряжи Черногоріи, покрытые хвойнымъ лѣсомъ. Вдали, глубоко внизу виднѣлось село Великое, гдѣ предполагалась ночевка, лежащее уже внѣ пояса снѣговъ. Казалось, всѣ трудности пути остались сзади; спускъ пошелъ довольно быстро, дорога хорошая. Всѣ, несмотря на усталость, подбодрились и повеселѣли. Но уже, подходя къ Великому, мы должны были разочароваться. Подъ самымъ селомъ путь пошелъ по руслу горнаго потока. Грязь, вода по колѣно, камни, черезъ которые навьюченнымъ лошадямъ приходилось прыгать! Словомъ, никакого подобія дороги! Съ наступленіемъ темноты мы должны были зажечь фонари, чтобъ освѣщать дорогу, круто извивавшуюся между обрывовъ; то же самое сдѣлали слѣдовавшіе сзади насъ англичане и французы. Ночь была такъ тиха, что многіе шли просто со свѣчами безъ фонарей. Навѣрное изъ Великаго зрѣлище было настолько же красиво, какъ и необычно.

Караванъ змѣей растянулся по извилистому спуску на нѣсколько верстъ. Множество огоньковъ двигалось съ горы, то появляясь, то исчезая на поворотахъ. Но, когда путь пошелъ по упомянутому каменистому руслу, огни помогали мало. Опять измученныя лошади начали падать, опять по колѣна въ водѣ, промокшіе, иззябшіе люди возились около нихъ, проклиная черногорскія дороги, болгаръ, нѣмцевъ и самихъ черногорцевъ, все, до вещей включительно, которыя было все-

таки необходимо везти съ собою. Едва нашли сельскаго старосту, прося отвести какой-нибудь ночлегъ. Здѣсь опять начиналась исторія съ черногорскимъ гостепріимствомъ. Несмотря на ругательства начальства, которое, къ слову сказать, черногорцы въ грошъ не ставятъ, намъ отказывали въ кровѣ и кормѣ для лошадей. Съ большимъ скандаломъ устроились мы въ грязной избѣ, гдѣ намъ не дали даже соломы на постилку, несмотря на обѣщаніе заплатить. Вообще, самыя незначительныя наши просьбы встрѣчались непривѣтливо и вызывали даже грубое отношеніе.

Изъ села Великаго до Андреевца идти было, сравнительно, легче, и мы могли съ удовольствіемъ любоваться картинами долины р. Лима, на которую вышла наша дорога. Къ вечеру мы уже были въ небольшомъ черногорскомъ городкѣ Андреевцѣ, красиво расположенномъ при сліяніи р. Лима съ однимъ изъ его притоковъ. Почти одновременно прибылъ туда же и нашъ посолъ. Англійская и французская миссіи гдѣ-то отстали по дорогѣ и нагнали насъ лишь въ Подгорицѣ. Въ Андреевцѣ мы нашли сносное помѣщеніе и горячую пищу, но автомобильнаго движенія до Подгорицы, о которомъ намъ говорили, здѣсь не было, по случаю разлива пути во многихъ мѣстахъ и порчи нѣсколькихъ мостовъ. Слѣдовательно, опять предстояло идти пѣшкомъ верстъ 50 до Лѣвой рѣки, откуда, дѣйствительно, существовало автомобильное сообщеніе до Подгорицы. Но что же значили 3—4 черногорскихъ автомобиля, сравнительно съ надвигавшейся волной бѣженцевъ. Намъ, по крайней мѣрѣ, пришлось идти пѣшкомъ до самой Подгорицы, слѣдовательно, еще верстъ сорокъ.

Первая ночевка отъ Андреевца предполагалась въ кафанѣ «Царевичъ» послѣ перевала черезъ высокій хребетъ Трешникъ. Въ Андреевцѣ съ большимъ трудомъ, и то при содѣйствіи кн. Трубецкого, намъ удалось достать русскую телѣгу съ русскими же лошадьми. По крайней мѣрѣ, на нее мы сложили всѣ вещи съ вьючныхъ лошадей, давъ имъ такимъ образомъ передохнуть хоть немного. Не безъ удовольствія мы увидѣли въ Андреевцѣ русскихъ воронежскихъ или тамбовскихъ коней, полученныхъ здѣсь вмѣстѣ съ телѣгами и упряжкой нынѣшнимъ лѣтомъ. Правда, изъ всѣхъ этихъ лошадей для насъ, русскихъ, черногорцы ухитрились дать худшихъ, но хорошо, что хоть этихъ-то получили; а что благодарность есть одна изъ рѣдчайшихъ добродѣтелей между людьми, объ этомъ многіе изъ насъ уже знали по опыту.

Когда мы поднялись на Трешникъ (высотой 2.400 метр.), гдѣ дорога идетъ по громадному буковому лѣсу, въ которомъ снѣгъ легъ ровной, глубокой пеленою, наши лошади съ телѣгой стали; пришлось подпрягать еще, снимать вещи, часто останавливаться и вновь испы-

тать всѣ прелести голода и холода. Слышно было по пути, какъ плакали дѣти, дрожа отъ холода и крича: «мама, мама!», какъ въ отчаяньи рыдали и сами матери. Люди и лошади едва двигались по глубокому снѣгу, которому, казалось, конца не будетъ. Поздно ночью добрались до «Царевича», гдѣ кн. Трубецкой приготовилъ для насъ помѣщеніе.

За слѣдующей ночевкой въ Лѣвой Рѣкѣ начинался спускъ къ Подгорицѣ. Впереди открывался видъ на десятки верстъ, и сразу стало понятнымъ, почему Черногорія получила свое названіе. Голыя, безъ признака растительности черныя скалы, ряды камней, нагроможденныхъ извилистыми грядами одинъ на другомъ, и больше ничего! Въ морщинахъ этихъ почти сплошныхъ каменныхъ громадъ ютились деревушки, окруженныя огородами, взрощенными на тонкихъ слояхъ ила, нанесеннаго вѣками водой и вѣтрами.

Часть женскаго персонала воспользовалась автомобилемъ, но другіе предпочли спуститься пѣшкомъ, ибо автомобилей все равно на всѣхъ не хватило бы, между тѣмъ дорога представляла своего рода дикую красоту, особенно, по ущелю р. Морачи. Хотя сверху, съ горъ дулъ страшный вѣтеръ, едва не сваливавшій съ ногъ, тѣмъ не менѣе временами снизу вѣяло тепломъ южнаго края.

Къ ночи мы были уже въ Подгорицѣ, гдѣ размѣстились въ зданіи гимназіи, а утромъ получились тревожныя вѣсти, что переправиться черезъ Адріатическое море отъ С.-Джіованни-ди-Медуа наврядъ ли возможно, вслѣдствіе блокады австрійскимъ флотомъ, что, пожалуй, придется идти на Дураццо. Перспектива пройти лишнихъ 4—5 дней по Албаніи была не изъ пріятныхъ. Пришлось ожидать дальнѣйшихъ разъясненій изъ Цетинье, куда отправился кн. Трубецкой. За это время пролетѣлъ надъ Подгорицей аэропланъ. Послѣ весенняго инцидента, когда на базарной площади въ одинъ день было убито 12 человѣкъ и до 80 ранено, всякій разъ при приближеніи аэроплана къ городу, о чемъ возвѣщалось пушечнымъ выстрѣломъ, начиналась паника. Такъ и теперь. Былъ тоже базарный день. Жизнь небольшого, правильно распланированнаго городка, съ площадью въ самомъ центрѣ его, сосредоточилась вся на этой самой площади. Было много пріѣзжихъ. Вся площадь была уставлена лавчонками, витринами и лотками, вокругъ которыхъ толкался народъ. Тротуары, по краю площади, вдоль сплошныхъ рядовъ магазиновъ также были полны публикой. Раздается пушечный выстрѣлъ, и все исчезаетъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла. Нѣтъ ни товаровъ, ни лотковъ, ни покупателей, ни продавцовъ, магазины закрыты; въ 2—3 минуты площадь пуста. Лишь торчатъ одинокія фигуры полицейскихъ. Но на этотъ разъ все обошлось благополучно. Аэропланъ пролетѣлъ, не сбросивъ ни одной бомбы.

Въ результатѣ поѣздки князя Трубецкаго въ Цетинье получился

нашъ немедленный отъѣздъ на берегъ Скутарійскаго озера въ с. Плавницу, а оттуда по озеру пароходомъ въ Скутари. Въ первый разъ за всю дорогу, мы сдѣлали эти 25 верстъ отъ Подгорицы до Плавницы на лошадяхъ. Дорога была сухая, гладкая, по сторонамъ разстилалась обширная равнина, напоминавшая нашу степь. Озеро стояло спокойное, тихое, окутанное туманомъ, крякали дикія утки, стадами сновавшія по озеру. Изъ-за тумана пришлось часа два-три посидѣть на пароходѣ, но потомъ туманъ нѣсколько разсѣялся, и часа въ четыре дня мы были уже на албанскомъ берегу озера, въ Скутари.

Довольно большой, по албанскому масштабу, конечно, и оригинальный городъ, красиво расположенный вдоль озера. Надъ городомъ господствуетъ старинная, венеціанской постройки крѣпость, въ которой нѣсколько лѣтъ назадъ отсиживался Эссадъ-паша. Но климатъ здѣсь неважный. Непрерывный туманъ и сырость. Мы жили въ Скутари болѣе недѣли и туманъ не прекращался. Воздухъ былъ сыръ настолько, что, несмотря на наше довольно сносное помѣщеніе въ турецкой школѣ, табакъ и соль сырѣли до негодности къ употребленію, вымытое бѣлье такъ и пришлось невысохшимъ увезти съ собою.

Европейское вліяніе здѣсь сказывается на каждомъ шагу. Вотъ, наприм., названіе улицъ: Страсбургъ, Дрезденъ, Эрцгерцогъ Фердинандъ Rue International, площадь короля Эдуарда и проч. Вывѣски на лучшихъ магазинахъ итальянскія; говорятъ продавцы, почти всѣ, по-французски. Товары, по преимуществу, итальянскіе и нѣмецкіе. Вообще Скутари, при своемъ сорокатысячномъ населеніи, состоящемъ почти исключительно изъ албанцевъ, городъ азіатскій и похожъ на дикаря, котораго хотѣли экипировать по-европейски, но успѣли надѣть на голову только цилиндръ, оставивъ все остальное въ неприкосновенномъ видѣ. Съ нашимъ пріѣздомъ и прибытіемъ остальныхъ миссій и бѣженцевъ цѣны на все моментально взвинтились. Если на первый день можно было еще кое-что купить, то въ послѣдніе дни ни къ чему приступу не было. Благодаря содѣйствію администраціи, мы, по крайней мѣрѣ, не нуждались въ хлѣбѣ. Но столоваться—представляло большое затрудненіе. Мы обѣдали въ одной маленькой столовой, всегда биткомъ набитой народомъ, содержателемъ которой былъ, какой-то нѣмецъ Шнейдеръ, а единственной прислугой — нѣмка. Оба говорили только по-нѣмецки, по-сербски даже разбирались плохо, и алчущіе сербскіе офицеры и солдаты, чтобы поскорѣе добиться гуляша или паприкаша, изо-всѣхъ силъ стремились угодить хозяевамъ и объяснялись по-нѣмецки. Нѣмецъ держался нахально и деспотически. При микроскопическихъ порціяхъ онъ намъ, русскимъ, больше двухъ блюдъ не давалъ; къ сербамъ же относился предупредительнѣе, вѣроятно, потому, что изъ разговоровъ ихъ почерпалъ болѣе нужнаго себѣ матеріала,

чѣмъ отъ насъ. Мы политики не касались почти вовсе; нѣмецъ же, по всѣмъ видимостямъ, былъ не только ресторатором. Въ купленномъ, наприм., мной альбомѣ съ видами Скутари на портретѣ, изображающемъ субъекта въ албанскомъ костюмѣ съ надписью «Entwaffneter Albanese», субъектъ тотъ до поразительности смахивалъ на этого самаго нѣмца Шнейдера.

При насъ въ Скутари пріѣхала сербская верховная команда съ престолонаслѣдникомъ Александромъ и ген. Путникомъ во главѣ, стали подходить войска, появились члены сербскаго правительства. Король, по слухамъ, былъ уже въ Алессіо, откуда готовился переѣхать въ Дураццо. При насъ же въ первый разъ пролетѣлъ надъ Скутари австрійскій аэропланъ и, разсчитывая на полную безнаказанность, спустился надъ городомъ очень низко, бросивъ нѣсколько бомбъ. Были и человѣческія жертвы. Одна изъ бомбъ упала вблизи квартиры престолонаслѣдника.

Большой компаніей мы посѣтили главную достопримѣчательность города—крѣпость. Правда, она въ полуразвалинахъ, тѣмъ не менѣе слѣды грандіозной постройки замѣтны... Тамъ помѣщается черногорская батарея изъ старыхъ русскихъ пушекъ и митральезъ, есть подземные ходы, обширные колодцы-водоемы. Виды съ крѣпости на озеро и р. Баяну—великолѣпны. Невдалекѣ видны знаменитые Тарабошъ и Бартиньолъ.

При посѣщеніи крѣпости мы тамъ встрѣтились съ престолонаслѣдникомъ Александромъ, шедшимъ въ сопровожденіи адъютанта. Онъ привѣтливо раскланялся, но былъ грустенъ и страшно измѣнился въ лицѣ. Вообще въ Скутари было много встрѣчъ, и при всѣхъ этихъ встрѣчахъ прежде всего поражала крайняя подавленность настроенія. Трудно представить себѣ, до чего нѣкоторые знакомые измѣнились по внѣшнему виду. Они, положительно, сдѣлались неузнаваемыми: осунулись, постарѣли, посѣдѣли.

Никогда не забуду встрѣчи съ Генчичемъ, бывшимъ министромъ. Сидя за столомъ и разсказывая о переживаемой трагедіи, онъ чуть не рыдалъ. И вполнѣ понятно. Сербія переживала предсмертную агонію. Очистить всю территорію и уйти въ Скутари, съ разстроенной арміей, безъ провіанта и аммуниціи, развѣ это не означало смерти страны. Г. Генчичъ былъ большимъ патріотомъ и искренно, и глубоко любилъ свою страну. Передъ этимъ въ послѣдній разъ я его видѣлъ въ Нишѣ во время боевъ съ болгарами у Княжевца и Пирота; онъ возлагалъ еще тогда большія надежды на союзниковъ, былъ еще свѣжъ и молодъ. Онъ много разсказывалъ о блестящемъ прошломъ сербскаго народа, цитировалъ на память цѣлыя страницы сербскихъ народныхъ пѣсенъ, импрови-

зировалъ, пѣлъ и доказывалъ, что такой народъ умереть не можетъ. Теперь г. Генчичъ какъ-то сгорбился, сильно посѣдѣлъ и, излагая передъ мной происходящую драму, совершенно умалчивалъ о перспективахъ.

Видѣлъ проходящаго по улицѣ Пашича; но онъ выглядѣлъ такъ, что я не рѣшился даже подойти къ нему и заговорить. Отъ былой его популярности не осталось и тѣни. Слишкомъ много ему было дано, а потому и много спрашивалось.

22 ноября, рано утромъ, ясно слышалась канонада со стороны С.-Джіованни-ди-Медуа, продолжавшаяся до обѣда. Какъ выяснилось потомъ, австрійская эскадра разстрѣливала суда, преимущественно итальянскія, стоявшія въ гавани. Нѣсколько изъ нихъ потопили и, между прочимъ, одинъ пароходъ съ грузомъ муки и консервовъ. Впослѣдствіи въ Медуа мы видѣли эти затопленныя суда.

Жили въ Скутари мы почти 10 дней. За полнымъ отсутствіемъ какихъ-либо телеграммъ и газетъ, никакихъ свѣдѣній о положеніи не имѣлось; ходили лишь противорѣчивые слухи, но болѣе пессимистическаго характера. Съ каждымъ днемъ на улицахъ появлялись все новыя лица. Прибыли и отставшія отъ насъ англійскія и французскія миссіи, а также русскій отрядъ Славянскаго Общества съ докторомъ Сычевымъ во главѣ.

За это время кн. Трубецкой и англійскій комиссаръ по санитарному дѣлу для Сербіи м-ръ Пэджэтъ изыскивали способы отправить насъ въ Италію. Не мало облегченій формальнаго характера и заботъ проявилъ по отношенію къ намъ русскій скутарійскій консулъ Г. Ю. Ферхминъ. Наконецъ, 28-го назначено было выступленіе изъ Скутари на С.-Джіованни-ди-Медуа всѣхъ русскихъ и англичанъ, во главѣ съ м-ромъ Пэджэтомъ. Французы, пока, остались, рѣшивъ идти самостоятельно. Рано утромъ къ дому Пэджэта въ Скутари свезли всѣ вещи, и собралась вся выступающая публика. Часа черезъ два по всему Скутари по Rue International вытянулась оригинальная процессія, подобной которой этотъ городъ никогда не видалъ и, по всей вѣроятности, не увидитъ. М-ръ Пэджэтъ для женщинъ и слабыхъ мужчинъ заготовилъ верховыхъ лошадей; поэтому впереди ѣхали верхомъ женщины, большей частью въ мужскихъ костюмахъ, за ними слѣдовали пѣшкомъ мужчины: англичане въ непромокаемыхъ, англійской матеріи, курткахъ и гетрахъ, русскіе, затѣмъ нѣсколько экипажей съ Пэджэтомъ и др., охрана съ винтовками, все это дефилировало по узкой улицѣ среди албанскихъ лавчонокъ, сопровождаемое насмѣшливыми, съ примѣсью затаенной злобы взглядами албанцевъ. Сербскій престолонаслѣдникъ стоялъ на террасѣ своего помѣщенія, мимо котораго проходила процессія и съ печально-сосредоточеннымъ видомъ

провожалъ ее глазами. При другихъ обстоятельствахъ, это походило бы на своеобразный карнавалъ; теперь же весьма напоминало бѣгство таракановъ изъ дома наканунѣ пожара.

На этотъ разъ погода намъ благопріятствовала. Дорога подсохла, и лишь въ мѣстахъ, гдѣ она спускалась въ заваленныя камнями русла потоковъ, лошадямъ опять приходилось спотыкаться и прыгать, а нѣкоторыя изъ нашихъ «амазонокъ»,—къ счастью, довольно благополучно,—вылетѣли изъ сѣделъ. Въ результатѣ, большинство изъ нихъ предпочли идти пѣшкомъ, при чемъ одна изъ англичанокъ, сильно потершая себѣ ногу, шла безъ ботинокъ, а просто въ чулкахъ.

Вся мѣстность отъ Скутари до моря заселена албанцами-католиками. Ровная, нѣсколько заболоченная, она, повидимому, родитъ прекрасно, и фермы албанцевъ, по внѣшнему виду, производятъ впечатлѣніе зажиточности. Даже лица албанцевъ гораздо симпатичнѣе, чѣмъ тѣ, которыя намъ довелось видѣть по пути между Дьяковицей и Печью. Тѣмъ не менѣе въ одной деревнѣ между албанцами и сербскими солдатами произошла перестрѣлка, къ счастью, обошедшаяся безъ жертвъ. Ночевать на этотъ разъ пришлось подъ открытымъ небомъ, среди множества горящихъ костровъ, невдалекѣ отъ берега Дрины. Было, сравнительно, тепло, но спалось не совсѣмъ хорошо. Нѣтъ-нѣтъ, въ сторонѣ раздавались какіе-то выстрѣлы, гдѣ-то далеко перекликались между собою албанцы. Встали рано и въ полдень уже были въ Алессіо, небольшомъ городкѣ на Дринѣ, недалеко отъ впаденія его въ море. Оттуда верстахъ въ 7 находился С.-Джіованни-ди-Медуа.

Съ какимъ восторгомъ публика, не доходя 2—3 верстъ до Медуа, увидѣла, наконецъ, столь желанное Адріатическое море. Хотя, въ перспективѣ, еще предстояло изъ Медуа 3—4 дня идти на Дураццо, тѣмъ не менѣе, самый видъ моря заставилъ примириться со многимъ, что было пережито на длинномъ пути. Многіе дорогой изнервничались, перессорились, но въ этотъ моментъ готовы были протянуть другъ другу руки и взаимно просить извиненія.

Въ Медуа намъ отвели сносное помѣщеніе, снабдили хлѣбомъ, мясными консервами и... какая роскошь!.. свинымъ саломъ, только-что извлеченнымъ изъ парохода, потопленнаго австрійцами. По берегу лежали груды подмоченныхъ мѣшковъ съ мукою, вынутой съ того же парохода; на многихъ мѣшкахъ стояло клеймо нижегородскаго мукомола Башкирова. М-ръ Пэджэтъ съ секретаремъ англійскаго посольства расположились въ конюшнѣ, съ поврежденной бомбардировкой крышей. Вмѣсто крыши они натянули брезентъ, сквозь дыры котораго просвѣчивало небо.

Въ Медуа мы провели нѣсколько дней томительнаго ожиданія,

чуть не каждый часъ переходя отъ сомнѣнія къ надеждѣ. А пока что, и англичане, и русскіе, и не только женщины, а и мужчины занялись собственноручной стиркой бѣлья въ рѣчушкѣ, впадающей въ море. Мыло намъ выдали казенное, при чемъ секретарь англійскаго посольства по всѣмъ правиламъ справедливости распредѣлилъ его между отдѣльными компаніями. Женщины и мужчины располагались по берегу рядышкомъ, кто стиралъ бѣлье, кто мылъ шею, кто, снявши рубашку, грудь. О стѣсненіи не могло быть и рѣчи, никто не обращалъ ни на кого вниманія, каждый дѣлалъ, что ему нужно. Дорога въ $1^1/_2$—2 мѣс. отучила отъ всякихъ условностей. Наконецъ, г. Пэджэтъ заявилъ, что придетъ американское судно изъ Дураццо, но оно можетъ взять только женщинъ и мужчинъ, вышедшихъ изъ призывного возраста, а всѣмъ остальнымъ придется идти въ Дураццо, потому что здѣсь, въ Медуа, слишкомъ велика опасность отъ австрійскихъ подводныхъ лодокъ; женщины же поѣдутъ съ вѣдома и согласія австрійскихъ военныхъ властей.

2-го декабря мужская компанія выступила въ Дураццо. Разсказывали, и, какъ потомъ оказалось, безъ преувеличеній, ужасы про эту дорогу. Нужно было готовиться къ тому, чтобы идти по водѣ, грязи, переходить рѣки и, хотя Эссадъ-паша телеграфомъ разрѣшилъ проходъ черезъ свои владѣнія, тѣмъ не менѣе полной гарантіи отъ нападенія албанцевъ не было. Но дѣлать было нечего. Мы выступили. Пошелъ дождь и до Алессіо вымочилъ насъ до нитки. Въ Алессіо ночлегъ найти было трудно. Я съ небольшой группой вернулся въ Медуа, а на другой день рѣшилъ остаться и въ черногорскомъ приморскомъ городкѣ Дульциньо дождаться болѣе благопріятнаго момента.

Вдругъ совершенно неожиданно ночью, подъ конвоемъ эскадры, явился въ Медуа итальянскій пароходъ съ грузомъ. М-ръ Пэджэтъ переговорилъ съ капитаномъ, и слѣдующею ночью всѣ оставшіеся и вновь прибывшіе за это время изъ Скутари, человѣкъ 500—600, безъ различія пола и возраста, были посажены на пароходъ. Тронулись около полуночи и, все время конвоируемые съ обѣихъ сторонъ двумя миноносцами, а сзади нѣсколькими крейсерами, благополучно миновавъ мины и избѣжавъ встрѣчи съ подводными лодками, 5 декабря, въ 11 часовъ дня, мы были въ Бриндизи. Высадка продолжалась до вечера. Задерживали разныя формальности: то санитарный осмотръ, то провѣрка паспортовъ. Въ заключеніе намъ вѣжливо объяснили, что наврядъ ли въ Бриндизи, за отсутствіемъ свободныхъ помѣщеній, можно будетъ остановиться, что гораздо удобнѣе для насъ ѣхать прямо на вокзалъ, а оттуда, кому какъ угодно, кто пожелаетъ доѣхать и переночевать въ Бари, а кто можетъ поѣхать прямо въ

Римъ. Съ чисто-итальянской предупредительностью, извозчиковъ до вокзала намъ предоставили безплатно.

Я предпочелъ остановиться передохнуть въ Бари и въ 9 ч. вечера былъ уже тамъ, въ комфортабельномъ отелѣ Leone d'Oro, гдѣ, предварительно поужинавъ, съ наслажденіемъ легъ въ мягкую, чистую постель, которой не пользовался уже почти два мѣсяца. Прошедшее казалось какимъ-то сномъ, но, повторяю, временами и теперь кажется, ужъ не сонъ ли все это настоящее-то?

Е. Д. Мягковъ.

Римъ.

НАРОДНЫЙ ТЕАТРЪ.

I.

Въ связи съ проблемой народнаго отрезвленія поднятъ сейчасъ, между прочимъ, и вопросъ о разумномъ отдыхѣ и народныхъ развлеченіяхъ,—въ частности, о народномъ театрѣ, какъ нѣкоторомъ культурномъ эквивалентѣ вытѣсняемаго спирта. Но и помимо прикладной, злободневной стороны, безотносительно къ моменту, онъ-же, какъ входящій въ общій вопросъ народнаго образованія и культуры, имѣетъ и самъ по себѣ выдающееся значеніе.

Великое дѣло народныхъ театровъ въ Россіи представляетъ тему такого большого интереса для широкой публики, что ее необходимо разрабатывать и на страницахъ общей, не только спеціальной, печати. Цѣль настоящей статьи познакомить читателя съ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ сейчасъ находится этотъ вопросъ. Передъ авторомъ ея, работавшимъ одно время надъ организаціей народнаго театра и теоретически, и практически [1],—задача уяснить съ необходимой полнотой цѣли и характеръ этого театра, его репертуаръ, организацію и пр., а главнымъ образомъ его идейныя основы.

Понятіе «народнаго театра» включаетъ въ себя и общедоступные городскіе театры («народные дома», аудиторіи, театры попечительствъ о народной трезвости), и спеціальные «рабочіе театры» (напр., на фабрикахъ Покровской Трехгорной Мануфакт., на Морозовскихъ фабр. въ Богородскѣ и Орѣховѣ-Зуевѣ, на ткацкой фабрикѣ Ярославской мануфактуры и др.), «солдатскіе театры» и, конечно, крестьянскіе театры. Главнымъ образомъ, насъ будутъ интересовать здѣсь театры послѣдняго рода, деревенскіе театры, для

---

[1] Отчетъ о прочитанной авторомъ въ Москвѣ въ Техн. Об-вѣ лекціи по вопросамъ нар. театра см. въ „Русск. Вѣд." 8 янв. 1912 г.

десятковъ милліоновъ людей, населяющихъ наше великое крестьянское царство.

Если даже въ нашей деревнѣ не было еще потребности въ театрѣ, то вѣдь потребность—дѣло наживное, и развитіе потребностей есть только показатель роста культуры. Одинъ изъ устроителей народныхъ спектаклей А. Черносвитовъ отмѣчаетъ то равнодушіе, съ которымъ крестьяне приняли первый спектакль, поставленный имъ въ своемъ с. Щучьѣ (Тульской губ.): они смотрѣли на комедію, какъ на «маскарадъ, устроенный для удовольствія господъ». Однако, уже на 3-емъ спектаклѣ—пишетъ г. Черносвитовъ,—«мы видѣли передъ собой вполнѣ дисциплинированную толпу, внимательно слѣдившую за ходомъ пьесы. Результаты, достигнутые мною въ небольшой промежутокъ времени, придаютъ еще больше энергіи, укрѣпляютъ вѣру и заставляютъ вести впередъ начатое дѣло» [1]).

Для иллюстраціи той крѣпкой стѣны невѣжества и отсутствія культурныхъ потребностей въ искусствѣ, которую приходится пробивать въ деревнѣ народному театру, еще большій интересъ представляетъ попытка познакомить съ театромъ населеніе одной изъ самыхъ глухихъ деревень Тверской губ.—кореловъ. Эта попытка была сдѣлана группой лицъ изъ Голицынскаго Кружка осенью 1911 г. «Съ декораціей, гримомъ и книгами,—разсказываетъ объ этомъ въ своемъ рукописномъ отчетѣ режиссеръ передвижной труппы, студентъ Шишкинъ,—я поспѣшилъ въ деревню еще до полной уборки хлѣба. Въ первый же праздничный день сталъ ко мнѣ приходить народъ въ разсчетѣ немедленно видѣть обѣщанный мною театръ—подъ театромъ здѣсь изъ чьихъ-то словъ разумѣли знакомыя по наслышкѣ свѣтовыя картины». Съ группой болѣе развитыхъ крестьянъ режиссеръ прочиталъ нѣсколько пьесъ и сталъ выбирать исполнителей на роли. «Немалымъ затрудненіемъ оказалось то обстоятельство, что со времени школьнаго возраста большинство уже успѣло разучиться читать... Вскорѣ началось и возвращеніе ролей. Пошли слухи, что я привезъ съ собой изъ Москвы «покойницкіе волосы», что хочу всѣхъ въ «антихристову вѣру ввести» и «противъ правительства смущаю». Одной моей артисткѣ уже черезъ день подоспѣла вѣсть изъ дальней деревни отъ ея замужней сестры—«сдать немедленно всѣ дѣла; если же не отстанешь, приду—косы выдеру». Чтобъ парализовать всѣ страхи, я выдалъ своей труппѣ расписку въ томъ, что «беру на свою голову всю отвѣтственность за устройство спектакля», пригласилъ на репетицію попа, попадью и учительницу и сталъ про-

---

1) Сборн. „Народный Театръ“ изд. Е. Лавровой и Н. Попова. М. 1896 г.

никать съ успокаивающими рѣчами въ «театральныя» семьи. Эти мѣры имѣли свое дѣйствіе»...

Подготовка къ спектаклю шла энергичная,—собирались въ 8 ч., а расходились въ 11-омъ часу, хотя ночью часу въ третьемъ должны были уже вставать колотить ленъ. Роли свои крестьяне учили «промежду чаемъ, промежду обѣдомъ и промежду ужиномъ» и, въ концѣ концовъ, такъ знали ихъ, что не нуждались въ суфлерѣ. Но передъ самымъ спектаклемъ пришлось встрѣтиться съ новымъ препятствіемъ—«гримерной забастовкой»: никто не хотѣлъ гримироваться. По счастью, одного парня догадало понюхать краски, и онъ, въ отвѣтъ на тревожные взоры окружающихъ, успокаивающе заявилъ: «хорошій духъ идетъ»; послѣ этого слышались или просьбы больше мазать или совѣты экономнѣй быть. Впечатлѣніе отъ спектакля получилось огромное. Крестьяне говорили: «и живучи не видали, что пришлось увидѣть». На другой день на сходкѣ крестьяне, вмѣсто хозяйственныхъ дѣлъ, долго занимались обсужденіемъ видѣннаго. «Жалко васъ и отпускать... Вы теперь насъ всѣхъ знаете, пришлите роли—мы выучимъ...»

О томъ, что извѣстная потребность въ театральномъ зрѣлищѣ имѣется въ народѣ, говоритъ убѣдительно цѣлая серія историческихъ справокъ о древнихъ народныхъ «игрищахъ», сохранившихся еще до сихъ поръ въ глухихъ мѣстахъ (напр., въ новгородско-псковской области), о многихъ народныхъ обрядахъ, которые въ сущности являются предвозвѣстниками крестьянскаго театра,—о старинныхъ «вертепныхъ» драмахъ, явныхъ драматическихъ попыткахъ въ родѣ «Царя Максимиліана съ его непокорнымъ сыномъ Адольфомъ» и др. И факты позднѣйшей исторіи народныхъ зрѣлищъ, знаменующіе уже періодъ нарожденія настоящихъ народныхъ театровъ, говорятъ опредѣленно объ извѣстной потребности народа въ театральномъ искусствѣ. Мы знаемъ объ успѣхѣ, который сопровождалъ духовнаго отца русскаго демократическаго театра Волкова, открывшаго въ Ярославлѣ 7 генваря 1751 г. театръ для народа по самой доступной цѣнѣ за входъ (въ 5, 3 и 1 коп.). О другомъ, подобнаго типа театрѣ, открытомъ въ 1765 г. въ Петербургѣ, Лукинъ, современникъ Фонвизина, писалъ: «Нашъ низкія степени народъ толь великую жадность къ нему показалъ, что, оставляя другія свои забавы ежедневно на оное зрѣлище сбирался»... С. А. Юрьевъ, извѣстный публицистъ и переводчикъ, редакторъ «Русск. Мысли», разсказываетъ объ огромномъ успѣхѣ устроенныхъ имъ безплатныхъ спектаклей въ своемъ имѣніи (въ Тверск. губ.) въ 1862 г., въ эпоху расцвѣта общественныхъ чаяній въ связи съ раскрѣпощеніемъ народа. «Что, если на эти души падутъ лучи безсмертнаго свѣта

великихъ художественныхъ и поэтическихъ созданій?»—заканчиваетъ онъ свой восторженный разсказъ [1]). А театръ, устроенный А. Мясоѣдовскою въ с. Муравлянкѣ (Тульск. г.) въ 1869 г., своимъ успѣхомъ возбудилъ даже протестъ цѣловальниковъ, лишавшихся въ дни представленій обычныхъ посѣтителей.

И успѣхъ, который выпадаетъ на долю возникшихъ уже въ наши дни деревенскихъ театровъ, опредѣленно говоритъ о томъ, что дѣйствительная потребность, а не «праздныя мечтанія» интеллигенція вызываютъ эти театры на свѣтъ. На значеніе театра въ народной жизни, между прочимъ, указываетъ докладъ коммисіи при Петерб. Комитетѣ Грамотности, относящійся еще къ 1869 г. (Коммисія эта вырабатывала планы организаціи правильно-функціонирующихъ народныхъ театровъ въ столицахъ и провинціи). «Потребность въ театрѣ—говорится въ докладѣ,—существенна, какъ потому, что трудящійся людъ въ досужее время не имѣетъ ровно никакихъ способовъ сколько-нибудь приличнаго развлеченія, такъ и потому, что въ народѣ нашемъ, хотя и слабо и по-дѣтски, всегда проявлялась наклонность къ зрѣлищамъ. Знаменитый драматургъ А. Н. Островскій въ своей «Запискѣ» объ устройствѣ въ Москвѣ народнаго театра, поданной Александру III въ 1882 г., между прочимъ, указываетъ на то, что въ Москву изъ отдаленныхъ деревень стекаются рабочіе, и «здѣсь необходимо подчиняются общеобразовательному вліянію». «Въ этомъ дѣлѣ прежде и болѣе всего дѣйствуетъ театръ, котораго рабочій людъ и желаетъ. Искусство безсильно только надъ душами изжившимися: но надъ ними и все безсильно. Свѣжую душу театръ захватываетъ властной рукой. Театръ съ честнымъ художественнымъ, здоровымъ народнымъ репертуаромъ развиваетъ народное самопознаніе» [2])... Любопытно, кстати, отмѣтить, что на этой «Запискѣ» была положена резолюція: «Было бы весьма желательно осуществленіе этой мысли, которую я раздѣляю совершенно».

Необходимость культивированія въ деревнѣ театральнаго искусства обусловливается и самой природой этого искусства, которое владѣетъ, по выраженію одного изъ пламенныхъ поклонниковъ его (Бѣлинскаго), «такими могущественными средствами поражать душу впечатлѣніями и играть ею самовольно», какими не владѣетъ ни одно другое искусство. Въ театрѣ есть непосредственное, всѣми внѣшними органами чувствъ воспринимаемое дѣйствіе, движеніе. Театръ—самое конкретное, наглядное искусство, языкъ котораго

---

1) „Артистъ“ 1889 г. Кн. 3.

2) „Русск. Обозр.“ 1879 г. № 6.

понятенъ и тѣмъ, кому еще чуждъ языкъ книги, и въ деревнѣ, для широкихъ и темныхъ массъ, этотъ доступный языкъ еще болѣе нуженъ, чѣмъ въ городѣ.

Театръ необходимъ народу. Но *какой* театръ?

II.

Въ своей книгѣ о народномъ театрѣ Роменъ Ролланъ такъ опредѣляетъ идею этого театра: онъ долженъ быть «властнымъ воплощеніемъ новаго нарождающагося общества,—онъ воплощаетъ его мысль, высказываетъ его запросы, и въ эпоху кризиса служитъ орудіемъ борьбы противъ общества отжившаго и падающаго. Рѣчь идетъ о томъ, чтобы воздвигнуть театръ силами народа для народа; основать для новаго міра новое искусство»...

Эта формула вызываетъ, однако, рядъ вопросовъ. Если вѣрно вообще, что искусство воплощаетъ собою идеалы извѣстнаго общества, извѣстнаго класса, то можно ли сейчасъ говорить о народномъ искусствѣ, эстетически цѣнномъ, которое воплотило бы лишь «нарождающееся» общество, еще не отстоявшееся, не вылившееся въ опредѣленныя формы? Можетъ ли искусство воплощать то, чего жизнь еще не воплотила? И вообще можно ли при современныхъ соціальныхъ условіяхъ разсчитывать на самостоятельное творчество народа и говорить только объ одномъ внутренно-цѣльномъ, гармоничномъ театрѣ, воздвигнутомъ по формулѣ «для народа и черезъ народъ»? Даже на Западѣ, при большой общественной дифференціаціи, при высокой степени самодѣятельности и организованности народныхъ массъ, еще не пришло для нихъ время производить собственныя эстетическія цѣнности. Творчество требуетъ извѣстной духовной и матеріальной свободы, извѣстной обезпеченности, «сытости», культуры, выросшей на этой матеріальной обезпеченности. Народнымъ массамъ въ наше время приходится въ значительной мѣрѣ питаться культурой, не ими созданной, и въ томъ періодѣ борьбы и стремленій, который знаменуетъ сейчасъ жизнь этихъ массъ, имъ остается только мечтать объ искусствѣ, воплощающемъ ихъ идеалы. Народные театры въ Европѣ, если и создаются, въ исключительныхъ случаяхъ, на средства самого народа (какъ «пролетарскіе» театры въ Вѣнѣ или Берлинѣ), то и они принуждены въ значительной мѣрѣ пользоваться услугами буржуазныхъ классовъ, прибѣгая къ инипіативѣ вышедшей изъ ихъ рядовъ интеллигенціи, къ ихъ актерамъ, ихъ драматической литературѣ. Что же намъ, россіянамъ, приходится говорить? Во всѣхъ «народныхъ» вопросахъ у насъ еще трудно опре-

дѣлить ту грань, гдѣ кончается роль интеллигенціи для народа и начинается роль самого народа для себя. Можно ли у насъ говорить только о такомъ народномъ театрѣ, который воздвигнутъ, по формулѣ Роллана, «силами самого народа»?

Скудная исторія русскаго народнаго театра ярко показываетъ тѣ пути, по которымъ идетъ развитіе всякаго народнаго дѣла—и не только у насъ однихъ. Эта исторія тѣсно связана съ исторіей отношеній русской интеллигенціи къ народу, она—одна изъ страницъ въ книгѣ развитія русской общественности, отмѣченная, какъ и вся книга, высокой и свѣтлой печатью народолюбія. Вотъ почему интересъ къ народному театру долженъ былъ подыматься въ обществѣ всегда въ связи съ ростомъ интереса къ народу, къ деревнѣ. Но нужно здѣсь принять во вниманіе и другую сторону вопроса: русской интеллигенціи долгое время приходилось ставить во главу угла вопросы не эстетическаго, а политическаго порядка. Чтобы стать грамотнымъ, создавать свою культуру и искусство, надо прежде всего быть свободнымъ. Сельскому театру удѣлялось меньше всего мѣста въ общей культурной работѣ въ деревнѣ потому, что онъ былъ отъ эстетики, отъ «праздника» жизни, а тутъ надо было дѣлать дѣло суровыхъ будней;—онъ былъ изъ того міра художественнаго, къ которому русскій радикалъ долгое время относился, какъ къ явленію недостаточно серьезному, важному и нужному. Только позже, въ годы торжествующаго «эстетизма», среди интеллигенціи, работающей въ деревнѣ, стали выдвигаться и иныя точки зрѣнія. Къ этимъ (80-мъ) годамъ и относится рядъ крупныхъ попытокъ организаціи крестьянскихъ театровъ. Одни изъ нихъ носили прикладной, «школьный» характеръ. Напр. театръ, основанный извѣстнымъ педагогомъ Бунаковымъ при школѣ (въ с. Петинѣ, Воронежск. г.), функціонировавшій съ 1888 г. по 1895 г. [1]) и предназначавшійся, гл. обр., для подрастающаго деревенскаго населенія. Другіе театры, относящіеся къ этой эпохѣ, носятъ уже опредѣленный чисто-сценическій характеръ, лишенный прямыхъ утилитарныхъ цѣлей. Таковъ, напр., театръ с. Рождествена, Петерб. г., основанный кружкомъ мѣстной интеллигенціи (фельдшерицъ и учительницъ) во главѣ съ женщиной-врачемъ Е. К. Фовицкой. Этимъ кружкомъ была собрана по подпискѣ нужная на первое время сумма, снято и оборудовано помѣщеніе, собрана труппа изъ интеллигентовъ и пр. Открылся театръ въ 1889 г., но черезъ годъ въ дѣлахъ его наступилъ перерывъ, вызванный невольнымъ распаденіемъ кружка интеллигентовъ. Самостоятельно крестьяне не могли продолжать начатое дѣло. И лишь

---

[1]) И. Бунаковъ. „Русск. Начальн. Учит." 1892 г. № 1.

позже, опять-таки при помощи интеллигентовъ, театръ возобновилъ свою дѣятельность (въ 1894 г.), успѣлъ сорганизовать и крестьянъ, приблизить ихъ къ дѣлу, даже набрать труппу крестьянскую [1]).

Инициативѣ интеллигентовъ, близкихъ къ народу или вышедшихъ изъ него, обязанъ, въ сущности, своимъ возникновеніемъ и одинъ изъ лучшихъ крестьянскихъ театровъ нашего времени—Голицынскій (Моск. губ. при ст. Голицыно), основанный въ 1909 г. Формулѣ Р. Роллана, говорящей о такомъ народномъ театрѣ, который воздвигается исключительно «силами самого народа», придется, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ, подвергнуться значительному измѣненію. Только при могучемъ ростѣ крестьянскихъ организацій и кооперативовъ, въ самомъ процессѣ развитія культурной жизни въ деревнѣ, станетъ возможнымъ говорить о совмѣстной работѣ деревенской интеллигенціи съ городской или даже о преобладаніи первой.

III.

Но формула Роллана ставитъ и опредѣленныя задачи передъ народнымъ театромъ. Мы уже знаемъ, какія: «Въ эпоху кризиса» этотъ театръ долженъ служить «орудіемъ борьбы противъ общества отжившаго и падающаго». Ролланъ, придающій въ искусствѣ эстетическимъ задачамъ, очевидно, второстепенное значеніе, на первое мѣсто выдвигаетъ его соціальную сторону. «Искусство не можетъ оторваться отъ желаній и страданій своего времени—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ.—Народный театръ долженъ дѣлить съ народомъ его хлѣбъ, его тревоги, надежды, его борьбу». Наконецъ, онъ заявляетъ еще опредѣленнѣе: «Нужно быть откровеннымъ: народный театръ будетъ теперь соціальнымъ, или его не будетъ совсѣмъ».

Естественно, что въ «эпохи кризисовъ» искусство становится однимъ изъ «орудій» общественной борьбы. Народный театръ, котораго спокойное художественное развитіе ожидаетъ лишь въ будущемъ, въ періодѣ полной побѣды и завершенія народныхъ стремленій,—сейчасъ неминуемо долженъ переживать, какъ въ свое время это переживалъ и старый европейскій театръ, періодъ романтизма, періодъ извѣстной риторики, шиллеровскаго благородства. Но нужно ли ставить эту роль театра въ опредѣленныя теоретическія заданія его?

---

[1]) Рукописный отчетъ, экспонированный на 4-й Всеросс. Сельско-Хозяйств. выставкѣ 1895 г.

Вопросъ объ основной тенденціи народнаго театра—эстетической или утилитарной—естественно, долженъ вызвать въ разныя эпохи различное разрѣшеніе, въ соотвѣтствіи съ общимъ жизнечувствіемъ страны. Но подчиняясь этимъ различнымъ разрѣшеніямъ, театръ никогда не долженъ упускать изъ виду своего главнаго прямого пути—важнѣйшихъ отличительныхъ задачъ своихъ, какъ искусства, и соотвѣтственно этому всѣ неизбѣжныя уклоненія должны знать извѣстные предѣлы, имѣть извѣстныя поправки. Только принимая все это въ соображеніе, можно правильно рѣшить вопросъ о томъ, какимъ долженъ быть крестьянскій театръ, если онъ желаетъ быть жизнеспособнымъ,—въ чемъ должно выражаться его вліяніе на массы.

Если создавать для народа школы, то создавать хорошія школы, вполнѣ отвѣчающія своему прямому назначенію. Если давать народу искусство, то давать ему хорошее, настоящее искусство, какое намъ самимъ доставляетъ высокія художественныя радости. Театръ прежде всего долженъ быть театромъ. Общественныя задачи должны и будутъ осуществляться въ этомъ театрѣ, но постольку, поскольку онѣ вообще осуществляются въ подлинномъ искусствѣ, отражая въ своемъ содержаніи, въ своихъ формахъ психику общественныхъ группъ, эпоху и ея настроенія, ея духовныя отличія, рождая высокія чувства человѣческой солидарности, и только такое—эстетическое воплощеніе соціальнаго—имѣетъ право на существованіе въ мірѣ искусства.

Значеніе народнаго театра, какъ театра, опредѣляется тѣми же моментами, какими опредѣляется значеніе всякаго подлиннаго искусства. Художественные принципы, внѣ которыхъ нѣтъ искусства и нѣтъ эстетическаго вліянія искусства на зрителя, должны всегда стоять во главѣ того театра, какой мы собираемся насаждать въ деревнѣ.

Искусство прежде всего есть искусство; въ этомъ смыслѣ оно—міръ цѣльный и обособленный, знающій свои собственные законы развитія и свои задачи, и цѣнно искусство для цѣлей «общественнаго воспитанія» именно постольку, поскольку это воспитаніе достигается не путемъ научныхъ и соціальныхъ дисциплинъ, а путемъ чисто-художественнымъ. Здѣсь, конечно, не мѣсто выясненію основъ психологіи творчества, но въ нихъ и лежитъ секретъ вліянія искусства, какъ таковаго, на воспринимающаго субъекта: мы, читатели и зрители, переживаемъ вмѣстѣ съ поэтомъ тотъ сложный психологическій процессъ, который приводитъ его къ созданію художественнаго произведенія; вмѣстѣ съ нимъ проходимъ тотъ путь, которымъ идетъ простое ощущеніе, чтобы пріобрѣсти характеръ

эстетической эмоціи, воспринимаемъ ту ритмичность накопленія сложныхъ идей и ассоціацій, которая характеризуетъ произведеніе искусства въ механизмѣ его образованія. Въ этомъ, получаемомъ нами отъ художественнаго произведенія, импульсѣ къ со-творчеству и заключается та «заразительность» искусства, которую Л. Н. Толстой считалъ однимъ изъ основныхъ «несомнѣнныхъ признаковъ», отличающихъ искусство отъ не-искусства. Воспринимая внутренній строй художественнаго произведенія, мы испытываемъ высшую степень удовлетворенія—и умственнаго, и эмоціональнаго,—то, что есть чувство эстетическое. Это чувство подымаетъ насъ надъ личнымъ, индивидуальнымъ, надъ не-гармоничнымъ и мелкимъ, житейскимъ; разрозненныя душевныя переживанія упорядочиваются, получаютъ высшій смыслъ въ томъ мірѣ свѣжемъ и чистомъ, въ который они поднялись. Вліяніе искусства, словомъ, можно свести къ той платоновской истинѣ, что видѣть прекрасное—значитъ, и самому стать лучше.

И, въ силу всего этого, въ силу самого характера нашихъ эстетическихъ эмоцій, мы должны отрицательно отнестись къ тому виду искусства, которое обозначается, какъ «тенденціозное». «Въ сферѣ искусства никакое направленіе гроша не стоитъ безъ таланта»,—писалъ Бѣлинскій. Направленіе должно быть «не въ головѣ», а прежде всего въ «сердцѣ», въ «крови» пишущаго, т.-е. оно должно уже быть «чувствомъ, инстинктомъ», но тогда оно входитъ, какъ органическая составная часть, въ само содержаніе творчества, и тогда, слѣдовательно, нѣтъ уже рѣчи о тенденціозности. Къ тенденціознымъ произведеніямъ, т.-е. такимъ, гдѣ «направленіе» осталось только въ «головѣ»,—не претворившимъ идей автора въ творческія формы, совершенно непримѣнимы законы творческаго «зараженія», и вліяніе ихъ въ лучшемъ случаѣ исчерпывается вліяніемъ хорошей публицистики, дидактики. Съ точки зрѣнія искусства такія произведенія представляютъ пустое пространство, но вѣдь мы собираемся дать народу именно искусство, и народный театръ представляется намъ, прежде всего, областью искусства, а не науки и просвѣщенія въ тѣсномъ смыслѣ. Этотъ театръ, какъ и вообще театръ, если онъ хочетъ выполнить честно свою миссію, долженъ быть не филіальнымъ отдѣленіемъ школы или трибуной. Театръ прежде всего долженъ мыслиться, какъ одна изъ формъ искусства, задача которой, какъ и задача искусства вообще, прежде всего—въ насажденіи культуры эстетической.

IV.

Среди русскихъ дѣятелей народнаго театра издавна шла принципіальная борьба двухъ исходныхъ воззрѣній на задачи этого театра. Одни выводили эти задачи изъ самой природы эстетическаго чувства. Отсюда именно исходилъ и А. Н. Островскій въ своей «Запискѣ» о народномъ театрѣ. «Только... искусство—писалъ онъ,— производя полное, пріятное, удовлетворяющее ощущеніе, т.-е. художественный восторгъ, оставляетъ въ душѣ потребность повторенія этого же чувства, душевную жажду. Это ощущеніе есть начало перестройки души, т.-е. начало благоустройства, введеніе новаго элемента, умѣряющаго, уравновѣшивающаго, введеніе въ душу чувства красоты, ощущенія изящества»... Директоръ Московскаго Народнаго театра, открытаго въ 1872 г., Федотовъ, провѣрившій на опытѣ свои теоретическія предпосылки (въ этомъ театрѣ за одно лѣто «Ревизоръ» выдержалъ 19 представленій, «Недоросль»—17, «Бѣдность не порокъ»—16 и т. д.), указываетъ прежде всего на «то просвѣтлѣніе духа, ту радость, какую приноситъ одинокому, загрубѣлому человѣку созерцаніе чужой жизни, раскрытой художникомъ до самыхъ потаенныхъ уголковъ ея. Онъ, незамѣтно для себя, въ нее входитъ, сливается съ ней и невольно усваиваетъ тѣ чувства, какія руководили авторомъ при созданіи его произведенія... Потребность въ театрѣ у народа не есть только любовь къ развлеченіямъ»...

Во всякомъ случаѣ, «развлеченіе» развлеченію рознь. Сложное и глубокое содержаніе вкладываетъ въ это слово, наприм., одинъ изъ первыхъ піонеровъ народнаго театра, Бунаковъ, который тоже говоритъ о «развлеченіи для трудящихся», какъ единственной «цѣли» народнаго театра. «Безъ сомнѣнія, театръ можетъ и будетъ способствовать смягченію нравовъ, но не нарочитой поучительностью, а именно какъ удовольствіе высшаго порядка, освѣжающее духъ и силы»...

Рядомъ съ этой точкой зрѣнія усердно проводилась другая, ей прямо противоположная. Такъ, у насъ смотрѣли и смотрятъ на деревенскій театръ, какъ на одно изъ средствъ борьбы съ пьянствомъ (такой взглядъ былъ высказанъ, напр., на страницахъ «Вѣстника Финансовъ» и «Правительственнаго Вѣстника»). Московскій комитетъ грамотности, отводя въ своемъ отдѣлѣ на 4-й сельско-хозяйственной выставкѣ мѣсто народному театру, какъ «чему-то внутренно-связанному съ дѣломъ народнаго образованія», видѣлъ въ немъ прежде всего «союзника школы, могущаго такъ или иначе

питать и поддерживать умственную жизнь въ деревнѣ». Въ этомъ взглядѣ, конечно, много справедливаго, но все же онъ нуждается въ опредѣленныхъ поправкахъ.

Зато ужъ вполнѣ опредѣленно проводитъ свою линію руководитель одного изъ извѣстнѣйшихъ современныхъ крестьянскихъ театровъ (въ с. Бурмакинѣ, Ярославской губ.), г. Скородумовъ. Онъ прямо и рѣшительно заявляетъ: «Сельскій театръ не только искусство. Онъ долженъ отвѣчать на запросы жизни»... Онъ—«моральная противоалкогольная прививка» [1]), побѣждающая пагубную страсть къ алкоголю. «Діалогъ служитъ однимъ изъ лучшихъ средствъ популяризаціи знанія». «Народный театръ долженъ одной изъ своихъ задачъ считать функціи научнаго театра»... Въ своемъ докладѣ на 2-мъ Всероссійскомъ Съѣздѣ режиссеровъ тотъ же г. Скородумовъ говорилъ: «Кооперацію и самопомощь стараемся мы пропагандировать со сцены, но, къ сожалѣнію, пьесъ подобныхъ почти нѣтъ и намъ приходится подчасъ и писать пьесу самимъ»...

Въ свое время А. Амфитеатровъ удачно возражалъ всѣмъ тѣмъ, кто въ народномъ театрѣ хотѣлъ видѣть «психическій противовѣсъ» разнымъ порокамъ, и его соображенія не потеряли значенія и по сію пору: «Если директоровъ департамента, адвокатовъ, литераторовъ не отшибаютъ отъ вина Фигнеры, Савина, я рѣшительно не понимаю увѣренности, почему мужика отъ сохи либо фабричнаго должны отшибить отъ «мерзавчика» «Первый винокуръ», «Не такъ живи, какъ хочется»... Дѣло вовсе не въ дидактикѣ, а въ томъ, чтобы дать народному духу новую сферу дѣятельности, потребность въ которой растетъ въ немъ вмѣстѣ съ грамотностью. Если въ народѣ есть уже художественный запросъ, надо удовлетворить его, дать театръ народу»... «Хорошо, если театръ явится серьезной этической школою въ подспорье школѣ, но необходимость его учрежденія надо мотивировать не этой косвенной задачей, но прямою, т.-е. пробудившеюся въ народѣ потребностью художественной»... [2]).

V.

Для того, чтобы исполнять прямое свое назначеніе, народный театръ, прежде всего, долженъ быть именно театромъ, т.-е. проводить и осуществлять задачи искусства. Такова та основная точка зрѣнія, съ которой необходимо подходить къ разрѣшенію всѣхъ вопросовъ, выдвигаемыхъ теоріей и практикой этого театра.

---

[1]) „Театръ и Искусство“, 1910 г. № 9.
[2]) Амфитеатровъ. „Маски Мельпомены“. 195 стр.

Вотъ, напр., вопросъ о репертуарѣ.

Въ отчетѣ о 16 сельскихъ театрахъ, существующихъ въ пяти уѣздахъ Ярославской губ. (перепись эта относится къ 1909 г.), прямо указывается на то, что репертуаръ ихъ состоитъ изъ пьесъ «тенденціозныхъ, пропагандирующихъ вопросы кооперації, трезвости, нравственной взаимопомощи и образованія», съ одной стороны, и изъ пьесъ, «легкихъ для постановки», съ другой [1]. Поэтому на сценѣ этихъ театровъ ставились рядомъ съ «Дядей Ваней» Чехова, пьесами Островскаго, Шиллера, Писемскаго, Гоголя и др.— тенденціозныя пьесы Семенова, пьеса уже указаннаго выше г. Скородумова подъ характернымъ названіемъ: «Живите въ любви и правдѣ», «Проклятое зелье» г. Патканова и... «30 лѣтъ жизни игрока» Дю-Ганжа. И отчетъ умудряется назвать это «строго опредѣленнымъ репертуаромъ»!

Отчетъ другого крестьянскаго театра, одного изъ лучшихъ— Голицынскаго, указываетъ на тѣ принципы, которыми его дѣятели руководились при выборѣ репертуара: приходилось считаться «съ наименьшимъ количествомъ дѣйствующихъ лицъ въ пьесѣ, съ имѣющимися у кружка 2—3 декораціями, наконецъ, съ содержаніемъ пьесъ, которыя должны быть понятны и зрителямъ, и исполнителямъ и должны были удовлетворять требованіямъ этическимъ». Вотъ почему пьесы, игранныя въ этомъ театрѣ крестьянами, трактуютъ о вредѣ невѣжества, пьянства, ужасахъ семейнаго и общественнаго произвола (пьесы Алмазова, Полушкина, Семенова—рядомъ съ пьесами Чехова, Островскаго и даже Рышкова).

Комиссіей Петерб. комитета грамотности еще въ 1869 г. былъ выработанъ примѣрный репертуаръ для народныхъ театровъ, въ который вошло 126 пьесъ. Но этотъ списокъ такъ устарѣлъ, что имъ нельзя сейчасъ пользоваться; другого же, составленнаго по строго проведенному принципу, не имѣется пока. Что же играть въ крестьянскомъ театрѣ?

Одинъ изъ изслѣдователей народнаго театра, И. Л. Щегловъ, исходя изъ мнѣнія Пушкина, что «народъ, какъ дѣти, прежде всего требуетъ въ драмѣ занимательности дѣйствія», выступаетъ горячо въ защиту мелодрамы и права ея гражданства на народной сценѣ. «Снисходить къ современному протокольному репертуару и глумиться надъ старушкой мелодрамой,—пишетъ онъ,—это почти то же, что глумиться надъ человѣкомъ только за то, что у него слишкомъ много благородства и слишкомъ рѣзкій голосъ, и предпочитать ему экземпляръ безъ всякаго благородства и съ языкомъ глухимъ и

[1] „Ярославск. Зарницы", прилож. къ газ. „Голосъ".

невнятнымъ» [1]). Мелодрама отвѣчаетъ потребности простого зрителя видѣть посрамленнымъ зло и торжествующимъ добро, всю жизнь принять, какъ нѣкій «цѣлесообразный кругъ»,—говорятъ защитники мелодрамы. «Развѣ, въ сущности, не мелодрама—«Гамлетъ» и «Безъ вины виноватые»?—спрашиваетъ Щегловъ. Онъ еще указываетъ на исключительные сборы, которые дѣлаютъ мелодрамы на народныхъ сценахъ, и анкетныя данныя Рязанскаго, Пензенскаго, Саратовскаго и др. обществъ «Народныхъ развлеченій», какія имѣются у насъ, подтверждаютъ этотъ успѣхъ мелодрамы. Однако, послѣдній аргументъ врядъ ли дѣйствителенъ, если вспомнить, что большіе сборы дѣлаютъ и балаганы, цирки, но не будемъ же мы культивировать потребность въ этого рода зрѣлищахъ? Съ другой стороны, огромные сборы дѣлали, напр., въ 90-хъ г.г. въ Саратовскомъ народномъ театрѣ пьесы «Король Лиръ», «Марія Стюартъ» и «Орлеанская дѣва». Затѣмъ, шекспировскія и шиллеровскія пьесы—вовсе не мелодрама, какъ думаетъ Щегловъ: мелодраматиченъ сюжетъ «Гамлета» и мелодраматичны, напр., французскія передѣлки «Гамлета», но трагедія Шекспира того же названія—величайшая трагедія, врядъ ли это нужно доказывать. Вѣдь рѣшающимъ моментомъ въ поэтическомъ произведеніи является не исключительность событій фабулы, а внутреннее правдоподобіе ихъ, отношеніе автора къ своему замыслу, творческое выявленіе и преображеніе фактовъ... Исходя изъ чисто-художественныхъ принциповъ, которые должны опредѣлять собою выборъ репертуара, мы считаемъ болѣе правымъ Т. Полнера [2]), который въ этомъ спорѣ «за» и «противъ» мелодрамы указалъ на ея развращающее вліяніе на народную аудиторію, на искаженіе ею художественной правды и вкусовъ зрителя, на ложное представленіе, которое она даетъ зрителю о жизни.

Но отказъ отъ мелодрамы на народной сценѣ не означаетъ вообще отказа отъ пьесъ т. н. «героическаго» характера, романтическаго репертуара. Бунаковъ думаетъ, напр., что народу «всего болѣе нравятся» тѣ представленія, которыя даютъ изображенія «не заурядной будничной жизни, а чего-либо выходящаго изъ ряда, что отличается, напр., героическимъ характеромъ»... Въ анкетѣ Рязанскаго «Общ. Народн. Развлеченій» (за 1899—1900 г.г.) находимъ мнѣніе посѣтителей этого театра о томъ, что «честность, великодушіе, мужество, храбрость и твердый характеръ героевъ очень внушительны для народа». Нѣкоторой иллюстраціей этого влеченія

---

[1]) „Артистъ", 1892 г. № 8.

[2]) Сборн. „Образ.-воспит. учрежденія для рабочихъ". М. 1898.

зрителя изъ народа можетъ служить и исторія постановокъ на народныхъ сценахъ Зудермановской «Чести» и Шиллеровскаго «Коварства и любви». Эти пьесы, которыя мы встрѣчаемъ и въ репертуарѣ ярославскихъ, голицынскаго и др. нашихъ крестьянскихъ театровъ, шли на сценѣ народнаго берлинскаго театра. «Честь», имѣвшая всюду на другихъ сценахъ большой успѣхъ, здѣсь провалилась. Въ свое время объясняли это тѣмъ, что заурядная тяжелая жизнь, которая изображена въ пьесѣ, слишкомъ хорошо извѣстна публикѣ народнаго театра для того, чтобы отрывать ее отъ гнетущей дѣйствительности. Зато старая драма Шиллера имѣла среди той же публики огромный и симптоматичный успѣхъ. Какъ мы въ свое время, на пути къ реализму, воспитывались на классической романтикѣ и любили ее, такъ любитъ ее сейчасъ и народъ. Такія мятежныя пьесы, какъ «Коварство и любовь», «Разбойники», «Вильгельмъ Телль», полныя искренняго поэтическаго огня, молодости и той правды чувствъ, которая дѣлаетъ ихъ незабвенными соціальными драмами, должны занять прочное мѣсто въ народномъ репертуарѣ.

Неуспѣхъ Зудермановской «Чести» можно въ значительной степени отнести на счетъ узости ея мѣщанскихъ идеаловъ. Бытовая народная драма и комедія неминуемо должны составлять основу народнаго репертуара, потому что онѣ отвѣчаютъ тому міру представленій и интересовъ, который сложился въ простомъ человѣкѣ, живущемъ чуждою городу жизнью. Вопреки мнѣнію Бунакова, опытъ другихъ театровъ (большой успѣхъ пьесъ Гоголя, Л. Толстого, Островскаго и др.) показываетъ, что и изображеніе «заурядной будничной жизни» можетъ волновать зрителя именно своею близостью къ нему, важенъ лишь характеръ, который будетъ носить это изображеніе. Подъ дыханіемъ художника и «будничная» картина расцвѣчивается яркими цвѣтами искусства. Одинъ конторщикъ въ рязанской анкетѣ пишетъ, что «больше всего нравилось, если ставили что-нибудь глубокое, т.-е. что за душу хватаетъ: оно хорошо, если что и смѣшное есть въ представленіи, но только лучше серьезное, потому что на другой день вспоминаешь... чуть не до зимы»... Во всякомъ случаѣ, и бытовая комедія имѣетъ много поклонниковъ среди народныхъ зрителей. Большой успѣхъ выпалъ въ крестьянскомъ театрѣ Лавровой (въ Орловской губ.) даже на долю Мольеровской комедіи «Жоржъ Данденъ». «Иностранная старинная обстановка комедіи нисколько не помѣшала зрителямъ вникнуть въ ея содержаніе. Напротивъ, она сама по себѣ представляла для нихъ интересъ, судя по тѣмъ письменнымъ изложеніямъ содержанія пьесы, которую нѣкоторые зрители дали послѣ спектакля» [1]).

[1]) Е. Лаврова. Сборн. „Народный Театръ".

Богатая русская литература (Островскій, Гоголь, Толстые Л. и Ал., Писемскій, Потѣхинъ, Чеховъ, Горькій) и драматургія иностранная (Шекспиръ, Лессингъ, греческіе трагики, Мольеръ, Шиллеръ, Гауптманъ, Мирбо и др.) должны служить постояннымъ источникомъ народнаго репертуара.

Сдѣлать міровую литературу достояніемъ широкихъ народныхъ слоевъ—вотъ задача современнаго народнаго театра. И такъ именно поняли ее дѣятели этого театра на Западѣ. Основанный соц.-демократами въ Вѣнѣ въ 1906 г. народный театръ («Freie Volksbühne») такъ, напр., опредѣляетъ задачи своего репертуара: «Театръ долженъ быть въ одно и то же время и источникомъ удовольствія, и орудіемъ просвѣщенія для рабочаго, желающаго использовать свой досугъ для здороваго развлеченія и своего духовнаго развитія. Пьесы съ вульгарными тенденціями, скучная поверхностная театральная стряпня нынѣшняго репертуара вѣнскаго буржуазнаго общества совершенно исключаются изъ репертуара». Репертуаръ 317 спектаклей, поставленныхъ въ этомъ театрѣ съ 1906 г. до 1910 г., состоялъ изъ «Ганнеле» Гауптмана, «Строителя Сольнеса» Ибсена, «Ревизора» Гоголя, пьесъ Шекспира, Бальзака, Вида, «Бартеля Туразера» Лангмана, «Къ звѣздамъ» Л. Андреева и др. На годичныхъ собраніяхъ, на которыхъ члены театра—рабочіе высказываютъ свои пожеланія, этотъ репертуаръ вызывалъ общее одобреніе. Любопытно отмѣтить, что этотъ театръ ставилъ рядъ новыхъ пьесъ, на постановку которыхъ не рѣшались директора обычныхъ театровъ, (напр., «Kater Lampe» Розенова, «Птица въ клѣткѣ» Гроссмана, «Сѣрый человѣкъ» Карлвейса). Своей постановкой на народной сценѣ эти пьесы завоевали для себя и общую сцену и только такимъ путемъ сдѣлались репертуарными пьесами заграничныхъ театровъ.

Это взаимоотношеніе между народной сценой и молодыми авторами понималъ и даже отмѣтилъ въ своей, цитированной уже нами, «Запискѣ» и нашъ Островскій. «Такой театръ (народный)—писалъ онъ,—былъ бы поистинѣ наукой и для русскаго драматическаго искусства. Русскіе авторы желаютъ пробовать свои силы передъ свѣжей публикой, у которой нервы не очень податливы, для которой требуется сильный драматизмъ, крупный комизмъ, горячія искреннія чувства, живые и сильные характеры».

Берлинскій «Шиллеръ-Театръ», придерживаясь тѣхъ же взглядовъ на репертуаръ, что и его вѣнскій собратъ, ввелъ обязательную при билетѣ покупку афишки, въ которой данъ критическій обзоръ идущей пьесы, отзывы лучшихъ критиковъ, литературно-біографическія свѣдѣнія объ авторѣ и пр. Дирекція считаетъ очень суще-

ственнымъ составленіе этихъ афишекъ въ виду того, что зритель прочитываетъ ихъ обыкновенно не только въ антрактѣ, но и дома.

VI.

Сравнивая значеніе исполненія въ музыкѣ и драмѣ, Шопенгауэръ дѣлаетъ такое замѣчаніе: «Превосходная музыкальная пьеса въ очень посредственномъ, лишь бы чистомъ и правильномъ исполненіи, даетъ гораздо больше наслажденія, чѣмъ самое превосходное исполненіе дурной композиціи. Наоборотъ, плохое драматическое произведеніе, сыгранное выдающимися артистами, даетъ гораздо больше, чѣмъ самое превосходное, сыгранное бездарностями». Большіе подлинные артисты создаютъ огромное впечатлѣніе, играя безъ декорацій, на убогой сценѣ, при сальныхъ огаркахъ. Вотъ почему вопросъ объ исполнителяхъ—одинъ изъ самыхъ насущныхъ въ народномъ театрѣ.

Г. Беккаревичъ, описывая свою постановку «Грозы» въ крестьянскомъ театрѣ, отмѣчаетъ любопытный эпизодъ: когда Кулигинъ выноситъ на сцену мертвую Катерину, нѣкоторые въ публикѣ плакали, другіе какъ-то странно улыбались.

— «Чему вы улыбаетесь?—спросилъ я одного.—Вѣдь это мѣсто совсѣмъ не смѣшное».

— «Чего тутъ смѣшного, какъ человѣкъ топится! — былъ отвѣтъ.—Одинъ грѣхъ-отъ какой! А ужъ очень хорошо, то-есть, вотъ какъ есть, будто по-настоящему, какъ въ самомъ дѣлѣ бываетъ завсегда»...—Я понялъ, что этотъ человѣкъ чувствовалъ художественную правду изображенія и умилялся ею. Не всегда эта улыбка, смѣхъ въ самые драматическіе моменты,—отмѣчаемые всѣми посѣтителями народныхъ театровъ, имѣютъ то объясненіе, какое имъ даетъ г. Беккаревичъ. Просто иной зритель упорно воспринимаетъ театръ, какъ «комедіанство», «ломаніе», не понимая еще смысла театральнаго представленія. Но чѣмъ выше исполненіе актера, тѣмъ сильнѣе гипнозъ и захватъ искусства, тѣмъ скорѣе вовлекается въ кругъ его самое индифферентное и невѣжественное лицо. Опытъ постановки извѣстнымъ артистомъ П. И. Орленевымъ на крестьянской сценѣ (въ Голицынскомъ театрѣ) даже такой, лишенной почти всякихъ художественныхъ достоинствъ, пьесы, какъ «Горе-Злосчастье» В. Крылова, показалъ все значеніе артистическаго исполненія на народной сценѣ. Въ заключительной, очень рискованной у автора, сценѣ, когда публика увидала искаженное послѣдними судорогами, посѣрѣвшее лицо Рожнова съ остановившимися стеклян-

зными глазами, его упавшую мертвую руку, она поднялась со своихъ мѣстъ, застыла, впилась въ сцену взглядомъ, кто-то смахнулъ слезу, кто-то перекрестился. А вѣдь эта публика удивительно чутка къ неискренности, удивительно умѣетъ чувствовать всякую фальшь на сценѣ. Въ той же пьесѣ другой актеръ на сценѣ хохоталъ по своей роли, и въ зрительномъ залѣ никто не вторилъ ему, а изъ угла раздалась реплика: «неправильный смѣхъ», т.-е. зритель давалъ опредѣленную художественную оцѣнку исполненію. И онъ былъ правъ.

Какъ поставлено исполненіе на нашихъ народныхъ сценахъ? Въ ярославскихъ театрахъ труппы набираются случайно изъ интеллигентовъ (учителей, студентовъ, желѣзн.-дор. служащихъ) и самихъ крестьянъ (гл. обр. окончившихъ сельскія школы). Таковъ же составъ исполнителей и въ Голицынскомъ театрѣ. Голицынскій театръ привлекалъ къ участію въ нѣкоторыхъ спектакляхъ и московскихъ артистовъ (въ виду своей близости къ Москвѣ), учениковъ драматич. школъ. Такъ, лѣтомъ 1910 г. въ этомъ театрѣ состоялся рядъ спектаклей Орленева съ его труппой, въ 1911 г. въ пьесѣ Островскаго участвовалъ г. Ураловъ (арт. Худож. и Александр. т.). Иные спектакли въ этомъ театрѣ исполняются самими крестьянами. Докладъ голицынскаго режиссера отмѣчаетъ удивительную любовь и энергію, съ какой крестьяне занимаются этимъ дѣломъ: на репетиціи многимъ приходится послѣ рабочаго дня отправляться за $1^1/_2$—3 версты, и они аккуратно безъ опозданій приходятъ, а возвращаются къ себѣ не раньше полуночи. Конечно, эта старательность—трогательна, но въ ней ли весь вопросъ? Достаточно ли серьезно учитываютъ организаторы современныхъ крестьянскихъ театровъ исполненіе съ точки зрѣнія его художественнаго воздѣйствія на зрителя?

Участіе крестьянъ въ спектакляхъ нѣкоторые возводятъ въ принципъ педагогическій и не считаются въ этомъ случаѣ съ природными способностями или неспособностью данныхъ крестьянъ къ роли артистовъ. Г. Скородумовъ увлекается не только осуществленіемъ «противоалкогольныхъ» задачъ театра, но и тѣмъ принципомъ, что, «участвуя въ правильно-организованной труппѣ, крестьяне развиваютъ въ себѣ общественный духъ, духъ солидарности»... Конечно, противъ привлеченія отдѣльныхъ крестьянъ къ исполненію пьесъ въ народномъ театрѣ ничего имѣть нельзя, но возводить это въ принципъ, въ идеалъ, совершенно неосновательно и даже вредно для самого дѣла. Среди дѣятелей народнаго театра происходитъ сейчасъ борьба мнѣній по этому вопросу: одни отстаиваютъ необходимость составленія труппъ изъ крестьянъ-любителей, другіе—изъ профессіоналовъ-артистовъ. Извѣстный организаторъ французскихъ

крестьянскихъ театровъ, Морисъ Потшеръ, признавая желательнымъ участіе народа, какъ массового актера, въ исключительныхъ представленіяхъ, національныхъ празднествахъ (какъ, напр., въ Швейцаріи), отвергаетъ, однако, любительскую игру въ народномъ театрѣ всюду, гдѣ представляется хоть какая-нибудь возможность имѣть профессіональнаго артиста.

И онъ совершенно правъ. Народный театръ—дѣло серьезное, отвѣтственное и хрупкое. Придавая огромное значеніе театральному впечатлѣнію и иллюзіи, нужно усиливать это впечатлѣніе, а не ослаблять его. Дилеттантизмъ и «любительство» вредны въ этомъ дѣлѣ потому, что, фальсифицируя настоящее искусство, они даютъ о немъ ложное представленіе непосвященнымъ массамъ и не развиваютъ, а губятъ ихъ художественные вкусы. То, что преподносится у насъ сейчасъ деревенской публикѣ даже самыми серьезными театрами, въ большинствѣ случаевъ далеко отъ настоящаго театральнаго искусства: это—въ лучшемъ случаѣ трудолюбиво-выполненная работа, но это еще не творчество. Многое ли можетъ дать деревнѣ такой «кустарный» театръ, гдѣ на сценѣ топчутся люди, оторванные отъ сохи, неловко ступающіе, не знающіе, куда руки дѣвать, неловко произносящіе чуждыя имъ слова, старающіеся выразить на неподвижныхъ лицахъ гримасы. Вотъ эпизодъ изъ жизни одного народнаго театра. Ставятъ инсценированнаго чеховскаго «Злоумышленника». Суфлеръ старается изо всѣхъ силъ, но растерявшіеся любители ничему не внемлятъ: кто-то пропустилъ свою реплику и вышла чепуха. Тогда «злоумышленникъ» самъ тутъ же на сценѣ рѣшительно заявляетъ: «не буду играть» и уходитъ за кулисы. Даютъ занавѣсъ. Заупрямившагося парня долго убѣждаютъ не срывать спектакля, наконецъ, пьесу начинаютъ опять съ самаго начала.

На вопросъ, можетъ ли существовать народный театръ безъ профессіональныхъ актеровъ, не должно быть двухъ отвѣтовъ. Къ сожалѣнію, народу недоступны пока наши театральные короли. Ал. Веселовскій четверть вѣка назадъ писалъ: «Со стороны корифеевъ русской сцены можно бы ожидать содѣйствія осуществленію деревенскихъ театровъ. Представьте себѣ, какое впечатлѣніе было бы произведено, если бы одно изъ объѣзжающихъ каждымъ лѣтомъ провинцію столичныхъ товариществъ, пресытившись губернскими оваціями, захотѣло самоотверженно объявить, что дастъ два-три спектакля для народа, да и не въ городѣ, а гдѣ-нибудь въ большомъ селѣ, не побоявшись, что день-другой придется терпѣть кое-какія неудобства и играть въ чемъ-нибудь въ родѣ знаменитаго Волков-

скаго кожевеннаго сарая. Такой примѣръ вызвалъ бы подражанія и нѣсколько шаговъ впередъ было бы сдѣлано» [1]).

Превосходный примѣръ одного изъ «корифеевъ», Орленева, устроившаго рядъ спектаклей въ Голицынскомъ театрѣ, показалъ, что надежды на подражанія и вообще на филантропію, какъ всегда, оказываются шаткими. Больше надеждъ можно бы возложить на среднихъ профессіональныхъ артистовъ, которые образуютъ такія большія арміи безработныхъ въ нашихъ столицахъ. Лишніе въ городѣ, принужденные дѣлать большей частью не то, къ чему лежитъ сердце, они будутъ нужными, полезными, радостными гостями въ деревнѣ. При тѣхъ сборахъ, которые дѣлаются сейчасъ народными театрами, вполнѣ достигается и матеріальная возможность существованія актеровъ въ деревнѣ. Беккаревичъ, одинъ изъ участниковъ передвижного крестьянскаго театра, въ результатѣ своихъ поѣздокъ приходитъ къ заключенію, что: 1) «въ селѣ можно прекрасно просуществовать и профессіональнымъ актерамъ и 2) въ селѣ играть неизмѣримо интереснѣе, чѣмъ въ городѣ, потому что сразу чувствуешь невидимую нравственную связь между собой и публикой, что далеко не всегда бываетъ въ городѣ». Объ этой послѣдней сторонѣ дѣла, т.-е. пользѣ контакта съ народомъ и для самихъ актеровъ, говоритъ въ уже упомянутой статьѣ г. Ал. Веселовскій, вспоминая, что «Несчастливцевъ со своимъ другомъ Аркашкой, принужденные совершать пѣшкомъ, съ чемоданомъ за плечами, свои рейсы изъ Вологды въ Керчь и изъ Керчи въ Вологду, своими глазами видѣли, какъ живетъ народъ, и въ ихъ художественномъ арсеналѣ скоплялись десятки, сотни образовъ, бытовыхъ подробностей, интонацій, жестовъ, которые потомъ сами всплывали въ ихъ игрѣ».

Пусть на первое время въ деревенскихъ театрахъ будетъ по два-три профессіональныхъ актера; они нужны, какъ организаторы, режиссеры. Къ тѣмъ незамѣтнымъ народнымъ дѣятелямъ, которые имѣются сейчасъ въ деревнѣ—къ школьнымъ учителямъ, врачамъ, земскимъ служащимъ, должна прибавиться новая сила, носители художественной культуры. Безъ нихъ на первыхъ же робкихъ шагахъ своихъ идея народнаго театра можетъ быть дискредитирована въ массахъ, ибо безъ актеровъ—нѣтъ театра.

VII.

Иллюзія въ сценическомъ искусствѣ достигается и рядомъ

[1]) „Дерев. размышленія". „Артистъ" 1890 г. № 9.

побочныхъ условій. Деревня еще дѣвственна въ своихъ воспріятіяхъ, «условности» искусства ей чужды пока, дѣйствуютъ расхолаживающимъ образомъ на нее; она все замѣчаетъ, и это все часто разбиваетъ очарованіе искусства.

Необходима самая тщательная постановка спектакля не только въ смыслѣ срепетованности, режиссерской объединенности, но и въ смыслѣ внѣшнемъ (декораціи, свѣтовые эффекты и пр.). Здѣсь на народной сценѣ вся эта внѣшняя сторона спектакля больше значитъ, чѣмъ на столичныхъ сценахъ, гдѣ иллюзіи должно добиваться другими, болѣе дѣйствительными средствами—средствами отъ искусства, а не отъ техники.

У большинства ярославскихъ крестьянскихъ театровъ имѣется всего три декораціи: двѣ комнаты и лѣсъ, и театры ими обмѣниваются. Бутафорія, конечно, самая несложная: издѣліе самихъ исполнителей; гримеры свои, самоучки. И такъ почти вездѣ. Для того, чтобы избѣжать расходовъ на декорацію и для того, чтобы не заслонять ею внутренняго смысла пьесъ, нѣкоторые предлагаютъ примѣнить на народныхъ сценахъ т. н. «сукна». Указываютъ на упрощенную обстановку мюнхенскаго театра, въ которой играются шекспировскія пьесы [1]). «Какое намъ дѣло до бѣдности обстановки—восклицаетъ Сарсэ,—разъ поэтъ силою своего стиха производитъ иллюзію сильнѣйшую, чѣмъ самыя роскошныя декораціи и костюмы. Ахъ, какъ было бы въ самомъ дѣлѣ хорошо, если бы могли вернуться къ завидной простотѣ стариннаго театра». Шекспиръ въ своемъ театрѣ удѣлялъ, какъ извѣстно, большое вниманіе активному творчеству самого зрителя (см. прологъ къ «Генриху V»), и его постановки носили характеръ примитивовъ. Можно, конечно, завидовать публикѣ, наполнявшей шекспировскій театръ, которая настолько увлекалась представленіемъ, что, смотря на 4—5 солдатъ, появляющихся на сценѣ, воображала цѣлую битву. Но слѣдуетъ ли отсюда умозаключать о желательности возстановленія въ современномъ театрѣ шекспировскихъ примитивовъ? Можетъ ли современный зритель жить воображеніемъ такъ интенсивно, какъ зритель стариннаго театра? Все бытіе, мышленіе, психика были тогда примитивнѣе. Развитіе сценической техники есть только выраженіе процесса усложненія самой жизни. Нашъ раціоналистическій и скептическій вѣкъ всего менѣе живетъ воображеніемъ.—«Онъ шьетъ, а нитки-то въ иголкѣ нѣтъ»...—замѣтилъ при мнѣ крестьянинъ, когда актеръ на сценѣ, дѣйствительно, шилъ безъ нитки. Это—зритель современный, современнаго крестьянскаго театра.

---

[1]) См. Э. Маттернъ. „Арт.“ 1890 г. № 15.

Театръ долженъ «показывать». То глубокое, что онъ даетъ, онъ долженъ давать черезъ внѣшнее, черезъ —«зрѣлище». Крестьяне ищутъ въ театрѣ, болѣе чѣмъ городской житель, яркихъ зрительныхъ впечатлѣній, картинъ, образовъ, и «лѣсъ», плоховато нарисованный на полотнѣ, больше имъ скажетъ, чѣмъ жестъ актера въ сторону сплошного сѣраго сукна. А такая условная упрощенность, какъ наивная надпись на доскѣ: «лѣсъ», есть только усложненіе, мѣшающее художественнымъ задачамъ театра, отвлекающее своей необычностью.

Техническое оборудованіе театра вообще должно быть принято во вниманіе. Необходимо упраздненіе суфлерской будки, сокращеніе антрактовъ, забота о помѣщеніи. Вопросъ о помѣщеніи, наприм., какъ констатируетъ анкета 16 ярославскихъ театровъ, является настоящимъ бѣдствіемъ для сельскаго театра: играютъ, гдѣ попало: въ школахъ, трактирахъ, амбарахъ, въ палаткахъ, подъ открытымъ небомъ. Голицынскій кружокъ снимаетъ дачное помѣщеніе, но и оно весьма тѣсно и часть публики принуждена стоять въ теченіе всего спектакля на ногахъ... На сценѣ убогая обстановка, мало свѣта, лица актеровъ теряются въ полутьмѣ.

Такъ какъ художественное исполненіе классическаго репертуара профессіональными артистами и техническое оборудованіе театра является сейчасъ на крестьянской сценѣ дѣломъ трудно-осуществимымъ, невольно возникаетъ мысль о «передвижныхъ народныхъ театрахъ», которые имѣли бы небольшія, хорошо подобранныя труппы, сыгранныя пьесы, собственныя декораціи и пр. Объ интересномъ опытѣ въ этомъ направленіи разсказываетъ провинц. актеръ Беккаревичъ. Въ 1886 г. шестеро начинающихъ актеровъ отправились на лѣто въ с. Балаково (Самарск. г.), потомъ въ пос. Дубовку (Сарат. г.) съ мечтою «не о наживѣ — пишетъ Беккаревичъ,— а съ сознаніемъ, что тамъ мы можемъ принести народу если не пользу, то хоть немного радостей въ его тяжелой жизни»...

Въ Дубовкѣ публика помѣщалась подъ открытымъ небомъ. Въ лунную ночь партеръ не освѣщался даже тѣми тусклыми лампами, которыя были въ этомъ театрѣ. Играть приходилось только въ тихіе вечера. Труппа посѣщала села въ теченіе трехъ лѣтнихъ сезоновъ. Свой обстоятельный разсказъ Беккаревичъ заканчиваетъ такъ: «Не скоро еще настанетъ у насъ время, когда актеръ будетъ считать своимъ долгомъ послужить селу. Мы же, бывшіе въ селѣ, навсегда сохранили самыя лучшія воспоминанія объ этомъ времени, хотя и получали по 13 р. и 23 коп. въ мѣсяцъ».

Много цѣннаго даетъ намъ въ этомъ смыслѣ и опытъ «передвижныхъ театровъ» въ Европѣ. Такъ, напр., Рейнъ-Майнское Про-

свѣтит. Общество въ 1907—8 г.г. въ рядѣ мѣстечекъ и селъ Франкфуртскаго района поставило со своей передвижной труппой рядъ классическихъ пьесъ: «Эмилію Галоти», «Натана Мудраго», «Коварство и любовь», «Магдалину» (Гебеля), «Мнимаго больного» (Мольера) и др., вполнѣ окупивъ свои расходы по поѣздкѣ. По этому же примѣру Общество распространенія народн. образ. въ Германіи во главѣ съ директ. Шиллеровскаго театра Левенфельдомъ учредило передвижной театръ въ Бранденбургской провинціи. Въ теченіе перваго полугода, кочуя съ мѣста на мѣсто съ репертуаромъ изъ нѣсколькихъ пьесъ, этотъ театръ далъ 170 представленій. Успѣхъ этого предпріятія былъ огромный. «Масса зрителей изъ далекой провинціи не можетъ пріѣхать въ хорошій столичный театръ, но труппа изъ 16 человѣкъ образованной, развитой молодежи, одухотворенной идеей служенія искусству и народу, можетъ странствовать съ мѣста на мѣсто, воплощая въ образы великія произведенія нашихъ безсмертныхъ авторовъ»,—констатируетъ директоръ труппы [1]).

Покрыть великую нашу крестьянскую страну цѣлой сѣтью передвижныхъ театровъ, странствующихъ труппъ, несущихъ съ собою въ деревни невѣдомый имъ міръ новыхъ переживаній, это ли не обольстительная и такая осуществимая мечта?...

VIII.

Для полноты освѣщенія вопроса необходимо сказать нѣсколько словъ и объ экономической организаціи народныхъ театровъ.

Въ Бунаковскомъ театрѣ билеты для деревенской «знати» продавались въ 20 и 10 коп., для остальной публики въ 5, 3, 2 и 1 коп. Въ среднемъ поспектакльный сборъ достигалъ 5—6 рубл. при очень маленькомъ помѣщеніи. Въ Рождественскомъ театрѣ (Петерб. г.), вмѣщавшемъ до 300 зрителей, сборы достигали 25—40 рубл. при стоимости билета въ 5 коп. (для крестьянъ) и 1 р. (для помѣщиковъ). Въ 1895 г. въ этомъ театрѣ гастролировала пріѣзжая труппа «Невскаго Об-ва Устройства нар. развлеченій», при чемъ сборы окупили расходы. Къ зимѣ въ театръ былъ приглашенъ постоянный режиссеръ за 50 р. въ мѣсяцъ. Изъ 16 ярославскихъ крестьянскихъ театровъ больше половины существуетъ на средства самихъ исполнителей, остальные—на средства помѣщиковъ и просвѣтительныхъ обществъ. При безплатной труппѣ четыре театра въ крупныхъ тор-

[1]) Подробнѣе объ этомъ см. у Е. Чарнолусской „Вѣстн. Восп." 1909 г. № 4.

говыхъ селахъ имѣютъ поспектакльный сборъ въ 90 р., при расходѣ въ 70 р., 8 театровъ—сборъ въ 25 р., при расходѣ въ 15 р. Въ Бурмакинскомъ театрѣ, функціонирующемъ съ 1906 г. въ особомъ зданіи, пожертвованномъ мѣстнымъ помѣщикомъ, сборъ въ среднемъ достигаетъ 25 р. Цѣны мѣстамъ отъ 7 коп. Среднее число зрителей—около 240 чел. Артисты получаютъ пай изъ прибыли. Спектакли въ этомъ театрѣ ставятся круглый годъ: лѣтомъ и на святкахъ—интеллигентской труппой, зимою—крестьянской. Въ подмосковномъ Голицынскомъ театрѣ плата за мѣста для стоянія—по 7 коп., за кресла—по 20 и 30 к. Вечеровой сборъ достигаетъ въ среднемъ 35—40 р. при расходахъ въ 15—25 р. Прибыль и членскіе взносы идутъ въ основной фондъ театра на улучшеніе технической стороны дѣла, пріобрѣтеніе инвентаря и пр.

За 1$^{1}/_{2}$ мѣсяца лѣтняго сезона «передвижного театра» Беккаревича валовой сборъ съ нѣсколькихъ спектаклей, поставленныхъ за это время, достигъ 300 р. На слѣдующее лѣто эта цифра увеличилась до 500 р., а въ третье—до 1000 р.

Значительный интересъ представляетъ финансовая организація зап.-европейскихъ театровъ этого типа. Труппа бранденбургскаго театра, напр., заранѣе списалась съ разными просвѣтительными обществами на мѣстахъ, ферейнами, школами, поставивъ минимальной цифрой гарантированной поѣздки сумму въ 200 марокъ. Успѣхъ дѣла превзошелъ всѣ ожиданія, и передвижной театръ рѣшено было сдѣлать постояннымъ учрежденіемъ, для чего было основано «Общеполезное Акціонерн. Общество» съ капиталомъ въ 50.000 марокъ (2.500 акцій по 200 марокъ). Было составлено воззваніе къ обществу, подписанное писателями, профессорами, театр. дѣятелями и пр., выясняющее задачи и цѣли передвижного театра.

Французскій народный театръ пока живетъ, какъ и нашъ театръ, гл. обр. поспектакльнымъ сборомъ, но эта система, ввергающая театръ въ рядъ случайностей, конечно, ненадежна. П. Морель въ своемъ проектѣ народн. театровъ во Франціи вводитъ систему недѣльнаго абонемента. «Это самая регулярная форма абонемента, она лучше всего создаетъ *привычку*»,—говоритъ онъ. Морель назначаетъ цѣны, доступныя даже для бѣдныхъ семействъ: первоначальный взносъ—25-франковые боны, уплачиваемые въ нѣсколько пріемовъ (съ 25-ю театр. билетами); на слѣдующій годъ вносится уже 10 фр. вмѣсто 25, такъ какъ уменьшаются расходы на декораціи и костюмы. Такими театральными ассоціаціями, независимыми отъ государства и частныхъ субсидій, Морель мечтаетъ покрыть всю Францію.

Система абонементовъ практикуется и въ вѣнскомъ пролетар-

скомъ театрѣ, представляющемъ вообще прекрасный примѣръ того, чего можно добиться при народной самодѣятельности въ культурныхъ странахъ. Театръ этотъ основанъ въ 1906 г. эстетами австрійской соц.-демократіи, Стеф. Гроссманомъ и Пернсторферомъ (вице-през. парламента). Записывающіеся въ члены театра вносятъ вступительную 1 крону и по 1 кр. 40 геллер. или 90 геллер. въ мѣсяцъ, чѣмъ пріобрѣтается право на одно мѣсто въ театрѣ разъ въ мѣсяцъ. Для спектаклей снимались по воскресеніямъ всѣ вѣнскіе театры (спектакли общества идутъ одновременно въ нѣсколькихъ театрахъ), и пьеса ставится до тѣхъ поръ, пока ее не перевидаютъ всѣ абоненты. По первому кличу организаторовъ въ 1906 г. записалось 1.400 человѣкъ, а согласно отчету 1910 г. число членовъ достигало уже 15 тысячъ. За одинъ 1910 годъ доходы театра выразились въ суммѣ 160.000 кронъ, расходы—140.000. Остатокъ пошелъ въ фондъ для постройки собственнаго зданія.

Организація народныхъ театровъ на Западѣ, какъ мы видимъ, является дѣломъ общественной инициативы. Въ швейцарскихъ кантонахъ, Тиролѣ, Баваріи этимъ дѣломъ заняты крестьянскія общества; но главное значеніе все-таки принадлежитъ обществамъ, созданнымъ передовой демократической интеллигенціей. «Французская лига образованія», «Общество распростран. народнаго образов. въ Германіи», объединяющія цѣлый рядъ разнообразныхъ просвѣтительныхъ учрежденій, занимаются разработкой и пропагандой тѣхъ вопросовъ, которые, не обсуждаясь пока въ мѣстныхъ и центральныхъ государственныхъ учрежденіяхъ, выдвигаются однако настойчиво самой жизнью. Такъ, напр., нѣмецкая лига одно время пропагандировала вопросъ о дополнительныхъ школахъ, народн. чтеніяхъ и лекціяхъ и университетскомъ образованіи въ селахъ. Съ теченіемъ времени многіе изъ этихъ вопросовъ настолько укрѣплялись въ сознаніи общества, что переходили въ вѣдѣніе мѣстныхъ самоуправленій или государств. учрежденій и проводились законодательнымъ путемъ. Въ послѣдніе годы эти «лиги» усиленно занялись дѣломъ насажденія въ деревняхъ театровъ.

У насъ дѣло народнаго театра пребывало до сихъ поръ, гл. обр., въ стадіи иниціативы и филантропіи частныхъ лицъ. Мы знаемъ «передвижной театръ», устроенный Беккаревичемъ и заглохшій на третьемъ году своего существованія, театръ Бунакова, Лавровой, Фовицкой, Черносвитова, Юрьева и т. д. Зачатки общественной организованности, которые можно было подмѣтить въ дѣлѣ созданія нашего крестьянскаго театра, глохли въ неблагопріятныхъ условіяхъ нашей политической жизни, но не прекращались. Такъ, въ 1869 г. спеціальная комиссія при петерб. комитетѣ грамотности

выработала планы для нормальныхъ народныхъ театровъ. При томъ же комитетѣ въ 1891 г. послѣ доклада Бунакова была избрана комиссія (изъ Варгунина, Латышева, Ледерле, Острогорскаго и Фальборка) для разработки «вопроса о народномъ театрѣ, объ удовольствіяхъ и развлеченіяхъ, могущихъ доставить народу разумное и пріятное наполненіе досуга». Спеціальные отдѣлы по народн. театру были устроены при 4-й всеросс. сельскохоз. выставкѣ 1895 г. и при 2-мъ съѣздѣ дѣятелей по техническому и професс. образованію въ 1895 г. Въ 1909 г. на 2-мъ съѣздѣ режиссеровъ былъ одобренъ проектъ организаціи сельскаго театра, составленный бурмакинскимъ режиссеромъ Скородумовымъ, а вскорѣ при всеросс. союзѣ сценическ. дѣятелей образована была «Комиссія (находящаяся въ Москвѣ) по сельскому театру» съ цѣлью всесторонне изучить положеніе дѣла въ Россіи и за границей, популяризовать идею театра въ обществѣ, помогать матеріально дѣлу постановки спектаклей въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи и пр. (см. воззваніе «комиссіи» отъ 14 мая 1910 г.). Одновременно при Московскомъ университетѣ составился студенческій кружокъ «для изученія разнообразныхъ вопросовъ народнаго театра» и подготовки организаторовъ для него (по произведенной анкетѣ, 25 проц. организаторовъ существующихъ нынѣ народныхъ театровъ—студенты).

Извѣстно, что Чеховъ въ 97 г. сильно увлекался проектомъ организаціи народнаго театра: «Если въ чемъ чувствуется недостатокъ, такъ это въ народномъ театрѣ», писалъ онъ изъ Москвы («Письма» т. V, стр. 33). Въ «Дневн. Русск. Акт.» (1886 г. № 1), находимъ письмо Л. Н. Толстого по тому же вопросу: «Народный театръ очень занимаетъ меня...—пишетъ Л. Н.—Огромное по значенію дѣло: попытка сдѣлать изъ театра (игрушки, препровожденія времени или школы разврата)—орудіе распространенія свѣта между людьми. Отдайтесь всѣ этому дѣлу и, не раздумывая, не готовясь, прямо, перекрестясь, прыгайте въ воду, т.-е. передѣлывайте, собирайте, переводите пьесы... и ставьте, давайте ихъ, гдѣ можно... Дѣло само по себѣ огромнаго значенія и доброе Божье дѣло и непремѣнно пойдетъ и будетъ имѣть огромный успѣхъ... Желаю всей душой успѣха въ дѣлѣ народнаго театра....»

IX.

Въ цѣляхъ завоеванія народному театру почетнаго мѣста въ нашей деревнѣ, развитія и укрѣпленія тѣхъ эстетическихъ потребностей, которыя имѣются въ народѣ, однимъ изъ могучихъ средствъ

является возможно шире проведенный принципъ безплатныхъ спектаклей. Въ скудномъ бюджетѣ нашего крестьянина театральный расходъ окажется извѣстнымъ бременемъ для части населенія. На пьянство тратилась большая доля этого бюджета, но вѣдь—это страсть, болѣзнь соціальная. Театру, чтобы пробить себѣ дорогу въ нашу деревню, предстоитъ еще серьезная борьба и съ невѣжествомъ, съ недовѣріемъ народнымъ, съ кулаками. И принципъ безплатности можетъ значительно облегчить эту борьбу. Какъ безплатная брошюра, газета, такой театръ явится наиболѣе дѣйствительнымъ пропагандистомъ искусства въ народѣ.

Обычная аудиторія одного изъ лучшихъ нынѣшнихъ крестьянскихъ театровъ—Голицынскаго не превышаетъ 150—200 человѣкъ. Пьесу, разъ сыгранную, не приходится повторять, такъ какъ кругъ лицъ, способныхъ уплатить отъ 15 до 30 к. за билетъ, очень ограниченъ здѣсь. Что же показалъ опытъ безплатныхъ спектаклей, устроенныхъ въ голицынскомъ театрѣ Орленевымъ?

Самъ сынъ крестьянина, артистъ захотѣлъ творить новое дѣло, бросить свѣтъ искусства въ забитую и дикую жизнь деревни. Онъ привезъ въ деревню профессіональныхъ артистовъ, съ которыми обычно гастролируетъ, и всѣ расходы по организаціи своихъ спектаклей взялъ на себя. 27 мая 1910 г. въ скромномъ сельскомъ театрѣ, обслуживающемъ селенія на 15—25 верстъ, состоялось два первыхъ безплатныхъ спектакля (дневной и вечерній) изъ серіи намѣченныхъ по деревнямъ Орленевымъ. На афишахъ, распространенныхъ по деревнямъ, не значилось ни имени Орленева, ни другихъ актеровъ, а исключительно дѣйствующія по пьесѣ лица (это мечталъ ввести у себя и директоръ французскаго «Свободн. театра» Антуанъ). Поставлены были пьесы «Горе-Злосчастье» и «Невпопадъ». Вмѣсто своей обычной любительской труппы деревня увидала яркій художественный талантъ, и очарованіе было огромное, незабываемое. Въ пьескѣ «Невпопадъ» артистъ игралъ преданнаго слугу, Ѳедора Слезкина, и когда послѣ спектакля одинъ изъ публики сказалъ, затерянный въ густой толпѣ, слово благодарности, казалось, что это говорила вся деревня голосами своихъ простыхъ, темныхъ и непосредственныхъ душъ: «Ѳедька Слезкинъ... ты служилъ честно своему барину... послужи теперь такъ же честно своему народу... Онъ не забудетъ тебя».

Несмотря на то, что, вмѣсто обычныхъ 150 человѣкъ, въ театръ набилось теперь болѣе 250, число желающихъ попасть все росло, и пришлось пьесу въ томъ же составѣ исполнителей и при безплатномъ входѣ повторить и въ слѣд. воскресные дни (30 мая, 13 и 20 іюня). Такимъ образомъ, аудиторія народнаго театра сразу расши-

рилась до 1000 человѣкъ. Тутъ была и бѣднота деревенская, и посѣтители кабаковъ, которымъ посѣщеніе театра не грозило уменьшеніемъ ихъ «пьянаго» бюджета, и бабы, которыя отличаются еще большимъ консерватизмомъ интересовъ, чѣмъ мужики. Денегъ не берутъ—зритель ничѣмъ не рискуетъ. Дѣло организаторовъ театра не дать ему уйти оттуда разочарованнымъ и равнодушнымъ.

Лѣтомъ 1913 г. Орленевъ выстроилъ спеціальный крестьянскій театръ въ Бронницкомъ у. Моск. г. (у ст. «Востряково»). Сцена и кулисы помѣщаются подъ прочнымъ навѣсомъ и защищены деревянными стѣнами съ трехъ сторонъ. Бутафорія—только необходимая. Играютъ въ «Сукнахъ». Спектакли устраивались безплатные (съ 16-го іюня) по воскреснымъ днямъ (съ 1 ч. до 4 ч. дня). Публика размѣщалась на пригоркѣ, среди березовыхъ рощицъ, кто на землѣ, кто на длинныхъ скамьяхъ. Крестьянъ собиралось до 300—500 человѣкъ изъ ближайшихъ деревень. Были поставлены «Горе-Злосчастье», «Невпопадъ», разсказъ Мармеладова, «Предложеніе» Чехова и др. [1]. Былъ на этихъ спектакляхъ—такихъ радостныхъ подъ лѣтнимъ небомъ—подъемъ необычайный. И такъ становились понятными слова польскаго поэта Выспянскаго:

Стройте же, стройте народную сцену,
Буду смотрѣть, какъ горятъ ваши души"....

Пусть безплатные спектакли будутъ временнымъ явленіемъ, но они завоюютъ для платныхъ театровъ публику, театръ станетъ страстью деревни, какъ онъ сталъ страстью и привычкой городовъ, и тогда, когда это произойдетъ, дѣло народнаго театра укрѣпится окончательно...

Д. Тальниковъ.



1) „Русск. Вѣд." 20 іюня 1913 г.

СБЛИЖЕНІЕ СЪ ЗАПАДОМЪ.

Въ международныхъ отношеніяхъ Россіи должна произойти коренная перемѣна послѣ окончанія настоящей европейской войны.

Въ теченіе цѣлаго столѣтія, съ небольшими временными перерывами, русская политика, не только внѣшняя, но и внутренняя, находилась подъ вліяніемъ близкихъ связей съ правительствами двухъ сосѣднихъ державъ—Пруссіи и Австро-Венгріи. Священный союзъ, заключенный въ сентябрѣ 1815 года въ Парижѣ, оставилъ свои прочныя традиціи, которыхъ придерживалось русское правительство почти до конца восьмидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка; эти традиціи выражались и въ союзѣ трехъ императоровъ, и въ позднѣйшихъ соглашеніяхъ по отдѣльнымъ политическимъ вопросамъ, особенно по дѣламъ ближняго Востока, и въ постоянномъ стремленіи нашей дипломатіи дѣйствовать солидарно съ кабинетами Вѣны и Берлина. Обязательства «истиннаго и неразрывнаго братства» и «всегдашней взаимной помощи и поддержки», формулированныя въ союзномъ трактатѣ 1815 г., понимались буквально только одной Россіею, которая, дѣйствительно, при императорахъ Александрѣ I и Николаѣ I, часто отдавала свои силы и средства въ распоряженіе союзныхъ монарховъ, безъ всякаго разсчета на какія-либо компенсаціи. По отношенію къ Пруссіи сохранялся у насъ оттѣнокъ родственнаго покровительства, задѣвавшаго иногда патріотическое чувство нѣмцевъ,—между тѣмъ какъ къ Австріи и ея династіи наши оффиціальныя сферы относились съ непостижимымъ подобострастіемъ, доходившимъ нерѣдко до самоотверженія.

«Въ исторіи европейскихъ государствъ—говоритъ Бисмаркъ въ одномъ мѣстѣ своихъ «Воспоминаній»—едва-ли когда-нибудь былъ другой такой фактъ, чтобы повелитель великой державы оказалъ своему сосѣду такія услуги, какія оказывалъ императоръ Николай I австрійской монархіи». Русскія войска, посланныя правителями крѣпостной Россіи на помощь австрійцамъ для «усмиренія» мадьяръ, содержались великодушно на счетъ скудной русской казны, и когда

они возстановили австрійскую власть въ Венгріи и были возвращены на родину, то не было даже рѣчи о возмѣщеніи сдѣланныхъ затратъ; и съ нашей стороны не возбуждалось никакихъ вопросовъ объ улаженіи существовавшихъ съ Австріею разногласій относительно польскихъ и балканскихъ дѣлъ.

Тогдашніе правители наши считали своимъ священнымъ долгомъ уничтожать революцію, гдѣ бы она ни проявлялась; а революціоннымъ признавалось всякое національное движеніе, направленное противъ иноземнаго гнета,—всякое стремленіе подвластной народности къ сохраненію мѣстной автономіи, національнаго быта и языка. Съ этой точки зрѣнія, настойчиво поддерживаемой Меттернихомъ, надо было прежде всего раздавить «революціонную гидру» въ Польшѣ, гдѣ мечты о національной независимости не переставали владѣть умами патріотовъ. Мысль о томъ, что необходимо заставить поляковъ отречься отъ историческихъ правъ и особенностей своего народа, послужила источникомъ всѣхъ недоразумѣній и ошибокъ русской политики въ польскомъ вопросѣ. Явная невозможность достигнуть предположенной цѣли путемъ принужденія вызывала сознаніе безполезности самаго обладанія краемъ и создавала почву для крайне странныхъ проектовъ, сущность которыхъ сводилась къ передачѣ нашихъ польскихъ земель въ руки сосѣднихъ монархій. Въ собственноручной запискѣ Николая I, относящейся къ 1831 году и напечатанной впервые Ѳ. Ѳ. Мартенсомъ, оказано, между прочимъ, слѣдующее: «Ясно, что выгоды отъ этого безпокойнаго владѣнія (Польши) ничтожны, между тѣмъ какъ неудобства велики и опасны. Остается рѣшить, какъ пособить этому. Я вижу тутъ одно только средство: объявить, что русская честь вполнѣ удовлетворена завоеваніемъ королевства Польскаго; что Россія не имѣетъ никакого интереса въ обладаніи провинціями, неблагодарность которыхъ была столь очевидна; что истинные ея интересы побуждаютъ установить и утвердить границу по Вислѣ и Нареву; что она предоставляетъ остальное, какъ недостойное принадлежать ей, своимъ союзникамъ, которые могутъ распорядиться имъ по своему усмотрѣнію». Проектъ не осуществился по разнымъ прочинамъ, но зато въ сороковыхъ годахъ Николаю I удалось устроить присоединеніе къ Австріи вольнаго города Кракова съ прилегающею къ нему территоріею, и притомъ безъ всякихъ условій и ограниченій,—только на томъ основаніи, что Краковская республика была «постояннымъ очагомъ революціи». Русскій уполномоченный, генералъ Бергъ, пытался внести въ соглашеніе оговорку, что австрійское правительство обязывается въ будущемъ не укрѣплять города Кракова; но императоръ Николай I объявилъ, что, «говоря объ уступкѣ Кракова Австріи, онъ никогда не имѣлъ намѣренія требовать отъ этой державы, чтобы она не пре-

вращала его въ укрѣпленный пунктъ» [1]). И теперь Краковъ представляетъ собою важный опорный пунктъ для австрійскихъ армій въ войнѣ противъ Россіи.

Со времени крымской войны русское правительство охладѣло къ Австріи и тѣснѣе сблизилось съ Пруссіею. Преобладаніе прусскаго вліянія опять-таки сказалось прежде всего на польскомъ вопросѣ. При первыхъ волненіяхъ поляковъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ берлинскій кабинетъ съ тревогою слѣдилъ за настроеніемъ вліятельныхъ русскихъ круговъ, относившихся сочувственно къ требованіямъ польской автономіи. Это сочувствіе раздѣлялось отчасти и княземъ Горчаковымъ, который въ данномъ случаѣ опирался на либеральное общественное мнѣніе страны. Бисмаркъ въ своихъ воспоминаніяхъ ядовито высмѣиваетъ мнимый либерализмъ нашего канцлера, объясняемый будто бы только тщеславіемъ и исканіемъ популярности. Въ подтвержденіе приводится даже то обстоятельство, что Горчаковъ, присутствовавшій на процессѣ Вѣры Засуличъ, первый подалъ сигналъ къ аплодисментамъ при ея оправданіи. Горчаковъ стоялъ будто бы за парламентскія учрежденія лишь потому, что видѣлъ въ нихъ арену для своего краснорѣчія предъ лицомъ Европы; но и самъ Бисмаркъ былъ обязанъ значительною долею своей славы и своихъ успѣховъ частымъ выступленіемъ въ прусскомъ и затѣмъ имперскомъ парламентѣ. Желаніе дискредитировать либеральныя поползновенія Горчакова было вполнѣ естественно со стороны Бисмарка, который не скрывалъ своего опасенія, что сторонники польской автономіи могутъ взять верхъ среди русскихъ правительственныхъ дѣятелей. Дѣло шло, по его словамъ, «не только объ интересахъ прусскихъ восточныхъ провинцій, но о болѣе широкомъ вопросѣ, будетъ ли господствовать въ русскомъ кабинетѣ полонофильское или антипольское направленіе, стремленіе къ панславистскому антинѣмецкому братству между русскими и поляками, или, напротивъ, сближеніе русской политики съ прусскою». Вспыхнувшее въ началѣ 1863 года польское возстаніе значительно облегчило задачу берлинской дипломатіи. «Для нѣмецкой будущности Пруссіи,—говоритъ Бисмаркъ далѣе—представляло большую важность поведеніе Россіи. Дружественное къ полякамъ направленіе русской политики могло способствовать оживленію русско-французскихъ симпатій, и полонофильскій франко-русскій союзъ поставилъ бы тогдашнюю Пруссію въ тяжелое положеніе. Мы имѣли интересъ въ томъ, чтобы противодѣйствовать партіи польскихъ симпатій въ русскомъ кабинетѣ и бороться съ тенденціями въ духѣ Александра I». Въ высшей степени характерно это признаніе Бисмарка, что Пруссія прямо или

[1]) См. мою книгу: „Основные вопросы политики" (1889), стр. 293—297.

косвенно участвовала въ дѣлахъ русской политики, направляя ее въ желательную для себя сторону, и очень дорожила возможностью «владѣть» пріобрѣтеннымъ вліяніемъ въ Россіи, какъ выражается онъ въ другомъ мѣстѣ. Пруссія воспользовалась польскимъ возстаніемъ, чтобы заключить съ Россіею военную конвенцію, связанную съ именемъ подписавшаго ее въ Петербургѣ прусскаго генерала фонъ-Альвенслебена. Эта конвенція оффиціально подтвердила солидарность между Россіею и Пруссіею въ польскомъ вопросѣ; она представляла собою, по авторитетному свидѣтельству Бисмарка, «одержанную въ кабинетѣ русскаго императора побѣду прусской политики надъ польскою, представителями которой были Горчаковъ, великій князь Константинъ, Велепольскій и другія вліятельныя лица. Результатъ основывался на чисто-личномъ рѣшеніи, вопреки мнѣніямъ и желаніямъ министровъ. Соглашеніе военно-политическаго характера, заключенное Россіею съ германскимъ противникомъ панславизма противъ «братскаго» польскаго племени, нанесло рѣшительный ударъ разсчетамъ полонизирующей партіи при дворѣ; въ этомъ смыслѣ конвенція, довольно невинная въ военномъ отношеніи, въ полной мѣрѣ достигла своей цѣли. Это былъ удачный шахматный ходъ, рѣшившій выигрышъ партіи, которая разыгрывалась въ нѣдрахъ русскаго правительства между антипольскимъ монархическимъ и полонофильскимъ вліяніями». Усвоивъ прусскіе взгляды на польскій вопросъ, тогдашняя русская власть испытала тѣ же разочарованія и сомнѣнія, какія высказывалъ тридцатью годами раньше Николай I. Въ бесѣдѣ съ Бисмаркомъ императоръ Александръ II однажды откровенно выражалъ готовность отказаться отъ Польши, или, по крайней мѣрѣ, отъ лѣваго берега Вислы, причемъ исключалъ только Варшаву, какъ принадлежащую стратегически къ привислинскому укрѣпленному треугольнику и представляющую привлекательное мѣсто для гарнизона. Мотивы этого направленія были вполнѣ опредѣленны: «Польша является только источникомъ безпокойства и международныхъ опасностей для Россіи; обрусеніе не можетъ осуществиться въ виду вѣроисповѣдного различія и недостаточныхъ способностей административныхъ органовъ. Пруссія сумѣла бы онѣмечить польскія области; она имѣетъ къ этому средства, такъ какъ нѣмецкое населеніе образованнѣе польскаго. Русскіе не чувствуютъ въ себѣ необходимаго превосходства, чтобы господствовать надъ поляками; поэтому Россія должна ограничиться наименьшимъ количествомъ польскаго населенія, допускаемымъ географическими условіями, а именно установить границу по Вислѣ, съ Варшавой какъ tête de pont» [1]). Аргументація вытекала именно изъ предположенія, что относительно

---

[1]) Gedanken und Erinnerungen, т. I, стр. 217 и 306—315.

Польши возможны только два пути: или обрусеніе, или онѣмеченіе,—и то и другое по прусскому образцу. Односторонняя, прусская теорія устраняла третій, наиболѣе естественный и спокойный путь—предоставленіе полякамъ права оставаться поляками, жить по-своему, сохранять свою народность, свои нравы и обычаи, подъ властью цѣлесообразныхъ законовъ и разумнаго государственнаго управленія. Этотъ путь фактическаго примиренія двухъ родственныхъ народовъ привелъ бы къ окончательному разрѣшенію польскаго вопроса въ Россіи, но былъ бы крайне невыгоденъ для Пруссіи, которая не могла предоставить автономію своимъ польскимъ провинціямъ, ибо послѣднія неизбѣжно тяготѣли бы къ главному ядру польской національности въ автономномъ Царствѣ Польскомъ. Прусскія идеи о Польшѣ настолько прочно укоренились у насъ, что вся позднѣйшая система управленія такъ называемымъ Привислинскимъ краемъ была проникнута ихъ духомъ и пошатнулась только съ момента объявленія намъ войны Германіею.

Прусское вліяніе на нашу внѣшнюю и внутреннюю политику далеко не ограничивалось польскимъ вопросомъ; оно систематически, въ дружественныхъ формахъ, подъ прикрытіемъ традиціонныхъ династическихъ связей, поддерживало у насъ, съ одной стороны, правительственную реакцію, а съ другой — поощряло ненужныя намъ рискованныя военныя предпріятія, ослаблявшія Россію и вызывавшія враждебное недовѣріе къ ней въ Европѣ. Пруссія была сильно заинтересована въ томъ, чтобы у насъ крѣпко держался старый придворно-бюрократическій строй, при которомъ закулисныя иноземныя вліянія имѣли широкій просторъ; она не могла желать введенія у насъ настоящаго народнаго представительства и принимала, конечно, всевозможныя мѣры «дружескаго» противодѣйствія, хотя и болѣе замаскированныя, чѣмъ тѣ, къ которымъ прибѣгалъ въ свое время императоръ Николай I для удержанія Фридриха-Вильгельма IV отъ введенія конституціи въ Пруссіи. Прусско-германское правительство всегда относилось враждебно къ освободительнымъ реформамъ въ Россіи, предвидя въ нихъ гибель своего политическаго вліянія въ нашемъ отечествѣ; въ свою очередь, нѣмецкія либеральныя партіи всегда возставали противъ дружбы и союза съ Россіею, какъ съ оплотомъ реакціи и абсолютизма. Либералы прусскаго парламента возмущались и негодовали, когда заключена была конвенція 1863 года; они находили сближеніе съ Россіею пагубнымъ для свободнаго политическаго развитія Германіи, для прогрессивныхъ стремленій и интересовъ большинства нѣмецкаго народа. Россія разсматривалась какъ воплощеніе всѣхъ дурныхъ сторонъ стараго режима, и ненависть къ ней возрастала по мѣрѣ того, какъ увеличивалась или возрождалась

ея близость съ Пруссіею. Вражда къ реакціонной Россіи сдѣлалась лозунгомъ нѣмецкаго либерализма и германской соціалъ-демократіи; соціалисты мирились съ военными бюджетами и допускали мысль о войнѣ только потому, что вооруженія могли быть направлены противъ Россіи. Покойный Бебель неоднократно заявлялъ, что русскій абсолютизмъ составляетъ величайшую опасность для сосѣднихъ культурныхъ націй и что война съ Россіею не противорѣчила бы основнымъ принципамъ соціалъ-демократіи.

Къ такому печальному результату привела многолѣтняя политическая дружба оффиціальной Россіи съ правительствами Пруссіи и Австро-Венгріи. Сближеніе съ этою частью культурной Европы было вполнѣ одностороннимъ: оно давало намъ, правда, научныя и техническія знанія, но въ то же время вносило разлагающее вліяніе въ нашу внутреннюю и внѣшнюю политику, настойчиво толкая ее на путь, несогласный съ истинными интересами России и русскаго народа. Вмѣстѣ съ тѣмъ это сближеніе сопровождалось такою основательною порчею русской политической репутаціи за границею, что потребуются годы для ея поправленія.

Прежнія наши международныя связи съ сосѣдними монархіями рѣзко и круто оборвались. Если въ будущемъ и установятся съ ними сносныя мирныя отношенія, то они во всякомъ случаѣ не будутъ имѣть ничего общаго съ тѣми, какія существовали еще до послѣднихъ лѣтъ. Политическая близость съ Германіею и Австро-Венгріею перешла въ область безвозвратнаго прошлаго и должна уступить мѣсто сближенію съ настоящимъ культурно-политическимъ Западомъ—съ великими союзными націями Англіи, Франціи и Италіи. Ни одна изъ этихъ державъ не можетъ претендовать на роль, которая долго принадлежала Пруссіи и Германіи по отношенію къ внутреннимъ и внѣшнимъ дѣламъ Россіи,—точно такъ же, какъ и наоборотъ, ни одна изъ союзныхъ націй не имѣетъ основанія опасаться воздѣйствія русской реакціи на ихъ свободную политическую жизнь. При такихъ условіяхъ могутъ установиться вполнѣ равноправныя, спокойныя отношенія, безъ всякихъ раздражающихъ примѣсей съ чьей бы то ни было стороны. Но для того, чтобы сближеніе было прочнымъ и постояннымъ, оно должно обнимать не только матеріальные политическіе интересы, но и духовные, умственные и моральные; необходима извѣстная общая почва, которая дѣлала бы возможнымъ взаимное пониманіе, или, какъ принято теперь выражаться, нуженъ «общій языкъ», позволяющій людямъ понимать и цѣнить другъ друга.

Данныя для такого взаимнаго пониманія несомнѣнно существуютъ. Русскій народъ внесъ уже немалый вкладъ въ общую сокровищницу литературнаго и художественнаго творчества культурныхъ

націй; своею литературою и искусствомъ онъ далъ достаточно матеріала для правильной оцѣнки его нравственныхъ идей и стремленій. Подобно тому, какъ намъ хорошо знакомы великіе поэты, писатели и художники Запада, такъ и иностранцамъ вполнѣ доступны произведенія Тургенева, Достоевскаго, Льва Толстого. Русское искусство и въ частности русская музыка давно уже пріобрѣли право гражданства на Западѣ. Можно сказать, что Россія, въ лицѣ своей интеллигенціи, активно участвуетъ въ общемъ умственномъ движеніи Европы, и съ этой стороны она пользуется безспорнымъ равноправіемъ съ другими народами цивилизованнаго міра. Въ совершенно иномъ положеніи находится политическая, оффиціальная Россія: она мало понятна европейцамъ и вообще непопулярна за границею въ широкихъ слояхъ населенія. Временныя политическія соображенія заставляютъ печать союзныхъ съ нами странъ воздерживаться отъ сужденій о щекотливыхъ для насъ вопросахъ; но самые благожелательные къ намъ западно-европейскіе публицисты становятся втупикъ передъ многими явленіями нашей русской политической жизни. Англичане и французы, при всѣхъ своихъ симпатіяхъ къ Россіи, никакъ не могутъ понять самобытныхъ особенностей ея государственнаго строя и управленія—именно тѣхъ особенностей, о сохраненіи которыхъ въ россійскомъ государствѣ такъ старательно заботились въ свое время наши австрійскіе и германскіе друзья. Между тѣмъ, союзники имѣютъ дѣло не съ русскимъ обществомъ, не съ русскою интеллигенціею, не съ русскою литературою и искусствомъ, а только съ русскимъ правительствомъ, олицетворяющимъ собою политическую, оффиціальную Россію. Иностранцы знаютъ и видятъ, что между властью и обществомъ существуетъ у насъ нѣкоторый антагонизмъ и что наша властвующая бюрократія считаетъ себя выше общественнаго мнѣнія страны; но они все-таки не понимали, почему глава русскаго министерства усматривалъ главный источникъ общественной тревоги не въ грозныхъ внѣшнихъ событіяхъ, а въ русской патріотической Государственной Думѣ, которая, вопреки обѣщаніямъ, не созывалась въ теченіе цѣлаго ряда мѣсяцевъ. Иностранные наблюдатели тщетно стараются уловить загадочный для нихъ смыслъ крупнѣйшихъ фактовъ нашей внутренней политики, неизбѣжно отражающихся и на политикѣ внѣшней.

Безполезно было бы скрывать отъ себя, что многія устарѣлыя черты нашей государственности создаютъ Россіи крайне плохую репутацію за границею и серьезно препятствуютъ дѣйствительному внутреннему сближенію съ западно-европейскими націями, а такое политическое сближеніе съ Западомъ составляетъ для насъ настоятельную необходимость, послѣ окончательнаго провала прежней самоотверженной дружбы съ сосѣдними нѣмецкими имперіями.

Л. Слонимскій.

„ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО" И КРЕСТЬЯНСКІЙ БАНКЪ.

(Изъ объяснительной записки министра финансовъ).

Къ ежегодному проекту государственной росписи доходовъ и расходовъ обычно прилагается объяснительная записка министра финансовъ, состоящая изъ двухъ частей, при чемъ вторая изъ нихъ содержитъ свѣдѣнія, относящіяся къ экономическому положенію Россіи. Отдѣльныя главы, характеризующія это положеніе, составляются подлежащими вѣдомствами и, конечно, по установленнымъ шаблонамъ. По тѣмъ же шаблонамъ составленныя главы мы находимъ во второй части объяснительной записки и въ текущемъ году, а въ числѣ ихъ и эти двѣ особенно интересныя главы: «Преобразованія крестьянскаго землевладѣнія» и «Дѣятельность Крестьянскаго поземельнаго банка».

Первая изъ нихъ, нѣсколько сокращенная нынче вслѣдствіе отсутствія данныхъ о разверстаніи надѣльныхъ земель въ Привислинскомъ краѣ, составлена, какъ и въ предшествующіе годы, въ томъ же тонѣ, отнюдь не сомнѣвающемся въ цѣлесообразности безпощадно производимаго развала деревенскихъ устоевъ, предпринятаго у насъ со временъ премьерства Столыпина. Министръ финансовъ, самъ по себѣ,—конечно, не повиненъ въ опасныхъ экспериментахъ, съ легкимъ сердцемъ производимыхъ надъ жизнью вѣдомствомъ земледѣлія и землеустройства, хотя нѣкоторая доля отвѣтственности за нихъ падаетъ, несомнѣнно, и на него, какъ на члена объединеннаго кабинета. Но если онъ рѣшается въ собственной объяснительной запискѣ такъ или иначе характеризовать приводимыя тамъ данныя объ этихъ экспериментахъ, то онъ беретъ на себя вмѣстѣ съ тѣмъ и отвѣтственность за такую характеристику. Въ ближайшее къ изданію указа 9 ноября 1906 г. время можно было, пожалуй, объяснить себѣ оффиціальный восторгъ и всѣ фан

фары вѣдомственныхъ отчетовъ по поводу производимой разрухи въ деревнѣ: тогда весь правящій классъ искренно ликовалъ послѣ смѣлаго осуществленія Столыпинымъ, въ порядкѣ 87 ст. осн. зак., постановленія съѣзда объединенныхъ дворянъ. Но теперь, по прошествіи десяти лѣтъ опыта, такое отношеніе непонятно, да и недопустимо. Во всякомъ случаѣ, мы въ правѣ ожидать, что, по крайней мѣрѣ, со стороны вѣдомства финансовъ будетъ, наконецъ, проявлено болѣе справедливое отношеніе ко всѣмъ этимъ такъ наз. «землеустроительнымъ» работамъ, пагубно отражающимся на жизни деревни.

Объяснительная записка министра финансовъ къ проекту росписи на текущій годъ этому требованію не удовлетворяетъ, продолжая смотрѣть все тѣми же пристрастными глазами на выходъ крестьянъ изъ общины, на укрѣпленіе мірской земли въ личную собственность и на всѣ связанныя съ этимъ неизбѣжныя послѣдствія. Изъ приведенныхъ въ запискѣ данныхъ мы узнаемъ, что за періодъ съ 1907 по конецъ 1915 года число домохозяевъ, окончательно вышедшихъ изъ общины, достигло почти 2 милл. душъ, при чемъ, однако, число заявившихъ объ укрѣпленіи земли и окончательно укрѣпившихся постепенно понижалось, а за 1914 годъ это пониженіе проявилось даже относительно въ бо́льшей степени, чѣмъ въ предшествующіе два года. Причины, вліяніемъ которыхъ можетъ быть объяснено такое явленіе, заключаются отчасти въ томъ, что въ первые годы примѣненія указа 9-го ноября имъ воспользовались совсѣмъ не въ агрикультурныхъ цѣляхъ,—о которыхъ такъ много и праздно болтали оффиціозы,—и вовсе не крестьяне-земледѣльцы, а, главнымъ образомъ, разношерстная толпа изъ лицъ, числящихся крестьянами, но проживавшихъ на сторонѣ и потерявшихъ хозяйственную связь съ землей. Тѣмъ же указомъ воспользовались, далѣе,—переселенцы и тѣ члены селенныхъ обществъ, которымъ ближайшій передѣлъ земли грозилъ уменьшеніемъ надѣла и которымъ желательно было захватить,—совершенно неправильно,—въ свою собственность часть мірской земли сверхъ того, что имъ надлежало бы получить по разверсткѣ. Всѣ эти толпы немедленно же послѣ опубликованія указа 9-го ноября воспользовались предоставленнымъ имъ правомъ и заявили о своемъ намѣреніи выдти изъ общины,—чѣмъ и подняли до исключительной высоты число выдѣлившихся въ первые годы. Другую причину пониженія съ 1910 года числа домохозяевъ, домогающихся укрѣпленія земли въ собственность, объяснительная записка видитъ въ томъ, что со времени изданія закона 14 іюля 1910 г. на многія сельскія общества распространилось дѣйствіе статей 1—7 этого закона. На

основаніи этихъ статей въ такихъ обществахъ нынѣ уже не производится укрѣпленія земли въ собственность, а прямо выдаются о томъ удостовѣрительные акты крестьянамъ, которыхъ самъ законъ,—не справляясь вовсе объ ихъ желаніи,—признаетъ собственниками земли. Обращаться крестьянину за этими актами,—однако,—нѣтъ особой нужды, такъ какъ, по справедливому замѣчанію объяснительной записки, крестьянинъ, ставшій,—хотя и помимо своей воли, — «личнымъ собственникомъ, въ силу самого закона, и безъ выборки удостовѣрительныхъ актовъ не имѣетъ основаній опасаться за свои земельныя права».

Къ этимъ двумъ причинамъ записка добавляетъ для 1914 г. и еще одну: сокращенію числа лицъ, укрѣпляющихъ за собою землю, способствуютъ, «несомнѣнно, и военныя событія, потому что призванные въ ряды войскъ домохозяева едва-ли выдавали бы кому-либо довѣренности по возбужденію ходатайствъ объ укрѣпленіи за ними, въ ихъ отсутствіе, земли въ собственность».

Но какъ бы то ни было, общій результатъ «преобразовательной» дѣятельности вѣдомства земледѣлія и землеустройства выразился по 1-е января 1915 г. въ слѣдующемъ: къ этому числу выдано было укрѣпительныхъ и удостовѣрительныхъ актовъ на надѣльныя земли—2.425.765 домохозяевамъ, а общій размѣръ площади укрѣпленныхъ имъ въ собственность или, говоря иначе,—«преобразованныхъ» земель равняется почти $16^1/_2$ милл. десятинъ.

Рядомъ съ этимъ въ запискѣ министра финансовъ помѣщены свѣдѣнія о явленіи, порождаемомъ такимъ «преобразованіемъ»: о числѣ случаевъ продажи крестьянами этой укрѣпленной за ними земли. Правда, приведенныя свѣдѣнія довольно скудны и не даютъ отвѣта на многіе интересные вопросы; тѣмъ не менѣе, мы узнаемъ изъ нихъ, что къ 1914 году уже было продано надѣльной земли 2.830.369 дес. почти 800 тыс. собственниками, и объяснительная записка отмѣчаетъ при этомъ, что число покупающихъ было немного менѣе числа продавцовъ. Но подчеркиваемое, такимъ образомъ, обстоятельство не особенно показательно и въ сущности мало говоритъ о дѣйствительномъ характерѣ явленія, такъ какъ неизвѣстно, къ какому разряду крестьянъ принадлежали эти покупатели: къ безземельнымъ или къ разряду земельныхъ, да притомъ — къ разряду ли много или малоземельныхъ. Если проданные надѣлы перешли въ руки болѣе зажиточныхъ крестьянъ, и безъ того достаточно обезпеченныхъ землею, то это будетъ имѣть экономическія послѣдствія совсѣмъ не тѣ, какія надлежало бы ожидать отъ перехода земли въ руки нуждающихся въ ней. Къ сожалѣнію, эта сторона остается

неразъясненной, и по приведеннымъ даннымъ можно судить развѣ только о степени зарождающейся у насъ мобилизаціи, этого опаснѣйшаго спутника частной собственности. Можно прибавить еще, что за одинъ 1914 годъ вновь продано надѣльной земли 685 тыс. десятинъ почти 223 тыс. продавцами, при чемъ очень поучительнымъ является и то, что изъ этого числа около 29 тыс. собственниковъ продали свои «землеустроенные» участки...

Приводимыя, далѣе, данныя о продажѣ земель единоличнаго владѣнія, собранныя отдѣльно по семи губерніямъ (Волынской, Воронежской, Ковенской, Могилевской, Симбирской, Смоленской и Тверской), не могутъ дать, конечно, обширнаго матеріала для сужденія о характерѣ мобилизаціи и тѣмъ болѣе, что свѣдѣнія о продажѣ хуторскихъ и отрубныхъ участковъ ограничиваются, повидимому, однимъ лишь краткимъ полугодовымъ періодомъ—съ 1 января по 1 іюля 1914 года. Несмотря на это, мы все-таки видимъ, что явленіе мобилизаціи принимаетъ мѣстами уже и сейчасъ довольно тревожный размѣръ. Такъ, при среднемъ для всѣхъ указанныхъ семи губерній процентѣ отношенія проданныхъ участковъ къ числу дворовъ, «устроенныхъ» въ 1913 г., равному 0,83—для отдѣльныхъ губерній этотъ % значительно выше: онъ поднимается въ губерніи Смоленской до 1,83, а въ Ковенской до 1,88. Почти два процента устроенныхъ отрубныхъ участковъ переходятъ въ другія руки въ теченіе полугода—это, несомнѣнно, очень быстрый оборотъ, свидѣтельствующій о болѣзненномъ состояніи землевладѣнія.

И такое заключеніе подтверждается при изслѣдованіи причинъ продажи. Какъ оказывается, «около 1/3 продавцовъ продали свою землю съ цѣлью покупки земли въ бо́льшемъ количествѣ изъ имѣній Крестьянскаго банка или у частныхъ владѣльцевъ при посредствѣ банка и съ цѣлью переселенія за Уралъ». Всякому безпристрастному человѣку вполнѣ ясно, что всѣ перечисленные здѣсь домохозяева продали свою землю, въ сущности, по нуждѣ, вслѣдствіе необходимости продать и невозможности вести хозяйство на собственномъ участкѣ, хотя и «устроенномъ». Всѣ они вынуждены были разстаться съ хозяйствомъ и должны были перейти въ разрядъ ищущихъ счастья,—покупающихъ землю съ тяжелою помощью ипотечнаго учрежденія или даже переселяющихся за Уралъ. Затѣмъ, «около 1/4 продавцовъ,—будто-бы,—переуступили часть своихъ земельныхъ участковъ въ виду невозможности обрабатывать силами семьи участки полностью». Такая причина продажи представляется мало вѣроятной, особенно при современныхъ высокихъ арендныхъ цѣнахъ, вполнѣ позволяющихъ владѣльцамъ земли не обрабатывать ее собственными силами. Гораздо правдоподобнѣе, что всѣ

зарегистрированные въ эту рубрику случаи отчужденія земли были вызваны тѣмъ же упадкомъ хозяйственной мощи владѣльцевъ, какъ и «семейными раздѣлами и отсутствіемъ средствъ на улучшеніе хозяйства», о которыхъ упоминается въ запискѣ особо. И потому совершенно неправильно утверждать, будто «переуступка земли вслѣдствіе *упадка* хозяйства и расточительности выражается всего въ 4,5% всѣхъ случаевъ продажи отрубныхъ и хуторскихъ владѣній»: въ дѣйствительности подавляющее число случаевъ переуступки земли, какъ видно изъ самой же объяснительной записки, происходитъ именно вслѣдствіе разстройства хозяйствъ.

Успокаивая себя этими 4,5%, оффиціальныя сферы, очевидно, совсѣмъ не смущаются появленіемъ мобилизаціи среди «преобразованныхъ» участковъ и съ чувствомъ явнаго удовлетворенія отмѣчаютъ успѣшный ходъ землеустроительныхъ работъ, которыя имѣли къ 1 января 1915 г. такой видъ. Къ этому числу землеустройство было закончено на площади почти въ 17 милл. десятинъ для безъ малаго 2 милл. дворовъ, причемъ 10 милл. десят. отведено въ единоличное владѣніе 1.048 тыс. домохозяевъ. По мнѣнію составителя объяснительной записки, эти результаты работъ землеустроительныхъ коммиссій указываютъ, что «настоятельность измѣненій существующихъ условій землевладѣнія и неотложность перехода къ болѣе выгоднымъ формамъ землепользованія глубоко проникли въ сознаніе деревенскаго населенія, и что установленный закономъ 29 мая 1911 г. путь землеустройства отвѣчаетъ стремленіямъ крестьянъ и разрѣшаетъ ихъ запросы».

Всякое заблужденіе, въ томъ числѣ и начальственное, можетъ идти, конечно, очень далеко, а между тѣмъ на той же стр. 22 объяснительной записки, на которой напечатаны приведенныя здѣсь строки,—указана одна изъ дѣйствительныхъ причинъ, заставляющая крестьянъ, несмотря на ихъ желаніе или нежеланіе, обязательно обращаться къ землеустроительнымъ комиссіямъ. Такъ, на этой именно страницѣ напоминается, что, на основаніи указа 27 августа 1906 г., казенныя земли въ Европейской Россіи, не занятыя лѣснымъ хозяйствомъ или не предназначенныя для государственныхъ и общественныхъ цѣлей, должны, *по мѣрѣ освобожденія ихъ отъ аренды*, поступать въ особый фондъ, предназначенный къ продажѣ нуждающимся въ землѣ крестьянамъ и земледѣльцамъ, хотя и другихъ сословій, но по быту своему не отличающимся отъ крестьянъ. Согласно этому указу, около 17% всѣхъ казенныхъ земель въ 47 губерніяхъ, гдѣ учреждены землеустроительныя комиссіи,—было разбито за истекшіе годы на участки для продажи, и къ 1 января 1915 г. около 64% изъ этого числа, именно

на сумму 38.429 тыс. рублей, было уже запродано, при чемъ, по словамъ объяснительной записки,—около 90% всѣхъ запроданныхъ земель приходится на участки «единоличнаго владѣнія—хуторскіе и отрубные, и всего лишь около 10% запродано обществамъ и товариществамъ». Сколько изъ такого ничтожнаго количества, изъ этихъ 10%, пришлось именно на долю обществъ—неизвѣстно. А между тѣмъ какъ разъ размѣръ общественныхъ покупокъ казенной земли могъ бы свидѣтельствовать о дѣйствительной помощи нуждающимся въ землѣ крестьянамъ. Какъ извѣстно, да и какъ видно отчасти изъ подчеркнутыхъ выше словъ, обычно казенныя оброчныя статьи арендовались сосѣдними селеніями, нуждающимися вообще въ землѣ или по крайней мѣрѣ, — въ тѣхъ или иныхъ угодьяхъ, по преимуществу, конечно,—въ покосѣ. Огромному большинству читателей хорошо извѣстно, какъ своевременно привѣтствовались всей нашей печатью, безъ различія направленій, благодѣтельныя мѣропріятія министерства государственныхъ имуществъ, направленныя къ тому, чтобы улучшить порядокъ сдачи въ аренду казенныхъ оброчныхъ статей, въ цѣляхъ облегченія съемки ихъ именно обществами и чтобы возможно затруднить сдачу ихъ отдѣльнымъ съемщикамъ. Послѣдніе являлись обычно вредными посредниками, снимавшими только для пересдачи земледѣльцамъ по возвышеннымъ цѣнамъ. Если теперь вѣдомство земледѣлія продаетъ эти оброчныя статьи, находившіяся до сихъ поръ въ арендѣ у сосѣднихъ селеній, часто безусловно необходимыя для сколько-нибудь успѣшнаго веденія ихъ хозяйства, и продаетъ ихъ не этимъ селеніямъ, а отдѣльнымъ крестьянамъ, хуторскими или отрубными участками, то оно ставитъ тѣмъ подобныя селенія прямо въ безвыходное положеніе и ведетъ къ неизбѣжному разстройству ихъ хозяйствъ. При такихъ условіяхъ нечего удивляться, если въ средѣ общественниковъ-крестьянъ появляются домохозяева, вынужденные бѣжать изъ деревни; что удивительнаго въ томъ, если, за отсутствіемъ чего-либо болѣе выгоднаго, они готовы пробовать покупать землю «изъ имѣній Крестьянскаго банка или у частныхъ владѣльцевъ при посредствѣ банка», и даже пускаться въ «переселеніе за Уралъ»? Если земельная политика правительства направлена къ созданію и поддержанію единоличнаго владѣнія, если для этого, между прочимъ, не задумываются даже отбирать земли, бывшія до сихъ поръ въ общественной арендѣ селеній, хозяйство которыхъ, повторяю, часто немыслимо безъ такой аренды,—то вѣдь совершенно же очевидно, что правительство прямо принуждаетъ крестьянъ покидать деревню и разрушаетъ насильственно весь сельскій укладъ.

Къ тому же результату ведетъ и современная дѣятельность Крестьянскаго банка, о чемъ также очень убѣдительно свидѣтельствуетъ объяснительная записка. Мы узнаемъ изъ нея, что съ 1-го января 1906 г. по 1 іюля 1915 г. банкъ сосредоточилъ въ своемъ распоряженіи 6.429 тыс. десят. Изъ этого количества за послѣднія десять съ половиною лѣтъ, т.-е. со времени новаго курса въ нашей аграрной политикѣ,—Крестьянскій банкъ отчудилъ 3.871 тыс. десятинъ, изъ коихъ почти 3 милл. десятинъ или 77,1% были проданы отдѣльнымъ домохозяевамъ и всего только 18,1% или 701$^1/_2$ тыс. десятинъ—сельскимъ обществамъ и товариществамъ. Это подавляющее преобладаніе единоличныхъ покупокъ надъ коллективными шло явно въ ущербъ хозяйственнымъ интересамъ селеній и обществъ, такъ какъ сильно сокращало тотъ земельный фондъ, изъ котораго, тоже путемъ арендованія, восполнялись недостатки крестьянскаго надѣла. Дѣйствительно, изъ этого общаго количества земли въ 6$^1/_2$ милл. деястинъ, сосредоточенныхъ банкомъ къ 1-му іюля 1915 г., имъ было куплено у частныхъ владѣльцевъ около 4$^1/_2$ милл. десят., получено отъ удѣльнаго вѣдомства съ небольшимъ 1$^1/_4$ милл. десят. и осталось отъ неисправныхъ заемщиковъ банка почти 583 тыс. дес. Не говоря о послѣдней, прямо крестьянской землѣ, поступившей въ банкъ отъ неисправныхъ плательщиковъ, но и остальные два разряда—земли, пріобрѣтенныя банкомъ у частныхъ владѣльцевъ и бывшія удѣльнаго вѣдомства,—они въ значительнѣйшей своей части находились, несомнѣнно, въ пользованіи крестьянъ. Для доказательства этого не требуется новыхъ и спеціальныхъ данныхъ: фактъ этотъ установленъ давнымъ давно и статистическими трудами, и свидѣтельствомъ компетентныхъ оффиціальныхъ учрежденій, и матеріалами, собранными отдѣльными авторитетными изслѣдователями. Пріобрѣтая земли этихъ категорій и, затѣмъ, отчуждая ихъ преимущественно хуторами и отрубными участками въ единоличное владѣніе, Крестьянскій банкъ дѣйствуетъ противъ требованій жизни, — противъ интересовъ коллективнаго владѣнія, противъ всѣхъ тѣхъ сельскихъ обществъ, которыя до тѣхъ поръ арендовали перешедшія къ банку земли. Въ какой мѣрѣ, по условіямъ произведеннаго у насъ надѣленія крестьянъ, ихъ нужда въ арендѣ частновладѣльческой земли велика,—это было очевидно уже кн. А. И. Васильчикову, а съ тѣхъ поръ уяснено, можно сказать, во всѣхъ подробностяхъ. Основываясь на неоспоримыхъ оффиціальныхъ данныхъ, я неоднократно указывалъ, что крестьяне въ большинствѣ случаевъ для веденія хозяйства на собственной землѣ вынуждены еще приарендовывать землю сосѣднихъ владѣльцевъ. Если они почему-либо лишатся такой

арендуемой земли, то хозяйство ихъ, говоря словами одного изъ свидѣтелей Высочайше учрежденнаго особаго совѣщанія о нуждахъ сельскохоз. промышленности,—«станетъ невозможнымъ, потому что изъ состава хозяйственной организаціи выпадутъ необходимые элементы—будь то недостающіе въ крестьянскомъ надѣлѣ покосы, выгоны или попасы (паръ, ржище, овсянье) или просто прогоны для скота, клинья, разъединяющіе крестьянскія угодья и проч. («Сводъ трудовъ мѣстныхъ комитетовъ». «Аренда», стр. 5).

Отсюда очевидно, въ какое безвыходное положеніе могутъ быть поставлены селенія тѣмъ, что необходимая для веденія ихъ хозяйства земля, которую они арендовали у сосѣднихъ владѣльцевъ, переходитъ въ собственность Крестьянскаго банка, пріобрѣтающаго ее съ цѣлью перепродажи не селеніямъ, арендовавшимъ ее до сихъ поръ, а исключительно хуторами и участками въ единоличное владѣніе отдѣльнымъ крестьянамъ. И чѣмъ болѣе расширяются такія зловредныя операціи перепродажи банкомъ земель участками въ личную собственность, тѣмъ затруднительнѣе становится положеніе селеній и тѣмъ болѣе приходитъ въ упадокъ ихъ хозяйство. Вѣдомственное ликованіе, проглядывающее изъ оффиціальныхъ данныхъ объ успѣшномъ ходѣ операціи перепродажи земельнаго запаса Крестьянскаго банка, свидѣтельствуетъ или о странномъ заблужденіи стоящихъ во главѣ этого учрежденія, призваннаго расширять крестьянское землевладѣніе,—или о сознательномъ стремленіи, посредствомъ такихъ перепродажъ, способствовать болѣе быстрому разстройству деревенскаго хозяйства и упадку коллективнаго землевладѣнія. Послѣднее, конечно, гораздо вѣроятнѣе; но въ такомъ случаѣ — надо прямо признавать, что банкъ, въ согласіи съ вѣдомствомъ земледѣлія и землеустройства, примѣняетъ могущественнѣйшее средство, находящееся въ его распоряженіи, исключительно для разрушенія обычной у насъ формы разселенія крестьянъ и коллективнаго владѣнія землею въ цѣляхъ принудительнаго насажденія личной собственности на отрубныхъ участкахъ.

Что Крестьянскій банкъ, министерство земледѣлія и другія вѣдомства, сопричастныя къ такъ наз. «землеустройству», чрезвычайно могущественны въ своемъ вліяніи на жизнь и могутъ при помощи самыхъ разнообразныхъ способовъ,—къ сожалѣнію, во множествѣ находящихся въ ихъ полномъ распоряженіи,—съ величайшимъ успѣхомъ искалѣчить ее въ корень, — кто же можетъ сомнѣваться въ томъ? Но, насилуя жизнь,—повторяю,—надо откровенно признаваться въ томъ и всегда помнить, что это дѣлается совсѣмъ не ради какихъ-то агрикультурныхъ цѣлей (кто думаетъ

нынѣ серьезно о томъ?), а вслѣдствіе состоявшагося нѣкогда постановленія съѣзда объединенныхъ дворянъ. Можно, конечно, не говорить объ этомъ въ оффиціальномъ документѣ, но помнить о томъ его составителямъ все-таки слѣдуетъ.

А главное, слѣдуетъ министерству финансовъ на будущее время относиться внимательнѣе къ свѣдѣніямъ этого отдѣла объяснительной записки, и хотя бы задуматься надъ тѣмъ, допустима ли усвоенная нынѣ Крестьянскимъ банкомъ политика, явно деструктивная и противорѣчащая его задачамъ. Пора, вообще, отнестись серьезно къ тому, что происходитъ у насъ въ жизни подъ этикеткой «землеустройства», и очень даже пора подсчитать, сколько тратитъ страна на выполненіе программы, продиктованной одностороннимъ классовымъ интересомъ.

А. Посниковъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Банкетъ въ Нишѣ и политическія рѣчи участниковъ.—Положеніе дѣлъ на Балканахъ.—Неудавшаяся капитуляція Черногоріи. — Внутренній кризисъ въ Турціи.—Смерть наслѣдника и паденіе Эрзерума.—Набѣги цеппелиновъ и споры о блокадѣ.—Франсисъ Шармъ †.

Общее положеніе дѣлъ въ Европѣ характеризуется въ данный моментъ обычными словами военныхъ бюллетеней: «безъ перемѣнъ». Вѣрнѣе сказать, событія развиваются пока въ одномъ и томъ же направленіи, неблагопріятномъ для союзниковъ. На Балканахъ самовластно распоряжаются Вильгельмъ II и Фердинандъ Кобургскій; они съѣхались 18 (5) января въ сербскомъ городѣ Нишѣ, гдѣ еще незадолго передъ тѣмъ развѣвались флаги союзниковъ, отъ которыхъ Сербія съ нетерпѣніемъ и надеждой ждала помощи. На банкетѣ въ городской ратушѣ болгарскій «царь» произнесъ льстивую рѣчь, въ которой напомнилъ, что ровно 215 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ предокъ императора, Фридрихъ I, получилъ титулъ прусскаго короля, что 45 лѣтъ тому назадъ была основана новая германская имперія, а теперь Вильгельмъ II, послѣ торжества своего оружія, можетъ свободно вступить въ древнюю римскую крѣпость Нишъ. «Весь свѣтъ—продолжалъ Фердинандъ,—съ удивленіемъ и восхищеніемъ узналъ великую мощь Германіи и ея союзниковъ и долженъ былъ убѣдиться въ непобѣдимости германской арміи подъ руководительствомъ кайзера. Можно поэтому надѣяться, что 1916-ый годъ принесетъ намъ прочный миръ, священный плодъ нашихъ побѣдъ, миръ, который позволитъ моему народу принять участіе въ общей культурной работѣ; но, если волею судьбы мы будемъ принуждены продолжать войну, мой народъ съ оружіемъ въ рукахъ исполнитъ свой долгъ до конца». Далѣе Фердинандъ, отъ избытка чувствъ, заговорилъ напыщенными латинскими фразами, которыя мы приводимъ въ вольномъ переводѣ: «Привѣтствуемъ тебя, повелитель, цезарь и король, побѣдоносный, покрытый

славою. Въ древней Ниссѣ всѣ народы Востока тебя привѣтствуютъ, какъ избавителя, несущаго угнетеннымъ спасеніе и благосостояніе». Вильгельмъ II въ своей отвѣтной рѣчи подтвердилъ совпаденіе трехъ историческихъ эпохъ въ этотъ день 18 января, какъ день основанія ордена Чернаго орла, учрежденнаго въ 1701 году Фридрихомъ I при коронаціи. «Второй разъ—говорилъ онъ—по велѣнію свыше, я праздную теперь этотъ день въ походѣ, на старомъ историческомъ мѣстѣ, въ красивомъ уголкѣ страны, завоеванной мужествомъ болгаръ,—въ присутствіи ея короля, среди его храбрыхъ войскъ и ихъ славныхъ вождей. Вы помогли мнѣ осуществить давно лелѣянную мечту, и ваши слова доказываютъ, что въ оцѣнкѣ значенія этого часа мы проникнуты одинаковыми чувствами. Мы были вызваны на бой нашими врагами, которые завидовали мирному процвѣтанію Германіи и Австро-Венгріи и самымъ легкомысленнымъ образомъ подвергли опасности культурное развитіе всей Европы, съ цѣлью нанести намъ и нашимъ вѣрнымъ союзникамъ ударъ, способный подорвать корни нашего могущества. Мы выдержали сильную борьбу, которая вскорѣ будетъ распространяться дальше. Когда тѣ же враги стали угрожать Турціи, она присоединилась къ намъ и въ упорной борьбѣ обезпечила свое міровое положеніе. Дальновидное благоразуміе вашего величества указало вамъ, что для Болгаріи и для васъ настало время предъявить свои старыя, хорошо обоснованныя требованія и открыть вашей мужественной странѣ путь къ славному будущему. Въ истинномъ духѣ товарищества началось тріумфальное шествіе вооруженной націи вашего величества, и подъ руководствомъ ея знаменитаго вождя прибавило новую страницу возвышенной славы къ другимъ, столь же славнымъ страницамъ болгарской исторіи. Чтобы дать наглядное выраженіе моимъ чувствамъ, какъ и чувствамъ всей Германіи, по поводу такого рода подвиговъ, я просилъ ваше величество принять званіе прусскаго фельдмаршала, и я и моя армія счастливы, что, принявъ это званіе, вы и въ этомъ отношеніи стали однимъ изъ нашихъ. Съ Божьей помощью совершены были великія дѣла здѣсь и на всѣхъ другихъ фронтахъ. Я полонъ чувства глубочайшей благодарности къ Всевышнему за то, что мнѣ дано въ этотъ день, на этомъ историческомъ мѣстѣ, вновь освященномъ доблестною кровью, среди нашихъ побѣдоносныхъ войскъ, пожимать руки вашего величества и слушать ваши слова, въ которыхъ выражается твердое рѣшеніе сражаться за успѣшный и прочный миръ и сохранять вѣрность и дружбу, запечатлѣнныя въ грозную бурю войны, въ совмѣстной работѣ для великой цѣли, поставленной предъ нами заботою о благѣ нашихъ народовъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ Вильгельмъ II благодарилъ за высокую честь, оказанную ему пожалованіемъ высшаго бол-

гарскаго ордена и особенно предложеніемъ званія шефа одного изъ балканскихъ пѣхотныхъ полковъ.

Конечно, Фердинандъ болгарскій никогда въ жизни не слыхалъ такъ много лестныхъ словъ изъ столь авторитетныхъ устъ, какъ на этомъ банкетѣ въ Нишѣ, и онъ долженъ былъ чувствовать себя въ апогеѣ человѣческаго величія и славы, находясь въ столь близкомъ равноправномъ общеніи съ могущественнымъ монархомъ, которому онъ привыкъ поклоняться съ давнихъ поръ. Новые союзники, прославляя другъ друга и превознося заслуги своихъ «побѣдоносныхъ» армій, дѣлали видъ, что они чрезвычайно довольны собою и своимъ положеніемъ, въ качествѣ счастливыхъ побѣдителей; значительная доля ихъ взаимныхъ похвалъ выпадала на долю ихъ ближайшихъ сотрудниковъ, министровъ и генераловъ, участвовавшихъ въ этомъ банкетѣ,—болгарскаго премьера Радославова, главнокомандующаго Жекова, начальника германскаго главнаго штаба фонъ-Фалькенгайна и другихъ. Нѣмецкіе правители и полководцы, впрочемъ, относятся довольно равнодушно къ преувеличеннымъ оффиціальнымъ любезностямъ и знаютъ ихъ подлинную цѣну, но для Фердинанда и его сподвижниковъ, недавно еще разбитыхъ греко-сербской коалиціею и униженныхъ бухарестскимъ договоромъ, это внезапное возвышеніе до уровня правителей великихъ державъ было чѣмъ-то баснословнымъ, и сладкія фразы Вильгельма II приводили ихъ въ восторженное состояніе, граничащее съ опьяненіемъ. Въ роскошномъ балканскомъ экспрессѣ (Берлинъ—Константинополь), который доставилъ германскихъ гостей въ Нишъ, Фердинандъ съ двумя сыновьями, Борисомъ и Кирилломъ, обходилъ вагоны послѣ банкета и обращался къ пассажирамъ съ «милостивыми» словами; одному венгерцу онъ торжественно сказалъ по-мадьярски: «Богъ помогъ намъ достигнуть того, что мы въ состояніи теперь проѣхать въ нѣсколько дней съ запада на востокъ черезъ завоеванныя территоріи. Передайте мой королевскій привѣтъ всему народу вашей родной страны». Глава небольшого балканскаго государства начинаетъ вести себя какъ великій монархъ, которому народы представляются стоящими гдѣ-то далеко внизу въ почтительной позѣ; онъ серьезно входитъ въ роль друга и союзника «побѣдоноснаго повелителя», вождя австро-германо-турецкой коалиціи, и, быть можетъ, самъ мечтаетъ сдѣлаться современемъ императоромъ. Передъ его честолюбіемъ открылись широкіе горизонты, и онъ имѣетъ видимое основаніе смотрѣть въ будущее сквозь розовыя очки; но его оптимизмъ едва-ли раздѣляется Вильгельмомъ II. Корреспондентъ лондонской газеты «Daily Mail», принадлежащій къ одной изъ нейтральныхъ націй, прибылъ въ Нишъ одновременно съ императоромъ и имѣлъ возможность наблюдать его на очень близкомъ разстояніи; онъ былъ пораженъ его болѣзненнымъ, озабоченнымъ видомъ, его явнымъ

переутомленіемъ и всею его согбенною фигурою, совершенно не соотвѣтствующею обычнымъ фотографическимъ его изображеніямъ. Очевидно, надъ банкетомъ въ Нишѣ чувствовалась тяжелая атмосфера, навѣянная перспективами неопредѣленныхъ опасностей дальнѣйшаго продолженія войны. Фердинандъ могъ съ самоувѣренною безцеремонностью дѣлить территорію завоеванной Сербіи и расширять на картѣ границы своихъ владѣній, какъ будто плоды австро-германскихъ побѣдъ уже окончательно установлены и не подлежатъ измѣненію; въ этомъ сознательно поощрялъ его Вильгельмъ II, стараясь устранить всякую мысль о возможной превратности судьбы. Въ сущности, ни одного искренняго, правдиваго слова не было сказано германскимъ императоромъ въ Нишѣ; а нѣкоторыя заявленія его звучатъ насмѣшкой надъ здравымъ смысломъ. Десятки разъ, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, онъ повторялъ сказку о томъ, какъ коварные враги напали на Германію или вызвали ее на бой, но только въ шутку можно было прибавить, что они сдѣлали это изъ зависти къ мирному процвѣтанію центральной имперіи. Что Англія и Франція завидовали благополучію Австро-Венгріи,—этому, разумѣется, не повѣрятъ даже наивнѣйшіе австрійскіе патріоты; точно также безцѣльно было утверждать, что державы четвернаго согласія угрожали Турціи и что послѣдняя, присоединившись къ Германіи, возстановила и обезпечила свое міровое положеніе, — когда всѣмъ извѣстно, что турки, отдавъ себя, безъ всякой разумной причины, въ распоряженіе нѣмцевъ, не только ничего не выиграли и не могли выиграть, но, напротивъ, потеряли послѣдніе остатки своей независимости и подверглись полному разоренію. Вильгельмъ II отлично сознавалъ и сознаетъ, что война еще не окончилась на Балканахъ и изъ-за Балканъ, и что по меньшей мѣрѣ преждевременно производить раздѣлъ завоеванныхъ земель, когда крупныя силы союзниковъ находятся по близости, въ Салоникскомъ районѣ, и когда сохранились еще значительныя части сербскихъ и черногорскихъ войскъ, временно удалившіяся на островъ Корфу. Нельзя теперь предвидѣть, какъ разыграются предстоящія событія, если соединенныя англо-французскія и сербскія силы перейдутъ въ наступленіе,—тѣмъ болѣе, что въ случаѣ успѣха могутъ выступить противъ болгаръ Греція и Румынія. Большія испытанія ожидаютъ еще Германію на другихъ фронтахъ, которымъ въ концѣ концовъ принадлежитъ рѣшающая роль, и объ этомъ не приходится забывать отвѣтственнымъ германскимъ правителямъ.

Въ настоящее время наступило на Балканахъ затишье, — быть можетъ, передъ бурей; австро-германцы и болгары остаются пока хозяевами положенія, на развалинахъ двухъ фактически уничтоженныхъ королевствъ—Сербіи и Черногоріи. Сербское правительство на-

хощатъ пріютъ то на островѣ Корфу, то въ Ниццѣ, гдѣ проживаетъ престарѣлый и больной король Петръ; черногорская королевская фамилія, съ королемъ Николаемъ во главѣ, помѣстилась въ Ліонѣ, послѣ того какъ остатки черногорской арміи были доведены до крайности и едва не попали въ плѣнъ къ австрійцамъ. Въ послѣднихъ числахъ декабря король Николай рѣшился просить мира у Австро-Венгріи, не предупредивъ объ этомъ союзниковъ; онъ готовъ былъ, подъ давленіемъ обстоятельствъ, отказаться отъ союза съ Сербіею и Россіею и заключить сепаратный мирный договоръ съ «побѣдителями»; онъ послалъ въ этомъ смыслѣ телеграмму въ Вѣну и получилъ отвѣтъ, что мирные переговоры могутъ быть начаты только послѣ безусловной капитуляціи черногорскихъ войскъ. Второго (15-го) января черногорское правительство сообщило о своемъ согласіи на капитуляцію безъ всякихъ условій, и вслѣдъ за тѣмъ началось обсужденіе категорическихъ требованій, поставленныхъ вѣнскимъ кабинетомъ,—требованій столь суровыхъ, что переговоры затянулись и, наконецъ, были прерваны вслѣдствіе вызваннаго ими негодованія среди черногорцевъ. Австро-Венгрія требовала полнаго обезоруженія не только арміи, но и всего черногорскаго населенія, при чемъ предполагалось отбирать всякое вообще оружіе, принадлежащее отдѣльнымъ лицамъ или полученное ими по наслѣдству; отряды австро-венгерскихъ войскъ должны были обходить всѣ мѣстности страны, отыскивая и отбирая оружіе; всѣ мужчины способные носить оружіе, включая и стариковъ, подлежали бы выселенію и интернированію подъ наблюденіемъ австрійскихъ властей; наконецъ, черногорцы должны сдать австрійцамъ всѣ свои города и селенія, а также всѣ свои пути сообщенія. Такого рода капитуляція, предполагающая не только матеріальное, но и моральное уничтоженіе Черногоріи, была совершенно немыслима для черногорскаго народа, и проектъ сепаратнаго мира съ Австро-Венгріею потерпѣлъ, такимъ образомъ, неудачу. Трудно винить черногорскихъ правителей за проявленное ими малодушіе или, вѣрнѣе, за овладѣвшее ими сознаніе безнадежности и безвыходности положенія; они давно уже не получали никакой реальной помощи отъ союзниковъ и въ послѣднее время оставались почти безъ боевыхъ снарядовъ и безъ продовольствія; австрійскія военныя суда свободно хозяйничали у черногорскаго побережья, и ни французскіе, ни британскіе броненосцы даже не пытались избавить Черногорію хотя бы отъ непріятельскихъ дѣйствій съ моря и ничего не предпринимали для поддержанія черногорцевъ при защитѣ важной позиціи на горѣ Ловченъ, доступной обстрѣливанію изъ дальнобойныхъ морскихъ орудій. Объ этомъ упущеніи говорилось и въ парижской печати, которая указывала также на то, что для горы Ловченъ было достав-

лены французами лишь малопригодныя морскія орудія стараго образца, заряжаемыя снарядами съ чернымъ порохомъ и выпускающія при стрѣльбѣ густой дымъ, который выдавалъ противнику точное мѣсто нахожденія этихъ орудій; только недавно Франція послала въ Черногорію транспортное судно съ усовершенствованными предметами боевого снаряженія, но оно пришло слишкомъ поздно; а если бы этотъ грузъ своевременно дошелъ по назначенію, то гора Ловченъ не могла бы быть взята. Такъ, по крайней мѣрѣ, утверждаетъ категорически компетентный хроникеръ «Revue des deux Mondes», Шарль Бенуа. Впрочемъ, запаздываніе въ дѣйствіяхъ союзниковъ объясняется обычными недостатками коллективныхъ предпріятій, требующихъ постоянныхъ соглашеній и переговоровъ между участниками; для достиженія надлежащей согласованности и быстроты принимаемыхъ мѣръ заинтересованныя правительства устраиваютъ частыя свиданія и совѣщанія министровъ въ разныхъ мѣстахъ, и въ этомъ отношеніи особенное значеніе придается поѣздкѣ Бріана, Леона Буржуа и Альбера Тома въ Римъ, такъ какъ Италія чаще всего фактически уклонялась отъ участія въ совмѣстныхъ дѣйствіяхъ союзниковъ. Говорятъ, что установилась уже опредѣленная система, устраняющая возможность прежнихъ ошибокъ, которыми съ такимъ успѣхомъ пользовался противникъ. Но сдѣланныя или допущенныя ошибки не всегда могутъ быть исправлены, и послѣдствія ихъ долго еще даютъ себя чувствовать въ фактическомъ ходѣ событій.

Обстоятельства могутъ существенно измѣниться на Балканскомъ полуостровѣ, въ виду хроническаго внутренняго кризиса въ Турціи и возрастающаго недовольства населенія чрезмѣрнымъ военно-политическимъ вліяніемъ германцевъ. Загадочная смерть наслѣдника турецкаго престола, Юсуфъ-Изеддина, является весьма серьезнымъ симптомомъ скрытой закулисной борьбы между разными направленіями турецкой политической жизни. Первоначально было сообщено, что 19 января (1 февраля) принцъ, жившій довольно скромно и замкнуто, покончилъ жизнь самоубійствомъ, вскрывъ себѣ артеріи. Турецкая публика тотчасъ же поняла истинный смыслъ этого извѣстія. Юсуфъ-Изеддинъ, человѣкъ спокойный и уравновѣшенный, достигшій 58-лѣтняго возраста и имѣвшій предъ собою открытый путь къ власти и почету, не обнаруживалъ никакихъ признаковъ умственной или душевной ненормальности, которая могла бы вызвать въ немъ желаніе умереть. Онъ былъ, правда, недоволенъ правительствомъ, вовлекшимъ Турцію въ ненужную разорительную войну, и высказывался противъ слишкомъ тѣснаго союза съ германцами и особенно съ ихъ военною партіею; онъ позволялъ себѣ иногда рѣзко выступать противъ всемогущаго поклонника и фаворита Германіи,

военнаго министра Энвера-паши, и по всей вѣроятности надѣялся со временемъ, сдѣлавшись султаномъ, дать другое, болѣе разумное направленіе политикѣ Оттоманской имперіи. Неожиданная смерть его избавляетъ Германію и связанный съ нею младотурецкій режимъ отъ опасности рѣшительнаго поворота политическаго курса въ неблагопріятную для нихъ сторону при неизбѣжной въ недалекомъ будущемъ перемѣнѣ царствованія. Отецъ его, султанъ Абдулъ-Азисъ, по первой оффиціальной версіи, также умеръ будто бы добровольно, вскрывъ себѣ артеріи найденными при немъ ножницами, а впослѣдствіи происходилъ судъ надъ убійцами, виновность которыхъ не подлежала сомнѣнію. Протоколъ о самоубійствѣ Юсуфъ-Изеддина, какъ сообщалось изъ Константинополя, былъ подписанъ девятнадцатью «знаменитыми» турецкими врачами, благонадежность которыхъ была предварительно засвидѣтельствована младотурецкимъ комитетомъ. Въ Турціи никто не сомнѣвается, что наслѣдникъ убитъ подкупленными агентами вліятельныхъ лицъ, заинтересованныхъ въ его устраненіи, а первое мѣсто въ ряду этихъ лицъ занимаетъ Энверъ-паша. Подобный способъ устраненія «неудобныхъ» дѣятелей безпрепятственно практикуется младотурками, и общественное мнѣніе слабо реагируетъ на факты такого рода. Племянникъ султана Магомета V не искалъ популярности и былъ мало извѣстенъ широкой публикѣ, а его отрицательное отношеніе къ войнѣ и къ союзникамъ считалось непатріотичнымъ въ условіяхъ военнаго времени. Политическій строй Оттоманской имперіи дотого расшатанъ, что номинальный глава государства,—неограниченный въ принципѣ, несмотря на существованіе парламента,—на дѣлѣ не имѣетъ никакой власти и служитъ безсильнымъ орудіемъ въ рукахъ случайныхъ генераловъ и сановниковъ, опирающихся на армію; послѣдній властный султанъ былъ Абдулъ-Гамидъ, но народъ не имѣетъ основанія вспоминать его добрымъ словомъ. Владычество Энвера-паши и его партіи также не имѣетъ подъ собою твердой почвы, и первая крупная военная неудача можетъ положить конецъ господству младотурокъ.

Съ этой точки зрѣнія взятіе русскими войсками Эрзерума (3 февраля) составляетъ событіе первостепенной важности, независимо отъ его общаго военно-политическаго значенія. Паденіе важнѣйшей турецкой твердыни, ограждающей съ сѣвера азіатскія владѣнія султана, наноситъ сильный ударъ въ самое ядро Турціи, какъ державы по преимуществу азіатской, потерявшей точку опоры въ Европѣ. Почти всѣ европейскія области Оттоманской имперіи отошли отъ нея, и остались только малоазіатскія земли, служащія главнымъ источникомъ ея силы; поэтому Эрзерумъ, какъ оплотъ турецкаго господства въ Малой Азіи, пріобрѣлъ для Турціи гораздо большую цѣнность, чѣмъ прежде.

Вмѣшавшись въ европейскую войну безъ всякой къ тому надобности, турки рискуютъ потерять часть своихъ азіатскихъ владѣній и прежде всего Арменію, ради сохраненія которой совершались съ давнихъ поръ неслыханныя систематическія звѣрства. Паденіе Эрзерума даетъ наглядный краснорѣчивый отвѣтъ на фразу Вильгельма II, сказанную на банкетѣ въ Нишѣ, о томъ, что своимъ участіемъ въ войнѣ Турція возстановила и обезпечила свое міровое положеніе: на дѣлѣ оказывается, что она въ корнѣ подорвала свои не только европейскіе, но и азіатскіе интересы, а о міровомъ положеніи ея странно и говорить. Дѣйствительно, какія выгоды извлекла Турція изъ своего присоединенія къ воюющимъ центральнымъ имперіямъ? Во-первыхъ, она должна была почему-то вознаградить Болгарію за ея присоединеніе къ австро-германцамъ, уступивъ ей часть своей собственной территоріи; во-вторыхъ, она истратила массу средствъ и человѣческихъ жизней для пользы Германіи и ея союзниковъ, не получивъ за это ничего взамѣнъ; она вынуждена была безплодно воевать въ Малой Азіи для защиты своихъ владѣній и лишилась при этомъ части этихъ земель съ такимъ крупнымъ центромъ, какъ Эрзерумъ. Ничего другого, кромѣ потерь и ударовъ, турки получить не могли; они усердно работали и жертвовали своею кровью исключительно для австро-германцевъ и болгаръ. Это ясно видятъ и чувствуютъ даже недавніе горячіе приверженцы союза съ Германіею. Положеніе Энвера-паши должно было сильно пошатнуться; вмѣстѣ съ тѣмъ пострадалъ авторитетъ нѣмецкихъ друзей и покровителей, которые толкали Турцію на разныя отдаленныя предпріятія—въ Египетъ, Персію,—и ничего не сдѣлали для охраны ея собственной азіатской территоріи.

Въ народѣ могутъ возникнуть волненія, съ которыми не легко будетъ справиться, и обострившійся кризисъ можетъ привести къ перемѣнѣ режима и къ заключенію сепаратнаго мира съ Россіею. Во всякомъ случаѣ ближайшія послѣдствія достигнутаго нами успѣха чрезвычайно важны не только для насъ, но и особенно для нашихъ союзниковъ: прежде всего туркамъ придется отказаться отъ предпринятыхъ по германской иниціативѣ экспедицій въ Египетъ, Персію и Месопотамію, отозвать оттуда свои войска и подумать о противодѣйствіи дальнѣйшему наступательному движенію нашей кавказской арміи. Турецкія военныя силы не будутъ уже въ распоряженіи германскаго генеральнаго штаба и перестанутъ служить орудіемъ для спеціальныхъ нѣмецкихъ плановъ, такъ какъ эти силы потребуются для интересовъ обороны. Наконецъ, занятіе нами Эрзерума имѣетъ огромное моральное значеніе; оно вноситъ элементъ бодрости и надежды въ общее положеніе союзниковъ; въ то же время оно является спасительнымъ призывомъ къ освобожденію и возрожденію

многострадальнаго армянскаго племени, которое такъ безпощадно преслѣдовалось и истреблялось турками съ вѣдома и одобренія Германіи.

Утѣшительныя извѣстія приходятъ пока изъ Азіи; въ Европѣ нѣтъ еще данныхъ для оптимизма, который преобладаетъ лишь среди профессіональныхъ дипломатовъ. Повсюду происходятъ лихорадочныя приготовленія къ будущимъ крупнымъ начинаніямъ, и это выжидательное настроеніе нарушается изрѣдка разрушительными набѣгами цеппелиновъ. Германскій воздушный корабль показался надъ Парижемъ вечеромъ 29 (16) января, сбросилъ нѣкоторое количество бомбъ и удалился безнаказанно; двадцать три человѣка было убито въ разныхъ мѣстахъ города, а двадцать семь ранено. Два дня спустя, въ туманную ночь, цѣлая эскадра цеппелиновъ, въ числѣ шести или семи, пролетѣла надъ сѣверо-восточными и центральными графствами Англіи, сбросила болѣе трехсотъ бомбъ, убила 59 человѣкъ, ранила 101 и пустилась спокойно въ обратный путь. Въ англійскихъ газетахъ сообщаются ужасающія подробности отдѣльныхъ взрывовъ, уничтожившихъ сразу случайныя группы людей; въ одномъ домѣ убито семейство изъ шести человѣкъ, въ другомъ—пять человѣкъ, сидѣвшихъ еще за столомъ, и т. д. Эти варварскія убійства мирныхъ жителей, женщинъ и дѣтей имѣютъ, конечно, мало общаго съ войною; мѣстные англійскіе суды, которымъ оффиціально даютъ знать о найденныхъ убитыхъ и раненыхъ, устанавливаютъ наличность преступленій, виновниками которыхъ признаются командиры цеппелиновъ и пославшій ихъ императоръ германскій. Нѣмцы оправдываютъ эти воздушныя бомбардировки разными соображеніями. Бомбы бросаются будто бы только въ укрѣпленные города, какъ, Парижъ, или въ заводскіе центры, верфи, доки, склады машинъ, желѣзнодорожныя станціи и т. п., но не всегда попадаютъ по назначенію, вслѣдствіе чего гибнутъ случайные, ни въ чемъ неповинные обыватели; такъ же случайно гибнутъ люди при регулярныхъ военныхъ дѣйствіяхъ, около городовъ и селъ, входящихъ въ районъ артиллерійскаго боя, и противъ такихъ неизбѣжныхъ случайностей войны безполезно протестовать. Нѣмецкіе патріоты не отрицаютъ однако, что эти набѣги имѣютъ и общую политическую цѣль: они должны дѣйствовать на нервы непріятеля, вызывать панику и создавать настроеніе, могущее побудить враждебную страну стремиться къ миру во что бы то ни стало. Очевидно, послѣдній аргументъ явно противорѣчитъ первому: если нѣтъ намѣренія убивать мирныхъ жителей и они погибаютъ только случайно, то отпадаетъ мысль о сознательномъ террорѣ съ цѣлью заставить противника отказаться отъ продолженія войны. Впрочемъ, никто не повѣритъ, что бросаніе бомбъ въ города и села

направлено противъ укрѣпленныхъ мѣстъ или сооруженій и заводовъ, имѣющихъ какое-либо отношеніе къ войнѣ. Цеппелины нападаютъ именно на центральные населенные кварталы Парижа, а не на окружающіе его форты и укрѣпленія, отстоящія довольно далеко отъ столицы; точно-также нѣмецкіе воздушные пираты совершали свои нападенія на не укрѣпленный Лондонъ и на разныя мирныя мѣстности Англіи, не имѣя даже возможности отыскивать и отличать заводы и фабрики отъ другихъ зданій съ той высоты, на которой держатся цеппелины. Такихъ набѣговъ на Англію было съ самаго начала войны двадцать четыре, и всѣ они причиняли вредъ только случайно попавшимся частнымъ лицамъ, безъ всякой связи съ какими-нибудь военными надобностями. Приписывать этимъ подвигамъ характеръ правильныхъ военныхъ дѣйствій невозможно; они рѣшительно противорѣчатъ нормамъ международнаго права и не достигаютъ никакой военной или политической цѣли,—и тѣмъ не менѣе германское правительство упорно отстаиваетъ этотъ способъ веденія войны, въ видимомъ согласіи съ нѣмецкимъ общественнымъ мнѣніемъ.

Ссылки на международное право кажутся наивностью въ настоящее время; дѣйствія подводныхъ лодокъ, топящихъ торговые корабли безъ предупрежденія, продолжаются, какъ ни въ чемъ не бывало, вопреки всѣмъ дипломатическимъ нотамъ Соединенныхъ Штатовъ. Президентъ Вильсонъ не могъ добиться отъ Германіи удовлетворенія даже за явно преступное и возмутительное потопленіе «Лузитаніи» съ массой пассажировъ и въ томъ числѣ американцевъ; онъ наконецъ заговорилъ непривычнымъ ему угрожающимъ тономъ и указалъ на необходимость скорѣйшихъ вооруженій, въ виду возможности военныхъ мѣръ для защиты правъ и достоинства великой сѣверо-американской республики. Рѣчи, произнесенныя Вильсономъ въ концѣ января (нов. ст.) въ Нью-Іоркѣ, Питсбургѣ и Кливлендѣ, произвели на публику впечатлѣніе неопредѣленной тревоги и вызвали въ печати различныя толкованія и догадки, болѣе или менѣе сомнительныя или произвольныя; но Германія обнаружила готовность сдѣлать нѣкоторыя формальныя уступки, и вскорѣ состоялось по дѣлу «Лузитаніи» окончательное соглашеніе, удовлетворившее главныя требованія вашингтонскаго кабинета. Тогда всѣ поняли смыслъ рѣчей Вильсона—и успокоились. Между тѣмъ нѣмецкіе патріоты заволновались и настойчиво протестовали противъ смягченія практики подводной войны, какъ наиболѣе цѣлесообразной будто бы для надлежащаго воздѣйствія на ненавистную Англію; въ этомъ духѣ высказалась и бюджетная комиссія прусской палаты депутатовъ, предлагая въ своей резолюціи не обращать вниманія на возраженія Соединенныхъ Штатовъ. Имперскій канцлеръ вынужденъ былъ напомнить, что внѣшняя политика имперія

не входитъ въ компетенцію прусскаго сейма и подлежитъ обсужденію только въ рейхстагѣ. Изъ этого эпизода можно видѣть, какое непримиримое настроеніе господствуетъ до сихъ поръ въ Германіи, несмотря на обычные толки объ ея жаждѣ скораго мира.

Практика морской войны, усвоенная нѣмцами, допускаетъ злоупотребленія, которыя ничѣмъ не могутъ быть оправданы. Недавно пропалъ безъ вѣсти и считался потопленнымъ британскій пароходъ «Appam» съ 168 пассажирами и 133 человѣками экипажа; между тѣмъ черезъ нѣкоторое время онъ прибылъ въ американскій портъ Норфилькъ, въ Виргиніи, подъ германскимъ флагомъ, въ качествѣ приза, захваченнаго неизвѣстнымъ германскимъ крейсеромъ, который оставилъ на борту «Appam» призовую команду изъ двадцати двухъ матросовъ съ офицеромъ. На суднѣ, кромѣ его собственной команды и пассажировъ, и не считая призового отряда, оказалось еще много лицъ, снятыхъ съ семи другихъ пароходовъ, потопленныхъ тѣмъ же германскимъ крейсеромъ. Нѣмецкій офицеръ отказался назвать имя этого крейсера и требовалъ признанія законности приза. По разсказамъ пассажировъ, они видѣли въ открытомъ морѣ обыкновенный коммерческій пароходъ, который при встрѣчѣ неожиданно открылъ замаскированныя холстомъ орудія и сдѣлалъ два выстрѣла; затѣмъ приблизился къ остановившемуся «Appam»'у и спустилъ шлюпки съ командой, которая подъ предводительствомъ офицера завладѣла судномъ, водрузивъ на немъ германскій флагъ,—послѣ чего таинственный пароходъ удалился; названіе его нельзя было разобрать, а флагъ былъ повидимому шведскій. Приведенный въ портъ въ качествѣ германскаго вспомогательнаго крейсера, «Appam» могъ быть признанъ въ этомъ качествѣ только въ случаѣ признанія его захвата правильнымъ и законнымъ; но все поведеніе невѣдомаго судна представляло собою рядъ беззаконій, напоминающихъ дѣйствія старинныхъ корсаровъ, спеціалистовъ по морскому разбою. Скрывшійся крейсеръ потопилъ семь торговыхъ кораблей только потому, что они шли подъ британскимъ флагомъ, хотя, быть можетъ, съ нейтральнымъ грузомъ; онъ прибѣгалъ къ обману или къ такъ называемой военной хитрости, но все-таки онъ дѣйствовалъ честнѣе подводныхъ лодокъ и не губилъ пассажировъ и команду, а бралъ ихъ къ себѣ, чтобы потомъ сдать ихъ всѣхъ послѣднему захваченному судну, которое и должно было доставить ихъ въ нейтральный портъ.

Такого рода замаскированные крейсера, имѣющіе видъ обыкновенныхъ коммерческихъ пароходовъ подъ шведскимъ или инымъ нейтральнымъ флагомъ, ускользаютъ отъ вниманія и контроля британскаго флота, и могутъ долго и безнаказанно безчинствовать среди океана, не возбуждая никакихъ подозрѣній. Естественно, что англичане

съ своей стороны признаютъ за собою право задерживать всѣ подозрительныя почему-либо нейтральныя коммерческія суда для провѣрки ихъ документовъ и груза, по возможности безъ ущерба для интересовъ нейтральной торговли; но именно примѣненіе этого права вызываетъ въ нейтральныхъ странахъ гораздо большее недовольство, чѣмъ всевозможныя злоупотребленія германскаго подводнаго или иного крейсерства. Дѣло въ томъ, что дѣйствія нѣмцевъ направлены, главнымъ образомъ, противъ британскаго судоходства, мало задѣвая интересы нейтральныхъ,—тогда какъ дѣйствія англичанъ непосредственно нарушаютъ ходъ нейтральной и преимущественно американской торговли. Общественное мнѣніе Англіи недовольно чрезмѣрною мягкостью блокады, имѣющей цѣлью закрыть нейтральнымъ судамъ доступъ къ Германіи; и въ доказательство того, что Германія продолжаетъ получать всѣ нужные ей товары черезъ нейтральныя государства, приводятся цифры привоза американскихъ продуктовъ въ скандинавскія страны: эти цифры возрасли за время войны въ нѣсколько разъ сравнительно съ 1913 годомъ, хотя потребность указанныхъ странъ въ получаемыхъ товарахъ не могла увеличиться въ такой мѣрѣ; отсюда дѣлается выводъ, что въ дѣйствительности значительная часть этихъ товаровъ доставляется въ Германію.

Отвѣчая на эти указанія въ палатѣ общинъ, Эдуардъ Грей объяснилъ, что непомѣрное увеличеніе цифръ привоза изъ Америки въ Скандинавскія страны происходитъ отъ прекращенія вывоза изъ Германіи и другихъ воюющихъ государствъ, и что кажущійся избытокъ этого привоза вовсе не попадаетъ къ нѣмцамъ, которые въ самомъ дѣлѣ лишены возможности получать иностранные товары въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ. Обстоятельная рѣчь британскаго министра въ парламентскомъ засѣданіи 26 (13) января посвящена была подробному разбору правъ нейтральныхъ и энергической защитѣ правъ и интересовъ Англіи по отношенію къ международной торговлѣ. Коснувшись въ концѣ своей рѣчи вопросовъ общей политики, сэръ Эдуардъ Грей сказалъ между прочимъ: «Великія цѣли, къ которымъ мы стремимся, заключаются въ томъ, чтобы въ Европѣ не было такого рода милитаризма, который въ мирное время возбуждалъ бы общую тревогу постоянными угрозами и въ благопріятный для себя моментъ вовлекалъ бы міръ въ войну. Всѣ наши ресурсы употребляются для цѣлей настоящей войны. Максимумъ нашихъ усилій, какъ военныхъ и морскихъ, такъ и финансовыхъ, находится въ распоряженіи нашихъ союзниковъ при поддержаніи этого спора. Съ ними мы пойдемъ до конца, не щадя никакихъ усилій. Мы чувствуемъ, что національная жизнь, какъ и индивидуальная, не имѣла бы цѣнности, если бы мы поколебались въ стремленіи успѣшно достиг-

нуть цѣли этой войны, и въ нашемъ общемъ дѣлѣ значительная часть употребляемыхъ нами усилій будетъ направлена къ тому, чтобы не допустить привоза нужныхъ припасовъ въ непріятельскія страны». Энергическій тонъ британскаго министра вполнѣ соотвѣтствуетъ настроенію англійскаго общества и народа, насколько можно судить по отзывамъ лондонскихъ газетъ. Война окончится не скоро,—это сознается не только въ Англіи, но и въ союзныхъ съ нею странахъ.

Въ теченіе двадцати трехъ лѣтъ мы привыкли видѣть подпись Франсиса Шарма подъ обычными политическими обозрѣніями «Revue des deux Mondes», всегда содержательными и интересными, живо и изящно написанными, часто съ оттѣнкомъ мягкой, остроумной полемики. Въ послѣдней своей хроникѣ, помѣщенной въ первой книжкѣ журнала за текущій годъ, онъ высказываетъ, между прочимъ, нѣсколько меланхолическихъ замѣчаній о «бурномъ водоворотѣ событій, среди котораго мы живемъ и умираемъ». Вторая январская книжка, отъ 15 января, вышла уже съ некрологомъ Франсиса Шарма, написаннымъ Полемъ Леруа-Больё, и съ политическимъ обозрѣніемъ, принадлежащимъ перу Шарля Бенуа. Франсисъ Шармъ умеръ неожиданно, на 68-мъ году жизни, отъ воспаленія легкихъ. Это былъ типическій французскій публицистъ высшаго полета, тонко образованный, привыкшій обсуждать самые щекотливые вопросы въ сдержанной, деликатной формѣ. Онъ началъ свою писательскую карьеру въ газетѣ, издавна славящейся строгимъ соблюденіемъ чистоты и изящества традиціоннаго французскаго стиля,—въ «Journal des Débats», гдѣ писалъ ежедневные политическіе обзоры; въ 1893 году онъ перешелъ въ «Revue des deux Mondes», а послѣ смерти Фердинанда Брюнетьера въ 1906 году сдѣлался главнымъ редакторомъ или директоромъ этого журнала. Онъ былъ академикомъ, какъ и большинство видныхъ сотрудниковъ «Journal des Débats» и «Revue des deux Mondes»; одно время онъ былъ дипломатомъ, и эта старая связь его съ дипломатическимъ вѣдомствомъ отражалась отчасти на его сужденіяхъ о чужихъ внутреннихъ дѣлахъ.

НА ТЕМЫ ДНЯ.

Послѣднія перемѣны въ составѣ министерства.—Свѣтъ, бросаемый прошедшимъ на настоящее.—Прогрессивный блокъ и Государственный Совѣтъ.—Движеніе въ церковной сферѣ.—Постановленія симбирскаго дворянства.—П. А. Ровинскій и Е. В. Павловъ †.

Подходитъ къ концу періодъ перерыва думской сессіи, продолжавшійся, вопреки ожиданіямъ, болѣе пяти мѣсяцевъ—и какихъ мѣсяцевъ! Министерство предстанетъ передъ Думой въ значительно измѣнившемся составѣ: послѣ 3-го сентября назначены вновь министры внутреннихъ дѣлъ, земледѣлія и путей сообщенія, оберъ-прокуроръ св. синода, государственный контролеръ и, наконецъ, предсѣдатель совѣта министровъ. Неизмѣннымъ остался, однако, общій характеръ кабинета; пополненный, за однимъ лишь исключеніемъ [1], изъ среды крайнихъ правыхъ, онъ не имѣетъ ничего общаго съ громаднымъ большинствомъ Думы, по-прежнему образующимъ программно объединенный прогрессивный блокъ. Принципіальное разногласіе не можетъ быть устранено, едва-ли даже можетъ быть смягчено измѣненіемъ формы или тона взаимныхъ отношеній. «Благожелательность»—этотъ модный, въ послѣднее время, терминъ, такъ мало подходящій къ измѣнившимся условіямъ русской государственной жизни,—благожелательность провозглашалась и бывшимъ премьеромъ, отнюдь не мѣшая ему игнорировать желанія и стремленія народнаго представительства. Обрѣсти, съ помощью ея одной, «общій языкъ», одинаково понятный для обѣихъ сторонъ, тѣмъ болѣе—выразить на этомъ языкѣ общія имъ обѣимъ чувства—задача неисполнимая, пока не найдена почва для общей дѣятельности. А для того, чтобы она могла быть найдена, необходимо, по меньшей мѣрѣ,

[1] Новый государственный контролеръ, Н. Н. Покровскій, съ самаго назначенія своего въ Государственный Совѣтъ принадлежалъ къ числу безпартійныхъ его членовъ.

отсутствіе непреодолимыхъ къ тому препятствій въ прошедшемъ ищущихъ ея.

Невелико число лѣтъ, отдѣляющихъ насъ отъ конца минувшаго и начала нынѣшняго вѣка, но многое въ этомъ недавнемъ начинаетъ застилаться дымкою послѣдующихъ событій. На первый взглядъ все совершавшееся въ то время можетъ показаться сплошной реакціей, однообразной и одноцвѣтной. На самомъ дѣлѣ это не совсѣмъ такъ: реакція дѣйствительно была непрерывна, но въ ней были степени, были оттѣнки, было crezcendo и diminuendo. Рѣшающее значеніе въ ту эпоху, еще болѣе чѣмъ теперь, имѣло министерство внутреннихъ дѣлъ, усиленное присоединеніемъ къ нему политической полиціи, внѣдрившееся, черезъ посредство земскихъ начальниковъ, въ самую глубь русской земли. Періодомъ сравнительно умѣреннаго гнета было управленіе И. Л. Горемыкина, продолжавшееся съ 1895 по 1899 г. Нѣкоторая вялость чувствовалась и въ образѣ дѣйствій его предшественника—но то была вялость утомленія, слѣдующаго за побѣдой. Побѣду подготовилъ гр. Д. А. Толстой, но формально одержалъ ее И. Н. Дурново, при которомъ получили утвержденіе и вступили въ силу положенія 1889, 1890 и 1892 г.г. «Успокоеніе», достигнутое этимъ путемъ, продолжалось и при И. Л. Горемыкинѣ; ни въ чемъ—вопреки кое-какимъ ожиданіямъ, возлагавшимся на него, какъ на юриста, хорошо знакомаго съ крестьянскимъ бытомъ,—не уклоняясь отъ унаслѣдованныхъ имъ традицій, кое-въ-чемъ, (напр., въ области печати) даже ихъ обостряя, онъ былъ или, по меньшей мѣрѣ, казался недостаточно твердымъ представителемъ принципа «сильной власти». Осуществить этотъ принципъ были призваны его преемники—Д. С. Сипягинъ и въ особенности В. К. Плеве. Въ ихъ управленіе созрѣли и отчасти стали приводиться въ исполненіе широкіе планы дальнѣйшихъ «преобразованій наоборотъ», направленныхъ преимущественно къ двумъ главнымъ цѣлямъ: къ еще большему, чѣмъ прежде, ограниченію свободы дѣйствій мѣстнаго самоуправленія и къ еще большему, чѣмъ прежде, обособленію народной массы отъ привилегированныхъ сословій. Вокругъ В. К. Плеве сложилась группа исполнителей, проникнутыхъ его идеями и горячо принявшихся за проведеніе ихъ въ жизнь. Къ этой группѣ принадлежали товарищи министра внутреннихъ дѣлъ П. Н. Дурново, А. С. Стишинскій и Н. А. Зиновьевъ, управлявшій земскимъ отдѣломъ В. І. Гурко, директоръ департамента общихъ дѣлъ Б. В. Штюрмеръ. Послѣ смерти В. К. Плеве бо̀льшая часть этихъ лицъ, въ томъ числѣ Б. В. Штюрмеръ, были назначены членами Государственнаго Совѣта. Когда Государственный Совѣтъ получилъ свое настоящее устройство, Б. В. Штюрмеръ примкнулъ къ правымъ и оставался въ ихъ средѣ до

самаго назначенія его предсѣдателемъ совѣта министровъ. По собственнымъ его словамъ [1]), работа въ Государственномъ Совѣтѣ дала ему «полную возможность близко и непосредственно ознакомиться съ сущностью новаго порядка вещей». Внимательно слѣдя за жизнью нашей нижней палаты, онъ «твердо усвоилъ мысль, что, съ введеніемъ въ государственный строй новыхъ законодательныхъ учрежденій, правительство получило полную возможность плодотворной и реальной работы по осуществленію стоящихъ на очереди преобразованій». Что возможность такой работы, благодаря новому государственному строю, имѣется на-лицо—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; но не совсѣмъ ясно, какимъ образомъ ее могло раскрыть передъ Б. В. Штюрмеромъ пребываніе на правомъ крылѣ Государственнаго Совѣта. Развѣ не съ этой стороны шли, въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, препятствія плодотворной работѣ—препятствія, въ большей части случаевъ остававшіяся непреодолѣнными? Развѣ введеніе земскихъ учрежденій въ шести западныхъ губерніяхъ состоялось съ согласія и одобренія верхней палаты? Развѣ прошелъ черезъ нее первоначальный—послѣдовательный и полный—проектъ возстановленія мѣстнаго суда? Развѣ она не наложила своего veto на законопроектъ о волостномъ земствѣ, на законопроектъ о городскомъ самоуправленіи въ Царствѣ Польскомъ? Развѣ она не задержала принятіе рѣшительныхъ мѣръ къ введенію всеобщаго начальнаго обученія, не остановила движеніе законопроектовъ, направленныхъ къ осуществленію начала вѣротерпимости? И это еще не все. Для того, чтобы работа законодательныхъ учрежденій могла быть истинно «плодотворной» и «реальной», необходимо, чтобы между ними не было серьезныхъ разногласій относительно *сущности* установленнаго порядка вещей. У насъ такія разногласія существуютъ, и ни съ чьей стороны толкованіе, въ корнѣ подрывающее этотъ порядокъ, не поддерживается съ большимъ упорствомъ, чѣмъ со стороны правыхъ партій. Не больше, какъ два мѣсяца тому назадъ, на съѣздѣ въ Петроградѣ, это толкованіе было высказано съ полною опредѣленностью въ рѣчи недавняго министра, ставшаго, послѣ смерти П. Н. Дурново, однимъ изъ лидеровъ крайнихъ правыхъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Разногласія этого рода не имѣютъ, очевидно, ничего общаго съ тѣми «мелкими будничными счетами», къ забвенію которыхъ призываетъ Б. В. Штюрмеръ. Онъ надѣется, что между правительствомъ и законодательными учрежденіями не будетъ «взаимной предвзятости, взаимной мелкой подозрительности»; онъ выражаетъ увѣренность, что «въ такое исключительное

[1]) См. бесѣду Б. В. Штюрмера съ представителемъ „Новаго Времени“ въ № 14320 этой газеты.

время, въ какое мы живемъ, каждому изъ насъ меньше всего надо думать о своихъ правахъ и какъ можно больше заботиться объ исполненіи своихъ обязанностей». Въ исчезновеніе «взаимной мелкой подозрительности» повѣрить сравнительно легко, тѣмъ болѣе, что *взаимность* ея едва-ли можно считать доказанною; но отказу отъ «взаимной предвзятости» должно предшествовать сближеніе обѣихъ сторонъ, ожидать котораго нѣтъ, покамѣстъ, достаточныхъ основаній. Если и допустить, что совѣтъ Б. В. Штюрмера: «меньше думать о правахъ, больше—объ обязанностяхъ», одинаково примѣнимъ, съ его точки зрѣнія, и къ правительству, и къ Государственной Думѣ, то все же его цѣлесообразность представляется по меньшей мѣрѣ спорной. Во многихъ случаяхъ право неразрывно связано съ обязанностью; отказъ отъ пользованія первымъ часто является нарушеніемъ послѣдней. Въ особенности это слѣдуетъ сказать о государственныхъ учрежденіяхъ. Частное лицо, отвѣтственное только передъ самимъ собою, можетъ, въ видахъ общей пользы, пожертвовать своимъ личнымъ правомъ; для учрежденія, отвѣтственнаго передъ страною, свобода жертвы существуетъ далеко не всегда. Да и самыя жертвы, на этой почвѣ, слишкомъ легко могутъ оказаться безплодными или прямо идущими въ разрѣзъ съ намѣченною цѣлью...

Незадолго до послѣднихъ перемѣнъ въ составѣ министерства носились зловѣщіе слухи о такомъ, предполагаемомъ, будто бы, ограниченіи срока думской сессіи, которое заставило бы Думу сосредоточиться исключительно на разсмотрѣніи государственной росписи. Слухи эти, къ счастію, не оправдались; но отсюда еще не слѣдуетъ, что предупреждена опасность серьезныхъ разногласій по вопросу о характерѣ и значеніи предстоящей сессіи. Въ бесѣдѣ Б. В. Штюрмера разсмотрѣніе росписи названо «основнымъ долгомъ Государственной Думы». Нисколько не отрицая всю важность этого дѣла, можно находить, что не менѣе важны законодательныя и контрольныя задачи народнаго представительства. Что разсмотрѣніе бюджета «не должно парализовать законодательную дѣятельность Думы», это признаетъ и Б. В. Штюрмеръ; но исключительное время, по его словамъ, налагаетъ свой отпечатокъ даже на законодательное творчество. Теперь, съ его точки зрѣнія, «не время для разрѣшенія многогранныхъ и сложныхъ проблемъ мирнаго уклада государственной жизни Россіи; но все, что въ той или иной мѣрѣ связано съ организаціей побѣды, должно быть и будетъ предложено вниманію законодательныхъ учрежденій». Какъ установить, однако, наличность или отсутствіе этой связи? Не ясно ли, что «предѣлы законодательной дѣятельности», вызываемые «исключительнымъ временемъ», могутъ быть понимаемы и опредѣляемы весьма различно? Между «многогранными проблемами, касающимися

мирнаго уклада», нѣтъ ли такихъ, отъ разрѣшенія которыхъ зависитъ, въ той или другой мѣрѣ, «организація побѣды»? И развѣ разсмотрѣнію законодательныхъ учрежденій подлежитъ только то, что будетъ имъ предложено правительствомъ? Развѣ кругъ занятій Государственной Думы не намѣченъ въ программѣ прогрессивнаго блока? И есть ли хоть какое-нибудь основаніе предполагать, что прогрессивному блоку грозитъ распаденіе, или онъ, оставаясь въ своемъ прежнемъ составѣ, готовъ значительно съузить свои задачи?

Когда, пять мѣсяцевъ тому назадъ, съ образованіемъ блока почти совпалъ роспускъ Думы, прочность новаго союза могла возбуждать серьезныя сомнѣнія. Могло казаться, что съ продолжительностью перерыва сессіи растутъ шансы расхожденія только-что соединившихся, во многомъ глубоко разнородныхъ элементовъ. Надежды однихъ, опасенія другихъ не оправдались; судя по всему, до сихъ поръ извѣстному, никакихъ потерь въ своемъ составѣ прогрессивный блокъ не претерпѣлъ. Уцѣлѣли и всѣ основныя черты его программы; если въ ней, до открытія сессіи, и произойдетъ перемѣна, то отнюдь не въ смыслѣ уменьшенія или ограниченія ея требованій, а въ направленіи прямо противоположномъ. Очень характерны, съ этой точки зрѣнія, заявленія бывшаго правовѣрнѣйшаго «націоналиста», А. И. Савенко, теперь называющаго себя, въ письмѣ на имя редакціи «Земщины» [1]), «крамольнымъ членомъ крамольнаго прогрессивнаго блока». Если бы, по его словамъ, «правительство дѣйствительно пожелало идти рука объ руку съ Государственной Думой и наладить сотрудничество съ ней, то для этого ему не было бы надобности искать какого-то общаго языка, а надо было бы просто заговорить языкомъ прогрессивнаго блока». Не менѣе знаменательно и то, что оффиціальнымъ представителемъ блока является въ настоящее время одинъ изъ видныхъ октябристовъ, С. И. Шидловскій, который и долженъ прочитать съ думской каѳедры, въ самый день открытія сессіи, декларацію блока. Устойчивость союза, соединившаго въ своей средѣ всѣ партіи, кромѣ самыхъ крайнихъ—явленіе совершенно новое въ нашей политической жизни. Не считаться съ нимъ—значитъ закрывать глаза на неотложную задачу настоящей минуты.

---

1) Изъ этого письма видно, между прочимъ, что „Земщина" получаетъ изъ средствъ государственнаго казначейства, начиная съ нынѣшняго года 150 тыс. руб. въ годъ. Раньше эта сумма опредѣлялась, по слухамъ, въ 120 тысячъ. Единственнымъ результатомъ обмѣна мыслей, происходившаго, по этому поводу, между новымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и представителями не субсидированной печати, явилось, такимъ образомъ, не прекращеніе, а увеличеніе пособія, получаемаго систематическими противниками новаго государственнаго строя.

Въ одномъ только отношеніи продолжительность бездумья отразилась, быть можетъ, на судьбахъ прогрессивнаго блока. Пять мѣсяцевъ тому назадъ возможнымъ, близкимъ казалось присоединеніе къ нему большинства Государственнаго Совѣта; теперь оно гораздо менѣе вѣроятно какъ въ виду новыхъ назначеній, усилившихъ правую группу Совѣта, такъ и въ виду давленія, оказаннаго—въ печати и на «черныхъ» съѣздахъ—на назначенныхъ членовъ верхней палаты. Едва-ли, однако, этотъ вопросъ можно считать безповоротно рѣшеннымъ въ отрицательномъ смыслѣ. Многое зависитъ здѣсь отъ впечатлѣнія, которое произведутъ первые дни думской сессіи. Въ составъ прогрессивнаго блока по-прежнему входитъ немалое число членовъ Государственнаго Совѣта; въ бюро блока представлены обѣ палаты. Если вѣсы и не склонятся на его сторону, онъ можетъ располагать въ верхней палатѣ такимъ меньшинствомъ, которое уничтожаетъ нравственную силу рѣшеній большинства... Взаимное отношеніе силъ въ Госуд. Совѣтѣ должно обрисоваться весьма скоро, при разсмотрѣніи принятаго Государственной Думой законопроекта о прогрессивномъ подоходномъ налогѣ. Что противъ него будутъ голосовать всѣ или почти всѣ правые, а также значительная часть такъ называемыхъ нейдгардтцевъ — это не подлежитъ сомнѣнію; но исходъ дѣла будетъ зависѣть, по всей вѣроятности, отъ степени и характера поддержки, которую законопроектъ встрѣтитъ со стороны правительства. Своимъ существованіемъ онъ обязанъ не думской, а правительственной иниціативѣ; но бывали случаи, когда правительственные проекты терпѣли неудачу въ верхней палатѣ при полномъ равнодушіи, иногда, можетъ быть, даже при тайномъ сочувствіи министерства. Пока нѣтъ причины думать, чтобы нѣчто подобное могло повториться въ данномъ случаѣ. Несомнѣнно только одно: со стороны правыхъ законопроектъ о подоходномъ налогѣ встрѣтитъ упорное противодѣйствіе. Сдѣлано будетъ, конечно, все возможное, чтобы замаскировать, скрасить настоящее свойство этого противодѣйствія. Рядомъ съ указаніемъ на техническіе недостатки проекта—все равно, дѣйствительные или мнимые,—уже теперь пускаются въ ходъ соображенія о невозможности скораго осуществленія налога, о незначительности суммы, которую онъ можетъ доставить, о преимуществахъ, представляемыхъ, съ этой точки зрѣнія, единовременнымъ, но крупнымъ военнымъ налогомъ, проектъ котораго, повидимому, и составляется въ средѣ правыхъ Государственнаго Совѣта. Убѣдиться въ несостоятельности этихъ соображеній нетрудно. Прогрессивный подоходный налогъ—существенно важная, необходимая часть разумной налоговой системы, идущей на смѣну нынѣшняго порядка, отяготительнаго для массы населенія и невыгоднаго для государства. Его ставки могутъ

и должны быть постепенно повышаемы; порядокъ его взиманія можетъ и долженъ быть улучшаемъ, согласно съ указаніями опыта. Важно сдвинуть съ мертвой точки вопросъ, возбужденный еще тридцать лѣтъ тому назадъ, при Н. Х. Бунге, впервые поставленный на очередь вслѣдъ за установленіемъ новаго государственнаго строя и цѣлые годы лежавшій погребеннымъ въ думской усыпальницѣ «несвоевременныхъ» мѣропріятій; важно одѣлать первый, наиболѣе трудный шагъ, за которымъ сравнительно легко могутъ послѣдовать всѣ остальные; важно ввести въ жизнь начало прогрессивности обложенія, до сихъ поръ едва намѣченное у насъ въ квартирномъ налогѣ. Нельзя говорить: *или* подоходный, *или* военный налогъ; они оба могутъ и должны быть созданы теперь же, одинъ какъ—постоянная составная часть нормальной финансовой системы, другой—какъ временная мѣра, вызываемая чрезвычайными обстоятельствами. Именно такъ смотрятъ на дѣло тѣ фракціи Государственной Думы, по иниціативѣ которыхъ изготовляется законопроектъ о военномъ налогѣ—и нѣтъ основанія сомнѣваться въ томъ, что онъ встрѣтитъ поддержку съ стороны всего прогрессивнаго блока. Одновременнымъ проведеніемъ обоихъ налоговъ подрывается въ корнѣ все могущее, съ перваго взгляда, показаться вѣскимъ въ аргументаціи правыхъ. Военный налогъ быстро можетъ дать средства необходимыя въ виду военнаго времени, и можетъ дать ихъ въ болѣе крупныхъ размѣрахъ; подоходный налогъ, однажды занявъ мѣсто въ дѣйствующемъ законодательствѣ, сохранитъ его за собой навсегда, все больше и больше его укрѣпляя и расширяя. Недавнее прошлое служитъ, въ этомъ отношеніи, предостереженіемъ для будущаго: слишкомъ легко можетъ случиться, что упущенная удобная минута повторится не скоро. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что именно на это разсчитываютъ противники подоходнаго налога; не рѣшаясь, при данныхъ обстоятельствахъ, напасть на него съ фронта, они стараются обойти его съ фланговъ и тыла, выдвигая вмѣсто него военный налогъ. Не слишкомъ ли элементарна, однако, эта хитрость, и можетъ ли она ввести въ заблужденіе хоть кого-либо изъ непредубѣжденныхъ свидѣтелей боя?.. Въ недавней своей бесѣдѣ съ представителями печати предсѣдатель Госуд. Совѣта, А. Н. Куломзинъ, высказалъ мысль, что судьбу законопроекта о подоходномъ налогѣ предрѣшить очень трудно, такъ какъ онъ «заключаетъ въ себѣ нѣсколько положеній, представляющихся весьма спорными». Едва-ли, однако, въ этомъ заключается трудность, о которой говоритъ А. Н. Куломзинъ. Спорныя положенія встрѣчаются во всякомъ сколько-нибудь важномъ законопроектѣ; но это далеко не всегда исключаетъ возможность болѣе или менѣе правдоподобныхъ догадокъ объ исходѣ дѣла. Въ настоящемъ случаѣ загадочность судьбы законопроекта зависитъ не отъ какихъ-

либо его дефектовъ, а отъ невыясненности численнаго отношенія партій въ Госуд. Совѣтѣ... А. Н. Куломзинъ указываетъ еще на одно затрудненіе, могущее отразиться на судьбѣ законопроекта. Докладчикомъ его долженъ былъ выступить Н. Н. Покровскій, «пользующійся авторитетомъ и симпатіями среди большинства членовъ Госуд. Совѣта»; но онъ назначенъ государственнымъ контролеромъ, и потому обязанности докладчика должны перейти къ другому лицу. «Правда,—продолжаетъ А. Н. Куломзинъ,—оставаясь членомъ Госуд. Совѣта, Н. Н. Покровскій, и будучи въ рядахъ правительства, сможетъ выступать съ совѣтской каѳедры при обсужденіи составленнаго имъ проекта [1]); но, конечно, онъ уже не сможетъ давать тѣ необходимыя разъясненія по отдѣльнымъ статьямъ, которыя онъ несомнѣнно представилъ бы какъ докладчикъ. Невозможность для автора проекта лично докладывать его Госуд. Совѣту естественно затрудняетъ прохожденіе самаго проекта». Не преувеличена ли въ этихъ словахъ роль докладчика? Во многихъ случаяхъ, конечно, онъ лучше, чѣмъ кто бы то ни было, можетъ разъяснить значеніе тѣхъ или иныхъ деталей, доказать необходимость той или иной отдѣльной статьи; но сказать все нужное для защиты основныхъ положеній проекта можетъ, наравнѣ съ докладчикомъ, всякій другой ораторъ, одинаково знакомый съ дѣломъ и одинаково желающій его успѣха. Слѣдуетъ надѣяться, что такимъ ораторомъ, при разсмотрѣніи законопроекта о подоходномъ налогѣ, явится Н. Н. Покровскій. Ничто не мѣшаетъ ему принять участіе не только въ общихъ преніяхъ, но и въ обсужденіи каждой статьи законопроекта. Подводнымъ камнемъ, грозящимъ законопроекту о подоходномъ налогѣ, представляется, притомъ, не та или иная его подробность, которую съ наибольшимъ успѣхомъ могъ бы освѣтить докладчикъ - другъ, а самая его основа, идущая въ разрѣзъ съ интересами и предразсудками немногочисленныхъ, но вліятельныхъ и властныхъ общественныхъ группъ [2]).

Въ той же бесѣдѣ А. Н. Куломзина перечислены законопроекты, подлежащіе, въ теченіе ближайшей сессіи, разсмотрѣнію Госуд. Совѣта. Сюда относятся, кромѣ законопроекта о подоходномъ налогѣ, положеніе о телефонныхъ сообщеніяхъ, о переходѣ торгово-промышленныхъ предпріятій, о возмѣщеніи за вредъ и убытки, причиненные неправильными дѣйствіями должностныхъ лицъ, объ учрежденіи работныхъ

---

[1]) Здѣсь идетъ рѣчь, очевидно, о составленіи первоначальнаго проекта, внесеннаго въ думу министерствомъ финансовъ и значительно измѣненнаго думскою финансовою комиссіею.

[2]) Если докладчикомъ на мѣсто Н. Н. Покровскаго будетъ выбранъ какъ сообщается въ газетахъ, проф. А. В. Васильевъ, то въ положеніи вещей и съ этой стороны перемѣны къ худшему не произойдетъ.

домовъ, объ уголовной отвѣтственности за праздношатаніе, о съѣздѣ золото - и платинопромышленниковъ, объ учрежденіи пенсіонной кассы для учителей и учительницъ церковно-приходскихъ школъ. Немного между этими законопроектами такихъ, которые имѣютъ прямое отношеніе къ войнѣ, къ «организаціи побѣды». Если Госуд. Совѣтъ приступитъ къ осуществленію программы, намѣченной его предсѣдателемъ, то министерству нелегко будетъ возражать противъ расширенія круга занятій Государственной Думы.

Своеобразное, во многихъ отношеніяхъ неясное движеніе происходитъ, съ нѣкоторыхъ поръ, въ средѣ высшаго православнаго духовенства и въ вѣдомствѣ православнаго исповѣданія. Параллельно съ быстрыми перемѣнами въ составѣ синодальной оберъ-прокуратуры совершаются перемѣны въ составѣ присутствія синода. Законопроектъ объ устройствѣ православнаго прихода, нѣсколько разъ, въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, подвергавшійся кореннымъ передѣлкамъ, то берется назадъ изъ Госуд. Думы, то вновь вносится въ нее. Противникомъ проекта, въ настоящемъ его видѣ (т.-е. въ редакціи В. К. Саблера-Десятовскаго, одобряемой, повидимому, А. Н. Волжинымъ), является митрополитъ петроградскій Питиримъ, опредѣленно высказавшійся по этому поводу въ статьѣ, напечатанной въ «Новомъ Времени». Въ виду интереса, возбуждаемаго этимъ выступленіемъ и его ближайшимъ результатомъ (замѣчаніемъ, объявленнымъ митрополиту синодальнымъ оберъ-прокуроромъ), нелишнимъ будетъ привести отрывокъ изъ бесѣды сотрудника «Биржевыхъ Вѣдомостей» [1]) съ «рясофорнымъ лицомъ, близко стоящимъ къ синодальнымъ сферамъ». На вопросъ, къ какому изъ теченій, существующихъ въ нашей духовной средѣ, принадлежитъ митрополитъ Питиримъ, это лицо отвѣчало такъ: «Съ одной стороны митрополитъ Питиримъ составляетъ либеральные проекты, ратуетъ за внутреннюю церковную независимость національныхъ церквей, настаиваетъ на открытіи опальной кутаисской духовной семинаріи—а съ другой стороны поддерживаетъ въ синодѣ протоіерея Восторгова, отъ котораго отшатнулся даже митрополитъ Макарій... Митрополитъ Питиримъ заявляетъ, что духовенство должно быть внѣ политики и, слѣдовательно, для него нѣтъ ни лѣвыхъ, ни правыхъ, а только интересы церкви. Такъ ли это—покажетъ будущее». Статья о приходѣ во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что новый митрополитъ петроградскій не сочувствуетъ рутинѣ, установившейся въ церковной жизни и находящей точку опоры въ тради-

---

[1]) См. № 15356 этой газеты.

ціяхъ побѣдоносцевской эпохи. «Повести къ оживленію, оздоровленію и нормальному теченію приходской жизни» можетъ, по его убѣжденію, только «возсозданіе приходскаго самоуправленія и предоставленіе прихожанамъ непосредственнаго участія въ избраніи клириковъ и какъ въ собираніи, такъ и въ расходованіи приходскаго имущества». Находя, что новое взятіе назадъ законопроекта замедлило бы ходъ необходимой реформы, митрополитъ Питиримъ разсчитываетъ на коренное исправленіе его самою Думой. Необходимо лишь—говоритъ онъ, — «чтобы синодъ предоставилъ оберъ-прокурору право не отстаивать проектъ во всей его неприкосновенности, но принимать тѣ поправки, какія будутъ внесены Думой, не выходя, однако, изъ предѣловъ первоначальнаго приходскаго устава, выработаннаго (нѣсколько лѣтъ тому назадъ) предсоборнымъ присутствіемъ». Послѣдняя оговорка показываетъ съ достаточною ясностью, что ничего безусловно-новаго, ничего идущаго въ разрѣзъ съ основами церковнаго устройства митрополитъ не предлагаетъ; онъ только стоитъ за возвращеніе къ тому, что было намѣчено въ короткій моментъ пробужденія среди духовенства свободнаго почина и самостоятельной мысли. Противъ чего же погрѣшила статья высокопоставленнаго іерарха? Противъ дисциплины, требующей подчиненія вѣдомственному начинанію или, по меньшей мѣрѣ, почтительнаго умалчиванья его недостатковъ? Неужели этому требованію должно уступить чувство долга? Чѣмъ выше положеніе, тѣмъ серьезнѣе связанная съ нимъ нравственная отвѣтственность. Или, быть можетъ, предосудительно, въ данномъ случаѣ, обращеніе къ гласности? Быть можетъ, противодѣйствіе законопроекту, признаваемому нецѣлесообразнымъ и вреднымъ, слѣдовало облечь въ форму закулиснаго похода, не грозящаго нарушеніемъ чьего-либо оффиціальнаго авторитета? Открыто утверждать что-нибудь подобное едва-ли кто-либо рѣшится. Далекій отъ политики, митрополитъ Питиримъ беретъ дѣйствительность, какъ она есть. Онъ знаетъ, что судьба законопроекта о приходѣ зависитъ, отчасти, отъ Госуд. Думы—и разсчитываетъ найти въ ней ту поддержку, которой не встрѣчаетъ, повидимому, вокругъ себя. И для такого разсчета имѣется основаніе: перемѣны въ законопроектѣ, желательныя съ точки зрѣнія митрополита Питирима, не имѣютъ ничего общаго съ специфически корпоративными интересами и взглядами... Само собою разумѣется, что свободу думскаго рѣшенія не долженъ стѣснить и проектъ предсоборнаго присутствія. Если бы реформа, благопріятная для приходскаго самоуправленія, могла быть проведена до общихъ выборовъ 1917-го года, это сдѣлало бы невозможнымъ или, по меньшей мѣрѣ, до крайности затруднило бы повтореніе «мобилизаціи» церковнаго войска, произведенной четыре года тому назадъ.

Чѣмъ шире и прочнѣе самостоятельность духовенства, тѣмъ труднѣе насильственное вовлеченіе его въ борьбу изъ-за чуждыхъ или прямо антипатичныхъ ему политическихъ цѣлей.

Чрезвычайно характерны постановленія, состоявшіяся на дняхъ въ очередномъ симбирскомъ дворянскомъ собраніи. По предложенію депутатскаго собранія, оно *единогласно* опредѣлило возбудить ходатайство о возстановленіи въ утраченныхъ правахъ и возвращеніи въ симбирское дворянское общество бывшихъ депутатовъ-перводумцевъ, подписавшихъ «выборгское воззваніе» — И. И. Метальникова, кн. С. М. Баратаева и В. И. Фатьянова. Большинствомъ голосовъ рѣшено не выходить изъ организаціи объединеннаго дворянства и даже просить вышедшія общества вернуться вновь, чтобы безотлагательно потребовать созыва съѣзда для выясненія взглядовъ всего дворянства на современное положеніе вещей и для реорганизаціи совѣта дворянскихъ съѣздовъ. Единогласно принята редакція письма г. Струкову, въ которомъ симбирское дворянство не соглашается со «струковскимъ взглядомъ», что только проявленіе «твердой власти» является вѣрнымъ и исчерпывающимъ средствомъ достиженія спокойствія въ странѣ», и указываетъ, что «совѣтъ объединеннаго дворянства просмотрѣлъ главнѣйшіе моменты сложныхъ переживаній родины». Широко распространилось и глубоко проникло новое общественное настроеніе, если столь явный его слѣдъ носятъ на себѣ постановленія одного изъ наиболѣе консервативныхъ дворянствъ имперіи. Не легко ему было, по всей вѣроятности, сознаться въ своемъ тяжкомъ грѣхѣ передъ справедливостью и даже передъ закономъ—и тѣмъ не менѣе оно облекло это сознаніе въ форму единогласнаго рѣшенія, признавъ, тѣмъ самымъ, что расхожденіе въ политическихъ взглядахъ не имѣетъ ничего общаго съ «безчестнымъ поступкомъ». Нельзя предположить, конечно, чтобы совѣтъ или съѣздъ объединеннаго дворянства, хотя бы и въ значительно измѣненномъ составѣ, могъ дать правильную и всестороннюю оцѣнку всѣхъ «главныхъ переживаній страны»; но хорошо уже и то, что поколебалась вѣра въ твердую власть, какъ въ «исчерпывающее средство» достиженія спокойствія въ государствѣ...

Скончавшійся недавно въ глубокой старости П. А. Ровинскій извѣстенъ, главнымъ образомъ, какъ изслѣдователь возрождающагося южнаго славянства, въ особенности Черногоріи, которой онъ посвятилъ крупный научный трудъ; но въ памяти старѣйшихъ изъ числа

его современниковъ живетъ и память о тѣхъ годахъ (1874—1878), которые онъ посвятилъ завѣдыванію колоніей малолѣтнихъ преступниковъ (въ окрестностяхъ Петербурга). Первыми ея директорами были такіе замѣчательные педагоги, какъ Резенеръ и Гердъ; Ровинскій явился достойнымъ ихъ продолжателемъ, и колонія при немъ оставалась однимъ изъ лучшихъ учрежденій этого рода. Въ нашемъ журналѣ П. А. помѣстилъ цѣлый рядъ статей: «Два мѣсяца въ Сербіи» (1868, ноябрь); «Чехи въ 1848 и 1849 г.г.» (1870, янв. и февр.); «Бѣлградъ, его устройство и общественная жизнь» (1870, апрѣль и май); «Мои странствованія по Монголіи» (1874, іюль); «Воспоминанія изъ путешествія по Сербіи въ 1867 г.» (1875, ноябрь и декабрь); «Сербская Морава. Воспоминанія изъ путешествія по Сербіи» (1876, апрѣль).

Какой потерей для русской медицинской науки и практики является смерть Е. В. Павлова—это знаютъ всѣ. Гораздо менѣе оцѣнена одна сторона его общественной дѣятельности, ярко освѣщенная въ надгробной рѣчи О. О. Грузенберга. Соглашаясь выступить въ качествѣ эксперта по дѣлу Бейлиса, Е. В., конечно, зналъ, какими потоками грязи онъ будетъ облитъ на судѣ, какимъ оскорбленіямъ подвергнется со стороны реакціонной печати. Это не помѣшало ему взять на себя тяжелую задачу и безукоризненно ее исполнить. «По первому моему зову» — говоритъ О. О. Грузенбергъ,— «онъ бросилъ огромную практику, любимую больницу, домашній уютъ и поспѣшилъ въ Кіевъ. Не знающій никакихъ дѣленій на партіи, правый по воспитанію и основнымъ убѣжденіямъ, онъ потерялъ покой съ того дня, какъ познакомился со слѣдственными актами, понялъ, какъ врачъ, и почувствовалъ, какъ человѣкъ, что готовится гибель невиновнаго. Что привело его въ кіевскій судъ? Матеріальный разсчетъ? Клянусь надъ его могилой, что онъ отвергъ не только вознагражденіе за огромный трудъ и потерю практики, но даже отказался отъ возмѣщенія путевыхъ расходовъ. Быть можетъ, его влекли политическія страсти или личныя связи съ евреями? Чуждый политикѣ, онъ также былъ далекъ и отъ евреевъ. Почему же онъ, привыкшій къ общему поклоненію, любви и уваженію, отдалъ свое честное имя на растерзаніе?—недоумѣвающе спрашиваютъ равнодушные и спокойные. Почему весною разливается рѣка, питаетъ луга, раститъ травы, почему грѣетъ солнце, почему такъ щедро, довѣрчиво и радостно оно даритъ всѣмъ свои лучи? Когда чуткую душу Е. В. ударила, какъ Божій громъ, обида несправедливаго обвиненія, она зажглась великимъ негодованіемъ, и, охваченный этой болью, онъ думалъ только объ одномъ—остаться, какъ всегда и во всемъ, равнымъ самому себѣ. И онъ не отступилъ». Нужно надѣяться, что эти слова не будутъ забыты ни біографами Е. В.

Павлова, ни историками той печальной эпохи, которой обязанъ своимъ происхожденіемъ и всѣми своими особенностями достопамятный кіевскій процессъ.

P.S. Финансовая комиссія Государственнаго Совѣта представила докладъ, вполнѣ благопріятный для законопроекта о подоходномъ налогѣ. Усматривая въ немъ нѣкоторые дефекты, комиссія находитъ, что они не имѣютъ существеннаго значенія и могутъ быть исправлены впослѣдствіи. Съ подоходнымъ налогомъ вполнѣ совмѣстимъ, по мнѣнію комиссіи, временной военный налогъ. Падаетъ, такимъ образомъ, послѣдній благовидный предлогъ для отклоненія подоходнаго налога, и лицомъ къ лицу остаются два прямо противоположные взгляда на задачи податного обложенія и на обязанности плательщиковъ по отношенію къ государству и народу.

К. Арсеньевъ.

ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

Разбойничья угроза по адресу всероссійскаго земскаго союза.—Рапортъ сен. Крашенинникова о майскихъ безпорядкахъ въ Москвѣ.—Бездѣйствіе власти или завѣдомое попустительство?—Городскіе выборы въ Петроградѣ.—Графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ, П. А. Потѣхинъ и Е. Г. Шольпъ †.

Въ разбрасываемыхъ съ аэроплановъ прокламаціяхъ, нѣмцы объявили новую разбойническую угрозу. Они грозятъ подвергать повѣшенію всѣхъ представителей всероссійскаго земскаго союза помощи больнымъ и раненымъ воинамъ, ибо союзъ, по ихъ заявленію, снабжаетъ армію боевыми припасами.

Въ этой угрозѣ есть двѣ стороны. Во-первыхъ, нѣмцы совершенно невѣрно приписываютъ земскому союзу, какъ организаціи, работающей подъ флагомъ Краснаго Креста и обслуживающей дѣло помощи больнымъ и раненымъ воинамъ, боевое снабженіе арміи. Во-вторыхъ, они грозятъ представителямъ союза повѣшеніемъ. Если бы къ пріемамъ веденія войны нашими противниками вообще были приложимы предположенія о добросовѣстномъ заблужденіи, то въ отношеніи ихъ заявленій о томъ, что земскій союзъ обслуживаетъ дѣло снабженія арміи, можно было бы сказать, что здѣсь приходится видѣть очевидное недоразумѣніе, объясняемое недостаточнымъ знакомствомъ германцевъ съ нашими, созданными войной, общественными организаціями. Что касается угрозы повѣшеніемъ, то это есть именно угроза разбойничья, такъ какъ для нея нѣтъ и не можетъ быть никакого оправданія.

У насъ существуютъ два обособленныхъ единенія—земскихъ учрежденій и городовъ. Одно преслѣдуетъ помощь больнымъ и раненымъ воинамъ; другое—помощь арміи, въ формѣ снабженія боевыми и другими припасами. Оба единенія, правда, именуются союзами, земскими и городскими, и отсюда вытекаетъ возможность ихъ смѣшенія. Но, въ дѣйствительности, единенія работаютъ раздѣльно, и только въ цен-

трѣ, во главѣ ихъ стоятъ тѣ же самыя лица, и то далеко не всѣ. Въ дѣлѣ помощи больнымъ и раненымъ воинамъ земскій и городской союзы дѣйствуютъ одинъ отъ другого совершенно независимо. Въ дѣлѣ снабженія арміи земства и города дѣйствуютъ, какъ одна общая организація. И ужъ этотъ признакъ, полагаемъ, служитъ достаточнымъ показателемъ, что снабженіе арміи боевыми припасами производится единеніями земскихъ учрежденій и городовъ отнюдь не подъ флагомъ Краснаго Креста.

Въ этомъ смыслѣ наше главное управленіе Краснаго Креста поспѣшило оповѣстить комитеты Краснаго Креста въ Женевѣ и въ нейтральныхъ странахъ о неправильности утвержденія германскихъ военныхъ властей, будто бы русскія общественныя организаціи содѣйствуютъ снабженію арміи, явно нарушая правила женевской конвенціи. Но возымѣетъ ли этотъ протестъ дѣйствіе—большихъ надеждъ возлагать не приходится. Ибо продолжавшійся цѣлый годъ плѣнъ гласнаго петроградской городской думы Маркозова, захваченнаго въ моментъ исполненія обязанностей уполномоченнаго Краснаго Креста, равно продолжающееся содержаніе въ плѣну уполномоченнаго земскаго союза Федоровскаго, бывшаго начальникомъ передового перевязочнаго отряда, и длинный рядъ аналогичныхъ примѣровъ—слишкомъ ярко свидѣтельствуютъ, что нѣмцы еще съ первыхъ дней войны освободили себя отъ обязанности предоставлять преимущества нейтралитета персоналу учрежденій, имѣющихъ флагъ Краснаго Креста. А потому, если, согласно своимъ прокламаціямъ, они станутъ задерживать представителей всероссійскаго земскаго союза, то это будетъ лишь продолженіемъ той самой практики, которой они держались и до объявленія своей разбойничьей угрозы.

Но неисполненіе женевской конвенціи, въ видѣ отказа предоставлять преимущества нейтралитета персоналу учрежденій Краснаго Креста, есть одна форма нарушенія международныхъ обязательствъ, а угроза повѣшеніемъ—другая, неизмѣримо еще болѣе возмутительная. Могутъ ли нѣмцы подвергать повѣшенію тѣхъ попавшихъ въ ихъ власть представителей общественныхъ организацій, которые служатъ дѣлу снабженія арміи, хотя бы боевыми припасами? Международные договоры и обязательства даютъ на этотъ вопросъ совершенно категорическій отрицательный отвѣтъ.

Суду арміи захватившаго и смертной казни, согласно конвенціи, заключенной въ Гаагѣ въ 1907-мъ году, могутъ быть подвергаемы исключительно одни шпіоны, т.-е. лица, тайнымъ образомъ или подъ ложными предлогами собирающія свѣдѣнія въ районѣ дѣйствій непріятеля. Лица, служащія при складахъ и транспортахъ боевого снаряженія, или даже такія лица, которыя въ моментъ захвата подвозили снаряды

къ позиціямъ и окопамъ, очевидно—не шпіоны, ибо ихъ дѣйствія не соотвѣтствуютъ ни одному признаку дѣйствій шпіонническихъ. Въ районъ непріятельскаго расположенія они проникать не стремятся, никакихъ свѣдѣній ни о комъ не собираютъ, ничего тайнымъ образомъ или подъ ложными предлогами не дѣлаютъ. Но этого мало. Конвенція съ полной точностью опредѣляетъ, что всякаго рода поставщики арміи, въ случаѣ захвата въ плѣнъ, если будетъ признано полезнымъ ихъ задержать, пользуются правами военноплѣнныхъ.

Такимъ образомъ, представители на театрѣ военныхъ дѣйствій тѣхъ единеній земскихъ учрежденій и городовъ, которыя ведутъ дѣло помощи больнымъ и раненымъ воинамъ, никакимъ мѣрамъ непріятельскаго воздѣйствія, въ томъ числѣ захвату въ плѣнъ, не подлежатъ. Представители же общественныхъ единеній,—земскаго, городского, военно-промышленнаго и т. п.,—содѣйствующихъ боевому снабженію арміи, могутъ быть захватываемы въ плѣнъ, «если будетъ признано полезнымъ ихъ задержать», но при захватѣ должны пользоваться правами военноплѣнныхъ. Такъ гласитъ не допускающая никакихъ сомнѣній азбука права войны. Ибо кто бы ни поставлялъ на армію предметы продовольствія, снаряженія, снабженія или вооруженія, онъ безразлично соотвѣтствуетъ понятію поставщика,—будетъ ли то профессіональный коммерсантъ-подрядчикъ, преслѣдующій личную наживу, или общественная организація, создавшаяся во имя патріотическаго долга. И какъ приказчикъ перваго, такъ и представитель второй, суть лица, по роду дѣятельности, ничего не имѣющія общаго со шпіонами и никакимъ карамъ, по волѣ захватившаго, не подлежащія.

Примѣненіе нѣмцами угрозы,—первый случай повѣшенія захваченнаго въ плѣнъ уполномоченнаго всероссійскаго земскаго союза помощи больнымъ и раненымъ воинамъ, или хотя бы уполномоченнаго всероссійскаго земскаго союза по снабженію арміи,—будетъ безпримѣрнымъ разбойническимъ актомъ въ современной войнѣ. Этимъ актомъ нѣмцы до конца докажутъ, что ихъ войска—полчища Аттилы. Но они уже не разъ проявляли неограниченныя и невѣроятныя возможности въ пріемахъ и способахъ веденія войны. И главное управленіе Краснаго Креста не напрасно предупредило общественныя организаціи о возможности для нихъ «ужасныхъ послѣдствій» работы на фронтахъ. Конечно, обслуживаніе общественными организаціями арміи отъ этого не прекратится и не сократится. Энергія представителей союзовъ, напротивъ, еще болѣе повысится. Имъ только рекомендована большая осторожность.

Въ цѣломъ рядѣ приказовъ по московской полиціи, изданныхъ въ предвидѣніи возможныхъ безпорядковъ, генералъ Адріановъ объявлялъ о безусловной недопустимости употребленія оружія и предлагалъ дѣйствовать на толпу словами увѣщанія. И въ тѣхъ выдержкахъ изъ рапорта сенатора Крашенинникова, которыя обошли всѣ газеты, были приведены два факта, особенно ярко иллюстрирующіе примѣненіе этого способа предупрежденія погромовъ. Одинъ фактъ касается городового, стоявшаго на посту около Лубянской площади. Другой—самого генерала Адріанова.

Городовому удалось найти аргументацію, которая столь рѣшительно подѣйствовала на погромщиковъ, что охранявшійся имъ домъ испанскаго консула Бауера разгромленъ не былъ. Каждый разъ, когда «скопище» обнаруживало намѣреніе разгромить магазины въ домѣ Бауера, городовой встрѣчалъ толпу заявленіемъ, что Бауеръ не нѣмецъ. «Какъ же не нѣмецъ—возражали ему—если онъ Карла?»—«Хотя онъ и Карла—отвѣчалъ городовой—да не съ воюющей стороны». И далѣе продолжалъ:—«Видите: флагъ Испано-Португалія развивается, а это—дружественная держава. Невоюющую державу дѣлать врагомъ нехорошо»... Градоначальнику же находить соотвѣтственную аргументацію не удавалось. Уговаривая толпу своимъ образнымъ языкомъ, городовой съ поста не сходилъ и къ «скопищу» не присоединялся. А генералъ Адріановъ, въ цѣляхъ воздѣйствія на погромщиковъ, даже шелъ съ ними одно время по Мясницкой. Когда предшествуемая имъ толпа остановилась у магазина одной фирмы и отдѣлившійся отъ толпы хулиганъ вошелъ въ магазинъ «провѣрять документы», генералъ Адріановъ обратился къ толпѣ со слѣдующими словами: «Господа, эта фирма русская, пойдемте дальше». Толпа его послушалась, этотъ магазинъ громить не стала, двинулась и разгромила магазины, расположенные «дальше». Но и тотъ магазинъ, отъ котораго генералу Адріанову удалось-было увести толпу, не избѣгъ общей участи: погромщики вернулись и его тоже уничтожили.

Эта фраза генерала Адріанова, сказанная толпѣ погромщиковъ на второй день безпорядковъ, уже послѣ того, какъ разгромлено было чуть не полъ-Москвы, по крайней мѣрѣ окраинной, и послѣ того, какъ совершены были звѣрскія убійства,—эта фраза: «господа, это фирма русская, пойдемте дальше»,—въ сущности, покрываетъ собою всѣ другія данныя, собранныя сенаторомъ Крашенинниковымъ. Дѣйствительно, могла ли толпа понять такую фразу иначе, какъ, если не прямое разрѣшеніе, то какъ молчаливое согласіе полиціи на разгромъ не-русскихъ фирмъ? Могла ли толпа не считать, что она дѣлаетъ патріотическое дѣло, когда она видѣла, что вмѣстѣ съ нею идетъ съ непокрытой головой высшій представитель полицейской власти?

Владѣльцу одной изъ крупнѣйшихъ мануфактуръ въ Москвѣ, Н. И. Прохорову, на мольбу его остановить движеніе толпы, генералъ Адріановъ отвѣчалъ: «Когда толпа ходитъ съ портретомъ Государя, поетъ «Боже, Царя храни» и «Спаси, Господи, люди Твоя»,—тогда я готовъ передъ нею выстроиться и разгонять ее не стану». Это было въ самомъ началѣ безпорядковъ. Но и тогда, когда безпорядки бушевали во-всю, генералъ Адріановъ не измѣнилъ своего пониманія отношенія къ толпѣ, которая поетъ молитву и народный гимнъ и ходитъ съ портретомъ Государя,—что бы такая толпа ни дѣлала. Толпу, о которой и онъ, и вся Москва уже знали, что она грабитъ, поджигаетъ дома и убиваетъ людей, градоначальникъ характеризовалъ главноначальствующему, какъ толпу «веселую, патріотически настроенную». И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ повторилъ то самое, что говорилъ наканунѣ Н. И. Прохорову: «Нельзя же стрѣлять по толпѣ, манифестирующей съ портретами Его Величества». На эти слова лица, не менѣе, чѣмъ онъ, стоящія внѣ возможности какихъ бы то ни было политическихъ подозрѣній, ему справедливо отвѣчали, что нельзя же допустить смертоубійства подъ портретомъ Государя. Но генералъ Адріановъ остался при своемъ воззрѣніи.

Это воззрѣніе и послѣдовательность въ его проведеніи вскрываетъ одинъ изъ коренныхъ дефектовъ нашей полицейской организаціи. Полиція, какъ и войско, должна быть совершенно чужда политики. И бушующая толпа въ глазахъ полиціи должна быть только безпорядочнымъ, неорганизованнымъ скопищемъ людей, за которымъ необходимо неотступно наблюдать, дабы имѣть возможность въ каждый моментъ предупредить и пресѣчь возможные эксцессы. У насъ же, на высшихъ ступеняхъ организаціи, власть полицейская сливается съ властью административнополитической. И отсюда вытекаетъ, что высшіе мѣстные представители полиціи различаютъ толпу отъ толпы не по степени опасности порядка для жизни и имущества населенія, а по ея политическимъ тенденціямъ. Если въ толпѣ господствуютъ однѣ политическія тенденціи, то въ нее производится стрѣльба въ первую же минуту ея образованія, хотя бы то была ничѣмъ не обнаруживающая опасности, мирная манифестація; если же въ толпѣ господствуютъ другія,—то репрессія появляется тогда, когда бываетъ поздно. Такъ гласитъ широкій опытъ печальной памяти еврейскихъ погромовъ. Такъ развернулись въ безобразную картину майскіе безпорядки въ Москвѣ.

Городовой на Лубянкѣ, дѣйствуя на толпу аргументами политическаго свойства, откровенно находился въ положеніи человѣка, исполняющаго приказъ и сумѣвшаго этотъ приказъ весьма хитроумно исполнить. Градоначальникъ же, генералъ Адріановъ, какъ онъ нынѣ утверждаетъ

въ свое оправданіе, тоже имѣлъ приказъ министра внутреннихъ дѣлъ,—приказъ ни въ какомъ случаѣ не пускать въ дѣло оружія при подавленіи безпорядковъ, возникшихъ на почвѣ злобнаго чувства въ отношеніи непріятельскихъ подданныхъ. Но онъ не былъ въ дни московскихъ безпорядковъ лишь слѣпымъ исполнителемъ полученнаго приказанія. Онъ возвелъ значеніе приказанія на степень непререкаемой для себя и для своихъ подчиненныхъ истины. Онъ всего себя вкладывалъ въ осуществленіе содержанія приказанія. Онъ нашелъ политическое оправданіе обреченію полиціи на бездѣйствіе. И если онъ не замѣтилъ, какъ отъ запрета стрѣлять сдѣлалъ шагъ къ тому, чтобы уговаривать толпу словами: «пойдемте дальше»,—то, конечно, о безотвѣтственности его не можетъ быть и рѣчи.

Какъ извѣстно, къ отвѣту по дѣлу въ гражданскомъ порядкѣ привлеченъ потерпѣвшими и бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ Н. А. Маклаковъ. Право потерпѣвшихъ на предъявленіе къ нему иска еще сенатомъ не признано. Но сущность данныхъ Н. А. Маклаковымъ объясненій была уже въ газетахъ воспроизведена. И изъ того, что приходилось читать объ избранномъ имъ способѣ защиты, въ связи съ способомъ защиты генерала Адріанова, возникаетъ второй вопросъ общаго порядка.

Наши высшіе администраторы, губернаторы и министры, ни о чемъ такъ не любятъ говорить, какъ о лежащей на нихъ отвѣтственности. И когда слѣва раздаются голоса о проблематичности ихъ отвѣтственности, то справа всегда появляются негодующія возраженія. Не станемъ пока гадать, будутъ ли въ концѣ концовъ подвергнуты уголовной или имущественной отвѣтственности за московскіе майскіе безпорядки А. А. Адріановъ и Н. А. Маклаковъ. При настоящемъ положеніи дѣла невольно останавливаетъ вниманіе нѣчто другое. Произошли безобразные безпорядки, сопровождавшіеся причиненіемъ убытковъ на пятьдесятъ милліоновъ рублей, грабежемъ, поджогами и лишеніемъ жизни нѣсколькихъ лицъ. Безпорядки произошли при безспорно установленномъ отсутствіи противодѣйствія со стороны полиціи. Столь же безспорно установлено, что указанія свыше исходили и отъ министра внутреннихъ дѣлъ, и отъ градоначальника. И оба представителя власти оправдываются перенесеніемъ отвѣтственности съ одного на другого. Ни одинъ не говоритъ просто и коротко: «я виноватъ». Оба, слѣдовательно, считаютъ себя, передъ своей совѣстью, невиновными. Что же это за отвѣтственность, о которой такъ много говорятъ, которою оправдываютъ снабженіе высшихъ администраторовъ чрезвычайными полномочіями и которая, какъ только конкретно всталъ о ней вопросъ, разлетѣлась, какъ дымъ? Кто же виноватъ въ томъ, что произошло? Министръ говоритъ: «не я». Градоначальникъ гово-

ритъ: «не я». Такъ кто же? Неужели опять и опять «стрѣлочникъ»?

Мы хорошо знаемъ, что въ спорѣ между бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и бывшимъ московскимъ градоначальникомъ виноватъ, въ извѣстной мѣрѣ,—и въ немалой,—законъ, который страдаетъ большими неточностями въ разграниченіи функцій и компетенціи органовъ центральной и мѣстной административной власти. Но неужели не знаменательно, что оба спорящіе администратора такъ поспѣшно озаботились о щитѣ толкованія, которое каждаго изъ нихъ закрываетъ? Что это: отсутствіе ли смѣлости принять на себя отвѣтственность, или отсутствіе чувства отвѣтственности? И въ одномъ, и въ другомъ случаѣ получается одинаково печальный выводъ.

Есть еще третій вопросъ общаго характера, вытекающій изъ рапорта сенатора Крашенинникова. Производившій разслѣдованіе сенаторъ представилъ сенату о возбужденіи противъ ген. Адріанова уголовнаго преслѣдованія по признакамъ преступленія, предусмотрѣннаго 339 и 2 ч. 341 ст. улож. о нак. Первая изъ этихъ статей опредѣляетъ понятіе бездѣйствія власти, подъ которымъ законъ разумѣетъ «неупотребленіе чиновникомъ или инымъ должностнымъ лицомъ въ надлежащее время всѣхъ указанныхъ или дозволенныхъ законами средствъ, коими онъ имѣлъ возможность предупредить или остановить какое-либо злоупотребленіе или безпорядокъ, и чрезъ то предохранить государство, общество или ввѣренную ему часть отъ ущерба или вреда». А вторая указываетъ размѣръ наказанія, назначая, въ случаяхъ особенно важныхъ, или лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ и отдачу въ исправительныя арестантскія отдѣленія, или заключеніе въ крѣпости.

Такимъ образомъ, при будущемъ судебномъ разсмотрѣніи дѣла, если таковое послѣдуетъ, предполагается трактовать всю дѣятельность бывшаго московскаго градоначальника какъ одну форму преступнаго дѣянія, именуемаго бездѣйствіемъ власти. Конечно, суть дѣла, съ уголовно-правовой точки зрѣнія, заключается въ томъ, что во время майскихъ московскихъ безпорядковъ полицейская власть бездѣйствовала. И съ формальной стороны буква ст. 339, конечно, покрываетъ собою всѣ чрезвычайно разнообразные факты безпорядковъ, которые породило проявленное ген. Адріановымъ бездѣйствіе. Но среди этихъ фактовъ были и такіе исключительные, которые совершенно невозможно пріурочивать только къ «неупотребленію указанныхъ законами средствъ». Связь бездѣйствія власти съ тѣмъ преступленіемъ, которое, вслѣдствіе ея бездѣйствія, было совершено, подходитъ подъ другое понятіе дѣйствующаго права,—понятіе попустительства.

Попустителями законъ (ст. 14 улож. о нак.) называетъ тѣхъ, «которые, имѣвъ власть или возможность предупредить преступленіе съ намѣреніемъ, или, по крайней мѣрѣ, завѣдомо, допустили содѣяніе онаго». И отвѣтственность попустителей стоитъ въ неразрывной связи съ отвѣтственностью совершившихъ данное преступленіе. Уложеніе о нак. (ст. 125) гласитъ, что попустители, даже изъ частныхъ лицъ, подвергаются наказанію, за содѣянное положенному, только двумя степенями ниже содѣявшихъ. А когда попустительство явилось результатомъ бездѣйствія власти, т.-е. когда «оставшійся въ противозаконномъ бездѣйствіи власти учинилъ сіе съ намѣреніемъ попустить преступленіе», то ст. 342 предписываетъ подвергать виновнаго нормальному наказанію, безъ пониженія двумя степенями.

Мы не принадлежимъ къ числу сторонниковъ суровыхъ уголовныхъ каръ и полагаемъ, что отдача въ исправительныя арестантскія отдѣленія представляетъ собою кару, достаточную для наказанія виновнаго въ попустительствѣ московскаго погрома высшаго мѣстнаго администратора. Но съ нашей точки зрѣнія отнюдь не безразлично, будетъ ли виновность ген. Адріанова трактоваться какъ бездѣйствіе власти, или какъ попустительство совершенія грабежа и убійствъ. Общее понятіе бездѣйствія власти слишкомъ широко и преступленія, совершенныя погромщиками вслѣдствіе попустительства со стороны полиціи, въ немъ расплываются. Между тѣмъ, они должны быть выдвинуты на первый планъ при судебномъ преслѣдованіи не только самихъ погромщиковъ, но и того, кто, «имѣвъ власть и возможность предупредить преступленія», завѣдомо допустилъ ихъ содѣяніе.

27 мая, выслушавъ докладъ, что толпа «сейчасъ» избиваетъ Карлсена, ген. Адріановъ ничего по поводу доклада не сказалъ, сѣлъ въ автомобиль и уѣхалъ. Вслѣдъ затѣмъ Карлсенъ былъ убитъ. Также точно не вызвалъ никакого со стороны ген. Адріанова распоряженія другой докладъ, объ убійствѣ двухъ женщинъ. Онъ опять ничего не сказалъ и приказалъ шоферу ѣхать. 28-го мая, во время разгрома магазина Эйнемъ, ген. Адріановъ стоялъ шагахъ въ двадцати отъ мѣста совершенія преступленія, но никакихъ распоряженій не дѣлалъ. Въ тотъ же день вечеромъ, при одномъ изъ выѣздовъ градоначальника, подчиненный ему чинъ полиціи доложилъ о погромѣ у Красныхъ воротъ конторы Коссъ и Дюръ, происходившемъ на глазахъ полицейскаго наряда, который стоялъ у дома князя Юсупова. Не выходя изъ автомобиля, ген. Адріановъ посмотрѣлъ, какъ громятъ, наряда не позвалъ и уѣхалъ. Контора такъ и была разгромлена на глазахъ находившагося по близости полицейскаго наряда. Этотъ послѣдній эпизодъ наиболѣе типично раскрываетъ юридическую при-

роду того, въ чемъ повиненъ ген. Адріановъ. Онъ былъ попустителемъ грабежа и судить его должно вмѣстѣ съ тѣми погромщиками, которые, благодаря его попустительству, могли совершить и совершили, сопровождавшійся грабежемъ, разгромъ.

На происходившихъ 1-го февраля выборахъ гласныхъ петроградской городской думы по первому разряду полную побѣду одержали стародумцы. Они провели всѣхъ своихъ кандидатовъ и не уступили ни одного мѣста обновленцамъ. Но собственно эти выборы партійнаго соотношенія силъ въ думѣ существеннымъ образомъ не измѣнили, такъ какъ избранные нынѣ 27 гласныхъ замѣнили тѣхъ, которые были избраны 1-го ноября 1909 года, когда побѣда по первому разряду также точно принадлежала стародумцамъ. Въ порядкѣ замѣщенія гласныхъ кандидатами, за минувшее шестилѣтіе, на мѣста досрочно выбывшихъ, вошли въ думу только два обновленца. И только на эти два голоса увеличилась численность стародумцевъ. Но личный составъ гласныхъ-стародумцевъ измѣнился значительно. Переизбраны изъ выбывавшихъ 15, вновь избраны—12, и изъ нихъ пять, никогда ранѣе, если не ошибаемся, не принимали участія въ дѣлахъ петроградскаго городского самоуправленія.

Останется ли въ думѣ обновленческое большинство, или руководящая роль снова вернется къ стародумцамъ — это рѣшатъ выборы 54-хъ гласныхъ по второму разряду, назначенные на 15-ое февраля. По этому разряду выбываютъ 35 обновленцевъ и 17 стародумцевъ (за отсутствіемъ кандидатовъ, двѣ вакансіи оставались не замѣщенными).

Не только по своему значенію для общаго результата выборовъ, но и по условіямъ, въ которыхъ протекаетъ предвыборная борьба, общественный интересъ могутъ привлекать одни лишь выборы по второму разряду. Какъ ни ничтожно для столицы, съ населеніемъ въ два милліона триста тысячъ человѣкъ, число лицъ, пользующихся въ Петроградѣ городскимъ избирательнымъ правомъ, но, все-таки, избирателей второго разряда девятнадцать тысячъ. А по первому разряду имѣли право опустить свои бюллетени 1-го февраля 382 избирателя, и изъ нихъ участвовали въ выборахъ 245. При такихъ цифрахъ, выборы естественно проходятъ внѣ возможности какого бы то ни было общественнаго воздѣйствія и въ условіяхъ полной возможности воздѣйствія личнаго. Обновленцы въ пятый разъ, со времени изданія закона 1903-го года, дѣлали попытку придать избирательной кампаніи и въ первомъ разрядѣ хоть нѣкоторую тѣнь общественнаго характера. Они не скрывали своего списка и наканунѣ опубликовали его въ

газетахъ. Стародумцы же, напротивъ, въ пятый разъ проводили выборы въ обстановкѣ глубокой тайны. И въ итогѣ они собрали 156 сплошныхъ бюллетеней, а обновленцы только—58. За всѣ пять разъ всего однажды, въ 1912-мъ году, тактика стародумцевъ имъ частично измѣнила и по первому разряду прошелъ смѣшанный списокъ. Но причина лежала тоже внѣ общественнаго воздѣйствія на выборы: сосредоточенію вѣрныхъ стародумцамъ голосовъ тогда помѣшало то, что покойный И. И. Глазуновъ велъ своихъ кандидатовъ, а другой столпъ стародумцевъ—своихъ.

Газеты типа мелкой прессы, ведущія озлобленную кампанію противъ обновленцевъ, отмѣтили, что, въ числѣ неизбранныхъ по первому разряду кандидатовъ въ гласные, въ обновленческомъ спискѣ стояли два члена Государственной Думы, избранные по первой куріи Петрограда. Отсюда онѣ дѣлали выводъ, что избиратели настолько утратили вѣру въ обновленцевъ, что тѣ самыя лица, которыя въ 1912 году, участвуя въ государственныхъ выборахъ, отдали свои голоса г.г. Велихову и Барышникову, не пожелали имъ же ввѣрить дѣла городского хозяйства. Выводъ этотъ, однако, или представляетъ намѣренно невѣрное утвержденіе, или основанъ на явномъ недоразумѣніи.

Первый разрядъ избирателей на государственныхъ выборахъ и первый же разрядъ избирателей на выборахъ городскихъ не совпадаютъ и включаютъ въ себя отнюдь не однихъ и тѣхъ же лицъ. На выборахъ, происходившихъ 1-го февраля, въ первомъ разрядѣ городскихъ избирателей баллотировали тѣ крупнѣйшіе собственники недвижимыхъ имуществъ, какъ изъ лицъ физическихъ, такъ и изъ лицъ юридическихъ, изъ которыхъ послѣдній уплатилъ 3.361 руб. 70 коп. годового оклада сборовъ. А по закону о государственныхъ выборахъ первый разрядъ избирателей, кромѣ владѣльцевъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, составляютъ въ Петроградѣ всѣ собственники недвижимыхъ имуществъ, оцѣненныхъ не менѣе трехъ тысячъ рублей, но только изъ лицъ физическихъ. Такимъ образомъ, съ одной стороны, отъ выборовъ въ Государственную Думу устранены тѣ представители вѣдомствъ, церквей, монастырей и т. п., которые при выборахъ въ городскую думу представляютъ въ совокупности значительную категорію избирателей, баллотирующихъ въ первомъ разрядѣ и всегда отдающихъ голоса стародумцамъ, какъ партіи, во всякомъ случаѣ, болѣе близкой къ правительству, нежели обновленцы. Съ другой же стороны, въ первый разрядъ на государственныхъ выборахъ входятъ не менѣе половины второразрядныхъ избирателей по выборамъ городскимъ.

Словомъ, повторяемъ: по численности и по составу перворaз-

рядныхъ городскихъ избирателей въ Петроградѣ, изъ результата выборовъ по первому разряду никакихъ общественнаго характера выводовъ дѣлать нельзя. Да и выборы по второму разряду могутъ лишь весьма условно и ограниченно отражать какъ политическое настроеніе населенія, такъ и отношеніе его къ данному состоянію городского хозяйства и къ даннымъ пріемамъ веденія городскихъ дѣлъ. Образовавшаяся въ періодъ нынѣшней избирательной кампаніи городская прогрессивно-демократическая партія этого пока не учитываетъ, и вслѣдствіе того на выборахъ по второму разряду возможны самые неожиданные результаты, вплоть до побѣды стародумцевъ.

Въ предвыборныхъ собраніяхъ, которыя происходятъ въ настоящее время по частямъ города, можно наблюдать ту самую картину, которая стала привычной въ періоды предвыборныхъ кампаній при государственныхъ выборахъ: споръ людей лѣваго образа мыслей между собой. Прогрессисты-демократы ожесточенно спорятъ съ обновленцами и преимущественно по вопросамъ, имѣющимъ для городской думы совершенно отвлеченный характеръ. На первое мѣсто изъ этихъ вопросовъ выдвинутъ вопросъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ, какъ основѣ городского избирательнаго закона.

Намъ приходилось недавно высказывать на страницахъ «Вѣстника Европы» наше мнѣніе по этому вопросу. И къ тому, что мы тогда говорили, мы можемъ прибавить еще одинъ аргументъ, вѣрнѣе— одинъ фактъ изъ опыта Западной Европы. Въ маѣ 1914 г. десять гласныхъ петроградской городской думы, въ качествѣ представителей Петрограда, были въ Парижѣ, на съѣздѣ представителей столичныхъ муниципалитетовъ. Въ Парижѣ муниципальные выборы производятся всеобщимъ голосованіемъ. Казалось бы, поэтому, что городской совѣтъ Парижа долженъ былъ бы состоять чуть не поголовно изъ самыхъ радикальныхъ элементовъ. Въ дѣйствительности же петроградцы съ изумленіемъ увидѣли передъ собой людей, политическая окраска которыхъ, если примѣнять наши политическія мѣрки, идетъ отъ октябристовъ вправо. Среди муниципальныхъ совѣтниковъ Парижа, посланныхъ всеобщимъ голосованіемъ, есть даже роялисты. Но этого мало. Парижскій муниципалитетъ ввелъ въ программу съѣзда осмотръ одной только школы,—школы, гдѣ проходятъ весьма тщательную спеціальную подготовку чины и агенты полиціи. И все свидѣтельствовало при осмотрѣ, что не одинъ префектъ полиціи заботится объ этой школѣ и гордится ею, но что о ней столько же заботятся и ею столько же гордятся и муниципальные совѣтники.

Нельзя, конечно, примѣру Парижа придавать значеніе факта, опрокидывающаго теорію всеобщаго избирательнаго права вообще. Въ ту же поѣздку гласные петроградской думы имѣли случай наблю-

дать городское представительство Ліона, гдѣ составъ муниципальнаго совѣта вполнѣ соотвѣтствуетъ идеямъ, заложеннымъ въ систему всеобщаго голосованія. Но обходить примѣръ Парижа тоже нельзя. Онъ показываетъ, что составъ городского представительства и направленіе дѣятельности его опредѣляются далеко не однимъ факторомъ и отнюдь не одной избирательной системой. Въ приложеніи къ нашимъ условіямъ, нетрудно себѣ представить, въ какомъ хаотическомъ положеніи оказалось бы у насъ городское хозяйство, если бы гласные городскихъ думъ избирались всеобщимъ голосованіемъ, а во всемъ остальномъ оставалась бы въ силѣ конструкція дѣйствующаго городового положенія.

Предвыборный споръ на отвлеченныя политическія темы — обновленцевъ съ прогрессистами - демократами при выборахъ городскихъ—есть та роскошь, которая допустима въ первомъ случаѣ и безусловно недопустима во второмъ. И въ отношеніи государственныхъ выборовъ, впрочемъ, имѣется примѣръ Одессы, гдѣ, правда, при помощи злоупотребленій, но, во всякомъ случаѣ, въ итогѣ страстныхъ споровъ избранными оказались по обѣимъ куріямъ черносотенцы. А въ городскихъ выборахъ Петрограда не нужно и злоупотребленій, чтобы итогъ получился одинаковый, — чтобы споръ между обновленцами и прогрессистами-демократами на тему о всеобщемъ избирательномъ правѣ привелъ къ побѣдѣ стародумцевъ.

Городской избирательный законъ не требуетъ для избранія абсолютнаго большинства голосовъ. А потому, если въ данномъ избирательномъ участкѣ обновленцы вмѣстѣ съ прогрессистами-демократами располагаютъ, скажемъ, полутораста голосами, а стародумцы сто двадцатью, то достаточно прогрессистамъ-демократамъ отколоть отъ обновленцевъ, или наоборотъ, только тридцать пять голосовъ, чтобы ни тѣ, ни другіе не попали въ гласные и чтобы полностью прошелъ списокъ стародумцевъ, которые ни на какія предвыборныя собранія не ходятъ, а если и ходятъ, то сидятъ, какъ нѣмые. Городская выборная ариѳметика ясно говоритъ, что задаваться выявленіемъ на этихъ выборахъ общественнаго настроенія можно лишь съ самой крайней осторожностью, а задаваться подсчетомъ политически-партійныхъ силъ—и вовсе нельзя.

Посвятить нѣсколько строкъ памяти покойнаго графа И. И. Воронцова-Дашкова можно только съ одной цѣлью: отмѣтить его смерть. Ибо скончавшійся бывшій намѣстникъ Кавказа, незадолго до смерти

оставившій постъ, который онъ занималъ въ теченіе десяти лѣтъ, былъ слишкомъ большимъ государственнымъ человѣкомъ, чтобы его характеристику возможно было сдѣлать въ немногихъ словахъ.

Жизнь графа Воронцова-Дашкова, въ общественномъ о ней представленіи, раскалывается на два періода: до и послѣ его назначенія намѣстникомъ на Кавказѣ. Въ первомъ періодѣ онъ былъ извѣстенъ какъ офицеръ-аристократъ, какъ молодой блестящій генералъ и командиръ гвардейскаго гусарскаго полка, какъ начальникъ дивизіи въ войну 1877—1878 г.г., какъ исключительно близкій ко двору человѣкъ, въ теченіе всего царствованія Александра III занимавшій должность министра двора и удѣловъ. Лишь недавно, сравнительно, стало извѣстно, что и въ этотъ періодъ онъ игралъ политическую роль,—послѣ 1-го марта 1881 года былъ основателемъ и главой «священной дружины». Но завѣса тайны, долго закрывавшая эту организацію, поднялась еще далеко не вся; а потому судить объ этой порѣ дѣятельности покойнаго, пожалуй, преждевременно.

Второй періодъ поднялъ графа Воронцова-Дашкова на высоту положенія администратора, который сумѣлъ внести, если не миръ, то умиротвореніе, въ край, уподоблявшійся, въ моментъ вступленія его въ управленіе, вулкану или пороховому погребу. На Кавказѣ все бурлило и кипѣло, когда верховная власть вручила управленіе имъ царедворцу. И этотъ царедворецъ сразу такъ себя поставилъ, что безъ всякаго конвоя пѣшкомъ гулялъ по Тифлису въ тѣ долгіе дни, когда министры и губернаторы ѣздили въ бронированныхъ каретахъ и окольными улицами. Къ графу Воронцову-Дашкову различныя народности Кавказа и люди разныхъ политическихъ воззрѣній относились различно. Но всѣ народности и всѣ политическія группы его уважали. Онъ съумѣлъ заставить относиться къ нему съ уваженіемъ. Въ этомъ его главная заслуга. Въ уваженіи населенія была его главная сила. Народности Кавказа его уважали, какъ человѣка самостоятельнаго, независимаго, никогда ни передъ кѣмъ не оправдывавшагося.

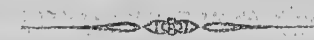
Также точно нельзя охватить въ немногихъ словахъ обликъ другого крупнаго покойника—Павла Антиповича Потѣхина.

Одинъ изъ старѣйшихъ присяжныхъ повѣренныхъ, П. А. Потѣхинъ былъ тѣмъ рѣдкимъ знатокомъ права, рѣчи котораго, всегда изумительно сжатыя, магически дѣйствовали на слушателей. Онъ обладалъ даромъ просто и до азбучности ясно формулировать самые сложные юридическіе вопросы и тезисы. Послѣдовательность мышленія и логичность его выводовъ были неотразимы.

Адвокатура не помѣшала П. А. Потѣхину сдѣлаться выдающимся общественнымъ дѣятелемъ. Въ немъ до самой смерти сильно бился пульсъ общественности. Вѣчную и благодарную память онъ оставилъ въ петроградской адвокатурѣ, какъ членъ и предсѣдатель совѣта и какъ неизмѣнный живой участникъ въ каждомъ сословномъ дѣлѣ. Такую же память оставилъ покойный въ петроградской городской думѣ, гласнымъ которой онъ былъ, съ небольшимъ перерывомъ, болѣе тридцати лѣтъ. Въ думѣ его всего ближе интересовало народное образованіе. Въ теченіе всего времени, когда во главѣ училищной комиссіи стоялъ М. М. Стасюлевичъ, П. А. былъ его ближайшимъ сотрудникомъ. Затѣмъ онъ самъ много лѣтъ былъ предсѣдателемъ комиссіи и отдавалъ городской начальной школѣ всѣ свои силы.

Въ лицѣ Евгенія Густавовича Шольпа сошелъ въ могилу еще одинъ перводумецъ. Участіе въ выборгскомъ процессѣ закрыло передъ нимъ, послѣ роспуска первой Думы, двери общественной дѣятельности. Онъ поселился въ Кіевѣ и отдался публицистикѣ, работая въ «Кіевской Мысли». Даже тяжелая предсмертная болѣзнь не была въ силахъ сломить бодрости духа покойнаго. Его послѣдними словами, сказанными почти въ агоніи, были: «Россія побѣдитъ».

В. Кузьминъ-Караваевъ.



ПЕРЕПИСЬ ПЕТРОГРАДА.

Организованный, по порученію министерства торговли и промышленности, Статистическимъ Отдѣленіемъ Петроградской Городской Управы [1]) учетъ столичнаго населенія, печей и топлива внесетъ большую ясность въ положеніе, въ которомъ очутилась столица благодаря условіямъ военнаго времени. До этого учета въ столицѣ циркулировали мнѣнія и представленія, не имѣвшія ничего общаго съ дѣйствительностью. Оспаривать ихъ не было никакой возможности, такъ какъ для этого не было никакихъ цифръ, никакихъ фактическихъ данныхъ. По той же причинѣ всѣ мѣропріятія и самоуправленія и администраціи лишены были твердой основы, ибо и у нихъ не было достаточныхъ свѣдѣній, которыми они могли бы руководствоваться въ своихъ разсчетахъ. Теперь, послѣ учета, въ нашихъ рукахъ имѣются достаточно опредѣленныя цифры, смыслъ и значеніе которыхъ обязательны для всѣхъ. Отнынѣ общественныя мѣропріятія могутъ и должны найти достаточное обоснованіе въ фактическихъ данныхъ «переписи». Несмотря на относительную элементарность послѣдней, результаты ея все-таки даютъ матеріалъ для оріентировки въ рядѣ частныхъ и общихъ вопросовъ столичной жизни.

Учетъ, какъ извѣстно, состоялся въ началѣ ноября. Въ опросномъ листкѣ рѣчь шла въ общемъ о двухъ категоріяхъ вопросовъ: съ одной стороны, о количествѣ населенія, о возрастномъ и половомъ его составѣ, съ другой—о потребности въ топливѣ, о размѣрахъ сдѣланныхъ запасовъ, а также о количествѣ отапливаемыхъ помѣщеній и числѣ разнаго рода печей. Въ качествѣ объектовъ переписи обѣ категоріи «переписываемыхъ» явленій отличаются нѣкоторыми особенностями, вслѣдствіе чего пришлось пріурочить вопросы къ двумъ различнымъ моментамъ. Запасы топлива, напр., находятся

[1]) Общее руководство учетомъ-переписью возложено было на управляющаго отдѣленіемъ В. В. Степанова; непосредственное же руководство на мѣстахъ взяли на себя участковые попечители.

въ относительномъ покоѣ въ неторговые, т.-е. праздничные дни. Вслѣдствіе этого естественно было избрать для вопросовъ, связанныхъ съ топливомъ, воскресный день (1-е ноября). Населеніе же, наоборотъ, представлено болѣе полно въ будничные дни; вслѣдствіе этого, понятно, что вопросы о населеніи ставились по отношенію къ ночи съ 30 на 31-е октября, т.-е. съ пятницы на субботу.

«Разновременность» опросныхъ пунктовъ въ общемъ не должна имѣть вредныхъ практическихъ послѣдствій для разработки результатовъ учета. Есть, правда, одинъ вопросъ, который при данныхъ условіяхъ не можетъ получить правильнаго освѣщенія. Сущность этого вопроса сводится къ слѣдующему. Опросный листокъ интересуется населеніемъ *ночующимъ* въ данномъ мѣстѣ. Но въ огромномъ количествѣ случаевъ обыватели ночуютъ не тамъ, гдѣ работаютъ, гдѣ проводятъ дневные часы. Вслѣдствіе этого во множествѣ случаевъ Статистическое Отдѣленіе должно было установить сравнительно слабую населенность помѣщеній, которыя тѣмъ не менѣе нуждаются въ значительныхъ количествахъ топлива. Къ такимъ помѣщеніямъ принадлежатъ всѣ присутственныя мѣста: банки, конторы, мастерскія, магазины и т. д. Во всѣхъ этихъ помѣщеніяхъ соотвѣтственныя количества топлива тратятся не на то количество населенія, которое тамъ *ночуетъ*, а которое работаетъ въ теченіе трудового дня. Размѣры этого населенія намъ, однако, неизвѣстны, и перепись не даетъ на это никакого отвѣта. Въ результатѣ всего этого мы не будемъ въ состояніи опредѣлить, какое количество петроградскихъ обывателей пользуются имѣющимися въ столицѣ запасами топлива и невольно сдѣлаемъ неправильные выводы объ относительномъ обезпеченіи топливомъ различныхъ категорій столичныхъ жителей.

Признавая, что въ данномъ пунктѣ «разновременность» опроснаго листка можетъ дать поводъ къ неправильнымъ заключеніямъ, мы, съ другой стороны, не должны упускать изъ виду, что выходомъ изъ этого положенія могло бы явиться только пріуроченіе учета къ опредѣленному часу дня. Такой выходъ, однако, настолько осложнилъ бы учетъ населенія, что, пожалуй, сдѣлалъ бы его практически совершенно неосуществимымъ. Изъ двухъ золъ принятая «разновременность» представляется поэтому наименьшимъ и, если хотите, неизбѣжнымъ, съ которымъ поневолѣ приходится примириться.

Такъ какъ для организаціи учета былъ предоставленъ сравнительно небольшой срокъ, то, естественно, пришлось отказаться отъ того, чтобы счетной единицей признать каждое отдѣльное лицо. Вмѣсто «личныхъ» карточекъ въ основу всей переписи была поло-

жена карточка квартирная, при чемъ за квартиру принимались безразлично какъ обыкновенныя жилыя квартиры, такъ и присутственныя мѣста, магазины, мастерскія, конторы и т. д. Особо выдѣлены были только промышленныя заведенія и учрежденія, находящіяся въ собственныхъ зданіяхъ, т.-е. крупные заводы, фабрики и большіе административные и общественные центры, составляющіе болѣе или менѣе самостоятельное цѣлое (министерства, церкви, университетъ, зданіе городской думы и т. д.). Для этихъ помѣщеній опросный листокъ былъ нѣсколько видоизмѣненъ. Въ опросномъ листкѣ, предназначенномъ для промышленныхъ заведеній, не былъ поставленъ вопросъ о населеніи; въ «учрежденскомъ» же листкѣ былъ помѣщенъ рядъ вопросовъ, касающихся потребленія электричества.

Полученный Статистическимъ Отдѣленіемъ матеріалъ состоитъ изъ 284,7 тысячъ квартирныхъ листковъ, изъ 17,8 тысячъ листковъ домовыхъ (дворовыхъ мѣстъ). Такъ какъ по переписи 1910-го года дворовыхъ мѣстъ насчитывалось 10.400 и такъ какъ число квартиръ тогда не превысило 230 тысячъ, то очевидно, что произведенный въ настоящемъ году учетъ охватилъ, за очень незначительными исключеніями, всю столицу. Такимъ образомъ, организованный хотя и на-спѣхъ, учетъ въ общемъ долженъ быть признанъ удавшимся.

Общая численность населенія въ городѣ и пригородахъ опредѣлялась въ 2.318.628 человѣкъ. По сравненію съ 1910-ымъ годомъ, это означаетъ приростъ—въ абсолютныхъ цифрахъ—на 413.039 человѣкъ, или, иначе, на 21,7%. Само собой разумѣется, что этотъ приростъ не «естественный», а обусловленный условіями военнаго времени. Можно при этомъ утверждать, что въ дѣйствительности приростъ значительно выше, такъ какъ правильнѣе сравнивать полученную цифру не съ цифрой населенія 1910-го, а съ той, которая получилась бы, если вычесть изъ общаго числа петроградскаго населенія тѣ группы, которыя оставили столицу съ момента начала военныхъ дѣйствій. Такими группами являются, во-первыхъ, старый гарнизонъ, во-вторыхъ, призванные въ войска, а, въ третьихъ, иностранцы. Изъ этихъ трехъ группъ, старый гарнизонъ нужно считать замѣщеннымъ новымъ; что же касается призванныхъ и иностранцевъ, то ихъ убыль возмѣщена отчасти ранеными, отчасти же бѣженцами. Такимъ образомъ, новое населеніе Петрограда должно значительно превысить упомянутую выше цифру. Для опредѣленія же истиннаго размѣра этой цифры у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ. Точно также нельзя опредѣлить дѣйствительнаго числа находящихся въ Петроградѣ бѣженцевъ. По даннымъ учета ихъ всего 84.074 человѣка. Но, по всему судя, это число объемлетъ

только неустроившихся еще прочно въ столицѣ и она значительно ниже истинной цифры.

Изъ опредѣлившагося общаго количества населенія мужчинъ было 1.222.197 человѣкъ, т.-е. 52,7%, женщинъ 1.096.431, или 47,3%.

Въ возрастномъ отношеніи учетъ установилъ размѣры только трехъ группъ, а именно до 5 л., отъ 5 и до 15-ти л., а затѣмъ старше 15-ти. По всѣмъ этимъ группамъ получились въ результатѣ слѣдующія данныя:

	Мужч.	%	Женщинъ	%	Всего	%
до 5 лѣтъ	116.337	9,5	118.791	10,9	235.128	10,0
5—15 „	172.661	14,1	169.214	15,4	341.875	14,9
Старше 15 л.	933.199	76,4	808.426	73,7	1.741.625	75,1

Такимъ образомъ, несмотря на значительный уходъ мужчинъ въ войска, число женщинъ превышаетъ число мужчинъ только въ дѣтской группѣ «до 5 лѣтъ»; въ остальныхъ же двухъ группахъ число женщинъ ниже, въ особенности въ группѣ «старше 15-ти лѣтъ».

Есть основаніе думать, что преобладаніе женскаго элемента надъ мужскимъ начинается въ возрастныхъ группахъ отъ сорока лѣтъ и старше (по переписи 1900-го года такое преобладаніе начиналось съ 46-лѣтняго возраста), но фактическихъ данныхъ для рѣшенія вопроса произведенный учетъ не содержитъ.

По отдѣльнымъ частямъ города движеніе населенія, естественно, было неодинаковымъ. Не останавливаясь на отдѣльныхъ частяхъ и участкахъ, отмѣтимъ только, что общая тенденція, какъ и слѣдовало ожидать, сводится къ перемѣщенію населенія изъ центра на окраины. Въ то время, какъ въ центральныхъ частяхъ города приростъ населенія не превышаетъ иногда 10%, Петроградская сторона выросла за послѣднее пятилѣтіе на 37,1%, а Выборгская на 36,1%. Развитіе трамвайнаго движенія, очевидно, сильно способствуетъ опредѣлившейся тенденціи, находящейся въ тѣснѣйшей зависимости отъ роста квартирныхъ цѣнъ въ центрѣ.

Переходя теперь къ вопросамъ о топливѣ, слѣдуетъ раньше всего привести количество печей, находящихся въ «переписанныхъ» квартирахъ. Разбивая печи на категоріи, получимъ, что на 1 ноября въ Петроградѣ находилось слѣдующее количество отапливаемыхъ печей (пустующія квартиры въ подсчетъ не вошли):

кухонныхъ очаговъ.	279.311
печей для отопленія	577.501
ванныхъ печей	48.503

Теоретическая, вычисленная на основаніи указаній старшаго

городского архитектора потребность въ дровахъ для отопленія кухоннаго очага достигаетъ максимумъ одной погонной сажени въ мѣсяцъ, а для обыкновенной печи—половины сажени. Для періода съ 1-го ноября по 1-е мая максимальная теоретическая потребность для всего количества указанныхъ печей (не считая ванныхъ) опредѣляется, слѣдовательно, такими количествами:

Для кухонныхъ очаговъ. . . .	1.675.866 пог. саж.
„ прочихъ печей	1.732.503 „ „

Всего, такимъ образомъ, требуется максимумъ 3.408.369 пог. саж., населеніе же опредѣлило само свою потребность въ 3.046.265 пог. саж., т.-е. на 362.104 пог. саж. меньше. Изъ этого видно, что населеніе въ общемъ очень добросовѣстно отнеслось къ опросному листку и давало отнюдь не фантастическіе отвѣты.

Если къ количеству топлива, потребнаго для кухонныхъ очаговъ и для отопленія жилыхъ помѣщеній, присутственныхъ мѣстъ и магазиновъ, прибавимъ количество топлива, потребнаго, по показаніямъ заводоуправленій, для производственныхъ цѣлей, то общее количество заявленной по всей столицѣ потребности выразится въ слѣдующихъ цифрахъ;

Дровъ потребуется	4.705.633 пог. саж.
Угля всякаго	51.180.615 пуд.
Нефти.	17.292.174 „
Торфа	768.195 „

Сдѣланные къ 1-му ноября запасы дали для всей столицы слѣдующія количества:

Дровъ разныхъ породъ	2.868.062 пог. саж.
Угля всякаго	10.911.733 пуд.
Нефти	3.054.034 „
Торфа	519.367 „

Въ процентныхъ доляхъ это означаетъ, что запасами, сдѣланными на 1-ое ноября, могло быть удовлетворено 61% потребности въ дровахъ, 21% потребности въ углѣ, 17% потребности въ нефти и 68% потребности въ торфѣ.

Само собой разумѣется, что степень обезпеченности топливомъ была различна для различныхъ категорій помѣщеній. Въ то время, какъ квартиры въ частныхъ домахъ были обезпечены всего въ размѣрѣ 52,2% ихъ потребности, служебныя помѣщенія и квартиры въ казенныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ располагали уже 84,6% необходимаго имъ количества древеснаго матеріала. Въ общемъ степень обезпеченности различныхъ категорій помѣщеній видна изъ слѣдующей таблицы (въ %):

	Квартиры въ частныхъ домахъ.	Промышленныя заведенія и находящіяся въ ихъ зданіяхъ квартиры.	Служебныя помѣщенія въ домахъ казенныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ (включая казенныя и городскія предпріятія).
Дрова	52,3%	51,5%	84,6%
Уголь	32,6 „	18,0 „	31,2 „
Нефть	15,4 „	25,4 „	6,5 „
Торфъ	15,2 „	80,7 „	10,0 „

По отдѣльнымъ соціальнымъ категоріямъ населенія степень обезпеченности также, конечно, различна. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сравнить обезпеченность пригородовъ съ обезпеченностью хотя бы, напр., Литейной части столицы. Въ то время, какъ Литейная часть къ 1 ноября имѣла въ своемъ распоряженіи уже 51,0% потребнаго ей топлива, пригороды въ цѣломъ имѣли къ своимъ услугамъ всего 30,1%. Нужда топлива, такимъ образомъ, распредѣлена по всему городу неравномѣрно, и соотвѣтственнымъ учрежденіямъ слѣдовало бы поэтому удѣлить свое вниманіе ранѣе всего наименѣе обезпеченнымъ элементамъ Петрограда.

Въ абсолютныхъ цифрахъ нехватка въ топливѣ (для періода съ 1 ноября по 1-е мая) выражалась слѣдующими количествами:

Дровъ	1.827.571	пог. саж.
Угля	40.268.882	пуд.
Нефти.	14.238.140	„
Торфа	258.828	„

По полученнымъ дополнительнымъ свѣдѣніямъ (изъ Петроградскаго порайоннаго комитета) видно, что съ 1 ноября по 9 декабря было подвезено въ Петроградъ:

Дровъ	196.872	пог. саж.
Угля	5.864.000	пуд.
Нефти	1.989.600	„

. . . .

. . . .

Р. Стрѣльцовъ.



ШАЛЯПИНЪ.

(Къ 25-тилѣтію его артистической дѣятельности).

Въ 1890 году, въ Уфѣ, въ оперной труппѣ Семенова-Самарскаго служилъ въ хорѣ 17-тилѣтній юноша, получавшій 20 р. въ мѣсяцъ жалованія. Случилось такъ, что солистъ, исполнявшій партію стольника въ оперѣ «Галька», заболѣлъ, и его некѣмъ было замѣнить. Обратившій на себя уже ранѣе вниманіе хормейстера Гончарова своимъ голосомъ и музыкальностью, юный хористъ былъ вызванъ замѣнить солиста и 18-го декабря съ успѣхомъ спѣлъ его партію. Съ этого дня считается начало артистической дѣятельности Шаляпина, достигшаго нынѣ всемірной славы, которая въ такой мѣрѣ не выпадала на долю еще ни одного пѣвца-баса.

Такимъ образомъ, Шаляпинъ могъ бы 18-го декабря 1915 г. отпраздновать 25-тилѣтній юбилей своего служенія искусству, но война создаетъ слишкомъ мрачный фонъ для юбилейныхъ торжествъ, и артистъ отказался отъ празднованія знаменательнаго въ русскомъ искусствѣ дня. Это не помѣшало, однако, различнымъ художественнымъ учрежденіямъ и отдѣльнымъ лицамъ воспользоваться участіемъ Шаляпина въ спектаклѣ 18-го декабря въ Народномъ Домѣ (шла «Вражья сила» Сѣрова), чтобы выразить геніальному артисту то чувство безпредѣльной благодарности, которое несомнѣнно владѣетъ душою каждаго, видѣвшаго и слышавшаго Шаляпина на сценѣ или на эстрадѣ.

И дѣйствительно, впечатлѣніе отъ пѣнія и игры Шаляпина таково, что оно не только остается навсегда въ памяти, но оно сохраняется именно какъ единственное, ни съ чѣмъ несравнимое,

стоящее какъ бы внѣ той художественной сферы, въ которой до сихъ поръ восхищали насъ великіе артисты.

Я имѣлъ счастіе въ теченіе 20-ти лѣтъ слѣдить за выступленіями Шаляпина на Маріинской сценѣ, участвуя не только во всѣхъ спектакляхъ, но, что, можетъ быть, еще важнѣе, во всѣхъ репетиціяхъ Шаляпина съ оркестромъ въ Императорской оперѣ. Но я берусь въ данномъ случаѣ за перо не для того, чтобы выразить мои личныя чувства, вызываемыя исполненіемъ Шаляпина, и, по примѣру Чеховскаго Перекладина, наставить восклицательныхъ знаковъ, а для цѣли болѣе важной.

Я считаю, что на насъ, современникахъ Шаляпина, любящихъ родное искусство, лежитъ обязанность сохранить всѣ подробности жизни и творчества геніальнаго русскаго артиста не только въ поученіе потомства, но и потому, что исполненіе Шаляпина есть высшее національное достиженіе русскаго искусства на сценѣ и въ пѣніи, и это достиженіе должно дать основу для дальнѣйшаго развитія русскаго музыкально-драматическаго творчества.

Къ счастью, въ настоящее время мы имѣемъ для сохраненія творчества Шаляпина не только описаніе и объясненіе этого творчества словами, въ сущности такъ безпомощное, но и драгоцѣннѣйшія изобрѣтенія послѣдняго времени—граммофонъ и кинематографъ, изобрѣтенія, несущія человѣчеству такую демократизацію искусства, о которой не могли даже мечтать наши отцы. Самъ Шаляпинъ еще не совсѣмъ доволенъ тѣмъ, какъ выходитъ его пѣніе въ граммофонѣ. Онъ говорилъ мнѣ, что чѣмъ выразительнѣе онъ поетъ, тѣмъ хуже выходитъ его исполненіе, что лучше всего выходятъ наиболѣе простыя вещи, но что онъ надѣется еще найти пріемы пѣнія, наиболѣе пригодные для граммофона. Что касается кинематографа, то здѣсь Шаляпинъ очень доволенъ своимъ первымъ опытомъ «Іоаннъ Грозный» (по «Псковитянкѣ» Мея), и надѣется на дальнѣйшіе успѣхи въ этомъ дѣлѣ. Мнѣ не удалось видѣть эту ленту, но видѣвшіе ее люди со вкусомъ говорятъ, что впечатлѣніе производитъ она чрезвычайное.

Теперь я попытаюсь хоть слабыми словами дать понятіе о творчествѣ Шаляпина.

Но раньше необходимо сообщить біографическія данныя изъ жизни артиста, бросающія свѣтъ на его творчество. Эти данныя пока немногочисленны и разрознены; есть, однако, надежда, что Шаляпинъ самъ въ скоромъ времени напишетъ свою автобіографію, и это будетъ книга большого интереса. Свѣдѣнія о жизни Шаляпина имѣются въ литературѣ въ статьѣ И. Липаева (Русская Музыкаль-

ная Газета, 1914 г. №№ 5, 6, 9, 10, 12, 13), и въ книгѣ Э. Старка «Шаляпинъ», вышедшей въ концѣ 1915 года.

Федоръ Ивановичъ Шаляпинъ родился 1-го февраля 1873 года въ Казани. Отецъ его, крестьянинъ Вятской губерніи, служилъ въ Казани писцомъ въ уѣздной земской управѣ. Кромѣ Федора, у Шаляпина были еще дѣти, изъ которыхъ въ настоящее время живъ братъ, военный фельдшеръ, находящійся на войнѣ. Замѣчательно, что въ роду Шаляпиныхъ ни среди предковъ его, ни въ числѣ другихъ дѣтей Ивана Шаляпина, не было ни одного человѣка, одареннаго сценически или музыкально. Въ этомъ отношеніи Федоръ Шаляпинъ напоминаетъ создателя русской музыки, Глинку, точно также внезапно освѣтившаго родину своимъ музыкальнымъ геніемъ.

Воспитаніе и образованіе Феди началось въ сапожной мастерской его крестнаго отца, любившаго выпить и колотить своихъ учениковъ. Знаніе сапожнаго дѣла сохранилось у Шаляпина на всю жизнь. Изъ сапожной мастерской онъ поступилъ въ приходскую школу и въ это время самоучкой игралъ на скрипкѣ. Изъ школы его отдали въ ученіе токарю, а затѣмъ отецъ послалъ мальчика въ городъ Арскъ, въ 60-ти верстахъ отъ Казани, и помѣстилъ его тамъ въ министерскую школу, откуда Федя сбѣжалъ и самовольно вернулся въ Казань.

Тогда отецъ опредѣлилъ его писцомъ въ ту же управу, гдѣ самъ служилъ, сперва безъ жалованія, потомъ на 8 рублей въ мѣсяцъ, и Федя сталъ самъ зарабатывать свой хлѣбъ. А деньги въ это время были ему особенно нужны, потому что у него обнаружилась страсть къ театру, посѣщеніе котораго стоило мальчику всего гривенникъ за билетъ на галлерею, но сверхъ этого гривенника сопровождалось еще побоями со стороны отца, который не любилъ, чтобы Федя ходилъ въ театръ, и, давая ему колотушки, приговаривалъ: «опять свернулся!»

Федоръ Ивановичъ вспоминаетъ, что еще до театра, въ который онъ въ первый разъ попалъ лѣтъ 12-ти, онъ восхищался уличнымъ клоуномъ, который давалъ представленія въ балаганахъ на праздникахъ. Его звали Яковъ Ивановичъ Мамоновъ, и Шаляпинъ думаетъ, что это былъ человѣкъ съ талантомъ. Во всякомъ случаѣ, его представленія сильно дѣйствовали на Федю, и онъ воспроизводилъ ихъ дома, заставляя и другихъ дѣтей принимать участіе въ своихъ сценическихъ импровизаціяхъ.

Вскорѣ Федя узналъ отъ другихъ мальчиковъ, что въ театръ можно попадать даромъ, и даже зарабатывать по пятаку въ вечеръ, участвуя въ спектакляхъ въ качествѣ статиста. Въ этой роли Федя участвовалъ въ «Жизни за царя», въ «Демонѣ». Въ послѣдней

оперѣ одновременно съ Шаляпинымъ участвовали будущіе писатели: Амфитеатровъ, пѣвшій Демона, и Максимъ Горькій, служившій въ хорѣ. Шаляпинъ, уже мальчикомъ пѣвшій въ духовномъ хорѣ Константинова (когда онъ былъ въ школѣ, у него былъ отличный дискантъ), позже въ церкви у Московскихъ чудотворцевъ на Булакѣ, попытался въ 14 лѣтъ перемѣнить роль статиста на должность хориста, но у него ломался голосъ, и въ хоръ его не взяли...

Между тѣмъ должность писца въ управѣ смѣнилась такою же должностью въ ссудной кассѣ Печенкина и К°, а позже Шаляпинъ перешелъ писцомъ въ судебную палату. Но здѣсь съ нимъ случилась катастрофа: онъ взялъ какое-то «дѣло» переписывать на домъ и потерялъ его, а вмѣстѣ съ нимъ и мѣсто, дававшее ему какой ни на есть кусокъ хлѣба. Въ это время юношѣ было уже 16 лѣтъ. Узнавъ, что антрепренеръ С. Я. Семеновъ-Самарскій набираетъ труппу для зимняго сезона въ Уфѣ, Шаляпинъ явился къ нему и попросился въ хоръ. На этотъ разъ у Шаляпина оказался уже басъ, и онъ получилъ мѣсто хориста на 15 рублей жалованія въ мѣсяцъ, и съ этого времени, съ осени 1889 года, начинается артистическая жизнь Ф. И.

Обыкновенно о дѣтскихъ годахъ Шаляпина принято говорить и писать въ слезливо-сентиментальномъ тонѣ: тутъ, молъ, и бѣдность, и колотушки, и всякіе ужасы. Но тотъ, кто знаетъ натуру Шаляпина и его необычайную психическую упругость, отнесется къ бѣдствіямъ его дѣтскихъ лѣтъ безъ особаго ужаса. Мальчикъ не голодалъ, былъ при дѣлѣ, все же кормившемъ его, и силою своего характера завоевалъ, несмотря на колотушки отца, возможность жить въ томъ волшебномъ мірѣ, который ему суждено было впослѣдствіи создать заново, на свой образецъ—въ мірѣ театральной грезы. Настоящія бѣдствія Шаляпина наступили послѣ шестнадцати лѣтъ, когда онъ пустился въ невѣрное плаваніе по капризному морю актерской жизни.

Впрочемъ, начало актерской жизни Шаляпина въ Уфѣ въ труппѣ Семенова Самарскаго было сравнительно благополучно. Мы уже знаемъ, что 18-го декабря 1890 г. онъ перешелъ изъ хора въ солисты. Въ 1891 году онъ пѣлъ партію Фернандо въ «Трубадурѣ», а 3-го марта даже получилъ бенефисъ, для котораго была поставлена «Аскольдова могила» Верстовскаго съ Шаляпинымъ въ роли Неизвѣстнаго. На лѣто труппа Семенова-Самарскаго распалась, а Шаляпинъ, имѣвшій успѣхъ среди публики, остался въ Уфѣ, выступая въ «кружкѣ любителей музыки и драматическаго искусства». Онъ исполнилъ здѣсь партію Мефистофеля въ сценѣ у собора въ оперѣ Гуно и партію слуги въ «Демонѣ» Рубинштейна

(3-я картина). Кромѣ того, Шаляпинъ концертировалъ въ Златоустѣ, гдѣ пѣлъ уже такія вещи, какъ арію Руслана «О поле, поле», Сусанина «Чуютъ правду» и др. Здѣсь же, въ Уфѣ, предсѣдатель губернской земской управы устроилъ Шаляпина опять писцомъ въ управѣ на 35 р. въ мѣсяцъ жалованія.

Ясно, однако, что Шаляпину въ 17 лѣтъ, уже познавшему чары искусства, сидѣть писцомъ въ управѣ было не пригоже. Онъ бросилъ эту должность, пристроился въ малороссійской труппѣ Любимова-Дергача (по Липаеву Мирова-Бедюха) и съ нею проѣхалъ всю Волгу, былъ въ Асхабадѣ, Самаркандѣ, Темиръ Ханъ-Шурѣ, пока не очутился осенью 1891 года въ Баку. Въ малороссійской труппѣ Шаляпинъ и пѣлъ, и плясалъ, и выступалъ въ драматическихъ роляхъ.

Въ Баку Шаляпинъ поступилъ въ опереточную труппу Лассаля, которая вскорѣ распалась, и пѣвецъ оказался буквально на улицѣ. Пришлось ему узнать и страданія голодающаго, и тяжелый трудъ чернорабочаго (Шаляпинъ одно время былъ носильщикомъ на пристани, потомъ на вокзалѣ).

Въ началѣ 1892 года Шаляпинъ попалъ въ Тифлисъ, и здѣсь нѣсколько времени пѣлъ въ труппѣ Ключарева, выѣзжая съ нею въ ближайшіе города. Но уже въ посту Шаляпинъ принужденъ былъ пѣть въ увеселительныхъ садахъ, такъ какъ труппа Ключарева прогорѣла. Затѣмъ Шаляпинъ получилъ мѣсто въ бухгалтерскомъ отдѣленіи управленія Закаспійской желѣзной дороги на 30 руб. въ мѣсяцъ жалованія. Въ это время ему пришла въ голову счастливая мысль—пойти къ Д. А. Усатову и попроситься къ нему въ ученики. Усатовъ, теноръ, много лѣтъ пѣвшій въ Императорской оперѣ въ Москвѣ, весною 1889 года переселился въ Тифлисъ и здѣсь занялся преподаваніемъ пѣнія.

Усатовъ понялъ дарованіе молодого пѣвца и оцѣнилъ его голосъ. Онъ взялъ Шаляпина къ себѣ въ ученики и въ теченіе года съ нимъ занимался (съ сентября 1892 г.). Шаляпинъ съ глубокой благодарностью вспоминаетъ отношеніе къ нему Усатова, который не только училъ его безплатно, но обласкалъ его и пришелъ ему на помощь матеріально.

О занятіяхъ у Усатова Шаляпинъ говорилъ мнѣ, что главное значеніе для него имѣли указанія Усатова чисто-музыкальныя, т.-е. въ смыслѣ правильной передачи музыкальнаго выраженія, но самые физическіе пріемы пѣнія Усатова Шаляпинъ избѣгалъ перенимать. Такимъ образомъ, какъ пѣвецъ, Шаляпинъ фактически самоучка, такъ какъ болѣе никогда не бралъ ни у кого уроковъ пѣнія.

Уже зимою 1892—1893 г.г. Шаляпинъ выступалъ неоднократно

въ концертахъ любительскаго кружка въ домѣ Арцруни, а въ сентябрѣ 1893 года онъ уже подписалъ контрактъ на 150 руб. въ мѣсяцъ въ оперную труппу Форкатти и Любимова, капельмейстеромъ въ которой былъ Труффи. Здѣсь Шаляпинъ пѣлъ до весны 1894 года, выступая въ роляхъ Мефистофеля (въ «Фаустѣ» Гуно) и Мельника въ «Русалкѣ» и получилъ одобрительные отзывы мѣстной критики.

По окончаніи сезона Шаляпинъ отправился въ Москву, имѣя въ карманѣ 300 рублей. На остановкѣ въ Грязяхъ онъ дочиста проигрался въ карты и пріѣхалъ въ Москву безъ гроша. Къ счастью, онъ тотчасъ же встрѣтилъ въ агентствѣ Разсохиной М. В. Лентовскаго, который, прослушавъ пѣвца, предложилъ ему ангажементъ въ Петербургъ, въ Аркадію, на 300 р. жалованья въ мѣсяцъ, и въ оперной труппѣ этого сада Шаляпинъ пѣлъ въ лѣтнемъ сезонѣ 1894 года.

Сезонъ 1894—1895 года Шаляпинъ пѣлъ въ оперномъ товариществѣ въ Панаевскомъ театрѣ. Здѣсь успѣхъ молодого пѣвца сдѣлался настолько громкимъ, что 1-го февраля 1895 года онъ уже былъ принятъ на Императорскую сцену, гдѣ и дебютировалъ 5 апрѣля въ роли Мефистофеля (Гуно). Итакъ, въ 21 годъ Шаляпинъ артистъ Императорской оперы, и выступаетъ въ Маріинскомъ театрѣ рядомъ съ Мельниковымъ и Стравинскимъ.

Шаляпинъ попалъ въ труппу Маріинскаго театра, когда Императорская русская опера въ Петербургѣ стояла на высшей ступени своего художественнаго развитія. Во главѣ музыкальной части стоялъ капельмейстеръ Э. Ф. Направникъ, для котораго наилучшее исполненіе каждой разученной имъ оперы было дѣломъ личной чести Первоклассный дирижеръ, Направникъ умѣлъ, благодаря своему характеру, добиваться отъ всего артистическаго персонала наиболѣе напряженной художественной работы. Во главѣ сценической части стоялъ О. О. Палечекъ, бывшій раньше самъ очень хорошимъ пѣвцомъ; онъ въ высшей степени добросовѣстно работалъ съ артистами, примѣняя свой личный сценическій опытъ. Оперная труппа блистала тогда именами, которыя достаточно назвать, чтобы въ памяти посѣтителей Маріинскаго театра возстала картина славнаго прошлаго: Долина, Каменская, Мравина, Славина, Медея Фигнеръ; Мельниковъ, Михайловъ, Стравинскій, Фигнеръ, Яковлевъ. Всѣ эти артисты были въ 1895 году въ полномъ расцвѣтѣ силъ.

Въ такой обстановкѣ пришлось Шаляпину пѣть въ сезонѣ 1895—96 г. Неудивительно, что молодому артисту давали пѣть преимущественно вторыя партіи, но все же онъ пѣлъ нѣсколько разъ и тѣ роли, въ которыхъ онъ впослѣдствіи прославился: Мефисто-

феля (въ «Фаустѣ» Гуно), мельника въ «Русалкѣ», Владиміра Галицкаго въ «Игорѣ», Руслана (не Фарлафа, какъ впослѣдствіи) въ оперѣ Глинки.

Теперь принято говорить о томъ, что Шаляпина на Маріинской сценѣ затирали, что таланта его никто не понялъ и не поддержалъ и т. п. Все это вздоръ! Шаляпинъ не такой человѣкъ, котораго можно было бы затереть, и если онъ мало выступалъ въ роляхъ Мельникова и Стравинскаго, то это было вполнѣ естественно: рядомъ съ ними тогдашній Шаляпинъ былъ только талантливый начинающій юноша, не больше. Его талантъ признавали всѣ, и публика, и артисты, но всѣ понимали, что только путемъ работы надъ собою этотъ талантъ свершитъ то, что ему предназначено.

Но въ томъ-то и вопросъ, могъ ли Шаляпинъ найти свое художественное призваніе въ той обстановкѣ, въ которой онъ оказался? Если бы Шаляпинъ былъ просто талантливый басъ, то онъ постарался бы пѣть еще лучше Мельникова и Стравинскаго, и Маріинская сцена была бы для него самой лучшей школой. Но призваніе Шаляпина состояло вовсе не въ томъ, чтобы сдѣлаться превосходнымъ пѣвцомъ, а въ чемъ-то другомъ, что онъ безсознательно предчувствовалъ, но, конечно, не могъ еще ясно сказать даже самому себѣ. Прочныя оперныя традиціи, гласившія, что въ оперѣ прежде всего нужно хорошо пѣть, вставали передъ Шаляпинымъ моральнымъ препятствіемъ, которое онъ долженъ былъ преодолѣть, но сдѣлать это было тѣмъ труднѣе, чѣмъ лучше пѣли артисты, съ которыми работалъ Шаляпинъ. Шаляпинъ могъ бы свободно работать надъ собою и найти свое призваніе только въ другой обстановкѣ, не рядомъ съ Мельниковымъ и Стравинскимъ, и счастливый случай вскорѣ далъ Шаляпину эту обстановку.

Въ Москвѣ меценатъ С. И. Мамонтовъ открылъ частную оперу и пригласилъ въ нее Шаляпина, заплативъ за него дирекціи Императорскихъ театровъ неустойку въ 7.200 руб. и предложивъ ему вмѣсто 2.400 р., которыя онъ получалъ на Маріинской сценѣ, 7.200 р. въ годъ.

Уходя съ Маріинской сцены, Шаляпинъ уносилъ съ собою впечатлѣнія высокаго опернаго искусства, а главное одно важнѣйшее въ дальнѣйшей его дѣятельности познаніе, что основа музыкальнаго исполненія есть ритмъ, тотъ ритмъ, который въ безсознательномъ видѣ уже проникалъ все творчество Шаляпина. Этимъ пониманіемъ значенія ритма Шаляпинъ былъ обязанъ Направнику, его замѣчаніямъ и его дирижированію, о чемъ самъ Шаляпинъ говорилъ мнѣ съ полной опредѣленностью («День», 30 декабря 1915 г.).

Въ труппѣ Мамонтова Шаляпинъ оказался среди молодыхъ

силъ, которыя не могли импонировать ему, какъ Мельниковъ или Стравинскій, и здѣсь онъ могъ искать того, чего требовала его художественная натура. Правда, въ музыкальномъ отношеніи исполненіе въ оперѣ Мамонтова могло дать Шаляпину мало. У капельмейстера Эспозито Шаляпинъ ничему не могъ научиться. Римскій-Корсаковъ, присутствовавшій въ 1897 г. на второмъ представленіи своей оперы «Садко», пишетъ въ своей посмертной книгѣ «Лѣтопись моей музыкальной жизни»: «Въ общемъ опера была разучена плохо... Я былъ возмущенъ... Но у публики опера имѣла громадный успѣхъ» (стр. 322, изданіе 1-е).

Въ оперѣ Мамонтова нѣкоторое время дирижировалъ С. В. Рахманиновъ, и у него-то Шаляпинъ, работая съ нимъ надъ музыкальной стороной своихъ партій, многому научился.

Можетъ быть, еще важнѣе для Шаляпина было близкое общеніе съ художниками, собравшимися около оперы Мамонтова: Врубель, Сѣровъ, Коровинъ, В. Васнецовъ, Полѣновъ. Съ ихъ помощью Шаляпинъ достигъ совершенства въ сценическомъ воплощеніи для глаза тѣхъ образовъ, которые создавало его воображеніе совершенства, можно сказать, идеальнаго, доступнаго Шаляпину только въ силу особой одаренности его и какъ живописца, и какъ скульптора. Третьимъ важнымъ обстоятельствомъ для развитія Шаляпина, какъ артиста, было то, что Мамонтовъ поставилъ для него тѣ оперы, въ которыхъ ему удалось найти себя. Это были: «Жизнь за царя», «Русалка», «Псковитянка», «Борисъ Годуновъ», «Хованщина». Именно въ этихъ операхъ Шаляпинъ создалъ то новое въ оперномъ исполненіи, о которомъ мечтали наши композиторы, составлявшіе кружокъ Балакирева. Шаляпинъ въ своемъ исполненіи нашелъ то сліяніе слова съ пѣніемъ, которое и есть «правда» въ звукахъ оперы, которымъ можетъ гордиться русская музыка, какъ своимъ національнымъ достояніемъ.

Далѣе мы остановимся на этой сторонѣ творчества Шаляпина, теперь же пробѣжимъ кратко его дальнѣйшій артистическій путь. Три года пѣлъ Шаляпинъ у Мамонтова, и въ 1899 г., послѣ прекращенія Мамонтовымъ антрепризы, перешелъ въ Московскую Императорскую оперу уже звѣздою первой величины, имѣя возможность ставить дирекціи свои условія. «Нашъ Шаляпинъ», говорятъ съ тѣхъ поръ москвичи, и кажется, обижаются, когда Шаляпинъ говоритъ имъ: «не вашъ, а Божій».

Съ 1901 года Шаляпинъ сталъ пѣть и на Маріинской сценѣ, отдавая часть сезона Москвѣ, часть Петербургу. Въ этомъ же году въ посту Шаляпинъ произвелъ фуроръ въ Миланѣ, исполнивъ Мефистофеля Бойто такъ, какъ это не удавалось ни одному итальян-

скому пѣвцу. Въ 1906 году Шаляпинъ съ тріумфомъ пѣлъ въ Парижѣ въ антрепризѣ С. П. Дягилева, затѣмъ послѣдовали: Монте-Карло, Лондонъ, Берлинъ, Сѣверная и Южная Америка. Можно, кажется, безъ преувеличенія сказать, что ни одинъ русскій артистъ, послѣ Антона Рубинштейна, не пожиналъ такихъ лавровъ за границей, какъ Шаляпинъ.

Кромѣ оперы, Шаляпинъ выступаетъ—къ сожалѣнію, слишкомъ рѣдко,—и на концертной эстрадѣ. И здѣсь онъ является единственнымъ, стоящимъ внѣ всякаго сравненія, исполнителемъ; и здѣсь, уже безъ помощи лицедѣйства, Шаляпинъ показываетъ, какъ глубоко потрясаетъ человѣческія сердца та художественная правда, которая раздается въ его творчествѣ отъ слiянія слова съ музыкой.

Успѣхъ Шаляпина такой же «единственный», какъ и его исполненіе. Въ этомъ успѣхѣ имѣются нѣкоторыя особенности, которыя очень интересно отмѣтить. Прежде всего, нужно принять во вниманіе, что Шаляпинъ басъ, а не теноръ, и эротическій элементъ, все богатство оттѣнковъ любви, почти исключенъ изъ его исполненія. Какъ-то такъ вышло, что роли любовниковъ композиторы даютъ тенорамъ, въ видѣ исключенія баритонамъ, но никогда—басамъ. И Шаляпинъ, подумайте только: Шаляпинъ! лишенъ возможности показать намъ сценическое воплощеніе любви. А вѣдь мечтой его жизни было спѣть Моцартовскаго Донъ-Жуана! Какое бы это было высшее наслажденіе для насъ! Но Донъ-Жуанъ—баритонъ!

Я только разъ видѣлъ Шаляпина въ роли влюбленнаго. Онъ пѣлъ, въ видѣ исключенія, такъ какъ партія ему высока, Демона Рубинштейна. Впечатлѣніе осталось незабываемое, не поддающееся описанію. Это отсутствіе эротики въ роляхъ, исполняемыхъ Шаляпинымъ, придаетъ его успѣху особенный, я сказалъ бы возвышенный, оттѣнокъ.

Затѣмъ, успѣхъ оперныхъ артистовъ очень часто подогрѣвается искусственными средствами, рекламой, ферматами на высокихъ нотахъ, любезнымъ повтореніемъ излюбленныхъ номеровъ, даже, когда такое повтореніе противорѣчитъ художественнымъ требованіямъ. Насколько я знаю, ни однимъ изъ этихъ пріемовъ Шаляпинъ не пользуется. Я никогда не слышалъ, чтобъ Шаляпинъ спѣлъ хоть одну ноту въ угоду публикѣ и вопреки требованіямъ своей совѣсти. Но одинъ разъ я былъ свидѣтелемъ того, что Шаляпинъ повторилъ арію Сусанина, и это было такъ недостойно того высокаго искусства, которому онъ служитъ! Я не говорю, конечно, о повтореніи арій, какъ въ «Игорѣ», въ «Се-

вильскомъ Цирульникѣ», но повторить «Чуютъ правду»! Но это было только одинъ разъ, по крайней мѣрѣ, при мнѣ.

Я попытаюсь теперь сдѣлать анализъ сценическаго и музыкальнаго творчества Шаляпина, и для этого прежде всего разсмотрю его данныя.

Шаляпинъ безпримѣрно одаренъ во всѣхъ отношеніяхъ. У него отличныя способности къ живописи и ваянію, что въ связи съ замѣчательно стройной фигурой и необычайно подвижной мускулатурой рукъ и лица даетъ возможность создавать идеальный гримъ и сценическую внѣшность.

Шаляпинъ легко сочиняетъ стихи, и память на стихи у него превосходная, точно такъ же, какъ способность къ изученію языковъ: онъ легко выучился по-французски и по-италіански.

Голосъ у Шаляпина—красивый басъ, мягкаго, пѣвучаго тембра, не очень большого діапазона и не очень большой силы. Но владѣетъ онъ голосомъ въ совершенствѣ, такъ, какъ я никогда не слышалъ. Въ пѣніи Шаляпина вы никогда не замѣтите усилія, не говоря ужъ о крикѣ, который такъ часто вырывается у другихъ пѣвцовъ, желающихъ показать силу голоса. Такого piano, такого шопота въ пѣніи, какіе даетъ Шаляпинъ, я тоже не встрѣчалъ. Интонація безупречная, ритмъ инстинктивный, прирожденный, дикція идеально отчетливая, (напомню, хотя бы, рондо Фарлафа со скороговоркой). Изъ всѣхъ этихъ данныхъ художественной интуиціей артиста и складываются тѣ сценическіе образы, которыхъ не забываетъ никто, даже увидѣвъ ихъ одинъ разъ. Я имѣлъ счастье наблюдать однажды построеніе такого образа Шаляпинымъ отъ перваго штриха до послѣдняго. Онъ пѣлъ въ благотворительномъ спектаклѣ въ опереттѣ «Корневильскіе колокола» стараго полусумасшедшаго скрягу. На репетицію Шаляпинъ пришелъ, повидимому, даже не просмотрѣвъ свою партію. Онъ пропѣлъ ее въ полголоса, заглядывая въ ноты, затѣмъ повторилъ подъ суфлера и, наконецъ, прорепетировалъ ее, немножко исполняя сценическіе штрихи. Въ спектаклѣ онъ, конечно, исполнилъ свою партію идеально, оставивъ сильнѣйшее впечатлѣніе. Я глядѣлъ на эту легкость, съ какою Шаляпинъ, такъ сказать, лѣпилъ изъ себя образъ, видимый его внутреннему взору, и невольно вспоминалъ художника Михайлова въ «Аннѣ Карениной». «Онъ засмѣялся отъ радости. Фигура (надъ которой работалъ Михайловъ) вдругъ изъ мертвой, выдуманной, стала живая, и такая, которой нельзя уже было измѣнить. Фигура эта жила, и была ясно и несомнѣнно опредѣлена... Дѣлая поправки, онъ не измѣнялъ фигуры, а только откидывалъ то, что скрывало фигуру. Онъ какъ бы

снималъ съ нея тѣ покровы, изъ-за которыхъ она не вся была видна... Онъ зналъ, что надо было много вниманія и осторожности для того, чтобъ, снимая покровъ, не повредить самаго произведенія, и для того, чтобъ снять всѣ покровы; но искусства писать, техники тутъ никакой не было. Если бы малому ребенку или его кухаркѣ также открылось то, что онъ видѣлъ, то и она сумѣла бы вылущить то, что онъ видитъ».

Именно такое вылущиваніе изъ-подъ покрововъ фигуры, образа, который видитъ Шаляпинъ своимъ интуитивнымъ зрѣніемъ, и производитъ артистъ каждый разъ, когда мы видимъ его на сценѣ, при чемъ матеріаломъ, надъ которымъ онъ работаетъ, является его собственное тѣло, его мышцы, его голосъ.

Конечно, такую же работу совершаютъ, въ большей или меньшей мѣрѣ, и другіе художники оперной сцены, и теперь именно мы подошли къ труднѣйшему вопросу: что же новаго даетъ Шаляпинъ въ своемъ исполненіи?

«Чѣмъ отличается ваше исполненіе отъ созданій другихъ оперныхъ артистовъ», спросилъ я Шаляпина, и получилъ, какъ почти всегда, когда Шаляпина заинтересуешь вопросомъ, краткій и проникающій въ самую суть дѣла отвѣтъ: «Я пою такъ, какъ я бы говорилъ».

Это уже коренное отличіе отъ опернаго пѣнія. Всѣ пѣвцы выучиваютъ, прежде всего, музыку, обыкновенно распредѣляя акценты, динамическіе оттѣнки такъ, какъ если бы они исполняли мелодію на инструментѣ. Шаляпинъ, наоборотъ, изучаетъ прежде всего текстъ, распредѣляя акценты и выразительные оттѣнки (измѣненія силы, тембра голоса) согласно смыслу того, что онъ говоритъ. Тогда мелодія уже ложится на текстъ съ тою правдою, которой ищутъ композиторы со времени Глюка.

Но, конечно, такое исполненіе оперной музыки вполнѣ возможно только при одномъ условіи, выполняемомъ очень рѣдко: когда композиторъ также сочинялъ свою музыку, создавая мелодію, какъ музыкальное выраженіе текста. Такую музыку давали намъ Глинка, Даргомыжскій, Мусоргскій и, въ меньшей степени, Римскій Корсаковъ. Вотъ почему я считаю, что то новое, національно-русское, что создаетъ Шаляпинъ въ своихъ сценическихъ образахъ, дано имъ именно въ операхъ этихъ композиторовъ. Въ тѣхъ немногихъ иностранныхъ операхъ, въ которыхъ еще выступаетъ Шаляпинъ, ему только случайно удается проявить эту высшую правду. Съ этой точки зрѣнія замѣчательно исполненіе Шаляпинымъ роли донъ-Базиліо въ «Севильскомъ цирульникѣ», вѣроятно Лепорелло въ Моцартовскомъ «Донъ-Жуанѣ», котораго, къ сожалѣнію, Шаляпинъ у насъ

не пѣлъ. Насколько слабая, неправдивая музыка мѣшаетъ Шаляпину, можно видѣть на роли Олоферна въ «Юдиѳи». Шаляпинъ даетъ здѣсь безподобный сценическій образъ, но какъ онъ бьется надъ музыкой, чтобы заставить ее «говорить», и какъ мало изъ этого выходитъ. Точно также меня мало волнуютъ оба Мефистофеля, созданные Шаляпинымъ. Сценически то, что онъ даетъ, ново и великолѣпно, и поетъ онъ превосходно, но много ли въ той музыкѣ, что онъ поетъ, мефистофелевскаго?

Сравните глубину и искренность выраженія въ пѣніи Шаляпина, когда онъ исполняетъ Сусанина, Фарлафа, мельника, особенно Бориса, или Грознаго. То, что даетъ здѣсь Шаляпинъ, не давалъ намъ никто, и это можно доказать анализомъ этихъ партій въ исполненіи Шаляпина тактъ за тактомъ. Такой анализъ, конечно, можно сдѣлать только при содѣйствіи самого артиста, и такой анализъ оказалъ бы неоцѣнимую услугу русскому оперному творчеству. Сценическимъ образамъ Шаляпина подражать гораздо легче, уже просто потому, что ихъ можно закрѣпить фотографически, но какъ уловить и удержать въ памяти тѣ тончайшія измѣненія въ силѣ и тембрѣ голоса, тѣ ускоренія и замедленія темпа, которыя даютъ жизнь сценическимъ образамъ Шаляпина?!

Прибавлю еще, что для достиженія той правды въ пѣніи, которую даетъ намъ Шаляпинъ, пѣвецъ долженъ быть необычайно одаренъ ритмически. У Шаляпина ритмъ, т.-е. правильное распредѣленіе сильныхъ и слабыхъ временъ такта, есть такое же естественное, инстинктивное свойство пѣнія, какъ ударенія на слогахъ слова, когда говоришь на родномъ языкѣ. Такое чувство ритма, какъ у Шаляпина, я не помню ни у одного пѣвца, можетъ быть, у Ивана Регике (тенора).

«Единственно, что меня связываетъ въ пѣніи, это физическая его сторона, самое качество звука», сказалъ мнѣ Шаляпинъ. И я могу подтвердить справедливость этихъ словъ: ни въ интонаціи, ни въ ритмѣ Шаляпинъ не можетъ ошибаться, но состояніе голосовыхъ связокъ, необходимое для пѣнія, не всегда во власти артиста, и тогда онъ чувствуетъ себя связаннымъ. Ничего не подѣлаешь! И Шаляпинъ человѣкъ, созданный изъ мускуловъ и костей.

Теперь Шаляпинъ еще въ полномъ владѣніи своимъ голосомъ, и я не теряю надежды услышать его еще въ роли Сенъ-Бри (въ «Гугенотахъ»), въ Моцартовскомъ Лепорелло и, какъ неисполнимое мечтаніе—въ Фальстафѣ Верди.

Быть можетъ, Шаляпинъ стряхнетъ съ себя предразсудокъ, что онъ только оперный пѣвецъ, и покажетъ намъ когда-нибудь Пушкинскаго Сальери, Донъ-Жуана, Шекспировскаго Отелло, не связан-

ный физическими условіями пѣнія! Счастливы современники геніальнаго артиста, которымъ удалось побывать въ волшебномъ мірѣ создаваемой имъ грезы!

Викторъ Вальтеръ.

ЦѢНОЮ ЛЖИ.

(По поводу двухъ пьесъ: К. Брамсенъ „Счастье" и Винниченко „Ложь").

Молодой художникъ, съ болѣе нѣжной душой, чѣмъ сильнымъ талантомъ, безумно любитъ свою красивую жену. Но она ему измѣнила съ другимъ художникомъ, обладающимъ болѣе сильной натурой и крупными дарованіями; онъ покровительствуетъ молодому художнику, ради его жены, съ которой желалъ бы соединиться открыто, порвавъ лживыя путы преступной связи. Она не хочетъ разрыва, жалѣя мужа. Отецъ послѣдняго узналъ объ ея измѣнѣ, возненавидѣлъ за ложь и хочетъ открыть глаза сыну. Но случайно онъ узнаетъ, что его собственная жена, передъ памятью которой онъ много лѣтъ благоговѣлъ послѣ ея смерти, считая ее чуть-что не святою женщиной, тоже измѣняла ему и съ человѣкомъ, котораго онъ считалъ своимъ другомъ. Старикъ смолчалъ и своеобразный ménage à trois продолжаетъ благополучно наслаждаться счастьемъ, купленнымъ цѣною лжи.

Такова тема пьесы Каренъ Брамсенъ, озаглавленной «Счастье». Тезисъ проведенъ авторомъ очень послѣдовательно, все предусмотрѣно, умѣло скомбинировано, и исторія съ отцомъ весьма кстати выдумана для вящаго вразумленія, что—ложь во спасеніе.

По любопытной случайности, на ту же тему написалъ пьесу молодой талантливый беллетристъ Винниченко. Пьесу эту очень дружно разыграли наши артисты Александринскаго театра, въ бенефисъ вторыхъ артистовъ, что отчасти повредило надлежащему отношенію къ вновь поставленной драмѣ,—ибо, прежде всего,—у Винниченко разыгрывается настоящая, жизненная драма, а не комедія à thèse, какъ у К. Брамсенъ, и это не очень по вкусу бенефисной публикѣ. Авторъ имѣлъ, какъ говорится, и «неблагопріятную прессу», такъ что получилось впечатлѣніе полной неудачи. Однако, главныя нападки были направлены на то, что авторъ не сумѣлъ или не смогъ доказать того,

что обѣщало заглавіе пьесы и что авторъ въ ней самъ подчеркивалъ устами главной героини драмы: людямъ не правда нужна, а счастье, поэтому ради счастья лгите, лгите больше, лишь бы не догадывались о вашей лжи и т. п. Возникаетъ вопросъ: какъ правильнѣе судить о литературномъ произведеніи—по тому ли, что авторъ *хотѣлъ* представить, или по тому, что онъ *далъ* на самомъ дѣлѣ?

Спѣшу признать: авторъ совсѣмъ не доказалъ справедливости избраннаго имъ тезиса о лжи, и многіе изъ его предшественниковъ преуспѣли гораздо больше въ этомъ смыслѣ. Но я отнюдь не считаю это дефектомъ пьесы, ибо получилось нѣчто новое, *свое*, быть можетъ, неожиданное для самого автора. Художественная цѣнность такъ назыв. pièces á thèse давно признана сомнительной. Тенденція вредитъ художественной правдѣ, и даже весь талантъ Александра Дюма-сына, большого мастера на сплетеніе интриги, не спасъ отъ осужденія, по справедливости, массы пьесъ, которыя онъ написалъ въ доказательство и защиту того или иного положенія. Искусство не *доказываетъ*, а описываетъ, проясняетъ, открываетъ, отражаетъ и создаетъ. Это теперь почти элементарныя истины.

Что создалъ г. Винниченко въ своей драмѣ, долженствовавшей будто бы доказать или прояснить, что ложь во спасеніе? Съ наибольшей вдумчивостью отнесся къ разбору пьесы г. Homo Novus, который, между прочимъ, высказалъ такое замѣчаніе: «Лживыхъ совершенствъ не бываетъ. Литература и театръ дали намъ множество образцовъ лживыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обольстительныхъ женщинъ. Но лживыхъ женщинъ, которыя были бы и обольстительны, и одновременно совершенны, какъ существа соціальныя, не бываетъ. Это выдумалъ г. Винниченко»... Мы дѣлаемъ другой выводъ изъ правильной посылки: г. Винниченко «выдумалъ», на нашъ взглядъ, только то, что составляетъ самую слабую часть его произведенія, а именно—защиту тезиса. Онъ наказанъ, и подѣломъ, за тенденцію своей драмы. Есть недочеты и чисто-техническіе въ конструкціи пьесы, но эти недочеты понятны и простительны у автора, впервые пишущаго для сцены, и учесть ихъ не трудно. То, что бросается въ глаза какъ явный недочетъ, и легко поддается учету, тоже легко отстранимо, поэтому и не столь важно при оцѣнкѣ существа произведенія.

Я недоумѣваю, почему г. Homo Novus и другіе рецензенты настаивали на лживости натуры героини драмы, Натальи Павловны? Это вовсе не вытекаетъ изъ основныхъ чертъ ея характера. Натура любящая прежде всего, и по разному любящая, способная на жертву и на подвигъ, чуткая и великодушная, Нат. Павл. первоначально вышла замужъ «ради идеи». Она сравниваетъ свое замужество для оказанія нравственной и матерьяльной поддержки человѣку, сыну простого

крестьянина, безпомощному въ житейскомъ смыслѣ, но даровитому и способному на полезную дѣятельность для общества, если дать ему возможность подняться,—съ тѣмъ настроеніемъ, которое побуждало въ былыя времена молодежь «идти въ народъ». Нат. Павл. шла на подвигъ изъ любви къ человѣку, въ нѣсколько отвлеченномъ смыслѣ. Но затѣмъ она все-же почувствовала потребность и въ личномъ счастьи. Это былъ, если угодно, моментъ паденія, но бросать ли въ нее за это камнемъ? А служеніе идеѣ, служеніе бѣднымъ, обездоленнымъ, смиреннымъ, при этомъ, все же осталось. Какъ быть? Ея возлюбленный, студентъ Тося, прямолинейная и честная натура, не соглашается на компромиссъ. Онъ требуетъ, чтобы она оставила мужа и открыто ушла съ нимъ. Конечно, она этого не можетъ сдѣлать. Не только, какъ она поясняетъ Тосѣ, жизнь и благополучіе четырехъ человѣкъ требуютъ, чтобы она осталась въ прежней обстановкѣ: она не уйдетъ съ Тосей и ради него самого. Долго ли продлится его любовь? Едва-ли. Вскорѣ она можетъ оказаться ему въ тягость, и Нат. Павл. уже видитъ впереди возможность другой склонности; она, конечно, должна уступить мѣсто будущей и вмѣстѣ съ тѣмъ «настоящей» подругѣ жизни своего временнаго возлюбленнаго; она не встанетъ призракомъ и помѣхой между Тосей и его невѣстой.

Но вотъ случайно тайну связи Нат. Павл. съ Тосей узналъ посторонній человѣкъ, самъ давно и безнадежно ее любившій. Неужели кто-нибудь изъ зрителей могъ серьезно подумать, что Нат. Павл. отдастся ему, чтобы скрыть свою тайну? Развѣ великолѣпный крикъ, вырвавшійся у Рощиной-Инсаровой, въ сценѣ, когда Иванъ Стратоновичъ соглашается все скрыть, вернуть похищенныя письма, уничтожить вексель и т. п., лишь бы она принадлежала и ему, не является достаточно убѣдительнымъ, чтобы понять, что никогда, никогда она не отдастся ему. Ей надо только во что бы то ни стало заручиться его молчаніемъ, пока открытіе, сдѣланное ея мужемъ въ области техническаго производства, не будетъ окончательно признано, оцѣнено, осуществлено. Она покупаетъ это молчаніе цѣною лжи, но «лживая женщина» пошла бы на компромиссъ. Правдивая по существу натура Нат. Павл. возмущается: лучше смерть, чѣмъ такая сдѣлка съ совѣстью; лучше неправда на словахъ, чѣмъ ложь всѣмъ своимъ естествомъ. Она идетъ на жертву, на полную жертву собою во имя того подвига любви, который былъ цѣлью всей ея жизни.

Нѣсколько искусственна настойчивость, съ которой Иванъ Стратоновичъ добивается, чтобы она приняла приготовленный имъ же для нея ядъ. Въ немъ говоритъ безнадежность обладанія, но вѣдь все-таки—любитъ же онъ ее? Или заговорила ревнивая мстительность: не мнѣ, такъ никому? Возможно. Но Нат. Павл. сумѣла дотянуть до

того момента, когда она больше своимъ не нужна въ прежней мѣрѣ— ни мужу, ни его роднѣ, ни даже Тосѣ. И вотъ приходится жизнью платить за краткія мгновенія счастья, отравленнаго необходимою, въ силу сложившихся обстоятельствъ, ложью. Но гдѣ же тезисъ о лжи во спасеніе? Онъ сошелъ на нѣтъ. Нат. Павл. отдала свою душу за ближнихъ и погубила себя, спасая ихъ. Развѣ на это была бы способна «лживая женщина»? И, передъ смертью, тостомъ «за правду» привѣтствуетъ она будущихъ жениха и невѣсту, Тосю и сестру мужа. Вѣритъ она все-таки правдѣ, только ей.

«Совершенство» характера Натал. Павл., въ созданіи котораго одна изъ главныхъ заслугъ автора, вырисовывается на конфликтѣ, переживаемомъ ею, между правдивостью ея натуры, идеалистически настроенной, и необходимостью прибѣгать ко лжи для покоя и благополучія другихъ. Эта общая мечта у нихъ о счастьи, основанномъ на покоѣ, очень рельефно очерчена. Въ указанномъ конфликтѣ главный узелъ драмы. И драма эта разыгрывается у бѣдныхъ людей-тружениковъ, которыхъ манитъ и привлекаетъ хоть маленькій лучъ счастья среди безрадостной, тяжелой жизни; дразнящій лучъ можетъ завлечь и побудить къ ложному шагу. Смѣлая, благородная и самоотверженная натура принимаетъ всецѣло на себя отвѣтственность за этотъ ложный шагъ и гибнетъ для блага другихъ.

Мастерская игра Рощиной-Инсаровой, казалось, выявила всѣ оттѣнки характера Нат. Павл. и ея сложныя переживанія. Прекрасно переданъ былъ артисткой и тотъ надрывъ, съ которымъ она готова клеймить себя позорными эпитетами—«лживой, испорченной, развратной» и т. п., очевидно обратное тому, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ. Образъ, созданный Рощиной-Инсаровой, глубоко волнуетъ и привлекаетъ. Не «выдуманъ» и этотъ скромный, даже нѣсколько забитый жизнью, труженикъ, изобрѣтатель-самородокъ,—Андрей Карповичъ, сильный лишь вѣрою въ свое дѣло и въ свою неизмѣнную помощницу и вдохновительницу, жену,—образъ, такъ трогательно переданный г. Ходотовымъ. Правдиво очерчены и всѣ прочіе персонажи пьесы, не исключая и «мрачнаго» Ивана Стратоновича, въ изображеніи котораго г. Судьбининъ нашелъ и подходящія интонаціи.

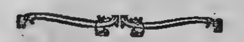
Мнѣ кажется, вполнѣ достаточно перечисленныхъ достоинствъ пьесы, чтобы они могли служить противовѣсомъ тому невниманію, съ которымъ она была встрѣчена при первой постановкѣ. Драма эта принадлежитъ къ числу тѣхъ произведеній, которыя «поднимаются», чѣмъ пристальнѣе въ нихъ вглядываешься. И хотя бы въ «Счастьи» Каренъ Брамсенъ авторъ выказалъ большую послѣдовательность въ проведеніи усвоеннаго имъ тезиса, умно и виртуозно построилъ архитектонику пьесы, она все-таки вся какая-то дѣланная, надуманная, расчитан-

ная на то, чтобъ озадачивать и убѣждать зрителя парадоксальной мыслью. Есть какая-то ложь и въ самомъ тезисѣ о благости лжи.

Непослѣдовательность г. Винниченко, при всѣхъ формальныхъ недочетахъ въ его юношеской драмѣ, мнѣ больше нравится разсудительности и quasi-убѣдительности въ комедіи К. Брамсенъ. Уже одно то обстоятельство, что Винниченко доводитъ свою героиню до неизбѣжной катастрофы, тогда какъ «обаятельная» героиня К. Брамсенъ такъ и мирится съ ложью изъ жалости, которую проповѣдуетъ, и только пріобрѣла лишняго союзника въ лицѣ отца своего мужа, есть большое преимущество русской концепціи сюжета.

Я охотно мирюсь съ неудачей автора въ томъ, что онъ *хотѣлъ* дать, оцѣнивая по существу качества того, что онъ намъ *далъ*.

Ѳ. Батюшковъ.



МЕЛОЧИ О П. Я. ЧААДАЕВѢ.

Изъ рукописи С. П. Жихарева.

Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ—одно изъ громкихъ именъ въ исторіи русскаго общественнаго сознанія. Виднѣйшимъ событіемъ его біографіи было опубликованіе знаменитаго «философическаго письма» въ журналѣ «Телескопъ» Н. И. Надеждина, въ 15 номерѣ журнала за 1836 годъ. Письмо было плодомъ долгаго и горькаго раздумья замѣчательнаго ума надъ особенностями развитія Россіи, оторванной отъ общеевропейскаго, надъ особенностями, которыя не даютъ ей развернуть свои духовныя силы.

«... Гдѣ наши мудрецы, наши мыслители?—горестно спрашивалъ, между прочимъ, Чаадаевъ:—Кто когда-либо мыслилъ за насъ, кто теперь за насъ мыслитъ? А вѣдь, стоя между двумя главными частями міра, Востокомъ и Западомъ, упираясь однимъ локтемъ въ Китай, другимъ въ Германію, мы должны были бы соединять въ себѣ оба великихъ начала духовной природы: воображеніе и разсудокъ и совмѣщать въ нашей цивилизаціи исторію всего земного шара. Но не такова роль, опредѣленная намъ Провидѣніемъ, больше того: оно, какъ бы, совсѣмъ не было озабочено нашей судьбой. Исключивъ насъ изъ

своего благодѣтельнаго дѣйствія на человѣческій разумъ, оно всецѣло предоставило насъ самимъ себѣ, отказалось какъ бы то ни было вмѣшиваться въ наши дѣла, не пожелало ничему насъ научить. Историческій опытъ для насъ не существуетъ. Поколѣнія и вѣка протекли безъ пользы для насъ. Глядя на насъ, можно было бы сказать, что общій законъ человѣчества отмѣненъ по отношенію къ намъ. Одинокіе въ мірѣ, мы ничего не дали міру, ничему не научили его; мы не внесли ни одной идеи въ массу идей человѣческихъ, ничѣмъ не содѣйствовали прогрессу человѣческаго разума, и все, что намъ досталось отъ этого прогресса, мы исказили. Съ первой минуты нашего общественнаго существованія мы ничего не сдѣлали для общаго блага людей; ни одна полезная мысль не родилась на безплодной почвѣ нашей родины. Ни одна великая истина не вышла изъ нашей среды; мы не дали себѣ труда ничего выдумать сами, а изъ того, что выдумали другіе, мы перенимали только обманчивую внѣшность и безполезную роскошь»...

Въ недавнемъ изслѣдованіи М. О. Гершензона о П. Чаадаевѣ устанавливается, что Чаадаевъ, соціальный мистикъ, былъ въ сущности очень чуждъ оппозиціоннаго настроенія. Но извѣстно огромное впечатлѣніе, произведенное письмомъ на общество, въ частности на Москву, которую Чаадаевъ наименовалъ Некрополемъ, то-есть городомъ мертвыхъ. Власти въ письмѣ усмотрѣли революціонное выступленіе, цензоръ былъ отрѣшенъ отъ должности, Надеждинъ сосланъ въ Усть-Сысольскъ, самъ же авторъ письма, по Высочайшему повелѣнію (по личному желанію Николая I), объявленъ сумасшедшимъ и отданъ подъ надзоръ полицейскаго врача. Вопреки или, вѣрнѣе, благодаря этимъ карамъ письмо Чаадаева получило очень широкое распространеніе въ рукописныхъ копіяхъ, и было всѣми истолковано и принято, какъ актъ политическаго протеста, чего, видимо, не имѣлъ въ виду самъ авторъ.

Какъ бы ни было, философическое письмо Чаадаева и личность его въ теченіе долгаго времени играли видную роль въ исторіи русскаго общественнаго сознанія. Оно заставило людей оглядѣться, подобраться, было тѣмъ же, чѣмъ было для чисто-литературныхъ интересовъ извѣстное заявленіе Бѣлинскаго: «у насъ нѣтъ еще литературы». Это оправдываетъ интересъ ко всѣмъ подробностямъ біографіи Чаадаева. Къ нимъ мы имѣемъ возможность присоединить нѣсколько довольно любопытныхъ мелочей.

Въ первый разъ біографія Чаадаева была разсказана его племянникомъ, Степаномъ Петровичемъ Жихаревымъ, извѣстнымъ авторомъ «Записокъ студента» и др., и напечатана въ 1871 году въ «Вѣстникѣ Европы» (іюль и сент.). Рукопись работы Жихарева была передана авторомъ Михаилу Яковлевичу Чаадаеву, брату Петра

Яковлевича, жившему въ крайнемъ уединеніи въ селѣ Хрипуновѣ, Ардатовскаго уѣзда Нижегородской губерніи. Здѣсь она долгіе годы хранилась среди уцѣлѣвшихъ бумагъ М. Я. Чаадаева (скончался въ 1866 г.), а не такъ давно передана отъ князя Андрея Владимировича Звенигородскаго на храненіе въ отдѣлъ рукописей нижегородской ученой архивной комиссіи.

Мы сравнили текстъ рукописи съ текстомъ біографіи, появившимся въ журналѣ. Оказалось, что она была напечатана въ журналѣ въ свое время безо всякихъ существенныхъ измѣненій. Однако, редакторскій карандашъ сдѣлалъ кое-какія исключенія. Зачеркнуты были все мелочи, но въ совокупности онѣ представляютъ по своимъ деталямъ несомнѣнный интересъ, даже по упоминаемымъ въ нихъ именамъ—Грибоѣдовъ, Пушкинъ, графъ Строгановъ, А. Ѳ. Орловъ и др.

Ч. Вѣтринскій.

Искусство одѣваться Чаадаевъ возвелъ почти на степень историческаго значенія.

Графъ Поццо-ди-Борго, ужъ, конечно, болѣе нежели компетентный судья по этому дѣлу, узнавшій Чаадаева между двадцатымъ и тридцатымъ годами, уронилъ слѣдующее изреченіе:

— Если бы я имѣлъ на то власть, то заставилъ бы Чаадаева безперемежки разъѣзжать по многолюднымъ мѣстностямъ Европы съ тою цѣлью, чтобы непрестанно показывать европейцамъ русскаго, въ совершенствѣ порядочнаго человѣка (un russe parfaitement comme il faut).

Грибоѣдовъ, уже назначенный въ Персію, передъ тѣмъ, какъ идти къ министру иностранныхъ дѣлъ, забѣжалъ къ Чаадаеву, въ усахъ, и на его вопросъ, «не сошелъ ли онъ съ ума, собираясь къ графу Нессельроде въ такомъ видѣ?» отвѣчалъ:

— Что жъ тутъ удивительнаго? Въ Персіи всѣ носятъ усы.

— Ну, такъ ты въ Персіи ихъ и отпустишь, а теперь сбрей: дипломаты въ усахъ не ходятъ.

(Въ отношеніяхъ Чаадаева къ женщинамъ было нѣчто загадочное. Онѣ окружали его иногда настоящимъ поклоненіемъ. Поэтъ Языковъ, относившійся къ Чаадаеву, въ пылу борьбы славянофиловъ и западниковъ, съ большой враждебностью, называетъ автора философическаго письма:

...красивый идолъ
Строптивыхъ душъ и слабыхъ женъ.

Но, повидимому, Чаадаевъ совершенно не отвѣчалъ на женскія къ себѣ чувства и, какъ думаютъ, страдалъ врожденной атрофіей полового инстинкта. Жихаревъ разсказываетъ слѣдующій анекдотъ.

Одно время Чаадаевъ находился въ особенно-дружескихъ отношеніяхъ съ одной дамой, по происхожденію иностранкой, блистательной красавицей, самой благородной, великодушно-богатой крови полуденныхъ странъ Европы. За молодостью лѣтъ, я не зналъ этой дамы. Ея имя, которое я, разумѣется, прописать не могу, въ свое время было очень извѣстно. Связь ихъ была дружеская, исполненная умственныхъ наслажденій, взаимнаго уваженія и, сколько я понимаю, не лишенная сердечной искренности. Несмотря на то пустоголовые глупцы и праздношатающіеся вѣстовщики, какъ это обыкновенно бываетъ, видѣли въ ней другое и другое про нее пересказывали. Желала ли дама зажать ротъ дурацкой болтовнѣ, или просто хотѣла посмѣяться, только въ одно утро она сказала, заливаясь звонкимъ смѣхомъ, одному недавно умершему, въ тотъ день, ее посѣтившему ученому.

— Hier Tchaadaef est resté avec moi jusqu'à trois heures du matin; il a été singulièrement pressant, si bien qu'un instant j'us la pensée de lui céder.

— Mais pourquo donc cela, madame? — спросилъ ученый, по спеціальности своего знанія больше, нежели кто другой, понимавшій положеніе.

— Mais je vous avoue, je n'aurais pas été fachée de voir ce qu'il ferait).

Чтобы представиться Государю въ Троппау [1]), Чаадаевъ долженъ былъ второпяхъ одѣть фракъ своего камердинера.

Я очень радъ встрѣтившемуся случаю сказать нѣсколько словъ объ этомъ камердинерѣ. Онъ былъ гораздо болѣе другъ, нежели слуга своего господина,—и по разсказамъ—я его лично не зналъ за его преждевременной смертью—отличался большой щеголеватостью, очень хорошимъ тономъ, чрезвычайно утонченными пріемами, хотя отъ природы былъ довольно простъ. «Точно баринъ», говорили про него другіе. Въ Россіи, гдѣ слуги такъ рѣдко бываютъ похожи на господъ, камердинеръ, котораго не отличаютъ или мало отличаютъ отъ такъ-называемаго барина, можетъ быть показываемъ за деньги.

Сверхъ того, это почти всегда признакъ благородной, не рядовой натуры. Иванъ Яковлевичъ, такъ его звали, былъ до такой степени

---

[1]) Александру I.

порядочнымъ человѣкомъ, что одна дама, великолѣпнѣйшая барыня, которую только можно видѣть, бывая у Чаадаева, всегда съ нимъ здоровалась и спрашивала, какъ онъ поживаетъ, а *Пушкинъ* подавалъ ему руку. Потомъ, когда онъ ѣздилъ съ Чаадаевымъ по Европѣ, въ Дрезденѣ съ нимъ произошло очень милое, смѣшное приключеніе. Тогда русскіе туристы за границей не такъ были часты и обыкновенны, какъ нынче, и всегда являлись къ своимъ посламъ. Къ тому же почти со всѣми съ ними Чаадаевъ былъ и лично знакомъ. Разъ, послѣ хорошаго обѣда, онъ сидѣлъ съ русскимъ уполномоченнымъ въ дѣлахъ при саксонскомъ дворѣ, на Брюлевской террасѣ. Въ разговорѣ уполномоченный сталъ ему разсказывать, что «по Дрездену шатается какой-то русскій, который, удивительное дѣло, неизвѣстно почему не дѣлаетъ своему послу чести его навѣстить»...

— Да вотъ онъ идетъ, voilà l'individu!—продолжалъ сердитый уполномоченный, указывая довольно неучтиво, не знаю—зонтикомъ или палкой, на мимоидущаго Ивана Яковлевича.

— Чего же удивительнаго, что онъ у васъ не былъ,—успокоилъ его, смѣясь, Чаадаевъ:—это—мой камердинеръ.

Знаменитую статью-письмо Чаадаева переводилъ съ французскаго для «Телескопа»—*Кетчеръ*.

[1 ноября 1836 года Чаадаевъ былъ приглашенъ къ оберъ-полиціймейстеру для объявленія ему приказа о признаніи его умалишеннымъ. Сначала онъ, повидимому, растерялся и, упавши духомъ, бросился къ попечителю московскаго округа С. Г. Строганову, состоявшему, по своему званію попечителя, предсѣдателемъ московскаго цензурнаго комитета, одинъ изъ членовъ котораго и пропустилъ философическое письмо къ печати. О свиданіи Чаадаева съ Строгановымъ Жихаревъ передаетъ]:

Графъ Строгановъ, неловко холодный, мало даровитый и чопорно-посредственный, человѣкъ свойствъ отрицательныхъ, не показалъ себя въ уровень высотѣ обстоятельства. Онъ принялъ Чаадаева съ плоской, заимствованной, оффиціальной физіономіей, съ чиновничьими недоступностью и безучастіемъ, рѣшительно отклоняя отъ себя всякое вмѣшательство и всякое содѣйствіе, и вдобавокъ послѣ пересказывая кому было угодно слушать, что у него былъ Чаадаевъ разстроенный, испуганный, взволнованный и униженный... Потомъ Чаадаевъ еще безпокоилъ графа Строганова письмомъ, которое осталось безъ отвѣта.

[Это письмо см. въ «Сочин. и письмахъ» Чаадаева, подъ ред. Гершензона, М. 1913, т. I, № 61].

[Медико-полицейскій надзоръ, установленный надъ Чаадаевымъ, состоялъ въ запрещеніи выѣзжать, въ ежедневныхъ посѣщеніяхъ полицейскаго лѣкаря и обычномъ надзорѣ полиціи, при чемъ «сумасшедшій» могъ совершать прогулки и принимать у себя кого угодно. Эти посѣщенія врача очень волновали Чаадаева, тѣмъ болѣе, что сначала Чаадаева посѣщалъ, по предписанію начальства, штабъ-лѣкарь той части, гдѣ онъ жилъ, человѣкъ нетрезвый и очень досаждавшій «паціенту». Послѣдній пожаловался оберъ-полиціймейстеру, и съ обоюднаго согласія пьянчужку замѣнили пріятелемъ Чаадаева, извѣстнымъ въ Москвѣ врачемъ Гульковскимъ, тоже состоявшимъ при полиціи].

Поведеніе Гульковскаго было безукоризненнымъ поведеніемъ порядочнаго человѣка. Въ первый свой пріѣздъ къ Чаадаеву онъ началъ свои медицинскія пособія словами:

— Вотъ въ какихъ обстоятельствахъ пришлось намъ увидѣться, Петръ Яковлевичъ: не будь у меня старухи-жены и огромнаго семейства, я бы имъ сказалъ, кто сумасшедшій!

[Ежедневные визиты врача, однако, скоро прекратились, и годъ спустя, въ октябрѣ 1837 г., медико-полицейскій надзоръ и вовсе былъ снятъ съ Чаадаева, подъ условіемъ «не смѣть ничего писать», т.-е. печатать].

[О свиданіи съ шефомъ жандармовъ, гр. А. Ѳ. Орловымъ].

По минованіи всѣхъ своихъ исторій, Чаадаевъ разъ видѣлся съ графомъ *Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Орловымъ*, и, сказывая ему, «что хотѣлъ бы побывать въ Петербургѣ», спросилъ, «какъ онъ думаетъ, будетъ ли то угодно или нѣтъ Государю».—«Почему же нѣтъ?—отвѣчалъ графъ Орловъ,—«ты тамъ что-то противъ папы написалъ,—да про то давно забыли; а въ самомъ дѣлѣ, не стыдно ли тебѣ, скажи на милость,—ужъ и старика-то Божьяго, который никому ничего не дѣлаетъ, никого не трогаетъ,—и того-то ты не могъ въ покоѣ оставить?»

Наклонности Чаадаева въ пользу папизма были однако же довольно извѣстны во всей Россіи, и, кажется, не должны бы оставаться тайною для графа Орлова...

С. П. Жихаревъ.

Сообщилъ Ч. Вѣтринскій.



ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

—Письма графа Л. Н. Толстого къ женѣ. 1862—1910. Изданіе второе, исправленное и дополненное.—М. 1915. Стр. IV+604. Цѣна 2 р.

Первое изданіе писемъ Л. Толстого къ женѣ, подъ редакціей А. Е. Грузинскаго, вышло въ концѣ 1913 или началѣ 1914 года. Скорый вторичный выходъ книги самъ по себѣ говоритъ о живомъ интересѣ этой переписки. Въ теченіе 48 лѣтъ Л. Н. и С. А. Толстые, разставаясь даже лишь на нѣсколько дней, почти всегда писали другъ другу ежедневно и подробно о всѣхъ событіяхъ съ ними въ разлукѣ. Переписка, поэтому, представляетъ огромный и разнообразный матеріалъ, дающій безчисленныя подробности о семейной и домашней жизни Толстыхъ и обо всемъ ихъ обиходѣ.

Отношенія между мужемъ и женой Толстыми рисуются здѣсь въ свѣтѣ сердечной связанности, неразрывности, всегда существовавшей между ними. Издательница, сама графиня Толстая, говоритъ о своемъ правѣ требовать, чтобъ судили объ отношеніяхъ Л. Н. къ ней «по живымъ и правдивымъ источникамъ, а не по догадкамъ, пересудамъ и вымысламъ. И пусть люди снисходительно отнесутся къ той, которой, можетъ быть, непосильно было съ юныхъ лѣтъ нести на слабыхъ плечахъ высокое назначеніе—быть женой генія и великаго человѣка». И послѣ прочтенія этихъ писемъ просто и понятно дѣлается все то минутное и случайное, что порою омрачало ихъ жизнь; напр., въ письмахъ нерѣдко упоминается о неизбѣжныхъ вспышкахъ и взаимныхъ счетахъ, кому тяжелѣе при огромной семьѣ и заботахъ. Въ свѣтѣ переписки человѣчески простъ и ясенъ тотъ фактъ, что, несмотря на идейную рознь, Л. Н. не могъ и не хотѣлъ до послѣднихъ дней жизни разорвать съ Ясною Поляной. Толстой мечталъ о «свѣтломъ и чистомъ закатѣ» совмѣстной жизни (25 октября 1895 г.), а 8 іюля 1897 г. было написано извѣстное письмо, въ которомъ Л. Н. говорилъ о своемъ намѣреніи покинуть Ясную Поляну, вслѣдствіе «несоотвѣтствія моей жизни съ моими вѣрова-

ніями», вслѣдствіе жажды «спокойствія, уединенія, и хоть не полнаго согласія, но не кричащаго разногласія своей жизни съ своими вѣрованіями, съ своей совѣстью».

Какъ бы то ни было, Л. Н. далъ лѣтомъ 1910 г. обѣщаніе не уѣзжать изъ Ясной Поляны. Въ письмѣ онъ даетъ такую общую оцѣнку ихъ отношеній. «Все въ нашихъ пониманіяхъ жизни было противоположное: и образъ жизни, и отношеніе къ людямъ, и средства къ жизни, и собственность, которую я считалъ грѣхомъ, а ты необходимымъ условіемъ жизни. Я въ образѣ жизни, чтобъ не разставаться съ тобой, подчинялся тяжелымъ для меня условіямъ жизни; ты же принимала это за уступки тѣмъ взглядамъ, и недоразумѣніе между нами росло все больше и больше.. Я, несмотря на всѣ бывшія недоразумѣнія, не переставалъ любить и цѣнить тебя. Оцѣнка же моей жизни съ тобой такая: Я, развратный, глубоко порочный въ половомъ отношеніи человѣкъ, женился на тебѣ, чистой, хорошей, умной, 18-лѣтней дѣвушкѣ, и, несмотря на это мое грязное, порочное прошедшее, ты почти 50 лѣтъ жила со мной, любя меня, трудовой, тяжелой жизнью, рожая, кормя, воспитывая, ухаживая за дѣтьми и за мной, не поддаваясь тѣмъ искушеніямъ, которыя могли такъ легко захватить всякую женщину въ твоемъ положеніи—сильную, здоровую, красивую. Но ты прожила такъ, что я ни въ чемъ не имѣю упрекнуть тебя. За то же, что ты не пошла за мной въ моемъ исключительномъ духовномъ движеніи, я не могу упрекать тебя и не упрекаю, потому что духовная жизнь каждаго человѣка есть тайна этого человѣка съ Богомъ, и требовать отъ него другимъ людямъ ничего нельзя. И если я требовалъ отъ тебя, то я ошибался и виноватъ въ этомъ»...

Два послѣднихъ письма Л. Н. написаны—первое предъ разлукою (28 октября 1910), второе у М. Н. Толстой въ Шамардинѣ (31 октября). «Отъѣздъ мой огорчитъ тебя,—читаемъ въ первомъ,—сожалѣю объ этомъ, но пойми и повѣрь, что я не могъ поступить иначе. Положеніе мое въ домѣ становится—стало невыносимымъ. Кромѣ всего другого, я не могу болѣе жить въ тѣхъ условіяхъ роскоши, въ которыхъ жилъ, я дѣлаю то, что обыкновенно дѣлаютъ старики моего возраста—уходятъ изъ мірской жизни, чтобы жить въ уединеніи и тиши послѣдніе дни своей жизни. Пожалуйста пойми это и не ѣзди за мной, если и узнаешь, гдѣ я. Такой твой пріѣздъ только ухудшитъ твое и мое положеніе, но не измѣнитъ моего рѣшенія.—Благодарю тебя за твою честную 48-лѣтнюю жизнь со мной и прошу простить меня во всемъ, чѣмъ я былъ виноватъ передъ тобой, такъ же какъ и я отъ всей души прощаю тебя во всемъ томъ, чѣмъ ты могла быть виновата предо мной. Совѣтую тебѣ по-

мириться съ тѣмъ новымъ положеніемъ, въ которое ставитъ тебя мой отъѣздъ, и не имѣть противъ меня недобраго чувства»...—Въ письмѣ изъ Шамардина Толстой отказывается отъ свиданія съ С. А., находившейся въ безконечной тревогѣ и покушавшейся на самоубійство: «Свиданіе наше и тѣмъ болѣе возвращеніе мое теперь совершенно невозможно. Для тебя это было бы, какъ всѣ говорятъ, въ высшей степени вредно; для меня же это было бы ужасно, такъ какъ теперь мое положеніе вслѣдствіе твоей возбужденности, раздраженія, болѣзненнаго состоянія стало бы, если только возможно, еще хуже. Совѣтую тебѣ примириться съ тѣмъ, что случилось, устроиться въ своемъ новомъ на время положеніи, а главное лѣчиться... Твое же настроеніе теперь, твое желаніе и попытки самоубійства болѣе всего другого показываютъ твою потерю воли надъ собой и дѣлаютъ для меня теперь немыслимымъ мое возвращеніе... Не думай, что я уѣзжаю потому, что не люблю тебя; я люблю тебя и жалѣю отъ всей души, но не могу поступить иначе, чѣмъ поступаю... Прощай, милая Соня, помоги тебѣ Богъ! Жизнь не шутка, и бросать ее по своей волѣ мы не имѣемъ права и мѣрить ее по длинѣ времени тоже неразумно. Можетъ быть, тѣ мѣсяцы, которые мнѣ осталось жить, важнѣе всѣхъ прожитыхъ годовъ, и надо прожить ихъ хорошо».

Какъ бы мы ни отнеслись къ этому эпилогу отношеній Льва Толстого и жены его, переписка ихъ въ цѣломъ — при кажущейся мелочности — полна живого интереса и часто прелести. Это не «письма», какъ литературныя произведенія (Толстой написалъ много и такихъ), это—сама жизнь, ея живой трепетъ, въ которомъ чередуются и пестро и красочно переплетаются и внѣшняя мелочь, и теплый сердечный порывъ, и яркая мысль, и картинка природы и жизни,—все въ небрежныхъ сжатыхъ чертахъ и выраженіяхъ, но брошенныхъ несравненнымъ художникомъ слова, не думавшимъ о художественности выраженія, и потому обаятельныхъ. Весна особенно всегда будила въ Толстомъ поэта и въ глубокой старости онъ еще полонъ свѣжо-воспринимаемаго чувства природы, чувства ея неизмѣнно-кипучей жизни. «Необыкновенная красота весны нынѣшняго года разбудитъ мертваго. Жаркій вѣтеръ ночью колышетъ молодой листъ на деревьяхъ, и лунный свѣтъ, и тѣни, соловьи пониже, повыше, подальше, поближе, сразу и синкопами, и вдали лягушки, и тишина, и душистый жаркій воздухъ—и все это вдругъ, не во время, очень странно и хорошо. Утромъ опять игра свѣта и тѣней отъ большихъ, густо одѣвшихся березъ прешпекта по высокой уже, темно-зеленой травѣ, и незабудки, и глухая крапивка, и все—главное, маханье березъ прешпекта—такое же, какъ

было, когда я, 60 лѣтъ тому назадъ, въ первый разъ замѣтилъ и полюбилъ красоту эту. Очень хорошо и не грустно, потому что ничего позади этого не воображаю, а хорошо, какъ должно быть въ душѣ, и бываетъ хоть изрѣдка» (4 мая 1897 г.). Великій пантеистъ-язычникъ, какимъ былъ въ существѣ своей натуры Толстой-художникъ, живетъ и все время пробивается наружу въ этой перепискѣ. Но она касается также безчисленнаго множества крупныхъ и мелкихъ фактовъ его біографіи, его идей и настроеній, его встрѣчъ съ множествомъ людей, и неизбѣжно станетъ предметомъ не только чтенія и просмотра, но и подробнѣйшихъ изученій.

Второе изданіе переписки вышло безъ имени редактора и представляетъ въ большей части перепечатку стараго. Комментарій требовалъ бы значительныхъ дополненій, въ виду множества именъ, упоминаемыхъ въ перепискѣ, и фактовъ, которые требуютъ поясненій болѣе обстоятельныхъ, нежели даны теперь.

— „Бесѣды". Сборникъ Общества исторіи литературы въ Москвѣ. М. 1915 г. Стр. IV+222+99. Ц. 2 р.

Общество исторіи литературы основано въ Москвѣ въ 1910 г. и открыто 25 января 1911 г. Поставивъ себѣ цѣлью задачи изслѣдованія въ области исторіи литературы русской и всеобщей, зарожденіемъ своимъ оно обязано студенческому кружку при Московскомъ университетѣ, существовавшему въ 1908—1913 г.г. и объединявшему въ научной работѣ профессоровъ и студентовъ. Кружокъ и далъ первый составъ членовъ Общества, въ настоящее время расширившійся. Вышедшій нынѣ первый сборникъ «Бесѣдъ» состоитъ изъ докладовъ членовъ Общества въ его засѣданіяхъ, а также протоколовъ, содержащихъ бесѣды въ Обществѣ за первые три съ половиной года его жизни.

Сборникъ въ части, отведенной докладамъ, не даетъ, однако, полнаго понятія о жизни Общества. Значительная часть болѣе серьезныхъ докладовъ, вызывавшихъ, какъ видно по протоколамъ, живыя и содержательныя пренія, появлялась въ другихъ общихъ и спеціальныхъ изданіяхъ. Тѣмъ не менѣе и то, что вошло въ сборникъ, представляетъ нѣкоторый интересъ не только для спеціалистовъ, но и для рядовыхъ любителей исторіи литературы. Книга открывается рѣчью Н. Сидорова «Т. Н. Грановскій», написанной къ юбилею знаменитаго профессора сороковыхъ годовъ. Рѣчь даетъ въ общеизвѣстныхъ, но живо изложенныхъ чертахъ характеристику Грановскаго. С. Шуваловъ, по поводу академическаго изданія Лермонтова, доказываетъ, что редакторъ этого изданія Д. И. Абрамовичъ

сдѣлалъ ошибку, отказавшись отъ такъ называемаго карлсруйскаго текста «Демона», который (текстъ) должно считать окончательнымъ. Б. Лукьяновскій разбираетъ вопросъ объ отношеніяхъ Пушкина и Гоголя, подвергая сомнѣнію и критикѣ легенду о чрезвычайно близкой и интимной дружбѣ Пушкина и Гоголя. М. Сперанскій въ небольшой замѣткѣ говоритъ о рисункахъ Гоголя. Въ статьѣ Ив. Розанова «Кн. Вяземскій и Пушкинъ» сдѣланы сближенія между стихами обоихъ поэтовъ и указывается, какъ иногда перерождались и преобразовывались подъ перомъ Пушкина едва намѣченные и вялоразработанные Вяземскимъ поэтическіе мотивы. Ю. Соколовъ посвятилъ два очерка В. Т. Нарѣжному: «Нарѣжный и малорусская литературная традиція» и «Нарѣжный и Гоголь». В. Филипповъ далъ обширную библіографическую справку: «Моліеръ въ Россіи XVIII вѣка». Г. Малицкій пишетъ о «св. Георгіи въ обликѣ старца въ русской народной легендѣ и сказкѣ». Б. И. Ярхо даетъ этюдъ о Царлунъ Ріэу, поэтѣ-крестьянинѣ провансальской школы. Н. Гиляровская разсказываетъ о «страстяхъ Господнихъ». При отсутствіи въ настоящее время журнала, посвященнаго исторіи русской и всеобщей литературъ во всемъ ихъ объемѣ, изданіе «Бесѣдъ» можетъ имѣть свое значеніе. Первый опытъ молодыхъ изслѣдователей и любителей исторіи литературы заслуживаетъ вниманія и признательности, несмотря на нѣкоторую блѣдность его и преднамѣренную академичность.

Ч. В—скій.

— Проф. Е. Кагаровъ. Прошлое и настоящее египтологіи. Сергіевъ Посадъ. 1915.

Брошюра проф. Кагарова, выросшая изъ его доклада, прочитаннаго въ историко-филологическомъ обществѣ при Харьковскомъ университетѣ и опубликованная въ «Богословскомъ Вѣстникѣ», безъ сомнѣнія, будетъ встрѣчена съ большимъ интересомъ и искренней благодарностью, такъ какъ до сихъ поръ въ ряду научно популярныхъ статей и книгъ по исторіи Египта въ широкомъ смыслѣ этого слова, появившихся къ послѣднему времени у насъ въ Россіи въ довольно значительномъ числѣ, не было, насколько намъ извѣстно, болѣе или менѣе подробнаго очерка исторіи развитія самой науки о Египтѣ въ ея цѣломъ. Работа проф. Кагарова восполняетъ теперь этотъ пробѣлъ. Авторъ поименованной работы отнюдь не ставилъ себѣ цѣлью охватить затронутый вопросъ во всей его широтѣ. Онъ намѣревается лишь «отмѣтить основныя линіи юной науки, созданной геніальнымъ Шампольономъ» (предисловіе). Съ этой цѣлью онъ

разсматриваетъ развитіе египтологіи какъ бы въ граняхъ четырехъ періодовъ. Первый періодъ совпадаетъ съ эпохою дѣятельности Шампольона. Это—время стремленія къ разгадкѣ тайны іероглифовъ, время, когда эта тайна была постигнута, «когда было сорвано покрывало Изиды» и одновременно съ этимъ родилась новая наука—египтологія. Затѣмъ слѣдуетъ періодъ упадка, застоя, періодъ сомнѣнія въ предложенныхъ Шампольономъ данныхъ. Возрожденіе науки и вмѣстѣ съ тѣмъ третій періодъ ея развитія соединяется съ именемъ Рихарда Лепсіуса, примѣнившаго къ разработкѣ новой науки точный методъ и установившаго въ исторіи Египта опредѣленную періодизацію. Этотъ періодъ въ общемъ характеризуется по преимуществу тщательнымъ собираніемъ и упорядоченіемъ матеріаловъ. Въ четвертомъ періодѣ доминируютъ имена Адольфа Эрмана и Гастона Масперо. Египтологія возвышается до степени истинной науки. Объединяется вся масса накопившагося матеріала, объясняется механизмъ языка и письма, обосновываются точныя діалектическія границы различныхъ періодовъ въ исторіи египетскаго языка, строится зданіе его научной грамматики, отмѣчаются пункты сходства и различія египетскаго языка и языковъ ему родственныхъ. И все это совершается по строго точнымъ методамъ, съ крайней осторожностью выводовъ и неукоснительнымъ проведеніемъ историческаго принципа. Къ этому послѣднему періоду тѣсно примыкаетъ египтологія и въ томъ ея фазисѣ, въ какомъ она находится въ наши дни. Слѣдуетъ отмѣтить лишь «все болѣе и болѣе усиливающійся интересъ къ археологическимъ разысканіямъ на почвѣ самаго Египта» съ одной стороны и «поразительный ростъ нашихъ свѣдѣній о языкѣ древняго Египта, вызванный усовершенствованіемъ методовъ изслѣдованія»—съ другой. Достаточнымъ показателемъ успѣховъ работы на поприщѣ изученія древняго Востока вообще и Египта въ частности является «Исторія древняго міра» Э. Мейера, первый, вышедшій томъ которой «представляетъ собою кодификацію современнаго востоковѣдѣнія, дающаго, вмѣстѣ съ тѣмъ, глубокую и всестороннюю картину культуры древняго Востока». Таковы, согласно взгляду проф. Кагарова, основные этапы въ развитіи египтологіи, какъ науки. Что касается изложенія автора, то само собой понятно, что болѣе или менѣе подробно онъ останавливается лишь на сообщеніи свѣдѣній о наиболѣе выдающихся представителяхъ своей науки, напр., Шампольонѣ (изложеніе дается по труду Гермины Гартлебенъ), Лепсіусѣ, Эрманѣ и немногихъ другихъ, посвящая прочимъ лишь краткія замѣчанія. Должное вниманіе удѣлено—какъ можно видѣть изъ приведеннаго выше указанія главъ книги—и на-

шимъ отечественнымъ египтологамъ. Впрочемъ въ числѣ послѣднихъ, страннымъ образомъ, не упомянутъ проф. Фрезе.

Б. П. Ивановъ.

— Е. В. Тарле. Экономическая жизнь королевства Италіи въ царствованіе Наполеона I. Юрьевъ. 1916.—стр. X+532. Ц. 3 р. 50 к.

Королевствомъ Италіи (у насъ по-старому «Италійскимъ») называлось, какъ извѣстно, образованное Наполеономъ I въ сѣверной Италіи государство, главою котораго, съ титуломъ короля, былъ самъ императоръ французовъ, а намѣстникомъ—его пасынокъ принцъ Евгеній Богарнэ. Если принять въ разсчетъ, что французское владычество стало здѣсь утверждаться еще въ 1796 г. (періодъ республикъ сначала Презальпинской, потомъ Италійской), а окончилось съ паденіемъ первой имперіи, то продолжалось оно около двадцати лѣтъ, изъ которыхъ около десяти приходится на время «королевства», при чемъ нужно замѣтить, что границы его не разъ мѣнялись за этотъ короткій срокъ. Экономической жизни этой части Италіи и посвященъ только-что вышедшій большой томъ, заглавіе котораго и приведено выше.

Профессоръ Е. В. Тарле, три года тому назадъ, издалъ книгу еще большихъ размѣровъ (до семи съ половиной сотенъ страницъ), посвященную знаменитой «Континентальной блокадѣ» Наполеона I и представляющую собою самый обширный трудъ, какой только имѣется въ научной литературѣ объ этомъ предметѣ. Въ немъ королевству Италіи было отведено около шести страницъ, а теперь написана цѣнная большая книга, составляющая второй томъ «Континентальной блокады». Уже въ первомъ томѣ авторъ жаловался на сравнительно малую разработанность ихъ, скорѣе, на совершенную неразработанность вопроса объ экономической сторонѣ континентальной блокады (или «системы», какъ у насъ было принято ее называть), да и печатнаго сырого матеріала по этому вопросу оказалось крайне недостаточно. Это заставило профессора Тарле, заинтересовавшагося предметомъ, обратиться къ архивамъ, которые и доставили ему весьма обильный матеріалъ. «Экономическая жизнь королевства Италіи», можно сказать, написана почти исключительно на основаніи неизданныхъ документовъ, найденныхъ имъ въ Миланѣ, бывшемъ столицею Италійскаго королевства, и въ Парижѣ, (въ архивахъ національномъ и министерства иностранныхъ дѣлъ). Часть использованнаго авторомъ матеріала и была опубликована въ приложеніи къ книгѣ (на итальянскомъ и французскомъ языкахъ).

Въ первомъ томѣ «Континентальной блокады» пр. Тарле установилъ, что въ самой Французской имперіи Наполеонъ I строго различалъ старые французскіе департаменты отъ вновь присоединенныхъ. Такой же политики держался онъ и по отношенію къ своему «королевству» въ Италіи. Для него это была завоеванная страна, населенію которой онъ не довѣрялъ и назначеніе которой видѣлъ въ томъ, чтобы имѣть въ ней своего рода «экономическую колонію» имперіи. Вся первая глава книги («Наполеонъ I и королевство Италія») представляетъ собою интересный очеркъ политическаго наложенія сѣверной Италіи еще съ 1796 года, весьма важный для характеристики общей имперской политики Наполеона.

Главное содержаніе новаго труда проф. Тарле, однако, не въ этомъ, а въ хозяйственной жизни страны. Правда, и въ первой главѣ нѣсколько страницъ посвящено финансамъ королевства, но самыми важными главами, выясняющими и характеризующими экономическое состояніе, являются вторая и третья, въ которыхъ рѣчь идетъ объ общественныхъ классахъ страны и о преобладавшихъ въ ней формахъ промышленнаго труда. Между прочимъ, здѣсь дано немало свѣдѣній о путяхъ сообщенія, о машинахъ, объ искусственной ирригаціи и т. п. Слѣдующія главы говорятъ о торговыхъ отношеніяхъ королевства, какъ до введенія континентальной системы (гл. IV), такъ и послѣ ея установленія (гл. V), при чемъ въ особую главу (VI) выдѣленъ вопросъ о морской торговлѣ и портахъ, и отдѣльная глава (VII) разсматриваетъ общія условія внѣшней торговли Италіи въ годы блокады. Эти семь главъ имѣютъ болѣе общій интересъ, остальныя—совершенно спеціальный; посвящены разнымъ отдѣльнымъ производствамъ,—шелковому, шерстяному, хлопчатобумажному, полотняному и т. д. Всѣ перечисленныя здѣсь полтора десятка производствъ занимаютъ по числу страницъ цѣлую треть текста книги (стр. 304—459).

Вкратцѣ резюмируя общіе выводы проф. Тарле, свожу ихъ къ слѣдующимъ. Благодаря тѣмъ политико-географическимъ рамкамъ, въ какія Наполеонъ поставилъ страну, она могла лишь съ трудомъ жить полною экономическою жизнью и развивать свои экономическія силы. Неблагопріятныя послѣдствія для королевства Италіи имѣло и то, что отъ остальныхъ заальпійскихъ (т.-е. вообще итальянскихъ) департаментовъ имперіи (т.-е. отъ Тосканы и Римской области) оно было тщательно отгорожено таможенною стѣною. Оно не могло пользоваться ввозомъ сырья, разъ послѣднее было необходимо для имперіи, и вынуждено было получать всѣ нужныя издѣлія обрабатывающей промышленности изъ Франціи. Для превращенія королевства Италіи въ экономическую колонію Франціи

Наполеонъ не останавливался ни передъ чѣмъ. Сельскіе хозяева сравнительно меньше терпѣли отъ такой торговой политики, такъ какъ передъ итальянскимъ хлѣбомъ, рисомъ и шелкомъ-сырцомъ нерѣдко широко открывались ворота въ имперію, но это нанесло ущербъ потребителямъ и мануфактуристамъ. Континентальная блокада нанесла сильный ударъ нѣкоторымъ производствамъ, особенно шелковому, и морской торговлѣ королевства и его портамъ (въ частности, напр., Тріесту, присоединенному къ королевству только въ 1809 году). Легко переносила блокаду только та обрабатывающая промышленность, которая и до блокады обслуживала лишь мѣстный рынокъ (исключеніе составляло одно шелковое производство), а если и страдала, то только отъ невыгоднаго для страны таможеннаго законодательства Наполеона. «То, говоритъ авторъ, что потеряли въ Италіи англичане, выиграли не итальянцы, но французы». Вытѣснивъ изъ Италіи англійскія хлопчато-бумажныя ткани, Наполеонъ позаботился, чтобы страна не обзавелась собственнымъ хлопчато-бумажнымъ производствомъ, а покупала такія ткани исключительно изъ Франціи.

Интересны собранныя проф. Тарле данныя о господствовавшей формѣ промышленности въ странѣ: это были мелкое ремесло и домашняя индустрія, часто сельская. Даже если и были крупныя предпріятія, то работали они при помощи мелкихъ мастерскихъ и кустарей. Авторъ указываетъ еще на благодѣтельныя слѣдствія законодательныхъ и административныхъ реформъ для хозяйственной жизни королевства, но и эти слѣдствія парализовались другими сторонами наполеоновскаго владычества. Торгово-промышленные классы были крайне недовольны болѣе, чѣмъ какіе-либо другіе классы, и спрашивали себя, чѣмъ же держится и для чего существуетъ наполеоновское владычество въ странѣ. Отвѣтъ могъ быть одинъ: «держится мечемъ, существуетъ для эксплоатаціи страны».

Интересны также соображенія автора относительно тогдашняго значенія для англичанъ Мальты для контрабандной торговли съ Италіей, особенно для вывоза оттуда шелка-сырца и для ввоза колоніальныхъ товаровъ. Отмѣчу, наконецъ, то, что авторъ говоритъ о вредѣ колоніальной блокады для Венеціи и ея области, особенно послѣ отнятія у королевства Италіи Истріи и Далмаціи, что отрѣзало Венецію отъ Балканскаго полуострова.

Свою интересную книгу авторъ посвятилъ «памяти студентовъ Юрьевскаго университета, павшихъ за родину».

Н. Карѣевъ.

— Проф. У. Макъ-Дауголлъ. Основныя проблемы соціальной психологіи. Москва. 1916 г. 281 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Не такъ давно и въ соціологіи—въ области теоріи факторовъ,—и въ психологіи,—въ сферѣ мотивовъ человѣческаго поведенія,—*былъ въ модѣ «монизмъ»*. Онъ былъ чуть ли не признакомъ «хорошаго тона» и научности теоріи. Клички «плюралиста» и «эклектика» употреблялись какъ нѣчто позорное и научно-отрицательное. Таковъ былъ «духъ времени». Сообразно съ нимъ почти каждый крупный теоретикъ въ указанныхъ областяхъ строилъ болѣе или менѣе «монистическую» теорію: одинъ (Тардъ) выдвигалъ въ качествѣ главнаго и почти единственнаго фактора общественной эволюціи подражаніе, другіе (марксисты)—экономику, третьи (контисты) — знаніе, четвертые (Ковалевскій, Костъ)—размноженіе, пятые (Зиммель, Дюркгеймъ)—раздѣленіе труда и т. д. и т. д. То же происходило и въ теоріи мотивовъ человѣческаго поведенія: и здѣсь главной пружиной считалась опять-таки какая-нибудь одна: то идеи или представленія (школа Гербарта), то воля (волюнтаристы), то чувство, заставляющее избѣгать страданія и искать удовольствія (гедонисты) и т. п. Несмотря на то, что такое «монизированіе» весьма похоже было на ѳалесовскій монизмъ, гласившій: сущность вещей—вода, этого не замѣчали, и число монистическихъ теорій росло. Но такъ какъ таковыхъ накопилось довольно много, то volens-nolens пришлось поставить вопросы: обосновано ли въ этихъ областяхъ само стремленіе свести всѣ факторы къ одному? Можно ли и допустимо ли такія сложныя явленія, какъ человѣческое поведеніе или общественныя измѣненія, объяснять единой причиной, какова бы она ни была? Сознательно или безсознательно поставленные, эти вопросы неизбѣжно должны были вызвать ревизію и пересмотръ законности и допустимости монизма. И не случайнымъ, думается мнѣ, является тотъ фактъ, что въ обѣихъ изъ указанныхъ областей за послѣднее время намѣчается сдвигъ въ сторону *плюрализма*, болѣе точнаго разложенія дѣйствующихъ здѣсь факторовъ и силъ на многочисленные ряды и установленіе ихъ взаимоотношенія. И не трудно видѣть, почему монизмъ въ этихъ областяхъ рѣшительно недопустимъ: если простѣйшее явленіе,—напр., движеніе луны около земли физика принуждена объяснять, по меньшей мѣрѣ, двумя факторами—инерціей и закономъ тяготѣнія, то объяснить исторію человѣчества или поведеніе человѣка однимъ факторомъ—будь то борьба расъ, подражаніе, экономика или что другое,—предпріятіе, очевидно, безнадежное. Всякая подобная попытка—покушеніе съ абсолютно-негодными средствами, пережитокъ старой метафизики,

желавшей свести всю безконечность и разнообразіе явленій къ единой «сущности». Мудрено ли поэтому, что новѣйшія работы какъ въ области соціальныхъ факторовъ, такъ и въ сферѣ факторовъ человѣческаго поведенія все рѣзче и рѣзче разрываютъ съ монизмомъ. Къ числу «плюралистическихъ» работъ должна быть отнесена и книга Макъ-Дауголла. И въ этомъ ея главное достоинство. Заданіе книги—нѣсколько не соотвѣтствуетъ ея заглавію: оно заключается въ попыткѣ—дать теорію принциповъ человѣческаго поведенія путемъ анализа тѣхъ силъ, которыми обусловливается индивидуальное поведеніе человѣка, а, рѣшивши эту задачу, тѣмъ самымъ вскрыть и факторы общественныхъ измѣненій, опредѣляющихъ и управляющихъ соціальной механикой. Теорія силъ, выдвигаемыхъ М.-Дауголломъ, въ существенномъ сводится къ слѣдующему: 1) Въ основѣ всего поведенія человѣка лежатъ прежде всего инстинкты, какъ наслѣдственное психо-физическое предрасположеніе, и сопровождающія ихъ специфическія эмоціи. Таковыхъ онъ насчитываетъ 7-мь: инстинктъ бѣгства, сопровождающійся эмоціей страха, инстинктъ отталкиванія (эмоція отвращенія), любопытства (эмоція удивленія), драчливости (эмоція гнѣва), инстинктъ самоуниженія и самоувѣренности (эмоціи покорности и самопревозношенія), родительскій инстинктъ (эмоція нѣжности) и рядъ другихъ инстинктовъ (воспроизведенія, стадности, ревности и др.), сопровождающихся менѣе опредѣленными эмоціями. 2) Слѣдующей категоріей факторовъ поведенія, по М.-Дауголлу, являются три основныхъ псевдо-инстинкта—внушеніе, подражаніе и симпатія. 3) Къ этимъ факторамъ далѣе присоединяются: a) чувства, b) сознаніе (идеи) и c) и обусловливаемая всѣмъ предшествующимъ сознательная волевая дѣятельность. Устанавливая эту классификацію факторовъ, опредѣляющихъ поведеніе, авторъ попутно очерчиваетъ и генезисъ каждаго изъ нихъ, а равно и генезисъ личности, нашего «я», временами подчеркивая различныя детали и условія, вліяющія на выработку нашего характера темперамента и т. д.

Въ слѣдующемъ отдѣлѣ онъ переходитъ къ изученію тѣхъ эффектовъ, которые вызываетъ каждый изъ указанныхъ факторовъ въ соціальной жизни. Въ X-ой главѣ онъ излагаетъ соціальные эффекты инстинктовъ размноженія и родительскаго инстинкта, въ XI—соціальные институты, вызванные инстинктомъ драчливости, въ XII—стадности, въ XV—подражаніемъ.

Въ послѣдней главѣ—онъ даетъ общую теорію человѣческаго дѣйствія.

Таково въ основныхъ чертахъ заданіе и главное содержаніе книги М.-Дауголла, написанной просто и въ то же время инте-

ресно. Знакомство съ ней полезно и для рядового читателя и для спеціалиста. Послѣднему общая схема взглядовъ автора дастъ немного, но зато рядъ деталей—возрѣнія на природу инстинкта, эмоціи и т. д.—несомнѣнно, будутъ интересными и поучительными.

Какъ выше было замѣчено, главное достоинство работы М.-Дауголла заключается въ его разрывѣ съ монизмомъ факторовъ поведенія и въ рѣзкомъ переходѣ къ плюрализму.

Другой вопросъ уже—насколько удачно классифицированы имъ эти факторы. На мой взглядъ,—его попытка далека отъ совершенства, и не трудно понять почему. Въ самомъ дѣлѣ, допустимъ, что авторъ правъ, объяснитъ ли его теорія поведеніе человѣка? Авторъ учелъ только біологическіе факторы поведенія (инстинкты) и отчасти соціальные—воля, разумъ, чувство. Космическіе же факторы (температура, смѣна временъ года, дня и ночи, флора и фауна и т. д.) имъ рѣшительно не учтены. А между тѣмъ любая работа по моральной статистикѣ вліяніе таковыхъ дѣлаетъ очевиднымъ. Не учтены имъ совершенно и рефлексы, между тѣмъ ихъ роль въ поведеніи громадна. Далѣе, не мало возраженій вызываетъ какъ его понятіе инстинкта, такъ и ихъ классификація. Здѣсь виденъ полный произволъ автора и нѣтъ обоснованнаго fundamentum divisionis ихъ. Почему въ самомъ дѣлѣ указаны въ качествѣ первичныхъ инстинктовъ—драчливость или любопытство, а забыты—голодъ или инстинктъ размноженія? Равнымъ образомъ не видно, почему выдѣлены въ качествѣ особыхъ инстинктовъ—инстинкты пріобрѣтенія или строительства. Говоря коротко, классификація инстинктовъ автора очень и очень спорна и едва-ли пріемлема.

Не мало возраженій вызываютъ и остальныя части его работы. Его общая позиція плюрализма—вѣрна, но положительно-творческая часть—малоудачна и во всякомъ случаѣ гораздо ниже тѣхъ попытокъ, которыя сдѣланы русскими учеными въ этой области. Я разумѣю работы Л. І. Петражицкаго, В. А. Вагнера, И. П. Павлова и В. М. Бехтерева.

Научная и исчерпывающая теорія факторовъ соціальной эволюціи и индивидуальнаго поведенія еще ждетъ своего творца. Работа М.-Дауголла только возбуждаетъ и ставитъ вопросы, но не «питаетъ» и не даетъ нужныхъ отвѣтовъ. Тѣмъ не менѣе она интересна и будитъ мысли и направляетъ вниманіе на явленія, обычно мало замѣчаемыя.

Питиримъ Сорокинъ.

— Вопросы финансовой реформы въ Россіи. Подъ редакціей проф. В. Я. Желѣзнова. Москва, 1915. И. А. Поплавскій. Желѣзнодорожный тарифъ и условія пересмотра желѣзнодорожныхъ тарифовъ въ Россіи въ 1914/15 гг. Москва, 1915.

Въ этомъ первомъ выпускѣ трудовъ финансовой комиссіи общества имени А. И. Чупрова для разработки общественныхъ наукъ, задавшагося цѣлью «обстоятельнаго изученія основъ желательной общей реформы русскихъ финансовъ, объективнаго критическаго разбора принятыхъ новыхъ чрезвычайныхъ финансовыхъ мѣръ и возможно болѣе широкаго фактическаго обслѣдованія результатовъ, проявившихся въ хозяйствѣ и бытѣ населенія послѣ запрещенія продажи питей», заключается двѣ небольшія статьи болѣе общаго характера, г.г. Соболева и Василевскаго, и спеціальное изслѣдованіе И. А. Поплавскаго, выдѣленное, кромѣ того, въ особое, вышеназванное изданіе. М. Н. Соболевъ защищаетъ въ своей статьѣ схему финансовой реформы, отвѣчающую «тенденціямъ финансоваго хозяйства современныхъ государствъ» и построенную на новыхъ для насъ подоходномъ налогѣ и налогѣ на приростъ цѣнностей, на усиленномъ обложеніи фундированнаго дохода путемъ введенія общаго поимущественнаго налога, настигающаго «всѣ виды производительнаго имущества, начиная отъ недвижимой собственности и кончая оборотнымъ капиталомъ торговаго или промышленнаго предпріятія и наличными деньгами» и на повышеніи наслѣдственнаго налога. Б. Б. Веселовскій даетъ краткій очеркъ современнаго состоянія земскихъ и городскихъ финансовъ и для ихъ подкрѣпленія на ближайшіе годы рекомендуетъ скорѣйшее завершеніе переоцѣнокъ недвижимости, передачу земствамъ и городамъ нѣкоторыхъ реальныхъ налоговъ, введеніе и развитіе доходныхъ предпріятій и др. Центръ тяжести даннаго выпуска заключается, однако, въ большой статьѣ г. Поплавскаго о новомъ желѣзнодорожномъ налогѣ. Въ этой статьѣ авторъ указываетъ на нераціональность желѣзнодорожнаго налога вообще, изслѣдуетъ возможное вліяніе введеннаго налога на конкурренцію желѣзнодорожнаго транспорта съ воднымъ и гужевымъ; дѣлаетъ попытку количественнаго учета вліянія желѣзнодорожнаго налога на повышеніе цѣны товаровъ; объясняетъ, какъ неравномѣрно падаетъ этотъ налогъ на различные продукты, различные районы, отдѣльныя промышленныя предпріятія въ зависимости отъ того, принадлежитъ ли данный товаръ къ мало или высокоцѣннымъ предметамъ, сырымъ матеріаламъ или продуктамъ обработки послѣднихъ; находится ли данный районъ въ полосѣ желѣзнодорожныхъ или водныхъ сообщеній, имѣетъ земледѣльческій или промышленный характеръ; пользуется ли промышленное предпріятіе мѣст-

ными или доставляемыми по желѣзнымъ дорогамъ сырыми матерьялами и т. п. Изслѣдованіе г. Поплавскаго выполнено съ любовью и потребовало большой затраты труда на производство необходимыхъ для выясненія вопроса вычисленій. И, несмотря на спеціальный характеръ, статья его, касающаяся злободневнаго вопроса о дороговизнѣ, читается съ интересомъ. Нужно, однако, имѣть въ виду, что желѣзнодорожный налогъ введенъ былъ всего на одинъ годъ, и цѣль увеличенія дохода казны отъ желѣзнодорожныхъ перевозокъ достигается теперь примѣненіемъ повышенныхъ ставокъ провозныхъ платъ, установленныхъ при общемъ пересмотрѣ тарифовъ лѣтомъ истекшаго года. Трудъ автора, вложенный въ изслѣдованіе, не теряетъ, однако, вслѣдствіе указаннаго обстоятельства, значенія и для будущаго, т. к. сдѣланные имъ подсчеты могутъ служить и для оцѣнки бремени повышенія жел.-дор. тарифовъ.

—Труды комиссіи по изученію современной дороговизны. Выпускъ II и III. Москва. 1915. Я. М. Букшпанъ. Міровая дороговизна. Петроградъ. 1915.

Читатель «Вѣстника Европы» уже освѣдомленъ о содержаніи одного выпуска трудовъ комиссіи общества имени А. И. Чупрова по изученію современной дороговизны, заключающаго рядъ монографій объ отдѣльныхъ предметахъ потребленія. Два новыхъ выпуска тѣхъ же трудовъ содержатъ много другихъ статей, отвѣчающихъ намѣченному для даннаго коллективнаго труда плану. Первый выпускъ открывается перепечатанной изъ «Вѣстника Финансовъ» статьей Я. М. Букшпана, заключающей данныя о движеніи цѣнъ въ различныхъ государствахъ Западной Европы (имѣющейся, кромѣ того, въ отдѣльномъ, названномъ выше, изданіи), за которой слѣдуетъ интересная статья П. П. Маслова о томъ же предметѣ, но по отношенію къ Россіи. Въ этой статьѣ констатируется фактъ меньшаго повышенія (къ веснѣ 1915 г.) цѣнъ предметовъ потребленія болѣе зажиточныхъ слоевъ населенія (пшеница, яйца, масло), составляющихъ вмѣстѣ съ тѣмъ главные предметы прекратившагося теперь экспорта, и наибольшаго повышенія цѣнъ предметовъ массоваго потребленія (ржаная мука, гречневая крупа, хлопокъ) и предметовъ, на которые возникъ усиленный спросъ со стороны арміи. Сопоставляя цѣны продуктовъ въ мѣстахъ производства и сбыта, авторъ исчисляетъ приблизительно долю, остающуюся въ рукахъ посредниковъ, а вмѣстѣ съ другими сопоставленіями пытается опредѣлить, въ руки какого промышленнаго класса—производители, тор-

говцы-оптовики и мелочники—попадала, главнымъ образомъ, сверхъ-прибыль, образовавшаяся въ военное время.

Согласно общему плану изслѣдованія, названныя двѣ статьи, какъ имѣющія общій характеръ, должны находиться во главѣ изданія, а за ними должны слѣдовать монографіи объ отдѣльныхъ предметахъ потребленія. Часть этихъ послѣднихъ была, однако, закончена и напечатана раньше (во II, уже извѣстномъ читателю выпускѣ), а въ разсматриваемомъ нынѣ первомъ (по заданію) выпускѣ трудовъ комиссіи по изученію современной дороговизны помѣщено шесть статей относительно производства и движенія цѣнъ на хлѣбные и кормовые продукты. Статья г. Иванцова (Урожай 1914 г.), коллективныя статьи г.г. Богомазова, Здановскаго и Левина (Условія 1914—15 с. х. года) и статья г. Липкина (Цѣны на хлѣбъ и корма въ первый годъ войны) имѣютъ освѣдомительный характеръ. Изъ нихъ ближайшее отношеніе къ предмету изслѣдованія имѣетъ послѣдняя статья, констатирующая движеніе цѣнъ (по различнымъ источникамъ) на отдѣльные хлѣбные и кормовые продукты по мѣсяцамъ въ теченіе перваго года войны на крупныхъ оптовыхъ и на мѣстныхъ рынкахъ, въ производительныхъ и потребительныхъ районахъ Россіи. Она устанавливаетъ также соотношеніе этихъ цѣнъ другъ къ другу и отношеніе ихъ къ индексу 24 предметовъ, обращающихся на русскихъ рынкахъ, и къ цѣнамъ на хлѣба въ Западной Европѣ. Другая статья Ѳ. А. Липкина—«Общія условія образованія хлѣбныхъ цѣнъ» и статья В. Г. Громана—«Изслѣдованіе цѣнообразующихъ факторовъ въ годъ войны», имѣютъ, если можно такъ выразиться, разъяснительный характеръ, ставя себѣ задачей не простое констатированіе фактовъ, а изслѣдованіе нѣкоторыхъ закономѣрностей и зависимости хлѣбныхъ цѣнъ отъ нѣкоторыхъ фактовъ не только въ военное, но и въ мирное время. Преобладающая часть этихъ статей посвящена именно статистическому изслѣдованію о цѣнообразующихъ факторахъ и законосообразностяхъ въ соотношеніяхъ цѣнъ въ обычное время, и установленныя зависимости примѣняются затѣмъ къ военному времени. Въ статьяхъ гг. Липкина и Громана содержится, поэтому, больше, чѣмъ объясненіе особенностей текущаго момента; онѣ составляютъ страницу изъ общей экономики Россіи и читаются поэтому, несмотря на строго статистическій характеръ, съ неослабѣвающимъ интересомъ.

Въ данномъ выпускѣ трудовъ комиссіи по изученію современной дороговизны констатируются факты и изслѣдуются зависимости въ области цѣнъ въ связи съ производствомъ, наличностью и потребленіемъ данныхъ продуктовъ. Въ другомъ выпускѣ трудовъ разсматриваются тѣ явленія финансово-хозяйственной жизни страны

въ которыхъ полагаютъ найти объясненіе современной дороговизны. Здѣсь мы находимъ статьи о налогахъ, введенныхъ во время войны (г.г. Генцеля, Соколова и Поплавскаго), о разстройствѣ денежнаго обращенія (г. Каценеленбаума) и желѣзнодорожнаго транспорта (г. Арцымовича), о роли банковъ и кредита (г. Гензеля), о состояніи рынка рабочихъ (г. г. Маслова и Милютина), какъ одного изъ факторовъ производства и цѣны продуктовъ, и объ явленіи спеціально военнаго времени—запрещеніи вывоза тѣхъ или другихъ товаровъ изъ одной области Россіи въ другую (г. Прокоповича). Здѣсь же помѣщена статья изъ новой группы темъ, поставленныхъ комиссіей о борьбѣ съ дороговизной, статья г. Шлезингера, о муниципальныхъ закупочныхъ операціяхъ.

Всѣ работы, включенныя въ три выпуска трудовъ комиссіи об-ва имени А. И. Чупрова, доведены до весны 1915 г., послѣ которой цѣны предметовъ потребленія сдѣлали новый скачекъ вверхъ, и такое движеніе коснулось по преимуществу тѣхъ предметовъ (пшеничная мука, яйца, масло), которые сравнительно мало поднялись въ цѣнѣ въ началѣ войны. Изслѣдованіе о современной дороговизнѣ, по существу дѣла, является поэтому незаконченнымъ, и та или другая организація, тѣ или другія лица будутъ, конечно, продолжать дѣло, начатое Москвою. Труды комиссіи московскаго общества значительно облегчаютъ эту задачу и потому, что въ нихъ систематизированъ богатый статистическій матеріалъ и сдѣлана критическая оцѣнка послѣдняго, что въ нихъ можно найти много указаній методологическаго характера и наводящихъ заключеній по существу дѣла. Труды эти, однако, вызываютъ замѣчанія внѣшняго, такъ сказать, характера. Они переполнены цифрами, не свободны отъ опечатокъ, но не имѣютъ листа послѣднихъ; а этому, вѣроятно, обстоятельству слѣдуетъ приписать недоумѣнія, возникшія у автора этихъ строкъ. Не вдаваясь въ подробности, ограничимся пробнымъ указаніемъ на два факта, вызвавшіе такое недоумѣніе. Въ третьей справа графѣ таблицы на стр. 272 1-го выпуска трудовъ, процентное отношеніе хлѣбной наличности къ среднимъ даннымъ за десятилѣтіе показаны 109 (для періода 1901—04 г г.) и 104 (для 1909—12 г г.), между тѣмъ какъ абсолютныя числа, соотвѣтствующія этимъ процентамъ (см. прил. табл. I), для второго періода выше, чѣмъ для перваго. Въ послѣдней строкѣ таблицы на стр. 342 разница осенней и весенней цѣнъ пуда ржи въ 1914—15 гг. исчислена въ 52 к., въ то время какъ на стр. 341 весенняя цѣна ржи показана въ 1 р. 12 к., а осенняя въ 80 к., и разница между ними опредѣляется въ 32 к. Въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло, повидимому не съ опечатками, а съ ошибками; поэтому считаемъ не лишнимъ указать, что правильныя, по

нашему предположенію, цифры не только не ослабляютъ, но даже подчеркиваютъ заключенія, выведенныя изъ ошибочныхъ. В. В.

— Гр. В. А. Дмитріевъ-Мамоновъ и З. Евзлинъ, подъ ред. проф. М. И. Боголѣпова. Деньги. Петроградъ. 1915. Стр. VIII+608. Цѣна 2 р. 50 к.

Война съ большой силой выдвинула передъ нами множество и старыхъ и новыхъ экономическихъ проблемъ. Къ числу ихъ относятся и вопросы денежнаго обращенія. Вполнѣ естественно, что нужно цѣнить всякую попытку рѣшить или только опредѣленно поставить эти вопросы, или даже попытку только удовлетворить соотвѣтствующіе запросы со стороны общества.

Съ этой точки зрѣнія заслуживаетъ вниманія начинаніе—выпустить подъ общимъ названіемъ «Банковое дѣло» руководящую справочную работу по вопросамъ денежнаго и кредитнаго обращенія въ связи съ дѣятельностью банковъ. Намѣчены четыре книги. Мы имѣемъ пока первую часть—книгу «Деньги».

Книга представляетъ изъ себя умѣлое, популярное и въ то же время строго-научное изложеніе вопроса. Разсмотрѣвъ съ исторической и теоретической точки зрѣнія металлическое денежное обращеніе, авторы переходятъ къ такому же изложенію кредитнаго обращенія, а затѣмъ и обращенія бумажно-денежнаго. Далѣе цѣлая глава посвящена вопросу о законахъ денежнаго обращенія. Послѣдняя глава трактуетъ проблему денежнаго рынка, а въ заключеніе дается краткая критика существующей системы обращенія. Такимъ образомъ, затронуты послѣдовательно всѣ важные вопросы денежнаго обращенія.

Авторы стремились по лучшей литературѣ зафиксировать добытое наукой знаніе, и эта задача выполнена ими вполнѣ удачно. Можно отмѣтить лишь одно упущеніе: они совершенно не даютъ понятія о существующихъ теоріяхъ денегъ и кредита; а между тѣмъ для лучшей оріентировки читателя—это было бы далеко не безполезно. Но это упущеніе настолько незначительно, что цѣнность книги остается непоколебленной. Н. Кондратьевъ.

— Шарль Жидъ. Основы политической экономіи. Переводъ съ французскаго Виктора Сережникова. Подъ ред. прив.-доц. В. Ѳ. Тотоміанца. Москва. 1916 г. Стр. XIV+615. Ц. 3 р. 50 к.

Книга Ш. Жида представляетъ собой переводъ съ послѣдняго, 14-го, французскаго изданія его университетскаго учеб-

ника—«Principes d'Economie Politique» (1913). Въ русскомъ переводѣ она появляется во второй разъ; но первый переводъ былъ сдѣланъ 21 годъ тому назадъ (въ 1894 г.) съ 4-го французскаго изданія. Вполнѣ естественно, что за это время книга видоизмѣнилась и усовершенствовалась.

На долю «Principes» Жида выпалъ рѣдкій успѣхъ. Книга въ различное время была переведена уже на 12 языковъ; общій тиражъ ея достигаетъ 110.000 экземпляровъ, и, слѣдовательно, какое огромное число людей прошло «сквозь строй» мыслей автора. Одно это обстоятельство уже останавливаетъ наше вниманіе на ней.

Не ставя своей задачей дать исчерпывающій анализъ книги или критику взглядовъ автора, отмѣтимъ лишь наиболѣе характерныя и важныя для читателя черты ея.

Первой такой чертой, дающей намъ представленіе о Жидѣ, какъ ученомъ и мыслителѣ, поскольку онъ выразился здѣсь, является то, что въ самыхъ сложныхъ и спорныхъ проблемахъ политической экономіи авторъ стремится всюду занять примиряющую позицію. Такъ, въ теоріи цѣнности, не отвергая и не принимая трудовую и субъективную теорію, онъ пытается примирить ихъ. По его мнѣнію, каждая изъ нихъ «представляетъ одну сторону истины» (65): если благо становится цѣнностью потому, что мы желаемъ его, то съ другой стороны несомнѣнно, что нашъ трудъ, наше усиліе оказываетъ воздѣйствіе на самыя наши желанія и тѣмъ самымъ на цѣнность. Примиряющую позицію занимаетъ Жидъ и въ вопросѣ о понятіи капитала. Одна теорія считаетъ капиталъ логической, другая исторической категоріей. Жидъ полагаетъ, что «между этими теоріями нѣтъ неизбѣжнаго противорѣчія» (127): онѣ только подходятъ къ явленію съ разныхъ сторонъ, первая со стороны естественныхъ и постоянныхъ, а вторая со стороны пріобрѣтенныхъ и преходящихъ качествъ капитала. Приведенные примѣры—лишь наиболѣе яркіе; но подобныхъ имъ въ книгѣ не мало.

Въ примиреніи противорѣчивыхъ взглядовъ, конечно, ничего худого нѣтъ, если примиреніе это является не механическимъ соединеніемъ разныхъ взглядовъ, а логически обоснованнымъ слѣдствіемъ принятыхъ и аргументированныхъ авторомъ положеній, когда примиреніе обращается въ дѣйствительный, а не словесный, синтезъ. Вотъ этого-то мы и не находимъ у Жида. Онъ не углубляетъ своихъ тезисовъ. Оттѣнокъ недостаточной глубины лежитъ, напримѣръ, на его ученіи о классахъ. Классъ для него—это группа, объединенная извѣстною общностью интересовъ въ распредѣленіи богатствъ (450). Нетрудно видѣть, что здѣсь, собственно, не рѣшена, а обойдена самая проблема: мы не знаемъ,

какой же общностью интересовъ объединена группа. Затѣмъ, авторъ, разсматривая производство, останавливаетъ свое вниманіе и на производствѣ въ хозяйствахъ публичнаго характера, какъ государственное и муниципальное. Но мало того, что о послѣднемъ Жидъ ничего не сказалъ содержательнаго, кромѣ обычныхъ сужденій зауряднаго финансиста, мы не видимъ логическихъ основаній автора, по которымъ публичное хозяйство должно стать рядомъ съ хозяйствомъ народнымъ, построеннымъ на совсѣмъ иныхъ принципахъ. Наконецъ, авторъ вводитъ въ книгу отдѣлъ потребленія и предсказываетъ ему большое будущее. Однако, помимо того, что отдѣлъ этотъ у него малосодержателенъ и неоригиналенъ, мы снова не видимъ у автора основаній, по которымъ онъ вводитъ этотъ отдѣлъ потребленія. Т. о. то, что Ш. Жидъ не углубляетъ своихъ тезисовъ, составляетъ вторую характерную черту книги. Въ зависимости отъ этого его тезисы нерѣдко звучатъ *догматически*. Послѣднее, впрочемъ, авторъ отмѣчаетъ и самъ въ своемъ предисловіи, говоря, что «не задавался цѣлью защищать тѣ или иныя положенія».

Третьей чертой книги—и здѣсь мы переходимъ къ Жиду, какъ популяризатору и педагогу—служитъ то, что она написана съ большою легкостью и большимъ изяществомъ стиля. Мало того, книга представляетъ собой достаточно полную и объективную, стоящую на уровнѣ современныхъ знаній, систему экономической науки; хорошо изложенъ отдѣлъ обращенія.

Отмѣтимъ, наконецъ, еще и четвертую сторону, которая также не можетъ быть безразличной для читателя. Книга проникнута какимъ-то особеннымъ идеализмомъ, преданностью идеѣ человѣческой солидарности и кооперацій. Ко многимъ вопросамъ Жидъ подходитъ не только съ теоретической, но и съ морально-политической точки зрѣнія. Онъ вскрываетъ жизненное значеніе и практическій интересъ теоретическихъ проблемъ. На-ряду съ привлекательностью изложенія, данной чертой своей книги Ш. Жидъ не мало способствуетъ достиженію выставленной имъ въ предисловіи задачи: «Я хотѣлъ не столько дать разрѣшеніе проблемъ, сколько показать, какого глубокаго интереса полны онѣ». Однако, и въ этомъ направленіи читателю необходимо имѣть въ виду нѣкоторыя тѣневыя стороны. Жидъ часто увлекается и не ставитъ рядомъ, а смѣшиваетъ теоретическій и практическій подходъ къ вопросамъ. Благодаря этому нерѣдко онъ не выясняетъ ихъ, а даетъ рядъ ни для кого не обязательныхъ оцѣночныхъ сужденій,—больше всего въ отдѣлахъ распредѣленія и потребленія.

Н. Кондратьевъ.

— А. А. Поповъ. Популярныя таблицы по исторіи философіи, составленныя по В. Виндельбанду, кн. С. Н. Трубецкому и др. источникамъ. Петроградъ, 1916. Части первая (древняя и средневѣковая философія) и вторая (новая философія). Цѣна каждой части 75 коп.

На русскомъ языкѣ имѣются уже таблицы по исторіи философіи, именно вышедшія въ 1914 г. въ Казани таблицы К. Сотанина. Работа г. Сотанина состояла изъ пяти сравнительно небольшого формата таблицъ (небольшая пятая таблица была спеціально посвящена русской философіи, чего вовсе нѣтъ у г. Попова), заключавшихъ только имена философовъ и соотвѣтственныя хронологическія даты, при чемъ давалась одновременно и хронологическая классификація, по вѣкамъ (горизонтальныя графы) и систематическая, по направленіямъ (графы вертикальныя). Таблицы г. Попова, въ основномъ, построены по тому же плану. Но, кромѣ именъ философовъ, онѣ содержатъ краткое изложеніе системы наиболѣе видныхъ мыслителей. Таблицы являются, такимъ образомъ, одновременно и конспектомъ. Но это оказывается не плюсомъ, а минусомъ работы г. Попова. Если еще можно дать въ нѣсколькихъ строкахъ изложеніе взглядовъ древнѣйшихъ философовъ—Ѳалеса, Гераклита и пр.,—то это оказывается уже несравненно труднѣе для міровоззрѣнія, скажемъ, Платона, а въ случаѣ Канта приводитъ къ маловразумительному резюме, въ которомъ трудно узнать систему творца критицизма. А между тѣмъ эти изложенія отнимаютъ очень много мѣста, и въ итогѣ таблицы г. Попова, будучи каждая гораздо большей по размѣрамъ — и потому менѣе удобной для пользованія— чѣмъ соотвѣтствующая таблица его предшественника, содержитъ меньше свѣдѣній, чѣмъ послѣдняя. Впрочемъ, неполнота таблицъ г. Попова имѣетъ еще и какой-то другой источникъ: по неизвѣстнымъ соображеніямъ, г. Поповъ выпустилъ цѣлый рядъ именъ философовъ. Но особенно пострадала философія 14 вѣка. Бергсонъ, Больцано, Буль, Брэдли, Джемсъ, Когенъ, Ланге, Лаасъ, Махъ, Риль, Шуппе и т. д. и т. д. — все это не существуетъ для г. Попова, хотя въ его таблицахъ нашлось мѣсто для Фортлои, Чольбе, Гарда, Геккеля, Риккерта, Фулье, П. Рее.

П. Юшкевичъ.

— Воронцовъ. А. Евдокимовъ и А. Петровъ. На пути къ высшей крестьянской школѣ. Москва. 1915.

Вопросъ о начальномъ образованіи взрослыхъ крестьянъ и рабочихъ Россіи находится въ настоящее время на той стадіи развитія,

когда вырабатываются теоретически и практически программы, методы и организаціи этого дѣла и когда оно поэтому способно живо интересовать широкіе слои образованнаго общества. Этому вопросу посвящена и небольшая книжка, указанная въ заголовкѣ настоящей замѣтки, содержащая три статьи, принадлежащія г.г. А. Евдокимову и А. Петрову. Въ статьѣ—«Высшая крестьянская школа на Западѣ» г. Петровъ знакомитъ читателя съ постановкой образованія взрослыхъ крестьянъ главнѣйшимъ образомъ въ Скандинавскихъ странахъ и преимущественно въ Даніи, родоначальницѣ даннаго типа школъ. Характерными чертами ихъ являются индивидуализація школьной организаціи и забота объ общемъ развитіи и моральномъ подъемѣ учащихся. На точкѣ зрѣнія общаго развитія учащихся стоитъ и самъ г. Петровъ въ статьѣ «О методахъ преподаванія въ высшей крестьянской школѣ», въ которой, на основаніи имѣющагося уже опыта и анкеты, произведенной въ народной аудиторіи университета Шанявскаго—высказываются цѣнныя замѣчанія о лекціонной системѣ преподаванія, бесѣдахъ и рефератахъ на высшихъ крестьянскихъ курсахъ. Въ статьѣ г. Евдокимова дается обоснованіе программы высшей крестьянской школы (по типу скандинавской) для мѣстностей съ великорусскимъ населеніемъ, потому что, по мнѣнію автора, крестьянская школа, будучи «лишь звеномъ въ творчествѣ трудовой крестьянской культуры», должна имѣть своеобразные оттѣнки, соотвѣтственно мѣстнымъ и національнымъ особенностямъ различныхъ областей. Программа эта частью уже испытана на практикѣ.

Статья г. Евдокимова вызываетъ возраженіе съ точки зрѣнія внѣшней формы расположенія матерьяла. Авторъ стремится въ ней къ умноженію числа абзацевъ и доходитъ до того, что на цѣлыхъ страницахъ каждая *фраза* (отъ точки до точки) начинается абзацемъ. Это дѣлается, конечно, съ цѣлью облегчить чтеніе, но на самомъ дѣлѣ, устраняя раздѣльные пункты въ развитіи *мысли*, такая система затрудняетъ слѣдованіе за аргументаціей автора и требуетъ отъ читателя большаго напряженія вниманія.

В. В.

— Общеобразовательныя поѣздки въ средней школѣ. Изд. 2-е, Тенишевскаго училища. Съ 19 иллюстр. на отд. лист., 2 діаграммами и картой. Стр. 347. Ц. 1 р. 75 к.

Экскурсіи вошли въ настоящее время въ программу средней школы какъ часть курса. За послѣдніе годы появилось въ общей и

спеціальной литературѣ довольно много матеріала объ организаціи ученическихъ поѣздокъ, но, тѣмъ не менѣе, устроителямъ экскурсій подчасъ приходится положить много труда и времени на устройство этихъ поѣздокъ. Отсутствіе подробныхъ справочниковъ сильно затрудняетъ школьныя прогулки—особенно въ провинціи, гдѣ трудно бываетъ собрать всѣ необходимыя для этого дѣла свѣдѣнія. Отъ преподавателей провинціальныхъ гимназій очень часто можно слышать о всѣхъ затрудненіяхъ, связанныхъ съ организаціей экскурсій. Поэтому, настоящій сборникъ, выпущенный Тенишевскимъ училищемъ, необходимо привѣтствовать, какъ весьма полезное начинаніе въ этой области.

Въ разсматриваемой книгѣ приведены подробныя описанія экскурсій, совершенныхъ учениками Тенишевскаго училища за періодъ съ 1900 до 1911 года. Описанія поѣздокъ сдѣланы преподавателями училища К. П. Ягодовскимъ, Н. Н. Березинымъ, А. Смирновымъ и А. Сахаровымъ. Организованныя училищемъ экскурсіи дѣлятся на 3 типа—общеобразовательнаго характера, естественно-историческаго и гуманитарнаго. По своей продолжительности—экскурсіи начинаются съ прогулокъ въ окрестностяхъ Петрограда и посѣщеній столичныхъ музеевъ и заканчиваются поѣздками на Уралъ, Кавказъ и Крымъ. Описанія поѣздокъ заключаютъ въ себѣ рѣшительно всѣ свѣдѣнія, необходимыя для организаціи экскурсій—съ изложенія преимуществъ того или другого маршрута, стоимости поѣздокъ, указаній на мѣста ночлеговъ и проч., вплоть до объясненій, которыя можно дать участникамъ экскурсій по поводу наблюдаемыхъ явленій или событій. Такимъ образомъ, этимъ справочникомъ съ успѣхомъ могутъ пользоваться, кромѣ школъ, просвѣтительныя общества, частныя лица и проч.

Красною нитью черезъ всѣ описанія экскурсій проходитъ полная неприспособленность нашихъ желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ сообщеній къ такимъ поѣздкамъ. Поэтому, весьма важно обратить вниманіе на всѣ указанія по этому поводу въ справочникѣ—это обстоятельство даетъ возможность пользующимся книгой предвидѣть весьма многое и заранѣе устранить цѣлый рядъ препятствій. Невольно бросается въ глаза разница въ отношеніяхъ къ экскурсантамъ со стороны мѣстной администраціи и населенія у насъ и, напр., въ Финляндіи.

Всѣ школы, ученики которыхъ въ состояніи, по своему матеріальному положенію, совершать описанныя въ этомъ справочникѣ экскурсіи, могутъ воспользоваться сообщенными въ немъ данными. Желательно было бы, чтобы такой справочникъ послужилъ къ объединенію цѣлаго ряда провинціальныхъ училищъ, въ смыслѣ устрой-

ства совмѣстныхъ поѣздокъ, предоставленія школьныхъ зданій для остановокъ экскурсантовъ и т. д. Большую услугу небольшимъ училищамъ съ ограниченными средствами могли бы оказать описанія отдѣльныхъ экскурсій, помѣщенныя въ разсматриваемой книгѣ, изданныя въ видѣ выпусковъ—листовокъ, съ обозначеніемъ стоимости маршрута и всѣхъ расходовъ, связанныхъ съ поѣздкой. Въ такомъ видѣ листовки могли бы пріобрѣтаться учениками, конечно, за незначительную плату. Опытъ нѣкоторыхъ обществъ любителей природы, выпускающихъ такимъ образомъ описанія своихъ экскурсій, показалъ полную цѣлесообразность этого дѣла.

Надо думать, что изданный Тенишевскимъ училищемъ сборникъ займетъ подобающее ему мѣсто въ школьныхъ библіотекахъ и такимъ образомъ будетъ способствовать популяризаціи общеобразовательныхъ экскурсій.

— Изданіе мастерской учебныхъ пособій Бендерскаго земства. А. Грекуловъ. Приготовленіе препаратовъ. Ц. 25 к. А. Грекуловъ. Какъ готовить прозрачные препараты. Ц. 8 к. Н. Н. Жуковъ. Приготовленіе скелетовъ млекопитающихъ. Кошка. Ц. 10 к. Приготовленіе скелетовъ земноводныхъ. Лягушка. Ц. 10 к. Приготовленіе скелетовъ пресмыкающихся. Черепаха. Ц. 10 к. А. Грекуловъ. Какъ дѣлаютъ бумагу. Разсказъ для дѣтей. Ц. 3 к. Какъ добываютъ керосинъ. Ц. 4 к.

Вопросъ объ изготовленіи школьныхъ наглядныхъ пособій, получавшихся до войны преимущественно изъ Германіи, стоитъ въ настоящее время довольно остро. Къ счастью, въ этой области имѣется коррективъ, значительно сглаживающій ея остроту. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, въ связи съ пробужденіемъ интереса къ дѣтской психологіи, дошкольному и внѣшкольному образованію, цѣлый рядъ земствъ, общественныхъ организацій и т. д. приступили къ изготовленію школьныхъ наглядныхъ пособій. Самое важное въ этой новой работѣ заключалось въ ея идейномъ характерѣ—преслѣдовались отнюдь не цѣли наживы и выгоды, а стремленіе дать въ руки народныхъ учителей рядъ доступныхъ методовъ по изготовленію коллекцій, чтобы, такимъ образомъ, каждая школа могла, независимо отъ ограниченности своего бюджета, обзавестись наглядными пособіями. Рядъ съѣздовъ и выставокъ, напр., выставка по устройству и оборудованію школы, бывшая въ Петроградѣ въ 1912 году, съѣздъ по дошкольному и семейному воспитанію въ 1913 году показали, насколько эти начинанія увѣнчались успѣхомъ. Обращали на себя вниманіе на выставкахъ работы Харьковскаго, Вятскаго

земствъ, наглядныя пособія Лиговской безплатной народной библіотеки-читальни и проч. Среди этихъ пособій выдѣлялись также коллекціи и препараты, изготовляемые мастерской учебныхъ пособій Бендерскаго земства. Кромѣ наглядныхъ пособій, это земство издаетъ еще журналъ «Школьныя Экскурсіи и Школьный Музей».

Въ настоящее время Бендерское земство приступило къ изданію небольшихъ руководствъ по изготовленію естественно-историческихъ коллекцій, а также небольшихъ листовокъ съ описаніемъ въ самой популярной формѣ различныхъ техническихъ производствъ, при чемъ эта послѣдняя серія служитъ какъ бы объяснительнымъ чтеніемъ къ выпускаемымъ мастерской коллекціямъ и препаратамъ. Изданные сейчасъ выпуски нужно разсматривать исключительно какъ практическія руководства по приготовленію препаратовъ. Въ качествѣ справочника они не годятся—они заключаютъ въ себѣ лишь короткія, въ сжатой формѣ, указанія на методику и технику изготовленія коллекцій. Съ нѣкоторыми изъ описанныхъ въ нихъ методовъ можно не согласиться, нѣкоторые можно замѣнить болѣе совершенными, но, во всякомъ случаѣ, эти выпуски можно вполнѣ рекомендовать всѣмъ, интересующимся вопросами коллекціонированія. Если принять во вниманіе, что всѣ имѣющіяся въ русской литературѣ руководства подобнаго рода стóятъ гораздо дороже, то, несомнѣнно, эти выпуски окажутся весьма цѣнными для многихъ. Необходимо обратить вниманіе на выпускъ о приготовленіи прозрачныхъ препаратовъ. Такія работы, являющіяся новостью въ коллекціонированіи—авторъ этого способа, проф. Шпальтегольцъ, опубликовалъ свои работы въ 1910 году—еще мало кому извѣстны, и потому необходимо обратить вниманіе читателей на эту брошюру, содержащую въ себѣ описаніе послѣдовательнаго хода работъ по изготовленію прозрачныхъ препаратовъ, съ точными указаніями рецептовъ.

Менѣе благопріятное впечатлѣніе производятъ двѣ послѣднихъ брошюрки, посвященныя бумажному производству и добычѣ керосина. Для самостоятельнаго чтенія онѣ мало пригодны—слишкомъ сжато и схематично описано въ нихъ производство. Если ихъ разсматривать, какъ планъ для тѣхъ объясненій, которыя можно дать дѣтямъ по поводу соотвѣтствующей коллекціи, то въ этомъ отношеніи онѣ могутъ оказаться весьма полезными. Нѣсколько сухое изложеніе можно тогда иллюстрировать примѣрами изъ обыденной жизни и изъ обстановки, окружающей дѣтей.

Въ общемъ, всѣ эти изданія производятъ благопріятное впечатлѣніе и ихъ можно рекомендовать для практическихъ работъ по составленію коллекцій, въ школьномъ и музейномъ дѣлѣ.

Н. Сумъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

А. Н. Анцыферовъ. Очерки по коопераціи. Лекціи и статьи. 2-е изданіе. Москва. 1915.

Эта книга хорошо извѣстнаго русскому читателю вообще и читателю „Вѣстника Европы" въ частности изслѣдователя въ области вопросовъ кооперации (преимущественно сельскохозяйственной) составляетъ переизданіе девяти статей и лекцій, главнымъ образомъ, о сельско-хозяйственной и кредитной кооперации въ Германіи и Россіи съ присоединеніемъ нѣсколькихъ новыхъ краткихъ замѣтокъ (докладовъ), изъ коихъ болѣе значительными или важными для нашей коопераціи можно считать статью о задачахъ центральнаго банка кооперативнаго кредита и способахъ ихъ осуществленія на Западѣ и замѣтки о постановкѣ кооперативнаго образованія съ цѣлью подготовки лицъ для теоретической разработки вопросовъ коопераціи и для практической работы въ кооперативныхъ учрежденіяхъ.

М. Е. Сипюковъ. Чай и наша чайная проблема. Петроградъ. 1915.

Въ этой брошюрѣ обращаетъ на себя вниманіе финансовый разсчетъ относительно правительственной чайной монополіи и свѣдѣнія и соображенія автора относительно чернаго кирпичнаго чая, потребляемаго только въ Россіи. Первоначально такой чай приготовлялся изъ высѣвокъ, получаемыхъ при обработкѣ байховаго чая. Но такъ какъ, будучи обложенъ очень низкой таможенной пошлиной, кирпичный чай получилъ очень широкое распространеніе, то на его приготовленіе стали обращать и низкопробный чайный листъ, отчего качество чая, въ ущербъ его потребителю, сильно понизилось. Для борьбы съ этимъ зломъ авторъ предлагаетъ повысить пошлину на кирпичный и понизить на байховый чай, что поведетъ къ расширенію потребленія послѣдняго и улучшенію качества перваго чая.

В. В.

А. Л. Бемъ. Къ исторіи изученія Толстого. Изд. Русскаго Библіологическаго Общества. Петроградъ. 1916. Ц. не обозн.— Толстовская библіографія за 1913 г. Подъ ред. А. Л. Бема. Изд. Толстовскаго Музея въ Петроградѣ. 1916. Ц. 50 коп.

Литература о Толстомъ уже теперь разрослась до такой степени, что единоличными усиліями слѣдить за нею нѣтъ никакой возможности. Настоятельно необходима нѣкоторая система, объединяющая усилія отдѣльныхъ работниковъ и направляющая ихъ. Руководящая роль въ этомъ отношеніи принята петроградскимъ толстовскимъ обществомъ. А. Л. Бемъ въ брошюрѣ „Къ исторіи изученія Толстого" даетъ весьма полезный и тщательный обзоръ издательской дѣятельности толстовскихъ обществъ, особенно подробно останавливаясь на библіографической дѣятельности ихъ. Авторъ умѣло и точно опредѣляетъ въ обзорѣ библіографическихъ работъ о Толстомъ задачи ихъ и предлагаетъ законченную схему. По этой схемѣ и ведется при Толстовскомъ Музеѣ толстовская библіографія за каждый текущій годъ. Вторая названная брошюра представляетъ систематическій сводъ литературы за 1913 г. Такой же обзоръ за 1912 года былъ напечатанъ въ Толстовскомъ Ежегодникѣ 1913 года. Обзоръ русскихъ книгъ и повременныхъ изданій далъ въ 1913 г. 606 номеровъ (не считая рецензій и перепечатокъ), что одно показываетъ, какъ обширна толстовская библіографія. Обзоры эти—заслуга Толстовскаго Музея въ Петербургѣ. Желательна была бы организація Толстовскими обществами также и сводной библіографической работы о Толстомъ, начиная съ 1852 г., которая замѣнила бы извѣстную книгу Ю. Битовта, неполную, лишенную систематичности и доведенную только до 1903 г.

Ч. В—ій.

В. П. Семенниковъ. Матеріалы для исторіи русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II. Петроградъ. 1915. Стр. 161. Цѣна не обозн.

Составитель книги добросовѣстно и детально изучилъ архивъ конференціи Имп. Академіи Наукъ за время Екатерины II, заключающій множество матеріаловъ для исторіи нашей образованности, литературы и библіографіи, Результатомъ этихъ изученій былъ рядъ работъ, появившихся въ „Русскомъ Библіофилѣ“; онѣ посвящены „собранію, старающемуся о переводѣ иностранныхъ книгъ“, раннему издательскому обществу Новикова, сатирическимъ журналамъ 1769—1844 г.г. Вышедшіе нынѣ отдѣльнымъ изданіемъ „Матеріалы“ также появились сначала приложеніемъ къ „Русскому Библіофилу“. Они распредѣлены по именамъ авторовъ, относительно которыхъ изслѣдователь нашелъ тѣ или другія данныя (главнымъ образомъ о переводахъ). Рядомъ съ именами мало извѣстными, встрѣчаемъ здѣсь такія видныя, какъ И. Ѳ. Богдановичъ, кн. Е. Р. Дашкова, В. Лукинъ, Н. Новиковъ, Радищевъ, Сумароковъ, Фонъ-Визинъ, Чулковъ. Обо всѣхъ нихъ приводятся свѣдѣнія, иногда мелочныя, но въ совокупности любопытныя, характерныя для времени и нравовъ, дополняющія біографію и литературную дѣятельность тѣхъ или другихъ лицъ. Г. Семенникову удается установить, напр., новыя статьи и стихи, направленные противъ французской революціи, и др. Изданіе, какъ всѣ изданія „Русскаго Библіофила“, съ внѣшней стороны превосходно.

Ч. В—ій.

Ѳукидидъ. Исторія. Переводъ Ѳ. Мищенка въ переработкѣ, съ примѣчаніями и вступительнымъ очеркомъ С. Жебелева. 2 тома по 3 руб. за томъ.—Лукіанъ. Т. I. Біографія. Религія. Переводъ подъ ред. Ѳ. Зѣлинскаго и Б. Богаевскаго. Ц. 2 р. 25 к.—Калевала. Финскій народный эпосъ. Переводъ Л. Бѣльскаго. Изд. 2-е. Ц. 3 р.

Всѣ перечисленныя здѣсь новыя книги входятъ въ составъ превосходной серіи „Памятники міровой литературы“, выпускаемой уже не первый годъ московскимъ издательствомъ М. и С. Сабашниковыхъ. Отличные переводы, подписанные видными именами, обстоятельные вводные очерки и статьи и комментаріи, изящная внѣшность и относительная дешевизна дѣлаютъ эти изданія высоко цѣннымъ пріобрѣтеніемъ книжнаго рынка и будутъ содѣйствовать серьезно нашей болѣе глубокой духовной культурѣ. Ѳукидидъ въ особенности любопытенъ для прочтенія въ настоящій моментъ. Трудъ, разсчитанный, по словамъ автора, „не столько на то, чтобы послужить предметомъ словеснаго состязанія въ данный моментъ, сколько на то, чтобы быть достояніемъ на вѣки“, невольно вызываетъ въ умѣ параллели между Англіей и Аѳинами и Германіей и Спартой въ пелопонесскую войну, и можно повторить также нынѣ слова его же объ этомъ геніальномъ произведеніи: „его сочтутъ достаточно полезнымъ всѣ тѣ, которые пожелаютъ имѣть ясное представленіе о минувшемъ, могущемъ повториться когда-либо въ будущемъ въ томъ же самомъ или подобномъ видѣ“.—Переводъ сочиненій Лукіана представляетъ коллективный трудъ членовъ студенческаго общества классической филологіи, существующаго съ 1904 г. при Петроградскомъ университетѣ. Въ такомъ широкомъ объемѣ, какъ нынѣ намѣчено, сочиненія знаменитаго сатирика, поклонника радости бытія и трезваго разума, появляются впервые.—Первый полный переводъ финскаго народнаго эпоса, исполненный вполнѣ литературно и достаточно просто и изящно Л. Бѣльскимъ, удостоенъ Имп. Академіей Наукъ преміи имени Пушкина.—Можно отъ души пожелать выхода дальнѣйшихъ выпусковъ „Памятниковъ міровой литературы“. Серія заслуживаетъ особаго вниманія всѣхъ библіотекъ и цѣнителей всеобщей литературы. Ч. В—скій.

Въ теченіе января мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры:

Адамовичъ, Георгій. Облава. Петроградъ, 1916 г. Цѣна 1 р.

Афанасьевъ, Г. Е. Причины теперешней войны. Кіевъ, 1916 г. Цѣна 60 к.

Бороздинъ, И. Московскій профессоръ-гуманистъ Николай Ильичъ Стороженко. Москва, 1916 г.

Бройдо, М. И. Какъ организовать и вести ссудо-сберегательное товарищество городского типа. Вып. I. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 25 к.

Верхоустинскій, Б. Утренняя звѣзда. Петроградъ, 1916 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Гумилевъ, Н. Колчанъ. Стихи. Петроградъ, 1916 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Дашкевичъ, Л. Выдача въ деревнѣ продовольственнаго пайка семьямъ воиновъ. Москва, 1916 г.

Дембовецкій, В. Тридцать столѣтій назадъ. Ѳеодосія, 1916 г. Цѣна 40 к.

Ефименко, Т. Жадное сердце. Петроградъ, 1916 г.

Каменскій, Василій. Стенька Разинъ. Романъ. Москва, 1916 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Кананова, Зоя. Таинственная жизнь. Этюды. Петроградъ, 1916 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Канаи, И. Польско-еврейскія отношенія. Сборникъ статей. Петроградъ, 1916 г. Цѣна 75 к.

Клейнъ, В. О задачахъ музея слѣпковъ. Пер. В. М. Фриче, пред. Н. В. Самсонова. Москва, 1916 г. Ц. 75 к.

Комаровъ, В. Л. Что сдѣлано въ Россіи въ 1915 году по культурѣ лекарственныхъ растеній. Петроградъ, 1916 г. Цѣна 10 к.

Коробковъ, Х. Г. Экономическая роль евреевъ въ русской лѣсной торговлѣ и промышленности. Петроградъ, 1916 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Лазаревскій, Борисъ. Новыя дѣвушки. Петроградъ, 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.

Локкъ, Уильямъ Дж. Случайность. Романъ. Петроградъ, 1916 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

— Узурпаторъ. Романъ. Петроградъ, 1916 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Марголинъ, М. М. Національное движеніе въ еврействѣ. 1881—1913. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 40 к.

Мейманъ, Эрнестъ. Очеркъ экспериментальной педагогики. Пер. съ нѣм. А. П. Болтунова. Москва, 1916 г. Цѣна 3 р.

Микула, Анатолій. Птица—галка. Стихи. Москва, 1916 г. Цѣна 1 р.

Ремизовъ, Алексѣй. Укрѣпа. Петроградъ, 1916 г. Цѣна 1 р. 75 к.

Рунинъ, Сергѣй. Отклики. № 1—5. Петроградъ, 1916 г. Цѣна 20 к.

Санжаръ, Надежда. Книга о человѣкѣ. Первая. Москва, 1916 г. Ц. 1 р.

Ѳединъ, В. С. А. А. Фетъ (Шеншинъ). Петроградъ, 1916 г. Цѣна 1 р.

Ферсманъ, А. Е. Русскія мѣсторожденія сукновальныхъ глинъ и близкихъ къ нимъ веществъ. Петроградъ, 1916 г. Цѣна 20 к.

Хаитъ, Давидъ. Шрапнель страстей. Одесса, 1916 г. Цѣна 30 к.

Черкасовъ, Вл—міръ. Атмосфера и ея основной процессъ. Петроградъ, 1916 г.

Черный, Борисъ. Вторая тетрадь стиховъ. Москва, 1916 г. Цѣна 25 к.

Чернышевъ, В. Правильность и чистота русской рѣчи. Изд. 3-ье. Петроградъ, 1916 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Шершеневичъ, Вадимъ. Быстрь. Москва, 1916 г. Цѣна 1 р.

— Зеленая улица. Москва, 1916 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

— Автомобильная поступь. Москва, 1916 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Жиловъ, Алексѣй. Знаменитый ученый на службѣ у алкогольнаго капитала. Москва, 1916 г. Ц. 15 к.

Штретеръ, М. В. Пѣсни чижика. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 90 к.

Юркунъ, Юр. Разсказы. Петроградъ, 1916 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Война, еврейство и Палестина. Сборникъ статей. Изд. 10-ое. Петроградъ, 1916 г. Цѣна 15 к.

Вопросъ о совмѣстномъ обученіи при совѣтѣ экспериментальной психологіи. Подъ ред. А. П. Нечаева. Петроградъ, 1916 г. Цѣна 50 к.

Вопросы колонизаціи. Подъ ред. Г. Ф. Чиркина и Н. А. Гаврилова. № 18. Петроградъ, 1916 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Ежегодникъ министерства финансовъ. Вып. 1915 года. Петроградъ, 1915 г.

Кинешемскій календарь-ежегодникъ на 1916 годъ. Кинешма, 1916 г. Цѣна 35 к.

Обзоръ дѣятельности городскихъ попечительствъ о бѣдныхъ за первый годъ войны 1914—1915. Сост. Л. Я. Гуревичъ. Петроградъ, 1915 г.

Письма и бумаги Суворова. Т. I. Письма 1764—1781 г.г. Объяснилъ и примѣчаніями снабдилъ В. Алексѣевъ. Петроградъ, 1916 г. Цѣна 5 р. 50 к.

Сказки. Утѣхи досужія. Петроградъ, 1916 г. Цѣна 2 р.

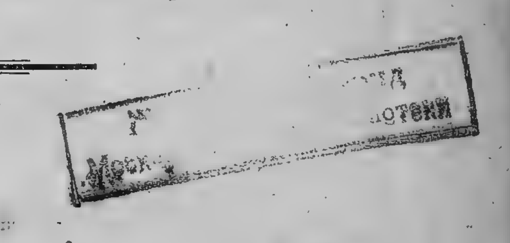
Труды Костромского Научнаго Общества. Вып. III и IV. Кострома, 1915 г.

Труды Совѣщанія земскихъ и городскихъ статистиковъ 21—28 ноября 1915 г. въ Москвѣ. Вып. I, II и III. Москва, 1916 г.

Belsky, E. Le socialisme autrichienne et la guerre. Paris, 1915. Prix 50 c.

Faria de Varsoncellos, A. Une école nouvelle en Belgique. Préface de ch. Adolphe Ferrière. Neuchatel, 1916. Prix 3 fr.

Lifschitz, F. Russland. Zürich, 1916. Pr. 3 fr. 50 c.



Издатель: М. М. Ковалевскій.

Ред.: К. К. Арсеньевъ. Д. Н. Овсянико-Куликовскій. А. С. Посниковъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ на 1916 годъ.

(Пятьдесятъ первый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ НАУКИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ,

издаваемый **М. М. КОВАЛЕВСКИМЪ** и **Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКИМЪ**, подъ редакціей **К. К. АРСЕНЬЕВА, Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКАГО** и **А. С. ПОСНИКОВА**,

при ближайшемъ участіи

И. В. ЖИЛКИНА, М. М. КОВАЛЕВСКАГО, Н. А. КОТЛЯРЕВСКАГО, В. Д. КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА, А. А. МАНУИЛОВА, М. А. СЛАВИНСКАГО, Л. З. СЛОНИМСКАГО и К. А. ТИМИРЯЗЕВА.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:	По четвертямъ года:
Безъ доставки, въ Конторахъ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.
Въ Петроградѣ и Москвѣ, съ доставкою	16 » — »	8 » — »	4 » — »
Въ друг. городахъ, съ перес.	17 » — »	8 » 50 »	4 » 25 »
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 » — »	9 » 50 »	4 » 75 »

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою, 1 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ ПЕТРОГРАДѢ:

въ Главной Конторѣ журнала, Моховая, 37, въ книжныхъ магазинахъ: „Новаго Времени", Невскій, 40, Березовскаго, Колокольная, 14. Т-ва М. О. Вольфъ, Невскій, 13, и въ Гост. Дворѣ.

ВЪ КІЕВѢ

въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33. Л. Идзиковскаго, Крещатикъ, 29.

ВЪ МОСКВѢ:

въ Отдѣленіи Конторы журнала: Тверской бульв., 15, въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

въ книжн. магаз. «Образованіе», Ришельевская, 12; въ книжн. магаз. «Одесскихъ Новостей», Дерибасовская, 20; въ книжн. магаз. «Трудъ», Дерибасовская, 25.

Примѣчаніе.—1) Почтовый адресъ долженъ быть написанъ четко и заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію и точное названіе мѣста жительства и губерніи. Если въ мѣстѣ жительства подписчика *нѣтъ почтоваго учрежденія, гдѣ допускается выдача журналовъ, необходимо указать ближайшее почтовое учрежденіе, гдѣ таковая выдача производится.*—2) Перемѣна адреса должна быть сообщена Главной конторѣ журнала *не позже 26-го числа каждаго мѣсяца, съ указаніемъ прежняго адреса*; перемѣна адреса, поступившая въ Контору послѣ 26-го, дѣлается лишь со слѣдующаго очередного номера. За перемѣну адреса городского на иногородній уплачивается одинъ рубль; въ остальныхъ случаяхъ (съ иногороднаго на иногородный, иногороднаго на городской) за перемѣну адреса никакой платы не взимается.—3) Жалобы на неисправность доставки посылаются исключительно въ Главную Контору журнала и, согласно циркуляру Почтоваго Департамента, *не позже полученія слѣдующей книжки журнала.* Жалобы, поступившія позже этого срока, равно какъ и жалобы на неполученіе книжки, *вслѣдствіе несвоевременнаго заявленія о перемѣнѣ адреса*, оставляются Конторою безъ вниманія.—4) При доплатной подпискѣ необходимо указывать свой точный адресъ и фамилію, а также и *прежній адресъ*, если предшествовавшая взносу книжка получалась подписчикомъ по иному адресу.—5) Подписныя квитанціи высылаются Главною Конторою только тѣмъ изъ иногороднихъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. (можно и почтовыми марками).

РЕДАКЦІЯ и ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ".

Моховая, 37.

МОСКОВСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ: Тверской бульв., 15.

